

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, сентября 7-го.

Содержаніе: По вопросу о предсѣдательствѣ въ церковно-приходскихъ попечительствахъ.—Постоянныя школьныя дачи при мужскихъ духовныхъ училищахъ, ихъ устройство и организація (окончаніе).—Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ (продолженіе).—Замѣтка о печатяхъ для просфоръ.

По вопросу о предсѣдательствѣ въ церковно-приходскихъ попечительствахъ.

Въ свое время мы высказали мысль, что законными и желательными предсѣдателями церковно-приходскихъ попечительствъ могутъ быть только приходскіе священники („Церковный Вѣстникъ“ 1898 г., № 35). Эта мысль встрѣтила сочувственный отзывъ. „Одинъ изъ многихъ жаждущихъ правды“ высказалъ, что эта „мысль глубоко вѣрная и симпатичная“ („Церк. Вѣстн.“, 1899 г., № 35); но нѣкоторые держатся противоположнаго взгляда. Такъ, въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ за 1900 г. (№ 10) говорилось, что было бы преждевременно предсѣдательство въ церковно-приходскихъ попечительствахъ

предоставить исключительно приходскимъ священникамъ, причемъ кандидатами въ предсѣдатели попечительствъ указаны землевладѣльцы—помѣщики и вообще наиболѣе вліятельные и достаточные люди въ приходѣ. Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся рѣшить затронутый вопросъ на основаніи жизненныхъ указаній, имѣя въ виду возраженія противъ предсѣдателей-священниковъ и мотивы въ пользу свѣтскихъ предсѣдателей попечительствъ.

Говорятъ, что гдѣ предсѣдатели попечительствъ священники, тамъ пожертвованій въ пользу попечительствъ меньше, а гдѣ свѣтскіе предсѣдатели, тамъ пожертвованій больше. Отсюда, естественно, выводятъ, что предсѣдатели должны быть не духовные, а свѣтскіе. — Но большее или меньшее количество пожертвованій въ пользу попечительствъ зависитъ не отъ званія предсѣдателя, изъ духовныхъ онъ или изъ свѣтскихъ, а отъ взгляда его на свои обязанности и отъ усердія. Свѣтскія лица главною обязанностию считаютъ свою спеціальность: чиновники — исполненіе чиновничьихъ обязанностей, помѣщики—заботу о землѣ, купцы—торговлю, цѣховые—заработокъ; все, не относящееся къ ихъ спеціальности, считается дѣломъ второстепеннымъ. Естественно, что къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ они относятся усердно, а къ второстепеннымъ—такъ себѣ, а иногда даже нерадиво. Предсѣдательство въ приходскихъ попечительствахъ свѣтскими лицами считается именно дѣломъ второстепеннымъ; объ усердіи ихъ въ этомъ дѣлѣ говорить не приходится, такъ какъ оно весьма рѣдко или же бываетъ только въ первое время. Совершенно иначе относятся къ предсѣдательству въ попечительствахъ священники. Это объясняется тѣмъ, что спеціальность, такъ сказать, священника и задачи попечительствъ имѣютъ между собою тѣсную связь. По *Положенію*, попечительства обязаны заботиться о построеніи, ремонтѣ и содержаніи церквей, церковныхъ строеній, о матеріальномъ положеніи причта, о средствахъ на открытіе школъ, богадѣлень и другихъ благотворительныхъ заведеній, о помощи бѣднымъ и содержаніи въ

порядкѣ кладбищъ. Заботы обо всемъ этомъ, развѣ кромѣ аптеки, ставятся и священнику. Потому-то, священникъ смотритъ на дѣятельность въ попечительствѣ, какъ на прямую свою обязанность; забота его о дѣлахъ попечительства есть вмѣстѣ забота объ овцахъ своей паствы. Отсюда понятно и усердіе священника въ качествѣ дѣятеля въ приходскомъ попечительствѣ. Такимъ образомъ, мысль, что при свѣтскихъ предсѣдателяхъ будетъ больше пожертвованій въ пользу попечительствъ, оказывается какимъ-то недоразумѣніемъ, „сладкой мечтой“.

Говорятъ, далѣе, что если священники будутъ сдѣланы предсѣдателями приходскихъ попечительствъ, то помѣщики не пожелаютъ участвовать въ попечительствахъ въ качествѣ второстепенныхъ членовъ. — На это слѣдуетъ сказать, что времена крѣпостного права, когда надъ всѣмъ и во всемъ властвовали помѣщики, миновали. Нынѣ мы видимъ, что помѣщикъ и простолюдинъ сидятъ рядомъ при рѣшеніи земскихъ дѣлъ (гласные); видимъ, что они же сидятъ рядомъ и въ судѣ (присяжные). Если законъ сравнилъ бывшихъ господъ и крѣпостныхъ, то что низкаго будетъ въ томъ, когда помѣщикъ и въ собраніи попечительства сядетъ рядомъ съ простолюдиномъ, какъ простой членъ попечительства? Если у помѣщика есть усердіе, то что мѣшаетъ ему выдвинутся изъ ряда другихъ членовъ попечительства матеріальными пожертвованіями или личными трудами на пользу попечительства? Здѣсь умѣстно привести русскую поговорку: „не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто“. При усердіи къ службѣ и на самомъ послѣднемъ мѣстѣ можно принести очень большую пользу. Укажемъ для примѣра на попечителей школъ, занимающихъ совсѣмъ не первое мѣсто: извѣстно, въ какія тѣсныя рамки заключены ихъ права, а вѣдь они приносятъ много пользы. Также блюстители по хозяйственной части въ духовно-учебныхъ и другихъ заведеніяхъ не первое мѣсто занимаютъ, а весьма полезны, и начальство не оставяетъ ихъ усердія безъ вниманія. Почему этого не имѣть въ виду тѣмъ

свѣтскимъ дѣателямъ, которые въ дѣлахъ приходскихъ попечительствъ стремятся быть на первомъ мѣстѣ?..

Говорятъ еще, что священники не приобрѣли должнаго авторитета, чтобы быть предсѣдателями приходскихъ попечительствъ. — По нашему мнѣнію, это возраженіе не имѣетъ подъ собою рѣшительно никакой почвы. Каждый священникъ обязанъ учить своихъ пасомыхъ словомъ и дѣломъ, совершать для нихъ таинства и руководить ими по пути совершенства. Въ неуклонномъ и усердномъ исполненіи этихъ обязанностей и состоитъ авторитетъ священника.

Указываютъ на молодость, неопытность нѣкоторыхъ священниковъ. Но этимъ авторитетъ не роняется: у него имѣются совѣтники въ лицѣ епархіальнаго архіерея, мѣстнаго благочиннаго, а также собратьевъ-священниковъ.

Указываютъ на зазорную иногда жизнь духовенства. Не отрицая этого печальнаго явленія, скажемъ, что примѣры зазорной жизни духовенства весьма рѣдки, и авторитетъ пастырства чрезъ это не унижается. Если священникъ ведетъ себя зазорно, то народъ не теряетъ убѣжденія, что онъ все-таки „приставленъ къ дѣлу“, что его нужно слушаться, пока начальство „не отмѣнитъ“.

Спрашивается: помимо священника обладаетъ ли кто изъ прихожанъ такимъ авторитетомъ? — Рѣшительно никто. Правда, пользуются авторитетомъ и помѣщики. Но авторитетъ священника и помѣщика совершенно различны: первый исходитъ свыше (хиротонія) и основывается на „божественномъ“; второй приобретается чрезъ наслѣдство или покупку и основывается всецѣло на имущественномъ цензѣ (землѣ). Почему прихожане по слову священника несутъ часто послѣдній грошъ на храмъ, богадѣльню и др. богоугодныя заведенія? — Потому, единственно, что этимъ даютъ взаймы Богу, стараются „для Бога, для своей души“. А почему прихожане помѣщику даромъ землю пашутъ, на его поле изъ своихъ дворовъ навозъ возятъ, косятъ, жнутъ, правятъ за него дорожную и мостовую повинности и т. д.? — Дѣлаютъ они это

единственно изъ боязни, что помѣщикъ будущимъ лѣтомъ не дастъ имъ пастбища для скота, и они, за неимѣніемъ собственнаго пастбища, должны будутъ продать и лошадей, и коровъ, и овецъ, словомъ— всю „животину“. Крестьянинъ разсуждаетъ, что хотя и дорого приходится ему господское пастбище, но за то у него будетъ свое и молоко, и масло, и мясо къ празднику, и шерсть, и овчина, и лошадь для работы, и подростки изъ скотины; очевидно, выбирается меньшее зло.

Таковъ-то помѣщичій авторитетъ. Допустимъ, что этотъ авторитетъ будетъ дѣйствовать въ дѣлахъ приходскихъ попечительствъ. Что будетъ зло отъ этого, сомнѣнія нѣтъ, а будетъ ли добро—сомнительно. Впрочемъ, примѣры говорятъ яснѣе словъ. Одинъ помѣщикъ возымѣлъ доброе намѣреніе купить домъ для жительства священника, такъ какъ въ селѣ чрезъ это и священника не было. Домъ купленъ не особенно далеко, требуется перевезти на мѣсто. Помѣщикъ предлагаетъ сдѣлать это крестьянамъ. Послѣднимъ, конечно, ничего не стоило бы перевезти, но кто-то подалъ мысль, что перевозка дома—дѣло небольшое, и если баринъ не пожалѣлъ денегъ на покупку дома, то на перевозку и подавно не пожалѣетъ. Помѣщику въ просьбѣ отказано. Тогда помѣщикъ сказалъ, что если крестьяне не перевезутъ дома, онъ не дастъ имъ пастбища. Угроза не подѣйствовала. Приходитъ весна, а за нею и лѣто. Крестьянская скотина пасется прямо-таки въ селѣ. Помѣщикъ, видя трудное положеніе сельчанъ, объявляетъ, что если перевезутъ купленный домъ, то дастъ имъ пастбище. Озлобленные крестьяне наотрѣзъ отказались. Дѣло кончилось тѣмъ, что помѣщикъ на свой счетъ перевезъ домъ, а на слѣдующій годъ самъ вынужденъ былъ сдать крестьянамъ пастбище.—А вотъ и другой примѣръ. Въ собраніи церковно-приходскаго попечительства рѣшается вопросъ о средствахъ на покупку колокола. Одинъ изъ членовъ говоритъ, что слѣдовало бы написать мѣстному помѣщику; церковный староста поддерживаетъ его, говоря, что помѣщикъ „насъ по-

жалѣть“, т. е. дать денегъ на колоколь. „Пожалѣть онъ насъ на мельницѣ-то: раньше помолу брали 20 фунтовъ съ четверти, а онъ уставилъ 30 ф.“, сказалъ другой членъ. Раздался хохотъ. Деньги рѣшено было собрать съ однихъ прихожанъ, не обращаясь къ помѣщику за помощью.—Вотъ и еще примѣръ. Въ одномъ селѣ помѣщикъ выстроилъ зданіе для церковно-приходской школы стоимостью до пяти тысячъ руб. Но крестьянское общество отказалось принять зданіе, боясь, что имъ придется заплатить помѣщику стоимость его. Убѣжденія священника и угрозы полиціи на крестьянъ не подѣйствовали.—Фактъ этотъ многимъ покажется страннымъ, но на самомъ дѣлѣ тутъ страннаго ничего нѣтъ. Въ подобныхъ случаяхъ помѣщики если и не требуютъ полной уплаты израсходованной суммы, то все же хотя нѣкоторой части ея, при чемъ дѣло ставится такъ, что крестьяне приходятъ благодарить помѣщика (напр., за устройство школы) и обѣщаютъ сжать или свозить известное число десятинъ ржи или овса. Обрадованный помѣщикъ даетъ имъ на водку. За то же „пожертвованіе“, кромѣ даровой работы, помѣщикъ получаетъ „благодарность“ отъ начальства. Совмѣщеніе этихъ „благодарностей“ есть вопіющая несправедливость, роняющая авторитетъ жертвователей. Крестьяне хорошо понимаютъ, что подобные „жертвователи“ имѣютъ въ виду не Бога, не свою душу, а корыстные расчеты. Отсюда происходитъ неуваженіе къ нимъ и даже отвращеніе. Естественно, что назначеніе подобныхъ „жертвователей“ предсѣдателями церковно-приходскихъ попечительствъ нанесетъ дѣлу послѣднихъ сильный ущербъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о предсѣдательствѣ въ приходскихъ попечительствахъ, на основаніи опыта и жизненныхъ указаній, долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что предсѣдателями попечительствъ естественнѣе, полезнѣе для дѣла и лучше всего быть именно приходскимъ священникамъ.

Свящ. А. Артоблевскій.

Постоянныя школьныя дачи при мужскихъ духовныхъ училищахъ, ихъ устройство и организація.

(Практическія замѣтки).

У.

Помѣщеніе для постоянной училищной дачи. Его постройка; службы при дачѣ. Средства для постройки. Внутреннее убранство дачи; мебель, посуда, дворъ для игръ. Замѣчаніе о практическихъ при дачѣ занятіяхъ ремеслами.

Дача училищная должна находиться въ предѣлахъ своей епархіи. Нахожденіе дачи въ предѣлахъ чужой епархіи не удобно потому, что чрезъ это дачники входятъ въ область другого епархіальнаго начальства, и, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, дѣло значительно осложнится. Нахожденіе же въ своей епархіи облегчаетъ, сверхъ всего, и благопріятное рѣшеніе вопроса объ участкѣ земли: легко устроить, что земля будетъ причтовая и будетъ уступлена мѣстнымъ причтомъ бесплатно съ согласія епархіальнаго начальства. Такъ и было сдѣлано при устройствѣ дачи Александро-Невскаго духовнаго училища: причтъ уступилъ до 400 сажень хорошей причтовой земли, лучшее мѣстечко въ селѣ, подлѣ церкви. Земля эта чрезъ консисторію утверждена за правленіемъ на все время, пока будетъ существовать дача; только въ случаѣ прекращенія дачи, по усмотрѣнію училищнаго съ соизволенія епархіальнаго начальства, земля должна возвратиться къ причту.

Но на постройку дачи необходимы средства: откуда ихъ взять? У насъ чуть что-либо новое устраивается, прежде всего взоры обращаются на благотворителей. Этотъ источникъ для устройства дачъ не желателенъ. Дарственныя суммы могутъ быть находимы не легко въ потребномъ количествѣ, да и прибѣгать къ нимъ, безъ согласія духовенства, не удобно. При устройствѣ дачи Александро-Невскаго училища было посту-

плено такъ. Въ докладѣ на имя Его Высокопреосвященства училищное правленіе, согласно предложенію смотрителя училища, о средствахъ излагало: что касается средствъ на постройку, дачи, то изыскать ихъ можно *троякимъ* путемъ: а) путемъ устройства какого-либо благотворительнаго при училищѣ общества, б) путемъ сднновременнаго обращенія къ благотворителямъ или в) путемъ испрошенія особаго кредита отъ духовенства на этотъ предметъ. Устройство благотворительно-вспомогательнаго учрежденія не практично: дѣло сначала вызоветъ притокъ средствъ, но потомъ этотъ притокъ ослабнетъ и преемникамъ учредителей съ обществомъ будутъ только хлопоты и заботы. Проще сднновременно обратиться за помощью къ жертвователямъ. Но сдѣлать этого безъ сѣзда духовенства не возможно. Дѣти—духовенства, духовенство ихъ и содержать, и мы, для улучшенія ихъ быта, не можемъ обратиться къ частнымъ источникамъ; не испросивъ на это согласія сѣзда. Но духовенство не настолько бѣдно, чтобы отказать въ этой нуждѣ и допустить обращеніе съ просьбами, такъ унижительными и тяжелыми. Поэтому, по вопросу о средствахъ на постройку своего дачнаго дома слѣдуетъ обратиться къ ближайшему сѣзду духовенства. Въ сентябрѣ 1902 года сѣздъ состоялся. Выслушавъ личный докладъ смотрителя училища, сѣздъ духовенства оказался на высотѣ своего призванія. За неимѣніемъ средствъ, оставивъ до слѣдующаго раза удовлетвореніе такихъ нуждъ училища, какъ устройство электричества и ремонтъ лазарета, онъ на устройство дачи ассигновалъ сднновременно *четыре* тысячи рублей, ту самую сумму, какую и испрашивало училищное правленіе. Фактъ знаменательный, особенно если принять во вниманіе, что тогда было еще предложеніе и преемниковъ о. Алексѣя Колоколова по управленію основанныхъ имъ благотворительныхъ учреждений—брать учениковъ лѣтомъ и впредь на островъ о. Алексѣя въ его имѣніе; и это предложеніе осталось не принятымъ. Столичное духовенство, понимая пользу дачи, живо откликнулось на просьбу училища. Несомнѣнно, и ду-

ховенство другихъ епархій не отнесется безучастно къ этому дѣлу и поможетъ своими средствами устроить дачное помѣщеніе. Въ другихъ же городахъ это легче и сдѣлать: и стоять будетъ дешевле, и учениковъ меньше. А если устраивать дачу при монастырѣ, то расходовать будетъ тогда еще меньше.

При постройкѣ дачи или приспособленіи готоваго зданія въ отношеніи помѣщеній нужно имѣть въ виду слѣдующее. Необходима большая комната, которая бы служила ученикамъ и занятною и столовою. Если зданіе строится вновь, то нужно, принимая во вниманіе склонность дѣтей побѣгать и повозиться, подъ каждою балкою ставить по одному-двумъ *стульямъ* (подпоры, столбики въ толщину дерева). Необходима комнатка для надзирателя и начальства вообще, а также маленькая зала, гдѣ бы можно было принять, въ случаѣ посѣщенія, кого-либо изъ родственниковъ или переговорить по дѣлу съ священникомъ и т. п.; наконецъ, необходима, разумѣется, кухня. Спальныя удобнѣе дѣлать наверху. При дачѣ необходимы: ледникъ, сарай для дровъ, яма, если рѣка не близко — колодезь, баня (вмѣстѣ и прачечная), кладовка. Дачу съ постройками полезно обнести глухимъ заборомъ съ замыкающимися воротами и калиткою. Около нея — садикъ и огородецъ, мѣсто для игры въ крокетъ, городки, мячъ и для гигантскихъ шаговъ и трапецій. Въ устройствѣ внутренности зданія, въ цѣляхъ сбереженія тепла зимою и весною, хорошо дѣлать входъ чрезъ сѣни въ столовую и изъ всѣхъ другихъ комнатъ, кромѣ кухни, которая должна имѣть *два* входа — въ столовую и черный ходъ (въ ту же столовую). Если спальныя въ верхнемъ этажѣ, оттуда необходимо имѣть *два* особые хода на улицу чрезъ общія съ нижнимъ этажемъ крыльца. Это нужно на случай пожара. Само собою понятно, зданіе и все находящееся въ немъ имущество страхуется въ соответствующей суммѣ. Вопросъ объ охранѣ зданія въ отсутствіе учениковъ рѣшается сообразно съ мѣстными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особыми условіями. Убранство дачи имѣетъ важное значеніе. Семейный характеръ дачной обстановки благо-

творно дѣйствуетъ на дѣтей. Живя не разъ уже съ дѣтьми на дачѣ, мы видѣли, какъ ихъ трогаетъ домовитость. Поэтому, все надобно устраивать поуютнѣе; въ каждой комнатѣ должна быть икона съ кіотомъ и лампадкою, которую нужно теплить, по крайней мѣрѣ, хотя наканунѣ и въ самые праздники и воскресные дни. Окна слѣдуетъ украшать шторами, стѣны—портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ, мѣстнаго преосвященнаго и др. т. п. Лампы должны быть чистыя и соотвѣтствующія комнатному объему. Мебель—простая, такіе же столы и скамейки. Для одежды и бѣлья—особые шкафы, для грязнаго бѣлья—особый ларь на чердакѣ. Посуда—простая, но приличная: для чая—чашки, а не казенныя кружки; тарелки и прочая посуда—также приличная, хотя и не дорогая. Клозеты необходимо устраивать въ капитальныхъ стѣнахъ, недалеко отъ нихъ и умывальники.

Что касается того, не полезно ли при дачахъ завести ремесла: токарное, переплетное, столярное и т. п., то мы держимся безусловно отрицательнаго взгляда. Не говоря уже о необходимости на это затрать, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, будетъ ли учитель ремесла, или нѣтъ. Если будетъ, трудъ будетъ подневольный для дѣтей и отравитъ минуты отдыха; если учителя не будетъ, пользы будетъ мало отъ этихъ занятій. Въ всякомъ случаѣ, эти занятія отнимали бы время у дѣтей отъ прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ, а много практической пользы не принесли бы. Еще не практичнѣе при дачахъ устраивать ремесленныя отдѣленія для уволенныхъ изъ училища питомцевъ. Такіе классы могутъ быть устраиваемы отдѣльно гдѣ-либо, а не подлѣ дачи: присутствіе этихъ дѣтей и юношей свело бы къ отрицательнымъ результатамъ всѣ задачи воспитательныя, какія только имѣлись въ виду при устройствѣ дачи. Нельзя сочувствовать и мысли о заведеніи при дачѣ своего хозяйства: лошадей, коровъ, овецъ и т. п. Все это покажется практичнымъ, но только на первый взглядъ. При болѣе внимательномъ изученіи дѣла окажется, что все это будетъ стоить дороже, чѣмъ когда пользоваться

услугами сосѣднихъ крестьянъ. Вѣдь пришлось бы при заведеніи хозяйства держать и постоянную прислугу для ухода за скотомъ, а какъ наша прислуга заботится о хозяйствѣ безъ постоянного призора хозяевъ, извѣстно каждому семьянину; необходимы были бы также хозяйственные постройки, достаточные запасы сѣна, овса и т. д., обработка земли, къ свою очередь, потребовала бы расходовъ. Довольно, если при дачѣ будетъ небольшой огородецъ. А погрести сѣна, повозить, складывать сноповъ, покосить овощей—все это дѣлать могутъ, помогая по хозяйству, когда будетъ расположеніе, и на селѣ, а всего ближе у мѣстаго священника.

Оканчивая рѣчь о школьно-дачной постройкѣ, мы, для иллюстраціи, опишемъ планъ первой такой постройки—дачи Александро-Невскаго СІВ. духовнаго училища, которая устроена уже теперь въ Теофиловой пустыни. Главное зданіе—въ два этажа. Въ нижнемъ комнаты: столовая-заятная (объемъ ея $3 \times 4\frac{1}{2}$ с. при высотѣ $4\frac{1}{2}$ аршина), снаружи—терраса. Въ эту комнату ведутъ пять дверей: входныя, изъ залы, изъ кухни, изъ надзирательской и изъ комнаты для смотрителя. Двери изъ внутреннихъ комнатъ расположены симметрично. Въ комнатѣ шесть оконъ, по три съ каждой боковой стороны. На окнахъ шторы. Въ простѣнкахъ портреты: Ихъ Императорскихъ Величествъ, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія, преосв. еп. Константина, протоіереевъ: о. Іоанна Кронштадтскаго, о. Алексѣя Колоколова и нѣк. др. и часы. Въ большомъ углу образъ Покрова Божіей Матери, вверху и внизу: св. Благов. вел. князя Александра Невскаго, преп. Теофила, Омучскаго чудотворца и среди нихъ—св. Павла Исповѣдника, патріарха Цареградскаго (храмовой училищный святой), подъ большимъ зеркальнымъ стекломъ въ кіотѣ и съ массивною лампадою. Предъ образомъ аналойчикъ для чтенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Лампада горитъ неугасяемо во все время пребыванія учениковъ. На срединѣ стѣны художественная картина явленія ангела пр. Пахомію. Двери изъ боковыхъ комнатъ открываются внутрь ихъ,

а не въ столовую. Столовая—занятная изъ мебели имѣеть только столы и скамейки. Въ залу, освѣщаемую однимъ венеціанскимъ окномъ, входъ изъ столовой, слѣва отъ входа въ столовую. Въ этой комнатѣ объемъ равенъ 2 с. \times 1 $\frac{1}{2}$ с. при общей высотѣ, ранѣе указанной. Въ этой какъ и въ прочихъ комнатахъ—образъ и портреты. Диванъ, круглый столъ и стулья. На окнѣ, какъ и вездѣ въ комнатахъ, штора. Влѣво отъ входа, вдоль глухой стѣны, вплотную къ ней, во всю длину комнаты устроены шкафы съ отдѣленіями на 40 человѣкъ, по 5 отдѣленій въ высоту и по 8 въ длину. Въ этихъ отдѣленіяхъ дѣти держатъ книги и мелочи. Замковъ нѣтъ, а только задвижки. Дверцы шкафовъ лакированны, и шкафы нисколько не портятъ вида комнаты. Направо отъ входа въ столовую и противъ зала двѣ одинаковыя комнаты—для надзирателей и смотрителя. Въ комнатѣ надзирателя—особый шкафъ, гдѣ хранится особая ученическая для чтенія библиотечка. Въ обѣихъ комнаткахъ въ углахъ небольшія шкафчики (въ формѣ трехугольниковъ, при чемъ двѣ стороны—стѣны) для платья и полотенца. Въ кухнѣ шкафъ съ посудой, а для спанья прислуги—антресоли. Плита и русская печь для печенія хлѣба—во флигль, гдѣ есть еще 3 запасныхъ комнаты. Въ комнатахъ начальства два простенькихъ письменныхъ столика съ двумя ящиками самаго простого устройства. Для верхняго платья въ сѣняхъ, налѣво отъ входа, вверху вѣшалки. На второмъ этажѣ спальня—числомъ *три* и надзирательская спальня съ шкафами у одной стѣны для бѣлья и всего прочаго, устроенными по образцу нижнихъ шкафовъ. Клозеты въ рубленыхъ стѣнахъ, при чемъ вверху умывальникъ для дѣтей, налѣво отъ клозета, устроенный такъ, что вода стекаетъ въ клозетъ же. То же и внизу (подъ лѣстницею для прислуги). Клозеты простого обычно-школьнаго устройства, безъ воды. На чердакѣ кладовка. Подлѣ дома: помойная яма, ледникъ, сарай для дровъ, колодезь и *дѣтъ* будки въ углахъ для собакъ. Всѣ строенія обнесены глухимъ заборомъ вышиною болѣе сажени. Во-

рота и калитка запираются на ночь. Предполагается къ разбивкѣ садикъ, и весь участокъ обносится лѣсною лентою. Бани пока наемная особо, на берегу рѣчки.

VI

Средства содержанія учениковъ на дачѣ. Сроки пребыванія учениковъ на дачѣ. Отъѣздъ изъ училища. Постановна экономической части дачной жизни. Руководственныя на сей случай правила.

На дачѣ воспитанники проводятъ: рождественскія, пасхальныя и лѣтнія вакаціи, а когда и гдѣ возможно, то и масленую и первую недѣлю Великаго поста. Правда, § училищнаго устава требуетъ говѣнія въ училищной церкви, но съ устройствомъ дачъ, быть можетъ, будетъ найдено возможнымъ этотъ § измѣнить съ допущеніемъ разрѣшенія отпуска при наличности дачи. Среднимъ счетомъ воспитанники будутъ проводить на дачѣ лѣтомъ *два мѣсяца, три недѣли* почти о Рождествѣ и *два* о Пасхѣ; итого, свыше трехъ мѣсяцевъ. Содержаніе воспитанниковъ пищею съ чаемъ, сахаромъ и булками, — и помѣщеніемъ: отопленіемъ, освѣщеніемъ, водою, банею, уничтоженіемъ нечистотъ, не дороже будетъ стоить, чѣмъ въ училищѣ. Новой статьей расхода будутъ только разѣзды. На этотъ предметъ духовенство не откажется дать особую ассигновку. Въ большихъ же училищахъ эти расходы покроются обычными училищными суммами. Такъ, въ Александро-Невскомъ училищѣ всѣ дачныя расходы покрываются сполна и менѣе, чѣмъ въ годъ: черезъ дачу въ 1902 г. получено сбереженіе не менеѣ 1500-2500 р. Образуется такая экономія чрезъ сокращеніе расходовъ по отопленію зданій и сокращеніе, за отсутствіемъ учениковъ, топки бани, сокращеніе расходовъ за воду, освѣщеніе, а также чрезъ уборку снѣга посредствомъ прислуги, безъ найма особо подрядчика, сокращеніе числа прислуги и т. п. Такимъ образомъ, за средствами остановки не можетъ быть. Важное значеніе имѣетъ постановка дѣла отправки учениковъ изъ училища, которая должна быть обставлена прилично. За время отсутствія учениковъ училищ-

ныя зданія должны быть *прочищены* основательно. Относительно всего этого мы можемъ дать такіе совѣты.

Родители воспитанниковъ должны заблаговременно каждый годъ при началѣ ученія заявить начальству училища: будутъ или нѣтъ—и почему—брать дѣтей къ себѣ на праздники и на какіе именно.

Заблаговременно составляется списокъ ѣдущихъ на дачу каждый разъ. По этому списку готовится платье, обувь и бѣлье (послѣднее въ количествѣ не менѣе 3 паръ), и составляется, по соображенію съ мѣстными дачными условіями, расписаніе стола ученикамъ на дачѣ, количество потребнаго расхода, опредѣляется сумма дорожныхъ расходовъ. При этомъ порціи учениковъ для стола берутся въ удвоенномъ противъ обычнаго размѣрѣ. Посты на дачѣ строго соблюдаются.

Отправляются воспитанники на дачу на паракодѣ, по желѣзной дорогѣ, на лошадахъ, ни въ какомъ случаѣ не пѣшкомъ, равно на лошадахъ и до вокзала. Никакихъ вещей съ воспитанниками, кромѣ пальто, не допускается въ пути, вещи отправляются особо на паракодѣ и желѣзной дорогѣ багажемъ, а если ѣдутъ на лошадахъ, то на особой подводѣ.

На паракодѣ дѣти не должны выходить на палубу безъ разрѣшенія начальства и далѣе указаннаго для нихъ мѣста; на площадки между вагонами ни подъ какимъ видомъ ученикамъ, когда ѣдутъ по желѣзной дорогѣ, не дозволяется выходить. На станціи прибытія выходить, а на станціи отправления входить до разрѣшенія начальства ученики не могутъ. Равно во время пути не могутъ сходить ни разу безъ разрѣшенія. Разрѣшеніе же дается только въ случаяхъ крайней необходимости. Во время ѣзды не дозволяются: пѣсни, пѣніе вообще, громкіе разговоры, шалости, хожденія въ буфетъ, игра на гармоникѣ, которая и вообще не дозволяется для учениковъ.

За недѣлю до поѣздки училищное начальство отправляетъ на станцію, откуда имѣютъ ѣхать, отношеніе на имя

начальника станці слѣдующаго содержанія: „Правленія го духовнаго училища имѣетъ честь просить Васъ о представленіи съ поѣздомъ, идущимъ съ Валей станціи ... го ... мѣсяца, въ ... часовъ мѣстъ ... для воспитанниковъ, отправляющихся съ ... сопровождающими до станціи на дачу въ колонію Узаконенное по тарифу № 31 свидѣтельство будетъ представлено предъ отъѣздомъ“.

Потребное свидѣтельство по образцу, напечатанному въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1902 г., предъявляется кассиру при отъѣздѣ.

Также дѣлается и при отъѣздѣ съ дачи.

Во время пребыванія на дачѣ экономическая часть лежитъ на отвѣтственности наблюдающаго за учениками надзирателя, но поступаетъ онъ во всемъ сообразно подробнымъ даннымъ ему указаніемъ.

Счета приобщаются къ прочимъ документамъ хозяйственнаго характера, оплату же ихъ производитъ или завѣдующій на дачѣ хозяйственною частью изъ выданныхъ ему денегъ, или правленіе само, когда и какъ будетъ найдено болѣе удобнымъ.

Время обѣда, ужина, завтрака, чаепитія на дачѣ опредѣляется смотрителемъ училища или его помощникомъ примѣнительно къ училищному распорядку. Примѣнительно къ общеучилищному составляется и расписаніе стола, при чемъ здѣсь дается мѣсто и мѣстнымъ блюдамъ и печеньямъ.

Мытье ученическаго бѣлья во время дачной жизни производится на мѣстѣ наиболѣе удобнымъ способомъ, мѣняется же оно не мѣнѣе одного раза въ недѣлю; то же и постельное, а платки мѣняются не мѣнѣе двухъ разъ въ недѣлю; то же и носки. Зимой вмѣсто саногъ на время прогулокъ и игръ предоставляется ученикамъ носить валенки (катанки). Лѣтомъ, вмѣсто училищныхъ курточекъ, дѣти могутъ ходить въ нарочито сшитыхъ для сего темныхъ рубашкахъ.

VII.

Воспитательскій надзоръ за воспитанниками на дачѣ. Кого посылать для надзора за ними. Общій строй дачной ученической жизни. Игры и развлеченія, дозволяемая и недозволяемая для учащихся на дачѣ.

Распорядокъ дачнаго дня.

Успѣху дѣла дачно-школьнаго много можетъ или содѣйствовать, или вредить то обстоятельство, какъ будетъ поставлено дѣло надзора за учениками на дачѣ. Если надзоръ будетъ хорошій, дѣло пойдетъ отлично, если недостаточный—наоборотъ. Конечно, лучше, когда съ учениками будетъ жить самъ смотритель или его помощникъ, но требовать этого отъ нихъ, какъ обязательнаго, не возможно, въ особенности, если они—люди семейные; другое дѣло, если кто-либо изъ нихъ монашествующій; тогда грѣшно ему не быть съ тѣми дѣтьми, которыя ему ввѣрены. Что касается зимняго пребыванія учениковъ на дачѣ, то довольно, если съ ними будетъ хорошій надзиратель. Лѣтомъ же съ ними, кромѣ надзирателя, могутъ постоянно жить смотритель или помощникъ или оба поочередно. Спб. Алѣксандро-Невская училищная дача и строилась съ тѣмъ расчетомъ, чтобы флигель лѣтомъ могъ быть занимаемъ семейнымъ помощникомъ смотрителя, когда онъ будетъ жить съ учениками. Для смотрителя же (монашествующаго) есть особая маленькая комнатка въ нижнемъ этажѣ. При посылкѣ съ воспитанниками надзирателей могутъ быть два способа употреблены въ дѣло: или послать одного на все время, или поочередно каждаго. То и другое хорошо въ томъ случаѣ, когда уместно. Постоянное пребываніе одного надзирателя хорошо только при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда надзиратель—человѣкъ солидный по характеру, положительный, опытный въ дѣлѣ воспитанія, и когда онъ любитъ дѣтей, и они его уважаютъ, любятъ и безпрекословно слушаютъ; б) когда онъ трезваго поведенія и чуждъ увлеченія игрою въ карты, не склоненъ къ ухаживанію за дамскимъ обществомъ, не склоненъ къ слабости въ употребленіи вина.

Посылать одного молодого надзирателя съ учениками рискованно. Имѣя опытъ нѣсколькихъ лѣтъ по лѣтней дачѣ у о. Алексѣя Колоколова и нѣсколькихъ поѣздокъ на свою новую дачу, и сами проводя съ учениками цѣлые мѣсяцы и наблюдая и за воспитателями, мы не разъ бывали свидѣтелями такихъ явленій, въ предупрежденіе каковыхъ и высказали нѣсколько откровенно вышеприведенное. За это время мы имѣли наблюденія болѣе, чѣмъ за сорока молодыми людьми—юными воспитателями. И говоримъ не въ осужденіе. Молодость, недостатокъ выдержки въ семинаріи, свойственное юношескому возрасту несерьезное отношеніе къ долгу, надежда: авось сойдесть,—все это служить, конечно, извиненіемъ молодымъ людямъ, потому что тѣ же юноши, побывавъ въ твердыхъ рукахъ начальства и своевременно наставленные, становятся отличными воспитателями и заслуживаютъ полнаго довѣрія къ себѣ. Не маловажно и то, когда воспитатель самъ знаетъ нѣніе и можетъ организовать изъ учениковъ хоръ. Устройство такого ученическаго хора весьма полезно для села, гдѣ дача. Мы, устраивая дачу въ Теофиловой пустыни, нѣсколько разъ брали съ собою одного подобнаго воспитателя г. К—ва, который такъ прекрасно устроилъ хоръ, что далеко по окрестностямъ идетъ добрая слава объ ученическомъ хорѣ. Въ своей дѣятельности надзиратель руководится инструкціями воспитанникамъ и надзирателямъ училища и частными распоряженіями начальства касательно дачи. Къ общимъ училищнымъ правиламъ необходимо прибавить немногое, въ частности: ежедневно учащіеся ходятъ утромъ, и прикладываясь, молятся у раки святого или у другой мѣстной святыни.

Изъ игръ дозволяются прогулки съ вѣдома или подъ непосредственнымъ наблюденіемъ надзирателя въ лѣсъ за грибами и ягодами, уженіе рыбы (но не сѣтями и бродцемъ, а удочками), катанье на конькахъ и съ горы, игра въ крокетъ, городки, кружокъ, прятки, работа въ огородѣ, полевая работа, катанье на лодкѣ, игра на фистармоніи, скрипкѣ и

другія игры — новыя съ особаго каждый разъ предварительнаго разрѣшенія начальства.

Для чтенія учениковъ заводится особая бібліотека, берутся книги изъ училищной бібліотеки. Игра на гармоникѣ, игра „въ мнѣнія“ и всѣ грубыя игры строго воспрещаются.

Наказанія, какія за проступки могли бы налагать надзиратели, опредѣляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смотрителемъ училища или его помощникомъ.

Мы въ своей дачной практикѣ находимъ полную возможность обходиться безъ строгихъ наказаній и допускаемъ только словесныя замѣчанія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ — лишеніе чая и обѣда, но послѣдніе случаи единичные. Вообще, мы держимся того мнѣнія, что при правильной постановкѣ дѣла не трудно обходиться и безъ всякихъ наказаній. Во время пребыванія на дачѣ необходимо стараться о слѣдующемъ: отношенія начальства къ ученикамъ должны быть сердечно-родственно-семейныя. Но съ добротою неразлучна должна быть дѣловитость и строгое исполненіе всѣхъ требованій училищной дисциплины. Цѣль — переродить сиротъ, дать имъ замѣну родительскаго крова, чтобы дѣти измлада пріучались къ домовитости, уютности въ помѣщеніи, кротости, взаимной услужливости, трудолюбію и благородству во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается распорядка ученической жизни на дачѣ, то придерживаясь слѣдуетъ общеучилищнаго порядка въ распределеніи стола, развлеченій, игръ и занятій въ рождественскія вакціи и пасхальныя, а лѣтомъ — по требованію мѣста и времени. Касательно лѣта необходимо имѣть въ виду, чтобы дѣти разумно чередовали развлеченія съ трудомъ и не бросали чтенія книгъ.

О праздникѣ Рождества Христова на дачѣ слѣдуетъ устраивать елку, но безъ танцевъ; равно ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ разрѣшать маскироваться и ходить на посидѣлки. Возможно и полезно иногда устраивать прогулки на лошадяхъ въ зимній звѣздный вечеръ по лѣсной дорогѣ и гдѣ-либо по дорогѣ (по ранѣе сдѣланному соглашенію) устраивать

чаепитіе. Звѣздное голубовато-дымчатое небо, усѣянное звѣздами, точно далекими-далекими, манящими въ небесное отечество, огоньками, молчаливый, одѣтый бѣлымъ покровомъ лѣсъ съ чудными узорами, вырисованными морозомъ, скрипъ снѣга подъ полозьями и уходящая вдаль, подобно ленточкѣ, дорога, избушки съ мерцаніемъ огонька, дымъ, высоко поднимающійся бѣловатою струею, тепло дома послѣ ѣзды въ холодѣ—все это произведетъ благотворное и неизгладимое впечатлѣніе на чуткую дѣтскую душу. Самые праздники въ деревнѣ глубже будутъ дѣйствовать на дѣтское сердце въ эти годы. Свѣтлое Христово Воскресеніе, текущіе ручейки, яркое солнце и тепло, катанье яичекъ, звонъ колоколовъ не разъ порадуютъ дѣтей. Звонить на колокольнѣ въ Святую седмицу не надобно возбранять. А Страстная седмица съ ея величаво-скорбными длинными службами, благоговѣнно приступающіе къ святой чашѣ и ветхіе старцы и старицы и малыя крестьянскія дѣти въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ заставятъ не разъ задуматься самаго легкомысленнаго мальчика, заставятъ его крѣпко полюбить эту бѣдную, убогую, но великую въ своемъ смиреніи деревню русскую и ея обитателей...

VIII.

Отношеніе между обитателями училищной дачи и мѣстнымъ причтомъ. Основы взаимныхъ отношеній. Нежелательныя стороны въ этихъ отношеніяхъ. Средства къ ихъ предотвращенію. Заключение.

Въ нашей рѣчи объ устройствѣ дачъ былъ бы пробѣлъ, если бы мы не выяснили основъ взаимныхъ отношеній между обитателями дачъ и мѣстнымъ причтомъ. Волей-неволей, но какія либо отношенія будутъ же между ними. Когда устраивается гдѣ либо дача, училищное правленіе доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія ближайшаго исправника, и если не выйдетъ никакихъ случаевъ, требующихъ вмѣшательства полиціи, какъ, напр, внезапная смерть кого-либо изъ прислуги училищной, находящейся на дачѣ (а изъ таковой необходимо, кромѣ повара и пекаря, брать еще и служителей, сколько

нужно), никакихъ сношеній съ полицією не предвидится. Другое дѣло—мѣстный причтъ и прежде всего священникъ. Мѣсто, гдѣ по необходимости дачники и причтъ приходятъ въ соприкоснове- ніе, есть храмъ Божій. Если бы дачники были только богомоль- цами, то все дѣло ограничилось бы указаніемъ для учениковъ мѣста для стоянія ихъ въ церкви. Но на дѣлѣ этимъ огра- ничиться нельзя. Ученики — будущіе пастыри и служители Церкви, и они, и находясь на дачѣ, должны принимать уча- стіе въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ. Слѣдовательно, не- обходимо имъ раздѣлять труды мѣстнаго причта въ богослу- женіи, а причту давать имъ долю участія. Но „привычка— вторая природа“. Очень легко можетъ случиться *два* крайно- сти: или дачники вообразятъ себя полноправными хозяевами въ приходской церкви, или причтъ будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на законныхъ своихъ подчиненныхъ помощниковъ. От- сюда можетъ произойти не мало неудобствъ. Конечно, если приходскій священникъ явится человѣкомъ опытнымъ и вы- держаннымъ, онъ сумѣетъ дать дѣлу нормальное теченіе. Но на это рассчитывать нельзя: чаще можно встрѣтить священ- ника, который сначала отнесется къ дачѣ — или съ любовью и, сдѣлавъ все возможное съ своей стороны для устройства дѣла, постепенно привыкнетъ видѣть учениковъ въ церкви поющими и читающими, а потомъ, когда тѣ почему-либо не придутъ, станетъ сначала просить и затѣмъ — требовать; или такого, который, въ предупрежденіе всякихъ случайностей, сразу установитъ далекія отношенія. У перваго священника легко можетъ возникнуть притязательность и мысль о небла- годарности къ нему со стороны дачниковъ, если они не бу- дутъ замѣнять его приходскихъ немудрыхъ пѣвцовъ. Между тѣмъ, такая подневольность дачниковъ вовсе не желательна. Ученики являются не въ помощь и въ замѣну причта, а для дѣятельности, свободно содѣйствующей причту въ цѣляхъ и личнаго подготовленія къ пастырству и для увеличенія благо- лѣпія въ богослуженіи мѣстнаго храма. У втораго же свя- щенника дачники и чувствовать себя въ церкви будутъ неловко,

какъ лишніе. Поэтому-то, и необходимо напередъ ясно и точно опредѣлить взаимныя отношенія. Эти отношенія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Во время пребыванія на дачѣ ученики за богослуженіемъ присутствуютъ въ мѣстномъ приходскомъ храмѣ въ воскресные, праздничные и царскіе дни: вечеромъ за всенощною, утромъ за литургіею.

Въ богослуженіи они принимаютъ участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Порядокъ чтенія и отдѣлы чтенія опредѣляются находящимся съ учениками начальствомъ по соглашенію съ мѣстнымъ священникомъ. Одновременно съ этимъ выясняется и то, будетъ ли хоръ ученической, и что и когда онъ будетъ пѣть, не уничтожая съ своимъ появленіемъ мѣстный хоръ, но и не сливаясь съ нимъ въ одно, а содѣйствуя благолѣпнѣю богослуженія совмѣстнымъ и очереднымъ исполненіемъ молитвословій. Читаютъ ученики въ стихаряхъ, испрашивая предъ чтеніемъ и послѣ него благословеніе служащаго; стихари привозятъ съ собою. равно и книги, по которымъ читаютъ. Ни въ какихъ требоухъ и крестохожденіяхъ по деревьямъ ни ученики, ни ихъ священствующее начальство участія принимать не имѣютъ права. Ни священникъ въ дѣла дачи, ни училищное начальство и воспитатели въ приходскія дѣла не имѣютъ права вмѣшиваться. Если же будетъ что не такъ дѣлаемо которою-либо стороною — считающая себя неудовлетворенною доносить о томъ преосвященному. Равно и священствующее начальство училища равноправно съ мѣстнымъ священникомъ участвуя въ совершеніи богослуженія, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ замѣченныхъ какихъ-либо недоразумѣній, само никакихъ мѣръ не должно принимать къ ихъ устраненію. Какъ учрежденія, дачи должны быть разсматриваемы, какъ вспомогательное, подобно лазарету, училищное учрежденіе. И вышеизложенныя правила не будутъ ни жестки, ни обременительны: они только сразу поставятъ въ норму отношенія причта и новой отрасли той же церковно-приходской жизни.

Умный, добрый священник пойметъ нормальность ихъ и съ своей стороны найдетъ возможность сдѣлать много добра юнымъ собратьямъ своимъ. Для боязливаго разсѣются его страхи, для склоннаго попользоваться бесплатно чужимъ трудомъ—препона, и твердый и благородный начальникъ и воспитатель про такихъ правилахъ сумѣютъ сразу же установить границу между должнымъ и произвольнымъ. Рѣдкій примѣръ тактичнаго и глубоко-благороднаго отношенія къ ученикамъ являлъ блаженной памяти дивный старецъ о. Алексѣй Кмоколовъ. Дѣлавшій все дѣтямъ и для нихъ ничего не жалѣвшій, старецъ—протоіерей всегда былъ радъ, когда дѣти приходили и помогали въ пѣніи и чтеніи. Но если когда они не приходили почему либо, никогда не спрашивалъ о причинѣ и никогда не позволялъ себѣ попросить ихъ къ услугѣ. Высокоблагородный старецъ понималъ, что подобная просьба есть уже нравственное требованіе. Въ самыя ученическія помѣщенія онъ никогда не входилъ, предварительно не освѣдомившись о томъ, можно ли войти, и не получивъ утвердительнаго отвѣта. Самъ онъ встрѣчалъ дѣтей по пріѣздѣ, самъ, отправляя обратно, служилъ напутственный молебенъ и, прощаясь, дарилъ каждому по три рубля, на гостинчикъ“. Другой священникъ — о. В. С-въ, служившій при домово́й церкви о. Алексѣя, также являлъ примѣръ, достойный подражанія въ отношеніи къ дачникамъ, въ постоянной своей сердечности въ отношеніи къ дѣтямъ и готовности оказать посильную братскую услугу, чуждую всякаго ласкательства. Подобное отношеніе духовенства къ дачникамъ — вотъ желательный идеаль въ это́мъ отношеніи.

Этимъ мы и закончимъ нашу рѣчь объ устройствѣ и организаціи постоянныхъ школьныхъ дачъ при мужскихъ духовныхъ училищахъ. Само собою понятно, что такія дачи необходимы и для женскихъ епархіальныхъ училищъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями въ постановкѣ дѣла. Подобныя дачи много внесутъ свѣта и любви въ грустную долю нашихъ сиротокъ. Правда, съ устройствомъ дачъ будутъ пустовать учи-

лица и общежитія. Но зато ключемъ забьетъ живая, дѣтская—веселая жизнь во многихъ деревушкахъ, огласятся безмолвія древнихъ пустынь. Не древніе иноки встанутъ изъ могилъ, ни нынѣшніе будутъ воздѣлывать здѣсь землю,—будутъ тутъ будущіе священники, наставники дѣтей и святители, всякой доли честные труженики — проводить годы своего сиротства. Много забытыхъ святыхъ воскреснетъ въ памяти народной чрезъ дѣтей, много зачустѣлыхъ обитателей будутъ призваны къ новой жизни.

Испытавъ любовь и ласку въ дѣтствѣ своемъ сиротливомъ, будущіе пастыри и сами будутъ отзывчивѣе къ чужому горю. Въ лицѣ первыхъ насельниковъ дачъ мы создадимъ и будущихъ о нихъ радѣтелей и попечителей. Матеріальное будущее этихъ дачъ обезпечивается. А сколько потомъ, по примѣру этихъ дачъ, можетъ быть создано пріютовъ по селамъ для сельскихъ сиротъ—школьниковъ бывшими потомками училищъ—дачниками въ годы юности и сиротства!... Для юнаго поколѣнія будутъ дороги и священны могилы тѣхъ, кто создавалъ своими трудами величіе Россіи и освящалъ ее, святую Русь, своими слезами о ея грѣхахъ и молитвами за нее и ея сыновъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ взять одинъ маленькій примѣръ изъ жизни первой такой дачи... Вечеръ; только-что окончилась всеобщая въ Теофиловой пустыни. Морозно въ воздухѣ, но тепло въ часовенкѣ—нещербѣ подъ храмомъ. Здѣсь, подъ голубымъ балдахиномъ, въ меленькой часовенкѣ, стѣны которой окрашены масляною голубою краскою, подъ спудомъ почиваютъ мощи препр. Теофила, Омучскаго чудотворца. Надъ мощами художественная рака съ массивнымъ въ серебряной ризѣ образомъ преподобнаго на ея поверхности. Тихо мерцаютъ рядъ лампадокъ, висящихъ около раки и настѣннаго образа Божіей Матери въ серебрянной ризѣ; серебро при свѣтѣ лампадокъ еще выразительнѣе отгѣняетъ кроткій ликъ Богоматери. Идетъ молебенъ препр. Теофила, звонко выносятся дѣтскіе голоса на свѣжій воздухъ, и далеко слышенъ умилительный припѣвъ, слыша который,

селянинъ^Г набожно снимаетъ шапку и благоговѣнно крестится, и вторитъ самъ: *преподобне отче нашъ Теофиле, моли Бога о насъ!* А дѣти одинъ за другимъ дѣлаютъ земные поклоны и прикладываются къ ракъ. И какъ только замираютъ послѣдніе звуки преподобническаго величанія *собесѣдника ангеловъ*, дѣти выходятъ изъ пещеры, гдѣ гаснутъ лампадки одна за другою. Тихо, вдумчиво движется *юная братія* къ своей дачѣ, а надъ ними горитъ небосклонъ мириадами звѣздъ и звѣздочекъ; млечный путь невольно переноситъ мысль къ тому небесному отечеству отъ этой юдоли горя и невзгодъ, гдѣ царитъ Единая Вѣчная Божественная Любовь.

Архимандритъ *Никодимъ*.

¹⁾ См. № 35 с. г.

Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ¹⁾).

IV.

Въ свѣтлые дни Пасхи хожденіе по домамъ съ св. иконами было *печальное*. Не замѣтно было у прихожанъ: ни радости о томъ, что радость церковная вносится къ нимъ въ дома, ни особеннаго усердія къ молитвѣ и благоговѣнія, ни возбужденія религіозно-нравственнаго чувства отъ внесенія въ ихъ дома св. иконъ. Все совершалось холодно, по заведенному обычаю; принимая иконы, они какъ бы отбывали какую повинность. Икононосцы же положительно унивались. Еще постомъ они приходили къ священнику и изъявили свое усердіе, въ силу, якобы, даннаго обѣта, поносить св. иконы на Пасху, а иные—и такъ походить за св. иконами. Въ первый разъ я повѣрилъ и ихъ усердію, и ихъ обѣтамъ, но тотчасъ же и разочаровался и порѣшилъ вовсе не имѣть икононосцевъ на весь приходъ. Для этого я говорилъ старостѣ

¹⁾ См. № 35 с. г.

того общества, по домамъ котораго предстояло ходить въ извѣстный день, чтобы онъ прислалъ скромныхъ дѣвушекъ изъ своего общества для поднятiя и ношенiя иконъ. Я же, отправляясь служить молебны, бралъ съ собою человекъ пять мальчиковъ, которые бы пѣли, особенно, если кто пожелаетъ прочесть акаѳистъ Воскресенiю Христову, весьма содержательный и умилительный, который былъ отпечатанъ въ „Странникѣ“ за 1860 г., и съ которымъ я заблаговременно ознакомлялъ прихожанъ, служа молебенъ послѣ литургiи въ воскресные дни. Первоначально желавшихъ служить молебенъ съ акаѳистомъ было очень мало, а въ большей половинѣ деревень года два—три и вовсе не читался. Но когда познакомились съ содержанiемъ акаѳиста и съ пѣнiемъ за нимъ, то всѣ стали просить, чтобы у нихъ былъ отслуженъ молебенъ съ акаѳистомъ. Къ пѣнiю я приучалъ и икононосицъ-дѣвушекъ. Первоначально онѣ стѣснялись, но потомъ начали пѣть смѣло и хорошо; имъ стали поддѣвать и ходившiе за иконами мужчины и женщины, стоявшiе въ домѣ и въ сѣняхъ. Образовывался хоръ человекъ въ 40—50; народъ все больше и больше увлекался пѣнiемъ, съ любовiю встрѣчалъ иконы и принималъ,—выходило нѣчто торжественное и умилительное! Въ настоящее время почти въ каждомъ домѣ читается акаѳистъ, а въ иныхъ—и по два. Носившiя иконы, по обхожденiю деревни, относили ихъ въ другую деревню, въ сопровожденiи народа; тамъ набирались другiя икононосицы. Пьянства никакого не было, развѣ иной членъ причта отставалъ, и... оказывался въ состоянiи невмѣняемости; но съ этимъ, при извѣстномъ положенiи, по необходимости пришлось мириться.

Пришлось отмѣнить служенiе молебновъ и панихидъ, заказывавшихся послѣ литургiи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ *отдѣльно для каждаго*. Каждый заказывавшiй желалъ, чтобы ему раньше другого было отслужено, и, не получая удовлетворенiя, обижался; причтъ, не желая задерживать долго просителей, по необходимости исполнялъ ихъ слишкомъ спѣшно, нисколько не влiяя подобнымъ служенiемъ

на душу молящихся и не приучая ихъ къ разумной и богоугодной молитвѣ. Чтобы сколько-нибудь вліять служеніемъ на религіозное чувство молящагося и устранить всякое недовольство, никакъ не совместное съ молитвою, я, вмѣсто служенія молебна *отдѣльно для каждаго*, служилъ въ разъ для всѣхъ одинъ *общій*. Когда подходили къ животворящему кресту, рядомъ со мною стоялъ діаконъ, къ которому я и отсылалъ просителей, а онъ вписывалъ въ заведенную книжку: кому и какому святому желаетъ тотъ или другой служить молебенъ. Когда прикладываніе ко кресту кончалось, и просьбы всѣхъ о молебнахъ были вписаны, я просилъ желавшихъ служить молебенъ молиться, начиналъ молебенъ и исполнялъ его по образцу *Канона молебнаго ко Пресвятѣй Богородицѣ, поемаго во всякой скорби душевнѣй и обстояніи*. По *Благословенъ Богъ нашъ*, иногда по числу молящихся, говорила ектенія: за нею *Богъ Господь*, и пѣлись тропари всѣмъ тѣмъ святымъ, которые вписаны были въ книжкѣ; по нихъ канонъ изъ припѣвовъ имъ; по *шестой* пѣсни евангеліе одно, отъ Матѣея зач. 20-е; по евангелію:—*слава... Молитвами святыхъ* (поминались святые, которымъ служился молебенъ), *Милостиве очисти; и нынѣ... Молитвами Богородицы... Помилуй мя Боже и Не вопри мя человѣческому предстательству*; такъ какъ всегда кто-либо служилъ молебенъ Богородицѣ, то читалась молитва: *Спаси Боже люди твоя...* и снова канонъ. По немъ ектенія положенная, къ которой я присоединялъ прошеніе, заимствованное мною въ Троице-Сергіевой Лаврѣ: *Еще молимся о рабахъ Божіихъ, здѣ предстоящихъ, и всѣхъ сроднищихъ ихъ: о еже умножити имъ лѣта живота ихъ, даровати имъ здравіе душевное и тѣлесное, простити имъ всякое согрѣшеніе вольное и невольное; въ сердце сокрушенномъ приемъ вси Господеви углыми и помилуй*, и затѣмъ говорилъ отпустить съ поименованіемъ всѣхъ тѣхъ святыхъ, которымъ служился молебенъ. Такой молебенъ, несиѣшно совершавшійся, продолжался иногда долго; но этимъ не только не обижались, а, напротивъ, оставались довольны, и служеніе молебною

разъ отъ разу увеличивалось, что явно свидѣтельствовало о томъ благомъ вліяніи, какое оказывало подобное служеніе на религіозный духъ народа. То же самое долженъ сказать и о панихидахъ. Когда послѣ молебна молебники подходили къ кресту, діаконъ вписывалъ въ ту же книжку имена тѣхъ, о которыхъ заказывались панихиды. Послѣ записи и отобранія поминаній, вмѣсто спѣшнаго служенія *для каждаго* литій, служилась для всѣхъ *общая панихида большая*, во время которой я прочитывалъ вслухъ поминанія; на ектеніяхъ же поминались только тѣ, которые записаны были въ книгу, и при провозглашеніи имъ вѣчной памяти мною опять прочитывались поминанія ¹⁾.

Такое служеніе молебновъ и панихидъ устраняло спѣшность заказовъ, потому что знали, что никто раньше не выйдетъ изъ храма, а всѣ вмѣстѣ, и усугубляло молитвенный духъ, такъ какъ богослуженіе нашей Церкви, неспѣшно и благоговѣнно совершаемое, не можетъ не вліять умиленно на духъ молящагося.

Заштатный священникъ *П. Мамининъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о печатяхъ для просфоръ.

Мы живемъ въ эпоху рекламъ. Реклама, какъ паразитъ, пролезаетъ въ самыя сокровенныя мѣста и для достиженія своихъ цѣлей наживы ничѣмъ не брезгаетъ. Такъ въ свѣтскихъ и духовныхъ періодическихъ изданіяхъ неоднократно

¹⁾ Прочитывая поминанія, приходилось встрѣчать крайне неразборчиво написанныя; въ иныхъ,—имена оказывались неправославныя, въ родѣ *Ари*, *Мелконда* и др.; въ другихъ — уменьшительныя и простонародныя (напр.: помяни Господи Ивана . . . Дуньку, Сашку и под.). Такія поминальницы я откладывалъ и послѣ службы, раздавая, вмѣнялъ въ обязанность переписать разборчивѣе и правильнѣе, для какого дѣла указывалъ имъ на о. діакона.

публиковалось объявленіе какого-то иновѣрца, по имени кажется Эдмунда, въ Петербургѣ, о продажѣ печатей для просфоръ отъ 3 р. до 5 р. пальмоваго дерева, а бронзовыя отъ 3 р. 50 к. до 12 р. У меня какъ разъ испортилась просфорническая печать; мѣстные мастера пробовали нѣсколько разъ скрѣпить ее клеємъ и всякій разъ неудачно, а купить новую печать негдѣ. „Дай-ка, думаю, выпишу новую печать изъ Питера, пальмоваго дерева, на 3 руб.“. Черезъ 2—3 недѣли пришла повѣстка на полученіе цѣнной въ 3 руб. посылки съ наложеннымъ платежомъ въ 50 коп. Ну, думаю, хоть 3 съ полтиной будетъ стоить печать, за то, вѣроятно, изящная и прочная. Каково же было мое удивленіе по вскрытіи деревяннаго ящика, когда я увидѣлъ деревянный въ 3 сантиметра кубикъ, къ которому слабо прикрѣплена кругленькая полированная ручка, которая сейчасъ же отвалилась. На этомъ кубикѣ вырѣзано славянскими литерами Іис-Хр + ні-ка, и только, — а для богородичныхъ просфоръ нужна другая печать. Итакъ, купивши за 3 руб. 50 коп. одну печать для просфоръ, я долженъ позаботиться и о другой.

У насъ имѣется въ К. братская ремесленная школа, въ которой, между прочимъ, обучаютъ и столярному ремеслу. Хорошо бы было, если бы эта школа могла изготовлять печати для просфоръ (Подол. еп. вѣд. 1903 г., № 34).

Священникъ С. Д.

За редактора помощникъ редактора Г. О. Булашевъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 сентября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, сентября 14-го.

Содержаніе: Объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ православнаго духовенства. — Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ (продолженіе).—Правда о современномъ проповѣдничествѣ.

Объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ православнаго духовенства.

Кому не извѣстны необезпеченность православнаго духовенства, его нищенское существованіе и нужда? Кому не извѣстны тяжелое положеніе и непріглядная жизнь многосемейнаго священника, который, для прокормленія семьи и воспитанія дѣтей, бьется, какъ рыба объ ледъ, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ для этой цѣли?

Должно правду сказать, что въ старину жилось лучше. Прихожане относились къ духовному сословію сердечнѣе, отзывчивѣе, жизнь и воспитаніе дѣтей стоили гораздо дешевле. Теперь не то. Въ настоящее время для того, чтобы существовать священнику, воспитывающему 3 — 4 дѣтей въ губернскомъ городѣ, нужно обладать такими средствами, какія даетъ

рѣдкій изъ сельскихъ приходоѡ. И если духовенство кое-какъ прозябаетъ и воспитываетъ дѣтей, то только благодари непрерывнымъ займамъ, которыя погашаются потомъ уже, по окончаніи воспитанія дѣтей.

А между тѣмъ, сколько завистниковъ у православнаго духовенства! Сколько есть такихъ, которые говорятъ, что теперь только и жить духовенству: оно-де получаетъ жалованье, пользуется доходами и землею. Что сказать на это?

Горько и больно выслушивать подобнаго рода извѣты!.. Дѣйствительно, духовенство получаетъ жалованье,—но вездѣ ли? А если и получаетъ, то въ какой суммѣ? *Триста* рублей — самый высшій окладъ, получаемый сельскимъ священникомъ; но изъ этихъ 300 рублей ежегодно вычитается не менѣе 50 рублей—то на пенсію, то на эмеритуру, то на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и т. п., при чемъ требованія и нужды съ каждымъ годомъ увеличиваются, такъ что получаемаго жалованья не хватаетъ на воспитаніе даже *одного* ребенка. Доходы отъ прихожанъ съ каждымъ годомъ падаютъ, такъ какъ и самъ народъ, дающій средства содержанія духовенству, съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ и не можетъ удѣлять того, что удѣлялъ прежде. Этотъ копеечный, отжившій свое время, способъ содержанія духовенства, ни-сколько не улучшающій его матеріальнаго положенія, даетъ только поводъ для всевозможнаго рода издѣвательствъ и недружелюбнаго отношенія паствы къ своимъ пастырямъ. Остается земля, служащая болѣе или менѣе основательнымъ, но въ то же время и условнымъ, способомъ содержанія духовенства. Прежде всего, земля не вездѣ одного качества и достоинства. Въ одномъ мѣстѣ она отличается значительнымъ плодородіемъ и представляетъ много удобствъ къ занятію земледѣліемъ; въ другомъ та же земля, вслѣдствіе плохого своего качества, не можетъ служить источникомъ содержанія причта, хотя и относится къ числу этихъ источниковъ. Къ этому нужно прибавить, что не всякій способенъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего въ однихъ рукахъ земля даетъ хорошій доходъ, а въ другихъ—въ половину меньшій; вообще же

нужно сказать, что занятіе земледѣліемъ въ послѣднее время является дѣломъ весьма затруднительнымъ по причинѣ частыхъ неурожаевъ и дороговизны рабочихъ рукъ, такъ что многіе священники предпочитаютъ сдавать землю въ аренду. Хотя такой способъ, быть можетъ, даетъ меньше дохода, но зато онъ способствуетъ большей свободѣ дѣйствій приходскаго пастыря, которому нужно же и почитать, а иному что-либо и написать, пользуясь наблюденіями надъ окружающею его жизнью и опытомъ многолѣтней пастырской практики.

Таковы источники содержанія приходскаго духовенства, и хотя въ общемъ они далеко не достаточны, но съ ними поневолѣ приходится мириться, пока живъ глава семейства. Но положеніе семьи священника, діакона или псаломщика становится почти безвыходнымъ, когда умираетъ кто-либо изъ нихъ. Вслѣдствіе нищенскаго содержанія, у большинства изъ духовенства сбереженій „про черный день“ нѣтъ никакихъ, и осиротѣлая семья обыкновенно обречена влечить самое жалкое существованіе. Уже при одной мысли о вдовствѣ, „воображенію вдовъ,—говоритъ Е. М. Крыжановскій,—предстаетъ горе во всей своей наготѣ и неумолимости; онѣ видятъ всегдашнее скитальчество по чужимъ домамъ съ малолѣтними дѣтьми, постоянную зависимость отъ чужихъ желаній, горькую жизнь изъ чужой милости; мысль ихъ не находитъ ни одного свѣтлаго уголка въ этой темной, тяжелой средѣ, не видитъ выхода изъ нея къ жизни самостоятельной, не лишенной средствъ къ содержанію, не даетъ отвѣта на вопросъ о причинахъ такой безвыходности, и не разъ преждевременно потоскуютъ онѣ о горѣ, которое можетъ обойти и постигнуть ихъ, помимо ихъ воли и мольбы. Дѣйствительно, въ многоскорбной жизни вдовы сельскаго священника трудно пайти какую-либо свѣтлую сторону. Посмотрите на это изнуренное, грустно-задумчивое лицо вдовы, вникните въ эту упругую безнадежность, безотвѣтность ея предъ каждою потребностью жизни, недоувѣрчивость къ возможности лучшей для нея участи, въ эту непостижимую для нея самой любовь къ мыслямъ о своемъ сиротствѣ и горѣ,

это какъ бы наслажденіе горемъ, и скажите, можетъ ли вдова другихъ сословій быть жалче вдовы сельскаго священника? — Какъ незамѣтно провела она недолгій вѣкъ супружеской жизни. довольна была своими небольшими средствами; своимъ положеніемъ, не завидовала женщинѣ свѣтской, не рвалась сердцемъ къ удовольствіямъ послѣдней! Но какъ будто это ограниченное и спокойное самодовольство ея было преступленіемъ, какъ будто за это она лишилась своего скромнаго Эдема и должна лишь горевать о невозвратимой утратѣ его. Смерть супруга отняла у нея всё средства содержанія, лишила ее пріюта и того значенія, которое она имѣла при жизни супруга, и навсегда завѣщала ей только горькій чернорабочій трудъ... Въ тотъ день, какъ зарытъ гробъ ея мужа, отняты у нея всё источники содержанія; нивы, усадьба, домъ, каждый шагъ земли, — все, съ чѣмъ она связала свою жизнь, отнынѣ не принадлежитъ ей... Отецъ и мать пріютили бы ее, возвратили бы ей тихіе годы дѣвчества, но они давно сошли въ могилу. Родные?.. Но у нея дѣти! Ни отецъ и мать, ни мужъ не могли пріобрѣсть для нея усадьбы и дома въ собственность¹⁾, и она, безъ всякихъ средствъ къ жизни *не имѣетъ идъ главы поклонити...* Тяжелое, удручающее положеніе!..

Но если таково положеніе вдовы сельскаго священника, то нисколько не лучше, если не хуже, положеніе вдовъ и сиротъ діаконъ и причетниковъ. То же горе, та же безысходная нужда и нищета ждуть ихъ послѣ смерти ихъ кормильца. А это побуждаетъ наше духовное сословіе подумать объ обезпеченіи своихъ осиротѣвшихъ семействъ.

Пока для этой цѣли существуютъ въ духовномъ вѣдомствѣ два учрежденія: пенсіонный капиталъ и эмеритальныя кассы. Но для полученія пособія изъ того или другого учрежденія нужна болѣе или менѣе продолжительная служба главы семейства, а смерть не ждетъ и во всякое время можетъ лишить семью куска насущнаго хлѣба. Для защиты отъ нужды,

¹⁾ Собр. соч. Е. Крыжановскаго, т. I, стр. 569, 575.

и бѣдственнаго положенія обыкновенно образуются общества и товарищества, поставляющія своею цѣлью оказывать матеріальную помощь вдовамъ и сиротамъ тотчасъ же послѣ смерти мужей и отцовъ. А какъ важно оказать на первыхъ порахъ нравственную и матеріальную поддержку убитому горемъ и нуждой, объ этомъ и говорить нечего.

А потому, и духовенству нашему необходимо было бы серьезно подумать о коллективномъ обезпеченіи своихъ семействъ на случай смерти главы семейства. Это—столь необходимое и неотложное дѣло, что оно громко вопіеть о себѣ.

Что же можетъ сдѣлать *само* духовенство для обезпеченія своихъ вдовъ и сиротъ?

Для того, чтобы наши вдовы могли легче вздохнуть и имѣть болѣе свѣтлый взглядъ на будущее; для того, чтобы и сироты духовнаго званія меньше увеличивали собою штатъ пролетаріата,—необходимо проявленіе особой братской любви и взаимопомощи. Всякіе личные виды, выгоды и соображенія, эгоизмъ и черствость должны отойти въ этомъ дѣлѣ на задній планъ. Если кого одарилъ Богъ средствами, пусть не говорить: „зачѣмъ мнѣ разнаго рода кассы и благотворительныя общества?—я въ нихъ не нуждаюсь“, а долженъ, по мѣрѣ дарованныхъ средствъ, прійти на помощь своему ближнему, хотя бы самъ и не нуждался въ ней, памятуя, что „кому много дано, съ того больше и взыщется“. Только при общемъ сочувствіи и участіи въ дѣлѣ взаимопомощи можно достигнуть тѣхъ благихъ результатовъ, какіе желательны и лежатъ въ основѣ всякаго добраго дѣла. Давно пора нашему духовенству потѣснѣе сплотиться и общими силами поддержать тѣхъ, кому выпалъ тяжелый жребій вдовства и сиротства.

Скажутъ: „для этого существуютъ благотворительныя и епархіальныя попечительства; пусть они заботятся о вдовахъ и сиротахъ духовнаго вѣдомства“. Но кто не знакомъ съ этими учрежденіями?—Изъ попечительствъ получаютъ пособіе далеко не всѣ, обращающіеся къ нимъ, и при томъ получаютъ его въ довольно скромныхъ размѣрахъ (отъ 5 до 20 руб. единовре-

менно), такъ какъ средства нашихъ епархіальныхъ попечительствъ въ большинствѣ случаевъ очень скудны. Могутъ ли подобнаго рода пособія имѣть большое значеніе въ жизни вдовъ и сиротъ?

Поэтому, нашему духовенству прежде всего нужно обратить надлежащее вниманіе на коренное наше благотворительное учрежденіе—на *епархіальныя попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія*. Желая существеннымъ образомъ прийти на помощь приснымъ по духу и крови нашимъ вдовамъ и сиротамъ, необходимо увеличить средства попечительствъ. Не достаточно тѣхъ копеечныхъ жертвъ, которыя, для успокоенія совѣсти и отвода глазъ, вписываются нами въ предлагаемые благочинными подписные листы, и необходимо жертвовать *не нуждою, а волею*, приглашая къ такимъ пожертвованіямъ и извѣстныхъ въ приходѣ своею благотворительностію лицъ и располагая церковныхъ старость, чтобы и они вносили powerful пожертвованія изъ церковныхъ суммъ на то же дѣло. Такимъ сердечнымъ участіемъ и расположеніемъ себя и другихъ къ доброму и богоугодному дѣлу можно значительно поддержать свое благотворительное епархіальное учрежденіе, вѣдающее бытъ и нужды нашихъ вдовъ и сиротъ, и прийти къ нимъ съ болѣе значительною помощью, чѣмъ та, которую оно оказываетъ въ настоящее время.

Другимъ болѣе или менѣе распространеннымъ учрежденіемъ взаимопомощи въ духовномъ вѣдомствѣ должна служить, по примѣру прочихъ классовъ и сословій, *эмеритальная касса*. Важность и значеніе этого взаимовспомогательнаго учрежденія заключается въ томъ, что пособія изъ него выдаются всѣмъ участникамъ кассы — и при томъ не одновременно, а ежегодно. Но въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ и эмеритура не можетъ оказывать своего благодѣтельнаго дѣйствія по той же причинѣ, что и епархіальныя попечительства, т. е., вслѣдствіе слишкомъ ничтожныхъ выдачъ. Если изъ эмеритуры Подольской епархіи, гдѣ неприкосновенный капиталъ возросъ до 500,000 руб., выдачи производятся всего лишь по 30 руб. на

каждаго члена семьи, то о другихъ кассахъ и говорить нечего: въ нихъ выдачи не превосходятъ 15—20 руб. на душу; къ тому же, не вездѣ еще такія кассы функционируютъ, такъ какъ не вездѣ пока онѣ открыты, не вездѣ образовался необходимый для выдачи постоянныхъ пособій капиталъ. Разумѣется, это происходитъ отъ незначительности взносовъ въ пользу эмеритальной кассы, а также вслѣдствіе отсутствія стороннихъ пожертвованій въ пользу ея. Поэтому, наше духовенство должно опять-таки прилагать побольше заботъ къ увеличенію суммъ кассы, помимо обязательныхъ взносовъ, привлеченіемъ пожертвованій изъ другихъ источниковъ. И прежде всего, въ пользу эмеритальной кассы слѣдуетъ дѣлать отчисленія изъ церковныхъ суммъ. Если весь составъ церковно- и священно-служителей всю жизнь свою работаетъ во славу и для пользы храма, то храмъ же можетъ—и даже долженъ—прійти и на помощь своимъ служителямъ, поддержать ихъ въ бѣдѣ и несчастіи. Такъ и смотрѣло на этотъ вопросъ духовенство нѣкоторыхъ епархій и провело этотъ принципъ въ жизнь, учреждая свою эмеритуру. Напр., духовенство Подольской епархіи положило вносить въ свою эмеритальную кассу ежегодно отъ каждой церкви по 6 р.; духовенство Воронежской епархіи ежегодно причисляетъ къ своему эмеритальному капиталу изъ церковныхъ суммъ около 9,000 руб.; духовенство Харьковской епархіи имѣетъ изъ того же источника болѣе 8,500 руб.; духовенство же Таврической епархіи имѣетъ, въ видѣ 3% сбора съ церковныхъ доходовъ, болѣе 13,000 руб. 1).

Для большаго увеличенія средствъ эмеритальныхъ кассъ слѣдуетъ привлекать къ участию въ нихъ и епархіальные свѣчные заводы, посредствомъ отчисленія въ пользу эмеритуры извѣстнаго процента изъ выручки заводовъ. Во многихъ епархіяхъ дѣла свѣчныхъ заводовъ поставлены настолько хорошо, что ежегодное позаймствованіе изъ суммъ ихъ 25—30,000 р. ничего не составило бы, — а для кассы эта сумма имѣла бы

1) Кіевск. епарх. вѣд., 1902 г., № 16.

громадное значеніе. Вѣдь не достаточно только открыть какое-либо благотворительное учрежденіе, а для успѣшности функцій его необходимо еще обезпечить его средствами. Суммы же эмеритальныхъ кассъ только и можно увеличить побочными мѣрами и средствами, благодаря чему явится возможность выдавать пособія въ увеличенномъ размѣрѣ,—а къ этому и должна стремиться каждая эмеритальная касса. Въ другихъ вѣдомствахъ,—напр.—въ военномъ,—эмеритура поставлена такъ хорошо, что она даже превышаетъ пенсію; но тамъ, кромѣ вычетовъ 6% изъ жалованья *всѣхъ* находящихся на дѣйствительной службѣ офицеровъ (а это одно уже составляетъ громадныя суммы), казна отпускаетъ еще милліоны руб. Эмеритура служащихъ на Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ пополняется, кромѣ опредѣленныхъ вычетовъ изъ жалованья, то штрафными деньгами, то выручкой за просроченные грузы и разными другими источниками. Въ другихъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ усиленію эмеритуры способствуютъ пожертвованія благотворителей, выручки отъ концертовъ, вечеровъ и т. п. Въ нашемъ же духовномъ вѣдомствѣ основной капиталъ эмеритальной кассы составляетъ только лишь изъ небольшихъ взносовъ самихъ участниковъ ея; поэтому, нечего удивляться, если пособія эмеритальныхъ кассъ духовнаго вѣдомства поражаютъ своею незначительностію.

Но на первыхъ порахъ „лучше что-нибудь, чѣмъ ничего“; въ каждомъ дѣлѣ важень починъ и стремленіе къ развитію дѣла. Духовенство должно быть само заинтересовано въ усиленіи средствъ своей эмеритальной кассы различными способами, такъ какъ большое значеніе ея заключается въ особенности въ томъ, что, помимо выдачи пособія вдовамъ и сиротамъ, она страхуетъ и самихъ участниковъ на случай инвалидности и выхода за штатъ. „Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ“, все можетъ въ жизни случиться съ нами, вслѣдствіе чего благоразуміе требуетъ, такъ сказать, застраховать себя отъ всякаго рода случайностей. А на тысячу причтовъ въ епархіи не малый процентъ выходитъ за штатъ по инвалид-

ности и неспособности къ труду¹⁾. Въ данномъ случаѣ эмеритальная касса, средства которой находятся въ цвѣтущемъ состояніи, является въ особенности благодѣтельнымъ учрежденіемъ, поддерживая „слабыхъ и обремененныхъ“.

Во многихъ обществахъ и учрежденіяхъ существуетъ особый способъ обезпеченія вдовъ и сиротъ на случай смерти главы семейства — это *похоронныя кассы*, или *кассы вспоможенія на случай смерти*. Главное преимущество подобнаго рода кассъ предъ другими способами обезпеченія состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ смерти участника кассы, въ пользу его семьи или тѣхъ лицъ, которыхъ онъ укажетъ въ своемъ заявленіи, выдается извѣстная сумма. Сумма эта составляетъ изъ обязательныхъ опредѣленныхъ взносовъ *всѣхъ* участниковъ кассы. Взносы часто бываютъ нѣсколькихъ рядовъ: большіе и меньшіе, согласно желанію членовъ кассы. Если, напр., въ епархіи существуетъ 1000 приходовъ, то при рублевомъ взносѣ съ каждаго священника въ пользу его семьи, на случай смерти, должно поступить 1000 руб. серебромъ, при взносѣ въ 50 к.—500 р., а если взносъ будетъ 25 коп., то 250 руб. Пособіе это, припимая во вниманіе полную необезпеченность нашихъ вдовъ и сиротъ, должно быть признано весьма значительнымъ. Въ особенности же оно имѣетъ большую цѣнность потому, что выдается *на первыхъ порахъ* вдовства и сиротства, когда каждая копейка бываетъ дорога.

¹⁾ Весьма желательно, чтобы въ уставахъ нашихъ эмеритальныхъ кассъ были сдѣланы существенныя измѣненія и дополненія. Обыкновенно для полученія пособія изъ эмеритуры необходимо участіе въ ней опредѣленное число лѣтъ (8—10, что зависитъ отъ условій существованія самой кассы); а въ случаѣ выбитія изъ состава кассы раньше этого срока, участнику ея возвращаются только лишь внесенныя деньги, пособіе же не выдается. Но бываютъ случаи, когда священно-церковнослужитель оставляетъ дѣйствительную службу раньше этого срока по инвалидности и неспособности къ прохожденію должности. Поэтому, желательно, чтобы подобнаго рода *несчастные* случаи были уставомъ кассы предусмотрѣны и, по удостовѣренію въ обстоятельствахъ дѣла, инвалидамъ пособіе выдавалось на *обычныхъ* основаніяхъ.

Поэтому, повсемѣстное распространеніе подобнаго рода кассъ въ духовномъ вѣдомствѣ, при *обязательномъ* участіи *всѣхъ* наличныхъ членовъ причтовъ, весьма желательно. Въ настоящее время въ епархіяхъ Смоленской, Подольской, Полоцкой и нѣкоторыхъ другихъ существуютъ уже подобнаго рода *похоронныя кассы*, оказывая великое благодѣяніе вдовамъ и сиротамъ; въ большинствѣ же другихъ епархій это безусловно полезное, гуманное и братское дѣло прививается очень туго. И что служить тормазомъ къ повсемѣстному учрежденію кассъ, такъ это, насколько намъ думается, *обязательные* платежи въ пользу кассы. Каждому хотѣлось бы, чтобы его семья была обезпечена отъ нужды и горя въ случаѣ сиротства, но не хочется пожертвовать десяткомъ - двумя руб. въ годъ для обезпеченія его: — это ли любовь христіанская? Это ли истинная любовь къ своимъ близкимъ? такъ ли мы исполняемъ завѣтъ апостола: *еще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8)? Да не будетъ этого!.. Если люди свѣтскіе на другихъ поприщахъ гораздо въ меньшемъ количествѣ членовъ составляютъ товарищества для обезпеченія своихъ семействъ, то намъ, духовнымъ, это дѣло тѣмъ болѣе сподручно и необходимо. Поэтому, учрежденіе *похоронныхъ кассъ* для обезпеченія нашихъ семействъ есть дѣло первой и неотложной необходимости. А учредить *похоронную кассу* можно на различныхъ началахъ: или вносить установленную сумму каждый разъ въ случаѣ смерти члена ея, или ежегодно, при сдачѣ годовой отчетности, вносить сумму сообразно количеству смертей на основаніи статистическихъ данныхъ и т. п. Словомъ, дѣло не въ способахъ пополненія *похоронной кассы*, а въ самомъ существованіи ея. При существованіи *похоронной кассы* и другихъ благотворительныхъ и взаимовспомогательныхъ учреждений въ каждой епархіи священно-церковно-служителямъ, въ особенности же ихъ семьямъ жилось бы далеко спокойнѣе, потому что не такъ страшилъ бы ихъ гроз-

ный призракъ бѣдственнаго, весьма часто — безпросвѣтнаго вдовства и сиротства.

Нашъ очеркъ объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ путемъ взаимопомощи былъ бы далеко не полонъ, если бы мы не упомянули еще объ одномъ — самомъ распространенномъ и весьма удобномъ способѣ обезпеченія: *страхованіи на случай смерти или на дожитіе*. Никто не станетъ спорить, что получить вдовѣ сейчасъ же по смерти мужа (или самому страхователю по истеченіи извѣстнаго срока) 500—1000 рублей *сразу* гораздо выгоднѣе; чѣмъ получать по 10—20 руб. ежегодной пенсіи. Допустивъ при страхованіи жизни духовенства (священниковъ, діаконъ и псаломщиковъ) *три* разряда страхованій: а) въ 500 руб., б) въ 1000 руб. и в) въ 2000 руб., мы получимъ слѣдующій расчетъ касательно взноса премій.

Примѣръ. Священникъ, а также діаконъ или псаломщикъ, поступаетъ на приходъ въ 25-лѣтнемъ возрастѣ и застраховываетъ свою жизнь съ уплатой премій въ теченіе 25 лѣтъ, подъ условіемъ оставить наслѣдникамъ на случай своей смерти, когда бы она ни послѣдовала (хотя бы даже послѣ взноса первой преміи), 1000 руб. По таблицѣ *Россійскаго Общества застрахованія капиталовъ доходовъ* такой страхователь долженъ уплачивать ежегодно за 1000 р. — 26 руб. (а за 500 руб. — 13 руб.); а если же онъ пожелаетъ, чтобы ему самому, по истеченіи 25 лѣтъ, была выдана половина застрахованной суммы (500 или 250 руб.) независимо отъ того, что вся застрахованная сумма, въ случаѣ смерти страхователя должна быть немедленно выдана наслѣдникамъ его, то въ такомъ случаѣ страхователь долженъ уплачивать по таблицѣ того же Общества 35 руб. за 1000 руб. По истеченіи 25 лѣтъ всякіе взносы со стороны страхователя прекращаются. *Другой примѣръ*. Лицо 45 лѣтъ желаетъ послѣ своей смерти оставить своимъ наслѣдникамъ капиталъ въ 1000 руб. Въ теченіе 20 лѣтъ такому страхователю придется уплачивать премію по таблицѣ упомянутаго Общества 44 рубля ежегодно, при желаніи же страхователя по достиженіи 65-лѣтняго возраста

получить самому половину застрахованной суммы независимо от того, что вся застрахованная сумма должна быть выдана его наследникамъ, пришлось бы въ данномъ случаѣ уплачивать 54 руб. 90 коп. *Еще примѣръ.* Лицо 60 лѣтъ желаетъ оставить наследникамъ на случай своей смерти 1000 рублей, внося преміи въ теченіе 15 лѣтъ; такому страхователю пришлось бы уплачивать по 76 р. 10 к. ежегодно. Застрахованная сумма выдается немедленно въ случаѣ смерти страхователя его наследникамъ ¹⁾.—Развѣ такія условія для заключенія страхованія и столь низкія преміи обременительны и не выгодны для страхователей?

Если бы этотъ родъ обезпеченія и себя на старость и своей семьи на случай преждевременной смерти не былъ выгоденъ. то онъ не былъ бы такъ сильно распространенъ и у насъ въ Россіи, въ особенности же за границей, гдѣ страхованіе получило даже общегосударственное значеніе. Масса страховыхъ обществъ съ громадными оборотными капиталами служитъ тому яснымъ и нагляднымъ доказательствомъ.

Насколько намъ извѣстно, весьма многіе изъ священно-церковнослужителей застрахованы въ частныхъ обществахъ, такъ какъ инымъ образомъ, при томъ скудномъ содержаніи, какое получаетъ наше духовенство, трудно собрать необходимое обезпеченіе на старость и для семьи на случай смерти. Но вмѣсто того, чтобы наполнять карманы частныхъ предпринимателей, не цѣлесообразнѣе ли было бы учредить *свое* страховое общество въ духовномъ вѣдомствѣ? Если принять во вниманіе, что страховыя общества не мало тратятъ денегъ по содержанію своихъ агентовъ, по найму дорогихъ помѣщеній на лучшихъ городскихъ улицахъ, на рекламы и проч., что для духовенства совершенно лишнее; а также если принять во вниманіе, что страховыя общества даютъ своимъ страхователямъ довольно большой дивидентъ (не менѣе 12%): то 26 и 35 рублевая премія у насъ уменьшится процентовъ

¹⁾ Киевск. еп. вѣд. 1901 г., № 17.

на 25, и ежегодный взносъ страхователя будетъ равняться— въ первомъ случаѣ 20 руб. за 1000, а во второмъ 25 р. за ту же сумму. Обидно сознание, что своими трудовыми грошами и рублями страхователи—священно-церковнослужители содѣйствуютъ развитію дѣлъ общества чуждаго, посторонняго! А какъ хорошо было бы, если бы духовенство, учредивъ свое страховое общество, всѣ преміи и дивиденды употребляло въ пользу своихъ нуждающихся! И цифровыя данныя подтверждаютъ наши мысли. Въ самомъ дѣлѣ, если бы каждый священникъ епархіи застраховался въ среднюю сумму 3000 р., то, считая, напр., священниковъ 1300 человекъ, получимъ общую сумму страхованій 3.900,000 руб., на которую страховой преміи взималось бы, считая по 90 руб. съ cadaго страхователя, 117,000 руб. Допустимъ теперь, что, на основаніи статистическихъ данныхъ, на такое количество можетъ умереть въ среднемъ 35 священниковъ, вслѣдствіе чего пришлось бы выплачивать $(35 \times 3000) = 105,000$ руб., — и въ страховой кассѣ духовенства оставалось бы ежегодно 12,000 руб., да наросшіе за годъ проценты (тысячи 3—4), каковыя деньги шли бы на усиленіе резервнаго фонда общаго страхового предіриятія на случай увеличенія процента смертности застрахованныхъ ¹⁾).

Однимъ словомъ, страхованіе жизни является для насъ самымъ вѣрнымъ, надежнымъ и наивыгоднѣйшимъ способомъ обезпеченія. Единовременное полученіе болѣе или менѣе крупной суммы, относительная незначительность и необременительность платежей—все говоритъ въ пользу учрежденія своего страхового общества. Вѣдь сколько лѣтъ частныя заводчики набивали карманы отъ свѣчныхъ операцій, пока, наконецъ, учреждены были свои епархіальные свѣчные заводы! Не пора ли, наконецъ, учредить намъ и свое страховое общество, чѣмъ мы рѣшимъ великую задачу обезпеченія нашихъ вдовъ и сиротъ? — Такъ какъ и въ данномъ случаѣ многихъ могутъ

¹⁾ Тамъ же, № 19.

устрашать платежи, то можно дѣлать самую широкую раскладку ихъ, не обременительную даже для совершенно недостаточныхъ страхователей: вѣдь наше дѣло — не исканіе прибылей, барышей, а братская взаимопомощь; поэтому, во взносахъ платежей могутъ быть допущены самыя широкія льготы.

При обсужденіи настоящаго проекта могутъ быть возраженія, что нѣкоторые изъ духовенства уже застрахованы въ частныхъ обществахъ, уплачивая тамъ извѣстныя суммы; поэтому, при *обязательномъ* участіи въ *своемъ* обществѣ, явится новое затрудненіе въ платежахъ. — Подобнаго рода возраженіе нельзя признать исполнѣ основательнымъ, такъ какъ одно другому не мѣшаетъ: чѣмъ больше средствъ къ обезпеченію, тѣмъ лучше. Страхуваніе жизни тѣмъ и важно, что требуетъ *обязательныхъ* платежей. Иной за всю жизнь не собралъ бы „ломанаго гроша“, а будучи застрахованъ, онъ волею-неволею дѣлаетъ сбереженія про черный день и изыщетъ для этого средства. Для застрахованныхъ въ частныхъ обществахъ можно дозволить страховаться въ *своемъ* обществѣ въ незначительную сумму, напр.— въ 500 руб., для того только, чтобы привлечь *всѣхъ* къ участію въ страховомъ дѣлѣ, такъ какъ это необходимо для успѣшнаго развитія предпріятія. А со временемъ, навѣрное, *всѣ* оставятъ частныя общества и перейдутъ въ *свое*.

Вотъ главнѣйшіе способы обезпеченія какъ самихъ священно-церковнослужителей, такъ въ особенности ихъ вдовъ и сиротъ путемъ взаимопомощи. Быть можетъ, въ предложенныхъ мѣрахъ не найдется ничего новаго и оригинальнаго, но это и не входило въ задачу настоящей замѣтки. Наша цѣль заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы сгруппировать различные виды взаимопомощи на случай инвалидности, вдовства и сиротства и обратить вниманіе собратій на суть дѣла — именно на правильную постановку *всѣхъ* тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя бы могли поддерживать какъ наше личное существованіе на случай выхода за

штатъ, такъ въ особенности облегчить положеніе нашихъ вдовъ и сиротъ. Если настоящая замѣтка въ этомъ отношеніи принесетъ извѣстную долю пользы, то ббльшаго мы и не желаемъ. Благочинническія собранія и епархіальные съѣзды духовенства—наилучшее время для обсужденія подобнаго рода проектовъ и проведенія ихъ, по мѣрѣ возможности, въ жизнь. Въ добрый часъ! Пора, давно пора отнестись къ этому дѣлу иначе, чѣмъ относились мы къ нему до сихъ поръ!..

Свящ. С. Брояковскій.

Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ ¹⁾.

V.

Не легко было возобновить и привести въ благолѣпный видъ крайне запущенный храмъ, такъ какъ совсѣмъ не было средствъ. Прихожане слишкомъ холодно отнеслись къ моему предложенію относительно ремонта; нужно было изыскивать средства на сторонѣ. Много вообще пришлось перенести на первыхъ порахъ неприяностей. Но еще тяжелѣе было имѣть дѣло съ причтомъ, при томъ неопредѣленномъ и безправномъ положеніи, въ какое поставленъ священникъ по отношенію къ низшимъ членамъ клира.

Росъ я въ такомъ селѣ, гдѣ псаломщиками были старцы: отецъ лѣтъ 65-ти и сынъ 40-лѣтъ. По одному своему внѣшнему виду, а также и примѣрному поведенію, они заслуживали полного почтенія. Трудясь въ будніе дни и въ домѣ и въ полѣ, они аккуратно являлись въ воскресные и праздничные дни къ богослуженію. Одѣтые въ длинные подрясники, всегда чистые и препоясанные, съ длинными волосами, рас-

¹⁾ См. № 36 с. г.

чесанными на двѣ половины, съ прямымъ проборомъ, идя ровною, неспѣшною поступью, они невольно обращали на себя вниманіе каждаго. Къ священнику они никогда не позволяли себѣ являться безъ нужды, а тѣмъ болѣе—въ нетрезвомъ видѣ, и, явившись, не входили безъ доклада прислуги. При встрѣчѣ всегда принимали благословеніе, пріучая своимъ примѣромъ къ тому же и прихожанъ. Къ обязанностямъ своего служенія относились съ усердіемъ. Идя за ключами къ священнику, чтобы отпереть церковь для совершенія службы, они читали псаломъ 50-й, продолжая читать его и за *благовѣстомъ*, каковой начинали не иначе, какъ предварительно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ; тѣмъ болѣе не входили въ церковь, не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, безъ котораго не приступали ни къ одному дѣлу въ храмѣ. Они въ школѣ совсѣмъ не обучались, но съ дѣтства родители воспитали ихъ въ строго-религіозномъ духѣ, и къ богослуженію они всегда относились съ глубокимъ благоговѣніемъ. Чтеніе ихъ было неспѣшное, раздѣльное, ясное, внятное; пѣніе — умирительное, располагавшее къ молитвѣ. Знакомые хорошо съ нотою церковною, они знали и распѣвы разные: знаменный, греческій, болгарскій. У нихъ для каждаго богослуженія былъ свой напѣвъ. Слыша чтеніе Апостола, тотчасъ же, бывало, опредѣлишь, по интонаціи, что служба — заупокойная: для такой службы у нихъ былъ свой напѣвъ, особыя херувимскія, „милость мира“ и запричастны; для будничной—иныя. Въ праздничный же день, слушая ихъ пѣніе, особенно каноновъ въ дунадесятые праздники, славословія Кіевскаго, прокимновъ, антифоновъ, херувимской и проч., невольно, бывало, умиляешься и чувствуешь высокій религіозный подъемъ духа. Не даромъ старинные псаломщики назывались *сладкопѣвцами*. И было чему намъ, молодымъ людямъ, поучиться у нихъ въ этомъ отношеніи... *Сладко* они пѣвали не въ храмѣ только, а и въ домахъ прихожанъ — при молебнахъ въ праздники. Слушая ихъ пѣніе: „Исусе, Сыне Божій, помилуй мя!“ „Ра-дуйся, невѣсто неневѣстная!“—разныхъ распѣвовъ, видя при

этомъ горячую молитву домохозяевъ, я невольно убѣждался въ томъ благодѣтельномъ вліяніи, какое оказывало ихъ пѣніе на религіозное чувство народа. Собираясь праздниками другъ къ другу, старинные псаломщики, „по утѣшеніи праздничномъ“, часто хоромъ пѣвали, сидя въ домѣ или выходя на крылечко: „Сей день Господень, радуйтесь людіе“... „преукрашенная Божественною славою“... „Всемирную славу“... „Чертогъ Твой“... и другія пѣснопѣнія цѣрковныя и пѣніемъ своимъ привлекали толпы народа, умилявшася не рѣдко до слезъ... Да, они были дѣйствительные помощники священнику въ возбужденіи въ народѣ религіозно-нравственнаго чувства! Тогда проповѣди почти и не слышно было въ церкви, а вѣра въ народѣ укрѣпилась настолько, что при всѣхъ соблазнахъ и искушеніяхъ со стороны недруговъ Церкви и по сію пору остается твердою и непоколебимою. Излишне говорить, что уставъ старше псаломщики знали прекрасно, съ книгами богослужебными знакомы были основательно и взирали на нихъ, какъ на книги священные; каждое богослуженіе ими совершалось истово и толково, безъ всякихъ заминокъ. Книги, утварь церковная и все подлежащее ихъ вѣдѣнію въ церкви, содержали они въ порядкѣ и безукоризненной чистотѣ. Въ книгахъ были закладки, ризы сложены аккуратно, кадिला всегда вычищены, храмъ выметенъ тщательно, паутина со стѣнъ снята...

Къ утѣшенію моему, первымъ *девять* лѣтъ мнѣ пришлось прослужить съ названными выше двумя старцами; во второмъ же селѣ я встрѣтилъ псаломщиковъ *новаго поколѣнія*, своимъ отношеніемъ къ дѣлу и всею своею жизнію скорѣе охлаждавшихъ религіозно-нравственное чувство народа, а не возбуждавшихъ, обновлявшихъ и укрѣплявшихъ его.

Въ нашей епархіи въ самое недавнее еще время опредѣлялись въ псаломщики всякаго званія люди, при чемъ всеѣмъ не обращалось вниманіе на то, какого они поведенія, способны ли къ отправленію богослуженія, къ веденію писмоводства. Одежду носить современный псаломщикъ такую, что

его можно за кого угодно принять, только не за служителя Церкви; иногда даже совѣстно и стыдно бываетъ за его одежду, особенно когда онъ выйдетъ на средину храма для чтенія апостола. Волосы у него всегда подстрижены по модѣ, или же образуютъ изъ себя цѣлую шапку кучерей. Идя въ церковь къ богослуженію, онъ часто курить дорогою папиросу и бросаетъ ее только у самой уже наперти, вслѣдствіе чего не рѣдко видѣть акурки при входныхъ дверяхъ въ храмъ. Для куренія дозволяетъ себѣ во время богослуженія выходить изъ храма и, возвращаясь на клиросъ, разноситъ по пути табачный запахъ, не находя во всемъ этомъ ничего неприличнаго, соблазнительнаго и укорительнаго. Являясь въ храмъ не рѣдко позже священника, входитъ снѣшно, безъ всякаго благоговѣнія, не осѣнивъ себя даже крестнымъ знаменіемъ. Съ уставомъ церковнымъ, богослужебными книгами, нотнымъ обиходомъ совершенно почти не знакомъ. Читаетъ снѣшно, неправильно. Придите вы въ церковь въ праздникъ, въ будни, къ заупокойной службѣ—у него всегда одинъ напѣвъ, потому что другого онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ. Прокимны „Святъ Господь“, „аллилуія“ онъ читаетъ или поетъ всѣ на одинъ четвертый гласъ. Въ домахъ прихожанъ онъ только и заботится о томъ, чтобы поскорѣе окончить молебенъ. Считаетъ неприличнымъ и унижительнымъ для себя подать, напримѣръ, кадило, вынести подсвѣчникъ. О чистотѣ храма онъ совершенно не заботится: „это, говоритъ, дѣло сторожей“; даже наблюсти за сторожемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ отказывается. Съ богослужебными книгами обращается небрежно; закладокъ въ нихъ не имѣетъ, а находитъ болѣе легкимъ и удобнымъ для себя загибать углы листовъ, вслѣдствіе чего книга быстро изнашивается и имѣетъ очень непривлекательный видъ. Для правильнаго пѣнія стихирь, каноновъ считаетъ какъ бы недостаточнымъ тѣхъ знаковъ, какіе есть въ книгѣ, а размѣчаетъ еще карандашомъ по-своему и тѣмъ грязнитъ ее. Къ священнику непочтительенъ, а не рѣдко грубъ и дерзокъ; подъ благословеніе не подходитъ.—

„Почему ты не принимаешь благословенія у своего священника?“—спросилъ одного такого псаломщика благочинный. — „Характеромъ не сошелся“, отвѣтилъ онъ¹⁾. Собираюсь праздниками одинъ у другого, они тоже поютъ, но не церковныя пѣсни, а свѣтскія, или же проводятъ время за картами.

Не всё, конечно, нынѣшніе псаломщики таковы, далеко не всё; но что въ большинствѣ они почти совершенно не знаютъ устава церковнаго, не умѣютъ правильно, не говоря уже о вразумительности, читать, не знакомы съ пѣніемъ и не умѣютъ пѣть, къ обязанностямъ своимъ относятся холодно и неохотно исполняютъ ихъ—это горькая дѣйствительность, о которой свидѣлствуютъ многіе священники.

И удивляться надо тому, что въ настоящее время усиленно заботятся о поднятіи религіозно-правственнаго чувства народа, объ ослабленіи раскола и подавленіи сектантства, а на мѣста псаломщиковъ опредѣляютъ лицъ, совершенно не подготовленныхъ и не способныхъ къ прохожденію этой должности. Между тѣмъ, псаломщикъ, благоговѣнно относящійся къ своему дѣлу, основательно знающій церковный уставъ, разумный чтець и сладкопѣвецъ, трезвый, является лучшимъ помощникомъ священнику въ удержаніи прихожанъ въ православіи и въ возбужденіи въ нихъ религіознаго духа. Только благоговѣннымъ служеніемъ можно привлечь простой народъ къ церкви и удержать въ ней; наоборотъ, небрежнымъ служеніемъ легко оттолкнуть и потерять. И если псаломщикъ, при указанныхъ выше недостаткахъ, да будетъ еще вести нетрезвый образъ жизни, то служеніе священника, поистинѣ будетъ служеніемъ мученика. Священникъ, какъ извѣстно, за все въ отвѣтъ: за содержаніе храма и утвари въ порядкѣ и чистотѣ, за благоговѣнное уставное богослуженіе, за вѣрность и своевременность письменоводства, даже за благоповеденіе

¹⁾ Данъ былъ такой же отвѣтъ псаломщикомъ и преосв. Анатолію, который послалъ его за это въ монастырь на три мѣсяца, на самыя черныя работы.

причта; а между тѣмъ, *власти ни единыя* не имѣть онъ надъ тѣми, которые даются ему въ помощники и находятся у него только на словахъ въ подчиненіи. Онъ не можетъ ни устранить нетрезваго псаломщика отъ богослуженія, если тотъ твердо на ногахъ стоитъ, хотя на возгласъ: „Твоя отъ Твоиххъ...“ поетъ: „Отче нашъ ¹⁾“; ни указать ему на его нетрезвость изъ опасенія получить дерзость: „вы сами пьяны“, или: „вы, что ли, меня напоили?..“ ни на неправильность его чтенія и отправления богослуженія, потому что онъ можетъ сказать: „вы — ученые, вамъ и книги въ руки“—и уйти изъ храма, а прихожанъ оповѣстить, что его „понъ прогналъ съ клироса“; ни принудить содержать въ чистотѣ храмъ, потому что онъ отъ этого освобожденъ; ни понудить своевременно вести различныя записи и т. п. Остается священнику пользоваться предоставленнымъ ему правомъ—*доносить*. Но на это не всякій священникъ, уважающій себя, дорожащій своимъ спокойствіемъ, охраняющій свой авторитетъ, рѣшится, — съ одной стороны, потому, что имѣть въ виду семейство такого нетрезвенника; съ другой—хорошо зная недовольство консисторіи на доносителей, увеличивающихъ ея дѣла и трудъ; а самое главное — потому, что не пользуется *полнымъ* довѣріемъ епархіальнаго начальства. Когда въ другихъ вѣдомствахъ, по донесенію ближайшаго начальника, виновный или штрафуется, или даже увольняется со службы, у насъ—*донеси и докажи*, для чего назначается слѣдствіе. А доказать бываетъ иногда очень трудно, потому 1) что грубости и дерзости учиняются наединѣ—безъ свидѣтелей; 2) если бы нашъ народъ вполнѣ сознавалъ важность акта присяги и уважалъ присягу, именно какъ актъ религіозный, тогда можно было бы безбоязненно доносить и съ пользою; а такъ какъ онъ не сознаетъ этого, то на слѣдствіи и будетъ говорить, руководясь не принятою присягою, а своими соображеніями и взглядами. Склонный самъ къ вионитію и находи какъ бы оправданіе себѣ въ

¹⁾ Что было на самомъ дѣлѣ за литургіею у прищущаго эти строки

этомъ въ винопитіи членовъ причта, онъ, естественно, снисходительно смотритъ на пьющихъ и упивающихся членовъ причта, и потому скорѣе при слѣдствіи станетъ на сторону того, который находится съ нимъ въ болѣе близкомъ и тѣсномъ общеніи, раздѣляетъ съ нимъ праздничную и брачную трапезы, и всегда своими показаніями постарается защитить и оградить его отъ непріятности. въ полной при томъ увѣренности, что, защищая его, совершаетъ *доброе дѣло*, тогда какъ священникъ-де, какъ исправный, не нуждается въ его защитѣ и помощи. И смотришь, — ты же останешься виновнымъ и получишь указъ быть снисходительнѣе и миролюбивѣе, — а это уже будетъ торжественная побѣда виновнаго надъ невиннымъ. Потому-то — повторяю — не всякій священникъ, доржащій своимъ значеніемъ въ приходѣ, рѣшается на донесеніе, тѣмъ болѣе, что обвиняемый въ показаніяхъ своихъ непремѣнно постарается припомнить и указать и на ошибки священника — вольныя и невольныя, отъ которыхъ ни одинъ смертный не свободенъ, — и тогда можетъ возникнуть еще *новое* слѣдствіе о ни въ чемъ не повинномъ священникѣ, которое, хотя окончится и въ пользу священника, тѣмъ не менѣе не можетъ не лишить его душевнаго мира и спокойствія, не ослабить его значенія, не умалить его авторитета среди прихожанъ и не парализовать вліяніи его на нихъ ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго выводъ тотъ, что 1) священникъ опасается доносить на члена причта нетрезвенника и, скрѣпя сердце, терпитъ его неблагоповеденіе; 2) слѣдствіе не всегда достигаетъ своей цѣли; 3) *тайна беззаконія*, совершаемая въ жизни духовенства, далеко не вся извѣстна епархіальному

¹⁾ Однажды я, выведенный изъ терѣбія, рѣшилъ довести на діакона, о чемъ и заявилъ захвавшему ко мнѣ старшинѣ. — „Помилуй васъ Богъ! не доносите!“ сказалъ онъ. — „Почему?“ — спрашиваю. — „Да онъ на васъ при слѣдствіи то *внесетъ*, о чемъ вы никогда и не помышляли! онъ васъ *замараетъ!*“ Выслушавъ это и припомнивъ изреченіе Премудраго: *обличаяй нечестиваго опорочитъ себе*, согласился съ старшиною.

начальству, и 4) зло живетъ и растетъ и приносятъ свой плодъ горькій. Серьезно настроенный религіозный человѣкъ, жаждущій религіозныхъ утѣшеній, не получающій таковыхъ отъ жизни и служенія своего причта, оставляетъ Православную Церковь и переходитъ или въ расколъ, или въ штунду.

Въ нашей епархіи въ прошломъ году состоялось собраніе изъ всѣхъ благочинныхъ и миссіонеровъ для изысканія мѣръ къ ослабленію раскола и противодѣйствию сектантству. Не знаю, обращено ли и будетъ ли обращено вниманіе на псаломщиковъ и неопредѣленное положеніе по отношенію къ нимъ священниковъ; а непременно слѣдовало бы обратить

¹⁾ Сколько бы священники и миссіонеры ни доказывали правоту и истинность Православной Церкви и ложность убѣжденій раскольническихъ, но если раскольникъ, предположимъ, склонившись на ихъ убѣжденія, вздумаетъ придти въ церковь и, подошедши къ ней, увидитъ окурки папирсъ, думается, онъ не войдетъ въ храмъ и вернется домой; если же и войдетъ, но увидитъ поведеніе, услышитъ служеніе псаломщика, то въ другой разъ не придетъ. Полагаю, что въ дѣлѣ замѣщенія псаломщическихъ мѣстъ умѣлыми чтецами и пѣвцами—и при томъ благонравными могли бы придти на помощь монастыри. Если бы циркулярно было оповѣщено по епархіямъ, что желающій занять мѣсто псаломщика обязательно долженъ подготовиться къ этому въ монастырѣ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ; то не всякій бы искалъ этого мѣста, а только тотъ, у кого дѣйствительно есть искреннее желаніе послужить церкви Божіей. Монастырямъ это нисколько не будетъ въ тягость, такъ какъ подготовляющіеся, наравнѣ съ другими, могутъ нести монастырское послушаніе внѣ службы церковной. Въ монастыряхъ же кандидаты псаломщиковъ могутъ болѣе или менѣе сносно научиться и письмоводству. Подготовившійся виолнѣ и желающій занять псаломщическое мѣсто долженъ взять надлежащее свидѣтельство отъ настоятеля монастыря въ томъ, что онъ въ теченіе такого-то времени подготовился къ прохожденію должности псаломщика усердно, во время богослуженія всегда велъ себя благоговѣнно, съ уставомъ и богослужебными книгами ознакомился обстоятельно, поетъ и читаетъ умѣло, ведетъ себя безукоризненно, и ни однажды не проявилъ склонности къ спиртнымъ напиткамъ, къ письмоводству способенъ. Это свидѣтельство было бы для епархіальнаго начальства основаніемъ къ опредѣленію—съ убѣжденіемъ, что опредѣляется умѣлый, способный, благонравный кандидатъ; и для священника же было бы большимъ утѣшеніемъ принять въ причтовую семью такого полезнаго для прихода члена.

серьезное вниманіе на эту важную сторону въ жизни духовенства. Вѣдь если раскольники не всякаго допускаютъ въ уставщики; если единовѣрческая община только по строгому испытанію въ знаніи устава и умѣньи пѣть и читать принимаетъ въ составъ своего клира: то тѣмъ болѣе въ православныхъ церквахъ должны быть псаломщики трезвые, благоговѣйные, хорошо умѣющіе пѣть и читать и совершать службу Божию, въ назиданіе вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи незабвеннымъ пребудетъ, какъ администраторъ, для духовенства К—ой епархіи высокопреосвященнѣйшій Григорій II, 30 лѣтъ управлявшій епархіею и мудро устроявшій ее, благодарнымъ воспоминаніемъ о которомъ я и закончу свои воспоминанія.

Заштатный священникъ П. Малининъ.

Истина о современномъ проповѣдничествѣ.

I.

Не замѣчали ли вы, читатель, одной особенноти, свойственной нашимъ публицистамъ и свѣтскимъ и духовнымъ— при обсужденіи любого вопроса—, заговариваться“: вдаваться въ односторонности, преувеличенія, безпочвенныя, не обоснованныя на фактахъ, разсужденія и предъявлять къ жизни сразу невыполнимыя, идеальныя требованія. Результатомъ такого отношенія къ вопросамъ иногда первостепенной важности бываетъ то, что дѣло затемняется въ конецъ, и дѣйствительность представляется въ совершенно извращенномъ видѣ. Такъ у насъ бывало и бываетъ со многими общественными вопросами; такъ, думается, обстоитъ теперь дѣло и съ однимъ вопросомъ изъ области нашей пастырской дѣятельности — съ вопросомъ о современномъ проповѣдничествѣ.

Вопросъ этотъ въ нашей печати поднятъ уже давно, больше десятка лѣтъ тому назадъ; о проповѣдничествѣ за это время

и свѣтскими и духовными публицистами наговорено столько и такого, что трудно было бы во всемъ этомъ разобраться, а тѣмъ болѣе—составить близкое къ правдѣ понятіе о дѣйствительномъ состояніи нашего церковнаго учительства. Особенно въ данномъ случаѣ прискорбно то, что изъ образовавшагося публицистическаго „чаромутія“ невольно составляется, хотя и смутное, но самое безотрадное представленіе о современномъ проповѣдничествѣ. У насъ уже таковъ обычай: въ своихъ сужденіяхъ о себѣ потачки не давать, отчего и договариваются до крайностей, взводя на себя, или признавая за собой не существующія вины, представляя жизнь и окружающую насъ дѣйствительность въ совершенно безотрадномъ положеніи... Нѣчто подобное случилось, кажется, и съ толками о современномъ состояніи у насъ церковнаго учительства. Послушать только: „живой проповѣди“, самостоятельнаго учительства совершенно нѣтъ, за рѣдкими исключеніями; готовые проповѣди, по лѣности, не произносятся, ⁹/₁₀ священниковъ безмолствуютъ¹⁾; по нерадѣнію нашему тысячи христіанъ живутъ и сходятъ въ могилу, не зная Христа, а только св. Николая и Казанскую, Смоленскую, Троеручицу; храмы посѣщаются народомъ лѣнливо, начинаютъ пустовать, и въ праздники священнику одному приходится пѣть: „хвалите, раби Господа“, а рабовъ-то и не бываетъ²⁾... Поистинѣ, печальная и мрачная картина, и если бы она соотвѣтствовала дѣйствительности, то за наше нерадѣніе и окаянство не крестъ, а жерновъ осельскій подобало бы „обѣсить на выи наши!“ И, что особенно жалко и прискорбно,—мы сами какъ-будто хотимъ подписаться подъ такимъ не правымъ приговоромъ, не находя силы и смѣлости опровергнуть его фактами, взятыми изъ дѣйствительной жизни. Признавая за настоящую правду безпочвенныя, одностороннія представленія о современномъ положеніи проповѣдничества, сложившіяся въ печати, мы только робко рѣшаемся оправдываться въ взводимыхъ обвиненіяхъ, сла-

¹⁾ Гарѣевъ.

²⁾ Розановъ

гая вину на неблагоприятныя условія, препятствующія успѣху нашего дѣла ¹⁾).

Однако не пора ли, взамѣнъ теоретическихъ толковъ и сужденій, обратиться къ живой дѣйствительности и посмотрѣть: такъ ли ужъ безотрадно-неутѣшительно обстоитъ у насъ дѣло церковнаго учительства, какъ мы привыкли представлять. Въ этихъ именно видахъ и хотѣлось бы пишущему сн строки подѣлиться съ читателемъ личными наблюденіями по занимающему насъ вопросу, вынесенными изъ пятнадцатилѣтняго служенія сельскимъ священникомъ въ нѣсколькихъ приходсахъ В—ской епархіи. Это—одна изъ сѣверо-восточныхъ епархій; и она не выдѣляется изъ другихъ какими-либо рѣзкими особенностями ни по составу населенія, ни по составу духовенства, а потому и порядки и уровень церковно-приходской жизни и самая дѣятельность духовенства должны быть, въ общемъ, сходны съ таковыми же большинства мѣстностей нашей коренной Руси. Отсюда—пусть кругъ нашихъ наблюденій не широкъ, но, принимая во вниманіе вышесказанное, можно и по нимъ составить близкое къ истинѣ, а не фантастическое, понятіе о современномъ состояніи у насъ церковнаго учительства. Попытаемся безпристрастно, единственно для пользы дѣла, представить въ нижеслѣдующемъ наблюденія надъ народною церковно-приходскою жизнію и церковнымъ проповѣдничествомъ.

II.

Сначала, по посвященіи, привелось мнѣ служить въ двух-причтномъ приходѣ съ русскимъ православнымъ населеніемъ; село Г. отстояло отъ губернскаго города В. на 45 верстѣ, но эта сравнительная близость къ городу мало вліяла на умственную и экономическую жизнь прихожанъ,—народъ былъ самый простой, что называется, сѣрый, жилъ бѣдно, почему и приходъ считался однимъ изъ захудалыхъ. На первыхъ же порахъ ознакомился я съ состояніемъ и постановкой пастырскаго дѣла вообще и проповѣдничества—въ частности. Къ моему утѣ-

¹⁾ О. Недѣльскій.

шенію и радости, оказалось то и другое не въ упадкѣ, особенно—проповѣдничество, такъ-что мнѣ, какъ новичку, представлялась легкая возможность прилагать неискушенные еще опытомъ силы уже къ готовому, правильно поставленному дѣлу.

Мой предшественникъ, перемѣстившійся на другой приходъ, молодой еще человекъ изъ студентовъ семинаріи, послѣ своего трѣхлѣтняго служенія здѣсь, оставилъ въ прихожанахъ по себѣ добрую память именно истовой службой и усерднымъ проповѣдничествомъ. За время своего пребыванія въ с. Г. онъ каждый праздникъ и воскресный день велъ бесѣду послѣ утрени и говорилъ поученіе за литургіей.—„Ужь такъ-то просто и хорошо поучалъ онъ насъ,—отзывались объ немъ прихожане:—словно вотъ тутъ тебѣ къ сердцу и положить!.. И любили же мы его слушать!“ Чтобы оставить по себѣ такую память и заслужить подобныя отзывы, очевидно, надобно было священнику потрудиться и потрудиться не вотще. Другой священникъ, котораго я засталъ въ с. Г. и съ которымъ пришлось мнѣ служить, былъ изъ пожилыхъ и некончившихъ курса,— изъ словесности; но и онъ не отставалъ отъ своего товарища въ дѣлѣ учительства. На своей чредѣ читалъ послѣ утрени бесѣды, за обѣдней провозносилъ проповѣди; такъ продолжалъ вести свое дѣло этотъ достойный священникъ и при мнѣ. И надо было отдать ему въ этомъ случаѣ честь и справедливость: относился онъ къ учительству вполне добросовѣстно, не ради выполненія одной формальности. Это было замѣтно на тщательномъ, умѣломъ подборѣ готовыхъ, конечно, проповѣдей и бесѣдъ, въ произнесеніи которыхъ сказывалась также умѣлость и опытность. Правда, его проповѣдь не такъ увлекала народъ, какъ напр., проповѣдь моего предшественника, но и онъ вносилъ значительное оживленіе въ дѣло, сопровождая бесѣды устными поясненіями, вставками отъ себя. Кстаки сказать,—явный формализмъ, холодность въ дѣлѣ проповѣдничества, но сколько приходилось наблюдать мнѣ, среди священниковъ—явленіе рѣдкое, исключительное; чаще въ отноше-

ніи къ нему можно замѣчать сознаніе его важности, полезности и обязательности...

О томъ, какъ прихожане относились къ проповѣди,—было уже сказано; народъ всегда слушалъ внимательно наши бесѣды и поученія, и надо думать, они служили не маловажнымъ средствомъ для привлеченія его къ праздничнымъ богослуженіямъ. Церковь въ с. Г. довольно вмѣстительная, и всегда бывала полна молящимися въ праздники и воскресные дни: нѣтъ „хвалите имя Господне, раби Господа!“ безъ рабовъ Господнихъ—въ пустомъ храмѣ—намъ съ товарищемъ не приходилось. При подобныхъ порядкахъ,—когда приходъ уже привыкъ къ постоянной проповѣди,—если бы даже и явилось желаніе полѣниться—оставить народъ безъ назиданія, то исполнить его удержало бы простое чувство стыда и неловкости предъ жаждущими и алчущими питія и хлѣба духовнаго. Поэтому, дѣло церковнаго учительства, такъ поставленное, шло безъ перерывовъ и упущеній и, какъ обычное, не представлялось для насъ особенно обременительнымъ. Не былъ ли, однако, только что описанный способъ церковнаго учительства единственнымъ фактомъ, и Г-ій приходъ—счастливымъ исключеніемъ?..—Нѣтъ и нѣтъ! По мѣрѣ того, какъ и ближе присматривался къ жизни и порядкамъ сосѣднихъ приходовъ, знакомился съ товарищами—священниками, становилось для меня все болѣе несомнѣннымъ, что въ дѣлѣ проповѣдничества почти во всѣхъ десяти селахъ нашего благочинія существовали тѣ же порядки. И проповѣдывали и собесѣдовали священники по мѣрѣ силъ и умѣнья, и никому изъ насъ не приходило въ голову гордиться своимъ скромнымъ дѣланіемъ, потому что каждый считалъ это своей святой и прямой обязанностью. Дѣло велось скромно и безъ шума, можетъ быть и потому, что тогда меньше обращалось на него вниманія со стороны, меньше раздавалось въ печати громкихъ, но наполовину суетныхъ, толковъ о „живомъ словѣ“, импровизаціи, объ устарѣлости прежнихъ пріемовъ проповѣдничества. Особенно въ нашихъ довольно—таки глухихъ уголкахъ подобные теоре-

тическіе вопросы имѣли мало значенія и занимали насъ несравненно меньше, чѣмъ само дѣло. Да такъ, кажется, и всегда бываетъ: гдѣ много толковъ и разговоровъ, тамъ — мало настоящаго дѣла, а за дѣломъ обыкновенно — не до лишнихъ разговоровъ!..

Одно слѣдуетъ сказать, — новыхъ приѣмовъ, оригинальной постановки церковнаго учительства не придумывалось никѣмъ изъ насъ; довольствовались обычными, до насъ выработанными, приѣмами, примѣняя готовое къ требованіямъ среды и обстоятельствъ. Не было еще погои за оригинальностію, стремленія во чтобы ни стало прослыть „импровизаторомъ“. Прибѣгали мы большею частію въ дѣлѣ учительства къ помощи готовыхъ, печатныхъ проповѣдническихъ сборниковъ, но это не мѣшало опытнымъ и болѣе талантливымъ проповѣдникамъ говорить безъ книги, отъ себя, что послѣдніе однако не старались выставлять на видъ къ уничиженію прочихъ... Вспоминаются мнѣ и теперь наши братскія бесѣды — разговоры о проповѣдяхъ и проповѣдничествѣ, когда приводилось собираться въ кружокъ нѣсколькимъ знакомымъ священникамъ, или быть вмѣстѣ на благоточиническихъ сѣздахъ. Обыкновенно и въ такихъ случаяхъ теоретическимъ мечтаніямъ предавались мало, за неимѣніемъ въ то время еще подходящихъ образцовъ въ печати; разговоръ чаще всего принималъ практическое направленіе: дѣлились мнѣніями о пригодности и приложимости къ дѣлу тѣхъ или другихъ новыхъ печатныхъ проповѣдническихъ трудовъ, о сравнительномъ достоинствѣ пастырскихъ журналовъ... Всѣми молча подразумѣвалось и признавалось, что безъ готоваго матеріала въ дѣлѣ учительства не обойтись, а потому при каждой церкви заботились о покупкѣ и выискѣ подходящихъ книгъ и журналовъ, и послѣдніе не лежали напрасно. Не было излишней, мечтательной самоувѣренности, но не было равно и другой крайности въ мнѣніяхъ: никто не рѣшался утверждать, что „живое слово“, „импровизація“ — удѣлъ лишь избранниковъ. Отчего же? — Всякій можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ

сказать и свое простое задушевное слово въ назиданіе и вразумленіе прихожанъ,—не безсловесные же всѣ!. Такъ среди насъ думали въ простотѣ душевной, не превозносясь и не унижаясь другъ предъ другомъ.

Нужно ли здѣсь прибавлять въ видѣ оговорки, что представленная выше проповѣдническая дѣятельность духовенства цѣлаго благочинническаго округа далека была во многихъ отношеніяхъ отъ идеальнаго совершенства: это подразумѣвается само собою, и пятнадцать лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ не безплодно, конечно, для успѣха проповѣдя... Но намъ важенъ и дорогъ фактъ почти поголовнаго участія каждаго священника изъ десяти окружныхъ приходоѡ въ живомъ дѣлѣ церковнаго учительства, фактъ, явно опровергающій обидное и голословное утвержденіе о „безмолвіи $\frac{9}{10}$ нашего духовенства“! Продолженіе очерка покажетъ намъ еще яснѣе неосновательность подобнаго утвержденія.

III.

Черезъ пять лѣтъ служенія въ приходѣ села Г. состоялся переводъ меня на другой приходъ, другого отдаленнаго У-каго уѣзда, находящійся въ противоположномъ концѣ нашей обширной епархіи. Съ тѣхъ поръ не приходилось бывать въ с. Г., или распросить кого-либо, какъ теперь обстоитъ тамъ и вообще въ томъ благочинническомъ округѣ дѣло учительства церковнаго, но почему то вѣрится и думается, что духовенство и поднесъ тамъ не безмолвствуетъ, а продолжаетъ, преспѣвая, проповѣдывать также нелѣпно въ назиданіе церкви Божіей. Иначе быть не должно и не можетъ!.. Но что меня ожидало на новомъ мѣстѣ службы, въ отдаленномъ селѣ Т?—Опять почти тождественная съ описанной выше постановка проповѣдническаго дѣла, что объяснить счастливой случайностью было бы странно; вѣрнѣе,—это свидѣтельствовало о почти одинаковомъ состояніи церковнаго учительства въ большинствѣ приходоѡ В. епархіи. На новое мѣсто, въ село Т., поступилъ я послѣ смерти старожила-священника, прослужившаго здѣсь болѣе

двадцати пяти лѣтъ и несшаго въ послѣдніе годы обязанности благочиннаго. Село было тоже двухпричтное, и за время службы умершаго успѣло переимѣниться до десяти священниковъ-товарищей изъ-за скудости содержанія; только онъ не колеблясь оставался, что уже почти свидѣтельствовало въ пользу его личныхъ качествъ. И въ самомъ дѣлѣ, о. П. былъ любимымъ и учительнымъ пастыремъ, сумѣвшимъ привязать къ себѣ сердца прихожанъ.

Покойный предшественникъ мой, оказалось, съ первыхъ же годовъ служенія здѣсь показалъ особенную заботливость о просвѣщеніи прихожанъ. Приходъ былъ тогда еще новымъ и находился въ періодъ, такъ-сказать, вѣшняго созиданія, почему первый священникъ села Т. за устроеніемъ храма и другими вѣшними хлопотами мало обращалъ вниманія на духовную сторону жизни прихожанъ. И вотъ за духовное просвѣщеніе прихода энергично взялся тотчасъ по поступленіи сюда мой предшественникъ, и работа ему предстояла не легкая: народъ коснѣлъ еще тогда въ страшной грубости и религіозномъ невѣжествѣ. Такое состояніе населенія было и естественно, потому что, до открытія здѣсь села, оно, по отдаленности отъ церкви, въ самой слабой степени пользовалось ея благотворнымъ вліяніемъ, рѣдко посѣщая ее и еще рѣже слыша тамъ живое слово пастырей. Прежде всего о. П.—у предстояло приучить еще прихожанъ къ посѣщенію храма и пріохотить къ слушанію проповѣди, и онъ успѣлъ въ томъ и другомъ. Достойный пастырь сумѣлъ твердо поставить дѣло церковнаго учительства, неопустительно произнося литургійныя поученія, а между утреней и литургіей предлагая народу религіозныя чтенія, объясняя истины вѣры и обучая молитвамъ. Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, онъ въ послѣдніе годы ввелъ еще общее пѣніе въ церкви, обучая этому прихожанъ при участіи псаломщиковъ. И это начинаніе его привилось какъ нельзя лучше; народъ полюбилъ пѣніе и еще охотнѣе сталъ посѣщать церковь Божию. Но что замѣчательно въ данномъ случаѣ, такъ это то, что мой предшествен-

никъ по приходу села Т. достигъ успѣховъ въ дѣлѣ проповѣдничества и привлекъ къ себѣ любовь прихожанъ, не будучи ни импровизаторомъ, ни искуснымъ даже чтецомъ готовыхъ поученій; и то и другое замѣняли въ немъ пастырская ревность и искренняя преданность дѣлу!

Такимъ образомъ, и здѣсь нашелъ я, такъ-сказать, воздѣланную почву для своей скромной дѣятельности: и радостно и утѣшительно было трудиться, видя возрастающій успѣхъ и замѣчая пользу отъ своего духовнаго дѣланія. Прежняя подготовленность прихода и развитая въ народѣ потребность въ слушаніи слова Божія, дали возможность вынести проповѣдь и за предѣлы храма,—предлагать прихожанамъ бесѣды въ деревняхъ при удобныхъ случаяхъ, напр., въ праздники, при напольныхъ молебнахъ. И здѣсь, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія, село Т. не было исключеніемъ по постановкѣ проповѣдничества среди другихъ сельъ благочинія,—въ нихъ также посильно возвѣщалось слово истины. Были, правда, 3—4 прихода, гдѣ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ не велось и проповѣди сказывались не всегда; но на это были свои причины. Приходы эти были инородческіе, и среди инородцевъ-черемись, при слабомъ знаніи духовенствомъ ихъ языка, организовать дѣло церковнаго учительства было весьма трудно, тѣмъ болѣе, что инородцы неохотно, въ маломъ числѣ и посѣщали церковь... Вообще же, состояніе проповѣдничества и въ этой мѣстности, гдѣ проучилъ я болѣе восьми лѣтъ, было не въ упадкѣ, и среди священниковъ сосѣднихъ сельъ было нѣсколько лицъ, выдающихся по успѣвности въ дѣлѣ проповѣди и беззавѣтной преданности своему служенію.

Упомяну еще о третьемъ мѣстѣ—приходѣ села Ш., гдѣ служилъ послѣдніе годы. Село Ш. ранѣе было заводомъ съ тысячнымъ населеніемъ и теперь представляетъ собою довольно оживленное и населенное мѣстечко; находится оно болѣе, чѣмъ въ стоверстномъ разстояніи отъ прежнихъ мѣстъ служенія. Здѣсь проповѣдническая дѣятельность духовенства развита еще шире, чѣмъ тамъ, особенно внѣбогослужебныя бесѣды. Православное населеніе прихода издавна привыкло къ этому и любитъ проповѣдь, особенно устную, живую импровизацію, которая, когда служить я тамъ, практиковалась весьма часто. Какъ на особенность въ организаціи проповѣдничества въ с. Ш. можно указать на тотъ фактъ, что здѣсь не только священники, но и „низшіе благовѣствуютъ“. Въ с. Ш. къ дѣлу церковнаго учительства привлеченъ и низшій причтъ: по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ псаломщики и діаконъ командируются священниками въ селенія прихода для обученія прихожанъ

молитвамъ, пѣнію и для чтенія избранныхъ бесѣдъ и другихъ религіозныхъ сочиненій.

Думается, приведенныя фактическія данныя о состояніи церковнаго проповѣдничества, взятая изъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей, могутъ въ значительной мѣрѣ ослабить мрачный, безотрадный взглядъ на дѣло церковнаго учительства и снять огульное обвиненіе съ бѣдныхъ пастырей въ поголовномъ молчаніи и нерадѣніи...

Скажемъ еще, въ заключеніе, нѣсколько словъ объ одностороннемъ и ложномъ мнѣніи относительно полного невѣжества народа въ религіозныхъ истинахъ. Что нынѣ тысячи православныхъ простыхъ людей изживаютъ вѣкъ, не зная основныхъ истинъ вѣры, не слыхавъ о І. Христѣ, и сходятъ въ могилу со смутнымъ представленіемъ о Николаѣ Угодникѣ, Смоленской и Троеручицѣ, — такое утвержденіе не только несправедливо, но прямо-таки обидно для нашего простого народа. Боже мой! Какой же это долженъ быть, въ самомъ дѣлѣ, непроходимо-безтолковый и глупый народъ: слышитъ онъ въ церкви, а иногда и самъ повторяетъ простѣйшія слова символа вѣры, внимаетъ Евангелію, объясняютъ ему священники въ проповѣдяхъ значеніе вѣры, излагаютъ ученіе Христово, бесѣдуютъ о земной жизни Господа, — а онъ хоть бы что усвоилъ и запомнилъ изъ всего слышаннаго и повтореннаго тысячи разъ... Къ счастью и утѣшенію нашему — подобное утвержденіе ложь и неправда. Оно, просто, держится и передается, такъ сказать, по инерціи, — разъ сложившись, — давно уже, — на основаніи поверхностныхъ наблюденій надъ народомъ... Здѣсь вводитъ въ заблужденіе грубость обиходныхъ выраженій простолюдина, касающаяся нѣкоторыхъ сторонъ вѣры и его неумѣніе выразить, формулировать на словахъ то, что онъ знаетъ и во что сознательно вѣруетъ. Долговременное служеніе простому народу и близкое общеніе съ нимъ даютъ намъ право утверждать, что нѣтъ среди него такихъ круглыхъ „невѣгласовъ“ въ дѣлѣ вѣры, какъ любятъ утверждать нѣкоторые; большинство православнаго народа достаточно освѣдомлено въ ученіи Христовомъ и вѣруетъ и чтетъ истиннаго Бога сознательно!... Нѣтъ, не всеу трудились и трудятся пастыри — проповѣдники; не безотрадно положеніе у насъ дѣла церковнаго учительства, какъ видно изъ предложеннаго нами очерка!... Свящ. А. В—ій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 сентября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
цию сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1903 года, сентября 21-го.

Содержаніе: О всеословной волости и возрожденіи прихода.—Изъ бесѣды съ о. Алексѣемъ (духовенство и интеллигенція).—Пастырская проповѣдь, какъ живое слово.—Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ.—О погребеніи раскольниковъ и уклонившихся въ расколъ.

О всеословной волости и возрожденіи прихода.

Въ № 8-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій 1903, годъ, по поводу *положеній* А. А. Панкова о приходскомъ возрожденіи, сказано, что „редакція *Русскаго Вѣстника* и *Руководства для сельскихъ пастырей* обратились къ своимъ подписчикамъ съ просьбой высказать свои замѣчанія о проектѣ приходскаго управленія и доставить ихъ редакціямъ для дальнѣйшей разработки вопроса. И эти голоса людей опыта, конечно, могутъ имѣть значеніе для уясненія дѣла, но пока еще голосовъ этихъ не слышно“.

Мы не удивляемся тому, что этихъ голосовъ пока еще не слышно; можетъ быть, мы ихъ и совсѣмъ не услышимъ, потому что предлагаемые проекты о возрожденіи прихода и всеословной волости духовенство, особенно сельское, считаетъ

для себя по многимъ причинамъ не подходящими при современныхъ условіяхъ своей жизни. Духовенство, если бы даже и пожелало, не можетъ войти въ составъ всесловной волости, такъ какъ оно, по каноническимъ правиламъ, во-первыхъ, не имѣетъ права занимать никакихъ другихъ стороннихъ должностей, кромѣ своихъ, и, во-вторыхъ, всегда было и будетъ подчинено суду своего мѣстнаго епископа и св. Синода.

При всесловной волости и возрожденномъ приходѣ священникъ будетъ только требоисправителемъ. Всѣ сельскія власти — старшины, судьи и другіе — будутъ дѣйствовать за-одно. Всѣ они будутъ связаны то родственными отношеніями, то однимъ „гнѣздомъ“, то положеніемъ, какъ подчиненные. Одно духовенство будетъ стоять отдѣльно; не имѣя возможности примкнуть ни къ какой изъ сторонъ и лишенное какого бы то ни было значенія въ жизни прихода, оно потеряетъ всякій авторитетъ въ глазахъ народа. Ужъ если въ настоящее время земскіе начальники, члены управы ухитряются строить въ деревняхъ школы помимо согласія священника, часто совсѣмъ не приглашая его даже для обсужденія вопроса относительно мѣста для школы, то тогда, когда священникъ будетъ закономъ устраненъ отъ церковнаго хозяйства, школъ и пр. подобныхъ дѣлъ, его будутъ прямо презирать. А потому, напрасно газеты успокаиваютъ насъ, говоря, что введеніе положеній о возрожденномъ приходѣ не клонится къ уменьшенію авторитета священника. Никогда и нигдѣ авторитетъ кого бы то ни было не возвышался уменьшеніемъ района его дѣятельности; напротивъ, онъ возвышается только увеличеніемъ района и дарованіемъ большей власти... А разъ священники не будутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ народа, то тотчасъ же явятся разныя новыя секты, всевозможные потрясатели основъ...

Представимъ, что прихожане въ церковномъ хозяйствѣ дѣйствуютъ *автономно*, безъ всякаго вліянія со стороны „не интеллигентныхъ“ священниковъ, и посмотримъ, каково будетъ тогда церковное хозяйство?

За рѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ фактамъ недавняго времени, имѣвшимъ мѣсто до введенія новой Инструкціи церковнымъ старостамъ. Въ то время были нѣкоторые священники совсѣмъ не входившіе въ церковное хозяйство, предоставлявшіе его во всемъ своемъ объемѣ приходу. Къ числу такихъ священниковъ относился и мой умершій уже предшественникъ. Въ его служеніе прихожане самовольно взяли изъ церкви 500 руб., на которые устроили школьное зданіе и отдали его въ вѣдѣніе земской управы; самовольно отвели кладбище на церковной землѣ и огородили его оградой. Между тѣмъ, храмъ ихъ представлялъ изъ себя печальнѣйшее зрѣлище! Штукатурка обвалилась; краски облѣзли; угловые камни колокольни и правый уголъ трапезной церкви вывалились; ходъ въ церковь внутри колокольни не былъ ничѣмъ загороженъ; вѣтеръ въ пролетахъ до того всегда былъ силенъ, что нерѣдко подымалъ одежду на головы проходящихъ; пролеты во второмъ ярусѣ колокольни тоже не были ничѣмъ загорожены, вслѣдствіе чего во время дождя вода прямо лилась внутрь колокольни, и полы, лѣстницы и всѣ деревянныя части въ ней оказались гнилыми; надъ алтаремъ въ крышѣ было большое отверстіе; своды въ трапезной церкви треснули, и въ нихъ были сквозныя щели. Не лучше обстояло дѣло и внутри храма. Печи дымали, коптели и нисколько не грѣли; полы представляли изъ себя какую-то темную неровную поверхность; одинъ изъ иконостасовъ былъ не позолоченъ совсѣмъ; а другой—загороженъ досками, оклеенными золоченой бумагой (онъ около ста лѣтъ стоялъ не освященнымъ); въ церкви не было ни подсвѣчника, ни кадила порядочнаго и ни одной лампадки. И вотъ, при такомъ печальномъ состояніи храма, прихожане рѣшились взять изъ церкви послѣдніе 500 руб. и устроили на нихъ земскую школу!.. Когда я поступилъ на мѣсто, то засталъ слѣдующее: церковный староста послѣ обѣдни набиралъ въ карманы своего пиджака церковныхъ денегъ и вмѣстѣ съ прихожанами отправлялся въ кабакъ пьянствовать, а *представители* жарили яичницу изъ яицъ, приносимыхъ крестья-

нами для церкви вмѣсто денегъ... Большого труда стоило мнѣ удалить упомянутыхъ старосту и представителей, такъ какъ приходъ вступился за нихъ очень горячо и подалъ прошеніе архіерею о томъ, что больше никого не желаетъ имѣть старостой и представителями, какъ только тѣхъ лицъ. Прихожане при этомъ старостѣ всѣ церковныя дѣла устраивали сами: рядили подрядчиковъ, осматривали работы, принимали ихъ, покупали, что нужно, и нанимали церковныхъ сторожей, которые, какъ нанятые прихожанами, не считали нужнымъ слушаться священника. Когда я однажды захотѣлъ смѣнить сторожа, то прихожане, собравшись у церкви, кричали старому сторожу: „Оставайся, служи: мы тебѣ прибавимъ жалованья!“ При наймѣ сторожа и при отдачѣ какой-либо работы подрядчику, а также при приемѣ ея прихожане выговаривали всегда ведро-два водки. Вотъ образчикъ автономнаго веденія церковнаго хозяйства приходомъ! Такимъ же способомъ прихожане сдѣлали и пристройку къ училищному зданію. Получивъ изъ управы 500 руб., они устроили такое зданіе, что черезъ годъ управа просила закрыть училище.

Видя печальное положеніе своего храма, я рѣшилъ уничтожить главную причину всего этого, т. е. удалить прихожанъ отъ управленія церковными дѣлами. И только благодаря тому, что я изъясилъ церковное хозяйство изъ рукъ прихожанъ, мой храмъ въ настоящее время имѣетъ приличный видъ; что же касается 500 руб., взятыхъ прихожанами изъ церкви на школу, то они такъ и погибли... Изъ этого послѣдняго факта можно заключить, что прихожане не очень-то дорожатъ церковными деньгами, когда онѣ имъ необходимы на ихъ же собственныя нужды.

Къ этому нельзя не добавить еще и того, что прихожане дальше своихъ мѣстныхъ интересовъ вообще ничего не видятъ и ничего не признаютъ. Такъ, они не признаютъ ни сборовъ съ церквей на духовно-учебныя заведенія, ни сборовъ по кружкамъ, существующимъ въ церквахъ, ни сборовъ на построеніе храмовъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Россіи, ни рас-

ходовъ на покунку книгъ и т. п. Все это, по ихъ мнѣнію, излишне. Они нисколько не сочувствуютъ церковнымъ кружкамъ для сбора въ недѣли Православія, Ваій, Крестопоклонную и др. Поэтому, есть нѣкоторыя церкви, гдѣ старосты церковныя *не собираютъ по кружкамъ ничего*, а просто *отчисляютъ изъ кошелевой суммы известное, ежедневно одинаковое*, количество денегъ. Такой свой образъ дѣйствій они оправдываютъ слѣдующими доводами и соображеніями. Представимъ, что крестьянинъ пришелъ въ недѣлю Ваій съ десятию копейками. На эти деньги онъ хотѣлъ купить въ *три* копейки свѣчку, а *семь* копеекъ подать старостѣ на блюдо, когда послѣдній будетъ собирать кошелековой сборъ на литургіи. Между тѣмъ оказывается, что послѣ шестопсалмія на утрени былъ сборъ на Палестинское Общество, — крестьянинъ подалъ 2 к.; потомъ оказалось, что на литургіи, послѣ евангелія, опять сборъ на Палестинское Общество, — онъ подалъ 3 коп.; купилъ свѣчку въ 2 коп., — и ужъ старостѣ въ кошелекъ попало только 3 коп. Такимъ образомъ, все сборы въ церкви въ кружки нѣкоторымъ образомъ рассчитаны на кошелековую сумму и обратно пропорціональны ей, слѣдовательно, самое лучшее — не собирать ни въ какія кружки, а отчислять изъ кошелековой суммы известное количество денегъ...

Итакъ, допустить прихожанъ къ автономному хозяйничанью церковными суммами значить — погубить не только благолѣпіе церковное, но и многія учрежденія, связанная съ церковнымъ хозяйствомъ. Поэтому, напрасно пишутъ, что „между крестьянской сходкой и всесословнымъ волостнымъ сходомъ долженъ возродиться приходъ... *На церковной работѣ привыкнетъ населеніе къ самоуправленію и самоуваженію*“ („Нов. Вр.“, № 8144, 1902 г.). Не на церковной работѣ населеніе должно учиться самоуправленію, а на той, которая имъ уже дана. Въ церкви христіанинъ долженъ учиться смиренію, чтобы, подобно грѣшному мытарю, выйти изъ нея оправданнымъ. Самоуправленіе же крестьянамъ давно дано Императо-

ромъ Александромъ II. Крестьяне имѣютъ право сами выбирать старшину, сельскихъ старостъ, сотскихъ, десятскихъ, устраивать сельскіе сходы, рѣшать на нихъ различныя дѣла и раскладывать разныя повинности.

Удивительно, что, при такихъ обширныхъ правахъ, крестьяне все еще не научились самоуправленію! Очевидно, тамъ, гдѣ они должны бы были ему научиться, не очень-то ихъ учили, да и не хотятъ ихъ самоуправления, а отсылаютъ къ церкви и церковнымъ дѣламъ. Это—болѣе, чѣмъ странно...

Итакъ, при настоящихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, не можетъ быть даже и рѣчи о приходскомъ возрожденіи въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ разные инициаторы воздушныхъ проектовъ. Единственное, что мы видимъ хорошаго въ предлагаемыхъ проектахъ, и что дѣйствительно было бы насущнымъ хлѣбомъ для населенія, а не камнемъ. это—учрежденіе „судебнаго приходскаго совѣта“ подъ предсѣдательствомъ священника. Священникъ и нѣсколько прихожанъ, напр.—12 человекъ, могли бы въ приходѣ составить *судебный совѣтъ*, гдѣ разбирались бы всѣ дѣла прихода, какъ гражданскія, такъ и уголовныя. *Совѣтъ* этотъ замѣнилъ бы собою волостныхъ судей при правленіяхъ и былъ бы во всякомъ случаѣ лучше ихъ. Тогда авторитетъ священника дѣйствительно поднялся бы очень высоко, крестьяне научились бы самоуваженію и другимъ добродѣтелямъ. Между тѣмъ, о судебной власти священника упоминается въ *одной* только газетѣ — и то съ осторожностью и оговорками, признавая ее только въ *третьейскомъ судѣ*, если кто пожелаетъ къ нему обратиться, и *безъ писанія всякихъ бумагъ и протоколовъ*. На самомъ же дѣлѣ судебная власть священника не противорѣчитъ ни Священному Писанію (Мѡ. 18, 17), ни каноническимъ правиламъ, ни древней практикѣ, ни настоящему положенію православнаго Россійскаго государства. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ до послѣдняго дня прихожане сами ходятъ *судиться* къ священнику, минуя волостные суды и земскихъ начальниковъ. Тѣмъ же, которые боятся протоколовъ и письменныхъ рѣшеній суда, совѣтуемъ прочесть 149 псаломъ, гдѣ царь-

пророкъ говорить о томъ, что святыя будутъ совершать мщеніе надъ народами и производить судъ *писанный*.

Свящ. *Николай Густиневъ*.

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

II.

(Духовенство и интеллигенція).

Въ этотъ вечеръ кромѣ насъ, обычныхъ посѣтителей достопочтеннаго о. Алексѣя Семеновича, былъ еще у него знакомый всѣмъ намъ священникъ сосѣдняго довольно бойкаго и люднаго села N. Отецъ П.—человѣкъ живого темперамента, интересующійся вопросами современности, несмотря на свой пожилой возрастъ. Теперь онъ рассказывалъ про жизнь духовенства въ ихъ селѣ и жаловался на полную разобщенность между духовными лицами и мѣстной интеллигенціей. Интеллигенціи въ N.—довольно значительный кружокъ, составившійся ихъ людей, служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ. Въ селѣ, на противоположномъ высокомъ берегу рѣки, находилась земская больница, двухклассное министерское училище, земская женская школа; кромѣ того, при селѣ—квартиры станового пристава и земскаго начальника. Весь этотъ интеллигентный кружокъ сторонился отъ духовенства, жилъ своими интересами и группировался около больницы, стоявшей на высокомъ берегу, на горѣ. Вслѣдствіе этой разобщенности, село N такъ и подраздѣлялось на „гору“ и собственно „село“, гдѣ жили лица духовныя. Между тою и другою частями, по образному выраженію о. П., „пропасть велика утвердися“, именно—въ смѣслѣ разумно-житейскихъ отношеній.

— Не повѣрите: горько и обидно до боли становится видѣть это молчаливое третированіе нашего брата!—возмущался о. П.—Тамъ, на „горѣ“ у нихъ, совсѣмъ иная жизнь; они и газеты получаютъ, и журналы выписываютъ, то у того, то у другого—послышишь—собираются. Навѣрно, и разговоры не наши—умные: есть о чемъ поговорить, обмѣняться мы-

слями, думами. А мы... мы тутъ же, подъ „горой“, въ „селѣ“ сидимъ каждый въ своемъ углу, а соберемся когда своей „братіей“, такъ тоже—не много радости...

— Однако, что же вамъ препятствуетъ ближе сойтись съ ними, разъ ужъ такъ плѣняетъ васъ интеллигентная компанія?—вставилъ свое замѣчаніе хозинъ на горячую рѣчь гостя.

— Въ томъ-то и бѣда, о. Алексѣй, что, по пословицѣ, „силой милому не быть“! Разъ уже существуетъ эта „пропасть“ между нами, дальше внѣшнихъ, служебныхъ отношеній дѣло не подвинуть... Что толку: выдаешься съ ними не рѣдко, бывая въ больницѣ, въ училищахъ; всѣ эти интеллигенты—знакомы, и знаешь, что нѣкоторые изъ нихъ—прекрасные люди. Но вотъ этой умственной, духовной близости и общенія нѣтъ; а между тѣмъ, думается, почему бы ей и не быть? Въ существѣ одной, вѣдь, родной землѣ служимъ, хотя и въ разныхъ отношеніяхъ, и одному Богу молимся!

— Не знаю, что вамъ на это сказать: кто тутъ виноватъ, кто правъ... А всё же, думается, не безупречны и мы въ существующей розни и отчужденности. Давно ли было то время, когда наше сословіе коснѣло въ полнѣйшей замкнутости? когда для него, кромѣ узко-сословныхъ и приходскихъ, матеріальныхъ интересовъ, не существовало почти никакихъ? Да, по правдѣ, и не тянуло насъ самихъ выглянуть изъ-за нашей сословной стѣны на міръ Божій—посмотрѣть, что дѣлается тамъ, за предѣлами прихода. Понятно, и къ намъ никто не навязывался на близкое общеніе. Да и о чемъ было бы толковать съ нами постороннему свѣжему человѣку?.. И оставались мы въ сторонѣ отъ жизни, забытые, третируемые со стороны лицъ другихъ сословій, призванныхъ служить съ нами же бокъ-о-бокъ; каждый изъ нихъ, занимая мало-мальски видное положеніе, былъ облеченъ почетнымъ званіемъ „барина“, а каждый изъ насъ оставался „пономѣ“, только въ глаза удостоивался полуироническаго названія „батюшки“. Но, слава Богу, выходитъ и духовенство изъ прежней апатіи и приниженности, шире и глубже понимаетъ свои задачи,

смѣлѣе начинаетъ смотрѣть на мѣръ Божій. Отъ насъ зависитъ показать и доказать всѣмъ, что и мы—не лишніе люди въ современной жизни и можемъ сказать свое слово. Не будетъ тогда чуждаться насъ, какъ прежде, образованное свѣтское общество—интеллигенція. И напрасно многіе изъ насъ, по старой привычкѣ, робѣютъ, чураются этого новаго термина, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ прикрываетъ собою нѣчто враждебное, непримиримое...

— Но вотъ же—примѣръ на лицо,—сказалъ кто-то изъ насъ, указывая на о. П.,—не особенно то жалуетъ насъ пока интеллигенція... Да и въ печати нельзя встрѣтить теплаго, сочувственнаго отношенія къ намъ; едва ли скоро дождемся со стороны ея благосклонности.

— Скоро и не измѣняются установившіяся чуть не вѣками отношенія: смѣшно было бы и ждать, чтобы такъ долго чуждавшіеся насъ люди иного общественнаго положенія вдругъ раскрыли намъ свои объятія. Живуче, друзья мои, предубѣжденіе, воспитанное противъ насъ въ обществѣ, и много еще потребуется отъ насъ усилій, чтобы побѣдить его... Но мнѣ все таки думается, что настоящее время—самый благоприятный моментъ для этого; на то указываетъ направленіе современной русской жизни и стремленія нашего мыслящаго, образованнаго класса. Не напрасно за послѣднее время полюбили у насъ эти ключки-термины: „интеллигентъ“, „интеллигенція“. Ясно, что подъ этимъ названіемъ кроется нѣчто многозначительное, заманчивое для всякаго, и если вникнуть въ смыслъ слова, то иначе и не должно быть. „Интеллигентъ“ по-русски значитъ: понимающій человѣкъ, сознательно, разумно относящійся къ жизни въ широкомъ смыслѣ слова; можно бы, пожалуй, перевести терминъ этотъ однимъ русскимъ словомъ: „умникъ“, чему, къ сожалѣнію, мѣшаетъ наша застѣнчивость. Не ловко же, въ самомъ дѣлѣ, было бы открыто всѣмъ величаться „умниками“!.. Но сущность дѣла безъ перевода остается та же: „интеллигентомъ“, „интеллигентціей“ прикрывается у насъ, очевидно, всеобщее стремле-

ніе „поумніть“, сознательно, разумно жить и дѣйствовать. И этого стремленія нельзя не привѣтствовать, нельзя ему не порадоваться; и притомъ же, оно не чуждо и намъ, духовенству... Что дѣлать?—Прошла пора преклоненія предъ стихійной простотой, предъ культомъ ученика—„дурака“, разъѣзжающаго на печи, такъ опоэтизированнаго въ нашихъ сказкахъ,—настала пора „взяться за умъ“, осмыслить свою жизнь,—и въ добрый часъ! Думается, такъ должна понимать—да такъ и понимаетъ—свои задачи лучшая часть нашей интеллигенціи, не всуе треплющая хорошее имя. Съ ней легче и скорѣе можетъ сблизиться духовенство, чѣмъ съ прежнимъ самодовлѣющимъ барининомъ-чиновникомъ...

Всѣ мы долго и молча слушали полная оптимизма и благодушія рѣчи о. Алексѣя, но вполне согласиться съ ними мѣшали намъ нѣкоторые факты изъ жизни интеллигенціи: непризванное вмѣшательство въ политическіе вопросы, отрицательное отношеніе къ религіи, шатаніе въ дѣлахъ вѣры и презрительный взглядъ на духовенство и его дѣятельность... Во всемъ этомъ, какъ извѣстно, многіе „передовые“ вожди нашей интеллигенціи успѣли заявить себя съ невыгодной стороны. Свои сомнѣнія постарались мы поставить на видъ нашему слишкомъ, какъ казалось, благодушному хозяину. Но о. Алексѣй остался и на этотъ разъ непоколебимъ въ своемъ оптимизмѣ.

— Не спорю съ вами,—повель защиту своего взгляда почтенный о. Алексѣй:—много пока непригляднаго и даже прямо вреднаго примѣшивается еще къ общерусскому интеллигентному движенію, но здѣсь необходимо отдѣлять главное отъ случайнаго, извнѣ принесеннаго. Существенно-хорошее въ этомъ движеніи то, что пробудилось въ насъ, русскихъ людяхъ, общее стремленіе сознательно взглянуть на свою жизнь, осмыслить, упорядочить ее и съ пользой, разумно отдать свои силы на служеніе родинѣ. И кто же виновать, что тутъ же присосѣдились люди злонамѣренные, подъ благороднымъ прикрытіемъ званія „передовыхъ“ интеллигентовъ

сбьющіе смуту въ обществѣ и обдѣлывающіе свои темныя дѣла, ничего общаго съ благомъ родины не имѣющія?.. По-вѣрьте: не на ихъ сторонѣ будущее торжество; какъ посторонняя ядовитая накипь на русской жизни, скоро и безслѣдно сойдутъ со сцены подобныя непризванныя „руководители“. А останутся и будутъ продолжать свое плодотворное дѣло истинно-русскіе интеллигенты, пришедшіе во-время на смѣну нашего сослужившаго свою службу сказочнаго Ивана дурачка. Сохранять они, по-прежнему, и вѣру православную, и преданность престолу, и горячую любовь къ дорогому отчеству. Иначе и быть не можетъ, потому что „живъ Богъ земли Русской“, и жива только Имъ наша русская душа!.. Да, въ сущности, не таковы ли и есть окружающіе насъ сельскіе, провинціальныя служащіе—интеллигенты: большинство изъ нихъ развѣ въ глубинѣ души не простыя, вѣрующіе русскіе люди? Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только ближе сойтись съ нашей служащей интеллигенціей. До всеобщей порчи и религіознаго развращенія дѣло еще не дошло—и не дойдетъ, надо надѣяться... Вотъ здѣсь-то и драгоцѣнно было бы сближеніе духовенства съ интеллигенціей, благотворно его просвѣтительно-религіозное вліяніе. А какая польза была бы отъ подобнаго общенія для дорогого общерусскаго дѣла. Правда, это сближеніе и общеніе только еще начинается и по мѣстамъ достигается не легко, какъ вотъ говорилъ о. П., но есть примѣры и другого рода... Знаете, конечно, или слышали про село N; далеко оно отсюда, но здѣшняго же уѣзда. Такъ вотъ тамъ, какъ на пресловутой „горѣ“ о. П., тоже значительное скопленіе интеллигенціи. Живутъ: слѣдователь, становой, земскій начальникъ, дворянинъ-помѣщикъ и, конечно, учебный персоналъ,—и что же?—у всѣхъ самыя близкія отношенія съ мѣстнымъ о. Георгіемъ! Я его давно знаю, знаю, чѣмъ и привлекъ онъ къ себѣ расположеніе всей мѣстной интеллигенціи. Дружба и братское общеніе создалось именно благодаря выдающимся настырскимъ достоинствамъ и уму о. Георгія. По натурѣ онъ какъ будто и мало подходитъ къ

свѣтскому обществу: не весельчакъ, не балагуръ, въ карты не играетъ, вина не пьетъ. А вотъ — полюбили человѣка, и онъ—всегда желанный гость на ихъ интеллигентныхъ собраніяхъ... Но какъ быть тамъ, гдѣ еще пока съ „горы“ къ намъ не спускаются; не подойти ли самимъ къ этой „горѣ“, не теряя достоинства, и показать дѣломъ и истиною свою готовность къ сближенію на благо общаго русскаго православнаго дѣла?...

На этомъ прервалъ свою бесѣду благодушный о. Алексѣй. Разсказъ про о. Георгія сильно интересовалъ насъ, и намъ хотѣлось подробнѣе разспросить про него; но, видя утомленіе престарѣлаго хозяина, мы отложили это до другого благопріятнаго случая... Какъ всегда бывало, съ новыми, бодрыми мыслями и думами расходились мы по домамъ послѣ бесѣды съ о. Алексѣемъ.

Свящ. А. В—ій

Пастырская проповѣдь, какъ живое слово.

Въ послѣднее время въ духовной печати и практикѣ пастырской началось сильное движеніе въ сторону, такъ называемаго, *живого* проповѣдническаго слова. Между прочимъ, было высказано въ печати—и не разъ—мнѣніе, что только такой способъ проповѣданія есть проповѣдь въ собственномъ смыслѣ, и что только проповѣдующій *живымъ* словомъ, а не по тетрадкамъ и книгамъ, является учителемъ, чѣмъ и долженъ быть пастырь.

Нельзя не привѣтствовать съ радостью это новое теченіе въ исторіи нашего проповѣдничества, которое можетъ и пастырей-учителей возвысить, и проповѣдь ихъ сдѣлать болѣе плодотворною, живою и дѣйственною, и, наконецъ, оказать содѣйствіе усиленію пастырскаго вліянія въ общественной жизни паствы. Но вмѣстѣ съ этою радостью за успѣхъ *живой* проповѣди, вмѣстѣ съ пожеланіемъ ей всякаго добраго преуспѣянія, по пословицѣ: „audiatur et altera pars“, нужно при-

нять мѣры и къ тому, чтобы проповѣдь, какъ „живое слово“, сохранила въ себѣ всѣ черты истинно-церковной христіанской проповѣди, именно — всю чистоту ученія, основательность сужденія, вразумительность, папидательность. Большая свобода въ проповѣданіи, увлеченіе *живымъ* словомъ можетъ подать поводъ инымъ небрежнымъ проповѣдникамъ выступать на кафедрѣ безъ достаточной подготовки, что даже и теперь иногда замѣчается, и, такимъ образомъ, избѣгая одной крайности — сухой, отвлеченной, безжизненной проповѣди — можно впасть въ другую, — *и будутъ послѣдняя горша первыхъ*.

Необходимо прежде всего замѣтить, что самое понятіе о проповѣди, какъ о *живомъ* только словѣ, при чемъ исключается чтеніе по тетрадамъ и книгамъ, неправильное понятіе: оно не соотвѣтствуетъ церковнымъ правиламъ и законамъ о проповѣди. Такъ, Уставъ Духовныхъ Консисторій, вмѣняя епархіальному начальству въ обязанность „пещись, чтобы духовенство проповѣдывало Слово Божіе въ церквахъ и наставляло при всякомъ удобномъ случаѣ православный народъ въ вѣрѣ и благочестіи, въ благоправіи и послушаніи властямъ“, для осуществленія этой цѣли предписываетъ, чтобы „въ церквахъ при богослуженіи священнослужители обязательно читали поученія изъ писаній свв. отецъ и изъ назначенныхъ для того книгъ, а получившіе надлежащее образованіе произносили и собственныя свои поученія, приспособленныя къ понятію и потребностямъ мѣстныхъ слушателей“, при чемъ „поученія, сочиняемыя самими священнослужителями, предписывается представлять, смотря по возможности, благочинному или цензору, *прежде произнесенія ихъ*; не представленныя по какимъ-либо случаямъ прежде должны поступать къ цензору, по крайней мѣрѣ, послѣ произнесенія ихъ, для разсмотрѣнія“ (Уст. Дух. Конс., ст. 8, 9). Даже катихизическія поученія — этотъ родъ, такъ сказать, элементарнаго учительства паетырѣй, — и то ограждены цензурою, хотя и не предварительною (Уст., ст. 13). Если привести здѣсь руководящія къ проповѣди правила св. соборовъ, то еще очевиднѣе

выступить, выяснится забота Церкви о томъ, чтобы всемѣрно оградить всю чистоту учительства церковнаго, или проповѣди. Такъ, извѣстное прав. 19-е VI вселенск. собора, заповѣдуя предстоятелямъ церквей „по вся дни, наипаче же во дни воскресныя, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія“, *предписываетъ избирать „изъ Божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступать положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отцевъ; и аще будетъ изслѣдуемое слово Писанія, то не инако изъясняютъ оное, развъ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви“.*

При такой заботѣ о чистотѣ ученія и вообще о томъ, какъ бы „не уклониться“ въ разъясненіяхъ и сужденіяхъ „отъ подобающаго“, а во всемъ послѣдовать „богоглаголивому ученію отцевъ и преданію каѳолическія Церкви“ (Кн. прав., догм. VII в. соб.), Церковь никогда, какъ это очевидно изъ приведенныхъ законоположеній о проповѣди, не исключала способа проповѣдыванія по книгамъ и тетрадамъ, а, напротивъ, такой-то способъ и считала болѣе приличествующимъ важности сего учительства. Если справедливъ взглядъ на проповѣдь, какъ на часть, продолженіе богослуженія,—а порядокъ богослуженія охраняется прямымъ повелѣніемъ—ничего изъ богослужебныхъ словъ, молитвъ, возгласовъ не произносить безъ книги,—то вотъ и новое основаніе къ тому, чтобы и проповѣдь церковная совершалась, во избѣжаніе возможныхъ ошибокъ, также по книгамъ или тетрадамъ. И въ позднѣйшихъ опредѣленіяхъ Св. Синода мы встрѣчаемъ только одно указаніе оти сительно наставленія народа въ вѣрѣ и благочестіи именно живымъ, безъ книги и тетради, словомъ,—но указаніе, относящееся не къ проповѣди въ собственномъ смыслѣ слова, а къ „собесѣдованіямъ“, которыя предлагаются послѣ богослуженія (вечерни) или въ храмѣ, или возлѣ него, или въ какомъ-либо зданіи ¹⁾.

¹⁾ „Собесѣдованія должны быть издаваемы по руководству священнаго Писанія и святыхъ отцевъ, языкомъ живымъ, простымъ, удобоно-

Свѣтила Русской Церкви и величайшіе проповѣдники ея, какъ извѣстно, проповѣдывали по тетрадямъ, притомъ они отличались чрезвычайною заботливостью и осторожностью какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ выраженіяхъ, чтобы не погрѣшить даже противъ чистоты и правильности языка. Даже святитель Филаретъ Московскій обыкновенно отдавалъ свои проповѣди на цензуру профессору Ѡ. А. Голубинскому или А. В. Горскому, требуя строгой съ ихъ стороны критики, которую и принималъ съ смиреніемъ, а иногда и защищался противъ ихъ замѣчаній. Въ одномъ изъ писемъ святит. Ѡе фана къ священнику, спрашивавшему о томъ, какъ ему исполнять долгъ непрестаннаго учительства церковнаго, владыка-затворникъ отвѣтилъ, чтобы тотъ не задумываясь читалъ въ церкви бесѣды Златоуста, ограничиваясь для краткости послѣднею правоучительною частью ихъ, или читалъ бы творенія св. Тихона.

Намъ кажется, что такой взглядъ на проповѣдь, по которой она можетъ быть произносима и по тетради и по книгамъ, еще не исключаетъ возможности для подобнаго способа проповѣданія быть „живымъ словомъ“, равно какъ и проповѣдываніе безъ книги и тетради—можетъ не имѣть характера жизненности, не быть *живымъ*, а сухимъ, мертвымъ словомъ. Дѣло въ томъ, какъ относится къ проповѣдыванію. Одно почтенное и всѣми уважаемое лицо (свѣтское) въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки возмущалось такимъ произнесеніемъ проповѣдей по тетради, при которомъ проповѣдникъ дѣйствительно является *чтецомъ*, читающимъ что-то, ему совершенно чуждое, незнакомое, такъ что онъ и на секунду не можетъ отвести глазъ отъ своей тетради. И дѣйствительно, нельзя не возмущаться при видѣ такого проповѣд-

нятымъ, безъ употребленія иностранныхъ словъ. Могутъ быть чтенія по тетради или по книгѣ, но въ подтвержденіе того, что говорилось устно, и чтенія не продолжительныя, отчетливыя и вытпныя“. (Опред. Св. Синод 19 Іюн. 1890 г.).

ника. Но еще болѣе можетъ возмутить и тотъ беззащитный церковный ораторъ, который самонадѣянно, иногда въ самообольщеніи отъ своего мнимаго краснорѣчія и мнимаго проповѣдническаго дара, явится на кафедре съ самымъ ограниченнымъ запасомъ однихъ такъ называемыхъ общихъ мѣстъ. И вотъ, это, дѣйствительно, будетъ то, что г. Гарѣевъ, въ своей полемикѣ по вопросу о *живомъ словѣ* въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, назвалъ *хлобыстаньемъ* ¹⁾. Этимъ словомъ названный писатель обозвалъ чтеніе проповѣди по книгѣ, но намъ кажется, что оно подходитъ—и даже болѣе—къ устной проповѣди, состоящей изъ однихъ общихъ, всѣмъ извѣстныхъ мыслей и общихъ фразъ. Но вѣдь можно и по книгѣ не читать, а *произносить* проповѣди и быть не *чтецомъ*, а проповѣдникомъ. Это бываетъ, когда книжная проповѣдь выбрана удачно, когда она разучена, продумана самимъ проповѣдникомъ и произносится свободною рѣчью. ²⁾

Конечно, это будетъ почти тоже *живое слово*, хотя вѣрно и то, что если бы такая проповѣдь произнесена была безъ книги, то впечатлѣніе, успѣхъ ея былъ бы еще сильнѣе. Отсюда, перейдемъ къ прямому выводу о томъ, что секретъ успѣха, жизненности, дѣйственности проповѣди, заключается не столько въ самомъ способѣ произнесенія и даже не столько въ самомъ содержаніи проповѣди, сколько въ *личности и духѣ говорящаго*. „Надобно учащему тщательно самому въ ду-

¹⁾ Май, 1903 г., стр. 187.

²⁾ По поводу чтенія проповѣдей по книгѣ припоминаются намъ наблюденія, сдѣланныя во время продолжительныхъ монастырскихъ службъ церковныхъ съ чтеніемъ поученій, положенныхъ по Уставу изъ Пролога и др. книгъ... Выходить къ аналою на средину храма чтець, обыкновенно іеромонахъ, и получивъ благословеніе, вычитываетъ безстрастно и безъ выраженія продолжительную повѣсть. И что же?—Стоящій народъ съ напряженіемъ слѣдитъ за каждымъ его словомъ, боясь проронить даже одинъ звукъ, неволью сдвигается около чтеца толпа, не слышно ни кашли, ни малѣйшаго шума, и только уже по окончаніи чтенія прекращается это чрезвычайное напряженіе, и замѣтно какъ будто сожалѣніе, что скоро прекратилось это духовное наслажденіе. *Авт.*

ховной жизни упражняться, — говорить святитель Филаретъ Московскій: — въ комъ *возбуждена внутренняя жизнь*, у того сердце стрываетъ удобно слово благое, которое и *въ другихъ* возбуждаетъ внутреннюю *духовную* жизнь. Советую читать бесѣды Макарія Египетскаго, гдѣ въ *словѣ младенца* лежатъ *лубины духа*“ („Резолюціи“, 15 стр.).— Вотъ наставленіе, которое разрѣшаетъ секретъ дѣйственности проповѣди на всѣ случаи, на всѣ времена. Въ этомъ лежитъ объясненіе силы, жизненности и дѣйственности проповѣдничества и знаменитаго современнаго намъ Кронштадскаго пастыря. Внутренняя жизнь во Христѣ движетъ устами его, — и они удобно отыгаютъ *слово благо* и въ другихъ возбуждаютъ начало духовной жизни. Однако, и о. Іоаннъ началъ свое проповѣдничество, по собственному его о томъ признанію, чтеніемъ въ храмѣ словъ митрополита С.-Петербургскаго Григорія, и кто читалъ проповѣди о. Іоанна прежняго времени, не могъ, вѣроятно, не замѣтить въ нихъ этого вліянія.

Итакъ, мы будемъ считать цѣль настоящей замѣтки достигнутою, если читатель, еще не приобрѣтшій надлежащей опытности въ проповѣдничествѣ, узнаетъ, что, во-первыхъ, проповѣдь, какъ *живое слово*, можетъ совершаться и по книгѣ или тетради, если читаемое было предварительно продумано и прочувствовано, обратилось въ собственное приобрѣтеніе, достояніе, хотя это возможно только для нѣкоторыхъ выдающихся проповѣдническихъ произведеній или уже наиболѣе подходящихъ къ состоянію паствы, и что, во-вторыхъ, главное, единственно прочное основаніе и движущее начало проповѣди, какъ *живого слова*, есть собственный внутренній опытъ жизни во Христѣ, упражненіе въ благочестіи и въ побѣдной борьбѣ съ страстями своими (Орл. еп. вѣд., 1903 г., № 27).

С. М. А.

Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ ¹⁾).

Ставленники высокопреосв. Григорія и ранѣе его посвященные, безъ сомнѣнія, глубоко благодарны ему какъ за строгую разборчивость и справедливость при опредѣленіи на мѣста, такъ и за то довѣріе, какое онъ оказывалъ священникамъ въ ихъ отношеніяхъ къ псаломщикамъ, а равно за поддержаніе ихъ значенія и авторитета среди прихожанъ. Точный канонистъ, строгій ревнитель закона и правды, глубокій знатокъ церковнаго устава и искренній любитель богослуженія церковнаго, онъ, по завѣту апостола, „руки скоро не возлагалъ ни на когоже“ (1 Тим. 5, 22). Каждый, желавшій поступить на священническое, діаконское или псаломщическое мѣсто, предварительно обязанъ былъ выдержать экзамень, который владыка производилъ самъ лично. Искавшій священническаго мѣста долженъ былъ выдержать экзамень по церковному уставу, чтенію, пѣнію и всѣмъ богословскимъ предметамъ;—діаконскаго—по церковной исторіи и Филаретову катихизису;—псаломщическаго—по церковному уставу, Начаткамъ, особенно же по чтенію и пѣнію. И потому, не всякій изъ окончившихъ курсъ семинаріи рѣшался являться къ преосвящ. Григорію съ прошеніемъ о назначеніи на священническое мѣсто, а изъ не окончившихъ курса не смѣлъ никто и думать проситься во священники. И этимъ приснопамятный владыка очень высоко держалъ знамя священника, воспитывая въ молодыхъ людяхъ уваженіе и благоговѣніе къ священному сану. Окончившіе курсъ семинаріи за особенную честь считали получить этотъ санъ, зная, что его можетъ получить только основательно научно подготовленный, „избранный и достойный, якоже и Ааронъ“. При всемъ томъ, недостатка въ кандидатахъ не было; напротивъ, даже многія лучшія мѣ-

¹⁾ См. № 37 с. г.

ста діаконскія были заняты окончившими курсъ семинаріи. Управляя епархією въ теченіе 30 лѣтъ, преосвящ. Григорій хорошо ознакомился со всѣми ея приходами и потому определялъ на тѣ или другія мѣста, по личному выбору, вполне достойныхъ. Каждый имѣлъ возможность освѣдомиться о праздномъ мѣстѣ и проситься на него, такъ какъ оно оставалось празднымъ цѣлый мѣсяць, по истеченіи котораго старѣйшій и достойнѣйшій и определялся. Получившій мѣсто и явившійся къ посвященію долженъ былъ предварительно цѣлую недѣлю ходить въ соборъ ко всѣмъ службамъ, пѣть и читать. И такъ какъ владыка ежедневно неопустительно приходилъ самъ къ каждому богослуженію, то и убѣждался лично въ способности къ служенію ищущаго посвященія. Послѣ посвященія ставленникъ долженъ былъ ежедневно въ теченіе недѣли, — а иногда и болѣе, смотря по степени усвоенія навыка въ служеніи, — совершать въ соборѣ литургію.

Для обзорѣнія епархіи послѣдняя была раздѣлена на *три* участка. Обзорѣвая села въ *третьей* годъ, владыка, при ревизіи, производилъ вновь экзаменъ и священнику, и діакону, и псаломщикамъ. Они должны были отчетливо знать ставленную грамату, съ которой и начинался экзаменъ; затѣмъ предлагались священнику и діакону вопросы по церковному уставу и изъ Филаретова катихизиса, а псаломщикамъ — по церковному уставу и Начаткамъ. Послѣ чего они испытывались въ чтеніи и пѣніи. Всѣмъ этимъ владыка поддерживалъ въ причтѣ знаніе истинъ вѣры, своихъ служебныхъ обязанностей, заботу о твердомъ усвоеніи церковнаго устава и умѣныи отправлять богослуженіе. И члены причта, дѣйствительно, знали свое дѣло, умѣло исполняли его и старались не ронять своего достоинства предъ прихожанами.

Встрѣчались, разумѣется, какъ и вездѣ, и печальныя исключенія, глубоко огорчавшія преосв. Григорія, желавшаго только одного, чтобы священно-церковнослужители „творили дѣло Божіе“ и жили „во всякомъ благочестіи и чистотѣ“, не служили бы соблазномъ для прихожанъ, избѣгая всего зазор-

наго. Но, преслѣдуя это, онъ не увлекался неумолимою строгостью къ провинившимся членамъ причта, не считалъ снисхожденіе въ нимъ грѣхомъ и не полагалъ кару единственною исправительною мѣрою; въ отношеніяхъ его къ провинившимся „милость и истина сръбтались, правда и миръ лобызались“. И такъ какъ „милость хвалится на судѣ“, и „судъ безъ милости будетъ несотворшимъ милости“, то владыка являлъ милость отнюдь не въ ущербъ правдѣ. Жалуется, напр., священникъ на псаломщика, выставляетъ его различныя неблаговидныя дѣянія, указываетъ и мѣры, какія были употреблены къ его исправленію. Владыка, внимательно выслушавъ жалобу, приказываетъ прислать виновнаго къ себѣ и, смотря по винѣ, дѣлаетъ наединѣ внушеніе и вразумленіе, или же налагаетъ административнымъ порядкомъ наказаніе; на публичное же позорище дѣяній его онъ никогда не являлъ. На оправданіе псаломщика обыкновенно говаривалъ: „Я съ тобою не живу, и не знаю, каковъ ты; съ тобою живетъ священникъ, онъ тебя всегда видитъ, онъ мнѣ жалуется на тебя, и я ему не имѣю основаній не вѣрить. Веди себя и служи такъ, чтобы онъ говорилъ о тебѣ хорошо, — а я буду думать о тебѣ, что ты хорошій человекъ“. На просьбу псаломщика назначить слѣдствіе, замѣчалъ: „Знаю, почему и для чего ты просишь слѣдствія: ты сумѣешь упросить прихожанъ, чтобы показали за тебя, и — чего добраго — пожалуй, наложешь даже черное пятно на священника; а я его хорошо знаю, и ему надлежитъ имѣть доброе свидѣтельство отъ прихожанъ, а потому на поруганіе его не дамъ. И безъ того не перестаютъ укорять духовенство въ сутяжничествѣ. Или, иди и впередъ не грѣши, да не горше ти что будетъ“. И уходилъ псаломщикъ, съ убѣжденіемъ, что священнику архіерей вполнѣ вѣрить, а потому, надо вести себя исправно, съ священникомъ жить мирно и относиться къ нему съ почтеніемъ. Когда поступалъ на священника или другого какого-либо члена причта оффиціальныи отъ кого-либо доносъ, и тогда преосв. Григорій не назначалъ формальнаго слѣдствія, а поручалъ благочинному

или опытному въ благочиніи священнику произвести *негласное дознаніе*, и послѣ дознанія дѣлалъ относительно виновнаго соотвѣтствующее административное распоряженіе, нисколько, такимъ образомъ, не умаляя значенія причта среди прихожанъ и не ослабляя его авторитета. Насколько онъ дорожилъ авторитетомъ причта и не давалъ гордости и злобѣ, недовольству и ненависти торжествовать, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго. Является, напр., крестьянинъ съ жалобою на священника, что тотъ не вѣнчаетъ его сына и требуетъ за свадьбу слишкомъ ужъ много, будто бы, денегъ. Владыка, убѣдившись, что священникъ проситъ нисколько не болѣе того, что заведено платить, возвращалъ прошеніе и обыкновенно говорилъ: „А чѣмъ же причту вашему жить-то, если вы не будете платить за труды его? ты, вѣроятно, въ пять разъ больше истраишь на вино и угощеніе, а причту жалъ заплатить положенное. Поди и сойдись съ священникомъ,—онъ повѣнчаетъ; а я въ твои отношенія съ нимъ не нахожу нужнымъ вмѣшиваться въ этомъ дѣлѣ“. И уходилъ такой жалобщикъ ни съ чѣмъ, и являлся затѣмъ къ священнику съ повинною.

Правда, преосвящ. Григорій былъ и строгъ, даже очень строгъ, — но только къ тѣмъ, на которыхъ никакія отеческія мѣры не дѣйствовали; надъ такими назначалось и формальное слѣдствіе; но—повторяю—это было въ крайнихъ и рѣдкихъ случаяхъ.

Такъ ревностно охранялъ преосв. Григорій духовенство, покрывалъ любовью и снисхожденіемъ его духовную наготу, врачевалъ его раны елеемъ милости и отраждалъ его значеніе и авторитетъ. Да упокоить Господь душу его, „идѣже вси праведніи пребываютъ“, о семъ—не сомнѣваюсь—возносятъ усердную молитву Господу Богу всѣ служившіе при немъ.

Заштатный свящ. *Петръ Маликинъ.*

О погребеніи раскольниковъ и уклонившихся въ расколь.

Опредѣленіемъ Костромскаго епархіальнаго начальства, отъ 9—23 іюня 1903 г. за № 2759, постановлено: Объявить духовенству Костромской епархіи, чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: 1) что какъ раскольники *отъ рожденія*, такъ и уклонившіеся въ расколь *послѣ* крещенія и брака въ православной церкви, затѣмъ въ продолженіе 10 лѣтъ и болѣе, *до самой смерти*, не исполнявшіе долга исповѣди и св. причастія въ церкви православной и не *обращавшіеся* къ церковному причту *ни за какими требамы*, по смерти своей, должны быть погребаемы *безъ участія* православныхъ священниковъ и погребеніе ихъ должно быть передаваемо на обязанность полицейскихъ управленій; 2) относительно *мѣста погребенія* раскольниковъ дать знать, что, на основ. 49 ст. т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступл., Свод. зак., изд. 1899 г., для погребенія умершихъ раскольниковъ должны быть отводимы *особыя мѣста при общихъ* кладбищахъ и при погребеніи ихъ дозволяется: а) предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и б) твореніе молитвы, по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія (Костр. еп. вѣд. 1903 г., № 16).

При настоящемъ номерѣ разсылается объявленіе „Т-ва ПРОВОДНИКЪ“.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 сентября 1903 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, сентября 28-го.

Содержаніе: О народной вѣрѣ.—Изъ наблюденій надъ жизнью духовенства.—
О предѣлахъ пастырскаго смиренія.—Какъ быть?—Отъ Редакціи.

О народной вѣрѣ.

„Вся возможна вѣрующему“.

Вѣра—великая сила, для которой, по словамъ Господа, нѣтъ препятствій ни въ области бытія нравственнаго, ни въ мірѣ физическомъ: „аще имате вѣру, и не усумнитесь, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горѣ сей речете: двинися, и верзися въ море, будетъ“ (Мѡ. 21, 21).

Простая увѣренность въ себѣ и своихъ силахъ, какъ извѣстно, есть необходимое условіе успѣха во всѣхъ сферахъ дѣятельности человѣка. „Вѣра, по словамъ одного изслѣдователя, служитъ основою нашего познанія и жизни; она проникаетъ наши идеи, вторгается въ міръ нашихъ чувствъ и управляетъ нашими дѣйствіями“¹⁾.

¹⁾ Соколовъ И. Вѣра... стр. 12.

Но христіанская вѣра не то же, что простая увѣренность, или вѣра въ общемъ (психологическомъ) смыслѣ.

Если увѣренность обращена на человѣка и его волю и на міръ видимый, то христіанская вѣра есть увѣренность, обращенная на міръ невидимый и божественный. Эта вѣра устанавливаетъ связь человѣка съ Богомъ и міромъ духовнымъ. „Ибо невозможно, воистинно невозможно, говорить св. Тихонъ Задонскій, имѣющему свѣтильникъ вѣры въ сердцѣ горящій къ вѣчнымъ онимъ благамъ не стремиться, а тако въ истинномъ покаяніи не быть и отъ всякаго грѣха удалиться“ ¹⁾.

Для вѣрующаго все духовное, божественное, надземное становится такимъ же реальнымъ, какъ реаленъ для него этотъ видимый міръ. Силою своей вѣры человѣкъ усваиваетъ себѣ духовное и божественное, дѣлаетъ его достояніемъ своей души, и живетъ жизнью божественною, духовною ²⁾.

Кто вѣруетъ, что онъ есть сынъ Божій, тотъ дѣйствительно становится сыномъ Божиимъ, силою вѣры пріобщается жизни божественной. Вѣрующій уже имѣетъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 15; 6, 40. 47). „Въ вѣрѣ все существо христіанскаго блаженства состоитъ, яко кто истинную живую вѣру имѣетъ, тотъ имѣетъ Божіе благословеніе, правду Христову, святость, избавленіе, свободу духовную, вѣчный животъ и блаженство“ ³⁾.

По словамъ Климента Александрійскаго, „вѣра есть мощь ко спасенію и сила въ жизнь вѣчную“. Какъ сила, искренняя и твердая вѣра свойственна только душѣ мужественной (Ниль Синайскій) и „открывается въ людяхъ высокихъ душею“ (Исаакъ Сиринъ). По такой вѣрѣ дѣйствительно осуществляется въ жизни человѣка желаемое. Такова была вѣра учениковъ

¹⁾ Тихонъ Задонскій. Сокровище духовное п. 139, т. IV, 348.

²⁾ Тарѣевъ М., проф. Цѣль и смыслъ жизни. „Вѣра и Церковь“ 1901 г. кн. 8, 418.

³⁾ Тихонъ Задонскій. Объ истинномъ христіанствѣ п. 283, т. III, 15.

Христовыхъ, жены хананеянки, слѣпца Вартимея и всѣхъ хромыхъ, сухихъ, разслабленныхъ, прокаженныхъ, со всѣхъ концовъ притекавшихъ ко Христу и по вѣрѣ своей получавшихъ желаемое. Такова была вѣра первыхъ христіанъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, побѣдившая міръ и открывшая на землѣ небесную, божественную жизнь. Для этой вѣры не было невозможнаго на землѣ.

Но прошли вѣка, отдѣлившіе насъ отъ времени слѣпца Вартимея и мучениковъ за имя Христова. Свѣточъ вѣры и любви, возженный на землѣ Сыномъ Божиимъ, меркннулъ; сомнѣніе, невѣріе и вражда широкою волною разливались по землѣ, гася небесный огонь вѣры и любви.

И теперь, спустя 19-ть вѣковъ послѣ Христа, несокрушимая и горячая вѣра учениковъ и первыхъ послѣдователей Его такъ же, какъ и любовь Христова, кажутся многимъ невозможнымъ на землѣ явленіемъ. „Я, говоритъ типичный скептикъ нашего времени, никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ... По моему, Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо“ (Иванъ Карамазовъ).

А сказанное о вѣрѣ, двигающей горами, можетъ вызвать у современнаго интеллигента лишь... снисходительную улыбку. Тѣ, которые не вѣрятъ уже ни въ себя, ни въ собственные слова и силы, конечно, не вѣрятъ и въ возможность такой вѣры на землѣ. Люди измелъчали, обнищали духомъ; а вѣра, искренняя и горячая, свойственна только сильнымъ духомъ.

Но безъ вѣры жить нельзя; безъ вѣры не можетъ продолжаться ни жизнь матеріальная, ни тѣмъ болѣе духовная жизнь народа, которая зиждется на вѣрѣ и питается вѣрою. Народъ, потерявшій религіозную вѣру, неспособенъ къ духовной жизни и, слѣдовательно, долженъ сойти съ исторической сцены; этотъ суровый законъ подтверждается всѣмъ многовѣковымъ опытомъ исторической жизни; да и на нашихъ глазахъ совершается очевидное вырожденіе и духовное уми-

раніе народа, зараженнаго невѣріемъ, безбожіемъ и другими, связанными съ ними, нравственными недугами. Неужели же и намъ, русскому народу, грозитъ та же печальная, но, увы, неизбежная участь? Этотъ вопросъ невольно встаетъ предъ сознаниемъ всякаго наблюдателя современной намъ жизни, особенно-интеллигентнаго общества.

Благодареніе Богу! нашъ народъ въ глубинѣ своей, нетронутой еще страшными недугами времени души хранитъ крѣпкую и искреннюю вѣру въ Бога, святую Церковь, въ будущую жизнь. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, часто порокахъ,—онъ всегда сохранялъ и сохраняетъ чуткость совѣсти и нравственнаго сознанія, глубоко чувствуетъ всю скверность грѣха и крѣпко вѣруетъ въ освящающую силу Церкви и ея святыхъ таинствъ, въ покровительство святыхъ угодниковъ Божіихъ, чудотворную силу св. иконъ и мощей. Несмотря на индифферентизмъ и скептицизмъ интеллигенціи, народная жизнь проникнута религіознымъ началомъ, церковнымъ духомъ; религія — основная стихія нашей народной жизни. Это свойство русскаго народа—фактъ, признаваемый всѣми, даже тенденціозно и отрицательно настроенными исследователями и наблюдателями народной жизни — русскими и иностранными.

„Русскій народъ, не признаваемый многими и за христіанскій, говоритъ Леруа-Болье, одинъ изъ немногихъ на самомъ дѣлѣ сохранилъ въ своей душѣ идею святости, теперь мало понятную народамъ Запада. У русскихъ есть еще грѣхъ“.—„Русскіе, по словамъ Леметра, можетъ быть, единственный народъ въ Европѣ, сохранившій еще въ своей душѣ чувство о невидимомъ, о соединеніи съ Богомъ и съ неземнымъ міромъ. У другихъ народовъ этого уже нѣтъ въ такой степени. Русскій остается и теперь христіаниномъ по уму и по сердцу, человѣкомъ съ религіознымъ чувствомъ, такимъ, которому доступны благотворительность, аскетизмъ, отреченіе, любовь къ бѣднымъ; онъ слушаетъ съ особеннымъ вниманіемъ о нравственныхъ правилахъ христіанской религіи, и это по-

тому, что все доброе вытекает у него из вѣры христіанской“¹⁾.

Даже враждебно относящійся къ Церкви, но знающій Россію и извѣстный въ Россіи, берлинскій профессоръ Гарнакъ признаетъ религіозность русскаго народа. „Какъ глубоко и твердо отношеніе у русскихъ между Церковію и народомъ, говоритъ онъ видно не изъ одной лишь московской печати. Но и изъ нѣкотораго собственнаго опыта и наблюденія я могу подтвердить, что, не смотря на поклоненіе иконамъ и святымъ, у русскаго крестьянина и низшаго духовенства есть сила прямого унованія на Бога, нѣжность нравственнаго чувства и дѣятельная братская любовь, происходящая изъ Евангелія, какъ изъ своего источника“²⁾.

Наши русскіе писатели-художники и психологи, воспроизводившіе жизнь и умѣвшіе проникнуть въ глубину народнаго духа, невольно преклонялись предъ силою вѣры и глубокой религіозностью нашего народа. Изъ цѣлой плеяды достаточно вспомнить Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевскаго. Последній— великій психологъ и глубокій знатокъ сокровенныхъ тайниковъ русскаго духа устами старца Зосимы заявляетъ, что народъ нашъ, не смотря на свой грѣхъ и увеличивающуюся порочность, неустанно еще вѣруетъ въ правду, Бога призываетъ, умиленно плачетъ. „Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его“. („Братья Карамазовы“). Въ этой-то крѣпкой народной вѣрѣ, по мысли Достоевскаго, только и можетъ найти себѣ исцѣленіе и силу мятущійся и невѣрующій духъ интеллигента (Ивана Карамазова); потому что, по словамъ другого писателя, „простая, прямая и теплая душа“ русскаго интеллигента „ищетъ опоры въ вѣрѣ народной; но народнѣй вѣры для русскаго человѣка нѣтъ, какъ наше родное православіе во всей его неприкосновенности, чистотѣ и здравости ученія“ (Лѣсковъ).

¹⁾ Иер. Михаилъ. Православно-русское Слово № 4, 305 - 306

²⁾ Гарнакъ А. „Сущность христіанства“ стр. 60, 67. Петроградъ 1902 г.

Но лучше всего религіозность нашего народа и сила его вѣры извѣстна и можетъ быть засвидѣтельствована нашими пастырями, а также всѣми стоящими близко къ народу и наблюдающими жизнь его. Въ самомъ дѣлѣ, что поддерживаетъ бѣдный, часто голодающій, народъ нашъ въ его непроходимой нуждѣ?—Вѣра; она даетъ ему нравственную силу жить въ нуждѣ, холодѣ и голодѣ. Гдѣ ищетъ простолюдинъ исцѣленія отъ своихъ тѣлесныхъ недуговъ, утѣшенія отъ мукъ совѣсти, тяжелой тоски, охватывающей его сердце? Въ горѣ—несчастьѣ онъ идетъ въ храмъ Божій, съ горячею вѣрою и слезной молитвой обращается къ Богу и милосердной Заступницѣ. Въ болѣзни—онъ идетъ за сотни и тысячи верстъ къ святымъ мѣстамъ, гдѣ у святыхъ мощей и цѣлебныхъ источниковъ ищетъ исцѣленія отъ своихъ недуговъ, а у извѣстныхъ своею праведностью пастырей и иноковъ, которыми никогда не оскудѣваетъ русская земля и которые всегда вѣдомы народу,—ищетъ духовнаго утѣшенія и наставленія.

Но не только горе или нужда заставляютъ простолюдина идти въ храмъ или святыя мѣста;—онъ идетъ туда независимо отъ этихъ мотивовъ: его влечетъ туда непреодолимая потребность вѣрующаго сердца. Посмотрите на эти массы паломниковъ, ежегодно идущихъ по всѣмъ направленіямъ земли русской въ прославленные подвигами святыхъ и проявленіемъ благодатной силы обители: не всѣ же они больные или подавленные горемъ или нуждою; между ними не мало здоровыхъ, бодрыхъ и, видимо, довольныхъ своею жизнью. Но и они идутъ... идутъ, потому что влечетъ ихъ сердце; потому что и они желаютъ подышать атмосферою святости и благодати, послушать о подвигахъ святыхъ, поучиться у нихъ правиламъ жизни, вдохновиться ихъ вѣрою и любовью.

Только что пережитое нами и всею православною Русью великое и радостное событіе—торжество прославленія преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, еще разъ красно-

рѣчиво показало глубокую вѣру русскаго народа, мощь его духа, воспитаннаго Церковью,

Это новое чудо милости Божіей къ православной Церкви и русскому народу было торжествомъ Церкви и истиннымъ народнымъ праздникомъ; потому что вѣра народная давно сдѣлала преп. Серафима предстателемъ и молитвенникомъ предъ престоломъ Божіимъ за русскій народъ.—Волна вѣры и религіознаго воодушевленія высоко поднялась изъ глубины души русскаго народа и прокатилась по необъятной шире земли русской. Тысячи и сотни тысячъ людей поднялись, захваченные горячимъ порывомъ вѣры, и потянулись нескончаемой вереницей, отъ востока и запада, сѣвера и юга, къ вновь прославленному угоднику Божію. А эти тысячи несли въ своихъ сердцахъ не менѣе горячую вѣру милліоновъ русскихъ людей, оставшихся въ родныхъ селахъ и деревняхъ и напутствовавшихъ ихъ горячими просьбами помолиться св. угоднику и за нихъ и поставить ему трудовую свѣчку, символъ ихъ пламенной вѣры. Ни дальность разстоянія, ни трудности пути, ни палящіе лучи солнца, ни страдная рабочая пора не могли удержать саровскихъ паломниковъ, потому что ихъ влекло то, что сильнѣе и зноя, и холода, и всѣхъ матеріальныхъ заботъ и потребностей жизни: это пламенная и всепобѣждающая вѣра народная.

Годы, иногда долгіе годы ждетъ народъ чуда милости Божіей, откровенія съ небесъ:—и этою надеждой живетъ, ею поддерживая себя въ неносильной борьбѣ съ нуждою, скрашивая свою сѣрую, монотонную жизнь. И вотъ, наконецъ, это напряженное ожиданіе, страстная жажда откровеній съ небесъ, эта вѣчная тоска души по небесномъ и святомъ разрѣшилась...

Въ глухихъ саровскихъ лѣсахъ Господь воздвигъ новый свѣтильникъ вѣры и любви, и этотъ свѣтильникъ возжегъ такую вѣру въ сердцахъ народа, для которой, по слову Господа, нѣтъ невозможнаго. Трудно себѣ представить, не только измѣрить ту силу вѣры, тотъ религіозный подъемъ, который

вызвало новое чудо милости Божіей. „Это громкій взрывъ благоговѣйнаго изумленія, восторга предъ совершающимся. Это могучій подъемъ и неустойчивое, шумное проявленіе сильнаго и здороваго духа благочестія, которымъ дышитъ и живетъ святая православная Русь“. Какъ будто теченіе времени остановилось, и мы снова возвратились къ первымъ днямъ христіанства. „Хромые ходятъ. Слепые видятъ. Нѣмые заговорили. И блаженъ есть, иже аще не соблазнится о семъ“¹⁾.

Эти дивныя исцѣленія, проявленія благодатной силы, происходившія на глазахъ всѣхъ, совершались по горячимъ молитвамъ и крѣпкой вѣрѣ народа, которая всегда жила и живетъ въ глубинѣ его сердца, и въ этотъ торжественный моментъ церковно-народной жизни проявилось наглядно для всѣхъ.

„Блаженъ, чье сердце не осталось незатронутымъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ своихъ всѣмъ чуднымъ“, совершившимся въ Саровѣ въ свѣтлые дни прославленія преп. Серафима.

„Въ многолюдномъ, но единомысленномъ и единосердечномъ собраніи богомольцевъ у святыхъ мощей преподобнаго выразился исконный, основной смыслъ жизни русскаго народа, который знаетъ свое отечество и свою исторію по подвижникамъ вѣры и правды, любви и добра; потому, конечно, что вѣра и основанія на ней правда и любовь составляетъ смыслъ и цѣль его жизни. Въ саровскомъ событіи снова дано знаменательное указаніе всѣмъ призваннымъ и особенно непризваннымъ руководителямъ народной жизни, которые хотятъ оторвать народъ отъ Церкви, вывести его на „новые пути“. Сами безъ вѣры, безъ огня любви, они хотѣли бы сокрушить вѣру народа, исполнить сердце его вражды. Но вѣдь ни социальная борьба, которую они искусственно разжигаютъ, ни театры, куда насильно теперь тащатъ народъ, ни другія блестящія минурнымъ блескомъ приманки, которыми хотятъ

¹⁾ Слово высокопреосвященнаго Дмитрія, архіеп. Казанскаго.

подмѣнить религію, не удовлетворять духа народа, не отвѣтять на тѣ вопросы, которыми живетъ его сердце ¹⁾).

Въ горѣ, душевной тоскѣ,—куда обратится онъ, къ кому пойдетъ съ муками совѣсти—и кто разрѣшитъ ихъ?

Равно или поздно тлѣющая подъ наноснымъ пепломъ искра вѣры снова вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, снова возгорится въ душѣ жажда святого, небеснаго, которая никогда не умираетъ и не можетъ умереть въ сердцѣ человека.

„Духъ человѣческій, исполненный страданья,
 Къ искомой истинѣ какой пойдетъ тропой?
 Пойдетъ ли онъ за духомъ отрицанья,
 Или за вѣрой пламенной, живой?“ (А. Платоновъ).

Конечно, ужъ не въ театръ пойдетъ человекъ съ своимъ горемъ и своей тоской, и не къ этимъ самозванымъ вождямъ, призывающимъ его на новый путь, обратится онъ съ муками совѣсти. Они сами полны сомнѣній, сами не вѣрятъ въ то, къ чему призываютъ народъ,

Безъ Христа и Церкви Его не устроятся; безъ вѣры и любви Христовой не смогутъ жить. „Безъ Мене, сказалъ Господь, не можете творити ничесоже. Вѣруй въ Сына имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота“ (Іоан. 15, 5; 3, 36).

„Вѣра, говоритъ св. Златоустъ, есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то хотя бы ты всё потерялъ, опять всё приобрѣтешь съ большею славою“ (Бесѣда на Ев. Мат. 33, 2). Эту то вѣру неизмѣнно отъ дней древнихъ хранить народъ нашъ въ сердцѣ своемъ. Въ этой-же вѣрѣ, составляющей основу и главный смыслъ народной жизни, должны искать исцѣленія отъ тяжелыхъ недуговъ, сомнѣній, невѣрія, умственной и нравственной распатанности, всѣ, оторвавшіеся отъ народной почвы и блуждающіе по путямъ инымъ. Въ

¹⁾ Слово Высокопреосвященнаго Антонія.

единеніи съ народомъ и Церковію они найдутъ утраченную ими гармонію духа, получаютъ силы къ новой жизни, полной глубокаго смысла и содержанія.

Но еще больше, конечно, сила вѣры, такъ дивно проявившаяся при открытіи мощей преп. Серафима, послужить къ ободренію и укрѣпленію пастырей православной Церкви, живущихъ одною жизнью съ народомъ, на тернистомъ пути пастырскаго служенія. Тѣ, которые изнемогли въ непосильномъ трудѣ на нивѣ пастырскаго дѣланія и, подобно пророку Іліи, готовы воскликнуть къ Богу: „Господи! остались мы одни, но и насъ гонять“,—увидѣвъ многія тысячи православно-русскихъ людей, преклонившихся предъ гробницею угодника Божія, падутъ и поклонятся Богу, дивному въ дѣлахъ Своихъ.— Народъ нашъ составляетъ одно съ Церковію; „народъ вѣруетъ по нашему, а невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его“¹⁾.

Какъ бы высоко ни поднимались волны моря житейскаго, волны невѣрія, вражды, онѣ разобьются о твердыню народной вѣры, воспитанной Церковію.

Въ религіозномъ подъемѣ, пережитомъ вмѣстѣ съ народомъ пастырями Церкви, послѣдніе найдутъ новыя силы и новый импульсъ къ ревностной дѣятельности на нивѣ пастырства. Ихъ святой долгъ—поддерживать и възгрѣвать ту силу вѣры, которая составляетъ источникъ нравственной мощи русскаго народа, ведетъ его къ жизни вѣчной, небесной, устрояетъ царство Божіе на землѣ. Они призваны быть полными руководителями народной жизни и воспитателями духа народа.

„Отцы и учителя! берегите вѣру народа: въ тишинѣ воспитайте его!“

А. М—въ.

¹⁾ Старецъ Зосима въ „Братяхъ Карамазовыхъ“.

Изъ наблюдений надъ жизнью духовенства.

Подъ такимъ заглавіемъ въ 15 и 16 № „Р. д. С. П.“ за текущей годъ помѣщена статья, трактующая о нѣкоторыхъ духовныхъ сторонахъ жизни приходскаго духовенства. Въ статьѣ этой много правды, заимствованной непосредственно изъ жизни. И хотя больно выслушивать горькую правду, но она необходима, необходима для того, чтобы, такъ сказать, побудить наше пастырство оглянуться назадъ, осмотрѣться вокругъ да около, вникнуть въ свои дѣйствія и поступки, которые при другихъ условіяхъ могли бы остаться не замѣченными; если же они указываются другими, то невольно побуждаютъ болѣе внимательно отнестись къ нимъ, настойчиво требуя усовершенствованія и исправленія. Поэтому, удовлетворяя вполнѣ резонному желанію автора названной статьи, „чтобы и другіа лица высказались по затронутому вопросу“, мы намѣрены высказать нѣсколько посильныхъ замѣчаній, предупреждая читателей, да не покажутся наши слова для кого либо упрекомъ и осужденіемъ своихъ собратьевъ: пишутся они лишь въ дополненіе къ высказанному раньше другими, съ тою же цѣлью желанія добра и преусиѣнія на пастырскомъ поприщѣ.

Несомнѣнно, что успѣхъ пастырскаго служенія во многомъ зависитъ отъ того, если пастырь будетъ поучать вѣрныя ему души не только словомъ, но и дѣломъ. Жизнь пастыря на виду у всѣхъ. Всѣ его дѣйствія и поступки не могутъ скрыться отъ глазъ прихожанъ и всегда толкуются ими въ хорошую, а еще болѣе—въ дурную сторону. Поэтому, если пастырь, поучая въ храмѣ, самъ не дѣлаетъ того же дома, всегда можетъ услышать отъ своихъ пасомыхъ вполнѣ основательное замѣчаніе: „врачу, исцѣлися самъ“. Жизнь пастыря должна быть по возможности безупречна, такая жизнь, которая бы не подавала поводовъ къ сужденіямъ въ дурную сторону. Поэтому въ высшей степени отрадно слы-

шать благопріятные отзывы и сужденія о жизни той части духовенства, которая не только съ своими присными, но, по возможности, со всѣми живетъ въ мирѣ, любви и согласіи.

Но въ жизни приходскаго духовенства приходится наблюдать много факторовъ далеко не утѣшительнаго свойства. Надо откровенно сознаться, что ни въ одномъ, кажется, сословіи нѣтъ столько раздоровъ, несогласія, вражды, зависти и недоброжелательства, сколько въ духовномъ сословіи. Все это вопіющіе пороки и невольно побуждаютъ говорить о себѣ. Но изъ-за чего они возникаютъ? Что служить причиною раздоровъ и несогласій?

Но большей части къ враждѣ между духовенствомъ служатъ поводы не важные, а между тѣмъ имѣющіе весьма дурное вліяніе на отправление всѣхъ пастырскихъ функцій, а въ особенности на жизнь народа и на уклоненіе отъ идеала, начертаннаго Основателемъ нашей религіи Христомъ Спасителемъ для всѣхъ послѣдователей Его, Который заповѣдалъ: „миръ имѣйте между собою (Марк. 9, 50), чтобы не было между вами раздѣленій, но чтобы вы соединены были во единомъ духѣ (I Кор. 1, 10); старайтесь имѣть миръ со всѣми (Евр. 12, 14) и только нечестивымъ нѣтъ мира, говоритъ Господь“ (Ис. 48, 22). Поэтому и священнослужителямъ заповѣдуются благословлять благословеніемъ мира: „скажи Аарону и сынамъ его: такъ благословляйте сыновъ Израилевыхъ, говоря имъ: да благословитъ тебя Господь и сохранить тебя! Да обратитъ Господь лице Свое на тебя и дастъ тебѣ миръ! (Числ. 7, 23—26). Входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему. И если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ прійдетъ на него (Матѣ. 10, 12—13). Если будетъ тамъ сынъ мира, то почиетъ на немъ миръ вашъ; а если нѣтъ, то къ вамъ возвратится“ (Лук. 10, 6).

Но этого то возжелѣннаго мира прежде всего очень мало между представителями православной религіи. И замѣчено, что наибольше раздоровъ среди духовенства происходитъ изъ-за „прибытковъ земныхъ“, изъ-за средствъ къ содержанію. По-

ручная плата за требы прежде всего служить тому причиной. Неравномѣрное распредѣленіе доходовъ, самая неопредѣленность ихъ и такая постановка дѣла, что одинъ получаетъ больше другого, вызываетъ раздоры и несогласія между членами причта. Для устраненія этого нежелательнаго явленія, епархіальное начальство предлагаетъ всевозможныя средства и мѣры, и изъ нихъ самая распространенная — это кружка, замѣняющая поручную плату. Но эта мѣра не можетъ служить порукою мира и согласія между членами приходскаго клира. Намъ извѣстно, что кружки нисколько не уменьшали тяжбъ и раздоровъ среди духовенства, такъ какъ учрежденіе кружекъ неминуемо способствуетъ уменьшенію получаемаго духовенствомъ отъ прихожанъ содержанія. Понять это не трудно. Если прихожанинъ предлагаетъ благодарность поручно, то онъ дастъ каждому въ отдѣльности больше, чѣмъ одному, на примѣръ, священнику на весь причтъ. Поэтому, чтобы исполнить распоряженіе начальства, нѣкоторые причты установили такую практику. Деньги за требоисправленіе получаетъ обыкновенно каждый членъ причта отдѣльно, а потомъ опускаетъ ихъ въ кружку для дѣлежа мѣсячнаго. Такъ дѣлается въ приходсахъ, гдѣ члены причта сознаютъ всю выгоду такого образа дѣйствій, гдѣ они находятся въ хорошихъ отношеніяхъ и гдѣ существуетъ между ними полное довѣріе въ добросовѣстномъ опущеніи всей полученной ленты въ кружку. Но гдѣ нѣтъ этой увѣренности, тамъ такая практика не имѣетъ мѣста, получаетъ деньги одинъ кто либо (въ большинствѣ случаевъ священникъ), вслѣдствіе чего и доходы значительно уменьшаются. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ приходсахъ, гдѣ между членами причта существуютъ добрыя отношенія, матеріальное положеніе и священника и нижнихъ клириковъ всегда лучше, что вполне понятно. Члены причта, живущіе въ согласіи, невольно заботятся объ интересахъ другъ друга, вслѣдствіе чего и положеніе ихъ въ приходѣ значительно улучшается. Но лишь только заведется вражда и ненависть среди духовенства, то

вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній положеніе дѣлъ дѣлается невыносимымъ, и, если между враждующими не можетъ состояться перемирія, то сторонѣ страдательной лучше всего обратиться изъ прихода по добру по здорову.

Вторымъ поводомъ къ раздорамъ между лицами духовнаго званія служитъ обыкновенно *зависть*, происходящая вслѣдствіе имущественнаго превосходства и болѣе обеспеченнаго содержанія однихъ причтовъ предъ другими. Такъ какъ духовенство содержится у насъ отъ прихожанъ, а приходы не равны и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, то происходитъ не равная обеспеченность причтовъ: одни богаче, а другіе бѣднѣе, одни съ избыткомъ обеспечены, а другіе нуждаются въ насущномъ кускѣ хлѣба. Вслѣдствіе этого зависть и недоброжелательство — качество очень не похвальное въ духовномъ сословіи. Это въ особенности ясно выражается при замѣщеніи приходоу. Такъ, лишь только откроется въ епархіи хорошій приходъ, какъ всѣ мѣры и средства употребляются въ дѣло желающими получить его. А такъ какъ изъ числа многочисленныхъ просителей долженъ получить хорошее мѣсто одинъ только проситель, то для полученія преимущества или умаленія достоинства выдающагося кандидата пускаются въ дѣло самыя подпольныя и положительно недостойныя носителей духовнаго сана мѣры и средства. И инсинуаціи и ябедническіе пріемы и многое другое имѣетъ тутъ мѣсто для того, чтобы очернить выдающагося кандидата въ глазахъ епархіальнаго начальства. Вотъ одинъ изъ тысячи фактовъ, иллюстрирующій наши слова.

Въ N епархіи открылся одинъ изъ лучшихъ приходоу. Къ преосвященному поступила масса прошеній. Съ большими трудностями архипастыремъ избранъ былъ, наконецъ, кандидатъ, за котораго просили прихожане. Тогда завистниками и недоброжелателями противъ такого счастливца пущены были въ дѣло самыя постыдныя мѣры и средства. Одинъ конкуррентъ писалъ преосвященному, что получившій приходъ подкупилъ

прихожанъ, давъ каждому, подписавшемуся на прошеніи, 1 рубль; другой, что онъ поднесъ имъ 5 ведеръ водки, третій тѣ, четвертый—другое. Но все это оказалось чистѣйшею ложью и преосвященный, не обративъ никакого вниманія на всѣ поступившія къ нему ябеды, далъ приходъ избранному имъ кандидату.

О чемъ все это свидѣтельствуетъ, какъ не о томъ, что среди духовнаго сословія завелось не мало недостойныхъ носителей этого сана, такихъ лицъ, которые своимъ непохвальнымъ образомъ жизни и поведеніемъ, унижаютъ все сословіе и подаютъ не мало поводовъ къ нареканіямъ и огульнымъ обвиненіямъ? Могутъ ли такія лица имѣть доброе вліяніе на народъ? Сомнительно. Скорѣе они и въ народѣ станутъ прививать тѣ нежелательныя стороны, которыя въ послѣднее время все болѣе и болѣе укореняются въ немъ: раздоры, споры, несогласія и вражда. Въмѣсто того, чтобы вносить въ народъ миръ и согласіе, примирять враждующихъ, духовенство своими враждебными и немиролюбивыми отношеніями подаетъ пасомымъ пагубный примѣръ къ подражанію. Поэтому весьма желательно, чтобы эти дурныя стороны изъ жизни духовенства были парализуемы добрыми и надлежащими отношеніями, такъ какъ завистливыя и враждебныя отношенія нуждающихся къ болѣе обезпеченнымъ причтамъ, значительно усиливаютъ въ народѣ убѣжденіе въ жадности духовенства, какая кличка клеймитъ все вообще сословіе безъ различія правыхъ и виноватыхъ. Правда, и въ данномъ случаѣ поводомъ къ враждѣ между духовенствомъ служить не обезпеченность его и полученіе содержанія отъ прихода, но что дѣлать? Нужно смягчать всю ненормальность положенія духомъ пастырской кротости и снисходительности, духомъ христіанской любви и братолюбія. Плетью обуха не перешибешь, а неправильнымъ отношеніемъ къ дѣлу еще болѣе ухудшишь и безъ того безотрадное положеніе приходского духовенства.

Часто поводомъ къ враждѣ и неудовольствію между настоятелемъ и причтомъ служитъ полученіе вознагражденія за выдачу метрическихъ выписей, предбрачныхъ свидѣтельствъ, удостовѣреній о говѣніи, разнаго рода надписей въ паспортахъ, билетахъ и т. п.,—словомъ мзда за церковное письмоводство. Многіе священники сами это дѣло ведутъ и берутъ вознагражденіе въ свою пользу, ничего не удѣляя причту, а только требуя отъ него подписи. Разумѣется, что причетники не довольны за это на своего настоятеля, желая получать слѣдующую часть дохода. А между тѣмъ дѣло это уладить очень не трудно. Такъ какъ на псаломщикѣ лежитъ обязанность вести все церковное письмоводство, то онъ и обязанъ написать требуемый прихожаниномъ документъ, получая за это отъ него вознагражденіе. А священникъ за посвидѣтельствованіе и приложеніе печати получаетъ отдѣльное вознагражденіе и такимъ образомъ никто не будетъ въ обидѣ.

Причиною недовольства между членами причта служитъ иногда и такое обстоятельство. Въ приходѣ священникъ старый безсемейный, совершенно не нуждающійся въ средствахъ содержанія. Поэтому онъ на всѣ доходы смотритъ сквозь пальцы: дадутъ хорошо, а не дадутъ—и такъ будетъ, много ли ему нужно? Прихожане сейчасъ поймутъ такое отношеніе священника и начнутъ давать ему самую ничтожную плату за требы на содержаніе причта. Но въ томъ же приходѣ псаломщикъ многосемейный, нуждающійся, для котораго каждая копѣйка дорога. Понятно, что такимъ отношеніемъ священника къ насущному куску хлѣба онъ будетъ очень недоволенъ и хотя формально ничего не можетъ сдѣлать, т. е. обжаловать настоятеля предъ начальствомъ, но подпольно онъ можетъ ему всякія непріятности дѣлать, а долго ли до бѣды? Зло всякому человѣку можно сдѣлать, и начнутся ябеды и недоброжелательства, дойдетъ дѣло до начальства, начнутся суды да пересуды, разорительно дѣйствующіе опять таки на бѣдствующаго псаломщика и благодаря его дѣйствіямъ поро-

чаще все сословіе. Поэтому не о себѣ одномъ долженъ заботиться священникъ. Пастырскій долгъ и совѣсть должны внушать ему и о нуждахъ своего ближайшаго сотрудника заботиться. Поэтому не для себя только долженъ онъ трудиться и работать, а и для меньшей во Христѣ братіи, по заповѣди апостола: „должно немощи немощныхъ носить, а не себѣ угождати“.

Къ величайшему нашему прискорбію, нужно замѣтить, что среди пастырской семьи не мало есть членовъ, которые не столько заботятся о преуспѣяніи на поприщѣ пастырскаго служенія, сколько о предметахъ, далеко не согласныхъ съ духомъ пастырской кротости и смиренія. Что удивляться мірянину, который допускаетъ какія либо уклоненія отъ того, что внушаетъ ему христіанскій долгъ, если пастыри Церкви Христовой,—„соль земли и свѣтъ міра“,—первые подаютъ въ этомъ примѣръ? Раньше мы упоминали, если какой либо пастырь находится на хорошемъ приходѣ, то сколько у него является завистниковъ и недоброжелателей изъ среды его же собратьевъ? А если какой либо „честный іерей“, глубоко проникнутый идеею своего служенія, задастся цѣлюю выполнять надлежащимъ образомъ свои обязанности, то сколько у него найдется собратьевъ, готовыхъ истолковать его дѣйствія и поступки непремѣнно въ дурную сторону? Такого іерея обязательно обзовутъ „выскачкой“, желающимъ обратить на себя вниманіе начальства и вообще выдаться чѣмъ либо изъ ряда другихъ сослуживцевъ. Почему это такъ кажется многимъ изъ нашихъ соработниковъ на нивѣ Христовой? Потому, главнымъ образомъ, что наше пастырство въ своемъ поступательномъ развитіи далеко ушло отъ того идеала пастыря, который начертанъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Многіе пастыри вмѣсто того, чтобы быть для своихъ пасомыхъ образцомъ въ словѣ, житіи, любви, духѣ, вѣрѣ, чистотѣ (I Тимое. 4, 14), сами позаимствовали отъ нихъ многое такое, что со-

вершено не согласно съ духомъ пастырскаго служенія. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, если дурную оцѣнку о дѣятельности „пастыря добраго“ не рѣдко можно услышать изъ устъ іереевъ почтенныхъ и убѣленныхъ съдинами. Тяжело и больно признаться въ этомъ, но „шила въ мѣшкѣ не утаишь“, и если мы указываемъ на это, то нисколько не въ осужденіе своихъ собратьевъ, а съ единственною цѣлію выставить на видъ выдающуюся несообразность въ поведеніи нѣкоторыхъ изъ носителей духовнаго сана.

Еще большимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ можетъ служить слѣдующій фактъ изъ недавняго прошлаго. Нѣкій іерей задался весьма благою цѣлію посредствомъ печати указывать на тѣ ненормальности въ пастырской жизни, которыя удалось ему подмѣтить. Въ своихъ статьяхъ онъ касался господствующихъ пороковъ изъ современной жизни духовенства и посредствомъ сужденій самаго общаго свойства старался обратить вниманіе сопастырей на тѣ ненормальности, которыя допускаются ими. Намѣреніе его было самое искреннее и доброжелательное, но не такъ оно было понято и истолковано нашими соработниками на нивѣ Христовой. *Во своя прииде и свои его не пріяша.* Его сразу же обвинили въ шпионствѣ и въ желаніи выдаться въ глазахъ начальства. Благочинному постарались внушить, что эти статьи направлены исключительно противъ него, такъ какъ его-де прямое дѣло слѣдить за ввѣренными ему окружнымъ духовенствомъ и доносить епархіальному начальству о немъ... Поэтому, если онъ отзывается о своемъ округѣ хорошо, то является покровителемъ недостатковъ и пороковъ, которые гласно, путемъ печати, публикуются въ журналахъ. На іерея-писателя стали смотрѣть весьма недружелюбно и подозрительно, при случаѣ стараясь уколоть какою либо плоскою острою и т. п.

Не знаемъ какъ кому, но намъ такое отношеніе пастырей къ своему собрату кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. вмѣсто благодарности—онъ встрѣчаетъ неудовольствіе, вмѣсто признательности—недружелюбіе. И изъ за-за чего же все это?

Единственно изъ-за того, что *начальство* можетъ обратить на это вниманіе, а свѣтскія лица будутъ имѣть достаточно основанія къ осужденію духовенства въ неблаговидныхъ поступкахъ. Какое неправильное сужденіе! Будто начальство настолько близоруко, что не знаетъ о дѣйствіяхъ своихъ подчиненныхъ, а свѣтскія лица видя не видятъ? Горькое заблужденіе! Къ чему закрывать самимъ себѣ глаза въ то время, когда всѣ наши дѣйствія и поступки открыты для всѣхъ? Выѣсто того, чтобы соединиться во едино и общими усиліями позаботиться объ искорененіи всего того, что можетъ быть истолковано въ дурную сторону для пастырей, наши соработники на нивѣ Христовой еще возстаютъ противъ провозвѣстниковъ истины и поселяютъ вражду и нестроенія въ своей семьѣ, которая должна сплотиться въ одну общую массу, не забывая того, что „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Мы не знаемъ, когда наше пастырство, совлекши съ себя ветхаго челоуѣка и облечись въ новаго, придетъ, наконецъ, къ сознанію той непреложной истины, что со стороны самихъ пастырей требуется не мало усилій для того, чтобы авторитетъ пастыря по возможности поднять на подобающую высоту.

Не рѣдко можно услышать изъ устъ нашихъ соработниковъ на нивѣ Христовой жалобы и сѣтованія на тѣ нападки, которымъ зачастую подвергаются провозвѣстники ученія Христа. Въ большинствѣ случаевъ подобнаго рода инсинуаціи толкуются въ смыслѣ незаслуженныхъ и совершенно напрасныхъ. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Сопоставивъ все высказанное нами раньше, далеко нѣтъ. Мы не споримъ съ тѣмъ, что не рѣдко многіе священно-церковно-служители подвергаются и вымышленнымъ обвиненіямъ въ разнаго рода неблаговидныхъ поступкахъ; но въ то же время бываетъ не мало случаевъ, когда пастыри и сами подаютъ поводъ къ недобрительнымъ о себѣ отзывамъ пасомыхъ. И съ увѣренностью можно сказать, что наше пастырство до тѣхъ поръ не смоетъ съ себя той грязи, которою успѣла очернить его свѣтская

пресса и извѣстная часть общества, пока само не позаботится объ этомъ. Пусть пастыри нисколько не жалуются на тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые яко-бы „сами же хулятъ себя“, выставляя съ непривлекательной стороны нѣкоторыя дѣянiя, несообразныя съ духовнымъ саномъ. Эти немногiе дѣятели въ вертоградѣ Христовомъ кромѣ добра своимъ приснымъ ничего не желаютъ болѣе, ибо ихъ дѣло—есть дѣло всего пастырскаго сословія и, относясь къ общему, какъ часть къ цѣлому, они желаютъ только вызвать соревнованіе всѣхъ пастырей для того, чтобы дѣйствовать сообща и идти по пути правому, не вляясь „сѣмо и овамо“. Поэтому, вмѣстѣ озлобленнаго и недружелюбнаго отношенія къ нимъ, слѣдуетъ проявлять по возможности вниманіе и сочувствіе. Пастыри, заявляющіе о недостаткахъ своихъ присныхъ, совершенно чужды той притязательности, которую желаютъ навязать имъ собратья. Отличаясь нѣкотораго рода наблюдательностію я не имѣя возможности каждому въ отдѣльности указать какой либо недостатокъ, они заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы путемъ печати оказать услугу своимъ собратьямъ. Поэтому весьма прискорбно слышать то, что многіе сослужители наши не только не желаютъ воспользоваться этою услугою, а еще сѣтуютъ на „обличителей“ своихъ, какимъ эпитетомъ зачастую обзываютъ пишущихъ іереевъ ихъ собратья.

Намъ думается, что все это происходитъ по одному лишь недоразумѣнію. Гордость, излишнее самолюбіе и отсутствіе братолюбія тому причиной. Вмѣсто любви и согласія, заводятся споры и несогласія по самому простому поводу и маловажной причинѣ. Эти ссоры и несогласія доходятъ до суда духовнаго, а судебная волокита всего болѣе роняетъ авторитетъ духовенства и въ глазахъ начальства и въ глазахъ общества. Нечего обижаться тѣмъ, если собратъ укажетъ на господствующій порокъ въ средѣ нашей, а нужно бояться суда людскаго и Божескаго, который ждетъ cadaго творящаго дѣло Божіе съ небреженіемъ. Людская молва—это морская волна и гласъ народа—гласъ Божій. Будемъ же

всѣми силами стремиться къ тому, чтобы не подавать никакого повода къ этому суду. Псалмопѣвецъ говорить: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ*, а апостолъ Павелъ заповѣдуетъ: *братолюбія не забывайте*.

Будемъ же возгрѣвать въ себѣ эти христіанскія добродѣтели, и духъ мира и любви да почіетъ въ нашей духовной средѣ отнынѣ и до вѣка.

Иерей.

О предѣлахъ пастырскаго смиренія.

Совершить великій подвигъ можно безъ всякихъ усилій воли: подѣ дѣйствіемъ минуты бросаются въ воду или огонь, жертвуя жизнью для спасенія ближнихъ. Но терпѣливо и въ смиреніи творить дѣло,—не превозносятся достигнутыми результатами, а весь успѣхъ приписывать Богу, и размышлять о еще большемъ преуспѣянніи—вотъ сознательный подвигъ. И подобнаго рода подвижниковъ, проникнутыхъ спасительнымъ духомъ самоукоренія, больше всего найдете среди духовенства. Въ то время, какъ посредственный свѣтскій чиновникъ, вступая въ должность, заговорить предъ подчиненными о своей опытности, справедливости, нелицепріятіи и пр., самые знаменитые іерархи—во всеуслышаніе—признаютъ себя недостойными занимать мѣста своихъ славныхъ предшественниковъ. Этого смиренія и слѣдуетъ, конечно, ожидать отъ посланниковъ Сына Божія, пришедшаго на землю въ зракѣ раба. Но очень часто, особенно среди низшаго духовенства, это смиреніе выходитъ за положенные предѣлы, свидѣтельствуя не объ истинно-пастырскомъ настроеніи, а о загнанности и забитости духовенства. И въ разговорахъ съ іереями множество укореній услышите, и въ журналахъ духовныхъ нерѣдко найдете—въ пастырскихъ молитвенныхъ воздыханіяхъ и размышленіяхъ—названія себя самыми унижительными именами, обвиненія въ разныхъ прегрѣшеніяхъ и пр. А на осно-

ваніи подобныхъ отзывовъ духовенства о своей дѣятельности уже не разъ фельетонисты замѣчали: „Само духовенство сознается, что добродѣтельныхъ между пастырями почти нѣтъ. „Оскудѣ преподобный“. Если же они сознаются, что уже на дѣлѣ есть?“ И къ многимъ скорбямъ духовенства прибавляются лишнія, ими же самими накликаемыя. Вспоминаю, какъ по случаю недорода въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи въ одномъ періодическомъ изданіи появилась статья „Дайте вы имъ яствъ“. Съ этимъ призывомъ обращался авторъ къ духовенству, которое и само—въ большей своей половинѣ—подаваніемъ прихожанъ живетъ. Изъ іереевъ на эту статью никто не отозвался. „Помируйте, говорилъ одинъ изъ нихъ, еще въ сребролюбіи обвинять!“ А вѣдь въ большинствѣ случаевъ іереи—безсребренники по положенію. „Поцы съ живого и мертваго деруть“, говорятъ нѣкоторые, а сколько іереевъ на собранныя прихожанами деньги погребены! Вообще много всякаго рода грубыхъ или приличіемъ прикрытыхъ клеветъ сыплется на духовенство. Отвѣчать ли на нихъ? Слѣдуя буквально нѣкоторымъ мѣстамъ Св. Писанія, нужно молчать. Но развѣ Христосъ Спаситель не оправдывался предъ іудеями, обвинявшими Его въ сообщничествѣ съ Вельзевуломъ? Или св. ап. Павелъ оставлялъ безъ вниманія сыпавшіяся на него обвиненія? Не слѣдуетъ и пастырю теплохладнымъ быть къ молвѣ людской. Нечего бояться обвиненій въ немиролюбіи: нужно паче всего блюсти отъ клеветъ и униженій высокое званіе „ангела Господа Вседержителя“. А развѣ могутъ запятнать имя священника справедливыя укороенія его по адресу ругателей?! Такой образъ дѣйствія будетъ не нарушеніемъ, а осуществленіемъ—по мѣрѣ силъ—идеала добраго пастыря. Послѣдній по отношенію къ пасомымъ долженъ дѣйствовать, какъ отецъ по отношенію къ дѣтямъ своимъ. И какъ неразумно поступаютъ тѣ родители, кои заискиваютъ предъ дѣтьми, такъ же опрометчиво поступаютъ пастыри, приспособляющіеся къ желаніямъ пасомыхъ,—дѣйствующіе по ихъ указкѣ, а не сами указывающіе путь къ вѣчности.

Правда, обстоятельства иногда так складываются, что земное благополучіе іерея зависитъ вполне отъ пасомыхъ. Не назови какого нибудь кулака - міроѣда по отчеству или протяни ему руку для цѣлованія вмѣсто пожатія и... хоть съ прихода уходи. Но вѣдь о подобной зависимости скорбѣть надо, а не видѣть въ ней что нибудь естественное. Такого рода отношеніе къ пасомымъ слѣдуетъ назвать не смиреніемъ, а смиренствомъ, или хамелеонствомъ, очень выгоднымъ для пріобрѣтенія земныхъ благъ, но въ то же время роняющимъ достоинство пастыря. А отвратительное въ каждомъ человѣкѣ подхалимство насколько омерзительнымъ является въ пастырѣ! Мы—пастыри, а не лакеи, которые должны опасаться, что ихъ отпустятъ, а возьмутъ другихъ. Что-бы ни говорили про современное невѣріе, а и теперь безъ Бога не могутъ обойтись самые холодные къ вѣрѣ люди при важнѣйшихъ случаяхъ жизни: нареченіи имени младенца (крещеніи), вѣнчаніи и погребеніи. Пусть священникъ отсутствуетъ при этихъ моментахъ, и это лишитъ ихъ прелестной, душу возвышающей—поэзіи, — точно снимется царственный вѣнецъ съ главы человѣка, и онъ сдѣлается подобнымъ животному. А если Богъ нуженъ людямъ, такъ сказать, для внѣшняго приличія, то отъ насъ—пастырей зависитъ сдѣлать Его потребностью души человѣка. Вѣдь какою мы страшною силою владѣемъ! Закрыты для насъ палаты и собранія сильныхъ міра сего, а открыты ихъ души. Что дороже?! Конечно при прямомъ образѣ дѣйствія хвалить насъ не будутъ, а зачѣмъ это намъ? Творящій дѣло Божіе развѣ нуждается въ человѣческой похвалѣ? Мнѣ кажется, что самая похвала—при опошленіи языка человѣческаго — даже уменьшаетъ въ собственныхъ глазахъ великое дѣло. Не даромъ древніе отцы и учителя Церкви бѣжали славы человѣческой. Мы—служители Бога, и Онъ одинъ только можетъ достойно наградить добрыхъ дѣлателей на нивѣ Своей! (Амер. прав. вѣст. 1903 г., № 16).

С. А. Н.

К а к ъ б ы т ь ?

„Не вы учителя народа, а мы. Вотъ у меня въ распоряженіи читальня. Черезъ чтеніе книгъ, имѣющихся въ ней, и распространяется въ народѣ свѣтъ просвѣщенія, а не черезъ ваши проповѣди. И не торжествуйте по поводу даннаго вамъ права слѣдить за дѣятельностью завѣдуемой мною читальни. Вотъ по каталогу значится сочиненій Л. Н. Толстого, разрѣшенныхъ къ выдачѣ изъ читальни, 11 томовъ, а у меня есть и другія сочиненія этого автора. Буду выдавать ихъ обращающимся въ бібліотеку за чтеніемъ, а вы поймите меня“, — такъ подгулявшій на свадьбѣ богатаго крестьянина говорилъ мѣстному священнику-старцу учитель земской школы и завѣдующій открытою при ней читальнею.

Священникъ благоразумно не сталъ объясняться съ пьянымъ учителемъ. Но тутъ выступилъ на защиту молчавшаго священника служащій на одномъ изъ близъ лежащихъ стеклянныхъ заводовъ.

„Вы—молодой человекъ, г. учитель. И я не понимаю, какъ безъ всякаго повода вы можете вести такую дерзкую рѣчь. Жаль мнѣ вашей молодости, жаль васъ, потому что вы говорите съ потемненнымъ сознаніемъ, а то я не задумался бы такъ или иначе, но довести до свѣдѣнія вашего начальства о вашихъ неблаговидныхъ рѣчахъ“.

Священникъ рассказалъ этотъ случай пишущему данную замѣтку. Указалъ со скорбію и на другія, тоже неблаговидныя дѣйствія учителя. Послѣдній, оказывается, выдаетъ книги изъ бібліотеки въ воскресные и праздничные дни во время богослуженія.

— Указывали вы ему на нежелательность даннаго явленія?— спрашиваю я.

— Указывалъ.

— Ну и что же?

— Дѣло продолжаетъ идти прежнимъ порядкомъ.

— Чужую бѣду руками разведу... Но поставьте себя въ положеніе этого священника. Звонъ въ колоколь, созывающій православныхъ отдохнуть душою за праздничнымъ или воскреснымъ богослуженіемъ. Въ то же время открывается дверь школы, предлагающая крестьянину записаться на недѣлю матеріаломъ для чтенія. И спѣшитъ этотъ крестьянинъ въ школу, зная, что послѣ обѣдни учитель отправится въ гости, и онъ останется безъ желанной книги. Ну какъ тутъ быть? Научите, добрые люди! — Помириться съ этимъ явленіемъ?.. Но вѣдь это выйдетъ непротивленіе злу въ духѣ толстовства. Поговорить съ учителемъ? Но съ нимъ говорено, и не разъ. Донести по начальству?.. Но священникъ и доносчикъ, — эти два слова звучатъ какъ-то несовмѣстимо для нашего уха, хотя бы священникъ былъ и тысячу разъ правъ. Правда, тутъ встаетъ предъ сознаніемъ образъ апостола Павла, искавшаго суда кесаря, встаетъ даже и образъ Христа Спасителя, Своимъ — „если я говорю худо, докажи, что худо; если хорошо, зачѣмъ бьешь меня“ — освятившаго обращеніе къ праву, къ закону. Но въ наше время священнику оставлено одно широкое право — на нравственное воздѣйствіе, а тамъ, гдѣ оно не приноситъ плода, другое, еще болѣе широкое право на молчаливое страданіе. Научите же, добрые люди, какъ быть, какъ поступать?

—

Въ приходѣ умираютъ дѣти въ необыкновенномъ даже для нашей деревни количествѣ. У крестьянина умеръ мальчикъ, — его братъ на краю гроба. Священникъ пишетъ участковому фельдшеру письмо, прося посѣтить больного и указывая, что у малютки, вѣроятно, тифъ.

Фельдшеръ пріѣхалъ и осмотрѣлъ больного. Возвращается. Его въ погостѣ встрѣчаетъ матушка, жена священника.

„Ну что, спрашиваетъ она фельдшера, опасенъ мальчикъ? Что вы нашли у него?“

„Нашелъ, отвѣчаетъ свирѣпый эскулапъ, что *тифъ въ голову* у того, кто писалъ мнѣ письмо“, т. е. у священника.

О. мы знаемъ, что священнику, проповѣднику любви ко врагамъ, слѣдовало мимо ушей пропустить эту дерзость. Вѣдь на то онъ и священникъ, чтобы терпѣливо сносить оскорбленія. Но вотъ грѣхъ. Въ этомъ приходѣ, какъ уже замѣчено, была эпидемическая болѣзнь на дѣтей. Крестьяне несутъ своихъ малютокъ на погостъ, и въ то же время жалуются священнику, что фельдшеръ не посѣщаетъ больныхъ. Опять, какъ быть тутъ, научите, добрые люди! Итакъ, пусть дѣти умираютъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей медицинской помощи, а священникъ пусть отпѣваетъ ихъ. Онъ видитъ, что дѣти могли бы и не умирать, еслибы человекъ, поставленный лѣчить ихъ, дѣлалъ свое дѣло. У него въ рукахъ и средство заставить фельдшера дѣлать то, что онъ долженъ,—это сообщить о его нерадѣніи земской управѣ. Но вѣдь это будетъ доносомъ. Какъ быть? И дѣтей вѣдь, съ другой стороны, тоже жалко; жалко и эту сельскую бѣдноту, которая тоже вѣдь имѣетъ сердце и умѣетъ плакать надъ преждевременною смертію своей плоти и крови, своихъ дѣтокъ, которыхъ они баюкали, отказывая себѣ во снѣ, и не послѣ дневного бездѣйствія, а послѣ утомительнаго крестьянскаго труда, когда человекъ приходитъ домой съ мыслию объ отдыхѣ и объ одномъ только отдыхѣ...

И священникъ, о которомъ рѣчь, наблюдая поражающую дѣтскую смертность, поступилъ такъ. Онъ взялъ и написалъ въ управу, но написалъ не о нерадѣніи фельдшера, а о томъ, что въ приходѣ у него дѣтская эпидемія.—Управа предписала фельдшеру объѣхать деревни, гдѣ, по указанію священника, наблюдается смертность дѣтей. И вотъ является сей радѣтель блага народнаго въ домъ священника.

„Батъко дома?“ кричитъ онъ, останавливаясь у дома священника и видя въ открытое окно лицо барышни, дочери священника.

Молчаніе.

„Поць дома?“—слышится новый возгласъ его..

Опять молчаніе.

„Батюшка дома?“

„Дома“, отвѣчаетъ дочь священника, „но онъ отдыхаетъ“.

„Разбудите его, я вамъ приказываю“.

Открываютъ двери, и въ квартиру священника входитъ сердитый фельдшеръ.

„Вы, батюшка, укажите мнѣ въ какихъ деревняхъ у васъ есть больные скарлатиною“.

Священникъ беретъ метрику и перечисляетъ деревни, гдѣ наблюдалась необычная смертность дѣтей.

„Кто же ставилъ діагнозъ“—начинается строгій допросъ батюшки фельдшеромъ.

„Мы свидѣтельства докторскаго съ опредѣленіемъ болѣзни не получаемъ, и потому сами вписываетъ въ метрику болѣзнь“ отвѣчаетъ священникъ.

„Ну, вашъ діагнозъ имѣетъ грошевую цѣну. Это разъ. Второе. Вы пишите въ управу, что у васъ дѣтская эпидемія. Укажите же, въ какихъ деревняхъ!“

„Я перечислилъ вамъ деревни, гдѣ наблюдается не обычная дѣтская смертность“.

„Но вѣдь тѣ дѣти умерли. Вы укажите мнѣ болѣющихъ, а не мертвыхъ, которые только по вашему мнѣнію умерли отъ скарлатины“.

„Я далъ вамъ нужныя указанія, и считаю свое дѣло въ данномъ случаѣ исполненнымъ“.

„Въ такомъ случаѣ на прилагаемомъ бланкѣ потрудитесь написать, говоритъ фельдшеръ, что вы не можете указать деревень, гдѣ наблюдается дѣтская эпидемія“.

Фельдшеръ думалъ, что поразилъ батюшку. Батюшка же взявъ бумагу, отмѣтилъ въ ней по метрикѣ деревни, гдѣ дѣти умирали. А потомъ, указавъ на то, что онъ считаетъ требованіе фельдшера указать, гдѣ *теперь* болѣютъ дѣти въ приходѣ, незаконнымъ, еще разъ спросилъ его, желаетъ ли тотъ настоятельно, чтобы это было сдѣлано священникомъ.

Фельдшеръ понялъ свою ошибку и понизилъ тонъ... Земскій врачъ, прїѣхавшій въ приходъ по командировкѣ управы, нашелъ въ немъ эпидемію дифтерита и оставилъ на мѣстѣ своего фельдшера.

Вотъ вторая неприглядная картина. Фельдшеръ сердится на священника за то, что тотъ вытребовалъ медицинскую помощь. Такъ или иначе, но конечная причина, обнаружившая его нерадѣніе къ своему дѣлу, священникъ. И правъ ли былъ этотъ послѣдній, когда изъ жалости къ крестьянамъ поступилъ такъ, какъ написано? В. Ф.

О т ъ Р е д а к ц і и.

За израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1903 года, подписка на журналъ этого года прекращается и открывается подписка на будущій 1904 г.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 сентября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академін, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, октября 1-го.

Содержаніе: Религіозное просвѣщеніе народа—одна изъ пастырскихъ обязан-
ностей.—Какъ я ввелъ въ своемъ приходѣ молитвенное поминованіе
усоншихъ, соединенное съ принесеніемъ безкровной Жертвы.—Гдѣ
пріобщать св. Таинъ посвящаемыхъ въ стихарь.—Забытыя могилы...

Религіозное просвѣщеніе народа—одна изъ па- стырскихъ обязанностей.

Первая черта, которая бросается въ глаза при изученіи современной религіозной жизни русскаго народа—это недо-
статокъ религіознаго знанія, отсутствіе точныхъ, часто даже
элементарныхъ свѣдѣній о существенныхъ вопросахъ вѣры
православной. Нѣкоторые не придаютъ этому обстоятельству
важнаго значенія, говоря, что народъ нашъ постигаетъ серд-
цемъ самую суть евангельскаго ученія; знаніе въ собствен-
номъ смыслѣ здѣсь и не требуется. Дѣйствительно, Господь
пріемлетъ и простыхъ умомъ людей, и мало знающіе въ об-
ласти вѣры не лишаются надежды на спасеніе; одно исповѣ-
даніе и мольба о спасеніи дѣйствительно спасли благоразум-

наго разбойника на крестѣ; Церковь причислила къ лику святыхъ и такихъ мучениковъ, которые въ одинъ день узнали о христіанствѣ и затѣмъ кровію своею запечатлѣли свою вѣру: однако всѣ эти случаи не умаляютъ всего значенія знанія христіанскаго ученія. Такое знаніе есть долгъ всякаго христіанина, и наученіе ему есть главная обязанность пастырей Церкви, получившихъ вмѣстѣ съ Апостолами завѣтъ отъ Христа—идти и научить вся языки. Только вѣрующій, по слову Спасителя, получить спасеніе, а вѣровать человѣкъ можетъ только тогда, когда будетъ знать, чему и какъ онъ долженъ вѣровать. Религіозное знаніе, необходимое всегда и во всѣ времена, въ наши дни особенно важно въ виду широкаго развитія въ наше время различныхъ лжеученій. Итакъ, первая задача православнаго пастыря—это религіозное просвѣщеніе народа; къ исполненію этого долга онъ имѣетъ много средствъ и прежде всего—*богослуженіе Православной Церкви.*

Богослуженіе имѣетъ всеобъемлющій характеръ не только потому, что оно обнимаетъ людей всѣхъ званій и состояній, но и потому, что оно имѣетъ въ виду всего человѣка, со всѣми способностями его по образу Божію сотворенной души; умъ, воля и сердце—все находитъ себѣ въ богослуженіи богатую пищу. Богослуженіе есть проявленіе того союза, который благоволилъ установить Господь Иисусъ Христосъ со Своими послѣдователями, сказавши имъ: *идѣже еста два, или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ.* Здѣсь христіанинъ, какъ членъ Церкви, входитъ въ тѣснѣйшее общеніе съ Главою Церкви Христомъ. Вся совокупность богослуженія, со всѣмъ богатствомъ его содержанія, представляетъ собою богатый источникъ религіознаго наученія; храмъ—это школа или училище, пастырь въ немъ—учитель, а само богослуженіе, читаемыя на немъ священныя и богослужебныя книги, исполняемыя пѣснопѣнія—средство наученія; на богослуженіи такъ же, какъ и на урокахъ Закона Божія, можно изучать вѣроученіе Православной Церкви. Всякая школа предпола-

гаетъ учителя и учениковъ: въ храмѣ таковыми являются пастырь и пасомые; чѣмъ усерднѣе и дѣятельнѣе относится наставникъ и ученики къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ больше пользы принесетъ школа; чѣмъ дѣятельнѣе и внимательнѣе отнесутся пастыри и пасомые къ храму и богослуженію, тѣмъ болѣе пользы принесетъ оно въ религіозно-нравственномъ смыслѣ. Что можетъ и долженъ сдѣлать въ этомъ случаѣ священникъ?

Путемъ историческимъ выработался въ нашемъ народѣ и нынѣ замѣчаемый взглядъ на богослуженіе, который можно назвать механическимъ: народъ иногда ограничивается только однимъ присутствіемъ въ храмѣ, не вникая въ то, что читаютъ и поютъ въ немъ. При такомъ отношеніи къ богослуженію ясно, что оно мало даетъ знаній изъ области вѣры; если оно и затрагиваетъ, то всего больше сердце; а не умъ. И если такое не вполне сознательное отношеніе къ богослуженію народа есть явленіе весьма печальное, то тѣмъ печальнѣе то, что само духовенство содѣйствуетъ и закрѣпляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отношеніе. Только богослуженіе, совершаемое съ надлежащимъ благоговѣніемъ и со смысломъ, можетъ оказывать благотворное воспитательное воздѣйствіе на народъ: тѣ мысли, какія содержатся въ богослуженіи, только тогда могутъ дойти до ума и сердца слушателей, когда онѣ будутъ выражены ясно и отчетливо. *Пойте Богу разумно*, призываетъ псалмопѣвецъ, а этой-то разумности иногда и недостаетъ нашимъ пастырямъ въ ихъ священнослуженіи: подъ вліяніемъ механическаго взгляда нашего народа на богослуженіе и пастыри не рѣдко ограчиваются только отправленіемъ богослуженія, а о томъ, какъ оно отправляется, часто совсѣмъ не думаютъ. Здѣсь прежде всего нужно указать на небреженіе въ исполненіи церковнаго устава относительно отправленія богослуженія и церковныхъ требъ. Несмотря на неоднократные указы Св. Синода и епархіальныхъ властей, все же въ богослуженіи нашемъ замѣчается часто отсутствіе единообразія: кто посѣтилъ много храмовъ, осо-

бенно въ деревняхъ, тотъ могъ видѣть, что въ богослуженіи нашемъ нѣтъ желаемаго единообразія: произвольныя отступленія и сокращенія весьма не рѣдкое явленіе. Въ городахъ, особенно церквахъ „аристократическихъ“, это дѣлается затѣмъ, чтобы не утруждать лицъ высокопоставленныхъ, имѣющихъ много дѣлъ, да и скоро устающихъ въ храмѣ: въ селахъ священника утомляютъ требы: выисповѣдать и причастить нѣсколько сотъ человѣкъ, отправить нѣсколько молебновъ—для этого нужно время, которое и стараются сберечь на отправленіи богослуженія. Шестопсалміе изъ трехъ псалмовъ, каѳизмы изъ 3—5 начальныхъ строчекъ псалма, стихиры изъ двухъ строчекъ—всѣ подобныя явленія приходится наблюдать въ нашихъ храмахъ не рѣдко. Даже въ совершеніи таинствъ встрѣчаются нежелательныя сокращенія и произвольныя отступленія, напримѣръ, исповѣдь по нѣсколькѣ человѣкъ сразу, сокращеніе молитвъ при крещеніи и т. д. Это одинъ недостатокъ въ исполненіи богослуженія, не только вредящій религіозному просвѣщенію народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасный въ другихъ отношеніяхъ. Раскольники не рѣдко дѣлаютъ православнымъ упрекъ за то, что у нихъ богослуженіе отправляется не по чину; опасность совращенія насомыхъ—вотъ первое, что можетъ вести за собою сокращеніе богослуженія. Затѣмъ, было бы несправедливымъ думать, будто народъ нашъ *совсѣмъ* не знаетъ богослуженія и равнодушно относится къ тому, какъ оно совершается; народъ нашъ любитъ посѣщать богослуженіе, бываетъ не только въ своемъ храмѣ, но и въ сосѣднихъ, такъ какъ паломничество—его излюбленный подвигъ; естественно возникающее отсюда сравненіе богослуженія у себя дома и на сторонѣ: свое сокращенное богослуженіе онъ отнесетъ или на счетъ невѣдѣнія и неопытности священника, или же на счетъ его небрежности, — и въ томъ и другомъ случаѣ неизбежное слѣдствіе — подрывъ уваженія къ своему духовному отцу.

Богослуженіе только тогда будетъ оказывать свое религіозно-просвѣтительное воздѣйствіе на паству, когда оно бу-

деть совершаемо истово, а не съ поспѣшностію и нерадѣніемъ, безъ надлежащей ясности и отчетливости; жалобы на поспѣшность и неразборчивость церковнаго чтенія приходится слышать не рѣдко. Вопросъ о церковномъ чтеніи былъ затронутъ въ прошломъ году въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, въ 22 номерѣ. Здѣсь авторъ, подписавшійся „міряниномъ“, выражаетъ слѣдующія мысли о церковномъ чтеніи: „Отъ чтеца, говоритъ онъ, требуется не декламаторская виртуозность, а лишь чтеніе внятное, раздѣльное, съ соблюденіемъ логическихъ удареній; что касается истиннаго вдохновенія въ чтеніи, то такое можетъ родить только „неподдѣльное религиозное чувство, которое, впрочемъ, мало развиваетъ въ своихъ питомцахъ—будущихъ служителяхъ Церкви наша духовная школа“. Не раздѣляя крайняго взгляда автора относительно нашей духовной школы, тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ его требованіемъ относительно ясности церковнаго чтенія. „Мірянинъ“ указываетъ и нѣсколько цѣлесообразныхъ мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать благолѣшію богослуженія, такъ, онъ рекомендуетъ читать Апостолъ и Евангеліе, по византійскому древнему обычаю, лицомъ къ народу, вывести *дикій* діаконскій крикъ, привлекать къ участию въ богослуженіи прихожанъ, желающихъ потрудиться въ храмѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя мѣра. Непосредственное участіе народа въ богослужебномъ чтеніи, а особенно въ церковномъ пѣніи, безспорно привлечетъ народъ къ богослуженію, заставитъ его внимательнѣе относиться къ тому, что читаютъ и поютъ въ церкви. Хоровое и общенародное пѣніе не только важно, какъ просвѣтительное средство; они имѣютъ и миссіонерское значеніе, такъ какъ будутъ отвлекать народъ отъ сектанскихъ собраній, привлекающихъ народъ возможностью непосредственнаго участія въ моленіяхъ. Что у насъ въ храмахъ часто бываетъ плохое пѣніе, неразборчивое чтеніе, это объясняется иногда очень просто: на клиросѣ не рѣдко стоитъ одинъ псаломщикъ; вести одному чтеніе и пѣніе на клиросѣ бываетъ очень трудно, особенно зи-

мою въ холодномъ храмѣ. Привлеченіе народа къ участию въ богослуженіи значительно облегчитъ трудъ псаломщика, а вмѣстѣ оживитъ церковное богослуженіе.

Въ церковномъ пѣніи у насъ, особенно въ послѣднее время, замѣчается большое оживленіе: даже въ захолустныхъ деревняхъ трудами духовенства и учителей заводятся хоры любителей, но и въ этомъ дѣлѣ есть нѣкоторыя нежелательныя явленія—это крайнее иногда увлеченіе регентовъ такъ называемымъ партеснымъ пѣніемъ. Вселенскій VI соборъ правиломъ 75 требуетъ, чтобы поющіе въ храмѣ „не употребляли безчинныхъ воплей, не вынуждали изъ себя неестественнаго крика и не вводили ничего несообразнаго и несвойственнаго Церкви, но съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ приносили псалмопѣнія Богу, назирающему сокровенное“. Это-то правило довольно часто нарушается въ нашихъ храмахъ такъ называемымъ партеснымъ пѣніемъ. Къ пѣнію этому прежде всего не приготовленъ бываетъ самый хоръ, взятый изъ простыхъ деревенскихъ мальчиковъ: даже при самомъ заботливомъ отношеніи регента къ своему дѣлу—успѣха здѣсь большого ожидать трудно. Къ этому же пѣнію не приготовлены бываютъ и сами слушатели, особенно старики, привыкшіе къ простому пѣнію старинныхъ дьячковъ. При партесномъ пѣніи могутъ страдать религіозно-воспитательныя дѣла; простое пѣніе проще, а потому оно скорѣе воспринимается слухомъ; пѣніе партесное, гдѣ одни слова повторяются нѣсколько разъ, другіе исполняются плохо, трудно для воспріятія, особенно людямъ, мало или совсѣмъ незнакомымъ съ нимъ; при такомъ пѣніи очень трудно замѣчать и изучать церковныя молитвословія, а между тѣмъ церковное пѣніе служитъ весьма важнымъ къ тому средствомъ. Оживленію церковнаго пѣнія и чтенія много могутъ содѣйствовать школы, особенно церковно-приходскія, гдѣ на это дѣло обращается особенное вниманіе.

Вообще же можно сказать, чѣмъ истовѣе, правильнѣе будетъ совершаемо богослуженіе, чѣмъ лучше, яснѣе будетъ

въ храмѣ совершаемо чтеніе и пѣніе, тѣмъ больше пользы принесеть богослуженіе для народа въ религіозно-просвѣтительномъ смыслѣ, тѣмъ больше храмъ будетъ тѣмъ, чѣмъ есть и долженъ быть—именно школою благочестія.

Проповѣданіе Христова ученія составляетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей пастырскаго служенія: цѣль этого служенія—приводить людей къ истинной вѣрѣ во Христа; но, спрашиваетъ Апостоль, *како увѣрують, его же не слышаща, како же услышатъ безъ проповѣдающаго?* (Рим. X, 14). Примѣръ Спасителя и Его апостоловъ, великихъ отцовъ и учителей Церкви и прямая ихъ заповѣдь призываютъ священника къ этому дѣлу—великому и благоплодному. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства проповѣдь въ храмѣ съ церковной кафедрой занимала во вниманіи пастырей Церкви одно изъ главенствующихъ мѣстъ, и не напрасно: богослуженіе даетъ такую обстановку, вызываетъ такое настроеніе, которое весьма располагаетъ человѣка къ воспріятію того, чему его учать. Нельзя сказать, чтобы дѣло проповѣданія Слова Божія въ настоящее время стояло совсѣмъ плохо: духовенство несомнѣнно трудится въ этомъ дѣлѣ, хотя нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что проповѣдь стоитъ не на той высотѣ, на какой слѣдовало-бы ожидать. Проповѣдь есть сѣянiе на нивѣ сердець и душъ человѣческихъ и, какъ сѣянiе, она требуетъ слѣдующихъ условій: здѣсь необходима почва, на которую упало-бы доброе сѣмя, требуется сѣятель, искусившійся въ подвигѣ сѣянiя. Какъ въ жатвѣ, такъ и здѣсь обильный плодъ опредѣляется качествомъ почвы, зерна, энергіей и трудомъ сѣятеля. Всего естественнѣе начать здѣсь рѣчь съ вопроса о томъ, что представляетъ наше общество, съ какимъ настроеніемъ оно встрѣчаетъ проповѣдь, какъ относится къ ней?

Характерная особенность нашего времени—это ослабленіе интереса къ вопросамъ духовнаго характера, ослабленіе заботъ о томъ, что только и нужно человѣку—о спасеніи—словомъ, матеріализація жизни. Эгоизмъ, доведенный до край-

нихъ предѣловъ, погоня за наслажденіями и средствами—все это ясно видно всякому, кто безпристрастно относится къ нашему времени; и не одни только церковные проповѣдники ясно сознаютъ это ненормальное направленіе нашей жизни какъ, напримѣръ, почившій недавно архіепископъ Харьковскій Амвросій; та же мысль ясно выражается и въ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей. Нужна особенная энергія, талантъ и сила, чтобы пробудить наше общество, „засыпавшее души свои хламомъ ежедневныхъ заботъ“. Все, о чемъ говорятъ проповѣдники—все это слишкомъ далеко отъ того, чѣмъ живетъ современный человѣкъ, чуждо поглотившихъ его мелкихъ ежедневныхъ интересовъ. „Что намъ дать проповѣдь, разсуждаютъ нѣкоторые: всѣ ея наставленія знакомы намъ давно и проку въ нихъ для жизни мало; она не научитъ насъ, какъ бороться съ жизнію и за жизнь, которая предъ-являетъ свои безпощадныя требованія“. Изъ такого взгляда и выходитъ то, что стоитъ проповѣднику показаться на церковной кафедрѣ, какъ многіе изъ присутствующихъ оставляютъ храмъ. И не только проповѣдники со средними силами, нѣтъ, даже выдающіеся изъ нихъ встрѣчаютъ небрежное отношеніе со стороны своихъ слушателей.

Встрѣчая столь неблагопріятную почву среди слушателей, духовенство не должно закрывать глаза и на то, что и само оно отчасти виновато въ неуспѣшности своей проповѣди. Къ проповѣди, какъ и ко всякому другому дѣлу, требуется со стороны слушателей привычка, и эту привычку возможно выработать только путемъ систематическаго проповѣданія Слова Божія. Необходимой для этого настойчивости и нѣтъ въ современной проповѣди: только отдѣльными тружениками. Слова Божія она ведется исправно, въ большинствѣ же случаевъ—она дѣло случая, роскошь, допускаемая въ рѣдкихъ случаяхъ. Кажется гдѣ, какъ не въ городахъ должна-бы стоять проповѣдь на подобающей высотѣ. Здѣсь есть многочисленные причты, среди нихъ люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, духовенство матеріально обезпечено,

слѣдовательно, имѣть досугъ для приготовленія проповѣдей. На самомъ дѣлѣ проповѣдь здѣсь тоже только роскошь, допускаемая въ торжественныхъ случаяхъ при архіерейскихъ службахъ, въ царскіе дни. Удивительно-ли послѣ этого, что наше общество не слушаетъ проповѣдей: оно къ нимъ не привыкло.

Если такова постановка проповѣдническаго дѣла въ городскихъ храмахъ, то еще слабѣе стоитъ она въ деревнѣ, гдѣ большею частію одинъ, много два священника: совершеніе многочисленныхъ требъ настолько утомляетъ священника, что для проповѣди у него нѣтъ ни времени, ни силъ. Крестьяне наши такъ-же, какъ и горожане, мало приготовлены къ проповѣди. Разъ мы сами не исправны въ дѣлѣ проповѣди, то и народъ привыкаетъ смотрѣть на нее, какъ на дѣло второстепенное и не важное. Иначе дѣло поставлено на Западѣ, у инославныхъ христіанъ какъ у протестантовъ, такъ и у католиковъ: тамъ проповѣдь — необходимая принадлежность богослуженія. Широкимъ развитіемъ проповѣдничества въ значительной степени объясняется и то вліяніе, какимъ пользуется духовенство, несмотря на самое широкое развитіе въ обществѣ воззрѣній враждебныхъ христіанству.

Возможно-ли поднятіе и усиленіе жизненнаго значенія проповѣди у насъ на Руси, и что для того требуется? Упадокъ церковной проповѣди нѣкоторые склонны считать явленіемъ вполне нормальнымъ, объясняя его избитостью проповѣдническаго матеріала. Можетъ ли быть что нибудь фальшивѣе этого положенія? Христово ученіе обладаетъ такимъ богатымъ содержаніемъ, котораго никогда не исчерпаетъ вполне проповѣдь. Развитіе проповѣди возможно, возможно и самое широкое и глубокое ея вліяніе, и усиленіе этого вліянія зависитъ много отъ духовенства. Новая программа для вступающихъ въ академію въ число предметовъ при вступленіи назначаетъ, между прочимъ, написаніе проповѣди; такъ какъ академія есть отчасти контролирующая по отношенію къ семинарскому преподаванію инстанція, то въ новомъ распо-

ряженіи можно видѣть ясное указаніе на то, что въ семинаріяхъ дѣло проповѣдничества поставлено неудовлетворительно; мнѣнія авторитетныхъ профессоровъ свидѣтельствуютъ то-же самое. Общій упадокъ письменныхъ работъ въ семинаріяхъ несомнѣнно оказываетъ здѣсь свое вліяніе, но не только онъ одинъ. Въ семинаріяхъ обращаютъ главное вниманіе на теоретическую сторону проповѣди; за шестилѣтній курсъ семинаристу приходится написать одну, много двѣ проповѣди; произносить проповѣдь разрѣшаютъ только тому, кто получилъ высшій баллъ; можно-ли считать это достаточной подготовкою? Необходимо, чтобы каждый окончившій курсъ семинаріи произносилъ не одну, а десять проповѣдей и не въ торжественныхъ только случаяхъ; въ городахъ много приходскихъ церквей, которыя совсѣмъ не оглашаются проповѣдью; здѣсь семинаристы-проповѣдники были-бы желанными людьми; здѣсь приобрѣтали-бы они навыкъ къ проповѣдничеству. Практическая подготовка къ проповѣди—вотъ первое необходимое требованіе отъ нашихъ проповѣдниковъ.

Чтобы проповѣдь оказывала вліяніе на народъ и на общество, необходимо вести ее настойчиво: пусть не въ рѣдкихъ только случаяхъ и торжественныхъ, но при каждой службѣ Божіей оглашаются храмы проповѣднымъ словомъ; необходимо духовенству воспитать народъ, расположить его къ проповѣди..

Причину малоуспѣшности нашей проповѣди нужно видѣть затѣмъ и въ нашей неспособности говорить съ народомъ его словами и языкомъ. Общія жалобы всѣхъ проповѣдниковъ—плохое усвоеніе народомъ того, чему его учать. Повидимому, мы говоримъ самымъ простымъ языкомъ, слова употребляемъ самыя доступныя, а въ дѣйствительности многого изъ того, чему мы учимъ, онъ совершенно не понимаетъ. Тѣ понятія и словесныя формы, которыми мы привыкли легко и свободно оперировать въ семинаріи, для народа совсѣмъ непонятны. Въ проповѣди у насъ преобладаетъ сочинительство: такъ какъ проповѣдь теперь болѣе или ме-

нѣ искусственное построеніе, то ее приходится читать, а не говорить: только искусившіеся въ словѣ говорятъ импровизаціи, преобладающій же способъ—чтеніе по тетрадкѣ; нѣкоторые даже склонны совсѣмъ отрицать импровизацію. Между тѣмъ чтеніе по тетрадкѣ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нѣкоторую монотонность; монотонное чтеніе убаюкиваетъ, мало говоритъ сердцу,—только человѣкъ, привыкшій къ нему въ теченіе долгихъ годовъ, еще можетъ слѣдить за нимъ. Живая устная рѣчь есть необходимое требованіе отъ всякаго оратора, который дѣйствительно хочетъ вліять на людей. Могутъ, пожалуй, возразить, что импровизація—есть даръ, не для всѣхъ доступный, но возраженіе это не имѣетъ той силы, какую ему приписываютъ: говорить же каждый священникъ съ людьми на дому, въ частной бесѣдѣ, десятки лѣтъ отвѣчаемъ мы уроки безъ книги. Почему же не можетъ быть того-же въ храмѣ? Могутъ при импровизаціи быть ошибки въ словахъ, даже нѣкоторая непослѣдовательность, но за то въ устномъ изложеніи проповѣдь можетъ быть больше согрѣта теплотою сердца, искренностію, убѣжденіемъ, воодушевленіемъ, а въ этомъ главное условіе ея успѣха. Школьные способы и приемы въ построеніи проповѣдей, механизмъ, искусственность и монотонность—все это часто вредитъ церковной проповѣди. Освободиться отъ этихъ недостатковъ, пріучиться говорить съ народомъ возможно только путемъ самаго тѣснаго единенія и общенія съ народомъ; необходимо нѣкоторое опрощеніе, въ лучшемъ, конечно, смыслѣ слова, для того, чтобы говорить съ народомъ, доступнымъ для него понятнымъ языкомъ.

Проповѣдь есть одно изъ лучшихъ средствъ религіознаго просвѣщенія и назиданія: тѣсное единство догматики и нравоученія есть отличительная черта христіанскаго ученія. Оба эти элемента имѣютъ одинаково важное значеніе, но не въ одинаковой степени обращаютъ на нихъ вниманіе проповѣдники: если разсмотрѣть тѣ проповѣди, какія пишутся теперь для народа, то сразу можно убѣдиться, что здѣсь преобла-

даетъ нравственно-назидательный элементъ, между тѣмъ проповѣди, которыя раскрывали-бы догматическое ученіе—довольно рѣдки. Отсюда и выходитъ то, что народъ нашъ знаетъ, какъ нужно жить, но какъ и чему вѣровать—онъ не знаетъ; у него часто отсутствуетъ знаніе самыхъ элементарныхъ истинъ христіанскаго ученія о вѣрѣ, чѣмъ открывается доступъ для разныхъ непризванныхъ учителей. Если простой человѣкъ можетъ дать ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ онъ долженъ жить, какъ нужно относиться къ ближнимъ, родителямъ, дѣтямъ, то въ иномъ положеніи онъ оказывается въ вопросахъ христіанскаго вѣроученія; начитанный сектантъ можетъ всегда поставить его втупикъ самыми простыми вопросами; это можетъ имѣть мѣсто не только среди простыхъ людей, но даже среди людей, получившихъ образованіе.

Итакъ, какія же въ заключеніе задачи выдвигаетъ наше время относительно церковной проповѣди? Слабое религіозное развитіе народа требуетъ: а) самаго широкаго настойчиваго проповѣданія Слова Божія какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ храмахъ; в) большей примѣнимости ихъ къ слушателямъ, къ ихъ развитію; с) болѣе широкаго развитія проповѣди догматическаго содержанія. Само собою понятно, что указываемыя требованія времени не исключаютъ и тѣхъ требованій, какія должны быть предъявляемы ко всякой проповѣди вообще и всѣмъ извѣстны изъ уроковъ гомилетики.

Свящ. В. Пестряковъ.

(Продолженіе будетъ).

Какъ я ввелъ въ своемъ приходѣ молитвенное помяновеніе усопшихъ, соединенное съ принесеніемъ безкровной жертвы.

Переведенный въ 1874 году въ другое село, за упраздненіемъ самостоятельнаго прихода въ томъ, въ которомъ служилъ, я поразился крайне скуднымъ и бѣднымъ религіозно-нравственнымъ развитіемъ моихъ новыхъ прихожанъ. Не нашелъ въ нихъ проявленія и обнаруженія тѣхъ благочестивыхъ обычаевъ, которые внушаются намъ, такъ сказать, самою природою, и которые, потому, содержатся, большею частью вѣрующихъ. Первая треба, которую мнѣ пришлось совершить въ новомъ приходѣ, было погребеніе умершаго. Вся забота моихъ новыхъ прихожанъ о почившихъ своихъ сродникахъ, какъ я сразу же замѣтилъ и въ чемъ впоследствии окончательно убѣдился, заключалась въ томъ, чтобы „поднять покойника“ и на извѣстномъ пути отслужить *сорокъ* панихидъ по немъ, вручая въ руку священника, предъ каждою панихидою, копейку; затѣмъ, по принесеніи покойника въ церковь, происходило совершеніе надъ нимъ молитвеннаго погребенія по уставу, послѣ чего почившій какъ бы забывался живыми: литургій почти никто не заказывалъ; поминанія, а тѣмъ болѣе просфоры на проскомидію не подавались; не подавались поминанія и въ такъ называемыя *вселенскія субботы*; синодика не было, рѣдко—рѣдко кто, бывало, закажетъ панихиду и еще рѣже—литургію, хотя заупокойные обѣды нѣкоторыми и справлялись. Такое холодное отношеніе живыхъ къ умершимъ ихъ сродникамъ, такая безпечность ихъ о загробномъ положеніи послѣднихъ не мало озабочивали меня и побуждали внушить прихожанамъ необходимость съ ихъ стороны молитвы объ умершихъ ихъ сродникахъ. Но какъ внушить? За литургіею въ проповѣди можно сказать только разъ или два — и то небольшому числу прихожанъ, приходившихъ въ храмъ. Для достиженія своей цѣли я воспользовался суббо-

тами св. Четырдесятницы, особенно 2-й, 3-й, 4-й недѣль, когда въ храмѣ бываетъ исповѣдниковъ 300—400 чоловѣкъ. На утреннемъ богослуженіи каждой названной субботы, послѣ первой кафизмы, передъ такъ называемыми *непорочными*, я выходилъ изъ алтаря на солею и, обратившись къ народу, говорилъ приблизительно слѣдующее:

„Братіе христіане! мы созданы по образу и по подобію Божию, состоимъ изъ тѣла и души. Тѣло наше, по разлученіи съ душою, умираетъ и погребается въ землю, а душа восходитъ къ Богу и получаетъ отъ него опредѣленіе своей участи до второго пришествія—или предвкушать вѣчное блаженство, или предощущать вѣчное мученіе. Ведомая ангелами къ Богу по смерти въ теченіе 40 дней, она находится во все время пути въ великомъ страхѣ и трепетѣ, потому что оспаривается у добрыхъ ангеловъ злыми демонами, которые, преграждая путь душѣ къ Богу, показываютъ все ея грѣхи, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ содѣянные. Зная это, Православная Церковь, чадолюбивая мать наша, не только при жизни нашей непрестанно возсылаетъ молитвы, моленія и прошенія о спасеніи нашемъ, а и молитвенно напутствуетъ отходящихъ въ жизнь загробную, не оставляетъ насъ безъ помощи молитвенной и по смерти нашей. Каждодневно и за каждою службою она умоляетъ Отца Небеснаго о почившихъ чадахъ своихъ, да вчинитъ ихъ души Онъ, милосердый, *идѣже вси праведнии пребываютъ, прости въ вся согрѣшенія ихъ*. Не довольствуясь такою постоянною молитвою о нихъ, она въ годичномъ кругѣ времени опредѣлила субботы каждой недѣли на преимущественное моленіе объ усопшихъ; въ нѣкоторыя же субботы усугубляетъ свои моленія въ благочестіи о вѣрѣ скончавшихся Праотецъ, Отецъ и братій нашихъ отъ всякаго рода: отъ рода царей, князей, монашествующихъ, мірянъ, юношей и старцевъ, даже и всѣхъ *внезапно* умершихъ и оставшихся безъ законеннаго погребенія (Служб. въ суб. мясоп.). Такія субботы называется *вселенскими*, и ихъ пять.

1) Суббота *мясопустная* предъ сырною недѣлею, въ которую

вспоминается второе пришествіе Христово и на литургіи читается евангеліе о страшномъ судѣ Христовомъ, почему св. Церковь въ субботу предъ этою недѣлею ходатайственно предстательствуетъ предъ праведнымъ Судіею о всѣхъ, какою бы смертію кто ни умеръ, да явитъ имъ Онъ Свою милость въ день нелицепріятнаго всѣмъ воздаянія (Синакс. въ субб. мяс.).

2) Суббота *Троицкая* предъ великимъ и спасительнымъ днемъ сошествія Св. Духа на апостоловъ. Такъ какъ благодать Св. Духа спасительно простирается какъ на живыхъ, такъ и на умершихъ, то св. Церковь находитъ благовременнымъ, наканунѣ этого праздника, ходатайствовать молитвенно предъ Владыкою и Вседержителемъ о собраніи живущихъ и почившихъ во едино царство Христово и умоляетъ Господа Бога объ оставленіи прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ *впроу претставившимся челоувкомъ* и о вѣчномъ упокоеніи ихъ со святыми. Сугубо умоляетъ Господа о томъ же и въ субботы 2-й, 3-й, 4-й недѣль св. Четырдесятницы, когда мы подвигаемся въ подвигахъ поста и умоляемъ Господа, о примиреніи и единеніи съ Нимъ и всѣми святыми.

„Богопреданные и богобоязненные рабы Христовы, исполненные любви и заботы не о себѣ только, а и о всѣхъ ближнихъ своихъ всегда, по примѣру св. Церкви, творятъ молитву— какъ домашнюю каждодневно о своихъ усопшихъ сродникахъ, такъ въ особенности не забываютъ молитвы церковной о нихъ съ принесеніемъ безкровной жертвы, каковую непременно приносятъ о нихъ въ 3-й, 9-й, 20-й, 40-й, полугодовой и годовой день ихъ кончины, а нѣкоторые приносятъ такую и въ теченіе 40 дней со дня ихъ кончины, когда душа особенно нуждается въ молитвенной помощи, проходя 20 воздушныхъ мытарствъ.

„Но, можетъ быть, кто изъ васъ подумаетъ: да бываетъ ли какое либо облегченіе душамъ почившихъ, когда мы, живые, молимся о нихъ? — Еще въ Ветхомъ Заветѣ богодухновенные писатели заповѣдывали своимъ современникамъ *за умершихъ моленіе творити, яко да отъ грѣха очистятся*

(Сир. 7, 36; 38, 23; Тов. 4, 18; Вар. 3, 4; 2 Макк. 12, 39—44). Въ Новомъ же Заветѣ, послѣ того какъ Господь Иисусъ Христосъ принесъ самого себя въ жертву за грѣхи всего міра, преподаль апостоламъ подъ видомъ хлѣба и вина Свое пречистое Тѣло и Свою пречистую Кровь, заповѣдавъ вѣрующимъ творить сіе до Его второго пришествія, польза молитвы объ умершихъ еще болѣе стала несомнѣнною, особенно, когда молитва эта соединяется съ принесеніемъ безкровной жертвы (Мѡ. 13, 32; 2 Тим. 4, 3; Апок. 1, 18; 20, 15), Св. ап. Іаковъ, братъ Господень по плоти и первый епископъ Іерусалимской Церкви, составивъ чинъ божественной литургіи, включить въ него, какъ существенную принадлежность, и молитву объ усопшихъ, которая начинается такъ: *Господи, Боже духовъ и всякія плоти, помяни православныхъ, ихже помянухомъ, и ихже не помянухомъ, отъ Авеля праведнаго до дне сего... и упокой ихъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова*. И милосердный Господь Иисусъ Христосъ, по молитвамъ живыхъ и Церкви, отворяетъ двери ада и выводитъ оттуда узниковъ; потому что благодатное царство Христово не ограничивается одною областію живыхъ, но животворная сила искупительныхъ заслугъ Спасителя простирается и на царство мертвыхъ,—и здѣсь побѣдитель ада и смерти можетъ оживлять и спасать, прощать и возвращать къ свободѣ: *на сіе бо Онъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ*, (Римл. 14, 9). Въ этомъ убѣждаютъ насъ безчисленные примѣры изъ жизни святыхъ Божіихъ. Приведу нѣкоторые.

„Одинъ изъ схимниковъ аѡнскихъ рассказывалъ, что причиною поступленія его въ монашество было такое обстоятельство: „Однажды,—говоритъ онъ, заболѣлъ я такъ тяжело, что пришелъ въ совершенное изнеможеніе. Вдругъ вижу—подходятъ два ангела и говорятъ: „слѣдуй за нами“. Я, будто бы, всталъ и пошелъ. Мнѣ они показали всѣ мученія грѣшныхъ и, указывая на одно мученіе, сказали: „вотъ и ты здѣсь будешь мучиться, если не раскаешься“. При этомъ одинъ ан-

гелъ вынулъ изъ пламени грѣшника, чернаго какъ уголь, и въ оковахъ. Оковы эти ангелы сняли съ него, вымыли и, одѣвъ въ свѣтлую одежду, отвели его въ рай. — „За что ему такая милость?“—спросилъ я у ангеловъ.—„Эта грѣшная душа,—отвѣтили ангелы,—была отлучена отъ Бога за грѣхи, и вѣчно страдала бы въ пламени. Но родственники грѣшника, находящіеся въ живыхъ, много служили литургій и панихидъ по немъ, много роздали милостыни; вотъ ради ихъ то ходатайства Богъ и умилился надъ этою душою и велѣлъ освободить ее изъ ада“ („Странн.“ 1882 г., май).

„Былъ въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ мужъ, украшенный добродѣтелями, по имени Онисифоръ, іерей. У блаженнаго Онисифора былъ духовный сынъ, чернецъ и другъ, который казался постникомъ, смиреннымъ и благочестивымъ, а тайно ѣлъ, пилъ и веселился. Въ одинъ день онъ умеръ, и никто не могъ приблизиться къ тѣлу его по причинѣ нестерпимаго смрада. На всѣхъ напалъ ужасъ, никто не рѣшался совершить надъ нимъ погребенія. Наконецъ, нѣкоторые рѣшились похоронить его въ пещерѣ. Тогда Онисифору явился прен. Антоній и сказалъ: „зачѣмъ ты положилъ здѣсь беззаконника? Такого еще не было здѣсь. Онъ осквернилъ святое мѣсто“. Онисифоръ началъ молиться и говорилъ: „Господи, зачѣмъ Ты сокрылъ дѣла этого человѣка?“—„Затѣмъ, сказалъ ангель,—чтобы показать всѣмъ согрѣшающимъ и не кающимся“. На другую ночь повелѣно было выбросить тѣло инока вошь. Но Онисифоръ началъ молиться,—и тѣло инока перестало издавать смрадъ (Чет-Мин., 9-го ноября).

„Двѣ благородныя дѣвицы дали клятвенный обѣтъ Богу жить въ постничествѣ и молитвахъ, но при этомъ не старались *удерживать языка* своего *отъ зла*: осудить, оболгать, укорить,—было обыкновеннымъ дѣломъ для постницъ. Преп. Венедиктъ, узнавъ объ этомъ, нарочно послалъ къ нимъ ученика своего и отечески совѣтовалъ удерживать языкъ, въ случаѣ же непослушанія, грозилъ отлучить ихъ отъ Божественнаго причащенія. Но безумныя дѣвицы начали издѣваться и

ля сельск. паст., т. III. № 40

надъ св. Венедиктомъ. Вскорѣ обѣ онѣ умерли и, какъ великія постницы, были погребены въ церкви. Но нѣкоторыми благочестивыми христіанами замѣчено было, что когда діаконовъ возглашалъ на литургіи: *елци олашении изыдите*, то двѣ дѣвицы выходили изъ гробовъ и изъ церкви. Это чудное явленіе продолжалось нѣсколько времени. Наконецъ, узналъ объ этомъ и преп. Венедиктъ. Онъ пролилъ объ усопшихъ дѣвицахъ слезы сокрушенія и, пославъ просфору въ ту церковь, велѣлъ вынуть часть въ жертву Богу о упокоеніи душъ ихъ. Съ того времени никто уже болѣе не видѣлъ дѣвицъ выходящими изъ церкви и всѣ поняли, что злоязычныя постницы жертвою и молитвами преп. Венедикта получили отъ Бога прощеніе („Училище Благодч.“, т. 3, стр. 76).

„Что молитвы наши за умершихъ дѣйственны, въ этомъ вы можете убѣдиться и изъ жизненныхъ наблюденій. Сами вы говорите, что въ извѣстную лѣтнюю пору испеченный хлѣбъ какъ бы плѣсневѣть, но въ дѣйствительности онъ цвѣтетъ, такъ какъ это бываетъ въ ту пору, когда и колось въ полѣ начинаетъ цвѣсть. Замѣчено, что когда виноградъ начинаетъ разцвѣтать, то виноградное вино, находящееся въ бочкахъ, начинаетъ какъ бы бродить. Если же такое соотвѣтствіе замѣчается между неодушевленными предметами, то тѣмъ несомнѣннѣе существуетъ подобное соотвѣтствіе между живыми и умершими. И весьма благоразумно поступаютъ тѣ христіане, которые съ усердіемъ молитвенно поминаютъ усопшихъ родителей и сродниковъ своихъ: просятъ служить за нихъ панихиды, заупокойныя литургіи, подаютъ за каждою литургіею поминавія съ просфорою. Прочитывая поминавія, священникъ вынимаетъ изъ принесенной просфоры частички, кладетъ ихъ къ Агнцу, и, въ свое время опукая ихъ въ животворящую Кровь, молится такъ: *отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ, кровію Твоею честною, молитвами святыхъ Твоихъ*. „Почему и бываетъ, по словамъ Кирилла Іерусалимскаго,—превеликая польза тѣмъ душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, когда святая предлежитъ и страшная жертва. Молит-

вы за усопшихъ это какъ бы спасительная вервь, которую въ благопріятное время бросаетъ человѣкъ утопающему ближнему“ (Филаретъ, митроп. Моск.). Какъ утопающему горько бываетъ видѣть своихъ друзей, стоящихъ на берегу и не заботящихся о спасеніи его, и притомъ тогда, когда имъ стоило бы только бросить веревку, чтобы спасти его; такъ тяжело бываетъ и умершимъ, если мы не молимся о нихъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ, съ горячимъ желаніемъ ожидаютъ они молитвъ нашихъ о нихъ.

„Молитесь же, братіе и вы,—молитесь за умершихъ родныхъ своихъ, пока Богъ принимаетъ молитвы наши, служите по нихъ панихиды, заказывайте заупокойныя литургіи, подавайте на проскомидію поминанія съ просфорами и будьте увѣрены, что за это милосердный Господь проститъ согрѣшенія ихъ“¹⁾.

Когда я послѣ этого вышелъ на средину храма и сталъ предъ поминальнымъ столикомъ для возношенія заупокойныхъ моленій, вижу—нѣкоторые стали класть на столикъ поминальницы, которыя я истово и вслухъ прочелъ при произношеніи ектеній; тѣ же поминальницы подавались и на проскомидію, а неимѣвшіе поминальницъ подавали записочки, написанныя имъ между утренею и обѣднею, и тоже съ просфорою. Нѣкоторые тогда же оставили свои поминальницы, прося за каждою литургіею св. Четыредесятницы поминать ихъ родныхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше входило въ сознаніе моихъ новыхъ прихожанъ убѣжденіе въ спасительности и дѣйственности молитвъ живыхъ за умершихъ, и уже всякій говѣющій считалъ обязательнымъ подать на проскомидію поминальницу съ просфорою, а потомъ начали подавать и почти за каждою воскресною и праздничною службою. И если прежде, въ теченіе года расходовалось просфоръ 500, 600, то теперь расходуется ихъ до семи тысячъ. Начали за-

¹⁾ Это поученіе въ первые два года я неизмѣнно произносилъ на утреннемъ богослуженіи *каждой субботы* св. Четыредесятницы.

казывать и заупокойныя литургіи. Но первоначально совершеніе таковыхъ я относилъ къ воскресному дню, руководясь тѣмъ, что въ воскресный день бываетъ въ церкви народъ, который не можетъ не умилиться заупокойными моленіями и прошеніями. Я же всегда старался возглашать ихъ не спѣшно, громко и вразумительно, особенно молитву: *Боже духовъ и всякія плоти...* Молитву эту, по уставу, священникъ долженъ произносить тайно, во время возглашенія діаконъ заупокойной ектеніи; но такъ какъ у меня діакона не было, то я, по ектеніи, произносилъ ее вслухъ, руководствуясь также и тѣмъ, что участвовавшему въ молитвѣ народу старался хотя коротко, но каждый разъ внушать необходимость молитвы объ умершихъ. Послѣдствіемъ всего этого стало то, что теперь рѣдкій покойникъ хоронится безъ литургіи; служатся онѣ по немъ въ 9-й, 20-й, 40-й, полугодовой и годовой дни. Я же, съ своей стороны, разъяснилъ, почему св. Церковь внушаетъ намъ творить молитву объ умершихъ въ эти именно дни. Бываютъ и заказы сорокоустовъ, — но, по бѣдности, немногіе ихъ заказываютъ. Есть теперь и синодикъ, въ которомъ вписаны сотни именъ—одни для годичнаго поминовенія, а другіе—для вѣчнаго. Такъ Господь помогъ мнѣ внушить моимъ прихожанамъ необходимость молитвеннаго поминовенія усопшихъ ихъ сродниковъ.

Заштатный священникъ П. *Малининъ*.

Гдѣ приобщать св. Таинъ посвящаемыхъ въ стихарь?

19 правило лаодикійскаго собора гласитъ: „однимъ только священнымъ лицамъ дозволяется входить въ алтарь *и (тамъ) причащаться*“. Несмотря на это, въ нашей русской Церкви во многихъ епархіяхъ практикуется обычай—*причащать въ алтарь и посвящаемыхъ въ стихарь*. „Во время литургіи

новопосвящаемый, говоритъ ключарь Омскаго Успенскаго кафедральнаго собора К. Скальскій, исполняетъ одну изъ обязанностей по указанію ключаря и въ алтарь приобщается св. Таинъ постъ всѣхъ изъ рукъ перваго священника“¹⁾. „Въ

¹⁾ „Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно- и церковно-служителей при архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, кувфьею, камилавкою и проч.“ Спб. 1902 стр. 16. Книжка о ключаря Скальскаго, изданная въ свѣтъ извѣстною книгопродавческою фирмою въ Петербургѣ И. Л. Тузова, претендуетъ быть „Руководствомъ для священно- и церковнослужителей при архіерейской службѣ“, очевидно, всей русской православной Церкви, но на самомъ дѣлѣ она правъ на это не можетъ имѣть, а нѣкоторыми своими руководящими указаніями прямо возбуждаетъ недоумѣнія и даже изумленіе. Прежде всего намъ непонятно, почему о. Скальскій помѣстилъ въ своемъ „Руководствѣ“ цѣликомъ всѣ молитвы чина литургіи св. Іоанна Златоуста. Едва-ли можно думать, что имъ онъ желалъ замѣнить вполнѣ Служебникъ, безъ котораго уже никоимъ образомъ нельзя обойтись священнику, „при архіерейской службѣ“ чинովъ литургій св. Василия Великаго и преждеосвященныхъ даровъ. Текстъ этихъ молитвъ безъ нужды увеличилъ объемъ книги, а съ этимъ вмѣстѣ, конечно, и ея цѣнность (35 коп.). Во-вторыхъ, о. Скальскій въ своемъ „Руководствѣ“ удѣляетъ много вниманія мѣстной омской практикѣ архіерейскаго служенія и тѣмъ дѣлаетъ мало пригоднымъ его для священно-церковнослужителей другихъ епархій. Такъ, напр., послѣ облаченія архіерея и благословенія послѣднимъ съ дикиріемъ и трикиріемъ, по приглашеніи протодіаконамъ: „Тако да просвѣтится“, по словамъ о. Скальскаго, „архіерей отдастъ трикирій и дикирій иподіаконамъ, которые восходятъ на содею, становятся по обѣ стороны протодіакона и діакона и, сотворивши поклонъ предъ царскими вратами и поклонившись архіерею, всѣ входятъ въ св. алтарь, съ ними входятъ въ алтарь и жезлоносецъ съ лампадаремъ, оставивъ жезлъ и лампаду на своихъ мѣстахъ“ (стр. 12—13). Въ большинствѣ епархій и посошникъ и лампадарь стоятъ, или близъ архіерейской кафедры, или же у царскихъ дверей, какъ объ этомъ ясно говоритъ архіерейскій Чиновникъ (л. 10), указывая первому мѣсто предъ иконою Спасителя, а второму „по лѣвой сторонѣ, близъ великихъ лампадъ“, но не оставляютъ лампы и посоха, за исключеніемъ времени приобщенія священнослужителей въ алтарь, близъ царскихъ дверей, да къ тому же и на входъ въ алтарь они права не имѣютъ. Послѣ *третьяго* раза „Буди имя Господне“, по словамъ о. Скальскаго, архіерей становится въ царскихъ вратахъ и, благословляя народъ обѣими руками, произноситъ: „Благословеніе Господне“ (стр. 77), тогда какъ, по чину церковному, требуется еще чтеніе 33 псалма, который въ Омскѣ почему-то

алтарѣ священникъ, по словамъ того же автора, *послѣ діаконовъ приобщаетъ новопосвященнаго въ стихарь и иподіакона,*

опускается. Въ Омскѣ архіерея провожаютъ изъ храма, по окончаніи литургіи, протодіаконъ и второй діаконъ *съ трикиріємъ и дикиріємъ и съ кадильницами*, архіерей снимаетъ мантию *на каведрѣ* среди храма и идетъ домой въ сопровожденіи не только иподіаконовъ, но и ключаря въ епитрахили (стр. 79), тогда какъ ни по чину, ни въ практикѣ большинства нашихъ кафедральныхъ соборовъ такъ не дѣлается. Архіереи выходятъ въ сопровожденіи сослужащаго духовенства, благословляютъ народъ одинажды только съ солей и снимаютъ мантию у западныхъ церковныхъ вратъ предъ выходомъ изъ храма: выноса дикирія и трикирія и сопровожденія епископа ключаремъ въ епитрахили до покоевъ въ чинѣ не указано и не дѣлается. Что же касается восхожденія епископа на кафедру для снятія мантии, то омская практика здѣсь, очевидно, слѣдуетъ буквѣ „Чиновника архіерейскаго священнослуженія“, требующаго: „входя во архіерейскій домъ *станетъ архіерей* на нѣкоемъ *высокомъ учиненномъ мѣстѣ, яко да видимъ будетъ всѣмъ*, и обращается архіерей къ народу, обѣя руками держай жезлъ, осѣняетъ весь народъ“ (М. 1897, л. 68), хотя и здѣсь ничего не говорится о снятіи мантии. Есть нѣсколько и другихъ указаній на мѣстную практику, не приложимую въ другихъ епархіяхъ, напр., при описаніи (стр. 22—23) великаго выхода (стр. 46—47), при причащеніи св. Таинъ священнослужущихъ въ алтарѣ (стр. 73—74) и др., но всѣ эти особенности, не имѣя значенія руководительнаго для нашихъ священно-церковно-служителей всей русской Церкви, имѣютъ характеръ безразличный и могутъ быть еще терпимы. Но въ книжкѣ о Скальскаго отмѣчены такія особенности мѣстной практики, которыя назвать безразличными нельзя никоимъ образомъ, и возбуждаютъ не только удивленіе, но прямо *изумленіе*. Такъ, напр., посвящаемые въ стихарь „*становятся на колѣни на нижней ступени каведры*“ (стр. 15) предъ началомъ чтенія молитвы архіеремъ и предъ произнесеніемъ послѣднимъ наставленія: „Чадо, первый степень священства чтеца есть“ (Тамъ же); тоже дѣлаютъ посвящаемый и въподіакона (стр. 16, прим.), награждаемый набедренникомъ, скуфькою, камилавкою, палерснымъ крестомъ, митрою, палицею и возводимый въ санъ протодіакона, протоіерея, игумена и архимандрита (стр. 23, прим.). Такая практика не оправдывается не только принятымъ у насъ „Чиновникомъ архіерейскаго священнослуженія“ (И пришедъ ко архіерею говорится здѣсь, *преклоняетъ главу* л. 128; Сн. л. 130, 136 об., 141, 142 об., 144 об.), но и обычаями *всей православной Церкви*, носитъ на себѣ несомнѣнный слѣдъ вліянія, чуждой намъ практики, церкви *латинской—западной* (Pontificale romanum. Venet. 1561, fol. 6—9). Но и эти странные обычаи омской богослужебной практики еще ничто въ сравненіи съ однимъ обычаемъ, указываемымъ о Скальскимъ въ концѣ чина литургіи св. І. Златоуста. „Во время молитвы (т. е. „Благословляя благословящя

если таковые есть“¹⁾. По замѣчанію московскаго протоіерея Н. Розанова, посвящаемый въ стихарь „*причащается въ алтарь, около престола съ лѣвой стороны*, по причащеніи діаконѣвъ“²⁾.

Указанный обычай—допускать посвящаемыхъ въ стихарь къ приобщенію св. Таинъ *въ алтарь* и при томъ „*около престола*“, несогласный съ каноническими правилами, противорѣчитъ и обычаямъ восточной православной и нашей древнерусской Церкви.

„Въ алтарѣ епископы и священники, хотя и сослужители, шепетъ блаженный Симеонъ Солунскій въ главѣ (99)

Тя, Господи“) по словамъ автора разсматриваемаго Руководства, *приходитъ къ архіерею второй или иной діаконъ и, ставъ на оба колѣна у нижняго стола лѣвой стороны престола, складываетъ на краю престола крестообразно руки и полагаетъ на нихъ голову*. Архіерей благословляетъ его главу и читаетъ надъ нимъ молитву: „Исполненіе закона и пророковъ“ (стр. 76). Какъ извѣстно, и каноническія правила (20 прав. I ник. соб. 90 пр. 2 конст. соб.; 15 пр. Петра Александр.), и Церковный Типикъ (М. 1885, л. 174 об., 448) возбраняють поклоны и стоянія на колѣнахъ въ дни воскресныя, когда у насъ въ большинствѣ случаевъ и совершаются архіерейскія служенія литургій, во всю пятидесятницу и отъ Рождества до Богоявленія, чего, по видимому, омская практика не желаетъ признавать. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, ставитъ второго діакона или иного какогонибудь, только что сподобившагося соединенія со Христомъ чрезъ принятіе Тѣла и Крови Его, *и не благовременно*. Востокъ православный современнѣйшій для причастниковъ не дозволяетъ не только колѣнопреклоненій и поклоновъ, но даже цѣлованія руки благословляющаго священнослужителя.—Языкъ „Руководства“ оставляетъ желать многого. На ряду съ словами церковными и принятыми въ литературѣ здѣсь можно встрѣчать такія, напр., *вратница сѣверная* (стр. 8, 9, 46) вм. дверь, *крыльцо храма* (стр. 7) вм. паперть или притворъ, *подсидкосникъ* (стр. 10) вм. стихарь или подризникъ, кресло (стр. 51, прим.) вм. каедрa, причащающійся священнослужитель „беретъ св. потиръ черезъ *платокъ*“ (стр. 70) вм. покровецъ или платъ и т. д. Вообще мы не можемъ порекомендовать нашимъ священно-и-церковно-служителямъ, какъ полезное и волюнъ пригодное „Руководство“, книжку о Скальскаго, и желаемъ отъ души, чтобы она явилась въ новомъ и совершенно исправленномъ видѣ.

¹⁾ Литургія св. І. Златоустаго. Руководство стр. 73.

²⁾ Руководство для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуженія, при участіи митрополита, епископа, всего собора, и порядокъ посвященія въ священно-церковнослужительскія степеня и проч. М. 1890, стр. 118.

„о томъ, что и на землѣ, какъ на небесахъ, по чину, занимаютъ мѣсто и приобщаются св. Таинъ,—внутри и внѣ алтаря, освященные и міряне“, однако, не приближаются, подобно первенствующему (т. е. архіерею). Другіе опять изъ освященныхъ занимаютъ чинъ ниже ихъ, не могутъ произносить того, что произносятъ тѣ, и послѣ приступаютъ къ страшному причащенію, какъ священнослужители, имѣющіе чинъ служебный. Послѣ этихъ предъ *священными дверями* (πρὸ τῶν ἱερῶν πολῶν)—*прочіе: иподіаконы, и съ ними чтецы и пѣвцы*, послѣ коихъ снова приобщаются имѣющіе монашескій чинъ, какъ пользующіеся преимуществомъ предъ народомъ; а за ними тотчасъ по порядку міряне, ибо и они не всѣ равны: одни стоятъ твердо, другіе же суть кающіеся“¹⁾.

Въ нашей древне-русской богослужебной практики держался тотъ же обычай. Это ясно можно видѣть изъ описанія богослуженія въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ Паисія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго вмѣстѣ съ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ, апрѣля 4 дня 1667 года. „Апрѣля въ 4 день, въ великій четвертокъ, божественную литургію въ соборной церкви служили всѣ три патріарха, говорится въ патріаршихъ выходахъ этого года, въ то время великій государь причащался пречистаго Тѣла и пречистыя Крове Христа Бога нашего въ олтарѣ, *по прежнему обычаю*, у престола отъ рукъ вселенскихъ патріарховъ: пречистое Тѣло подалъ ему святѣйшій Паисій, папа и патріархъ александрійскій, пречистую Кровь Христа Бога нашего подалъ Макарій, патріархъ антиохійскій, дору святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій. И потомъ великій государь изъ олтаря вышелъ и сталъ на мѣстѣ, а въ олтарѣ причащались по обычаю архіереи и архимандриты, и игумены, и протопопы, и священницы, и діаконы. *Отверженомъ бывшимъ дверемъ, и по явленіи святыхъ Даровъ въ церкви, были причастницы, прежде клирицы соборныя и апостольскія Церкви въ стихаряхъ*, отъ

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155, col. 295—296; Писан. отц. и учит. Церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 140—141.

руки святѣйшаго Іоасафа патріарха, а митрополиты подавали дору, стоя подлѣ святѣйшаго патріарха. Потомъ причащался царевичъ Николай Грузинскій, да царевичъ Касимовскій Василій, потомъ государевы бояре и околничіе, и спалники, и столники, и дворяне, и головы, и дьяки“¹⁾.

На основаніи этихъ данныхъ мы вправѣ утверждать, что практика тѣхъ нашихъ епархій, въ которыхъ посвящаемые въ стихарь клирики приобщаются *въ алтарь* и при томъ *у престола*, не заслуживаетъ одобренія, какъ неоправдываемая ни канонами, ни обычаями Церквей греческой и нашей древне-русской. Новопосвященные въ стихарь, а равно и вообще стихарные клирики должны приобщаться Св. Таинъ *отъ алтаря у царскихъ дверей*, но прежде мірянъ.

Проф. А. Дмитріевскій.

Забытыя могилы . . .

На основаніи ученія Православной Церкви о безсмертіи души и всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ, вѣрующимъ вмѣняется въ нравственный долгъ всячески заботиться о могилахъ предковъ и мѣстахъ ихъ вѣчнаго упокоенія. Для этого отводятся особыя мѣста, или кладбища, и эти мѣста изъ уваженія къ праху почивающихъ на ихъ необходимо содержать въ полномъ порядкѣ и чистотѣ. А кто больше всего долженъ слѣдить за этимъ, какъ не пастырь стада Христова, который долженъ быть стражемъ своего прихода во всѣхъ отношеніяхъ?

Но вѣроятно не вездѣ и не въ должномъ порядкѣ находятся православныя приходскія кладбища, если и епархіальное начальство частенько напоминаетъ объ этомъ, и въ періодической не только духовной, но даже въ свѣтской печати не рѣдко встрѣчаются статьи и замѣтки объ этомъ предметѣ. Въ настоящій разъ мы обратимъ вниманіе нашихъ собратьевъ еще на одно явленіе, которое слѣдовало бы по возможности

¹⁾ Дополн. къ Актамъ Историч. т. V, № 26, стр. 105.

устранять для того, чтобы и святость мѣста соблюсти и не быть за свою небрежность притчею во языцѣхъ.

Если насъ всячески поносятъ и осуждаютъ за небрежное содержаніе приходскихъ кладбищъ, гдѣ погребены ввѣренныя нашему попеченію души прихожанъ, то еще большему осужденію подвержены мы, пастыри, за небрежное содержаніе церковныхъ погостовъ и погребенныхъ на нихъ бывшихъ служителей алтаря, ихъ семействъ и благотворителей мѣстнаго приходскаго храма. А между тѣмъ и погосты церковные и могилы, находящіяся на нихъ, рѣдко гдѣ поддерживаются въ подобающемъ святынѣмъ благоприличіи и уваженіи къ праху погребенныхъ на нихъ. Не рѣдко можно встрѣтить и ограду церковную полуразвалившуюся и погосты, заросшія сорными травами и могилы запавшими, съ глубокими зіяющими отверстіями, и кресты покосившимися и ограды вокругъ могилъ въ полуразвалившемся состояніи. И это гдѣ? На томъ мѣстѣ, *еже есть свято*, вблизи алтаря Господня, гдѣ совершается святѣйшее таинство Тѣла и Крови Господней. А могила принадлежитъ нашимъ же предшественникамъ, а это, помимо уваженія къ праху ихъ, побуждаетъ позаботиться о приведеніи могилъ ихъ въ порядокъ уже по одному тому, что та же участь можетъ постигнуть и нашу могилу, если только мы не заведемъ такого порядка, чтобы могилы, находящіяся на погостѣ церковномъ, были поддерживаемы въ полномъ порядкѣ и приличномъ видѣ. Такая небрежность не должна быть терпима прежде всего изъ уваженія къ погосту церковному, а также къ праху почивающихъ въ нихъ лицъ.

Быть можетъ спросятъ: на чей счетъ это производить? Конечно на церковный, такъ какъ вблизи церкви погребаются или служители алтаря, или благотворители храма, внесшіе извѣстную лепту за то, что ихъ бранные останки почиваютъ на погостѣ церковномъ. Да и много ли на это потребуется?

С. Б.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 октября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, октября 12-го.

Содержаніе: Почитаніе свв. угодниковъ и св. мощей, по свидѣтельству Іоанна Златоуста.—Религіозное просвѣщеніе народа одна изъ па-
стырскихъ обязанностей (окончаніе). — Псаломщикъ (разсказ).—
Правила на случай изнесенія святыхъ иконъ изъ монастырей въ
города и села.

Почитаніе свв. угодниковъ и св. мощей, по сви- дѣтельству Іоанна Златоуста.

I.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ нижеслѣдующее о зна-
ченіи свв. угодниковъ въ Церкви Христовой: „мучениковъ
достойно называть и столпами, и скалами, и башнями, и
свѣтильниками, и вмѣстѣ тельцами. Какъ столпы они поддер-
живаютъ Церковь; какъ башни ограждаютъ ее; какъ скалы
отражаютъ всякое нападеніе, доставляя великую тишину на-
ходящимся внутри; какъ свѣтильники, они отогнали тьму не-
честія; и какъ тельцы, они душею и тѣломъ съ одинаковою
ревностію влекли благое иго Христова“¹⁾. Этими словами

¹⁾ Твореній св. Іоанна Златоуста т. 2, изд. 1896 г., стр. 623.

Іоаннъ Златоустъ выражаетъ, конечно, не свой только взглядъ, но воззрѣніе всей древней Церкви на свв. угодниковъ. Становится понятнымъ и естественнымъ, что Церковь, при такомъ воззрѣніи, изъ древности почитаетъ и прославляетъ своихъ мучениковъ, какъ свв. угодниковъ Божіихъ. Это такъ естественно, что еще древній церковный историкъ сказалъ по поводу почитанія ихъ: „такая жизнь (мучениковъ) по всей справедливости оставляетъ по себѣ твердую память и вѣчную славу. Ибо какъ самая жизнь мученика отличается смиренномудріемъ и памятованіемъ Божіихъ велѣній, такъ и кончина его бываетъ исполнена великодушія и благороднаго мужества. А потому за нею слѣдуютъ гимны, псалмы и словеса; за нее возсылается хвала Сердцевѣдцу всѣхъ и въ память сихъ мужей совершается благодарственная жертва, чистая отъ крови и всякаго насилія, жертва, не требующая ни благовопія Ливана, ни горящихъ костровъ, но довольствующая чистымъ свѣтомъ, сколько его нужно для освѣщенія молящихся“¹⁾.

По замѣчанію Іоанна Златоуста, почитаніе святыхъ угодниковъ установилось въ Церкви не случайно; оно не было придумано и введено насильственно представителями Церкви, но есть изначала дѣло Промысла Божія и дѣйствія въ Церкви Христовой Духа Святаго. „Щедрые и честолюбивые учредители пиршествъ, говорилъ онъ предъ своею паствою въ Антиохіи, устрояютъ частыя и непрерывныя пиршества для того, чтобы и показать свое богатство и вмѣстѣ обнаружить свое благорасположеніе къ друзьямъ. Такъ и благодать Духа представляетъ намъ доказательство своей силы и, показывая великое благорасположеніе къ друзьямъ Божіимъ, предлагаетъ намъ постоянно и непрерывно трапезы мучениковъ. Недавно угощала насъ съ великимъ радушіемъ весьма юная и безбрачная мученица Пелагія; сегодня опять возобновили праздникъ ея блаженный и доблестный Игнатій. Различны

¹⁾ Евсевія. Церк. Ист. т. 2, гл. 12, стр. 314—315.

лица, но трапеза одна; мѣняются подвиги, но вѣнецъ одинъ; разнообразны состязанія, но награда таже самая“¹⁾).

Итакъ почитаніе свв. угодниковъ такъ же древне, какъ и сама Церковь. Будучи дѣломъ Промысла Божія, оно и впредь никогда не прекратится въ ней. „Память ихъ (т. е. свв. угодниковъ), говоритъ Іоаннъ Златоустъ, юнѣтъ каждый день. Какъ невозможно погаснуть солнцу, такъ и памяти мучениковъ; потому что самъ Христосъ изрекъ: *небо и земля мимо идутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Мѡ. 24, 35)“²⁾. Въ похвальной бесѣдѣ на праздникъ свв. мученикъ Іувентина и Максимиана Златоустъ о томъ же говорилъ еще такъ: „недавно собиралъ насъ здѣсь блаженный Вавила съ тремя отроками: сегодня двоица святыхъ воиновъ поставила въ строй воинство Христово; тогда четверица мучениковъ, а теперь двоица мучениковъ. Различенъ ихъ возрастъ, но одна вѣра; не одинаковы подвиги, но тоже самое мученичество; тѣ *древни* по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница Церкви: въ ней есть и новыя и старыя жемчужины; но одна красота у всѣхъ. Не увядаетъ цвѣтъ ихъ, не пропадаетъ отъ времени; этотъ блескъ по свойству своему не допускаетъ ржавчины старости. Вещественное богатство проходитъ и уступаетъ продолжительности времени: и одежды изнашиваются, и дома разрушаются, и золото ржавѣетъ, и всякаго рода чувственное богатство истребляется временемъ и пропадаетъ; въ сокровищахъ же духовныхъ—не такъ; но всегда и во всемъ мученики остаются въ одинаковомъ цвѣтѣ и юности, сіяя и блистая славою собственнаго свѣта. Зная это, и вы не почитайте иначе *древнихъ* и иначе *новыхъ* мучениковъ, но всѣхъ ихъ почитайте и принимайте съ одинаковымъ усердіемъ, съ одинаковымъ расположеніемъ“³⁾. Этимъ свидѣтельствомъ Іоанна Златоуста, во первыхъ, удостовѣряется вѣрованіе древней Церкви, что почитаніе свв. угодниковъ никогда не прекратится въ

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 632—633.

²⁾ Твореній т. 2, стр. 747.

³⁾ Твореній т. 2, стр. 618.

ней; во вторыхъ, когда онъ упоминаетъ здѣсь о „древнихъ“ и „новыхъ“ мученикахъ, прославляемыхъ Церковію, то стало быть въ его время Церковь не ограничивалась прославленіемъ только древнѣйшихъ, первыхъ мучениковъ, но отъ времени до времени соприсчисляла къ лику святыхъ новоявленныхъ угодниковъ, вводи ихъ во всецерковное почитаніе наравнѣ съ древнѣйшими. Это подтверждается также фактомъ соприсчисления въ Антиохійской Церкви къ лику святыхъ Мелетія, Архіепископа Антиохійскаго. Мелетій скончался въ 382 году, а спустя пять лѣтъ при Іоаннѣ Златоустѣ, Антиохійская Церковь уже празднуетъ память его особымъ церковнымъ торжествомъ и Іоаннъ Златоустъ говоритъ за богослуженіемъ похвальную бесѣду въ честь его. „Когда кто-нибудь, говорилъ онъ, потеряетъ любимаго сына или жена—уважаемаго мужа, то доколѣ сохраняетъ о немъ живую память, и скорбь болѣе сильно снѣдаетъ душу; а когда время, проходя, смягчаетъ скорбь, то вмѣстѣ съ силою скорби угасаетъ и живость воспоминація. Съ этимъ же блаженнымъ было напротивъ: уныніе уже совершенно изгнано, а память о немъ не исчезла вмѣстѣ съ печалію, но еще больше возрасла. И свидѣтели этому—вы, которые, спустя столько времени (послѣ кончины)¹⁾, какъ пчелы сотъ, окружили тѣло блаженнаго Мелетія. Побужденіемъ къ тому было не естественное расположеніе къ нему, но *здоровое сужденіе ума*; поэтому память о немъ и не угасла съ его смертію, и не ослабѣла отъ времени, но увеличивается и болѣе возрастаетъ не только въ тѣхъ изъ васъ, которые видѣли его, но и въ невидѣвшихъ“²⁾. Замѣчаніе Златоуста, что празднованіе памяти Мелетія введено не по „естественному расположенію къ нему“, а по „здоровому сужденію ума“, очевидно означаетъ, что соприсчисленіе къ лику святыхъ новоявленныхъ угодниковъ совершалось въ древней Церкви не безъ разбора, а по здоровомъ обсужденіи и на безспорномъ основаніи.

¹⁾ Это было въ 387 году; память св. Мелетія 12 февраля.

²⁾ Твореній т. 2, стр. 562.

Судя по нѣкоторымъ указаніямъ Іоанна Златоуста, такимъ основаніемъ, какъ увидимъ ниже, служили чудеса новоявленнаго угодника, святость жизни его, мученическая кончина, нетлѣнныя тѣлесныхъ останковъ его.

Св. Іоаннъ Златоустъ изъясняетъ и нравственно - догматическое основаніе почитанія свв. угодниковъ, вытекающее изъ единства Церкви земной и небесной. Именно онъ говоритъ: „они (мученики) страдали, и мы радуемся; они подвизались, и мы веселимся; ихъ—вѣнецъ и слава—общая, или лучше—слава всей Церкви. Какъ же, скажешь, это можетъ быть? Такъ, что мученики суть наши части и члены, но *еще страждетъ единый удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: еще же славится единый удъ, съ нимъ радуются вси уди* (2 Кор. 22, 26). Вѣнчается глава—и остальное тѣло веселится... Мы—ноги, а мученики—голова; но *не можетъ рещи глава ногамъ: не требъ ми есте* (1 Кор. 22, 22). Прославлены члены; но превосходство славы не отчуждаетъ ихъ отъ союза съ остальными частями: тогда особенно они и славны, когда не отклоняются отъ союза съ нами; такъ и глазъ, будучи свѣтлѣ всего остальнаго тѣла, тогда сохраняетъ свойственную ему славу, когда не отдѣляется отъ остальнаго тѣла. И что я говорю о мученикахъ? Если Владыка не устыдился быть нашею Главою, то тѣмъ болѣе они не стыдятся быть нашими членами, потому что въ нихъ вкоренена любовь, а любовь обыкновенно соединяетъ и связываетъ раздѣленное и не слишкомъ разбираетъ достоинства. Поэтому, какъ они сострадаютъ въ грѣхахъ нашихъ, такъ мы радуемся съ ними ихъ подвигамъ“¹⁾. Таково было воззрѣніе безъ сомнѣнія всей древней Церкви.—Итакъ, почитаніе свв. угодниковъ въ древней Церкви несомнѣнно. Въ чемъ оно выражалось? По свидѣтельству Іоанна Златоуста, оно выражалось въ постройкѣ храмовъ въ честь свв. мучениковъ. Такъ въ его время въ Антиохіи и предмѣстьѣ ея Дафнѣ были храмы: муч. Вавиллы, Евстафія, Юлі-

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 650—651.

ана, мученицы Дросиды и другихъ; въ одномъ мѣстѣ Златоустъ говоритъ о „мученическихъ храмахъ“ вообще, стало быть такихъ храмовъ было много¹⁾. Затѣмъ древняя Церковь отличала нарочитыя „дни памяти мучениковъ“. Таковы дни памяти вышеназванныхъ мучениковъ, также—св. Мелетія—12 февр., мученицы Пелагии—8 окт., муч. Ювентина и Максимиана—въ концѣ января, муч. Лукіана—7 янв., Игнатія Богоносца—20 дек. и друг. Эти дни были праздничными днями²⁾. Память свв. угодниковъ чествовалась торжественными богослужебными собраніями. Канунъ мученическихъ праздниковъ древніе христіане проводили во „всенощномъ священномъ бдѣніи“, такъ что они, по выраженію Златоуста, „ночь превращали въ день“. Праздникъ наполнялся, кромѣ молитвы, назидательнымъ воспоминаніемъ о страданіяхъ свв. мучениковъ, чтеніемъ свящ. Писанія; за богослуженіемъ христіане причащались св. Таинъ³⁾. Съ какою любовію древніе христіане относились къ памяти мучениковъ и какъ торжественно праздновались дни ихъ, объ этомъ можно судить по одной бесѣдѣ Златоуста, сказанной въ честь мучениковъ за богослуженіемъ въ Дафнѣ, близъ Антиохіи. „Праздникъ мучениковъ, говоритъ онъ, празднуется не только по круговороту дней, но и по расположенію празднующихъ... Кто не пора-

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 604, 644, 721, 731.

²⁾ Тамъ же, стр.: 644, 642, 568, 730, 618, 623, 562, 632, 577. Припомнимъ здѣсь свидѣтельство отъ болѣе ранняго времени; именно св. Кипріянь Карфагенскій въ свое время писалъ пресвитерамъ и діаконамъ: „Замѣчайте дни отшествія исповѣдниковъ изъ сей жизни, дабы мы, совершая память мучениковъ, могли вмѣстѣ воспоминать и объ нихъ. Пусть Тертуль, вѣрнѣйшій и благоговѣннѣйшій братъ нашъ, между прочими своими заботами и попеченіями (въ числѣ конхъ заключается и попеченіе о тѣлахъ), кои онъ оказываетъ братіямъ, замѣчаетъ, записываетъ и означаетъ для меня тѣ дни, въ кои блаженные братія наши перешли черезъ смерть къ славному безсмертію, дабы мы могли въ память ихъ приносить жертвы и моленія, кои съ помощію Божіею, надѣюсь скорѣ совершить вмѣстѣ съ вами“. Переводы изъ твореній свв. отцовъ. Евсевія архіепископа Тверскаго 1876, стр. 150.

³⁾ Твореній т. 2 стр. 711.

дуется сегодня нашему собранію, этому свѣтлому зрѣлищу, кипучей любви, горячему расположенію, неудержимой страсти? Почти весь городъ переселился сюда, и ни раба не удержалъ страхъ предъ господиномъ, ни бѣднаго—нужда бѣдности, ни старца—слабость возраста, ни жену—нѣжность пола, ни богатаго—гордость отъ изобилія, ни начальника—надменность власти; но любовь къ мученикамъ, устранивъ всякое подобное неравенство, и слабость природы, и нужду бѣдности, одною цѣпью привлекла сюда такое множество и окрылила любовью къ мученикамъ, какъ будто вы теперь устраиваетесь жить на небѣ: поправъ всякую похоть невоздержанія и непотребства,—вы пламенѣете любовью къ мученикамъ. Какъ при восхожденіи солнца дикіе звѣри разбѣгаются и скрываются въ свои пещеры, такъ и когда свѣтъ мучениковъ озаряетъ наши души, всѣ болѣзни ея погребаются, и возгорается свѣтлый пламень любомудрія. А чтобы намъ не только теперь, но и постоянно, и по окончаніи настоящаго духовнаго зрѣлища, сохранить этотъ пламень, возвратимся и домой съ тѣмъ же самымъ благоговѣніемъ, не пускаясь въ мѣста пьянства и блудодѣянія, въ оныяненіе и пиршества. Вы обратили ночь въ день посредствомъ священныхъ всенощныхъ бдѣній; не обращайтесь опять дня въ ночь посредствомъ пьянства и невоздержанія и блудныхъ пѣсней... Какъ смѣшно, послѣ такого собранія, послѣ всенощныхъ бдѣній, послѣ слушанія Священнаго Писанія, послѣ приобщенія божественныхъ Таинъ и послѣ духовнаго ликованія, мужу или женѣ являться въ мѣста пьянства и проводить тамъ цѣлые дни¹⁾ и проч. Ту же ревность древнихъ христіанъ къ памяти свв. угодниковъ Златоустъ отмѣтилъ и при другомъ случаѣ,—въ день св. Мелетія, архіепископа Антиохійскаго. „Со всѣхъ сторонъ обводя глазами это священное стадо, говорилъ онъ своей паствѣ, и видя городъ весь здѣсь присутствующимъ, не знаю, кого мнѣ ублажать прежде, — святого Мелетія, что онъ и по смерти

¹⁾ Тамъ же, стр. 710—711.

пользуется такою честію, или вашу любовь, что вы оказываете столько расположенія къ своимъ пастырямъ и послѣ ихъ смерти. Подлинно блаженъ онъ, что смогъ оставить та кое очарованіе любви во всѣхъ васъ; блаженны и вы, что, прпнявъ залогъ любви, донинѣ постоянно сохраняете его неизмѣннымъ въ отношеніи къ тому, кто далъ его вамъ. Уже пятый годъ прошелъ съ того времени, какъ онъ отошелъ къ вождѣлѣнному Іисусу, но вы успѣшили навстрѣчу ему сегодня съ такою кипучею ревностію, какъ будто видѣлись съ нимъ вчера или третьяго дня... И если бы мы стали молчать, то и одно это *празднество* и горячее ваше усердіе достаточно для того, чтобы громче трубы возгласить о любви святого Мелетія къ дѣтямъ, потому что онъ воспламенилъ въ душѣ вашей такую любовь къ себѣ, что вы и имя его одно горячо принимаете и возбуждаетесь при самомъ его названіи“¹⁾ и т. д.

Судя по примѣру Іоанна Златоустаго, предстоятели церквей направляли праздничное чествованіе угодниковъ между прочимъ къ тому, чтобы расположить христіанъ подражать добродѣтелямъ ихъ. „Чествованіе мучениковъ, говорилъ онъ, не только въ томъ, чтобы приходить къ нимъ, но еще прежде этого въ томъ, чтобы соревновать ихъ мужеству“²⁾. Въ этихъ видахъ священнослужители въ дни памяти ихъ произносили за богослуженіемъ назидательныя бесѣды въ честь мучениковъ³⁾. Но и помимо этого древніе христіане, по свидѣтельству Іоанна Златоуста, любили проводить праздники въ чтеніи и слушаніи повѣствованій о страданіяхъ мучениковъ⁴⁾. „Вспоминанія о мученикахъ, говоритъ онъ, вооружаютъ душу противъ ухищреній бѣсовъ и научаютъ бороться съ ними. Показывая силу подвижниковъ и непреклонную борьбу съ

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 557—558.

²⁾ Тамъ же, стр. 719.

³⁾ Напр. отъ Іоанна Златоуста до насъ дошло 20 бесѣдъ, сказанныхъ имъ въ честь свв. мучениковъ и угодниковъ Божіихъ.

⁴⁾ Твореній т. 2, стр. 712.

истязаніями, они придаютъ благбчестію смѣлость, представляя въ *повѣствованіяхъ о мученіяхъ*, какъ бы на мѣстѣ подвиговъ, пройденное каждымъ мученикомъ поприще“ ¹⁾. „Когда ты увидишь, что они (мученики) презирали всю жизнь, то, хотя бы ты былъ безчувственнѣе и нерадивѣе всѣхъ, ты получишь самые возвышенные помыслы, будешь смѣяться надъ роскошью, презирать деньги и пожелаешь тамошней жизни; будешь-ли въ болѣзняхъ, ты получишь величайшее побужденіе къ терпѣнію въ страданіяхъ мучениковъ; будешь-ли угнетенъ бѣдностію, или какимъ-нибудь другимъ тягчайшимъ зломъ, ты, взирая на величіе причиненныхъ имъ мученій, получишь достаточное утѣшеніе во всѣхъ постигшихъ тебя бѣдствіяхъ; поэтому я особенно люблю дни памяти мучениковъ, люблю и привѣтствую всѣ“, такъ поучалъ св. Іоаннъ Златоустъ христіанъ въ день памяти великомученицы Дросиды ²⁾. Упомянутыя выше „повѣствованія о мученикахъ“ очевидно представляютъ собою письменныя повѣствованія о жизни, подвигахъ и страданіяхъ мучениковъ; они составлялись ревностными христіанами, можетъ быть, подъ руководствомъ предстоятелей церкви, для назиданія и для увѣковѣченія въ Церкви памяти свв. мучениковъ. То обстоятельство, что эти записи ко времени Іоанна Златоуста (IV в.) вошли уже въ составъ праздничнаго богослуженія въ качествѣ назидательнаго элемента само говоритъ за полную ихъ историческую достовѣрность ³⁾. Изъ этого то обычая древней Церкви возникла практика и нашего богослужебнаго устава читать синаксарь по 6-й пѣсни канона.

Изъ приведеннаго выше отзыва Златоуста о любви антиохійцевъ къ памяти св. Мелетія открывається новая черта въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 657.

²⁾ Тамъ же, стр. 734. Читай еще: 732 стр.

³⁾ Помѣстный Карфагенскій соборъ 419—426 г. 56-мъ правиломъ постановилъ: „Позволяется и впредь читати страданія мучениковъ во дни, когда совершается ежегодная память ихъ“. — Правило св. помѣстныхъ соборовъ. 1881 г. вын. 2-й, стр. 511.

чествованіи древними христіанами памяти святыхъ угодниковъ, именно—обычай давать своимъ дѣтямъ имя особенно уважаемаго святого, „думая чрезъ это имя ввести святого въ домъ свой“ ¹⁾). Нареченіе именемъ святого считалось украшеніемъ родства, утвержденіемъ дома и спасеніемъ для приѣмлющаго имя. Въ Антиохіи „каждый вносилъ въ свой домъ имя блаженнаго Мелегія, какъ бы зажигаая свѣтильникъ и какъ бы приобрѣтая чрезъ такое названіе сокровище безчисленныхъ благъ. Подлинно происходившее тогда было обученіемъ благочестію: по необходимости постоянно вспоминая это имя и держа въ душѣ самого святого, находили въ имени его оружіе для отгнанія всякой безумной страсти и помысла“ ²⁾). Примѣръ антиохійцевъ показываетъ также, что древніе христіане по любви къ свв. угодникамъ дѣлали изображенія ихъ и имѣли эти изображенія въ домахъ своихъ. Св. Златоустъ говоритъ объ антиохійцахъ. „Какъ вы поступали съ его (Мелетія) именемъ, такъ поступали и съ его изображеніемъ. Многіе начертывали этотъ святой образъ и на перстняхъ—вмѣсто камней, и на печатяхъ, и на чашахъ, и на стѣнахъ комнатъ, вездѣ,—чтобы не только слышать святое имя его, но и вездѣ видѣть тѣлесный образъ его, и имѣть двойное утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ“ ³⁾).

Празднества въ память того или иного святого совершались въ древней Церкви не случайно, а постоянно и ежегодно въ опредѣленный день. Это видно изъ свидѣтельства Іоанна Златоустаго праздникъ мученицы Целагіи: „бесѣдуя съ язычниками, мы хвалимся множествомъ собирающихся на праздникъ, пристыжая ихъ и говоря, что одна умершая отроковица *каждогодно* привлекаетъ къ себѣ цѣлый городъ и столько народа, и что спустя столь много лѣтъ никакое время не прекратило торжества въ честь ея“ ⁴⁾).

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 558.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Твореній т. 2, стр. 628.

Какъ много свв. угодниковъ прославлялось въ древней Церкви ко времени Іоанна Златоуста, объ этомъ можно судить хотя бы по тому, что онъ въ своей „Похвалѣ всѣмъ святымъ, во всемъ мірѣ пострадавшимъ“ именуетъ ихъ „милкомъ мучениковъ“, „ополченіемъ и воинствомъ мучениковъ, ничѣмъ ни уступающимъ ополченію ангеловъ“¹⁾; въ частности Златоустъ упоминаетъ о „непрерывныхъ празднествахъ“²⁾ въ честь мучениковъ въ Антиохійской Церкви. Очевидно въ его время количество прославляемыхъ Церковію угодниковъ было большое. Это подтверждается и тѣмъ его замѣчаніемъ, что почитаніе святыхъ въ то время было не мѣстнымъ только въ Антиохійской Церкви, но всеобщимъ во всей Церкви Христовой: „не въ Египтѣ только, и не въ ближайшей и сосѣдней странѣ, но и повсюду во вселенной“³⁾. Не лишне отмѣтить при этомъ, что, по свидѣтельству Іоанна Златоуста, жители сель преусиѣвали въ благочестивой любви къ мученикамъ не менѣе горожанъ. „Городъ и село, говоритъ онъ, въ дѣлахъ житейскихъ различаются между собою, но въ отношеніи къ благочестію обобщаются и имѣютъ единеніе. Въ этомъ отношеніи и село не хуже города, потому что въ главномъ изъ благъ они равночестны. Для того Богъ и насадилъ мучениковъ не только въ городахъ, но и въ самомъ селѣ, чтобы по случаю праздниковъ мы имѣли необходимый поводъ къ взаимному общенію“⁴⁾.

По свидѣтельству Іоанна Златоуста, древніе христіане старались соблюдать святость праздника и чтить мученика не въ храмѣ только богослуженіемъ, но и по выходѣ изъ храма благочестивымъ поведеніемъ, не самимъ только участвовать въ празднествѣ, но и другихъ привлекать къ „духовной трапезѣ“. „Прошу и умоляю, говорилъ онъ христіанамъ въ день мученицы Пелагии, всегда имѣть въ памяти и умѣ эту святую,

¹⁾ Тамъ же, стр. 753.

²⁾ Тамъ же, стр. 573.

³⁾ Стр. 741.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 691—692.

не срамитъ торжества и не теряетъ дерзновенія, пріобрѣтаемаго нами отъ этого праздника... Будемъ возвращаться домой съ такою благопристойностію, съ какою слѣдуетъ возвращаться бывшимъ вмѣстѣ съ такою мученицею. А кто не такъ возвращается, тотъ не только не получилъ никакой пользы, но еще навлекъ на себя величайшую опасность. Знаю, что вы свободны отъ этихъ болѣзней; но этого не достаточно для вашего оправданія, а нужно и братій безчинствующихъ обращать къ величайшему благочинію и въ приличный видъ. Ты чтилъ мученицу своимъ присутвіемъ? Почти же ее и исправленіемъ сочленовъ твоихъ. Если ты пріобрѣтешь хотя десять человѣкъ, хотя трехъ, хотя двухъ, хотя только одного, то придешь, получивъ великую прибыль“ ¹⁾).

Такъ почитать святыхъ мучениковъ Іоаннъ Златоустъ увѣщевалъ своихъ слушателей и въ другіе праздники. Насколько празднества въ память мучениковъ оказывали нравственное вліяніе на христіанъ, видно изъ отзыва Златоуста, что „гдѣ сохраняется память мучениковъ, тамъ позоръ язычниковъ“ ²⁾.

Свящ. *Д. Слюсаревъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 628—629.

²⁾ Тамъ же стр. 570.

³⁾ См. № 40 с. г.

Религіозное просвѣщеніе народа—одна изъ пастырскихъ обязанностей ³⁾.

Въ послѣднее время жизнь съ особенною настойчивостью выдвигаетъ вниманію духовенства новое средство религіозно-просвѣтительнаго характера—именно народную церковно-приходскую школу. Дѣло это, впрочемъ, не новое для духовенства, уже тысячу лѣтъ трудится оно въ этой области: въ крестьянской избѣ, въ собственномъ домѣ, въ приходской сторожкѣ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 628—629.

²⁾ Тамъ же стр. 570.

³⁾ См. № 40 с. г.

наконецъ въ школьномъ зданіи незамѣтно, безъ эфффектовъ, вело оно трудное дѣло религіознаго просвѣщенія народа путемъ школы. Но если прежде занятія въ школѣ были дѣломъ частной инициативы, личнаго усердія, то за послѣдніе 20 лѣтъ церковно-приходская школа вступила въ новую фазу развитія: церковно-приходская школа признана не только полезною, но и необходимою; участіе духовенства въ просвѣщеніи народа признано обязательнымъ; на приходскія школы израсходованъ до настоящаго времени не одинъ милліонъ рублей казенныхъ и народныхъ денегъ. Противъ школы этой было множество нападокъ, всякихъ укоровъ и нареканій, иногда даже клеветническаго характера, но она все же продолжаетъ существовать, развиваться количественно и качественно и завоевывать общее расположеніе особенно со стороны простаго народа. Въ чемъ-же ея задача, чѣмъ она можетъ быть полезна какъ религіозно-просвѣтительное учрежденіе? Первая ближайшая задача всякой элементарной школы—дать своимъ ученикамъ грамотность, открыть имъ доступъ къ книгѣ. Грамотность среди русскаго народа развита въ общемъ слабо, что доказываетъ и ежедневный опытъ, и статистическія показанія: задача школы устранить этотъ недостатокъ, сдѣлать народъ грамотнымъ. Даже если понимать задачу школы въ этомъ узкомъ смыслѣ, то и тогда она полезна въ религіозно-просвѣтительномъ смыслѣ, ибо открываетъ человѣку книгу и особенно книгу книгъ—Библию. Однако такое пониманіе задачи церковно-приходской школы было-бы слишкомъ узко; главная задача народной школы не въ томъ, чтобы наполнить голову учащагося отрывками знаній—это сдѣлаетъ сама жизнь,—а въ томъ, чтобы заложить въ него сѣмена вѣры, любви къ Богу и ближнему, религіозное просвѣщеніе, утвержденіе религіозныхъ началъ—такова цѣль церковно-приходской школы. Вотъ почему преподаваніе Закона Божія по справедливости занимаетъ въ церковной школѣ главное мѣсто. Своихъ воспитательныхъ цѣлей церковная школа будетъ достигать тогда, когда разумно будетъ выполнять программы ей

назначенныя, т. е. когда дастъ своимъ ученикамъ твердое знаніе церковныхъ молитвъ, основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, введетъ ихъ въ тѣсное общеніе и единеніе съ церковною жизнію, сдѣлаетъ ихъ сознательными христіанами.

Если преподаваніе всякаго вообще предмета требуетъ особаго умѣнія, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о преподаваніи Закона Божія. Если вдуматься въ строй всѣхъ вообще нашихъ школъ, въ постановку въ нихъ преподаванія, то первое, что здѣсь бросится въ глаза—это формализмъ, значительно подрывающій воспитательное вліяніе школы и проходимыхъ въ ней предметовъ; сухость изложенія, требованіе зубрежки. Ничто такъ не отбиваетъ у дѣтей охоту къ ученію, какъ сухость и формализмъ преподаванія. Само собою понятно, что достигнуть того, чтобы ученики не только хорошо знали Законъ Божій, но и проникались имъ можно не внѣшними какими нибудь мѣрами, не строгостію, а любовнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ, къ самому предмету, собственнымъ проникновеніемъ законоучителя въ то, чему онъ учитъ другихъ, искреннимъ воодушевленіемъ, которое не можетъ не передаваться и дѣтямъ. Живость, искренность и воодушевленіе въ изложеніи Закона Божія—вогь главное требованіе, какое должно быть предъявляемо къ преподаванію этого предмета вездѣ, а особенно въ народной школѣ.

Церковно-приходская школа должна напоить своихъ учениковъ животворящею вѣрою Христова ученія, дать своимъ питомцамъ религіозно-церковное направленіе, но ограничить свое вліяніе только школьными стѣнами она не можетъ: направленіе, полученное въ школѣ безъ поддержки и питанія можетъ заглохнуть, какъ юное молодое деревцо засыхаетъ безъ влаги и солнца. Пусть связь ученика со школою не порывается, а еще болѣе укрѣпляется; связующимъ звеномъ здѣсь будетъ служить прежде всего храмъ съ его богослуженіемъ. Церковно-приходская школа вводитъ своихъ учениковъ

въ тѣсную связь съ религіозно-церковною жизнію прихода, привлекая своихъ учениковъ къ дѣятельному участию въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Церковно-приходская школа необходимо должна образовать хоръ, правильно организованное по-очередное чтеніе, и къ этому чтенію слѣдуетъ привлекать не только учащихъ въ данное время въ школѣ, но и уже окончившихъ въ ней курсъ. Это будетъ имѣть воспитывающее значеніе и для стариковъ, внушая имъ уваженіе къ церковной школѣ, такъ какъ плоды ея дѣятельности въ видѣ хорошаго пѣнія и чтенія будутъ на-лицо.

Польза грамоты въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ сознается нашимъ народомъ, но грамотность и знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ безъ поддержки забываются; поэтому школа должна позаботиться и о томъ, чтобы вынесенныя изъ нея знанія не заглохли, но расширились и освѣжались, чего можно достигнуть широкимъ развитіемъ церковно-приходскихъ бібліотекъ, читаленъ, устройствомъ повторительныхъ курсовъ для взрослыхъ. Деревня нуждается въ книгѣ, какъ древній Израиль въ пустынѣ нуждался въ маннѣ небесной; растетъ въ народѣ число грамотныхъ, растетъ и потребность въ книгѣ. Очень многое къ удовлетворенію этой потребности сдѣлала уже интеллигенція, которая ведетъ это дѣло твердо и настойчиво. Каталоги сельскихъ и школьныхъ книгъ, программы чтеній, дешёвыя книги для народа, картины, начавшія вытѣснять лубочныя изданія—все это появилось еще такъ недавно и приняло широкіе размѣры. Духовенство тоже трудится въ дѣлѣ распространенія книги въ деревнѣ; интеллигенція удовлетворяетъ умственнымъ запросамъ народа, духовенство—религіознымъ; первая—учить, второе—воспитываетъ, и насколько воспитаніе важнѣе наученія, настолько и дѣятельность духовенства должна быть энергичнѣе, иначе и народъ нашъ ожидаетъ участь интеллигенціи, которая много знаетъ, но мало вѣруеть, почему и переживаетъ теперь тяжелый нравственный кризисъ. Свѣтское общество средоточнымъ пунктомъ своей просвѣтительной дѣятельности избрало народную школу,

у духовенства такимъ пунктомъ является храмъ, а затѣмъ церковно-приходская школа. Въ недавно изданной книгѣ священника Петрова „Къ свѣту“ есть интересное сопоставленіе. По свѣдѣніямъ „Правительственнаго Вѣстника“ у насъ по всей Россіи книжныхъ магазиновъ, лавокъ, складовъ и кіосковъ было 2687; такимъ образомъ, одно мѣсто книжной торговли приходится на 46 тысячъ населенія, а одно мѣсто винной торговли приходится только на одну тысячу жителей; другими словами на одну книжную лавку у насъ приходится 46 кабаковъ (стр. 86). Библіотеки при церковныхъ школахъ, можно сказать, только зарождаются и многія изъ нихъ страдаютъ скудостью матеріала для чтенія. Еще слабѣе, за недостаткомъ средствъ, развиваются у насъ народныя читальни: такъ какъ здѣсь кромѣ книгъ требуется еще и помѣщеніе и лицо, которое завѣдывало-бы читальней. Дѣятельнаго священника, на нравственной обязанности котораго лежитъ организація читальни, вопросъ о помѣщеніи не затруднить: въ лѣтніе мѣсяцы такимъ помѣщеніемъ для читальни можетъ съ успѣхомъ служить помѣщеніе для школы, гдѣ оно есть, зимою—церковныя сторожки.

Одинъ изъ весьма важныхъ вопросовъ, заслуживающихъ со стороны духовенства самаго серьезнаго вниманія,—является вопросъ о воспитаніи свѣтской интеллигентной молодежи въ духѣ Церкви православной. Молодежь—это будущее страны; чѣмъ прочнѣе въ ней будутъ насаждены сѣмена вѣры и любви христіанской, чѣмъ лучше она будетъ воспитана, тѣмъ болѣе можно быть покойнымъ за благо и счастье народа. Интеллигентная молодежь тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что она в послѣдствіи составитъ передовой, не только въ умственномъ, но и въ юридическомъ смыслѣ, классъ: подъ ея руководствомъ и начальствомъ будутъ находиться не единицы, а сотни и тысячи простыхъ людей. Вопросы о томъ, что она понесетъ съ собою въ народъ, какіе ея идеалы, какъ она воспитана, открываются отсюда во всей своей силѣ. Никто въ настоящее время не станетъ спорить противъ пользы об-

разованія; каждому юношѣ уже съ раннихъ лѣтъ твердятъ о томъ, что онъ долженъ быть образованнымъ, долженъ окончить школу. Для очень многихъ родителей и дѣтей школьный дипломъ—все; знанію, умственному развитію придаютъ значеніе, но нравственное развитіе личности—это нѣчто неважное. По общеустановившемуся мнѣнію, нравственное развитіе *implicite* заключено въ умственномъ развитіи, да и цѣна ему на рынкѣ жизни не большая. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что только воспитаніе, проникнутое духомъ вѣры, основанное на началахъ, завѣщанныхъ Христомъ, можетъ создать идеальнаго гражданина, совершеннаго человѣка, насколько возможно вообще совершенство на землѣ. Можно-ли въ этомъ отношеніи положиться вполнѣ на современную семью? Безусловно нѣтъ: религія въ нашемъ образованномъ обществѣ стоитъ не высоко; что-же могутъ дать безрелигіозные родители своимъ дѣтямъ въ религіозномъ смыслѣ? Одинъ обратившійся къ Церкви интеллигентъ такъ характеризуетъ наше общество:

„Наша учащаяся молодежь, учителя и учительницы сельскихъ и городскихъ школъ, учителя среднихъ учебныхъ заведеній, профессора, писатели, общественные и государственные дѣятели—весь этотъ многочисленный и многозначашій классъ русскихъ людей стоитъ внѣ живого воздѣйствія Церкви, чуждъ и чуждается ея, вовсе не вѣдаетъ мудрости ея ученія, увлекаясь, по выразительному слову Св. Писанія, философіей по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу. Вслѣдствіе такой настроенности интеллигентнаго русскаго человѣка, общественныя должности и—что особенно печально—педагогическія очень часто замѣщаются людьми безрелигіозными. Можно было-бы указать цѣлый рядъ такихъ печальныхъ явленій въ этой области, но это слишкомъ всѣмъ извѣстно“¹⁾. Въ современной семьѣ часто царитъ такая неурядица, которая горькимъ осадкомъ ложится на впечатлитель-

¹⁾ Миссіон. Обзор. 1900 г., I, 68 стр.

ныя дѣтскія души, оставляя тяжелый слѣдъ на всю жизнь. Заботы родителей о дѣтяхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничиваются нѣсколькими правилами общежитейской морали, а затѣмъ попеченіемъ о матеріальной сторонѣ дѣтской и юношеской жизни; заботами о приобрѣтеніи учебниковъ, костюма, о своевременномъ вносѣ платы за ученіе исчерпываются всѣ заботы родителей о дѣтяхъ. Вопросъ о томъ, чему учать дѣтей въ школѣ и какъ учать, какъ воспитываютъ ихъ, родителей не рѣдко занимаетъ очень мало; всего чаще интересъ ограничивается табелями съ отмѣтками. Въ средней нашей школѣ религіозное воспитаніе стоитъ не очень высоко: теоретическая сторона сокращена здѣсь до minimum'a, а самый строй жизни стоитъ не рѣдко въ полномъ противорѣчій съ церковными законами и уставами. О религіозно-церковномъ воспитаніи въ высшей школѣ и говорить нечего; юноша 16-17 лѣтъ, съ грѣхомъ пополамъ получившій аттестатъ зрѣлости, у насъ считаетъ себя полноправнымъ гражданиномъ общества, воспитаннымъ, развитымъ, призваннымъ въ высшую школу не за тѣмъ, чтобы воспитать въ себѣ человѣка, а рѣшать вопросы государственнаго и общественнаго порядка. Если и оставались въ человѣкѣ сѣмена религіозной вѣры отъ семьи, то они здѣсь скоро испортятся отъ насмѣшекъ товарищей, рѣшающихъ всѣ высшіе вопросы. Въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на первыхъ курсахъ читается богословіе, но и тутъ преобладаетъ на него тотъ же взглядъ, что и въ гимназіяхъ на Законъ Божій; посѣщаютъ лекціи нѣсколько человѣка, а экзаменъ существуетъ нерѣдко только для формы. Самое чтеніе лекцій по богословію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ведется едва-ли правильно; здѣсь почему-то преобладаетъ элементъ апологетическій; это конечно имѣетъ свое основаніе, но не слѣдуетъ вдаваться здѣсь въ крайности: познанія молодыхъ людей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ области вѣры, — разумѣемъ положительныя, — очень скудны, какіе-же изъ нихъ могутъ быть апологеты?!... Пространное изложеніе разныхъ раціоналистическихъ воззрѣній на вопросы

вѣры даже съ критическимъ ихъ обзоромъ при отсутствіи положительнаго знанія можетъ вести иногда къ весьма нежелательнымъ явленіямъ; не рѣдко можно встрѣтить человѣка, который съ азартомъ будетъ отстаивать мнѣнія Штрауса, Ренана, нашего Толстого, не потому вовсе, чтобы онъ былъ знакомъ съ ними по ихъ твореніямъ; нѣтъ, всего чаще мнѣнія ихъ повторяются съ чужого голоса... Разрѣшеніе вопроса о поднятїи религіозности среди свѣтской молодежи лежитъ прежде всего на законоучителяхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній; отъ нихъ въ значительной степени зависитъ дать то или иное направленіе нашему свѣтскому обществу, содѣйствовать его оздоровленію при посредствѣ религіи.

Что же требуется отъ законоучителя для поднятїя религіозности среди учащейся молодежи? Какъ и во всякомъ дѣлѣ, здѣсь прежде всего и больше всего значитъ личный примѣръ. Между тѣмъ, религіозная настроенность законоучителя, какъ показываютъ наблюденія, не только среди корпораціи, но и среди учениковъ вызываетъ *иногда* насмѣшки, двусмысленныя улыбки. Иногда противъ законоучителя прямо поднимается травля среди сослуживцевъ, мелкая, но постоянная и упорная; всякія ошибки духовенства вольныя и невольныя поставляются прежде всего ему на видъ; къ нему обращаются за разъясненіемъ религіозныхъ недоумѣній, но всего чаще съ затаенною мыслию поставить человѣка втупикъ, позабавиться, что иногда и удается, такъ какъ рѣшить богословскій вопросъ съ очевидностью, съ какою рѣшаются, напримѣръ, математическія формулы, не всегда возможно. Мы не возводимъ такого отношенія къ законоучителю въ законъ, но оно встрѣчается часто: факты ежедневной жизни говорятъ объ этомъ. Отсюда не слѣдуетъ однако, что законоучитель долженъ приспособляться, дѣлать уступки, это было-бы измѣной своему дѣлу и своему долгу. Горячая вѣра, искреннее убѣжденіе всегда восторжествуютъ не только въ томъ смыслѣ, что сохранятся нерушимыми въ душѣ человѣка, несмотря на всѣ нападки со стороны лицъ нерасположенныхъ, но и въ томъ, что они

сообщаются и окружающимъ: мученики первыхъ вѣковъ обращали своихъ учителей не логическими доводами разума, а искренностію и горячістію своей вѣры, не боявшейся пытокъ и коста. У человѣка вообще, а у русскаго особенно, есть неискоренимая потребность, которую можно назвать *потребностію во святомъ чловѣкѣ*, въ образцѣ, въ идеалѣ, а такимъ будетъ тотъ, кто искренно преданъ дѣлу вѣры, кто по жизни стоитъ выше упрековъ, у кого есть самоотверженіе. Пусть же и будетъ законоучитель для своихъ учениковъ такимъ образцомъ; дѣтское сердце скорѣе всего пойметъ и оцѣнитъ его высоту и чистоту, довѣрится ему, а въ этомъ—первое условіе для благотворнаго воздѣйствія на юную душу. Въ рукахъ законоучителя находится достаточно средствъ для религіозно-нравственнаго воспитанія юношества въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и прежде всего—преподаваніе Закона Божія. Для того, чтобы это преподаваніе дѣйствительно достигло своей цѣли, не достаточно только теоретическаго изученія его; изучить священную исторію и катихизисъ Филарета хотя-бы и основательно, но только теоретически, еще не достаточно для воспитанія человѣка; здѣсь необходимо воздѣйствіе на сердце; необходимо выдвигать назидательную сторону въ божественныхъ истинахъ. Только то знаніе можно считать прочнымъ, которое оставило слѣдъ не только въ умѣ, но и въ сердцѣ человѣка, а этого возможно достигнуть тогда, когда нравоучительная сторона христіанскаго ученія будетъ тѣсно связана съ догматической, какъ ея слѣдствіе. Языкъ библейскихъ книгъ, самый способъ ихъ изложенія отличаются особенною силою и выразительностію; въ высшей степени поэтому желательно, чтобы преподаваніе Закона Божія велось не столько по руководствамъ, сколько по Библии—первоисточнику учебниковъ.

Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ законоучитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятель церкви, находящейся при учебномъ заведеніи; это открываетъ возможность самой тѣсной духовно-нравственной связи между законоучителемъ и его

духовными чадами. Привлеченіе воспитанниковъ къ усердному посѣщенію богослуженія, къ дѣятельному участию въ немъ путемъ чтенія и пѣнія—настоятельный долгъ законоучителя, такъ какъ это открываетъ возможность самого широкаго его воздѣйствія на учащуюся молодежь. Въ церквахъ при учебныхъ заведеніяхъ возможно самое широкое развитіе церковной проповѣди; законоучители, въ большинствѣ получившіе высшее богословское образованіе, получили солидную подготовку для этого; отсутствіе церковныхъ требъ даетъ имъ полную возможность для подготовки; одинаковый въ общемъ уровень дѣтскаго развитія значительно облегчаетъ трудъ проповѣдника.

Выѣзды классныхъ бесѣды съ учениками, чтеніе рефератовъ, образовательныя экскурсіи въ послѣднее время получили самое широкое развитіе въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; всѣми этими средствами можетъ съ успѣхомъ пользоваться и законоучитель. Кто сталь-бы, напримѣръ, противодѣйствовать или отрицать полезность развитія паломничества среди воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній? О путешествіяхъ ихъ на выставки, въ столицы, въ Крымъ и на Кавказъ писалось много, но мало слышно было о путешествіяхъ къ церковнымъ святынямъ...

Поучительную картину по постановкѣ религіознаго воспитанія въ свѣтской школѣ представляетъ Америка. Здѣсь школы и до сихъ поръ носятъ вѣроиспокоительный отпечатокъ; каждый изъ главнѣйшихъ университетовъ находится въ исключительномъ завѣдываніи той или другой общины; во главѣ ихъ стоятъ ректора изъ членовъ духовенства той или другой общины. Америка поучительна еще и въ другомъ отношеніи: она можетъ дать драгоцѣнныя указанія нашимъ законоучителямъ по организаціи религіозно-нравственныхъ кружковъ молодежи, какъ они поставлены въ Америкѣ. Такъ, существующее въ Америкѣ „Христіанское общество молодыхъ людей“ имѣетъ своею цѣлью улучшеніе духовнаго, умственнаго и общественнаго состоянія молодыхъ людей въ городѣ Нью-Йоркѣ

путемъ организаціи лекцій, бесѣдъ, бібліотекъ, читаленъ, общественныхъ собраній и всякихъ другихъ средствъ и пособій, какія могутъ способствовать достиженію этой цѣли. Оно имѣетъ своею цѣлію объединить тѣхъ молодыхъ людей, которые, признавая Иисуса Христа своимъ Богомъ и Спасителемъ, желаютъ быть Его учениками въ своей вѣрѣ и въ своей жизни. Почему-бы у насъ на святой Руси, не могли имѣть мѣста подобныя учрежденія? У насъ на молодежь смотрятъ, какъ на что-то высшее, передъ ней преклоняются, ей рукоплещутъ: но все-ли благополучно здѣсь, если присмотрѣться серьезно? Нечего и говорить о томъ, что въ религіозномъ отношеніи наша молодежь отличается полнѣйшимъ невѣжествомъ, но и въ нравственномъ оставляетъ желать многого. Зачѣмъ закрывать глаза на печальную дѣйствительность? Кому же, какъ не законоучителямъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, всего приличнѣе поднять голосъ о спасеніи молодежи? Соединиться самимъ въ дружный союзъ, призвать семью, обратиться ко всѣмъ лучшимъ сторонамъ юношеской души—это ихъ обязанность, за неисполненіе ея они понесутъ тяжкую кару предъ Богомъ. Само собою понятно, что осуществить эти задачи въ полной мѣрѣ законоучители смогутъ тогда только, когда само общество отзовется на ихъ призывъ, отнесется сочувственно къ ихъ голосу. Если же общество, а особенно соработники законоучителя, его сослуживцы будутъ тормозить ихъ дѣло, окажутся инертными,—тогда, ясно, и законоучители мало успѣютъ. Когда между самими наставниками нѣтъ солидарности въ дѣлѣ воспитанія, то можно съ увѣренностію сказать, что школа никогда не достигнетъ своихъ воспитательныхъ цѣлей.

Огрицательное отношеніе къ вѣрѣ православной явленіе на Руси не новое: оно возникаетъ на первыхъ же порахъ нашего болѣе близкаго знакомства съ Европой и ея философскими ученіями. Въ послѣднее время оно только усилилось. Но вотъ какая особенность была въ составѣ нашихъ отрицателей прежде и теперь: прежде ряды ихъ наполнялись

исключительно мужчинами; въ послѣднее время сюда примыкають все больше и больше женщины. Подъ вліяніемъ интеллигентнаго мужчины, у котораго очень часто ничего нѣтъ за душой, кромѣ отрицанія, женщина въ настоящее время все больше теряетъ дѣтскую вѣру и поополняетъ ряды отрицателей—прогрессистовъ. Нужно-ли говорить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ это въ самомъ недалекомъ будущемъ? Какъ бы ни уклонялась современная женщина отъ лежащей на ней священной обязанности воспитанія дѣтей во имя общественныхъ, научныхъ и всякихъ другихъ интересовъ,—все-же окончательно отказаться отъ нея она не можетъ. Она все-же мать, воспитательница, а слѣдовательно и сила; мать же невѣрующая будетъ тоже сила, но только, страшная, разрушительная. Этимъ мы желали сказать, что и наши женскія учебныя заведенія заслуживаютъ со стороны законоучителей не меньшаго вниманія, чѣмъ мужскія.

Свящ. В. Пестряковъ.

И с а л о м щ и к ъ.

Разсказъ.

I.

Много ли нужно простому, скромному и невзыскательному человѣку, чтобы сознавать себя вполне счастливымъ?— Совсѣмъ не много. Довольствуясь малымъ, считалъ себя вполне счастливымъ и молодой псаломщикъ села Закутина Владиміръ Захарычъ Бережковъ.

Не надѣленный отъ природы особыми способностями и честолюбіемъ, Бережковъ не заносился далеко мечтами и, окончивъ съ духовнымъ училищемъ, по совѣту отца—псаломщика съ покорностію рѣшилъ идти по отцовской дорогѣ— поступить въ псаломщики. Припятствій къ достиженію этой скромной цѣли не было: „повторяясь“ въ каждомъ классѣ, при выходѣ изъ училища Бережковъ имѣлъ уже „возрастъ со-

вершенный“ и, не пробывъ даже полнаго года послушникомъ въ монастырѣ, опредѣленъ былъ псаломщикомъ села Закутина.

Молодому холостому псаломщику—жениться надо. И это важнѣйшее въ жизни дѣло устроилось для Бережкова легко и счастливо. Марья Зотовна, дочь закутинской просфорницы, была какъ-будто нарочно создана для устройства семейнаго благополучія Владиміра Захарыча, который скоро замѣтилъ скромную, миловидную дѣвушку съ голубыми глазами. Жениться на ней помогла ему мѣстная матушка Зинаида Ивановна. Она съ готовностію взяла на себя хлопоты по сватовству; мужъ ея о. Петръ сочувственно отнесся къ планамъ супруги, у себя же въ домѣ прочиталъ молодымъ людямъ молитву, а потомъ и повѣнчалъ въ Закутинской Николаевской церкви.

Устраивая семейную жизнь молодого псаломщика, о. Петръ и Зинаида Ивановна дѣйствовали безкорыстно, единственно по чувству благожелательности къ исполнительному Владиміру Захарычу, котораго успѣли полюбить и ласково, запросто принимали у себя. Они думали что не сыскать ему жены лучшей и болѣе подходящей, какъ Марья Зотовна, выросшая у нихъ на глазахъ въ Закутинѣ. И не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Марья Зотовна оказалась кроткой, любящей женой и примѣрной деревенской хозяйкой. На первыхъ порахъ молодые поселились у матери Марьи Зотовны; церковная сторожка, гдѣ жилъ Бережковъ до свадьбы со старушкой Маврой, ведшей почти даромъ его холостое хозяйство, оказалась теперь тѣсной и неудобной. Но Владиміръ Захарычъ рѣшилъ давно уже купить пустовавшій послѣ смерти его одинокаго предшественника—псаломщика небольшой домъ, который стоялъ на церковной усадебной землѣ. Остановка была за деньгами: наслѣдники просили что-то около трехсотъ рублей, и нужно было ихъ скапливать, какъ говорится, по копѣечкамъ. Въ ожиданіи устройства собственной осѣлости, молодые Бережковы часто предавались мечтамъ, когда-то имъ удастся пріобрѣсти домикъ, завести, какъ слѣдуетъ, свое маленькое хозяйство...

— Не много же скопили еще мы съ тобой, Маня!—со вздохомъ говорилъ Владиміръ Захарычъ, подсчитывая скудныя сбереженія:—время-то недоходное теперь—лѣто, да и со свадьбой тоже расходъ былъ лишній... Будемъ ждать осени: браки будутъ въ приходѣ, сборы,—вотъ, дастъ Богъ, и поправимся!

— Хотя бы скорѣе время проходило до осени!.. Можетъ, и на самомъ дѣлѣ удастся тогда побольше скопить денегъ и купить свой домъ! А какъ бы хорошо было, Володя! Подумай только: дворъ подъ рукой, хозяйство бы завели понемногу, жили бы одни—сами себѣ господа!.. Теперь вотъ огородъ за глазами, бѣгаемъ чрезъ всё село за луковкой, за картошкой. Да и уходъ какой?.. Притомъ же, что ни говори, и матушку, навѣрно, стѣсняемъ... Ахъ, кабы помогъ Господь намъ съ тобой устроиться поскорѣе!.. съ легкимъ вздохомъ въ унисонъ мужу заканчивала свои скромныя мечты Марья Зотовна.

— Будемъ терпѣливы, милая, все помаленьку устроится,—успокоительно замѣчалъ Владиміръ Захарычъ:—жизнь у насъ впереди; наше отъ насъ не уйдетъ. Я говорилъ ужъ съ наслѣдниками: соглашаются подождать съ деньгами. Осенью только полтора ста отдать — и въ домъ можно будетъ перейти на жизнь; а остальные деньги—въ разсрочку на два года. Видишь, какъ дѣло-то обертывается!

— Полтора ста, полтора ста,—съ разстановкой, недовѣрчиво повторяла Марья Зотовна:—да скопимъ ли мы столько то по осени?

— Скопимъ,—какъ не скопить?—съ рѣшимостью утверждалъ Владиміръ Захарычъ, въ тайникѣ души самъ сомнѣвался въ своей надеждѣ и думая больше о томъ, какъ бы обрадовать и успокоить жену.

Между тѣмъ, помощь въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ явилась нашимъ молодымъ мечтателямъ совсѣмъ неожиданно, и пришла она съ той стороны, откуда они совершенно не предполагали. Сидѣли какъ-то вечеромъ Береж-

ковы за чайнымъ столомъ у о. Петра. Зинаида Ивановна радушно подчивала чаемъ своихъ гостей и занимала разговорами. Въ домѣ о. Петра всегда были рады приходу молодого псаломщика съ Марьей Зотовной: всё же они вносили нѣкоторое оживленіе въ монотонную жизнь уже старѣвшихъ бездѣтныхъ батюшки и матушки. О. Петръ, напившись чаю, ходилъ взадъ и впередъ по столовой, прислушивался къ оживленной бесѣдѣ и время отъ времени вставлялъ свои простодушныя замѣчанія. Зашелъ разговоръ и о покупкѣ Бережковыми дома у наслѣдниковъ умершаго псаломщика... Отецъ Петръ пересталъ ходить, остановился у стола и долго задумчиво-кратко смотрѣлъ на своихъ гостей.

— Владиміръ Захарычъ!—промолвилъ онъ, обращаясь къ молодому псаломщику:—слушай-ка, что я придумалъ... Простой ты, послушный; да и Марья Зотовна у тебя славная, простая. Жаль мнѣ васъ: молоды, жить только начинаете, а подняться—нечѣмъ. Думаешь вотъ домъ купить; а на что купишь? Долго не соберешься, — сразу столько денегъ при нашихъ доходахъ не добудешь! Возьми у меня, сколько пужно: двѣсти-триста рублей; потомъ изъ доходовъ выступишь; торопиться съ уплатой не буду... А ты какъ думаешь, мать? согласна со мной?—обратился о. Петръ къ Зинаидѣ Ивановнѣ.

— Я?.. Я что-жъ—вполнѣ согласна. Мы же бездѣтны: поможемъ имъ, они насъ добромъ послѣ помянутъ,—отъ души согласилась матушка:

Радъ былъ несказанно Владиміръ Захарычъ предложению о. Петра.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, батюшка, за ваше участіе!—съ чувствомъ цѣлуя руку о. Петра, говорилъ онъ:—не заслужили мы съ женой такой любви и расположенія отъ васъ и отъ матушки!..

— Ну, ну!.. Не подарилъ вѣдь, въ долгъ вамъ даю,—отклонялъ благодарность Бережковыхъ о. Петръ:—дай Богъ вамъ только счастливо устроиться, да живите всегда по-хорошему...

Памятенъ былъ этотъ вечеръ для молодыхъ супруговъ. Нежданно - негаданно вывелъ ихъ о. Петръ изъ великаго затрудненія... Вскорѣ осуществилась ихъ завѣтная мечта: на наличныя деньги, данныя о. Петромъ, купленъ былъ домъ, и Владиміръ Захарычъ перешелъ въ него съ Марьей Зотовной полноправнымъ владѣльцемъ-хозяиномъ.

II.

Въ одинъ годъ Бережковы, съ легкой руки о. Петра, стали на ноги, обзавелись своимъ хозяйствомъ. Владиміръ Захарычъ купилъ недорогую, но крѣпкую рабочую лошадь, такъ необходимую для развѣздовъ по приходу и для хозяйства; теща—просфорница подарила зятю телку; она же снабдила дочь домашней птицей. Съ весны закипѣла у молодыхъ хозяевъ работа: Марья Зотовна умѣлой рукой устроила огородъ, Владиміръ Захарычъ на собственной лошади съ помощію нанятаго челоуѣка пахалъ и засѣвалъ свой участокъ въ полѣ. Старушка Мавра опять поселилась у Владиміра Захарыча, содѣйствуя и съ своей стороны процвѣтанію его хозяйства.

Но что особенно скрашивало жизнь Бережковыхъ, такъ это—миръ да ладъ между супругами. Марья Зотовна любила и уважала мужа за добрый, тихій нравъ, за его трезвое поведеніе и за практическую разсудительность; Владиміръ Захарычъ, казалось, былъ еще болѣе расположенъ, къ своей молодой миловидной женѣ и высоко цѣнили ея хозяйственныя таланты и склонности. Среди мирной жизни однопричтнаго села не представлялось поводовъ даже къ мимолетной размолвкѣ. Знакомыхъ у Бережковыхъ почти не было. Захаживали они по-просту къ о. Петру и Зинаидѣ Ивановнѣ—своимъ покровителямъ, да посѣщали изрѣдка учительницу земской школы, женщину пожилую и неподатливую на знакомства. Одно пока недоставало для полноты семейнаго счастья—дѣтей; но этого пришлось ждать не долго.

Владиміръ Захарычъ очень любилъ свою приходскую церковь, небольшую, съ низкими сводами старинной кладки,

не блиставшую богатымъ убранствомъ, но содержимую въ полной чистотѣ и опрятности, за которыми слѣдилъ неопустительно. Съ любовію и стараніемъ относился молодой псаломщикъ и къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Просмотрѣвъ уставъ наканунѣ праздника, пропѣтъ, перечитать про себя положенное—было его правиломъ, чѣмъ отчасти объяснялось и особенное расположеніе къ нему о. Петра, любившаго церковное благочиніе и порядокъ...

Какъ-то разъ, въ субботу, въ послѣобѣденное время, Владиміръ Захарычъ, не взирая на то, что дома съ часу на часъ ожидалось важное семейное событіе, пошелъ, по заведенному обычаю, въ церковь набирать ризницу, подготовиться къ службѣ и подмести алтарь. Сдѣлавши все, что нужно было, онъ вышелъ на паперть.

— А васъ здѣсь Мавра спрашивала, бѣгомъ прибѣгала; сказывала—дома васъ нужно,—апатично доложилъ ему сторожъ, затворяя наружную выходную дверь:—да я ужъ того—не потревожилъ васъ, думаю—успѣется...

— Ахъ, что же ты! Экій какой! успѣлъ только крикнуть на-ходу сторожу Владиміръ Захарычъ и опрометью побѣжалъ къ своему домику чрезъ всё село, забывая всякую солидность.

А дома, между тѣмъ, все, чему слѣдовало быть, произошло самымъ благополучнымъ образомъ въ отсутствіе хозяина.

— Сынка вамъ Богъ далъ! — встрѣтила его повитуха—деревенская женщина, когда онъ носившино взбѣгалъ по ступенямъ крыльца:—не испугайте шумомъ роженицу-то!..

Чрезъ минуту, радостно возбужденный, но стараясь вести себя какъ можно тише, сидѣлъ Бережковъ въ небольшой спальнѣ у кровати дорогой роженицы и умиленно глядѣлъ на нее. При свѣтѣ зажженной уже лампы лицо Марьи Зотовны казалось желтымъ, сильно осунувшимся, съ черными кругами около глазъ, въ которыхъ еще отражались только-что пережитыя муки; но для Владиміра Захарыча въ эти минуты не

было милѣе и краше лица во всемъ мірѣ.. Осмотрѣлъ онъ съ гордостью и новорожденного—крошечное, красное, безпомощное существо, издававшее слабый пискъ, казавшійся родительскому слуху пріятнѣе музыки.

— Какъ же назовемъ мы, Володя, нашего мальчика?—спросила тихо Марья Зотовна мужа, все еще сидѣвшаго на томъ же мѣстѣ и не выпускавшаго жениной руки изъ своей.

— Объ этомъ подумаемъ, въ святцахъ посмотримъ, какія имена близко. А впрочемъ, Маня чего намъ думать? окрестимъ Николаемъ!.. Церковь у насъ Никольская,— въ храмовой праздникъ именинникомъ будетъ; да и не напрасно же святитель Николай именуется скорымъ помощникомъ и теплымъ заступникомъ и молитвенникомъ. Онъ—великій святой у Господа!..

Выбранное имя понравилось и молодой матери и бывшей тутъ же тещѣ-просфорницѣ.

— А вы, матушка, согласитесь быть крестной у своего перваго внука,—попросилъ тещу Владимиръ Захарычъ.—Вотъ крестнымъ—не знаю, согласится ли быть о. Петръ? Ты какъ думаешь, Маня?.. Попытаюсь попросить... Да навѣрно согласится! Они, вѣдь, съ матушкой люди простые, не гордые и добрые.

Въ свое время совершенно было крещеніе первенца Владимира Захарыча въ Закутинской церкви; крестилъ о. Петръ, онъ же былъ и воспріемникомъ: отъ предложенія своего псаломщика, какъ тотъ и ожидалъ, батюшка не отказался, а согласился съ готовностію. Послѣ крестинъ о. Петръ вмѣстѣ съ матушкой посѣтилъ домикъ Владимира Захарыча, и когда послѣ ухода ихъ стали распеленывать Колю, то, къ удивленію всѣхъ, по полу звонко покатился пятирублевый золотой, очевидно, тайно положенный рукою батюшки или Зинаиды Ивановны.

Послѣ описаннаго радостнаго семейнаго событія жизнь въ домикѣ Бережковыхъ мало-по-малу вошла въ обычную колею. Молодая хозяйка оправилась скоро, да и некогда было

особенно заеживаться: наступала осень, и предстояло не мало работы по уборкѣ овощей. Марья Зотовна все время проводила теперь на огородѣ, не взирая ни на какую погоду. Напрасно осторожный Владиміръ Захарычъ предупреждалъ жену беречь себя; не до того ей было! И вотъ, однажды, промокнувъ до костей въ холодную, сырую погоду, схватила она серьезную простуду и совсѣмъ было слегла. Только молодья силы побѣдили болѣзнь и помогли снова встать на ноги. Правда, Марья Зотовна начала послѣ того покашливать и замѣтно худѣть; но развѣ не бываетъ этого, когда кормятъ ребенка?..

И опять, повидимому, благополучіе прочно и надолго водворилось въ небольшомъ домикѣ псаломщика...

Свящ. А. В—ій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Правила на случай изнесенія святыхъ иконъ изъ монастырей въ города и села.

1) Для служенія молебствій въ городахъ и селеніяхъ износятся изъ монастырей подлинныя мѣстно-чтимыя иконы, а не копіи съ оныхъ.

2) На всякое изнесеніе изъ монастыря иконъ Настоятель съ старшею братіею долженъ испрашивать предварительное разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства, съ указаніемъ срока и съ приложеніемъ письменныхъ ходатайствъ жителей города или селенія, желающихъ принять къ себѣ святыя иконы.

3) По полученіи разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, время и порядокъ изнесенія опредѣляется Настоятелемъ монастыря по соглашенію съ подлежащими причтами, для торжественной послѣдними встрѣчи св. иконъ.

4) Иеромонахи, сопровождающіе иконы, должны быть во всѣхъ отношеніяхъ лица благонадежныя и поведенія безукор-

ризненнаго. Отвѣтственность за выборъ таковыхъ лицъ будетъ лежать на Настоятелѣ монастыря. Число монашествующихъ, сопровождающихъ св. икону, должно быть самое ограниченное, отнюдь не свыше 6 человекъ.

5) При переходѣ своемъ съ иконами въ другое село іеромонахи заблаговременно извѣщаютъ причтъ этого села относительно времени своего прибытія, для должной встрѣчи иконъ.

6) Въ томъ случаѣ, когда жители сель будутъ просить іеромонаховъ внести къ нимъ иконы, они, іеромонахи, должны вносить таковыя съ согласія приходскихъ священниковъ; въ случаѣ же окончанія разрѣшеннаго срока или при недоразумѣніяхъ съ приходскими священниками должны объявить прихожанамъ, чтобы они непосредственно сами просили на сіе разрѣшенія Епархіальнаго Начальства.

7) Приходскіе священники не должны отказывать монашествующимъ въ торжественной встрѣчѣ и проводахъ иконъ при входѣ въ село и при выходѣ изъ онаго и къ участію въ таковыхъ процессіяхъ, по мѣрѣ возможности, должны располагать своихъ прихожанъ.

8) Приходскіе священники не должны также отказывать въ постановкѣ иконъ въ приходскихъ храмахъ на ночь или въ другое время, смотря по необходимости и требованію обстоятельствъ.

9) Во все время хожденія съ иконами монашествующіе подчиняются надзору со стороны мѣстнаго Благочиннаго того округа въ которомъ находятся.

10) Благочинные обязываются, въ случаѣ неприличнаго поведенія кого либо изъ монашествующихъ, немедленно доносить о семъ Настоятелю монастыря, а смотря по важности поступковъ—и Епархіальному Начальству.

11) Настоятели монастырей, по полученіи такихъ донесеній, немедленно возвращаютъ таковыхъ монашествующихъ въ монастырь, а на ихъ мѣсто командируютъ лицъ благонадежныхъ.

12) Во время пребыванія иконъ въ храмъ церковное Богослуженіе отправляетъ мѣстный причтъ, не препятствуя участвовать въ немъ и монашествующему духовенству. Доходы отъ Богослуженія церковнаго поступаютъ въ пользу причта.

13) Молебны и акаѳисты предъ монастырскими иконами въ храмъ и внѣ его совершаются монашествующими совместно съ приходскими причтами.

14) Предъ иконою имѣются какъ монастырскія, такъ и церковныя кружки, и поступающія въ нихъ добровольныя пожертванія поступаютъ по принадлежности, а вознагражденіе за труды опускаются въ общую кружку и дѣлится пополамъ между монашествующими и приходскими причтами.

15) Свѣчи для поставленія предъ монастырскими иконами пріобрѣтаются не отъ монашествующихъ, которые не должны запасаться оными, а отъ церквей, въ приходы коихъ принесены иконы, съ обращеніемъ огарковъ сихъ свѣчъ въ пользу церквей и монастырей въ равныхъ частяхъ (Орл. епарх. вѣд. 1903 г., № 38).

При настоящемъ номерѣ разсылается объявленіе „Т-ва ПРОВОДНИКЪ“.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. цевз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 октября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, октября 19-го.

Содержаніе: Бракъ и предбрачныя предосторожности.—Почитаніе свв. угод-
никовъ и св. мощей, по свидѣтельству Іоанна Златоуста (продол-
женіе).—Изъ дневника священника.—Исаломщикъ (разказы) (окон-
чаніе).

Бракъ и предбрачныя предосторожности.

Среди различныхъ опасностей, которымъ подвергается священникъ, какъ лицо служебное, едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить опасность повѣнчанія юридически и канонически недозволеннаго брака. И чѣмъ дальше идетъ жизнь, чѣмъ больше расплываются семейныя и брачныя основы, тѣмъ, можно сказать, больше эта опасность. Взамѣнъ законной семьи, не рѣдко возникаетъ семья побочная, супруги не рѣдко расходятся, чтобы сойтись съ новыми лицами; во многихъ подобныхъ случаяхъ дѣйствующія лица стараются тѣмъ или инымъ, всего чаще не прямымъ обманнымъ путемъ, найти для себя поддержку въ Церкви, санкцію своему новому недозволенному союзу. Опасность повѣнчать лицъ, уже обвѣнчанныхъ, состоящихъ въ бракѣ — вотъ первая опасность для

каждаго причта, въ частности для священника; не менѣе угрожаетъ священнику опасностію строгой кары и повѣнчаніе лицъ, находящихся между собою въ близкомъ родствѣ. Отъ этихъ опасностей, можно сказать, не застрахованъ ни одинъ священникъ, но особенно онѣ грозятъ духовенству городскому и причтамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ народонаселеніе, въ силу разныхъ соціальныхъ и экономическихъ условій, отличается подвижностію, неустойчивостію, мѣняетъ часто мѣсто жительства; разумѣемъ тѣ мѣста, гдѣ развита фабричная и заводская дѣятельность, отхожіе промыслы, гдѣ приходится часто вѣнчать лицъ неизвѣстныхъ ни причту, ни мѣстному населенію. Въ болѣе выгодныхъ условіяхъ въ данномъ отношеніи находятся селенія съ осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ: здѣсь люди живутъ десятки лѣтъ и умираютъ нигде не выѣзжая; здѣсь каждый знаетъ своихъ односельчанъ, причтъ знаетъ своихъ прихожанъ; ошибки здѣсь при повѣнчаніи если возможны, то весьма рѣдко. Въ иныхъ условіяхъ находится городское духовенство; значительный % наказаній, лишеній мѣста, ссылокъ въ монастырь, вызывается именно повѣнчаніемъ недозволенныхъ браковъ. Пишущему эти строки недавно пришлось встрѣтить священника, лишеннаго мѣста и сосланнаго на 3 мѣсяца въ монастырь за то, что по неосторожности повѣнчалъ женатаго человѣка. Наказаніе справедливое, но вмѣстѣ и строгое, если принять во вниманіе, что этотъ священникъ пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ прихода, былъ усерднымъ молитвенникомъ, дѣятельнымъ пастыремъ. Простая неосторожность, несоблюденіе извѣстныхъ формальностей, и тяжкое наказаніе сваливается на человѣка симпатичнаго и добраго; и, можно сказать, никто не застрахованъ отъ такой опасности.

Единственнымъ средствомъ, которое можетъ предохранить священника отъ повѣнчанія лицъ, не имѣющихъ права вступить въ бракъ, является соблюденіе такъ называемыхъ предбрачныхъ предосторожностей,—строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы лица, желающія вступить въ бракъ, представляли всѣ

необходимые документы. Такихъ документовъ (метрическія выписи о рожденіи, разрѣшеніе для нѣкоторыхъ лицъ отъ начальства, паспорта и т. д.) требуется не мало и они всѣмъ извѣстны. Изъ этихъ документовъ по своей важности особеннаго вниманія заслуживаютъ паспортъ и предбрачное свидѣтельство. Паспортъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ удостоверяетъ званіе, имя, отчество и фамилію лица, желающаго вступить въ бракъ; въ особомъ пунктѣ паспорта говорится и о томъ, состоитъ-ли данное лицо въ бракѣ или нѣтъ. Относительно того, можно-ли вѣнчать по одному паспорту, практика бываетъ различная. Не смотря на положительное синодальное распоряженіе—не вѣнчать безъ оглашенія, т. е. по одному паспорту лицъ неизвѣстныхъ, чужеприходныхъ, нѣкоторые священники, на собственный страхъ, вѣнчаютъ по однимъ паспортамъ, не желая затруднять вступающихъ въ бракъ доставкой предбрачныхъ свидѣтельствъ и вмѣстѣ желая избавить ихъ отъ излишнихъ расходовъ. Получить предбрачныя свидѣтельства особенно трудно городскимъ жителямъ, а потому къ городскимъ священникамъ всего чаще и обращаются съ просьбою о повѣнчаніи безъ предбрачныхъ свидѣтельствъ. Рѣдкій священникъ рѣшится на это, но все же отдѣльныя лица встрѣчаются; обычно въ томъ или другомъ районѣ найдется одинъ—другой священникъ, который не стѣсняется формальностями и вѣнчаетъ, какъ говорится, направо и налево по однимъ паспортамъ. Мы знаемъ одного священника, занимающаго плохой въ матеріальномъ отношеніи приходъ, но имѣющій то большое удобство, что находится онъ возлѣ города. По брачнымъ дѣламъ это своего рода спеціалистъ; всѣ, кто почему либо не можетъ повѣнчаться въ городѣ за отсутствіемъ документовъ, обращается къ нему; вотъ почему въ приходѣ этого священника каждый годъ бываетъ не меньше 100—200 браковъ; на все заведена своя такса: по однимъ паспортамъ бракъ стоитъ 25 рублей; съ метрическими выписями—20; съ оглашеніями—15 руб. И вотъ замѣчательное явленіе: притчъ, повѣнчавшій зѣтъ за 5 до тысячи браковъ, безъ соблю-

денія всѣхъ формальностей, доселѣ ни разу не попалъ въ бѣду. Приходилось и намъ говорить съ лицами повѣнчавшимися въ указанномъ приходѣ; отзвѣвъ неизмѣнно одинъ: „дорогонько батюшка взялъ, но спасибо ему — выручилъ насъ, не придирался къ мелочамъ“. Таковъ господствующій взглядъ на требованіе духовенствомъ предбрачныхъ документовъ—это придирка, излишняя строгость со стороны духовенства, а отдѣльныя лица изъ духовенства, не исполняющія предбрачныхъ осторожностей, только закрѣпляютъ такой взглядъ. Если одинъ священникъ соглашается повѣнчать, а другой нѣтъ, то спрашивается, почему же? Естественно, что простой человѣкъ, незнакомый съ закономъ и его строгостію, объясняетъ это излишней строгостію, придиричивостью священника-законника.

На первый взглядъ, кажется вполне достаточно однихъ паспортовъ для того, чтобы повѣнчать извѣстныхъ лицъ; на самомъ дѣлѣ тутъ возможны весьма крупныя ошибки. Поддѣлка паспорта въ настоящее время, какъ показываетъ уголовная хроника, дѣло не трудное; еще такъ недавно въ газетахъ сообщали о субъектѣ, который по подложнымъ паспортамъ повѣнчался 5 или 6 разъ. Паспорту безусловно довѣрить нельзя, такъ какъ онъ не даетъ, часто и не можетъ дать всѣхъ необходимыхъ для брака свѣдѣній. 4-ый пунктъ паспорта: „Состоитъ-ли или состоялъ-ли въ бракѣ“—иногда совсѣмъ не заполняется за недостаткомъ свѣдѣній; въ другихъ случаяхъ свѣдѣнія даются неточныя; пишется прямо: „не состоитъ“, по очень возможно, что лицо, о которомъ это сообщается,—вдовецъ по третьему браку. Не рѣдко и приты, повѣнчавши бракъ, не дѣлаютъ на паспортахъ лицъ повѣнчанныхъ помѣтокъ о ихъ бракосочетаніи; такъ что если ограничиваться лишь одними паспортами, то лица повѣнчанные могутъ на другой день послѣ брака повѣнчаться съ другими. Паспортъ требуется обычно съ мѣста родины, отъ того общества, къ которому данное лицо приписано. На Руси, особенно съ развитіемъ торговли и отхожихъ промысловъ, есть тысячи лицъ, которыя не живутъ на родинѣ, не знаютъ ея, а между тѣмъ документы получаютъ оттуда; понятно, что

паспортъ въ такихъ случаяхъ не можетъ дать точныхъ свѣдѣній о перемѣнахъ въ семейномъ положеніи даннаго лица... Итакъ, можно сказать, что паспорта одного, какъ предбрачнаго документа, недостаточно; отсюда открывается вся важность другого документа, такъ называемаго „предбрачнаго свидѣтельства“. Предбрачнымъ свидѣтельствомъ называется такой документъ, въ которомъ одинъ причтъ даетъ другому, въ церкви котораго состоится вѣнчанье, точныя и полныя свѣдѣнія, необходимыя для совершенія брака, о лѣтахъ брачующихся, вѣроисповѣданіи, бытіи унисповѣди, семейномъ состояніи (холостъ или вдовъ и по какому браку) и о производствѣ оглашеній.

Такой документъ, давая всѣ необходимыя свѣдѣнія, настолько важенъ, что бракъ можетъ быть совершенъ и по одному этому документу; но нужно сказать къ прискорбію, что такой документъ выдается подлежащими причтами съ особенною осторожностію въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда причтъ дѣйствительно отлично знаетъ данное лицо; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ духовенство уклоняется отъ выдачи такого документа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ причтъ можетъ поручиться за извѣстнаго человѣка, что онъ холостъ, каждый годъ бываетъ у исповѣди, разъ такое лицо 10—15 лѣтъ не живетъ въ приходѣ? Взамѣнъ предбрачнаго свидѣтельства, выдать которое часто бываетъ очень рискованно, практика создала нѣсколько видовъ предбрачнаго документа, въ которомъ опускается самое главное—вопросъ о томъ холостъ-ли или женатъ такой-то; на просьбу прихожанина выслать предбрачное свидѣтельство, нѣкоторые причты, какъ-бы не понимая о чемъ ихъ просятъ, высылаютъ только одно метрическое свидѣтельство о рожденіи даннаго лица; другіе къ метрической выписи дѣлаютъ прибавку, что она выдана на предметъ вступленія въ бракъ такого-то съ такою-то; иногда на метрической выписи дѣлается помѣтка, что противъ повѣнчанія записаннаго въ метрику лица съ такимъ-то причтъ ничего не имѣетъ и т. д. Еще чаще вмѣсто предбрачнаго свидѣтель-

ства причтами выдается предбрачное оглашеніе, — документъ совсѣмъ неопасный; содержаніе его самое простое: „по троекратномъ оглашеніи о вступленіи въ бракъ №№ съ дѣвицею такой-то законныхъ препятствій никѣмъ никакихъ не заявлено“. По закону, т. X, ч. 1 ст. 26, если одно изъ брачующихся лицъ принадлежитъ къ другому приходу, то огласка должна быть приведена и въ его церкви, и отъ причта послѣдней должно быть представлено надлежащее удостовѣреніе. Самая обычная практика слѣдующая: для вѣнчанья ограничиваются только требованіемъ паспорта и предбрачныхъ оглашеній отъ лицъ чужеприходныхъ.

Если паспортъ не можетъ давать полной гарантіи законности брака, то то-же можно сказать и объ оглашеніяхъ. Что могутъ возразить прихожане противъ повѣнчанія такого лица, которое въ приходѣ не живетъ десятокъ, а можетъ быть и больше лѣтъ. Законъ требуетъ, чтобы чужеприходные доставляли свидѣтельства объ оглашеніяхъ изъ своихъ приходовъ. Многія лица за немного лѣтъ перемѣняютъ десятокъ приходовъ; спрашивается, откуда-же, изъ какой церкви нужно имъ брать оглашеніе? Думаемъ, что откуда-бы ни было взято оглашеніе такими лицами, оно все же не даетъ прочной гарантіи и остается только формальностію.

Изъ всего сказаннаго ясно, думаемъ, видны тѣ трудности, съ которыми сопряжено соблюденіе предбрачныхъ предосторожностей. Существующія формальныя требованія при заключеніи браковъ прежде всего доставляютъ массу огорченій и непріятностей народу. Нѣкоторые лица, лишенные постоянного мѣстожителства, живущія временами въ разныхъ мѣстахъ, совершенно лишены возможности добыть себѣ предбрачное оглашеніе, а тѣмъ болѣе предбрачное свидѣтельство. Пишущему эти строки приходилось встрѣчать за свою недолгую пастырскую практику паръ 5—6 лицъ, живущихъ въ незаконномъ бракѣ, имѣющихъ дѣтей и не вступившихъ въ законный бракъ только потому, что никто не хотѣлъ означенныхъ лицъ повѣнчать. На переписку о высылкѣ оглашенія иногда

уходить такая масса времени, что не у каждого явится охота выписывать его. Мы знаем такой случай: въ Кіевѣ одна, заброшенная судьбой изъ Тобольска, дѣвушка просила выслать ей съ родины оглашеніе, и оно было получено только черезъ два года?! А сколько духовенству моральныхъ страданій приходится выносить изъ-за брачныхъ формальностей — ихъ и перечислить нельзя! Не могу забыть одной пары: молодые и видимо славные, добрые люди просятъ повѣнчать ихъ только по паспортамъ, каются, что они сошлись уже и ждуть ребенка, хотѣли-бы покрыть грѣхъ; но необходимыхъ документовъ у нихъ не оказалось, и даже въ паспортѣ невѣсты не было написано — замужия-ли она или дѣвица. Пришлось съ грустью отказать, и на мой отказъ послышались такія рыданія, какихъ я никогда не слыхалъ; не горе, а прямо отчаяніе слышалось въ нихъ.

Предбрачные документы несимпатичнымъ лицамъ изъ духовенства даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ, къ вымогательству; въ нѣкоторыхъ приходяхъ меньше какъ за 5—10 рублей получить предбрачное оглашеніе невозможно. Бываютъ случаи, что лицо, желающее вступить въ бракъ, проситъ у своего приходскаго священника письменно прислать предбрачное оглашеніе, прилагаетъ плату за трудъ, и разъ причтъ признаетъ плату недостаточной, то такому лицу придется ожидать документа по меньшей мѣрѣ годъ... Нѣкоторые священники, слишкомъ осторожные, совсѣмъ уклоняются отъ браковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, если есть *все* документы; причина понятна — излишнее опасеніе какъ-бы не попасть въ бѣду по неосторожности.

Вообще можно сказать, что формальности, которыми обставляется бракъ, трудности, съ которыми можно достать предбрачные документы, вызываютъ въ настоящее время большое недовольство въ народѣ; всюду приходится слышать жалобы, что духовенство при бракахъ слишкомъ строго и придирчиво, что цѣль всего этого одна — выжать изъ брачующихся возможно большую плату.

Чего можно пожелать для облегченія предбрачныхъ формальностей?

По нашему крайнему разумѣнію, всѣ предбрачныя формальности, выдача предбрачныхъ свидѣтельствъ, собираніе справокъ о лицахъ брачущихся и даже самыя оглашенія—вовсе не дѣло духовенства; это дѣла чисто фискальнаго характера. Оглашеніе, если вдуматься въ него, есть ни больше, ни меньше, какъ вызовъ на доносъ; поэтому всего естественнѣе было-бы передать веденіе формальной стороны брака полиціи, которая должна представлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причту разрѣшеніе на повѣнчаніе такого-то съ такою-то. Тогда отъ духовенства требовалось-бы одного: совершить самый чинъ брака, сказать молодымъ доброе назидательное слово; а у насъ, вмѣсто приготовленія къ этому своему прямому дѣлу, причты занимаются тѣмъ, что производятъ брачный обыскъ, созываютъ поручителей, отбираютъ подписи и т. д.—совсѣмъ не пастырское занятіе!

Передача предбрачныхъ формальностей вѣдѣнію полиціи, можно сказать, дѣло настоятельной необходимости; и въ настоящее время духовныя учрежденія въ затруднительныхъ случаяхъ обращаются къ полиціи за необходимыми для брака свѣдѣніями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда лица брачущіяся почему либо не могутъ или затрудняются добыть себѣ предбрачныя оглашенія, они могутъ просить епархіальное начальство разрѣшить той или другой церкви повѣнчать ихъ безъ предбрачныхъ оглашеній. Обычно прежде, чѣмъ дать такое разрѣшеніе, консисторія *черезъ полицію* собираетъ справки о просителяхъ и тогда уже разрѣшаетъ повѣнчать ихъ безъ брачныхъ оглашеній. Не ясное-ли это указаніе на то, кто собственно долженъ вѣдать предбрачныя формальности? Зачѣмъ же излишняя переписка, хлопоты, лишняя работа для консисторій, епархіальныхъ начальствъ и т. д?

Передача предбрачныхъ формальностей вѣдѣнію полиціи облегчитъ людямъ бѣднымъ возможность вступленія въ бракъ. сократитъ и безъ того многочисленныя нареканія на духовен-

ство, сократить церковную переписку, отнять у неблагонамѣренныхъ лицъ изъ духовенства лишній поводъ къ вымогательству и т. д. Дай Богъ, чтобы наше желаніе скорѣе осуществилось въ жизни!

Свящ. В. Пестряковъ.

¹⁾ См. № 41 за 1902 годъ.

²⁾ Твореній 2 т. 663 стр.

³⁾ Тамъ же, стр. 753.

Почитаніе свв. угодниковъ и св. мощей, по свидѣтельству Іоанна Златоуста ¹⁾).

II.

Въ древней Церкви съ почитаніемъ свв. угодниковъ нераздѣльно было почитаніе ихъ мощей, вѣра въ чудодѣйственную силу ихъ, въ ходатайство святыхъ предъ Богомъ и молитвенное обращеніе къ нимъ. Какъ драгоцѣнны были для христіанъ св. останки мучениковъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Златоуста: „Драгоцѣнны эти тѣла, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носятъ язвы за Христа. И какъ царскій вѣнецъ, украшенный со всѣхъ сторонъ различными камнями, производитъ разнообразный блескъ, такъ точно и тѣла святыхъ мучениковъ, усѣянныя язвами за Христа, какъ бы дорогими камнями, являются драгоцѣннѣе и великолѣпнѣе всякой царской діадемы“ ²⁾. „Мученики, хотя облечены тѣломъ, но безсмертнымъ, или—лучше—еще прежде безсмертія смерть за Христа украшаетъ тѣла ихъ больше безсмертія... Не такъ свѣтло небо, украшаемое хоромъ звѣздъ, какъ тѣла мучениковъ, украшаемая свѣтлою кровію ранъ, такъ что, умерши, они сдѣлали величайшее пріобрѣтеніе и еще прежде безсмертія восприняли награду, получивъ отъ смерти вѣнцы“ ³⁾. Таковъ безъ сомнѣнія взглядъ на св. останки мучениковъ и всей древней Церкви. Естественно по-

¹⁾ См. № 41 за 1902 годъ.

²⁾ Твореній 2 т. 663 стр.

³⁾ Тамъ же, стр. 753.

этому, что христіане заботливо старались собирать ихъ послѣ мученической кончины, иногда даже съ опасностію для собственной жизни отъ гонителей; причѣмъ мѣсто, гдѣ св. останки погребались, было для христіанъ священнымъ, — обычнымъ мѣстомъ для молитвенныхъ собраній; на томъ мѣстѣ строились храмы.

Извѣстно, съ какимъ благоговѣніемъ христіане подбирали останки св. Игнатія Богоносца, пострадавшаго въ Римѣ въ 107 г. чрезъ растерзаніе звѣрями, и перенесли ихъ въ Антиохію ¹⁾. Также, когда священномученикъ Поликарпъ, епископъ Смирнскій, былъ убитъ и сожеженъ въ 167 г., то христіане „собрали его кости—сокровище драгоцѣннѣе другихъ камней и чаше золота, и положили ихъ, гдѣ слѣдовало“ ²⁾.

¹⁾ Вотъ какъ говоритъ объ этомъ современникъ Игнатія — очевидецъ его мученической кончины: „Игнатій предавъ жестокимъ звѣрямъ подлѣ храма, такъ что сямъ, — соотвѣтственно Писанію: *желаніе праведнаго пріятно* (Притч. 10, 24), — совершенно исполнилось желаніе св. мученика Игнатія, чтобы не обременить никого изъ братьевъ собираемъ его останковъ, такъ какъ онъ еще прежде въ письмѣ желалъ, чтобы таковъ былъ конецъ его. Ибо остались только твердѣйшія части его тѣла, которыя отвезены въ Антиохію, и положены въ полотно, какъ неоцѣненное сокровище, по благодати, обитавшей въ мученикѣ, оставленное св. Церкви. Сіе случилось за тринадцать дней до календы генвари (т. е. въ 20 день декабря) въ консульство у Римлянъ Суры и вторичное — Севеція. Мы, бывшіе зрителями сего, возвратившись домой, со слезами, имѣли всеночное бдѣніе, и много просили съ колѣнопреклоненіемъ и моленіемъ Господа чрезъ случившееся укрѣпить насъ слабыхъ. Потомъ немного уснувши, нѣкоторые изъ насъ увидѣли внезапно возстающаго и обнимающаго насъ, нѣкоторые же равнымъ образомъ видѣли молящагося блаженнаго Игнатія, а другіе — орошеннаго потомъ, какъ бы послѣ великихъ трудовъ и предъ ставшаго Господу. Итакъ, видѣвши сіе съ великою радостію, и послѣ разсказавши взаимно сновидѣнія, мы воспѣли Бога, Подателя благъ, ублажали святаго, и замѣтили для себя день и часъ, дабы, собирався во время его мученичества, имѣть общеніе съ подвижникомъ и доблестнымъ мученикомъ Христовымъ, поправшимъ діавола и совершившимъ путь своего христолюбиваго желанія во Христѣ Иисусѣ Господѣ Нашемъ“. (Мученичество св. Игнатія Богоносца“. Христ. Чт. 1832 г., часть VIII, стр. 340).

²⁾ Церковный историкъ Евсевій Памфилъ говоритъ о мученической кончинѣ св. Поликарпа слѣдующее: когда Поликарпъ окончилъ молитву

Іоаннъ Златоустъ передаетъ о мученикахъ Іувентинѣ и Максимѣ, что „послѣ блаженной кончины мучениковъ тѣ, которые, подвергая собственную жизнь опасности, стремятся къ пріобрѣтенію такихъ останковъ, унесли этихъ героевъ, и сдѣлались сами живыми мучениками. Хотя они и не были обезглавлены, но они, напередъ рѣшившись потерѣть это, устре-

передъ своею кончиною, „тогда служившіе при кострѣ подложили огня. Пламень сильно поднялся, и тѣ изъ нихъ, которымъ дано видѣть, увидѣли чудо и пересказали его другимъ, бывъ для сего сохранены сами. Огонь принялъ форму шатра и подобно корабельному парусу, надутому вѣтромъ, окружалъ тѣло мученика; такъ что, находясь въ срединѣ, оно казалось не плотію сжигаемою, а золотомъ и серебромъ, разжигаемымъ въ горнилѣ. При этомъ мы ощущали такое благоуханіе, какъ будто курился ладанъ, или какой-либо драгоценный ароматы. Наконецъ, види, что тѣло не можетъ быть испепелено огнемъ, беззаконники велѣли подойти звѣроборцу и воззить въ него мечъ. Когда онъ это сдѣлалъ, то кровь вытекла въ такомъ множествѣ, что погасила огонь... Между тѣмъ завистливый, злобный и лукавый противникъ рода праведныхъ, види величіе его мученичества и безукоризненную съ самаго начала его жизнь, види, что онъ увѣнчанъ вѣнцомъ негнѣнія и получилъ неизречаемую награду, приложилъ стараніе, чтобы и тѣло его не было взято нами, хотя многіе желали сдѣлать это и быть общниками святой его плоти. Нѣкоторые подучили Пикиту, отца Иродова, брата Алки, доложить проконсому, чтобы онъ не отдавалъ христіанамъ тѣла, дабы, то есть, они не начали поклоняться ему, оставивъ Распятаго. Это говорили по наущенію и настоянію іудеевъ, которые замѣтили наше намѣреніе взять его изъ огня, — не понимая, что мы никогда не можемъ ни оставить Христа, Который пострадалъ для спасенія всего міра спасаемыхъ, ни поклоняться кому-либо другому, потому что Ему мы поклоняемся какъ Сыну Божію; а мучениковъ достойно любимъ, какъ учениковъ и подражателей Господа, — любимъ за ихъ неизмѣнную приверженность къ своему Царю и Учителю. Да сподобимся и мы быть ихъ общниками и соучастниками! Послѣ сего сотникъ, види враждебную настойчивость іудеевъ, положилъ тѣло въ огонь, какъ они обыкновенно это дѣлають, и сжегъ. А мы потомъ собрали кости—сокровище драгоценнѣе другихъ камней и чище золота, и положили ихъ, гдѣ слѣдовало. Туда, какъ только можно будетъ, мы станемъ собираться съ веселіемъ и радостію, и Господь соизволитъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія“. Церковная Исторія Евсевія т. I, 1858 г., стр. 197—198. (День смерти мучениковъ древніе христіане обыкновенно называли „днемъ ихъ рожденія“ т. е. для жизни вѣчной).

мились на приобрѣтеніе тѣлъ мучениковъ. Бывшіе при этомъ и удостоившіеся видѣть эти повоубіенныя тѣла говорятъ, что, когда они передъ погребеніемъ лежали другъ подлѣ друга, то на лицахъ ихъ сіяла такая благодать, какая, по словамъ Луки, была у Стефана, когда онъ имѣлъ защищаться предъ іудеями (Дѣян. VI, 15)¹⁾.

Св. останки полагались въ мученическихъ храмахъ въ особыхъ гробницахъ и ракахъ; самыя эти гробницы были для христіанъ „славнѣ царскихъ палатъ“²⁾. Съ какою любовью древніе христіане собирали св. останки, объ этомъ можно судить хотя бы потому множеству мученическихъ гробницъ, какое видимъ въ иныхъ мученическихъ храмахъ. Напр., о храмѣ мученицы Дросиды въ Дафиѣ Іоаннъ Златоустъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „хотя каждый изъ мученическихъ храмовъ доставляетъ собирающимся не малую пользу, но больше всѣхъ этотъ: какъ только кто-нибудь войдетъ въ преддверіе, тотчасъ множество гробовъ со всѣхъ сторонъ попадаетъ на глаза, и куда онъ ни посмотритъ, ^звездѣ видитъ гробницы и памятники и раки отшедших“³⁾; вообще въ Дафиѣ былъ собранъ цѣлый „хоръ мучениковъ“⁴⁾.

Такъ какъ были такія страны, которыя изобиловали мощами святыхъ, и такія, гдѣ мощей не было или ихъ было недостаточно, то первыя страны удѣляли часть отъ своихъ сокровищъ вторымъ; причемъ перенесеніе мощей и встрѣчи обставлялись подобающимъ торжествомъ; самыя города, куда переносились мощи, становились въ представленіи христіанъ удѣломъ перенесеннаго мученика и состояли подъ его покровительствомъ. Такъ Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ о Египтѣ: „Благословенъ Богъ: и изъ Египта—мученики, изъ богоборнаго и безумнѣйшаго Египта, откуда—безбожныя уста, откуда—богохульные языки, изъ Египта—мученики, и не въ

¹⁾ Твореній т. 2, стр. 622.

²⁾ Тамъ же, стр. 628.

³⁾ Твореній т. 2, стр. 731.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 572.

Египтъ только, и не въ ближайшей и сосѣдней странѣ, но и повсюду во вселенной! Какъ при урожаѣ земныхъ произведеній жители городовъ, видя, что плодородіе превышаетъ потребности потребителей, отсылаютъ и въ иностранные города, чтобы показать и собственное дружелюбіе и вмѣстѣ при избыткѣ въ этомъ легче пріобрѣсти себѣ отъ нихъ то, въ чемъ сами имѣютъ нужду,—такъ поступили и египтяне съ подвижниками благочестія. Видя, что у нихъ, по благодати Божіей, великое изобиліе, они не заключили въ своемъ городѣ этого великаго дара Божія, но распространили по всей землѣ свои благія сокровища, показывая свое братолюбіе, и прославляя общаго всѣхъ Владыку, возвышая свой городъ предъ всѣми и представляя его митрополіею всей вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, если пустые и маловажные случаи и услуги, полезныя намъ только для настоящей жизни, могли доставить многимъ городамъ такую честь, то не болѣе ли всего справедливо, чтобы достигъ этого преимущества предъ всѣми тотъ городъ, который надѣлалъ другихъ не чѣмъ-либо изъ этого временнаго и тѣннаго, но мужами, доставляющими и по смерти великую безопасность ставшимъ ихъ удѣломъ городамъ? Подлинно тѣла этихъ святыхъ ограждаютъ у насъ городъ тверже всякой адамантовой и несокрушимой стѣны, и, подобно высокимъ скаламъ, расположеннымъ со всѣхъ сторонъ, не только отражаютъ нападенія этихъ чувственныхъ и видимыхъ враговъ, но и козни невидимыхъ бѣсовъ, и все коварство діавола ниспровергаютъ и разрушаютъ съ такою легкостію, съ какою сильный мужъ ниспровергаетъ и бросаетъ внизъ игрушки дѣтей. Остальныя, употребляемыя людьми средства, какъ-то: стѣны, рвы, оружіе, войска, и все, что придумывается для безопасности жителей, врагамъ возможно отбить при помощи другихъ, бѣльшихъ и сильнѣйшихъ средствъ, находящихся у нихъ; но когда городъ ограждается тѣлами святыхъ, тогда враги, хотя бы истощили безчисленные богатства, не въ состояніи будутъ противопоставить имѣющимъ эти тѣла горо-

дамъ никакого подобнаго орудія“¹⁾. Иоаннъ Златоустъ сообщаетъ случай и временнаго перенесенія мощей мученика изъ одного мѣста въ другое, именно муч. Фоки — изъ Понта въ Константинополь ради благословенія мученикомъ царственнаго града и поклоненія ему. „Блистателенъ былъ вчера у насъ городъ, говорилъ онъ по поводу этого событія, блистателенъ и великолѣпенъ не потому, что были въ немъ колонны, а потому, что былъ мученикъ, прибывшій къ намъ изъ Понта. Онъ видѣлъ ваше гостепріимство, и преисполнилъ васъ благословіемъ; онъ похвалилъ ваше усердіе и благословилъ присутствующихъ. Я называлъ блаженными собравшихся и участвовавшихъ въ его благоуханіи, а отсутствовавшихъ я называлъ несчастными; но чтобы потеря ихъ не осталась неисправимою, мы прославляемъ его опять въ другой день, чтобы и отсутствовавшіе по нерадѣнію усердіемъ удвоили благословіе отъ мученика. Какъ я часто говорилъ, такъ и не перестану говорить: я не наказанія требую за грѣхъ, но приготавливаю врачевство для немощныхъ. Ты отсутствовала вчера? Приди же хотя сегодня, чтобы тебѣ видѣть его уходящимъ въ собственное мѣсто. Ты видѣлъ его идущимъ чрезъ торжище? Посмотри его и плывущимъ по морю, чтобы обѣ стихіи (воздухъ и вода) наполнились его благословіемъ. Никто пусть не уклоняется отъ этого священнаго торжества, — ни дѣва пусть не остается дома, ни жена пусть не задерживается въ жилищѣ; оставимъ городъ пустымъ и переселимся ко гробу мученика; вѣдь и цари ликуютъ вмѣстѣ съ нами. Такова сила мучениковъ, что она уловляетъ не только частныхъ людей, но и носящихъ діадемы... Сдѣлаемъ же опять море церковію, вышедши туда со свѣтильниками, соединивъ огонь съ водою и воду наполнивъ огнемъ“²⁾ и т. д. Видно, что пребываніе мощей мученика въ Константинополь продолжалось не много дней и что это событіе возбудило весь

¹⁾ Тамъ же, стр. 741—742.

²⁾ Тамъ же, стр. 746—747.

городъ принять участіе въ священномъ торжествѣ.—Съ какою радостію и торжествомъ древніе христіане встрѣчали идущаго къ нимъ мученика объ этомъ еще лучше можно судить по встрѣчѣ мощей св. Игнатія Богоносца при перенесеніи ихъ изъ Рима въ Антіохію и — мученика Вавилы изъ Дафны тоже въ Антіохію. Впечатлѣніе перваго событія, давно минувшаго, нужно думать, не изгладилось изъ памяти ко времени Іоанна Златоуста, и послѣдній передаетъ его слѣдующими словами: „Вы, обращается онъ къ антіохійцамъ, отпустили епископа—и приняли мученика; отпустили съ молитвами—и приняли съ вѣщами; и не вы одни только, но и всѣ лежащіе на пути города. Съ какими чувствами, думаете, взирали на эти возвращающіеся останки? Какое они получили удовольствіе? Какъ радовались? Какими похвалами со всѣхъ сторонъ осыпали увѣнчаннаго побѣдителя? Какъ храбраго атлета, побѣдившаго всѣхъ своихъ противниковъ и съ блестящею славою вышедшаго съ мѣста борьбы, зрители тотчасъ принимаютъ и не даютъ ему даже ступить на землю, но несутъ его домой на рукахъ своихъ, осыная безчисленными похвалами,—такъ точно и этого святого города, начиная отъ Рима, преименственно принимали тогда и несли на раменахъ своихъ до здѣшняго города; восхваляя увѣнчаннаго побѣдителя, прославляя Судію борьбы, смѣясь надъ діаволомъ за то, что его хитрость получила противоположное окончаніе, и что онъ думалъ дѣлать противъ мученика, то становилось въ пользу ему“¹⁾. При перенесеніи мощей муч. Вавилы, по свидѣтельству Златоуста, „весь городъ потекъ на дорогу; и торжища запусѣли безъ мужчинъ, а дома запусѣли безъ женщинъ, внутренніе же покои пусты стали безъ дѣвъ: такъ всякій возрастъ и всякій полъ устремились изъ города, какъ бы для встрѣчи отца, по истеченіи долгаго времени возвращающагося изъ дальняго путешествія“²⁾. Примѣчательно, что,

¹⁾ Тамъ же, стр. 641.

²⁾ Тамъ же, стр. 572.

по сообщенію Златоуста, села изобиловали бѣлымъ количествомъ мучениковъ, чѣмъ города: „недостаточному Богъ далъ болѣе обильную честь; это—немоцнѣйшій членъ, потому онъ и получилъ бѣльшее врачеваніе, такъ какъ живущіе въ городахъ постоянно пользуются ученіемъ, а живущіе въ деревнѣхъ не участвуютъ въ этомъ изобиліи“¹⁾.

Свящ. Д. Слюсаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 692.

Изъ дневника священника.

Въ переживаемое нами время въ міросозерцаніи нашей русской интеллигенціи совершается благодѣтельный переломъ въ сторону религіи, или, какъ еще осторожно выражаются, метафизики. Мы свидѣтели возрожденія идеализма въ духѣ В. С. Соловьева, наступившаго послѣ столь еще недавняго безраздѣльнаго господства въ нашей литературѣ атеистическаго позитивизма. Въ нашемъ дневникѣ, въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ журнала, было указано на это „знаменательное“ явленіе. Постараемся ближе ознакомиться съ нимъ, поставивъ его предварительно въ извѣстное отношеніе къ предшествующимъ страницамъ исторіи нашего общественнаго сознанія.

Когда Божественнаго Учителя любви спросили о главныхъ заповѣдяхъ Его закона, Онъ отвѣчалъ: *„Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всею мыслью твоею: сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе (Мѡ. XXII, 37—39)“*.

Мнѣ кажется, трудно указать въ Евангеліи другое мѣсто, которое въ сравненіи съ яснымъ смысломъ такъ неправильно понималось бы нашимъ обществомъ, какъ только приведенныя

¹⁾ Тамъ же, стр. 692.

слова Спасителя. А правильное пониманіе ихъ необходимо для того, кто желаетъ быть и считаетъ себя послѣдователемъ нашего Спасителя. Какъ въ области теоретическаго вѣрованія нельзя быть христіаниномъ, не признавая Иисуса Христа Богочеловѣкомъ, такъ въ области практическаго настроенія души только тотъ ученикъ Его, кто понимаетъ и читаетъ данныя слова Господа въ законномъ ихъ соотношеніи.

Въ послѣдніе годы книжки многихъ богословскихъ и даже свѣтскихъ журналовъ были заняты вопросомъ объ отношеніи русской интеллигенціи къ Церкви. Этою темою Г. Тарнавцевъ, какъ извѣстно, началъ и такъ прекрасно—Петербургскія религіозно-философскія собранія. Нужно признать, что большинство статей, признавая печальный фактъ отчужденія отъ Церкви нашего свѣтскаго общества, не указывали основного пункта этого распада... А онъ заключается именно въ различномъ пониманіи словъ Спасителя о главныхъ заповѣдяхъ.

По церковному сознанію слова Спасителя законнику имѣютъ такой смыслъ.

Первою и самою большою задачею для христіанина является воспитаніе въ себѣ любви къ Богу до полнаго реальнаго соединенія съ Нимъ: говоря языкомъ Церкви, любовь къ Богу есть наше *спасеніе*, къ которому мы должны стремиться въ своей жизни. „Зрѣть Бога“—выраженіе св. Іоанна Златуста,—искать живого осязаемаго союза съ Нимъ, стать „единъ духъ съ Господомъ“—вотъ первая и большая заповѣдь въ законѣ Христовомъ. Эта любовь къ Богу, моментами лишь въ молитвѣ и то несовершенно проявляющаяся въ христіанинѣ, должна сдѣлаться главнымъ дѣломъ его: созданный по образу и подобію Бога—человѣкъ только въ Немъ можетъ найти осуществленіе своихъ стремленій. Намъ, людямъ земли, такой высокой мистицизмъ христіанскій мало понятенъ, но онъ возможенъ: божественнымъ дыханіемъ бываетъ проникнута земная жизнь такихъ лицъ, какъ Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ...

Любовь къ Богу, какъ извѣстное душевное настроеніе, заключаетъ въ себѣ,—точнѣе сказать есть въ одно и то-же время любовь къ ближнему: послѣдняя—проявленіе первой. На пути любви къ Богу я непремѣнно буду любить ближняго своего, буду любить *божественное* въ чловѣкѣ, дважды объединенномъ со мною—въ актѣ творенія и въ актѣ искупленія.

На фонѣ церковнаго пониманія словъ Спасителя опредѣленно рѣшаются тѣ вопросы, которые въ качествѣ проблемъ этики волнуютъ наше общество. Въ самомъ дѣлѣ—вотъ вопросъ объ аскетизмѣ, которымъ такъ горячо занимались въ религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Аскетизмъ—учить Церковь—является *однимъ изъ средствъ* къ достиженію первой и главной заповѣди закона—спасенія, какъ водворенія въ дуплѣ чловѣка Царства Божія, которое есть „правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“. Не правы, слѣдовательно, тѣ, которые ставятъ его самодовлѣющимъ дѣломъ, — неправы и тѣ, которые отрицаютъ его мѣсто въ христіанствѣ. Вотъ вопросъ объ отношеніи служенія общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души, считающей въ философской этикѣ своего рода антиноміей. Какъ опредѣленно онъ рѣшается съ точки зрѣній Церкви! Однако она осуждаетъ тѣхъ, которые „почитаютъ совершенно неразумнымъ предпочесть спасеніе ближнихъ своему собственному („Письма Святогорца)“, какъ будто христіанину нужно дѣлать выборъ между тѣми и другими;—такъ и тѣхъ, которые въ заботахъ объ общественномъ служеніи забываютъ устроеніе своей личной души, что служить „единымъ на потребу“.

Въ иномъ, къ сожалѣнію, смыслѣ понимаютъ трактуемыя слова Спасителя представители нашей интеллигенціи. Обративъ свое вниманіе и всѣ свои нравственные симпатіи на вторую половину изреченія Господа, они заповѣдь о любви къ Богу стали считать нужною лишь настолько, настолько она служитъ пособницей ко второй, и тѣмъ самымъ религію (а вѣдь ея существо заключается въ первой заповѣди) свели

на степень одного только средства для нравственныхъ цѣлей: такъ, по прекрасному выраженію одного изъ дѣятелей „Новаго Пути“ (Т. Минскаго), чудныя фрески нѣкоторыми цѣнятся лишь настолько, насколько онѣ предохраняють стекла отъ сырости... *Дѣлатъ ремію средствомъ для чего-либо* значитъ, по совершенно справедливому выраженію другого дѣятеля „Новаго Пути“ (Д. С. Мережковскаго), уничтожать ее. И такъ, понимающіе слова Спасителя скоро и дошли до своихъ послѣднихъ выводовъ: разъ можно, продолжимъ сравненіе Т. Минскаго, предохранить стѣны отъ сырости масляными красками, зачѣмъ же пужны фрески...

Итакъ, и существомъ дѣла и продолжительной литературой въ нашихъ журналахъ по вопросу объ отношеніи Церкви къ интеллигенціи основной ‘пунктъ различія въ ихъ міросозерцаніи опредѣленъ ясно. Отсюда неизбѣжный выводъ: возрожденіе нашего общества къ вѣрѣ возможно только послѣ безусловнаго принятія церковнаго пониманія словъ Спасителя о главныхъ заповѣдяхъ.

Въ какомъ же отношеніи къ этой великой и столь близкой намъ пастырямъ Церкви задачѣ стоитъ новѣйшій возродившійся идеализмъ? Свящ. *К. Алексѣв.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ш л о м щ и к ъ ¹⁾.

Разказъ.

Ш.

— Однако ты, Маня, кашлять-то все не перестаешь,—говорилъ озабоченно по веснѣ Владиміръ Захарычъ, глядя тревожно на сильно похудавшее лицо жены, съ котораго печально смотрѣли глубоко впавшіе глаза:—шутить этимъ опасно. Съѣдимъ завтра въ больницу къ доктору.

¹⁾ См. № 41 за 1903 годъ.

Съѣздили. Докторъ подробно разспросилъ, внимательно выслушалъ больную и велѣлъ аккуратно принимать прописанное лѣкарство. Но кашель не проходилъ... Чѣмъ властнѣе вступала весна въ свои права, тѣмъ хуже становилось Марьѣ Зотовнѣ: быстро падали силы, съ каждымъ днемъ она слабѣла все болѣе и болѣе. Неотступная тревожная мысль о близкой роковой развязкѣ, какъ кошмаръ давила мозгъ Владиміра Захарыча.

— Не знаю, слышалъ ли я отъ кого, или читалъ гдѣ, что счастье, удача во всемъ бывають съ человѣкомъ непременно предъ бѣдой. Вотъ это самое, навѣрное, должно случиться со мной. Готовить мнѣ Господь испытаніе,—не избѣжать, видно; своей судьбы! — А я то, неразумный, думалъ:—не пережить мнѣ своего благополучія. Порой забывалъ и Бога благодарить,—вотъ онъ и вразумляетъ меня!..

Вслѣдъ за подобными размысленіями Владиміръ Захарычъ бѣжалъ къ о. Петру и просилъ отслужить въ церкви молебень о здравіи больной, или одинъ уходилъ въ храмъ молиться. Молился долго, горячо, съ земными поклонами Царицѣ Небесной, Николаю чудотворцу, прося сохранитъ жизнь жены—не для себя, а для невиннаго младенца. Но и молитва мало успокаивала душевную тревогу: стоило взглянуть на Марью Зотовну, — и разлетались всѣ надежды. Она тяжело, отрывисто дышала, едва переходила съ мѣста на мѣсто. Докторъ на сторонѣ прямо говорилъ, что она — не жилица на этомъ свѣтѣ.

Однако, всѣ окружавшіе больную,—самъ Владиміръ Захарычъ, мать Марьи Зотовны, жившая теперь почти постоянно у зятя, и Мавра,—старались въ присутствіи больной скрывать свою тревогу и казались безпечными, особенно Владиміръ Захарычъ.

— Что это, Володя, съ тобой? Какой-то сталъ ты нынче особенный: все, словно, развеселитъ меня хочешь!—чуть слышно говорила Марья Зотовна:—оставь это, милый, мнѣ непріятно... Подумаемъ лучше, какъ ты одинъ съ Колей останешь-

ся... Не давай его въ обиду, жалѣй. Можетъ, на другой женишься,—мачеха и станетъ обижать моего мальчика!.. А, вѣдь; женишься, непременно женишься? Вѣдь, да?.. Позабудешь свою Маню? — оживляясь на минуту и судорожно схватывая руку мужа своей сухой, горячей рукой, говорила больная по-рывисто; но тотчасъ же забывала и прибавляла равнодушно:— впрочемъ, что же, женюсь, Господь съ тобой! Колю только любви, не давай въ обиду мачехѣ!..

— Полно, полно! Къ чему говоришь обо всемъ этомъ? Вотъ, дастъ Богъ, оправившись, опять счастливо заживемъ и Колю вырастимъ... Не тревожь себя,—пытался сквозь подступавшія слезы успокаивать жену Владиміръ Захарычъ; но попытки выходили не особенно-то удачныя..

Скоро случилось то, чего всѣ такъ боялись, но чего никто отвратить не могъ: тихо, какъ свѣча, догорѣла и погасла молодая жизнь...

Одинокимъ молодымъ вдовцомъ съ малюткой-сыномъ на рукахъ остался на бѣломъ свѣтѣ Владиміръ Захарычъ. Только участливое отношеніе близкихъ людей — о. Петра съ матушкой, тещи и Мавры—вывело несчастнаго вдовца изъ состоянія того страннаго безразличія и ступнѣнія, въ какое впалъ онъ послѣ похоронъ Марьи Зотовны. Уже не прежнимъ—жизнерадостнымъ, счастливымъ человѣкомъ выглядѣлъ теперь осунувшійся, похудѣвшій Закутинскій псаломщикъ; но все-таки долженъ былъ опять втиснуться въ обычную жизнь. Ребенокъ и служба занимали теперь все время и вниманіе Владиміра Захарыча. Еще сосредоточеннѣе, еще тщательнѣе сталъ онъ относиться къ церковной службѣ, сдѣлался еще богомольнѣе. Дома свободное время посвящалъ онъ родительскимъ заботамъ о сынѣ. Коля, не смотря на сиротство, благодаря уходу бабушки и Мавры, росъ крѣпкимъ, здоровымъ ребенкомъ и къ году ходилъ довольно хорошо. Со своими бѣлокурыми шелковистыми волосами и голубыми добрыми глазками онъ былъ — весь покойница-мать, и это сходство еще болѣе усиливало любовь

отца къ малюткѣ, хотя, съ другой стороны, и мѣшало, напоминачіемъ о покойницѣ, заживленію его сердечной раны.

Коля-сиротка росъ любимцемъ не одного отца; жалѣли и любили его и бабушка и Мавра, нянчившая его день и ночь.

— Горюнь ты нашъ, сиротка ты малая!—ласково приговаривала добрая старушка, глядя Колю по шелковистой, кудрявой головкѣ:—какъ-то Богъ пособить отцу вырастить тебя? Не привелось бы попасть въ руки злой мачехи, какъ женится отецъ-то твой... Худое будетъ житье—Боже упаси! А не жениться ему тоже не стать: молодъ еще совсѣмъ — одному гдѣ вѣкъ изжить...

Мысль о вторичной женитьбѣ Владиміра Захарыча тревожила преданную старушку; приходила она въ голову и заботливой матушкѣ Зинаидѣ Ивановнѣ.

— А вѣдь надо, рано или поздно, опять женить нашего псаломщика. Ну, какой онъ жилецъ безъ жены—жалость смотрѣть!—развивала она свою мысль предъ о. Петромъ, какъ-то разъ по уходѣ отъ нихъ Владиміра Захарыча, который показался ей особенно разсѣяннымъ и скучнымъ:—подумать только — ни по дому, ни по хозяйству управиться некому; притомъ же—ребенокъ... Ты чтѣ бы, отецъ, сказалъ про вашу помощницу учительницы Варвару Петровну? Посватать ее развѣ? Дѣвушка, точно, смиренная да и очень ужъ бѣдная: думаю — пошла бы съ радостью. Въ городѣ у отца ея девять человекъ семьи,—тоже хоть одну съ рукъ долой.

— Дѣлай, какъ знаешь сама, я не вмѣшиваюсь въ эти дѣла,—отвѣтилъ о. Петръ:—только, вмѣсто добра, худа бы не вышло. Твоя Варвара Петровна—городская, вѣдь, да еще и не духовная, мѣщанка. Не привыкнуть ей къ нашей деревенской жизни, — и пойдетъ у нихъ все въ разладъ... Не сталь бы, вмѣсто благодарности, клясть тебя, матушка, Владиміръ Захарычъ за непрошенную услугу!..

— Придумаешь тоже! — обидчиво возразила Зинаида Ивановна, почувствовавши въ послѣднихъ словахъ о. Петра тон-

кій намекъ на свою слабость къ устройству брачныхъ дѣлъ:— впередъ развѣ можно угадать? Что не духовная да горожанка—это еще не бѣда! Пожалуй, найдутся у насъ и духовныя невѣсты хуже зелья горькаго... Была бы охота да любовь— привыкнетъ и къ сельской жизни. Главное, за вдовца съ ребенкомъ не всякая еще и пойдетъ!..

Такъ, невѣдомо пока для самого Владиміра Захарыча, предрѣшалась его вдовья участь въ домѣ батюшки.

IV.

Въ слѣдующее посѣщеніе Владиміромъ Захарычемъ дома о. Петра матушка искусной бесѣдой со вдовцомъ подготовила почву, а потомъ и совсѣмъ посвятила его въ свои сокровенныя планы. Съ одной стороны, начинавшее прискучивать постоянное одиночество, съ другой — убѣдительность доводовъ Зинаиды Ивановны и нежеланіе оскорбить ее отказомъ сдѣлали то, что Владиміръ Захарычъ изъявилъ согласіе и безпрекословно отдалъ себя въ ея полное распоряженіе. Свадьбу увѣнчалось быстрымъ успѣхомъ. Свадьбу отпраздновали въ уѣздномъ родномъ городкѣ невѣсты на средства вдовца-жениха.

Задумалась старушка Мавра, когда уѣхалъ въ городъ вѣнчаться ея хозяинъ и жалостливо ласкала любимца — Коленку:

— Дорогой ты, болѣзненный мой сиротинка-Коленька! Кончатся скоро, надо быть, твои свѣтлые деньки!.. Уѣхалъ твой папа въ городъ за новой мамой: отниметъ она его у тебя да и меня-старуху, пожалуй, прогонитъ. Чуетъ мое старое сердце: не будетъ у него согласія съ молодой женой, не какъ съ покойницей, твоей матерью. Не далъ Богъ долгой жизни ей, а другой такой ужъ не сыщешь!..

Полуторогодовалый мальчикъ внимательно слушалъ причитанія своей старой няни, словно понималъ каждое ея слово, и чудные голубые глазки ребенка туманились грустью-печалью...

Приѣхали молодые изъ города. Новая хозяйка оказалась во всемъ непохожей на прежнюю. Марья Зотовна была кроткая, тихая, роста не высокаго, съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами; Варвара Петровна была высокая, сильная брюнетка, бойкая и подвижная—истая горожанка, а въ черныхъ глазахъ ея такъ и вспыхивалъ злой огонекъ, чуть-что оказывалось не по ней. Владиміръ Захарычъ выглядѣлъ тише и смириѣе обыкновеннаго, казался словно пришибленнымъ. Въ мирномъ домикѣ псаломщика началась другая жизнь, пошли другіе порядки. Молодая жена въ первое время ни на часъ не давала покоя несчастному мужу—танцила то на прогулку, то въ гости въ училище, то къ Зинаидѣ Ивановнѣ, такъ что, подъ конецъ, Владиміръ Захарычъ сталъ не въ шутку опасаться, чтобъ не надоѣсть всѣмъ своими непрошенными посѣщеніями. Коля былъ по неволѣ забытъ отцомъ, хозяйство—заброшено. Мавра только укоризненно качала головой и разводила руками.

— Ску-у-чно! — чаще и чаще повторяла на распѣвъ Варвара Петровна, исчерпавъ скоро всѣ небогатые ресурсы мѣстныхъ развлеченій:—сѣздимъ, Володя, куда-нибудь, прокатимся. Ну, поѣдемъ къ роднымъ въ городъ!..

— Некогда мнѣ теперь, милая, — отказывался Владиміръ Захарычъ:—видишь сама—ходимъ съ о. Петромъ по приходу съ папальными молебнами. Поѣзжай ужъ одна, если такъ хочется...

Варвара Петровна не замедлила воспользоваться случайно высказаннымъ позволеніемъ, укатила одна въ городъ и осталась гостить у родныхъ. Опять одинокимъ оказался Владиміръ Захарычъ и съ удвоенной нѣжностью няньчился съ заброшеннымъ было мальчикомъ, чувствуя себя виноватымъ предъ сыномъ. Виноватымъ сознавалъ онъ себя и предъ Маврой, когда встрѣчался съ ея укоризненнымъ взглядомъ, какъ бы осуждавшимъ его неосмотрительный жизненный шагъ. Мучительно-тяжело становилось на душѣ Владиміра Захарыча. „Что будетъ дальше? какъ жить?“—тысячу разъ задавалъ онъ

себѣ неотвязный вопросъ. Въ первый разъ въ жизни попробовалъ онъ искать утѣшенія въ водкѣ; за первымъ опытомъ послѣдовалъ второй, а тамъ — третій... и началось для бѣднаго неудачника постепенное паденіе въ пропасть. О. Петръ съ удивленіемъ и искреннимъ сожалѣніемъ замѣчалъ, ходя по приходу, странную переѣмку въ своемъ прежде безукоризненно трезвомъ псаломщикѣ. Увѣщанія не помогали; озлобленіе и ожесточеніе, видимо, росло въ душѣ Владиміра Захарыча.

Между тѣмъ, семейное одиночество Владиміра Захарыча тянулось безъ конца; Варвара Петровна какъ будто совсѣмъ позабыла и о мужѣ и о своемъ новомъ домашнемъ очагѣ.— Только чрезъ мѣсяць вернулась она изъ города въ Закутино. Не узнала она, по возвращеніи, своего кроткаго, смирнаго супруга: столько накипѣло въ сердцѣ его злобы противъ покинувшей такъ легкомысленно жены!.. Поправить дѣло, „начать жить сначала“, какъ говорится, она не умѣла и не хотѣла. И вотъ потянулась для обоихъ проклятая, несчастная жизнь съ вѣчными цопреками, взаимной бранью, безъ просвѣта человѣческой радости. Бѣдный Коля, грязный, заброшенный, росъ и дичалъ на кухнѣ, не смѣя показаться между пьянымъ отцомъ и злой мачехой. Одна только Мавра не покидала ребенка и, по жалости къ нему, не отходила отъ несчастной семьи.

Опускаясь все ниже и ниже, Владиміръ Захарычъ долженъ былъ покинуть Закутино. Однажды о. Петръ предложилъ ему подписаться подъ бумагой, въ которой было написано: „По указу N-ой консисторіи... псаломщикъ села Закутина Владиміръ Бережковъ переводится въ село Бездолино, а на его мѣсто...“ Но онъ уже не сталъ дочитывать, поспѣшно подписалъ дрожащей рукой рѣшеніе своей участи и вымолвилъ только: „Кончено!..“

Варвара Петровна не поѣхала съ мужемъ на новое, самое плохое мѣсто въ епархіи.

— Поѣзжай одинъ!—наотрѣвъ отказалась она:—будетъ съ меня, помучилась съ тобою, постылымъ!..

Вскорѣ Варвара Петровна добилась опять мѣста помощницы въ одномъ земскомъ училищѣ. Владиміръ Захарычъ послужилъ не больше года въ Бездольномъ и безслѣдно исчезъ, будучи уволенъ за-штатъ. Сиротку Колю взялъ изъ жалости одинъ богатый бездѣтный священникъ, чтобы воспитать вмѣсто сына.

Прошло послѣ описанныхъ событій болѣе десяти лѣтъ. Былъ конецъ весны, когда не мало разнаго бродячаго люда расходится по всямъ матушки-Руси. Въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ остановился на почлегъ въ крайней избушкѣ села Закутина пожилой оборванный прохожій „изъ духовныхъ“. Онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ хозяйку-старушку про о. Петра, про Владиміра Захарыча, бывшаго когда-то въ Закутинѣ псаломщикомъ.

— Да ты что-жь—родственникъ будешь Владиміру-то Захарычу?—спросила хозяйка.

— Родственникъ-не родственникъ, но ближе меня никого у него нѣтъ... Вѣдь я-то и есть онъ самый!..

— Батюшки!—всплеснула руками хозяйка:—вѣдь вотъ она жизнь-то: будто и хорошо начнетъ ее человекъ, а не знаешь, чѣмъ кончитъ!

Свящ. А. В-ій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 октября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

ВѢДОМОСТИ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 43

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, октября 26-го.

Содержаніе: Обь епархіальныхъ и окружныхъ съѣздахъ представителей духовенства. — Почитаніе свв. угодниковъ и св. мощей, по свидѣтельству Іоанна Златоуста (окончаніе). — Инструкція временнымъ строительнымъ комитетамъ, учрежденнымъ для построекъ и капитальныхъ ремонтовъ церквей и церковныхъ зданій.

Обь епархіальныхъ и окружныхъ съѣздахъ представителей духовенства.

Прочитывая въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ отчеты и протоколы епархіальныхъ и окружныхъ съѣздовъ представителей духовенства, изъ года въ годъ выносишь далеко не отрадное впечатлѣніе. Съ понятіемъ съѣзда обычно соединяется представленіе о живомъ обмѣнѣ мыслей среди членовъ его, выясненіи насущныхъ нуждъ и указаніи мѣръ и средствъ къ ихъ удовлетворенію, представленіе о поднятіи новыхъ вопросовъ, вызываемыхъ текущей жизнью, о живой и плодотворной работѣ членовъ съѣзда. Всего этого почти не замѣтно на съѣздахъ духовенства. Каждый разъ невольно бросается въ

глаза прежде всего отсутствіе на этихъ сѣздахъ созидательной, живой и самостоятельной работы. Заранѣ составляется строго-опредѣленная программа занятій сѣзда и сѣздъ ее точно выполнять: у духовенства просятъ правленія учебныхъ заведеній, содержимыхъ всецѣло или отчасти на средства епархіальнаго или окружнаго духовенства, денегъ на то или другое,—представители духовенства даютъ или отказываютъ; представляютъ сѣзду смету расходовъ на слѣдующій годъ,—онъ утверждаетъ ее или нѣсколько измѣняетъ; сѣзду дѣлаютъ то или иное предложеніе,—онъ принимаетъ предложеніе или отклоняетъ его. Роль сѣздовъ духовенства въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ чисто пассивная, работа не живая, а какая-то формальная, канцелярская. Если въ чемъ и проявляютъ сѣзды представителей духовенства нѣкоторую активность, то это *въ изысканіи средствъ* на удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ главнымъ образомъ духовно-учебныхъ заведеній, да въ выборѣ различныхъ должностныхъ лицъ; но такъ какъ часто и изыскивать средства бываетъ затруднительнымъ или невозможнымъ, то въ протоколахъ сѣздовъ фраза—„отказать по недостатку средствъ“ дѣлается все болѣе и болѣе стереотипной.

Прочитаешь протоколы иного особенно безцвѣтнаго по результатамъ сѣзда представителей духовенства—и невольно возникаетъ вопросъ, нужно ли было собираться для этого представителямъ духовенства съ разныхъ концовъ епархіи, отрываться отъ обычнаго дѣла, затрачивать на организацію сѣзда средства? По крайней мѣрѣ, работу такого сѣзда съ наименьшимъ усиліемъ могли бы исполнить три-четыре довѣренныхъ отъ духовенства священника.

Еще болѣе бросается въ глаза односторонность вопросовъ, разсматриваемыхъ на сѣздахъ представителей духовенства: это—вопросы почти исключительно матеріальнаго, имущественнаго характера. Никто не станетъ спорить противъ того, что и надлежащее рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ громадное значеніе въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, содер-

жимыхъ на средства духовенства, и въ жизни самаго духовенства. Справедливость требуетъ сказать также, что епархіальными и окружными съѣздами представителей духовенства весьма много сдѣлано для улучшенія матеріальнаго быта духовно-учебныхъ заведеній, развитія взаимопомощи среди духовенства и обезпеченія различныхъ благотворительныхъ учреждений, содержимыхъ или въ значительной степени субсидируемыхъ духовенствомъ. Но и въ этомъ отношеніи работа представителей духовенства часто сводилась къ изысканію средствъ и къ обсужденію уже готовыхъ проектовъ. Какъ бы то ни было, въ этой сферѣ духовенство въ лицѣ своихъ представителей проявляло и проявляетъ нѣкоторую, иногда значительную, инициативу и самостоятельность.

Но вопросы матеріальнаго характера, какъ бы ни были они важны, далеко не исчерпываютъ содержанія жизнедѣятельности духовенства; у него всегда достаточно вопросовъ гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ вопросы матеріальнаго характера, гораздо болѣе требующихъ именно совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія, — именно вопросы пастырскаго служенія и вопросы религіозно-нравственныя. А этихъ вопросовъ съѣзды представителей духовенства касаются весьма рѣдко, можно сказать, въ исключительныхъ случаяхъ. Что обсужденіе на епархіальныхъ и окружныхъ съѣздахъ представителей духовенства вопросовъ религіозно-нравственныхъ и вопросовъ пастырскаго служенія могло бы имѣть громадное значеніе для дѣятельности духовенства, — объ этомъ нѣтъ нужды говорить подробно. На съѣздахъ могутъ быть указываемы нравственныя болѣзни общества и народа и соотвѣтственныя средства и мѣры къ ихъ уврачеванію, мѣры и средства для борьбы съ расколомъ и сектанствомъ, средства предупрежденія и устраненія недоразумѣній между членами причта и членовъ причта съ прихожанами и проч.; — словомъ, съѣзды представителей духовенства могли бы служить для пастырей своего рода практической школой, гдѣ усилія одного пастыря находили бы поддержку въ другомъ и гдѣ, слѣдовательно, каждый священникъ

могъ бы находить нравственную поддержку и подкрѣпленіе для прохожденія своего служенія; здѣсь же, по взаимномъ обсужденіи, могли бы исправляться ошибки и недочеты, возможные во всякомъ, а тѣмъ болѣе многотрудномъ пастырскомъ служеніи. Черезъ посредство же съѣздовъ и епархіальные архіереи могли бы ближе и всестороннѣе знакомиться не только съ дѣятельностью подвѣдомственнаго ему духовенства, но и съ состояніемъ своей многочисленной паствы.

Едва ли можно находить препятствіе для такой постановки окружныхъ и епархіальныхъ съѣздовъ въ синодальныхъ распоряженіяхъ относительно устройства съѣздовъ и предметовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Известно, что вызваны къ жизни окружные и епархіальные съѣзды предоставленіемъ вѣдѣнію и заботамъ духовенства содержанія духовно-учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставленіемъ права духовенству выбирать изъ среды своей членовъ въ педагогическія собранія семинарскаго правленія, а потому синодальными опредѣленіями указаны съѣздамъ и соответственные предметы ихъ компетенціи. „Сверхъ сего епархіальные съѣзды духовенства могутъ, въ случаѣ надобности, собираться, по приглашенію епархіальнаго преосвященнаго и для обсужденія другихъ предметовъ, касающихся духовно-учебныхъ заведеній епархіи, какъ-то: соображеній о разграниченіи училищныхъ округовъ, учрежденія епархіальныхъ женскихъ училищъ, избранія членовъ въ совѣтъ сихъ училищъ, согласно § 15 уст. оныхъ, изысканія общихъ мѣръ къ усиленію средствъ содержанія учебныхъ въ епархіи заведеній, общей со стороны духовенства всей епархіи помощи какому-либо училищу въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ окружное духовенство не будетъ имѣть возможности, безъ особаго отъ епархіи воспособленія, содержать училище своего округа“. Таковы же синодальныя распоряженія и относительно окружныхъ съѣздовъ духовенства съ тою разницею, что кругъ вѣдѣнія этихъ съѣздовъ ограниченъ уѣздомъ. Въ этихъ синодальныхъ опредѣленіяхъ, правда, имѣющихъ за

собою значительную давность, дѣятельность съѣздовъ ограничена, главнымъ образомъ, заботами о матеріальномъ обезпеченіи духовно-учебныхъ заведеній и прямо указывается, что „епархіальные съѣзды не должны вдаваться въ обсужденіе вопросовъ стороннихъ, вовсе не относящихся къ устройству духовно-учебныхъ заведеній, не простираютъ своихъ притязаній на дѣла, подлежащія вѣдѣнію и рѣшенію семинарскихъ правленій, не вторгаться въ дѣла, предоставленныя III главою уст. дух. училищъ окружнымъ училищнымъ съѣздамъ“. Но сама жизнь и практика съѣздовъ, особенно епархіальныхъ, скоро значительно расширила кругъ предметовъ и вопросовъ, которые стали разсматриваться и рѣшаться на съѣздахъ. Съ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ, на съѣздахъ стали подвергаться обсужденію не только вопросы о матеріальныхъ нуждахъ самаго духовенства, но и вопросы религіозно-нравственнаго и пастырскаго характера, а также вопросы упрядоченія церковно-приходской жизни. Въ данномъ случаѣ съѣзды могли пользоваться тѣмъ постановленіемъ синодальнымъ, по которому, „для большей правильности въ ходѣ и порядкѣ совѣщаній своихъ, съѣзды составляютъ списки тѣхъ вопросовъ, обсужденіемъ которыхъ они намѣрены заняться, и представляютъ такой списокъ, чрезъ предсѣдателя, на усмотрѣніе епархіальнаго преосвященнаго“ (опр. Св. Сип. 13 — 20 дек. 1867 г.). Отъ епархіальнаго архіерея зависитъ не только утвердить или не утвердить такой списокъ вопросовъ, представленный ему съѣздомъ, но и указать ему новые вопросы, обсужденіемъ которыхъ съѣздъ долженъ заняться. Какъ бы то ни было, но исторія епархіальныхъ съѣздовъ показываетъ, что на нихъ разсматривались и рѣшались съ самаго начала ихъ существованія вопросы далеко не одного матеріальнаго характера ¹⁾. Такое расширение компетенціи и правъ съѣздовъ представителей духовенства не только не встрѣчало преграды со стороны Св.

¹⁾ Свящ. В. Богоявленскій: „Епархіальные съѣзды духовенства, ихъ дѣятельность и значеніе“, Омскъ, 1902 г., стр. 82—101.

Синода, но находило одобрение, хотя и косвенное. Такъ оберъ-прокуроръ Св. Синода во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 годъ писалъ: „Епархіальные преосвященные, вполне понимая всю пользу, какой можно ожидать отъ свободнаго обсужденія духовенствомъ разнообразныхъ предметовъ, касающихся матеріальнаго его быта, такъ и обязанности пастырскаго его служенія, начали въ этихъ видахъ все болѣе и болѣе поощрять учрежденіе въ своихъ епархіяхъ священническихъ съѣздовъ. Такіе съѣзды разрѣшены были въ епархіяхъ: Орловской, Казанской, Саратовской и Нижегородской. Предметы занятій на съѣздахъ: обмѣнъ мыслей, свѣдѣній и наблюденій по церковной практикѣ, разрѣшеніе разныхъ сомнѣній и недоумѣній, встрѣчающихся въ пастырской дѣятельности каждаго священника, сужденіе о мѣрахъ къ удовлетворенію нуждъ церквей и духовенства, къ благоустройству приходоу, церковно-приходскихъ школъ, церковныхъ попечительствъ, прекращеніе возникающихъ между членами причтовъ неудовольствій общими пастырскими увѣщаніями... Можно надѣяться, что при такомъ направленіи, при постоянномъ и просвѣщенномъ руководствѣ архипастырей, съѣзды, сблизивъ духовенство въ интересахъ пастырскаго служенія, будутъ со временемъ весьма важнымъ пособіемъ для епархіальныхъ начальствъ въ ихъ заботахъ о религіозно-правственномъ преусиѣніи своихъ паствъ. Несмотря на недавность учрежденія съѣздовъ, они приносятъ уже добрые плоды“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ оберъ-прокурорскаго отчета должная постановка епархіальныхъ и окружныхъ съѣздовъ не только находитъ свое полное одобрение, но въ нихъ же указывается приблизительная программа вопросовъ, могущихъ подлежать обсужденію съѣздовъ, и возможное и дѣйствительное ихъ значеніе.

Однако, съ тѣхъ поръ соотвѣтственныхъ распоряженій Св. Синода относительно расширенія области вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію съѣздовъ представителей

¹⁾ Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1866, стр., 107—108.

духовенства, не было издано,—и доселѣ такая или иная постановка съѣздовъ зависитъ частью отъ инициативы членовъ съѣзда, которые могутъ обращаться къ епархіальному архіерею съ просьбой о разрѣшеніи обсуждать тѣ или иные вопросы, главнымъ же образомъ отъ самого епархіальнаго архіерея, который можетъ предложить духовенству, собравшемуся на съѣздъ, на его обсужденіе вопросы, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ жизни и дѣятельности мѣстнаго духовенства. Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что съѣзды представителей духовенства, несмотря на свое болѣе, чѣмъ тридцатилѣтнее существованіе, не получили болѣе обстоятельной регламентаціи и болѣе широкой и соответствующей запросамъ жизни духовенства постановки, но, съ другой стороны, нужно желать, чтобы епархіальные и окружные съѣзды и въ настоящее время получали возможность и право подвергать обсужденію вопросы не только матеріальнаго характера, но и вопросы пастырской дѣятельности, вопросы церковно-приходской жизни и религіозно-нравственные. Пока такая постановка съѣздовъ представляетъ далеко незаурядное явленіе, а явленіе почти исключительное, и потому тѣмъ сильнѣе привлекаютъ вниманіе и интересъ тѣ съѣзды, которые, по своей сравнительно болѣе широкой постановкѣ, могутъ служить образцомъ для другихъ. Однимъ изъ такихъ съѣздовъ сессіи нынѣшняго года несомнѣнно является съѣздъ представителей духовенства *Самарской епархіи*, по предложенію своего архипастыря преосвященнаго Гурія, коснувшійся нѣкоторыхъ живыхъ и важныхъ вопросовъ пастырскаго характера и если не рассмотрѣвшій и не рѣшившій ихъ обстоятельно и всесторонне, то намѣтившій правильный путь къ ихъ дальнѣйшей разработкѣ¹⁾. Преосвященнымъ Гуріемъ самарскому съѣзду предложено было подвергнуть рассмотрѣнію вопросы о *мѣрахъ къ поднятію и улучшенію проповѣдничества и о мѣрахъ борьбы съ сектантствомъ*. Матеріалъ для обсужденія представители съѣзда имѣ-

¹⁾ Самарскія Епарх. Вѣд. 1903 г., № 18.

ли въ вопросахъ, выработанныхъ *проповѣдническими собраниями* духовенства 1-го округа Бузулукскаго уѣзда и *собраніемъ благочинныхъ* Новоузенскаго уѣзда. Для предварительнаго разсмотрѣнія этого матеріала и для извлеченія изъ него главныхъ положеній съѣздомъ была избрана коммиссія, которая представила съѣзду соотвѣтственный докладъ, затѣмъ подвергшійся обсужденію представителей самарскаго духовенства.— Кстатн замѣтимъ, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ епархіяхъ существуютъ проповѣдническія собранія, занимающіяся обсужденіемъ вопросовъ о мѣрахъ къ улучшенію проповѣдничества, и собранія благочинныхъ, вырабатывающія мѣры для борьбы съ сектанствомъ!

Далеко не лишены интереса и тѣ положенія, къ какимъ пришла представившая съѣзду докладъ коммиссія, и мнѣнія о.о. депутатовъ съѣзда. По вопросу о мѣрахъ къ поднятію и улучшенію проповѣдничества „первою мѣрою къ усиленію вліянія проповѣди коммиссіей было признано возвышеніе авторитета священника, какъ лица, облеченнаго богодарованною властью вязать и рѣшать, а также честная и незазорная жизнь священника, благоговѣйное, истовое и уставное совершеніе богослуженій и требосправленій и исповѣдь, во время которой священникъ долженъ обращать особое вниманіе на грѣхъ осужденія служителя алтаря Христова, па энитиміи и тѣ мѣста молитвы, въ коихъ особенно выражаются духовныя права священника и его высокія полномочія“. Въ числѣ же мѣръ къ поднятію авторитета священника коммиссіей указано и чтеніе святоотеческихъ поученій, съ упоминаніемъ, какого именно св. отца предлагается поученіе. О о. депутаты съѣзда вполне согласились съ мнѣніемъ коммисіи, что поднятіе авторитета священника въ приходѣ есть важнѣйшее условіе плодотворности проповѣди, такъ какъ безъ должнаго уваженія и довѣрія къ священнику проповѣди его будутъ неэффѣктивными. Вмѣстѣ съ тѣмъ о.о. депутаты высказали мысль о желательности и полезности братскихъ собраній священниковъ для обмѣна сужденій и недоумѣній. На собраніяхъ признано желатель-

нымъ предлагать общему обсужденію пастырей чѣмъ-либо замѣчательныя статьи журналовъ, учиться проповѣдничеству въ храмахъ за нарочитымъ богослуженіемъ, особенно, если собраніе будетъ приурочено къ приходскому празднику, какъ напр. закладка храмовъ, поднятіе крестовъ и проч. При этомъ о.о. депутаты замѣтили, что облекать братскія проповѣдническія собранія въ извѣстную уставную форму, придавать имъ оффиціальныя характеръ — это значить убивать ихъ жизнеспособность и полезность; а потому лучше предоставить эти братскія собранія доброму произволу самихъ священниковъ. Отрадно отмѣтить, что мысль о братскихъ пастырскихъ собраніяхъ ¹⁾ встрѣтила полное сочувствіе среди представителей самарскаго духовенства; будемъ надѣяться, что мысль эта вызоветъ сочувствіе и среди духовенства другихъ енархій, пастырскія собранія сдѣлаются обычной формой пастырскаго взаимообщенія, внесутъ въ пастырскую жизнь больше оживленія и благотворнымъ образомъ отразятся на дѣятельности пастырей. Не совсѣмъ понятна мысль о.о. депутатовъ създа о томъ, что „желательно учиться проповѣдничеству въ храмахъ за нарочитымъ богослуженіемъ“. Если это значить, что нѣкоторыя богослуженія во время закладки храмовъ, поднятія крестовъ и проч., когда бываетъ особенно много народу и молящихся, желательно обращать въ школы проповѣдничества, то съ этимъ едва-ли можно согласиться: хорошихъ проповѣдниковъ можно послушать и у нихъ поучиться и въ другихъ случаяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, назначать же нарочитыя богослуженія для того, чтобы во время этихъ богослуженій проповѣдникъ имѣлъ въ виду учить присутствующимъ священниковъ проповѣдничеству, а не народъ Слову Божію, — неудобно.

Относительно предмета проповѣди комиссія высказалась, что таковымъ ея предметомъ должны быть пороки, какъ пьян-

¹⁾ См. Руководство для сельскихъ пастырей 1903 г., № 12: „Пастырскія собранія, какъ выраженіе пастырскаго взаимообщенія“.

ство, и другіе недостатки, о коихъ священникъ долженъ быть освѣдомленъ и пожалуй даже вести для себя записи. При проповѣди совѣтуется обращаться къ дѣтямъ, чтобы развить въ нихъ сознаніе чувства церковнаго единенія. О.о. депутаты съѣзда согласились съ этими положеніями комиссіи, но при этомъ признали, что предметы проповѣди для пастырей Церкви такъ обширны и разнообразны, что указать и очертить кругъ ихъ невозможно. Всякій священникъ, внимательно относящійся къ своему дѣлу, всегда найдетъ предметъ для своего поученія.

По поводу заключенія комиссіи о томъ, что для улучшенія дѣла проповѣдничества необходимо болѣе основательное изученіе св. Писанія, о.о. депутатами было указано затрудненіе въ недостаткѣ пособій и выражено желаніе о развитіи библиотекъ церковныхъ и благотворительныхъ, какъ средствъ къ самообразованію и развитію духовенства. Проповѣдь же живымъ словомъ, рекомендованная комиссіей, признана съѣздомъ весьма желательной. О.о. депутаты по опыту знаютъ, что такая проповѣдь слушается съ большимъ вниманіемъ, потому что она удобопонятнѣй и ближе къ дѣлу и говорится болѣе душевно и проникновенно. Что же касается внѣшней стороны проповѣдничества, то комиссіей рекомендуется предъ произнесеніемъ печатныхъ поученій не только прочитывать ихъ, но и дѣлать отмѣтки, гдѣ нужно остановиться, понизить или повысить голосъ. Всѣ эти выработанныя комиссіей и принятыя депутатами самарскаго епархіальнаго съѣзда положенія относительно мѣры къ поднятію и улучшенію проповѣдничества, не отличаясь повизною, важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ выражается голосъ значительной группы пастырей и косвеннымъ образомъ указываются недостатки въ современномъ положеніи проповѣдничества.

Болѣе богатымъ содержаніемъ отличаются сужденія и постановленія съѣзда относительно мѣръ борьбы съ сектантствомъ. Въ качествѣ такихъ мѣръ были указаны слѣдующія: 1) необходимость возвышенія религіозно-правственной жизни

православныхъ прихожанъ въ селахъ, зараженныхъ сектантствомъ; 2) надлежащая постановка, въ цѣляхъ миссiи, законоучительства въ школахъ; 3) устройство попечительствъ и братствъ взаимопомощи въ приходсахъ съ сектантскимъ населенiемъ; 4) прiисканiе помощниковъ священнику въ миссiонерскомъ дѣлѣ изъ среды приходскаго населенiя; 5) неопустительное веденiе вѣббогослужебныхъ собесѣдованiй и 6) необходимость усиленной подготовки воспитанниковъ семинарiи къ миссiонерскому дѣлу.

Наибольшiй интересъ и болѣе обстоятельное обсужденiе на сѣздѣ вызвалъ вопросъ объ устройствѣ попечительствъ и братствъ взаимопомощи среди прихожанъ. Собранiемъ о.о. депутатовъ было признано, что если бы возможно было дать надлежащую постановку приходской благотворительности, то тѣмъ самымъ устранилась бы необходимость спеціальнiи миссiи: видя добрую жизнь и дружелюбное взаимное расположенiе православныхъ, сектанты мало по малу стали бы принимать православiе. Это положенiе было подтверждено фактомъ обращенiя въ православiе нѣсколькихъ раскольниковъ, подъ влиянiемъ дружескаго братства, созданнаго трезвенниками въ Петербургѣ. Главное препятствiе къ устройству братствъ взаимопомощи указано было сѣздомъ въ затруднительности изыскать достаточныя средства для содержанiя такихъ братствъ, такъ какъ прихожане охотнѣе жертвуютъ на сооруженiе храма, чѣмъ, напр., на устройство богадѣльни или школы. Мысль объ устройствѣ епархiальнаго братства взаимопомощи, изъ котораго могли бы быть выдаваемы нарочитыя субсидiи въ каждомъ случаѣ острой нужды, была признана неподходящей вслѣдствiе недостаточной жизненности и запаздыванiя пособiй, при неизбѣжной въ такомъ случаѣ канцелярской перепискѣ, а, главное, вслѣдствiе несоотвѣтствiя подобнаго учрежденiя общему характеру христіанской благотворительности, состоящей не въ выдачѣ денежныхъ пособiй, а въ развитiи сознанiя и чувства братской любви, когда каждый знаетъ, помогая другому, что и онъ въ этомъ другомъ, въ случаѣ нужды, най-

деть поддержку. По мнѣнію о.о. депутатовъ съѣзда, для того, чтобы создать благотворительныя братства взаимопомощи, необходимо сначала соединить, подъ руководствомъ священника, христіански-настроенныхъ прихожанъ. Только тогда подобная организація получить жизненную силу, когда сплотятся между собою добрые люди прихода; они уже сами придумаютъ средства помочь ближнему. Поэтому прежде развитія частной приходской благотворительности и ранѣе организаціи братствъ взаимопомощи надлежитъ имѣть попеченіе *объ организаціи прихода*, о развитіи *приходскаго самосознанія*,—сознанія связи прихожанъ между собою, какъ членовъ одной религіозной общины, одного прихода. Симпатичная мысль объ устройствѣ приходскихъ братствъ взаимопомощи, какъ одного изъ важныхъ средствъ борьбы съ сектантствомъ, сильнымъ именно своею сплоченностью и единеніемъ не только на почвѣ духовныхъ интересовъ, но и матеріальной взаимопомощи, и соображенія, высказаннаго на самарскомъ съѣздѣ представителями духовенства, имѣютъ большое значеніе. Разнообразная жизнь прихожанъ представляетъ весьма подходящую почву для пропаганды сектантовъ и борьба съ ними ихъ же оружіемъ несомнѣнно дала бы хорошіе результаты. Едва ли можно совершенно отрицать существованіе среди прихожанъ сознанія своей связи, какъ членовъ одной приходской общины; нужно только создать институты, въ которыхъ это приходское самосознаніе находило бы должную форму своего проявленія. Конечно, въ данномъ отношеніи, можно сказать, почти все дѣло зависитъ отъ личной энергіи и заботливости приходскаго священника. Вѣдь сами же о.о. депутаты самарскаго съѣзда по вопросу о помощникахъ священникамъ изъ числа прихожанъ въ дѣлѣ миссіи заявили, что почти въ каждомъ приходѣ есть такіе миссіонеры-ревнители, что чрезъ нихъ приходскій священникъ знакомится съ положеніемъ сектантства и раскола, отъ нихъ узнаетъ новыя теченія мысли въ средѣ враждебно настроенныхъ сектантовъ, они же помогаютъ ему въ частныхъ собесѣдованіяхъ при посѣщеніи той или другой

деревни. Подобные прихожане могут послужить превосходнымъ зерномъ братства сначала на почвѣ духовныхъ интересовъ, а потомъ и на почвѣ матеріальной взаимопомощи. Дѣло это столь важное, что его необходимо осуществить, хотя бы не сразу, а медленно и постепенно.

Интересно еще заявленіе съѣзда по вопросу о необходимости возвышенія религіозно - нравственной жизни прихожанъ въ селахъ, зараженныхъ сектантствомъ, что главнымъ препятствіемъ такового воздѣйствія пастыря на прихожанъ служить *недостатокъ у священниковъ свободного времени*. Богослуженіе, исполненіе приходскихъ требъ, необходимость готовиться къ проповѣданію Слова Божія въ храмъ и законоучительство въ школахъ, по заявленію о.о. депутатовъ, занимаетъ весь день настолько, что *нѣтъ физической возможности для принятія мѣръ къ улучшенію духовной жизни паствы*. Тутъ какое то недоразумѣніе: вѣдь все то, чѣмъ, по указанію о.о. депутатовъ, занять день священника, и должно служить мѣрами къ улучшенію духовной жизни паствы; сами отцы депутаты указываютъ еще необходимость устройства обществъ трезвости, чтеній, собесѣдованій и распространенія печатныхъ поученій религіозно-нравственнаго и противосектантскаго характера. Нужно надѣяться, что у болѣе энергичныхъ пастырей найдется время для осуществленія и указанныхъ о.о. депутатами мѣръ къ возвышенію религіозно-нравственной жизни прихожанъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ заявленія о.о. депутатовъ самарскаго съѣзда по вопросу о законоучительствѣ въ школахъ, что поручить въ крайнихъ случаяхъ законоучительство въ школахъ приходскимъ діаконамъ представляется затруднительнымъ въ виду недостаточной подготовки большинства діаконовъ къ законоучительству при слишкомъ низкомъ уровнѣ образованія и *въ виду несоответствія нѣкоторыхъ діаконовъ (посвященныхъ въ этотъ санъ изъ учителей земскихъ школъ) общему направленію церковной школы*, такъ какъ въ дѣлѣ законоучительства самое главное *воспитательное* влія-

ніе, — розвитіе въ дѣтяхъ *христіанскаго настроенія*. Непонятно, какъ же такіе діаконы могутъ быть священнослужителями!

Общее постановленіе самарскаго епархіального съѣзда таково по вопросамъ о борьбѣ съ сектантствомъ. „Для возвышенія приходской жизни вообще и для веденія внутренней миссіи въ особенности, *необходимо возможно тѣсное единеніе и взаимопомощь духовныхъ дѣятелей*, которое можетъ выразиться: а) въ пастырскихъ собраніяхъ для обсужденія мѣропріятій, касающихся вопросовъ сектантства; б) въ привлеченіи, подь руководствомъ и при душевномъ участіи священниковъ, всѣхъ членовъ клира къ церковно-просвѣдительной дѣятельности (законоучительство, чтенія, бесѣды, распространеніе книгъ и брошюрь религіозно-нравственнаго содержанія); в) въ сближеніи, подь руководствомъ священниковъ, христіански настроенныхъ прихожанъ для совмѣстной нравственно - воспитательной и благотворительной дѣятельности въ приходяхъ съ сектантскимъ населеніемъ (устройство благотворительныхъ братствъ и обществъ трезвости); г) въ привлеченіи къ дѣлу миссіи, подь руководствомъ и при участіи священниковъ, начетчиковъ - ревнителей изъ числа прихожанъ, и наконецъ д) въ своевременномъ и возможно серьезномъ подготовленіи будущихъ пастырей къ мисіонерскому служенію и проповѣданію Слова Божія, при опытномъ руководствѣ преподавателей, чрезъ личное ознакомленіе воспитанниковъ семинаріи съ сектантами на бесѣдахъ при духовной семинаріи и въ селахъ, если будутъ ведены собесѣдованія съ извѣстными раскольниками и сектантскими начетчиками“ ¹⁾.

Выводъ изъ разсмотрѣнія сужденій и постановленій самарскаго съѣзда представителей духовенства по вопросамъ пастырскаго характера тотъ, что съѣздъ съ должнымъ вниманіемъ и серьезностью отнесся къ предложеннымъ на его

¹⁾ Самарскія епарх. вѣд. 1903 г., № 18, стр. 207.

обсужденіе вопросамъ, и нужно надѣяться, что постановленія съѣзда не останутся безъ вліянія на дѣятельность самарскаго духовенства. Остается пожелать, чтобы и съѣздамъ духовенства другихъ епархій, по примѣру Самарской, предоставлена была возможность подвергать обсужденію живые и насущные вопросы пастырской дѣятельности. Пока же самарскій съѣздъ въ настоящемъ году является исключительнымъ.

А. Тр.

¹⁾ См. № 42 с. г.

²⁾ Твореній т. 2, стр. 627.

³⁾ Тамъ же стр. 569; также стр. 743: „Не душа уже только, но и самое тѣло ихъ стало причастнымъ большей благодати“.

Почитаніе свв. угодниковъ и св. мощей, по свидѣтельству Іоанна Златоустаго ¹⁾).

Древніе христіане любили и почитали св. останки не только по любви къ памяти мучениковъ, но и потому, что считали ихъ дорогими Самому Христу. Въ этомъ смыслѣ высказывается Златоустъ отъ лица древней Церкви, когда говоритъ о тѣлѣ мученицы Пелагіи, что „Ангелы окружали его, и всѣ архангелы почитали, и Христось былъ при немъ. Если господа сопровождаютъ болѣе достойныхъ рабовъ своихъ умершихъ, и не стыдятся,—то тѣмъ болѣе Христось не постыдился почтить Своимъ присутвіемъ ту, которая за Него положила свою душу“. ²⁾ Наблюдая нетлѣніе св. мощей и получая отъ нихъ безчисленныя исцѣленія, древніе христіане приписывали это не свойству самихъ тѣлъ, а пребывающей въ нихъ силѣ Божіей: „не на то гляди, что лежитъ предъ тобою нагое тѣло мученика, лишенное душевной дѣятельности, говоритъ Златоустъ у мощей мученика Вавилы, а разсмотри то, что въ немъ присутствуетъ иная, высшая самой души, сила, благодать Святаго Духа, которая чрезъ свои чудотворенія всѣмъ говоритъ въ защиту воскресенія“. ³⁾ Однако чудотво-

¹⁾ См. № 42 с. г.

²⁾ Твореній т. 2, стр. 627.

³⁾ Тамъ же стр. 569; также стр. 743: „Не душа уже только, но и самое тѣло ихъ стало причастнымъ большей благодати“.

реніями не исчерпывается духовная польза св. мощей. Значеніе ихъ въ религіозно-правственной жизни христіанъ Іоаннъ Златоустъ изображаетъ по одному случаю гораздо шире. Именно, Антиохійцы любили въ дни мірскихъ языческихъ зрѣлищъ выходить въ Дафну—предмѣстье города, славившееся садами, обиліемъ источниковъ, вообще богатою природою, и проводили тамъ время въ шумныхъ мірскихъ удовольствіяхъ даже и тогда, когда дни зрѣлищъ совпадали съ христіанскимъ праздникомъ. Такъ было одинъ разъ и въ день памяти мученика Юліана (21 іюня). По этому поводу Златоустъ, предостерегая христіанъ отъ увлеченія и пренебреженія праздникомъ, говорилъ въ храмѣ: „Зачѣмъ, скажи мнѣ, спѣшишь ты въ это предмѣстье города! Вотъ здѣсь—предмѣстье горняго Іерусалима; вотъ здѣсь—Духовная Дафна! Тамъ источники водъ, здѣсь источники мучениковъ; тамъ кипарисы, безплодныя деревья, здѣсь останки святыхъ, корпи насажденія на землѣ, и простирающіяся до неба вѣтви. Хочешь видѣть и плодъ этихъ вѣтвей? Открой очи вѣры, и я тотчасъ покажу тебѣ естество этихъ дивныхъ плодовъ. Плодъ этихъ вѣтвей не яблоки, не орѣхи, и не другое что-нибудь тлѣнное и погибающее, но исцѣленіе увѣчныхъ тѣлъ, отпущеніе грѣховъ, истребленіе порока, уврачеваніе душевныхъ болѣзней, непрестанная молитва, дерзновеніе предъ Богомъ, все—духовное и преисполненное небесныхъ благъ. Эти плоды, постоянно срываемые, всегда остаются въ изобиліи, и никогда не бываетъ въ нихъ недостатка у тѣхъ, кто ихъ воздѣлываетъ... всегда они стоятъ въ одинаковомъ благолѣпіи; не касается ихъ ни тлѣніе, ни перемѣна временъ. Такъ, столь многіе съ тѣхъ поръ, какъ это тѣло (муч. Юліана) насаждено на землѣ, собирали безчисленныя исцѣленія отъ этой святой гробницы, и однако плодовъ не убавилось—жатвы пожинали, а колосья не оскудѣли; черпали изъ источника, а потоки не пустѣли; напротивъ, происходитъ нѣкоторый постоянный приливъ, никогда не изсякающій, но въ замѣнъ почерпаемаго всегда производящій еще обильнѣйшее чудо. Впрочемъ, не только совер-

шаются чудеса, но и преподаются уроки любомудрія“¹⁾. По обилію благодатныхъ дарованій отъ св. мощей Іоаннъ Златоустъ называетъ ихъ *источниками, корнями, мгромъ*: „Почему? потому что каждый изъ упомянутыхъ предметовъ не удерживаетъ собственной доброты въ себѣ только, но и распространяетъ ее на далекое разстояніе. Напримѣръ: источники даютъ много воды и не удерживаютъ ее въ своихъ нѣдрахъ, но, производя длинныя рѣки, соединяются съ моремъ, и длиною ихъ какъ бы берутся за морскія воды. Также корень растеній скрывается внизу, въ нѣдрахъ земли, но не удерживаетъ всей силы своей въ глубинѣ; и особенно таково свойство виноградныхъ лозъ, вьющихся по деревьямъ.. Таково свойство и мура: часто онъ лежитъ въ коморкѣ, но благоуханіе его распространяется чрезъ окна на улицы, переулки и площади, и ходящимъ внѣ даетъ знать о скрывающейся внутри добротѣ ароматовъ. Если же источникъ, и корень, и растенія и ароматы по природѣ своей имѣютъ такую силу, то гораздо болѣе тѣла святыхъ; а что сказанное мною не ложно,—свидѣтели вы сами. Такъ тѣло этого мученика лежитъ во Фракіи; а вы не во Фракіи находясь, но стоя далеко отъ той стороны, ощущаете благоуханіе на такомъ разстояніи,—и поэтому и собрались, такъ что ни дальность пути не воспрепятствовала, ни продолжительность времени не заглушила“ (благоуханія)²⁾.—Изъ послѣднихъ словъ Златоуста между прочимъ видно, что въ его время были такіе угодники, почитаніе коихъ не было мѣстныхъ только, не ограничивалось т. е. предѣлами того округа, гдѣ лежали мощи, но память ихъ праздновалась во многихъ помѣстныхъ Церквяхъ; память же другихъ угодниковъ безъ сомнѣнія совершалась и во всей вселенской Церкви³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 720.

²⁾ Тамъ же, стр. 645.

³⁾ Въ книгѣ „Постановленій апостоловъ“ читаемъ: „Да не работаютъ во дни апостоловъ; ибо они были наставниками вашими во Христѣ и даровали вамъ св. Духа; да празднуютъ въ день первомученика Стефана и

Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуеть также, что древняя Церковь почитала св. мощи не только въ томъ случаѣ, когда имѣлось на лицо цѣлое тѣло, но также и въ томъ, когда отъ мученика оставались только части тѣла, иногда однѣ только кости или даже прахъ его, напр. послѣ сожженія. Мы уже видѣли, что гораздо еще ранѣе времени Златоуста Церковь почитала мощи св. Игнатія Богоносца, представлявшія „твердѣйшія части“ тѣла его; также—„кости“ муч. Поликарпа Смирнскаго. Во время Іоанна Златоуста въ Антиохіи были мощи мученика Вавилы, представлявшія изъ себя „только кости и прахъ“; отъ нихъ совершались чудеса и множество стекалось къ нимъ людей¹⁾. Великомученица Дросида была сожжена на кострѣ; прахъ ея почивалъ въ гробницѣ въ Дафнѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ одно время говорилъ о ней съ церковной кафедры: „о, чудный костеръ! Какое сокровище содержалъ онъ—этотъ прахъ и пепель дорогой болѣе всякаго золота, благовоннѣйшій всякихъ ароматовъ, драгоцѣннѣйшій всякихъ камней! И въ самомъ дѣлѣ, чего не можетъ сдѣлать богатство и золото, то могутъ — останки мучениковъ. Золото никогда ни болѣзни не исцѣляло, ни смерти не прогоняло; а кости мучениковъ совершали и то и другое, одно при нашихъ предкахъ, другое при насъ“²⁾. Этими фактами устраняется неправильный взглядъ тѣхъ, которые полагають, что подъ мощами разумѣется будто-бы только цѣльное тѣло, а не и части тѣла мученика. Очевидно, въ древней Церкви св. останки почитались мощами не по количеству и составу ихъ, а по силѣ благодати св. Духа, дѣйствующей въ нихъ. „Не говори мнѣ о прахѣ, такъ обращался Златоустъ къ своимъ слушателямъ, не представляй пепла и истлѣвшихъ отъ времени костей, но открой очи вѣры и посмотри на присущую

во дни прочихъ свв. мучениковъ, которые предпочли Христа своей жизни“
кн. VIII гл. 33 и у м. Макарія Правосл.—догмат. Богословіе, т. II. 1883 г.
стр. 548.

¹⁾ Тамъ же, стр. 594.

²⁾ Тамъ же, стр. 737.

имъ силу Божию, на обтекшую ихъ благодать Духа, на окружающую ихъ славу небеснаго свѣта“ 1).

Присутствіемъ въ мощахъ благодати Духа Святаго объясняется то, что, не только св. мощи, даже гробницы и раки мученическія были для вѣрующихъ источникомъ благодатныхъ исцѣленій и благословеній. Такъ, говоря о мощахъ св. Игнатія Богоносца, Златоустъ замѣчаетъ: „Можеть, поистинѣ можеть, приходящій сюда съ вѣрою получить великія блага, потому что не только тѣла, но и самыя гробницы святыхъ исполнены духовной благодати. Если при Елисеѣ случилось, что мертвый, прикоснувшись только къ гробницѣ, расторгъ узы смерти и возвратился къ жизни, то гораздо болѣе нынѣ, когда благодать обильнѣе, когда дѣйствіе Духа сильнѣе, прикасающійся къ этой гробницѣ съ вѣрою можеть получить отъ нея великую силу.“ „Будемъ обнимать ихъ гробницы, увѣщаваеть Златоустъ, потому что и гробницы могутъ имѣть великую силу, равно какъ и кости мучениковъ имѣють великую силу“ 2). Іоаннъ Златоустъ передаетъ, что древніе христіане пользовались ради благодатной помощи также елеемъ изъ лампадъ, висѣвшихъ у св. мощей, и получали исцѣленія. „Оставайся, говоритъ онъ, при гробѣ мученика, проливай тамъ источники слезъ, сокрушайся душою, получай благословеніе отъ гроба; приобрѣтши ходатайство его въ молитвахъ, проводи всегда время въ слушаніи повѣствованій объ его подвигахъ, обнимай его гробницу, пригвозди себя къ его ракъ, потому что не только кости мучениковъ; но и гробы ихъ и раки источаютъ великое благословеніе. Прими святый елей и помажь все свое тѣло, языкъ, уста, шею, глаза, и никогда не впадешь

1) Тамъ же стр. 662. — Присоединимъ къ этому свидѣтельство св. Григорія Богослова о прахѣ священномученика Кипріяна: „изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе болѣзней, предвѣденіе будущаго, — все сіе, при помощи вѣры, можеть подавать даже *прахъ* Кипріяновъ, какъ знаютъ извѣдавшіе сіе опытомъ, отъ которыхъ и намъ передана память о чудѣ и будетъ передаваться будущимъ временамъ“.—Творенія ч. 2 изд. 3 стр. 214.

2) Тамъ же, стр. 641—686.

въ кораблекрушеніе пьянства, такъ какъ елей своимъ благоуханіемъ напоминаетъ тебѣ о подвигахъ мучениковъ, обуздываетъ всякое невоздержаніе, удерживаетъ въ великомъ терпѣніи и побѣждаетъ душевныя болѣзни¹⁾).

Бывали случаи чудесныхъ исцѣленій отъ св. угодника, когда останки тѣла почивали еще въ землѣ. Тогда послѣдніе износились изъ нѣдръ земли по особому внушенію отъ Бога и полагались въ храмъ для прославленія и благоговѣйнаго почитанія. Такъ было напр. съ мощами мученика Вавилы. По свидѣтельству Іоанна Златоуста, „послѣ того, какъ онъ былъ погребенъ, какъ самъ завѣщаль, и прошло уже много времени послѣ его погребенія, такъ что въ гробъ остались только кости и прахъ, одному изъ послѣдующихъ царей угодно было перенести эту гробницу въ это предмѣстье—въ Дафну; угодно было потому, что *Богъ подвинулъ къ тому душу царя*“²⁾. Этотъ случай, а равно и другіе показываютъ, что св. мощи, бывъ положены въ гробницы или раки, не предавались уже землѣ, а ставились въ храмъ ради благоговѣйнаго почитанія. Замѣчаніе же Златоуста, что „Богъ подвинулъ душу царя“ открыть св. мощи, означаетъ, что открытіе мощей совершалось, какъ совершается во всѣ времена по волѣ Божіей. Вообще древняя Церковь вѣрила, что явленіе въ ней св. мощей, нетлѣніе ихъ и чудеса есть дѣло Промысла Божія, дарующаго намъ разные пути и средства ко спасенію. Эту вѣру Церкви Златоустъ излагаетъ слѣдующими словами: „Богъ, человѣколюбивый и дающій намъ безчисленные случаи ко спасенію, вмѣстѣ съ прочими путями, проложилъ намъ и этотъ, достаточно призывающій

¹⁾ Тамъ же, стр. 712.

²⁾ Тамъ же, стр. 594.—Это былъ царь Галль. Объ этомъ самомъ рассказываетъ и Эрмій Созомень. Церков. Истор. 1851 г. кн. 5, гл. 19, стр. 360. — Однако впослѣдствіи, по приказанію Юліана Отступника, гробъ, этого мученика опять былъ перенесенъ христіанами въ Антіохію: Юліанъ не могъ терпѣть сего мученика за его силу и обильныя чудеса въ томъ мѣстѣ (Дафнѣ), гдѣ стояли безпомощные идолы царя.

насъ къ добродѣтели, оставивъ пока у насъ мощи святыхъ. И подлинно, послѣ силы слова, второе мѣсто занимають гробы святыхъ въ дѣлѣ возбужденія взирающихъ на нихъ душъ къ такой же ревности; и когда кто предстанетъ гдѣ-нибудь предъ такой гробницей, онъ тотчасъ начинаетъ ясно чувствовать ея дѣйствіе. Видѣ гробницы, проникая въ душу, и поражаетъ ее, и возбуждаетъ, и приводитъ въ такое состояніе, какъ будто самъ лежащій въ ней молится вмѣстѣ, стоитъ предъ нами и мы видимъ его; и такимъ образомъ, испытывающій это, исполняется великой ревности и уходитъ отсюда, сдѣлавшись инымъ человѣкомъ... Часто одинъ взглядъ на одежду умершихъ и одно слово ихъ, пришедшее на умъ, возбуждаетъ душу и восстанавливаетъ слабѣющую о нихъ память. Поэтому Богъ и оставилъ намъ мощи святыхъ“. 1) Въ другой разъ у мощей мученика Юліана, брошеннаго въ море, Златоустъ говорилъ: „Море взяло его не для того, чтобы умертвить, но чтобы увѣнчать, и, увѣнчавъ, возвратить намъ тѣло мученика, этотъ святой ковчегъ; его мы хранимъ до настоящаго дня, какъ сокровищницу безчисленныхъ благъ. Богъ раздѣлялъ съ нами мучениковъ: Самъ взявъ душу ихъ, тѣла Онъ какъ бы далъ намъ, чтобы святые кости ихъ были у насъ постояннымъ напоминаніемъ объ ихъ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, кто смотритъ на окровавленное оружія бойца, на его щитъ, копье, латы, тотчасъ, хотя бы это былъ лѣнивейшій изъ всѣхъ, вскакиваетъ, горячится, и стремится къ войнѣ, видомя этого оружія побуждается къ совершенію такихъ же подвиговъ,—то мы, взирая не на оружіе, а на самое тѣло святаго, удостоившееся быть окровавленнымъ за исповѣданіе Христово, хотя бы мы были боязливѣе всѣхъ, можемъ ли не возымѣть великой ревности, когда это зрѣлище, какъ какой огонь, проникаетъ въ нашу душу и призываетъ насъ на такой же подвигъ? Для того Богъ оставилъ намъ тѣла святыхъ до времени воскресенія, чтобы мы имѣли въ нихъ урокъ величайшаго любомудрія“. 1) Поэтому св. мощи цѣни-

*) Тамъ же, стр. 719.

лись какъ даръ Божій ¹⁾. Таково было воззрѣніе древней Церкви на св. мощи.

Что древніе хрястіане вѣрили въ молитвенное ходатайство свв. угодниковъ предъ Богомъ за людей и обращались къ нимъ съ молитвами, объ этомъ также свидѣтельствуемъ Іоаннъ Златоустъ. Напр. въ похвальной бесѣдѣ о мученикахъ по случаю перенесенія св. мощей изъ Египта въ Константинополь Іоаннъ Златоустъ говорилъ: „Не только противъ козней людей и противъ коварства бѣсовъ полезно намъ это сокровище, возлюбленный, но еслибы прогнѣвался на насъ и общій нашъ Владыка за множество грѣховъ, то, предложивъ въ защиту себя эти тѣла, мы скоро сможемъ преклонить Его на милость къ городу. Если совершившіе великіе подвиги, при праотцахъ нашихъ, предлагая въ защиту имена святыхъ мужей и прибѣгая къ наименованію Авраама, Исаака и Іакова, получали нѣкоторыя утѣшенія, а отъ воспоминанія этихъ именъ получали великую пользу, то много болѣе мы, предлагая въ защиту не имена только, но и самыя тѣла подвизавшіяся, въ состояніи будемъ преклонить Бога на милость, снисхожденіе и благоволеніе. А что слова наши не хвастовство, знаютъ многіе и изъ здѣшнихъ жителей и изъ пришельцевъ съ другихъ мѣстъ; (они знаютъ) какова сила этихъ святыхъ и подтвердятъ сказанное, извѣдавъ на собственномъ опытѣ дерзновеніе ихъ предъ Богомъ“ ²⁾. Въ другой разъ, именно въ праздникъ мученицъ—дѣвъ Верники и Просдоки и матери ихъ Домнины, Златоустъ говорилъ къ своимъ слушателямъ: „Можетъ быть, велика стала у васъ любовь къ этимъ святымъ: будемъ же съ этимъ пламенемъ припадать къ ихъ останкамъ; будемъ обнимать ихъ гробницы; потому что и гробницы мучениковъ могутъ имѣть великую силу, равно какъ и кости мучениковъ имѣютъ великую силу. И не только въ день этого праздника, но и въ другіе дни будемъ постоян-

¹⁾ Стр. 741.

²⁾ Твореній т. 2, стр. 742.

но при нихъ, будемъ призывать ихъ, будемъ просить, чтобы онѣ были нашими предстательницами; онѣ имѣютъ великое дерзновеніе не только при жизни, но и по смерти, и гораздо болѣе по смерти, потому что нынѣ онѣ носятъ язвы Христовы, а показывая эти язвы, онѣ могутъ о всемъ умолить Царя“ ¹⁾. Св. Мелетія Златоустъ называетъ „участникомъ молитвы“ нашей къ Богу, и, заканчивая бесѣду о мученицѣ Целэгіи, самъ испрашиваетъ молитвъ ея ²⁾.—Эти свидѣтельства Іоанна Златоуста ясно удостоверяютъ вѣру древней Церкви въ ходатайство свв. угодниковъ за людей предъ Богомъ.—При этомъ Златоустъ очень часто напоминаетъ своимъ слушателямъ, что для полученія помощи какъ молиться свв. угодникамъ, такъ равно прикасаться и къ ихъ мощамъ должно съ вѣрою. „Съ вѣрою прикоснемся къ этимъ гробницамъ, говорилъ онъ у мощей свв. мучениковъ, воспламенимся душою, подыmemъ плачь. Много грѣховъ совершено нами,—и великихъ грѣховъ; поэтому мы имѣемъ нужду въ великомъ врачеваніи, въ крѣпкомъ исповѣданіи“ ³⁾. Будемъ же постоянно приходить къ нимъ, прикасаться къ гробницѣ ихъ и съ вѣрою обнимать ихъ останки, дабы получить отсюда нѣкоторое благословеніе. Какъ воины, указывая на раны, полученныя ими отъ враговъ, съ дерзновеніемъ бесѣдуютъ съ царемъ,—такъ и они, неся на рукахъ отсѣченныя головы свои и выставляя на видъ, легко могутъ получить все, чего ни пожелаютъ, отъ Царя небеснаго. Итакъ, съ вѣрою великою, съ великимъ усердіемъ будемъ приходить туда, чтобы и отъ вида этихъ святыхъ памятниковъ, и отъ мысли о подвигахъ, и отъ всего получивъ много великихъ сокровищъ, могли мы и настоящую жизнь провести согласно съ волею Божію и въ ту пристань приплыть съ великою прибылью“ ⁴⁾.

Питая такую вѣру въ ходатайство свв. угодниковъ и получая обильныя благодатныя милости и исцѣленія у мощей ихъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 686—687. .

²⁾ Тамъ же, стр 562 630. .

³⁾ Стр. 695.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 623.

древніе христіане любили ходити на богомольє въ мученическіе храмы и на поклоненіе св. мощамъ въ дни памяти мучениковъ. Этотъ обычай такъ и назывался „хожденіемъ“, или „выходомъ“ къ мученикамъ. Примѣръ усердія подавали сами епископы. Такъ еп. Флавіанъ Антиохійскій, по свидѣтельству Златоуста, выводилъ свою паству въ Дафну на поклоненіе свв. мученикамъ и ихъ мощамъ.

При одномъ такомъ случаѣ, именно въ день памяти великомученицы Дросиды (14 дек.), Златоустъ говорилъ богомольцамъ бесѣду о пользѣ хожденія на богомолье. ¹⁾ Иные изъ христіанъ, особенно потерпѣвшіе много въ жизни, проявляли столько усердія и преданности свв. угодникамъ, что оставались навсегда у св. мощей съ цѣлью посвятить себя добровольному служенію при храмѣ. ²⁾

Какое нравственно-обновляющее вліяніе на народъ имѣли эти паломничества, видно изъ слѣдующихъ словъ Златоуста, сказанныхъ по случаю поклоненія святымъ мощамъ муч. Вавилы: „Какъ вначалѣ я говорилъ, такъ и теперь говорю: каждый пусть не только въ настоящій часъ удивляется мученику, но и отходя домой, пусть ведетъ съ собою этого святаго, пусть введетъ его въ свой домъ, или лучше—въ свое сердце посредствомъ воспоминанія о сказанномъ. Прими его, какъ выше сказано, и въ сердцѣ своемъ поставь его съ простертою рукою, прими увѣщаннаго побѣдителя и никогда не попускай ему выйти изъ ума твоего. Для того мы и привели васъ къ гробницамъ святыхъ мучениковъ, чтобы и отъ взгляда на нихъ вы получили нѣкоторое побужденіе къ добродѣтели и, подготовились къ той же ревности... Гробъ мучениковъ есть воинскій шатеръ; и если ты откроешь очи вѣры, то увидишь здѣсь лежащую броню правды, щитъ вѣры, шлемъ спасенія, обувь благовѣствованія, мечъ духовный, сонную голову діавола, поверженную на землю. Познай же

¹⁾ Тамъ же, стр. 730.

²⁾ Стр. 594.

духовное ихъ всеоружіе, и ты отойдешь отсюда, получивъ величайшую пользу“. ¹⁾ „Гробницы мучениковъ, говорилъ Златоустъ въ другой разъ, суть не что иное, какъ безопасныя гавани, источники духовныхъ водъ, сокровища, богатства неисчерпаемыя. Какъ гавани, принимая корабли, заливаемые множествомъ волнъ, поставляютъ ихъ въ безопасность, такъ точно и гробницы мучениковъ, принявъ наши души, заливаемые житейскими дѣлами, поставляютъ ихъ въ великую тишину и безопасность. И какъ источники холодныхъ водъ оживляютъ тѣла, изнуренныя трудомъ и жаромъ, такъ точно и эти гробницы прохлаждаютъ души опаленныя неумѣстными страстями, и погашаютъ при одномъ на нихъ взглядѣ и неумѣстную похоть, и изсушающую зависть, и пламенный гнѣвъ, и все другое, что ни тревожило бы насъ“ и т. д. ²⁾ Судя по примѣру Іоанна Златоуста, можно думать, что какъ онъ, такъ и другіе предстоятели церкви заботились, чтобы богомольцы, возвращаясь домой, и по пути и дома повѣдали всѣмъ братіямъ о подвигахъ, страдашихъ и чудесахъ свв. угодниковъ, передавали бы слышанныя наставленія и прочимъ, чтобы такимъ образомъ и оставшіеся дома насладились той же „духовной трапезы“, какой участниками были сами. Такъ, напутствуя поклонниковъ у св. мощей муч. Пелагин, Іоаннъ Златоустъ говорилъ имъ между прочимъ: „Путь весьма длиненъ; воспользуемся же длиннотою его для того, чтобы возобновить въ памяти сказанное; наполнимъ многолюдный путь ароматами. Подлинно, не столь прекраснымъ показался бы этотъ путь, еслибы кто нибудь, разложивъ по нему кадила, наполнилъ воздухъ благовоіемъ, сколь прекраснымъ покажется онъ теперь, если всѣ, идущіе по нему сегодня, пойдутъ домой, рассказывая другъ другу подвиги мученицы, и каждый сдѣлаетъ языкъ свой кадилалицею... Примите на себя попеченіе о нашихъ братіяхъ, расположите ихъ припоминать и

¹⁾ Тамъ же, стр. 728.

²⁾ Тамъ же, стр. 694.

повторить сказанное, чтобы, занявшись этимъ во время пути, а также и дома оставшимся и оставленнымъ принести остатки этой трапезы, составить и тамъ свѣтлое пиршество. Такимъ образомъ мы и больше насладимся этимъ праздникомъ, и приобрѣтемъ себѣ большее благоволеніе святой мученицы, почитая ее истиннымъ почитаніемъ. Ей гораздо больше удовольствія доставить, когда мы уйдемъ отсюда съ плодами и въ некоторую духовную пользу“ 1).

Заключимъ слѣдующимъ увѣщаніемъ св. Іоанна Златоуста, благопотребнымъ и для христіанъ нашего времени: „Богъ оставилъ намъ мощи святыхъ, желая привести насъ къ одинаковой съ ними ревности и дать намъ надежное прибѣжище и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, постоянно постигающихъ насъ. Итакъ, убѣждаю всѣхъ васъ, находится ли кто въ уныніи, или въ болѣзняхъ, или скорбяхъ, или въ какомъ-нибудь другомъ житейскомъ несчастіи, или въ глубинѣ грѣховъ, пусть съ вѣрою приходитъ сюда, и онъ избавится отъ всего этого, и возвратится съ великою радостію, получивъ облегченіе совѣсти отъ одного созерцанія; или лучше—не однимъ только находящимся въ несчастіяхъ необходимо приходитъ сюда; но хотя бы кто находился въ радости, въ славѣ, во власти, или имѣлъ великое дерзновеніе предъ Богомъ, и тотъ пусть не пренебрегаетъ этою пользою... Такимъ образомъ для всѣхъ это сокровище полезно, это прибѣжище благопотребно,—для падшихъ, чтобы имъ избавиться отъ искушеній, для благоденствующихъ, чтобы блага ихъ остались прочными, для недужныхъ, чтобы имъ возвратить себѣ здоровье, и для здоровыхъ, чтобы имъ не впасть въ болѣзнь“ 2).

Свящ. Д. *Слюсаревъ.*

1) Тамъ же, стр. 629.

2) Тамъ же, стр. 641—642.

Инструкція временнымъ строительнымъ комитетамъ, учреждаемымъ для построекъ и капитальныхъ ремонтовъ церквей и церковныхъ зданій.

1.

Учрежденіе строительныхъ комитетовъ и обязанности ихъ по построенію и ремонту церквей и церковныхъ зданій.

§ 1) Епархіальное Начальство, по рассмотрѣніи прошенія прихожанъ, или церковнаго причта со старостою, о построеніи, или капитальномъ ремонтѣ церкви и церковныхъ зданій, или дѣла о постройкѣ церкви и открытіи новаго прихода, въ случаѣ признанія нужды просимаго построенія, или исправленія и необходимости учрежденія комитета въ виду значительности постройки или ремонта, — указомъ предписываетъ благочинному образовать строительный комитетъ для наблюденія за правильнымъ и современнымъ исполненіемъ работъ по постройкѣ, перестройкѣ или ремонту церковныхъ зданій и для изысканія средствъ къ производству работы.

§ 2) Если постройка или исправленіе церкви и церковныхъ зданій предпринимается однимъ или нѣсколькими извѣстными лицами всѣцѣло на ихъ собственный счетъ, то и наблюденіе за постройкою или исправленіемъ представляется тѣмъ же лицамъ, при непремѣнномъ участіи настоятеля церкви и подѣ смотрѣніемъ мѣстнаго благочиннаго и архитектора (если таковой будетъ приглашенъ).

§ 3) Общество прихожанъ, а въ томъ случаѣ, когда прихожане не участвуютъ опредѣленными пожертвованіями на постройку, то причтъ со старостою, кому будетъ предписано, избираютъ, въ присутствіи благочиннаго, членовъ строительнаго комитета изъ лицъ благонадежныхъ и усердныхъ къ дѣлу церковнаго строительства и благоуукрашенія, и о составѣ комитета, чрезъ благочиннаго, доносятъ Епархіальному Начальству на утвержденіе.

Примѣчаніе 1-е. Число членовъ комитета, избираемыхъ прихожанами, должно быть не менѣе 3 человекъ и не болѣе состава членовъ мѣстнаго причта со старостою.

Примѣчаніе 2-е. Если бы кто-либо изъ членовъ комитета сталъ нерадиво относиться къ своимъ обязанностямъ или нарушать правила настоящей инструкціи, то Епархіальное Начальство имѣетъ право устранить такового изъ состава комитета.

§ 4) Предсѣдателемъ комитета назначается настоятель церкви въ томъ случаѣ, когда постройка производится въ селѣ, и приходскій священникъ, въ части котораго устраивается церковь, если приходъ многоклирный и постройка производится въ приходѣ, а всѣ священно-церковнослужители и церковный староста суть непремѣнные члены комитета.

Примѣчаніе. Епархіальное Начальство, по особымъ обстоятельствамъ, можетъ назначать предсѣдателями комитетовъ и другихъ, кромѣ указанныхъ въ § 4, лицъ.

§ 5) Члены комитета распредѣляютъ между собою обязанности казначея, дѣлопроизводителя, смотрителя работъ и матеріаловъ. При чемъ, если производится постройка въ самомъ селѣ, то обязанности казначея исполняетъ церковный староста.

§ 6) Комитетъ, для обсужденія возникающихъ по дѣламъ постройки вопросовъ, имѣетъ собранія по назначенію своего предсѣдателя.

§ 7) Всѣ дѣла и вопросы, относящіеся къ постройкѣ и касающіеся хода работъ, рѣшаются комитетомъ по большинству голосовъ, а при равенствѣ ихъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Примѣчаніе. Въ важныхъ случаяхъ, при разногласіи, комитетъ доноситъ, чрезъ благочиннаго, Епархіальному Начальству, которое и разрѣшаетъ встрѣтившееся недоумѣніе.

§ 8) Засѣданіе комитета считается состоявшимся, когда въ немъ присутствовалъ предсѣдатель и не менѣе $\frac{2}{3}$ членовъ.

§ 9) Для записыванія своихъ постановленій комитетъ имѣеть особую книгу, за скрѣпной благочиннаго, при чемъ постановленія подписываются присутствующими на засѣданіи.

§ 10) По полученіи утвержденнаго проэкта и смѣты, комитетъ входитъ въ разсужденіе о томъ, производить постройку хозяйственнымъ способомъ, или отдать работу съ торговъ, а пріобрѣтать только матеріалы хозяйственнымъ способомъ.

§ 11) Когда комитетъ признаетъ полезнымъ произвести постройку хозяйственнымъ способомъ, то доноситъ объ этомъ Консistorіи, съ изъясненіемъ причинъ выгоды такого способа постройки, и испрашиваетъ на то разрѣшеніе.

§ 12). Если же признано будетъ болѣе удобнымъ и полезнымъ производить работу чрезъ подрядъ, то предварительныя условія съ подрядчикомъ, также съ объясненіемъ причинъ выгоды такого способа постройки, комитетъ посылаетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Консistorіи, чрезъ благочиннаго, и по утвержденіи ихъ заключаетъ съ подрядчикомъ условіе нотаріальнымъ порядкомъ.

§ 13) Когда работа сдается съ торговъ, то комитетъ объявляетъ заблаговременно, не позднѣе какъ за мѣсяць до дня торговъ, чрезъ Епархіальныя и Губернскія Вѣдомости (въ послѣднихъ тоекратно) о времени производства торговъ для свѣдѣнія лицъ, занимающихся подрядными работами.

§ 14) Торги должны быть произведены въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, за исключеніемъ находящихся въ отлучкѣ.

§ 15) Желаящіе войти въ подрядъ обязаны обезпечить обязательство свое залогомъ или закладомъ, на общемъ законномъ основаніи.

§ 16) При заключеніи договоровъ, въ число прочихъ условій контракта должно включатьъ условіе, чтобы плата за работу не выдавалась впередъ, а смотря по успѣшности работы и притомъ такъ, чтобы $\frac{1}{5}$ часть заработанной условленной платы оставалась за комитетомъ до тѣхъ поръ, пока

работа не принята будетъ архитекторомъ, если работа производится подъ его наблюденіемъ, или благочиннымъ, если работа поручена будетъ его смотрѣнію, и чтобы въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній подрядчикъ предъявлялъ свои претензіи не къ церкви или причту, а къ прихожанамъ. Имѣть также въ виду и требованіе § 30-го настоящей инструкціи.

Примѣчаніе. Подлинный контрактъ хранится въ комитетѣ, а копія съ него выдается взявшему подрядъ, а другая представляется въ Консисторію.

§ 17) Комитетъ, по заключеніи контракта, немедленно допускаетъ подрядчика къ поставкѣ матеріаловъ и къ работамъ, согласно принятымъ условіямъ.

§ 18) Комитетъ наблюдаетъ какъ за доброкачественностію матеріаловъ, такъ и за правильностью производства работъ и ихъ прочностью.

§ 19) По окончаніи всѣхъ работъ и осмотрѣ ихъ, согласно § 16, архитекторомъ или благочиннымъ, послѣдній съ актомъ осмотра постройки доноситъ объ окончаніи ея Консисторіи.

§ 20) Во всѣхъ случаяхъ, непредусмотрѣнныхъ настоящей инструкціей и условіями заключенныхъ съ подрядчикомъ договоровъ, комитетъ представляетъ свои предположенія на усмотрѣніе и разрѣшеніе Консисторіи, чрезъ благочиннаго.

II.

Счетоводство, отчетность и письмоводство.

§ 21) Благочинный, по предписанію Консисторіи, выдаетъ комитету, за своей скрѣпой, двѣ книги: одну для записи прихода и расхода денегъ и вещевыхъ пожертвованій въ комитетъ, а другую для записи прихода и расхода матеріаловъ. Первую ведетъ казначей, вторую смотритель матеріаловъ, если они къ тому способны, а въ случаѣ ихъ малограмотности кто-либо изъ членовъ комитета, не исключая и предсѣдателя.

§ 22) Деньги, поступающія въ комитетъ, хранятся въ кладовой церковной за ключемъ старосты и церковной печатію, при чемъ въ отношеніи количества храненія ихъ наличными долженъ быть примѣняемъ § 30-й Инструкціи церковнымъ старостамъ.

§ 23) На необходимые мелочные расходы, не терпящіе отлагательства, казначей можетъ имѣть на рукахъ до ста рублей, въ коихъ, по ихъ израсходованіи, и отдастъ отчетъ комитету и снова получаетъ по надобности, но не свыше указанной суммы.

§ 24) Комитетъ пополугодно даетъ отчетъ благочинному, съ представленіемъ книгъ и оправдательныхъ документовъ, а послѣдній о движеніи строительныхъ работъ и суммъ комитета доносить Консistorіи особыми (по каждому въ его вѣдѣніи находящемуся комитету) рапортами.

§ 25) Всѣ исходящія бумаги изготовляются отъ имени комитета и подписываются, при представленіи Епархіальному Начальству, всѣми членами, а въ прочихъ случаяхъ председателемъ и дѣлопроизводителемъ.

§ 26) По окончаніи постройки и освидѣтельствованія ея архитекторомъ или благочиннымъ, согласно § 16-го, послѣдній провѣряетъ приходорасходныя книги и доноситъ объ оказавшемся Консistorіи, которая закрываетъ комитетъ, а книги и документы, по учиненіи на первыхъ надлежащей надписи, возвращаетъ для храненія въ церковномъ архивѣ.

§ 27) При донесеніи объ окончаніи постройки благочинный можетъ представлять вниманію Еп. Начальства тѣхъ членовъ комитета, которые оказали особо-усердное отношеніе къ дѣлу, съ указаніемъ фактовъ.

III.

Объ архитекторъ, вознагражденіи его и о составленіи проэктвъ и смѣтъ на строительныя работы.

§ 28) Для составленія проэктвъ, плановъ и смѣтъ на предполагаемую постройку, или исправленіе и для наблюденія за исполненіемъ таковыхъ проэктвъ, а равно и для отвода мѣста подъ церковь и освидѣтельствованія грунта земли, комитетъ приглашаетъ, когда въ томъ настоятъ нужда, архитектора, смотря по удобству и выгоды, имѣющаго о своемъ званіи надлежащій аттестатъ, и заключаетъ съ нимъ письменное условіе, въ которомъ должны быть изъяснены какъ размѣръ вознагражденія и сроки выдачи онаго, такъ и обязанности его въ дѣлѣ наблюденія за строеніемъ, а равно и указано-- сколько разъ и когда онъ долженъ прибыть для осмотра работъ; при чемъ въ условіи должно быть выговорено, что архитекторъ не долженъ отказываться отъ поѣздки на мѣсто работы, если комитетъ, въ случаѣ необходимости, пригласитъ его, и сверхъ тѣхъ случаевъ, какіе указаны въ данномъ имъ обязательствѣ. Въ этомъ случаѣ прогонныя деньги выдаются ему по Почтовому Дорожнику и суточные на точномъ основаніи ст. 161 и 630 т. III Уст. о служ. по опред. отъ Прав. и 25 руб. вознагражденія за трудъ по освидѣтствованію.

Примѣчаніе. 1) По проселочнымъ дорогамъ прогонныя деньги исчисляются по маршруту, засвидѣствованному уѣздной полиціей или волостнымъ правленіемъ. 2) Прогонныя деньги выдаются въ оба пути и на всякое разстояніе: чиновникамъ первыхъ пяти классовъ на шесть лошадей; чиновникамъ шестаго, седьмаго, и восьмаго классовъ (коллеж. совѣтн., надв. совѣтн., колл. ассес.) на три; чиновникамъ оберъ-офицерскаго чина (тит. сов., кол. секр., губерн. секр.) на двѣ лошади. Суточные деньги производятся чиновникамъ: третьяго и четвертаго класса по одному рублю восьмидесяти

коп. въ день; пятого класса (стат. сов.) по одному рублю 20 коп. въ день; штабъ-офицерамъ (коллеж. сов., надв. совѣт. коллеж. ассес.) по шестидесяти коп. въ день; оберъ-офицерамъ (титул. сов., кол. секр., губерн. секр.) по сорока пяти коп. въ день.

§ 29) Случаи всѣхъ недоразумѣній между комитетомъ и архитекторомъ представляются на зависящее распоряженіе Консистеріи.

§ 30) Когда вслѣдствіе недоразумѣній между подрядчикомъ и комитетомъ является необходимость вызова архитектора, сверхъ обозначеннаго въ условіи съ послѣднимъ количества выѣздовъ на мѣсто работъ, тогда расходъ долженъ падать на подрядчика, если заявленія комитета были справедливы, а въ противномъ случаѣ на комитетъ.

§ 31) При представленіяхъ на строительныя работы, поступающихъ на утвержденіе, должны быть прилагаемы: а) генеральный планъ участка, съ точнымъ показаніемъ на немъ мѣста работъ, б) актъ архитектора по отводу и осмотру имъ мѣста подъ постройку церкви, в) планы, фасады и разрѣзы каждаго зданія, съ показаніемъ на нихъ предполагаемыхъ работъ, г) копіи съ нихъ, д) при капитальныхъ перестройкахъ и ремонтахъ — актъ о необходимости таковыхъ и е) смѣта.

Примѣчаніе. Если предполагается комитетомъ испрашивать бесплатный отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, то смѣта на лѣсные матеріалы должна быть составлена по урочному положенію, и комитетомъ должны быть представлены: свидѣтельство благочиннаго о бѣдности прихожанъ, строящихъ церковь, и свидѣтельство мѣстнаго земскаго начальника о томъ, что прихожане на своихъ надѣльныхъ земляхъ строевого лѣса не имѣютъ.

§ 32) При проэктѣ и смѣтѣ обязательно требуется представленіе подписки архитектора, въ томъ, что онъ, принимая

на себя надзоръ и руководство при постройкѣ, обязуется отвѣтствовать за правильность и прочность самой постройки и что о началѣ и объ окончаніи работъ онъ донесетъ Строительному Отдѣленію Губернскаго Правленія (Вят. еп. вѣдом. 1903 г., № 18).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ *Теоодосій.*

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 октября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Невской
духовной Семинаріи.

1903 года, ноября 2-го.

Содержаніе: О лишеніи церковнаго погребенія. — Изъ дневника священ-
ника — Духовенство въ произведеніяхъ А. Чехова.

О лишеніи церковнаго погребенія.

У всѣхъ народовъ выраженіемъ уваженія къ умершему считалось честное погребеніе. По воззрѣніямъ древнихъ грековъ, душа умершаго не можетъ переступить порога ада и усноковтяться до тѣхъ поръ, пока не погребено тѣло. Отсюда, долгъ любви по отношенію къ почившему—погребеніе его, и боги сильно гнѣваются за пренебреженіе этимъ долгомъ. При этомъ, погребеніе честное и торжественное, по взгляду грековъ, считалось высшимъ счастьемъ для человѣка и концомъ его земныхъ желаній.

Но честь погребенія оказывалась не всѣмъ, а только достойнымъ; недостойные же люди, занятнавіе себя какимъ либо преступленіемъ, лишались этой чести. Такъ, тѣла измѣнниковъ отечеству и тяжкихъ преступниковъ, заслужив-

шихъ *смертную казнь*, не предавались землѣ, а выбрасывались на особое, назначенное для нихъ мѣсто. Въ другихъ случаяхъ умершіе, не лишаясь совершенно погребенія, получали унизительную форму его. Въ Аѳинахъ, напр., самоубійцамъ отрубали, при погребеніи, правую руку; нѣкоторыхъ преступниковъ хоронили ночью, а не днемъ; другихъ, повидимому, наказывали запрещеніемъ произносить надъ ними рѣчь или произнесеніемъ рѣчи порицательнаго характера.

Подобныхъ же взглядовъ на погребеніе держались и римляне. По словамъ Цицерона, погребеніе умершаго есть долгъ гуманности, а Сенека называетъ его милосердіемъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Горацій приглашаетъ всякаго прохожаго, встрѣтившаго трупъ чловѣка на дорогѣ, остановиться и насыпать его землей.

Необходимой и священной считалась обязанность погребенія умершихъ и у народа Божія. Лишеніе погребенія, по возрѣнію древнихъ евреевъ, было величайшимъ позоромъ и величайшимъ несчастьемъ. Поэтому, угрожая бѣдствіями еврейскому народу за его нечестіе, пр. Іеремія неоднократно упоминаетъ, какъ о тѣхъ изъ нихъ, о лишеніи погребенія. „И народъ“, говоритъ онъ, „разбросанъ будетъ по улицамъ Іерусалима отъ голода и меча, и некому будетъ хоронить ихъ,—они, и жены ихъ, и сыновья ихъ, и дочери ихъ“ (14, 16); „и будутъ трупы народа сего пищею птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, и некому будетъ отгонять ихъ“ (7, 33). Тотъ же самый пророкъ, какъ величайшимъ позоромъ, угрожаетъ царю Іоакиму тѣмъ, что „трупъ его будетъ брошенъ на зной дневной и на холодъ ночной“ (36, 30), что „осланнымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ; вытащатъ его и бросятъ за ворота Іерусалима“, и „не будутъ оплакивать его: „увы, государь“, и „увы его величіе“ (22, 18. Ср. 3 Ц. 14, 11. 13; Ис. 78, 2; 2 М. 5, 10).

Кромѣ полного лишенія погребенія, древніе евреи такъ же, какъ и греки, знали еще погребеніе безчестное, унизительную форму погребенія. Такой формой законъ Моисеевъ признаетъ

сожженіе трупa, назначая это погребеніе за тяжкія преступленія (Лев. 20, 14 и 21, 9). Затѣмъ, малочестнымъ погребеніемъ считалось у евреевъ лишеніе мѣста въ отеческихъ гробницахъ (2 Пар. 21, 20; 24, 25; 28, 27), забрасываніе трупa камнями (Нав. 7, 26; 8, 29).

Общее всѣмъ людямъ уваженіе къ умершимъ и сознаніе долга относительно погребенія ихъ перешло и въ христіанскую Церковь. Здѣсь оно получило для себя только новые мотивы. Въ языческомъ мірѣ обязанность погребенія умершихъ основывалась на томъ убѣжденіи, что душа не можетъ найти покоя до тѣхъ поръ, пока не погребено тѣло. Въ христіанствѣ Оригенъ, напр., мотивируетъ эту обязанность нравственнымъ чувствомъ, тѣмъ, что тѣло, какъ орудіе разумной души, достойно почитанія и честнаго погребенія. Другіе церковные учителя указываютъ, кромѣ этого, и на то значеніе тѣла, что оно является храмомъ Духа Святаго. „Не должны быть“, пишетъ бл. Августинъ, „презираемы и отвергаемы тѣла умершихъ, въ особенности праведныхъ и вѣрныхъ, потому что ими Духъ Святой пользовался какъ органами и орудіями для всякихъ добрыхъ дѣлъ“. Соотвѣтственно этому возрѣнію, уже въ первыя столѣтія христіанской Церкви мы видимъ заботы о погребеніи умершихъ. Изъ первой половины II в. Аристидъ Философъ свидѣтельствуетъ о христіанахъ: „когда исходитъ изъ міра одинъ изъ ихъ бѣдныхъ и его увидитъ кто-либо изъ нихъ, то онъ принимаетъ на себя погребеніе сообразно со средствами“. Впослѣдствіи эти заботы о погребеніи умершихъ возложены были на особыхъ лицъ, и погребатели мертвыхъ упоминаются на ряду съ остіаріями, эксorcистами и псаломѣвцами, какъ состоящіе на службѣ христіанской общины.

Мѣстомъ для погребенія на первыхъ порахъ служили кладбища іудейскія и языческія. Постепенно, однакоже, христіане пріобрѣтаютъ свои мѣста для погребенія, а въ половинѣ III в. въ Римѣ папа Діонисій уже распредѣляетъ кладбища для завѣдыванія между пресвитерами. На этихъ хри-

стіанскихъ кладбищахъ язычниковъ, повидимому, уже не погребали, за крайне рѣдкими исключеніями.

Въ христіанскомъ погребеніи различались, при этомъ, элементы двухъ родовъ: общечеловѣческіе, вытекавшіе изъ долга любви къ ближнему (каковъ — трауръ, сопровожденіе гроба), и спеціально христіанскіе. Къ числу послѣднихъ принадлежало пѣніе псалмовъ, молитва, милостыня, евхаристія. Церковное ученіе придавало значеніе собственно этимъ послѣднимъ частямъ погребенія. Въ молитвѣ, милостынѣ и евхаристіи, совершаемой въ память объ умершемъ, они видѣли выраженіе общенія живыхъ и умершихъ, единенія ихъ во Христѣ. А такъ какъ общеніе съ Церковью является залогомъ спасенія, то отсюда христіанскій чинъ погребенія служилъ для умершихъ помощью и средствомъ спасительнымъ.

Соотвѣтственно такому воззрѣнію, древняя Церковь не совершала своего чина погребенія надъ тѣми, которые къ ней не принадлежали вовсе или же разорвали общеніе съ ней. Не совершалось церковное погребеніе надъ іудеями и язычниками. Оглашеннымъ, но не уснѣвшимъ еще принять крещенія, отказывали въ нѣкоторыхъ частяхъ погребальнаго чина, напр., въ евхаристіи и молитвѣ. Другіе, однакоже, считая вѣру и намѣреніе оглашенныхъ принять крещеніе замѣной крещенія, признавали за ними право на церковное погребеніе. Съ этой же точки зрѣнія, мучениковъ, не принявшихъ крещенія, не только погребали по церковному чину, но и съ особенной торжественностью. Что касается погребенія не крещенныхъ дѣтей, то практика древней Церкви была въ этомъ случаѣ не одинакова. Это зависѣло отъ неустойчивости взгляда на судьбу умершихъ до крещенія дѣтей. На Западѣ ихъ лишали погребенія, такъ какъ они не принадлежали къ Церкви.

Если относительно лицъ, не вступившихъ въ церковное общеніе, древняя Церковь быланисходительна, то къ лицамъ, разорвавшимъ это общеніе, она была особенно строга. По воззрѣнію церковныхъ учителей, для еретиковъ даже и

мученичество, безъ возстановленія единенія съ Церковью, не можетъ быть спасительнымъ. Соборныя правила (Лаод. 6, 33; Ант. 2; Ап. 10) запрещаютъ съ еретиками всякое общеніе въ молитвѣ. Это относилось, конечно, и къ молитвамъ погребальнымъ. Папа Геласій въ посланіи къ епископамъ Дордоніи и Иллирія указываетъ на то, что ересь преимущественно предъ всѣми другими преступленіями заслуживаетъ лишенія церковнаго погребенія. „Пусть никто не убѣждаетъ васъ“, пишетъ онъ, „что Ахацій освобожденъ отъ вины въ нарушеніи своей обязанности, ибо кто заслужилъ отлученіе отъ апостольскаго общенія и, пребывая въ этомъ осужденіи, умеръ, то разрѣшенія, котораго онъ при жизни не просилъ совѣмъ и не заслужилъ, мертвый уже не можетъ требовать; ибо о томъ, кто предстоитъ уже суду божественному, намъ нельзя постановить ничего иного, кромѣ того, въ чемъ его засталъ послѣдній день“. Строгость въ отношеніи къ ереси простиралась до того, что даже, если спустя долгое время послѣ смерти умершаго въ мирѣ съ Церковью осуждались его дѣянія или писанія, то общеніе съ нимъ разрывалось, его имя изглаживалось на диптихахъ и поминовеніе его прекращалось. Удерживая ту же точку зрѣнія, еретики, въ свою очередь, лишали погребенія православныхъ. Такъ, вандалы-аріане приказывали православнымъ погребать умершихъ „безъ торжественныхъ гимновъ и въ молчаніи“, а донатисты не давали имъ мѣста на своихъ кладбищахъ.

Съ подобною же строгостью относилась древняя Церковь и къ тѣмъ, которые отлучены были за преступленія противъ нравственности. Такъ, въ 409 г. Синазіій Итолемаидскій лишилъ церковнаго погребенія префекта Андроника, имѣя въ виду его жестокость.

Нѣкоторымъ отступленіемъ отъ указанной практики касательно отлученныхъ было то, что въ случаѣ внезапной смерти они иногда считались находящимися въ церковномъ общеніи и до формальнаго принятія; тогда они удостоивались церковнаго погребенія. Карфагенскій соборъ 398 г. (пр.

79) разрѣшаетъ приношенія и молитвы за тѣхъ кающихся, которые внезапно умирають, обнаруживъ тщательное исполненіе требованій покаянной дисциплины. То же постановленіе принимаетъ и Вазскій соборъ 442 г.

Эту непослѣдовательность практики относительно отлученныхъ на Западѣ устранилъ Левъ Великій, воззрѣніе котораго сдѣлалось руководящимъ на долгое время. Отвѣчая на вопросъ о томъ, могутъ ли быть удостоены погребенія кающіеся, которые не приняты еще вновь въ Церковь, но покаяніе которыхъ искренне, папа Левъ въ письмѣ къ епископу Нарбоннскому Рустіку говоритъ: „съ кѣмъ мы не вступили въ общеніе при жизни, съ тѣмъ не можемъ вступить по смерти“. То же воззрѣніе высказано Львомъ В. и въ другомъ письмѣ. „Если кто изъ тѣхъ“,—пишетъ онъ—„за которыхъ мы молимся Господу, по какому-либо препятствію, лишится дара настоящаго (земнаго) разрѣшенія и прежде достиженія установленныхъ врачеваній окончить, по положенію человѣческому, жизнь,—то, чего онъ не пріять, оставаясь въ тѣлѣ, не можетъ получить, лишившись тѣла“.

Кромѣ отлученныхъ отъ Церкви, лишались погребенія еще самоубійцы, если только самоубійство совершено не въ состояніи безумія. Указаніе на это мы имѣемъ уже изъ III в., въ правилахъ Тимоѳея Александрійскаго (14 пр.).

Переходя отъ древняго времени къ среднимъ вѣкамъ, мы видимъ нѣкоторыя измѣненія въ церковной практикѣ относительно лишенія погребенія. Тогда какъ по воззрѣнію Льва Великаго лишеніе погребенія является необходимымъ слѣдствіемъ церковнаго отлученія, въ средніе вѣка оно практиковалось, какъ особое наказаніе за *отдѣльныя* преступленія. Лишенію подвергались и такія лица, которые находились въ единеніи съ Церковью, но совершили какое-либо преступленіе. Такая практика существовала какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Извѣстные факты средневѣковой исторіи показываютъ, что къ числу такихъ преступленій на Западѣ относились: воровство, разбой, участіе въ турнирѣ и на дуэли,

ростовщичество, святотатство и самоубійство. При этомъ, съ теченіемъ времени строгость представителей католической Церкви усиливалась, и къ концу среднихъ вѣковъ списокъ преступленій, караемыхъ лишеніемъ погребенія, былъ уже очень длиненъ. Свидѣтельствомъ о практикѣ греко-восточной Церкви являются, напр., недавно изданные каноническіе отвѣты митрополита Родосскаго Нила и митр. Ефесскаго Іоасафа. „Что должно дѣлать послѣ смерти какой-либо изъ прелюбодѣйцы?“ спрашиваетъ Нилъ. И отвѣчаетъ: „не быть имъ погребаемымъ отъ священника, если не покаются и не оставили преступную связь при жизни“¹⁾. По словамъ м. Іоасафа, ни причащенія, ни поминовенія не достойны — живущіе въ незаконномъ сожителствѣ, берущіе проценты, кровосмѣшники, подверженные постоянному пьянству, богохульники, поругатели вѣры и креста, а также и самоубійцы²⁾.

Еще большимъ ригоризмомъ отличалась практика католической Церкви относительно отлученныхъ. Послѣднихъ не только лишали церковнаго погребенія, но удаляли съ кладбища даже и въ томъ случаѣ, если ихъ непринадлежность къ Церкви открывалась долго спустя послѣ смерти. При этомъ, лицо, содѣйствовавшее погребенію отлученнаго на церковномъ кладбищѣ, само подвергалось отлученію. Подобнымъ же образомъ относилась католическая Церковь къ погребенію язычниковъ, еретиковъ и іудеевъ. Напр., Латеранскій соборъ 1179 г. постановилъ, чтобы никто изъ каваровъ не допускался до церковнаго погребенія, а въ 1258 г. папой Александромъ IV было утверждено, чтобы всякій, сознательно похоронившій по церковному чину еретика, считался отлученнымъ до тѣхъ поръ, пока собственными руками не выроетъ тѣла. Мѣсто же погребенія еретика, какъ мѣсто оскверненное, признавалось уже не годнымъ для погребенія церковнаго.

¹⁾ Проф. А. Алмазовъ. Неизданные канонич. отвѣты патр. Луки и м. Нила. Одесса 1903, пр. 3.

²⁾ Овъ же. Изд. кан. отв. Іоасафа. Од. 1903, отв. 44—51.

Въ уставахъ средневѣковыхъ неоднократно повторяется требованіе, чтобы кости язычниковъ, еретиковъ и іудеевъ, погребенныхъ въ церквахъ, были выброшены, мѣста погребенія очищены и самая церковь освящена вновь.

Такимъ образомъ, лишеніе церковнаго погребенія въ средніе вѣка состояло не только въ запрещеніи молитвъ, евхаристіи, мпlostыни, но и въ недозволеніи тѣла на церковныя кладбища. Самой тяжкой формой лишенія погребенія, при этомъ, было запрещеніе вообще предавать тѣло землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ тѣло предоставлялось дѣйствию стихій или, гдѣ можно, отдавалось звѣрямъ. Почвой для подобныхъ суровыхъ постановленій служило возникшее въ средніе вѣка воззрѣніе, что освященная земля кладбища сообщаетъ святость и тѣлу, погребенному на немъ; и наоборотъ, лишеніе этой земли есть лишеніе одного изъ средствъ для спасенія.

Къ сказанному должно добавить, что въ средніе вѣка запрещеніе погребенія практиковалось весьма часто и въ рукахъ папъ оно служило могущественнымъ средствомъ для борьбы съ непокорными. Извѣстнѣйшій средневѣковый примѣръ лишенія церковнаго погребенія представляетъ судьба тѣла германскаго императора Генриха IV. Генрихъ, умершій 7 авг. 1106 г., сначала былъ погребенъ въ соборѣ въ Лютихѣ, такъ какъ онъ предъ смертью приобщился святыхъ Таинъ. Но собравшіеся въ Ахенѣ епископы, оспаривая правильность причащенія его, утверждали, что отлученіе еще не снято; они потребовали папскаго рѣшенія и принудили Лютихскаго епископа вырыть тѣло и удалить изъ собора. Тѣло было вырыто и перенесено въ другой городъ, гдѣ долго стояло на преданномъ землѣ. Потомъ оно было перенесено въ Шнейеръ и погребено въ тамошнемъ соборѣ; вскорѣ, однако, гробъ опять былъ вырытъ и поставленъ въ неосвященной капеллѣ собора, гдѣ онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, чрезъ пять лѣтъ по смерти Генриха съ него не было снято отлученіе. Въ 1111 г. 7 авг. тѣло Генриха предано было землѣ въ Шнейерскомъ соборѣ.

Другой характерный фактъ лишенія погребенія мы имѣемъ въ исторіи папы Формоза. Въ 897 г. Сполетскій князь Ламбертъ и папа Стефанъ VII вынули изъ гроба уже лежавшее тамъ 9 мѣсяцевъ тѣло Формоза, одѣли его въ папскія одежды, посадили на папскомъ тронѣ, произвели судъ и, снявъ съ трупа папскія одежды, приказали его выбросить.

Изъ этихъ фактовъ видно, что лишеніе церковнаго погребенія въ средніе вѣка на Западѣ потеряло свой первоначальный смыслъ и приняло характеръ чисто мірской, служащій, не имѣющимъ ничего общаго съ религіей.

Вл. Р-ій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ А. П. Чехова — „Дуэль“ — стр. 103; „Палата № 6“ — стр. 143.

Изъ дневника священника.

Мы живемъ, говорятъ люди компетентные, въ знаменательную эпоху. Какъ нѣкогда предъ пришествіемъ Спасителя античный міръ, изжившій свои принципы, долженъ былъ или погнубуть, оставшись при нихъ, или возродиться, принявъ новое христіанское начало, такъ и въ наше время представители безрелигіозной культуры—разумѣю искреннихъ умомъ и сердцемъ—стоятъ предъ христіанствомъ, какъ *единственнымъ* выходомъ изъ безнадежно-отчаяннаго состоянія духа. „О, зачѣмъ челоѣкъ не безсмертенъ?—слышимъ стоишь одного изъ таковыхъ. Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе, рѣчь, самочувствіе, геній, если всему этому суждено уйти въ почву и въ концѣ концовъ охладѣть вмѣстѣ съ землею корою, а потомъ миллионы лѣтъ безъ смысла и безъ цѣли носиться съ землею вокругъ солнца?... О куда вы ушли, въ какомъ морѣ утонули зачатки прекрасной чистой жизни“, когда при каждомъ ударѣ грома снѣжишь я читать: „Святъ, Святъ, Святъ“¹⁾...

¹⁾ А. П. Чехова—„Дуэль“—стр. 103; „Палата № 6“—стр. 143.

Трагизмъ современнаго отрицателя религіи усугубляется тѣмъ, что данному стону сердца вторить тѣмъ же безнадежнымъ отчаяніемъ и умъ. Въ прежнее время можно было ожидать, и дѣйствительно ожидали, новыхъ откровеній въ области философіи, новыхъ конечныхъ объясненій безмолвныхъ данныхъ науки. Теперь, по мнѣнію историковъ философіи, надежды этой нѣтъ: въ будущемъ возможны лишь отѣнками мысли разнящіяся комбинированія доведенныхъ до послѣднихъ выводовъ типическихъ философскихъ направленій...

Русскому образованному обществу, оторвавшемуся отъ вѣры народной, пришлось особенно сильно, быть можетъ въ виду присущей русской душѣ чуткости къ этическимъ вопросамъ жизни,—испытать и тяжело пережить противорѣчіе антирелигіозныхъ системъ.

Пятидесятые и шестидесятые годы въ исторіи русскаго самосознанія характеризуются сильнымъ увлеченіемъ положительной наукой, отъ которой надѣялись получить отвѣты на запросы духа. Подобно тому, какъ на Западѣ наука естественная являлась въ видѣ извѣстной *философской* доктрины, и въ этомъ своемъ качествѣ дѣлалась своего рода религіей, и у насъ матеріалистическая *философія* завладѣла умами мыслящей интеллигенціи того времени. Въ элементарности точки зрѣнія, позволившей примѣнять ее ко всѣмъ сторонамъ жизни съ несравнимой прямолинейностью, замѣчалась и слабость матеріализма, скоро открывшася болѣе серьезнымъ нашимъ интеллигентамъ. Если въ большой публикѣ могли еще говорить объ исключительныхъ качествахъ матеріалистической доктрины—ясности и обиліи научныхъ данныхъ, то философски образованные люди скоро поняли ея неосновательность—ни на чемъ неоснованное догматическое отрицаніе всего того, что выходитъ за сферы опыта, и присвоеніе вѣчному бытію чуждой ему активности...¹⁾

¹⁾ Въ настоящее время однако и русскіе философы и иностраные не считаютъ матеріализма серьезной философской системой и отри-

На смѣну матеріализма въ смыслѣ столь же популярной системы явился къ намъ позитивизмъ.

Сущность этого и донинѣ еще въ нѣкоторыхъ кругахъ нашей интеллигенціи господствующаго міровоззрѣнія такова.

Философская мысль въ послѣдовательномъ своемъ развитіи различила, съ одной стороны, сущность той или другой вещи, того или другаго бытія, съ другой—ея являемость для насъ. Сущность бытія, если она и есть, во всякомъ случаѣ для насъ тайна—говоритъ позитивизмъ, и мы возвращаемся лишь въ сферѣ явленій, въ сферѣ одного только положительно-даннаго. Міръ явленій—однимъ изъ послѣднихъ служитъ человѣкъ—въ своемъ началѣ и продолженіи жизни, какъ нѣчто данное, подчиненъ безусловному закону причинности: одно явленіе въ немъ неразрывно связано съ другимъ,—предопредѣлено имъ. Понятно—съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о добрѣ, какъ нашемъ долгѣ, свободѣ человѣка въ достиженіи какой-либо цѣли, о творчествѣ его и т. п. Не трудно видѣть, отличіе позитивизма отъ матеріализма несущественное: философскій агностицизмъ перваго привелъ къ отрицанію всей области духовнаго бытія,—а съ этого началъ второй...

Если въ нѣкоторыхъ заграничныхъ сочиненіяхъ позитивная точка зрѣнія проводилась съ удивительной спокойной вѣрою въ ея правдивость, то русскіе мыслящіе люди не могли всецѣло удовлетвориться ею и въ нѣкоторыхъ характерныхъ поправкахъ—дополненіяхъ высказали жажду иного міросозерцанія...

Человѣкъ обладаетъ стремленіемъ къ познанію сущаго—говоритъ одинъ вліятельный русскій позитивистъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣляетъ послѣднее по категоріи желательнаго и нежелательнаго или, что то же, должнаго и недолжнаго, нравственнаго и безнравственнаго, и этимъ опредѣленіемъ

даютъ научное значеніе его. См. сочиненіе Вл. С. Соловьева СПб. т. III ст. 20; В. Вишдельбаудъ—„Исторія философіи“ СПб. 1898, стр. 597; „Исторія философіи“ проф. А. Фулье—СПб. 1901, стр. заключеніе.

побуждаетъ себя къ извѣстному роду дѣйствій. Воплиъ законно утвержденіе, что въ области человѣческой мысли прогрессъ состоитъ въ послѣдовательномъ уразумѣніи законовъ природы и общественныхъ отношеній. Точно также законно утвержденіе, что въ области явленій общественной жизни прогрессъ состоитъ въ рядѣ измѣненій по направленію къ опредѣленной цѣли, ставимой самимъ человѣкомъ...

Самъ основатель позитивизма Огюсть Контъ во вторую половину своей жизни сдѣлался, какъ извѣстно, не только метафизикомъ, но и религіозно-настроеннымъ человѣкомъ, хотя и совершенно своеобразно. Этимъ, по выраженію В. С. Соловьева, онъ самъ разорвалъ желѣзное кольцо своей системы, которымъ хотѣлъ сковать душу человѣка. Истинные послѣдователи Конта сочли его психически больнымъ лицомъ, а въ дѣйствительности въ этой фазѣ его духовнаго развитія слышался вопль духовной природы человѣка, которая не можетъ удовлетвориться только тѣмъ, что есть, но ищетъ должнаго для себя...

Тоже высказалось и въ приведенныхъ выше словахъ нашего соціолога—ученика Конта. Нѣтъ нужды долго разъяснять то, что, признавая за человѣкомъ способность дѣйствовать по поставленной цѣли, Г. Михайловскій также разрываетъ кольцо позитивизма, за которымъ видятся совсѣмъ инныя безконечно глубокія метафизическія и религіозныя перспективы. Сказать, что человѣкъ свободенъ, значить признать его способнымъ къ творчеству, или, *что тоже, духомъ*. А эти мысли иного порядка, ничего общаго не имѣющія съ матеріализмомъ, да и съ позитивизмомъ.

Предъ русскимъ мыслящимъ обществомъ стояла въ послѣдовательномъ развитіи его міровоззрѣнія опредѣленная дилемма: остаться на почвѣ натурального позитивизма и оставить всякія рѣчи о чемъ-либо должномъ для человѣка, воли котораго детерминирована, какъ и всякое явленіе жизни,—или, покинувъ позитивизмъ, перейти въ область идеалистическаго міросозерцанія,—признать свободу человѣка, а отсюда,

по выраженію Г. Лопатина, въ конечномъ счетѣ понять всю глубину старыхъ словъ: „какая польза человеку, если онъ весь міръ приобрететъ, душу же своей повредитъ...“ Трудно сразу излѣчить отъ долготѣней болѣзни... И большинство нашихъ мыслителей избрало третій неправильный логически путь: оставаясь позитивистами по своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, продолжали рѣчь о прогрессѣ и тѣхъ или другихъ обязанностяхъ человѣка. И только немногіе на первыхъ порахъ нашли въ себѣ благородное мужество свергнуть страхъ оказавшихся несостоятельными боговъ и рѣзко повернуть на путь идеализма, по которому довольно одиноко, но стойко шель не такъ давно незабвенный русскій философъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Это благотворное движеніе русской философской мысли, подготовлявшееся отдѣльными статьями и книгами, завершилось обширнымъ сборникомъ статей подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Проблемы идеализма“.

Каковъ же кругъ идей этого „новѣйшаго идеализма“?

Свящ. К. Анеевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Духовенство въ произведеніяхъ А. Чехова.

Въ послѣднее время свѣтскою періодическою пресою удѣляется много мѣста очеркамъ и разговорамъ изъ быта духовенства. Но, просматривая эти произведенія, нельзя не замѣтить, что у большинства свѣтскихъ писателей нѣтъ сочувствія къ духовному сословію. Поэтому всѣ разговоры изъ духовнаго быта имѣютъ пролическій тонъ и авторы ихъ видятъ въ современномъ духовенствѣ однѣ только отрицательныя стороны.

Не избѣгъ того же крупнаго недостатка и современный весьма популярный беллетристъ А. П. Чеховъ. Его разговоры изъ духовнаго быта отличаются уродливостью, тенденціозностью и другими тяжелыми, удручающими и не согласными съ дѣйствительностью качествами. Въ разсказахъ А. Чехова

изъ быта духовенства слишкомъ сквозить предвзятый взглядъ на лицъ духовнаго званія: одно изъ двухъ,—или оцъ не знакомъ съ тѣмъ бытомъ, который описываетъ, или же нарочито описываетъ его съ отрицательныхъ сторонъ, желая унижить и подорвать авторитетъ духовенства у читающей публики. Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ выдержки изъ нѣкоторыхъ его рассказовъ.

Начнемъ съ того, какъ въ большинствѣ случаевъ г. Чеховъ описываетъ внѣшній видъ духовныхъ лицъ. Съ этой стороны у него и священники и низшіе члены причта какія-то каррикатурныя, безобразныя фигуры: все это народъ, по словамъ г. Чехова, въ высшей степени нечистоплотный, грязный, перышливый и въ костюмахъ и въ заботахъ о своемъ тѣлѣ. Вотъ его подлинныя слова: „По обыкновенію у него былъ озабоченный и хмурый видъ, борода не чесанная... Полы и шляпа его (о. Якова, въ рассказѣ „Кошмаръ“) была обрызгана грязью... Онъ былъ красенъ и потенъ... Въ лицѣ о. Якова было очень много „бабьяго“: вздернутый носъ, ярко-красныя щеки и большіе, сѣро-голубые глаза съ жидкими, едва замѣтными бровями. Длинные, рыжіе волосы, сухіе и гладкіе, спускались на плечи прямыми палками. Усы еще только начинали формироваться въ настоящіе, мужскіе усы, а бородка принадлежала къ тому сорту никуда негодныхъ бородъ, который у семинаристовъ почему-то называется „скоктаніемъ“ (?): рѣденькая, сильно просвѣчивающая; погладить и почесать ее гребнемъ нельзя, можно развѣ только пощипать... Вся эта скудная растительность сидѣла перавпомѣрно, кустиками, словно о. Яковъ, вздумавъ загрироваться священникомъ и начавъ приклеивать бороду, былъ прерванъ на половинѣ дѣла. На немъ была ряска, цвѣта жидкаго цикорнаго кофе, съ большими латками на обоихъ локтяхъ. „Странный субъектъ, подумалъ Кунинъ, глядя на его полы, обрызганныя грязью.— Приходить въ домъ первый разъ и не можетъ поприличіи одѣться“.

Спрашивается: къ чему такія подробности, если не къ тому, чтобы начать униженіе духовнаго лица уже съ его бе-

зобразной и уродливой паружности, едвали согласной съ дѣйствительностью? Словомъ „по обыкновенію“ г. Чеховъ хочетъ указать на то, что таковы въ большинствѣ случаевъ всѣ священники и по одной уродливой фигурѣ слѣдуетъ составить общій типъ сельскаго священника безобразнаго и по наружности и небрежнаго во внѣшности. Неужели это такъ въ самомъ дѣлѣ? Стремленія г. Чехова обрисовать мрачными красками внѣшній обликъ духовныхъ лицъ сказывается такъ настойчиво, что и низшіе члены причта и даже семьи духовныхъ лицъ также безобразны и небрежны съ внѣшней стороны. Таковъ, по его словамъ, „дьячокъ Вопмигласовъ, высокій, коренастый старикъ, въ коричневой рясѣ и съ широкимъ кожаннымъ поясомъ. Правый глазъ съ бѣльмомъ и полузакрѣтъ, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячокъ ищетъ глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылъ съ карболовымъ растворомъ, потомъ вынимаетъ изъ краснаго платочка просфору и съ поклономъ кладетъ ее передъ фельдшеромъ“...

Не найдя ничего уродливаго въ фигурѣ молодого городского діакона, г. Чеховъ обратилъ вниманіе на карманы его подрясника. Такимъ образомъ любимая тема для насмѣшекъ свѣтскихъ писателей надъ карманами духовныхъ лицъ пристегнута г. Чеховымъ не совсѣмъ, впрочемъ, удачно къ карманамъ діакона. Вотъ его подлинныя слова: „Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ,—говорилъ дьяконъ, улыбаясь и засовывая руки въ глубочайшіе карманы своего бѣлаго подрясника“. Это такіе карманы у молодого, да еще городского дьякона,—совершенно неправдоподобно, такъ какъ городскіе дьяконы ходятъ въ одеждѣ болѣе или менѣе моднаго покроя съ умеренными карманами. Нѣчто подобное можно допустить еще у сельскаго захолустнаго дьякона, но ничуть не у городского. Очевидно, тутъ имѣлась въ виду довольно избытая плоская острота свѣтскаго человѣка и желаніе прокатиться на счетъ необъятности духовныхъ кармановъ, только, къ сожалѣнію, на этотъ разъ выбрана довольно неудачно мишень для насмѣшки.

Тѣ же отрицательныя и отталкивающія стороны видить г. Чеховъ не только въ представителяхъ духовнаго сословія, но даже и въ ихъ семьяхъ. Такъ, о семьѣ „поповича“ Ширяева г. Чеховъ такъ отзывается: „Семья его сидѣла за столомъ и ждала, когда онъ окончитъ мыть руки, чтобы пачать обѣдать... Ребята Колька, Ванька и Архипка, курпосые, за пачканные и съ давно не стриженными жесткими головами нетерпѣливо двигали стульями“.

Вездѣ и всюду г. Чеховъ въ духовномъ сословіи видить одну только грязь, першпливость, неуютность. И въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ рисуется онъ внѣшній обликъ всѣхъ гербовъ своихъ рассказовъ изъ духовнаго быта. Замѣчательно, что пѣтъ у него въ этомъ сословіи ни одного свѣтлаго образа. Неужели такъ на самомъ дѣлѣ? Тогда что же представляетъ собою духовенство, по изображенію г. Чехова? Какое-то уродливое и карикатурное сословіе, котораго вслѣдъ должно чуждаться, какъ огня и заразы. А между тѣмъ, представители религіи Спаситель называетъ „свѣтомъ міру и солью земли“,—неужели свѣтъ этотъ померкъ и соль обуяла? Сохрани Богъ. Этотъ свѣтъ свѣтитъ и теперь во тьмѣ блудящимъ, тѣ свѣтлыя стороны, которыя были, есть и будутъ въ духовномъ сословіи, не видны только для людей близорукихъ, для такихъ господъ, какъ Чеховъ, Елеонскій, Оренбургскій et cetera.. Подобнаго рода писатели поставляютъ для себя цѣлью писать не картинки съ натуры, а карикатуры, не изображать дѣйствительность, а изображать несуществующія и непремѣнно отрицательныя стороны. Оно, конечно, въ сѣмѣхъ не безъ урода: быть можетъ въ ихъ рассказахъ и есть доля правды, но зачѣмъ же намѣренно сгущать краски, зачѣмъ, наконецъ, обобщать факты, употребляя слова и выраженія въ родѣ: „по обыкновенію“ и т. п?.. Тутъ уже и самая незначительная доля правды затемняется сплошною ложью, цѣлымъ рядомъ инсинуаций, самыхъ беззастѣнчивыхъ и парадоксальныхъ...

Это въ особенноти рѣзко бросается въ глаза, когда г. Чеховъ описываетъ пицету духовную, неразвитость, гру-

бость правовъ и полное умственное убожество духовныхъ лицъ. Здѣсь на первомъ планѣ Чеховъ поставляетъ полнѣйшее незнакомство духовенствомъ свѣтскихъ приличій и невоспитанность. Это съ особою рельефностію старается онъ выставить все въ томъ же злополучномъ о. Яковѣ, когда говоритъ: „Отецъ Яковъ кашлянулъ въ кулакъ, неловко опустился на край кресла и положилъ ладони на колѣни. Малорослый, узкогрудый, съ потомъ и краской на лицѣ, онъ на первыхъ же порахъ произвелъ на Кунина самое неприятное впечатлѣніе. Ранѣе Кунинъ никакъ не могъ думать, что на Руси есть такіе несолидные и жалкіе на видъ священники, а въ позѣ о. Якова, въ этомъ держаніи ладоней на колѣняхъ и въ сидѣніи на краешкѣ, ему видѣлось *отсутствіе достоинства и даже подхалимство*“.

Еще болѣе бросается въ глаза описаніе Чеховымъ полнѣйшаго умственнаго убожества въ духовенствѣ, доходящаго до полнѣйшей глупости, непониманія рѣчи о самыхъ обыденныхъ вещахъ, до полного неумѣнья связать пары словъ. Вотъ его подлинныя слова: „Къ моему несчастью, я знаю священниковъ, которые, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, не годятся въ военные писаря, а не то что въ священники. А согласитесь, что плохой учитель принесетъ школѣ гораздо меньше вреда, чѣмъ плохой священникъ“.—Кунинъ взглянулъ на о. Якова. Тотъ сидѣлъ согнувшись и о чемъ-то усердно думалъ, точно Кунинъ говорилъ о такихъ мудреныхъ вещахъ, которыхъ о. Яковъ не понималъ, слушалъ только изъ деликатности и притомъ боялся, чтобы его не уличили въ непониманіи... Только сидитъ да глазами хлопаетъ...

„Малый, какъ видно, не изъ очень умныхъ, думалъ Кунинъ.—Не въ мѣру робокъ и глуповатъ... Какой странный, дикій человекъ! Грязень, неряха, грубъ, глупъ и, навѣрное, *пьяница*... Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа! Воображаю, сколько ироніи должно бѣть въ

голосѣ діакона, возглашающаго ему передъ каждой обѣдней: „Благослови, владыко!“ Хорошъ владыко! Владыко, не имѣющей ни капли достоинства, невоспитанный, прячущій сухари въ карманы, какъ школьникъ... Фи! Господи, въ какомъ мѣстѣ были глаза у архіерея, когда онъ посвящалъ этого человѣка? За кого они народъ считаютъ, если даютъ ему такихъ учителей? Тутъ нужны люди, которые“ ..И Кунинъ задумался о томъ, кого должны изображать изъ себя русскіе священники... „Будь, на примѣръ, я попомъ... *Образованный* и любящій свое дѣло попомъ много можетъ сдѣлать... У меня давно бы уже была открыта школа. А проповѣдь? Если попомъ искрененъ и вдохновенъ любовью къ своему дѣлу, то какія чудныя зажигательныя проповѣди онъ можетъ говорить!“ Кунинъ закрылъ глаза и сталъ мысленно слагать проповѣдь. Немного погодя, онъ сидѣлъ за столомъ и быстро записывалъ... — „Дамъ тому рыжему, пусть прочтетъ въ церкви“... думалъ онъ“.

Есть ли въ этихъ словахъ хоть доля правды? Гдѣ теперь необразованные священники? Возможно-ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы священникъ, человѣкъ молодой, окончившій курсъ средняго учебнаго заведенія, не понималъ, когда говорятъ о такихъ предметахъ, какъ постановка учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ, или чтобы онъ не могъ составить проповѣди? Да что это въ самомъ дѣлѣ г. Чеховъ!

А если настолько, по мнѣнію г. Чехова, тупы и неразвиты даже молодые священники, что не въ силахъ пары словъ связать, то о низшихъ членахъ и говорить нечего. Они даже не могутъ говорить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, а кстати и не кстати пересыпаютъ свою рѣчь текстами св. Писанія и славянскими оборотами рѣчи. „Съ воскреснымъ днемъ васъ, Сергѣй Кузьмичъ... говоритъ дьячокъ Вонмигласовъ въ рассказѣ „Хирургія“. — „Бъ вашей милости... Истинно и праведно въ псалтыри сказано, извините: „Питіе мое съ плачемъ растворяхъ... Согрѣшихомъ и беззаконнахомъ...“

Студными бо окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности житіе мое иждихъ... Косноязыченъ ты, Ефимъ, и гугнивь сталь и т. п.“. Влагая въ уста духовныхъ лицъ такую разговорную рѣчь, нѣкоторые писатели полагаютъ въ этомъ всю комическую сторону своихъ разсказовъ изъ духовнаго быта. Но развѣ такъ говорятъ современные псаломщики? Безспорно, что въ рѣчи низшихъ членовъ клира встрѣчаются славянскіе обороты рѣчи, но не въ столь сильной степени, какъ въ разсказѣ г. Чехова „Хирургія“. Такъ говорятъ только въ фарсахъ и водевиляхъ пономари и дьячки, гдѣ имѣется въ виду возбудить смѣхъ у нѣкоторой невзыскательной части публики, но не пристало этому подражать героямъ разсказовъ такихъ писателей, какъ г. Чеховъ. Неужели и онъ въ своихъ разсказахъ хочетъ „комедь“ ломать?

Очевидно, что у г. Чехова составилось какое-то ложное понятіе о духовенствѣ и враждебное отношеніе къ нему. Среди этого сословія онъ видитъ одно только уродство и мрачныя стороны. По его словамъ, помимо умственного убожества, и нравственныя понятія въ духовенствѣ слишкомъ невысокаго качества. Пьянство, грубость нравовъ, кулачная расправа съ прихожанами, алчность и жадность, доходящая до присвоенія чужой собственности—обычное явленіе среди духовнаго сословія. Такъ, объ о. Яковѣ („Кошмаръ“), дьячкѣ Вонмигласовѣ („Хирургія“) и другихъ своихъ герояхъ г. Чеховъ отзывается какъ о пьянцахъ и этимъ только объясняетъ ихъ внѣшнее и внутреннее убожество; объ одномъ протоіереѣ говоритъ, что „онъ такъ же, какъ и отецъ его, близъ прихожанъ палкой по шоловь, а изъ о. Якова онъ устроилъ положительно уродливую фигуру въ нравственномъ отношеніи. Жадность, вслѣдствіе голодовки, доходитъ у него до колоссальныхъ размѣровъ. Онъ находитъ удовольствіе только въ удовлетвореніи своему волчьему аппетиту и слѣдствіемъ этой алчности являются совершенно несвойственныя и даже невѣроятныя черты. Для иллюстраціи довольно этихъ словъ: „Отецъ Яковъ весь погрузился въ чаенитіе... По некрасивому лицу его отъ уха“

до уха разливалось выраженіе удовольствія и самого обыденнаго, прозаическаго аппетита. Онъ ниль и смаковалъ каждый глотокъ. Выпивъ все *до послѣдней капли*, онъ поставилъ стаканъ на столъ, потомъ взялъ назадъ этотъ стаканъ, оглядѣлъ его дно и опять поставилъ... Выраженіе удовольствія сползло съ лица... Далѣе Кунинъ видѣлъ, какъ его гость взялъ изъ сахарницы одинъ кренделекъ, откусилъ отъ него кусочекъ, *потомъ повертѣлъ въ рукахъ и быстро сунулъ его себѣ въ карманъ*.

„Ну, ужъ это совсѣмъ не по іерейски! подумалъ Кунинъ, брезгливо пожимая плечами.—Что это „поповская жадность“, или ребячество?“

Еслибы г. Чеховъ описывалъ такой волчій аппетитъ, замѣченный имъ у какого-нибудь проголодавшагося коренастаго мужика, мы еще могли бы повѣрить его словамъ, но если онъ обнаруживаетъ подобнаго рѣда непристойную жадность у захудалаго, блаженнаго, маленькаго и тисдушнаго о. Якова, мы относимся съ полнымъ недоувѣріемъ къ словамъ беллетриста, а приписываніе ему Чеховымъ воровства крендельковъ чѣмъ-то положительно не мыслимымъ, если не предположить со стороны писателя только намѣренія самымъ безпощаднымъ образомъ поиздѣваться надъ лицомъ, облеченнымъ въ духовный санъ, столь уважаемымъ простымъ народомъ. Выставлятъ на видъ столь крупный и притомъ весьма сомнительный недостатокъ въ священникѣ (если разумѣется не допускать, что онъ одержимъ клептоманіей) по меньшей мѣрѣ цинично и не тактично со стороны столь выдающагося писателя, какъ г. Чеховъ. А слова его, что „гость взялъ изъ сахарницы одинъ кренделекъ, откусилъ отъ него кусочекъ, потомъ повертѣлъ въ рукахъ и быстро сунулъ къ себѣ въ карманъ“—это ужъ нѣчто похожее на народное изреченіе: „не любо, не слушай“. Да и что, собственно говоря, хотѣлъ выразить г. Чеховъ, обнаруживая такой недостатокъ въ героѣ своего разсказа? Жадность? Тогда къ чему доводить ее въ немъ до такихъ геркулесовскихъ столбовъ. Ребячество? Но едвали

оно допустимо и умѣстно въ служителѣ алтаря. Бѣдность? Правда, наше духовенство не богато средствами, но неужели оно ведетъ уже столь нищенское существованіе, что не видитъ въ своемъ домѣ чая и съ жадностію набрасывается на предложенный ему въ гостяхъ стаканъ чая, а къ кренделькамъ питаетъ такую слабость, что не только улетаетъ ихъ во всю, но даже не прочь ихъ и прикарманить? Слишкомъ же г. Чеховъ низкаго мнѣнія о нашемъ духовенствѣ, и самая бѣдность его ужъ черезъ чуръ преувеличена, если доходить до того, что въ домѣ о Якова не находится стакана чая, чтобы угостить имъ Кунина. Эта матеріальная необезпеченность духовенства, по словамъ г. Чехова, столь велика, что для поддержанія его существованія онъ опредѣляетъ приходскихъ священниковъ въ экономическіе писаря...

Вотъ какъ издѣваются надъ убожествомъ и нищенскимъ содержаніемъ духовенства свѣтскіе писатели!.. Мало средствъ къ существованію у священника, пусть идетъ къ помѣщику въ писаря. А вѣдь о Яковъ самъ другъ съ женой, а куда бы опредѣлить его г. Чеховъ, если бы у него было самъ 6—10 душъ семьи? Пожалуй, для усиленія „дивидентовъ“ заставилъ бы исполнять обязанности кучера или лакея въ домѣ предводителя Кунина... Какое жалкое приниженное положеніе!.. Какъ только писательская рука поднимается къ такимъ насмѣшкамъ и какъ все это и тому подобное во-очію говорить о необходимости обезпечить наше духовенство средствами, очистить его отъ той грязи, которою стараются забрызгать это сословіе и тѣмъ заградить уста подобнаго рода издѣвательствамъ, такъ какъ недостатокъ средствъ лишаетъ возможности имѣть священнику сносную одежду („Кошмаръ“ стр. 18), чай и сахаръ (стр. 27), приличную обстановку (стр. 22), ѣздить на лошадахъ, а не ходить пѣшкомъ за 7 верстъ (стр. 29), и побуждаетъ занимать мѣста писарей (стр. 26), тащить крендельки по карманамъ (стр. 20) и многое другое, отвратительное и мерзкое, заключающееся въ разказахъ А. Чехова изъ быта духовенства. Недостаткомъ средствъ г. Чеховъ и ста-

рается объяснить многія уродливыя стороны въ духовенствѣ. Это служить, по его мнѣнію, главною побудительною причиною, что наше духовенство грубо, невѣжественно, забрызгано грязью, жадно и завистливо. Это же обстоятельство даетъ поводъ свѣтскимъ писателямъ избирать духовное сословіе объектомъ насмѣшекъ и свои издѣвательства доводить до крайней преувеличенности, до забвенія этимъ сословіемъ прямыхъ его обязанностей, до неумѣнья и шагу ступить не только въ домъ предводителя, но даже въ храмъ при совершеніи обѣдни...

„Деревянная церковь, къ которой подѣхалъ Куининъ, нишетъ г. Чеховъ, была ветха и сѣра; колонки у паперти, когда-то выкрашенныя въ бѣлую краску, теперь совершенно облупились и походили на двѣ некрасивыя оглобли. Образъ надъ дверью глядѣлъ сплошнымъ, темнымъ пятномъ. Но эта бѣдность тронула и умизила Кунина. Скромно опустивъ глаза, онъ вошелъ въ церковь и остановился у двери. Служба еще только началась. Старый, въ дугу сгорбившійся діаконъ глухимъ, неразборчивымъ теноромъ читалъ часы. Отецъ Яковъ, служившій безъ дьякона, ходилъ по церкви и кадилъ. Если-бъ не смиреніе, какимъ проникся Куининъ, входя въ нищую церковь, то при видѣ отца Якова онъ непременно бы улыбнулся. На малоросломъ іереѣ была помята и длинная предлинная риза изъ какой то потертой желтой матеріи. Нижній край ризы волочился по землѣ.

— „Кто чистъ душою, тому хорошо здѣсь молиться...—думалъ Куининъ.—Какъ въ Римѣ у св. Петра поражаетъ величіе, такъ здѣсь трогаютъ эти смиреніе и простота“.

„Но молитвенное настроеніе его разсѣялось въ дымъ, когда отецъ Яковъ вошелъ въ алтарь и началъ обѣдню. По молодости лѣтъ, попавъ въ священники прямо съ семинарской скамьи, отецъ Яковъ не успѣлъ еще усвоить себѣ опредѣленную манеру служить. Читая, онъ какъ будто выбиралъ, на какомъ голосѣ ему остановиться, на высокомъ тенорѣ, или жидкомъ баскѣ; кланялся онъ неумѣло, ходилъ быстро, цар-

скія врата открывалъ и закрывалъ порывисто... Старый дьячокъ, очевидно больной и глухой, плохо слышалъ его возгласы, отчего не обходилось безъ маленькихъ недоразумѣній. Не успѣвъ отецъ Яковъ прочесть, что нужно, а ужъ дьячокъ поетъ свое, или же отецъ Яковъ давно уже кончилъ, а старикъ тянется ухомъ въ сторону алтаря, прислушивается и молчитъ, пока его не дернуть за полу. У старика былъ глухой, болѣзненный голосъ, съ одышкой, дрожащій и шепелявый... Въ довершеніе неблаголѣпія, дьячку подтягивалъ очень маленькій мальчикъ, голова котораго едва виднѣлась изъ-за перилы клироса. Мальчикъ пѣлъ высокимъ визгливымъ дискантомъ и словно старался не попадать въ тонъ. Куниръ постоялъ немного, послушалъ и вышелъ покурить. Онъ былъ уже разочарованъ и почти съ неприязнью глядѣлъ на сѣрую церковь.

— Жалуются на паденіе въ народѣ религіознаго чувства... — вздохнулъ онъ. — Еще бы! Они бы еще больше понасажали такихъ поповъ!

И здѣсь, какъ и во всемъ высказанномъ раньше, нарисована г. Чеховымъ полнѣйшая карриатура, сквозитъ намѣреніе зло насмѣяться надъ бѣднымъ приниженнымъ и беззащитнымъ духовенствомъ и его высокимъ служеніемъ, стараясь унижить его до крайности, подорвать авторитетъ его до послѣдней степени и тѣмъ, разумѣется, окончательно повліять „на паденіе въ народѣ религіознаго чувства“. Какое деморализующее и разлагающее вліяніе можетъ оказать на народъ выведенный г. Чеховымъ въ его рассказѣ „Кошмаръ“ виѣщій, умственный, нравственный и общественный обликъ пастыря!.. Впечатлѣніе получается самое удручающее. Если допустить, что таково „по обыкновенію“ наше духовенство, то страшно становится и за наше пастырство и за то великое дѣло, которое вручено ему. Но благодареніе Богу, что это не снимокъ съ натуры, а только карриатура, что это не дѣйствительный типъ, а вымышленный досужею фантазією беллетриста... Одно только обидно, что столь популярный и

талантливый писатель, сочинения которого, благодаря тому, что приложены къ одному изъ самыхъ распространенныхъ журналовъ, читаются почти всеми, допускаетъ столь рѣзкія погрѣшности и несправедливое отношеніе къ дѣлу. Не думаю, чтобы это было плодомъ плохой наблюдательности... Нѣтъ!.. Мы увѣрены, что при написаніи подобнаго рода очерковъ изъ быта духовенства, имѣлась въ виду только одна цѣль—посредствомъ изображенія духовныхъ лицъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ унижить все духовное сословіе и забрызгать его грязью. По словамъ одного нашего публициста, „это рѣзкая и безошадная, полная ненависти и высокоумія и въ то же время совершенно беззаботная на счетъ правды и справедливости критика дѣятельности духовенства и не только дѣятельности его настоящей, современной, но и прошлой, исторической“¹⁾.

Потому-то на обязанности нашего пастырства лежитъ долгъ стоять на высотѣ своего призванія, поддержать свою репутацію и смыть ту грязь, которою стараются очернить его, тогда, быть можетъ, совѣсть побудитъ свѣтскихъ писателей проявлять больше сочувствія, искренности и правдивости къ тѣмъ лицамъ, изъ духовнаго сословія, которыхъ они берутся изображать въ своихъ очеркахъ и рассказахъ.

Свящ. С. Брояковскій.

При настоящемъ номерѣ разсылается объявленіе „Т-ва ПРОВОДНИКЪ“

¹⁾ См. „Мис. Обзор. 1903 г. № 8 „Объ упад. духа духов.“.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 31 октября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, ноября 9-го.

Содержаніе: О лишеніи церковнаго погребенія (окончаніе).—Къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви Христовой.—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

О лишеніи церковнаго погребенія ¹⁾.

Возрѣніе протестантства на лишеніе церковнаго погребенія въ различное время было неодинаково. Самъ Лютеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ по этому вопросу такъ: „обычай нашей церкви таковъ, что съ упорно презрѣвшимъ общевіе съ нами при жизни мы не вступаемъ въ общеніе и по смерти, т. е. мы предоставляемъ хоронить его, кто и гдѣ захочетъ, внѣ или внутри кладбища. Но мы съ нашими учениками не идемъ за нимъ, не отпѣваемъ его, предоставляемъ воиѣять тѣмъ, которые его погребаютъ, согласно съ словами: оставьте мертвымъ погребать мертвецовъ. Такъ какъ погребальныя пѣсни поютъ объ отходящемъ во Христъ,

¹⁾ См. № 44 за 1903 годъ.

то безъ лжи и соблазна совѣсти,—прямо безъ кощунства, мы не можемъ воспѣвать ихъ надъ умершимъ въ нечестіи и богохульствѣ“. Здѣсь, очевидно, устанавливается тотъ взглядъ на церковное погребеніе, что оно есть выраженіе общенія живыхъ и умершихъ во Христѣ, и потому совершеніе его надъ людьми, отрекшимися отъ Христа, не имѣетъ смысла. Но въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Лютеръ, повидимому, становится на иную, средневѣковую точку зрѣнія и рассматриваетъ лишеніе погребенія, какъ средство устрашенія живыхъ и наказанія умершихъ, какъ средство лишенія мірской чести. Въ сужденіи относительно того, кого должно лишать погребенія, Лютеръ мягче папы Льва. Онъ, напр., считалъ достойными погребенія оглашенныхъ, умершихъ до крещенія, а также дѣтей, умершихъ не крещенными.

Послѣ Лютера вопросъ о лишеніи церковнаго погребенія затрогивался въ различныхъ протестантскихъ уставахъ XVI вѣка. Подъ лишеніемъ погребенія здѣсь разумѣется не только отказъ въ погребеніи торжественномъ, но и прямо недопущеніе на кладбище или предоставленіе на кладбищѣ удаленнаго, менѣ почетнаго мѣста. Въ „Витенбергскихъ мнѣніяхъ“ 1588 г. устанавливается относительно отлученныхъ, что они не должны быть погребаемы съ священными пѣснями или съ церемоніями, мѣстомъ же погребенія для нихъ назначается не общее кладбище, а поля.. Достойными лишенія погребенія при этомъ въ уставахъ признаются не только отлученные отъ церкви формально, но и тѣ, которые, принадлежа къ церкви, умерли безъ покаянія въ публичныхъ грѣхахъ. Къ послѣднимъ причислялись презрители таинствъ, прелюбодѣи, ростовщики, занимающіеся колдовствомъ, и даже тѣ, которые безъ вѣдома пастора вступали въ бракъ съ лицомъ изъ другого прихода. Въ нѣкоторыхъ уставахъ настойчиво запрещается, кромѣ того, погребать папистовъ, особенно католическихъ монаховъ и духовенство. Въ одномъ уставѣ 1531 г. признаются достойными лишенія погребенія еще тѣ, которые отдають своихъ дѣтей въ монастыри и этимъ способствуютъ „не

христіанской жизни“; эти лица трактуются даже, какъ не принадлежаціе къ христіанству. Принципомъ, лежащимъ въ основѣ указанныхъ запрещеній, былъ взглядъ на церковное погребеніе, какъ на свидѣтельство о вѣрѣ умершаго: гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ не можетъ имѣть мѣста и церковное погребеніе. Этотъ взглядъ измѣненъ былъ въ періодъ протестантской ортодоксіи въ XVII и XVIII вв. Въ канонической литературѣ этого времени церковное погребеніе разсматривается, какъ оказаніе со стороны церкви чести умершему, и прямо называется *beneficium ecclesiae*. Отсюда лишеніе погребенія являлось уже лишеніемъ чести. При этомъ не ограничивались запрещеніемъ только церковныхъ торжествъ, какъ звона колоколовъ и рѣчи, но присоединяли и нѣчто прямо направлявшееся къ обезпеченію умершаго. Напр., трупъ казненнаго зарывался подъ висѣлицей; трупъ отцеубійцы зарывался вмѣстѣ съ мертвой кошкой; виновный въ оскорбленіи величества четвертовался и части тѣла его разбрасывались на улицѣ. Здѣсь, очевидно, церковное покаяніе превратилось уже въ чисто мірское, хотя имъ и вѣдала церковь. Эти строгости смягчены были въ эпоху „просвѣщенія“, въ концѣ XVIII и въ XIX вв., и въ настоящее время практика протестантства относительно лишенія церковнаго погребенія такова.

Прежде всего, имперскимъ закономъ 13 мая 1873 г. установлено, чтобы церковь пользовалась только тѣми дисциплинарными средствами, которыя принадлежатъ чисто религіозной области и не направляются противъ тѣла, имущества, свободы или гражданской чести. Въ законѣ, при этомъ, поясняется, что объявленіе церковныхъ наказаній и дисциплинарныхъ мѣръ не должно происходить въ оскорбительной формѣ. По силѣ этого закона, евангелическая церковь, при запрещеніи погребенія, въ настоящее время уже не допускаетъ ничего, что могло бы безчестить тѣло умершаго: она не знаетъ отказа въ погребеніи вообще, т. е. въ преданіи тѣла землѣ, а также практикуемаго въ католичествѣ погребенія у ограды или въ углу кладбища. Лишеніе церковнаго погребенія

нія понимается въ евангелической церкви, какъ запрещеніе извѣстныхъ чисто церковныхъ торжествъ, и она не только часто практикуетъ такое запрещеніе, но и обнаруживаетъ тенденцію провести его въ законодательномъ порядкѣ. По церковнымъ законамъ герцогства Ангальтскаго, изданнымъ 27 января 1889 г., „во всякомъ церковномъ содѣйствіи духовенства должно быть отказано при погребеніи такихъ членовъ общины, которые 1) должны быть признаны потерявшими право принять св. причащеніе, если они умерли безъ исповѣди и прощенія; 2) которые чрезъ упорное пренебреженіе своими церковными обязанностями, въ связи съ возбуждающими злобу рѣчами или дѣйствіями до самой смерти обнаруживали себя, какъ презрители слова Божія и основаннаго на немъ церковнаго порядка; 3) которые чрезъ преступный или продолжительно соблазнительный образъ жизни обнаружили открытую злобу, не искупленную покаяніемъ; 4) которые сами себя въ сознательномъ свободномъ состояніи лишили жизни“.

Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда пасторъ, несмотря на добросовѣстное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, не можетъ достигнуть полной увѣренности въ наличности оснований для запрещенія погребенія, законъ предписываетъ ему обратиться за разрѣшеніемъ къ Общецерковному Совѣту. Самое лишеніе погребенія, по § 4-му Ангальтскихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что „пасторъ уполномоченъ запретить звонъ церковныхъ колоколовъ и отклонить сопровожденіе тѣла на кладбище въ священнической одеждѣ и церковное содѣйствіе при погребеніи ограничить домашней молитвой въ траурномъ домѣ или молитвой при гробѣ“; § 5-й того же закона разрѣшаетъ пастору также „предложить нуждающимся въ утѣшеніи благословеніе божественнаго слова и общей молитвы“; при этомъ предписывается только „избѣгать всего, что можетъ придать дѣйствію характеръ печальнаго торжества, стоящаго въ непосредственной связи съ погребеніемъ“.

Подобныя же возрѣнія проведены и въ постановленіяхъ Церковнаго Совѣта въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ отъ 20 мар. 1895 г. По этимъ постановленіямъ, „умершему, который до самой своей смерти принадлежалъ къ евангелической церкви, въ церковномъ погребеніи въ простѣйшей формѣ (молитвѣ, чтеніи „Отче нашъ“ и благословеніи, проносимомъ въ священнической одеждѣ), если пожелаютъ родственники, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отказано“. Можетъ быть отказано только въ дальнѣйшихъ торжествахъ, какъ надгробная рѣчь или проповѣдь, сопровожденіе погребальной процессіи священникомъ, школой и церковнымъ хоромъ, музыка и звоцъ колоколовъ. Достойными лишенія этихъ торжествъ опять признаются противники церкви и ея уставовъ или люди, ведшіе долгое время соблазнительную жизнь. Въ Дрезденскихъ правилахъ 1854 г. къ нимъ присоединяются еще „пребывавшіе до конца жизни въ нехристіанскомъ или сектантскомъ заблужденіи“, а также умирающіе во время совершенія преступнаго дѣла.

Къ сказанному должно добавить, что рѣшеніе вопроса о погребеніи въ Германіи предоставляется или пастору (въ Нассау, Кургессенѣ, Виртембергѣ, Ангальтѣ) или же Общецерковному Совѣту (въ Веймарѣ, въ Мейнингенѣ). Мотивомъ же для запрещенія погребенія въ протестантствѣ служитъ желаніе охранить честь церкви, — ея святость и авторитетъ.

Что касается современной католической практики по разсматриваемому нами вопросу, то она основывается на *Rituale Romanum* Павла V. Здѣсь о лишеніи церковнаго погребенія мы читаемъ слѣдующее: „отказывается въ церковномъ погребеніи язычникамъ, іудеямъ и всѣмъ невѣрующимъ, еретикамъ и покровителямъ ихъ; отсутствующимъ отъ христіанской вѣры; схизматикамъ и всенародно отлученнымъ великимъ отлученіемъ; находящимся подъ личнымъ запрещеніемъ и тѣмъ, которые живутъ въ мѣстѣ, подвергнутомъ интердикту, во время дѣйствія его; убивающимъ себя въ состояніи отчаянія или глѣва (но не въ безуміи), если они предъ смертию не дадутъ зна-

ковъ покаянія; умирающимъ на дуэли, хотя бы предъ смертью они дали знаки покаянія; явнымъ и публичнымъ грѣшникамъ, которые погибли безъ покаянія; тѣмъ, о которыхъ публично извѣстно, что они ни разу въ году не принимали таинствъ покаянія и причащенія и умерли безъ всякаго знака сожалѣнія; дѣтямъ, умершимъ безъ крещенія“. Лишеніе погребенія при этомъ разсматривается, какъ наказаніе, когда, напр., относительно самоубійцы оно мотивируется тѣмъ, что послѣдніе ушли отъ всякаго другого наказанія. вмѣстѣ съ этимъ лишенію погребенія придается и значеніе безчестья. Формой же лишенія погребенія является не только отказъ въ церковномъ чинѣ, но и назначеніе лишеннымъ непочетнаго мѣста на кладбищѣ. Въ этомъ случаѣ католическая церковь въ Германіи обходитъ упомянутые выше майскіе законы, запрещающіе церкви наказанія свѣтскаго характера, ссылкой на то, что освященная земля кладбища, мѣсто и порядокъ гробовъ на немъ принадлежитъ къ области чисто религіозной.

У насъ на Руси, какъ и вездѣ, погребеніе умершихъ считалось священнымъ долгомъ живыхъ. Выражая, очевидно, распространенное воззрѣніе своего времени, епископъ новгородскій Нифонтъ въ своихъ отвѣтахъ Кирику, между прочимъ, говоритъ: „оже кости мертвіи валяются кдѣ, то велика челоуѣку тому мзда, оже погребуть ихъ“. Обычной формой церковнаго погребенія, при этомъ, было у насъ преданіе тѣла землѣ съ пѣніемъ извѣстныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Но и въ Русской Церкви издавна практиковалось лишеніе церковнаго погребенія въ различныхъ формахъ. Тотъ же еп. Нифонтъ сообщаетъ Кирику, что умершихъ безъ покаянія онъ приказываетъ иногда отпѣвать безъ ризъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы другіе „видя сіе убоялись“. Въ правилахъ м. Георгія запрещается совершенно отправленіе церковнаго чина надъ самоубійцами. „Если челоуѣкъ“, читаемъ мы здѣсь, „не будучи виѣ ума, лишитъ себя жизни, то не пѣть надъ нимъ, но поврещи“. Вообще, по словамъ проф. Е. Е. Голубинскаго, у насъ на Руси въ до-монгольскій періодъ погре-

бали особеннымъ образомъ удавленниковъ, утопленниковъ и всѣхъ, умершихъ несчастною и внезапною смертию. Ихъ не отпѣвали и не клали на кладбищахъ при церквахъ, но отвозили въ такъ называемые убогіе дома, иначе божедомы или божедомки и скудельницы, которыя находились внѣ городовъ, на всполяхъ. Эти „божедомы“ представляли собою большія и глубокія ямы, надъ которыми иногда устраивались „могилвенные храмы“, или, попросту, саран. Въ эти ямы и бросали тѣла внезапно умершихъ, при чемъ ихъ оставляли не засыпанными землею до 7-го четверга по Пасхѣ или до „семика“. Въ этотъ же день священники отпѣвали надъ ними общую панихиду, а народъ, собравшійся „проводать скудельницы“, засыпалъ яму и выкапывалъ новую¹⁾. Уравненіе въ отношеніи погребенія людей, умершихъ внезапною смертию, съ самоубійцами основывалось, вѣроятно, на томъ, распространенномъ въ древнее время въ Греціи и у насъ мнѣніи, что внезапная смерть есть наказаніе Божіе за грѣхи, и для умершихъ ею бесполезно церковное погребеніе. Указанный обычай погребенія въ божедомихъ существовалъ у насъ до XVIII в., когда въ 1771 г. скудельницы были уничтожены. Впрочемъ, какъ видно, онъ не всегда строго соблюдался. Изъ приведенныхъ выше словъ еп. Нифонта о погребеніи костей, найденныхъ по дорогѣ, можно заключить, что въ средѣ Русской Церкви въ болѣе раннее время были мнѣнія, не согласныя съ установившимся обычаемъ — не предавать землѣ утопленниковъ и удавленниковъ. Равнымъ образомъ, изъ извѣстнаго обличенія еп. Владимірскимъ Серапіономъ вырванія уже *погребенныхъ* утопленниковъ слѣдуетъ, что они не всегда лишались церковнаго погребенія.

Въ болѣе позднее время, въ XIV—XVI ст., свидѣтельства о церковной практикѣ по разсматриваемому вопросу мы встрѣчаемъ въ посланіяхъ митрополитовъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что лишеніемъ погребенія въ XIV—XVI ст.

¹⁾ Голубинскій, Ист. Р. Ц. т. I, втор. пол. 396. Изд. I-е.

наказывались разныя преступленія противъ вѣры и благочестія. Въ посланіи къ новгородцамъ Фотій пишетъ ¹⁾: „блудникъ, обаятель, мятежникъ, чародѣй, скоморохъ, узолникъ, смывая челоуѣка, въ птицѣ грай вѣруясь, баснемъ сказатель, въ стрѣчю вѣруя, въ птицы и гады загадывалъ, также на дѣта отлучается... аще не покаются, ино таковыхъ священнику въ церковь не пускать, ни приноса отъ нихъ не имати, ни въ домъ къ нимъ ни ходитъ“. Тотъ же митр. Фотій въ поученіи къ псковскому духовенству (1411) запрещаетъ церковное погребеніе утопленниковъ и удавленниковъ: „ни надъ ними пѣти, ни поминати, бо въ пустѣ мѣстѣ въ яму вложити и закопати“. Въ рукописи ²⁾ „вопросовъ и отвѣтовъ о разныхъ случаяхъ“ предписывается хоронитъ „опречь Божіи Церкви“ и безъ пѣнія и молитвъ воровъ, убитыхъ на мѣстѣ преступленія, и умершихъ некрещенныхъ дѣтей. Митрополиты Петръ и Фотій строго запрещаютъ также погребать убитыхъ „на поли“ или на дуэли: „а (кто) будетъ убитъ на поли“, говоритъ м. Петръ въ своемъ окружномъ посланіи, „ино его псомъ повреци, а не проводи его, а который попь проводить, тотъ попь поповства лишень“ ³⁾.

Кромѣ названныхъ преступниковъ противъ уставовъ вѣры и благочестія, церковнаго погребенія не удостоивались въ разсматриваемый періодъ иновѣрцы и еретики. Иностранецъ Петрей сообщаетъ, что даже любимецъ Бориса шведскій принцъ Густавъ, умершій въ Москвѣ, былъ погребенъ за городомъ въ березовой рошѣ ⁴⁾. Что касается еретиковъ, то съ XVI в. они не только лишались церковнаго погребенія, а и подвергались, кромѣ того, казнямъ,—какъ, напр., были сожжены нѣкоторые изъ жидовствующихъ по постановленію Собора 1504 года.

¹⁾ Русск. Истор. Библ. т. VI, стр. 278.

²⁾ Тамъ же, стр. 860, 864.

³⁾ Тамъ же, стр. 285.

⁴⁾ Рушницкій. Религ. бытъ русскихъ. Стр. 218.

Вообще въ XVI—XVIII вв. у насъ не только практикуется лишеніе церковнаго погребенія, но и присоединяется къ нему обезчещеніе умершаго, подобно тому, какъ это было въ то время и на Западѣ. Напр., чародѣевъ и еретиковъ, включая сюда и раскольниковъ, въ этотъ періодъ не только не погребали по церковному чину, но и предавали сожженію. Такое наказаніе назначается чародѣямъ и волшебникамъ въ указѣ царя Θεодора Алексѣевича отъ 1682 г. Равнымъ образомъ, въ артикулахъ воинскаго устава Петра Великаго опредѣляется, что „ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чернокнижникъ, ружья заговоритель, суетвѣрный и богохульный чародѣй, оный по состоянію дѣла въ жестокомъ заключеніи, въ желѣзахъ, гонимъ шницрутенъ наказанъ или весьма сожженъ имѣеть быть“¹⁾. По статьѣ Уложенія наказывались сожженіемъ и виновные въ богохульствѣ, а со второй половины XVII в. эта статья прилагалась и къ раскольникамъ.

Такое же усиленіе строгости замѣтно въ данный періодъ и въ отношеніи къ другимъ преступленіямъ. Напр., по Инструкціи поповскимъ старостамъ, составленной патр. Адрианомъ, людей, умершихъ внезапною смертію, повелѣвается хоронить уже не въ убогихъ домахъ, какъ прежде, а въ лѣсу или на полѣ. „А который человекъ“, читаемъ мы здѣсь, „или зарѣжется или, купаясь и похваляясь и играя утонетъ, или вина опьется, или съ качели убьется или иную какую смерть самъ надъ собой своими руками учинить, или на разбоѣ и на воровствѣ какомъ будетъ, и тѣхъ умершихъ тѣлъ у Церкви Божіи не погребать, и надъ ними отпѣвать не велѣтъ, а велѣтъ ихъ класть въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ кладбища и убогихъ домовъ“²⁾. Въ „убогихъ домахъ“ Инструкціей патр. Адриана разрѣшается погребать безъ отпѣванія только воровъ и разбойниковъ, успѣвшихъ пріобщиться предъ смертію, а

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. V, № 3006, гл. I, арт. I.

²⁾ Полн. Собр. Зак. т. III, стр. 417.

также казненныхъ смертною казнью. Въ воинскомъ Уставѣ Петра Великаго унизительная форма погребенія назначается самоубійцамъ. „Ежели кто самъ себя убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“¹⁾. Эта унизительная форма погребенія назначается, впрочемъ, только совершившимъ самоубійство въ состояніи здоровьѣ. Въ случаѣ же, „ежели кто учинить самоубійство въ безпамятствѣ, болѣзни, меланхоли“, уставъ предписываетъ „оное тѣло въ особливомъ, но не безчестномъ мѣствѣ похоронить“. Съ теченіемъ времени эти строгости постепенно ослаблялись. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія этотъ вопросъ, по почину военнаго Вѣдомства, поднятъ былъ вновь и подвергся обстоятельному разсмотрѣнію со стороны митр. московскаго Филарета. Московскій святитель склонялся въ пользу болѣе строгаго отношенія къ умершимъ иновѣрцамъ, въ виду соборныхъ правилъ, запрещающихъ молитвенное общеніе съ еретиками (Апост. 10, Ант. 2, Лаод. 6, 33). „Вѣра и молитва вѣры“, рассуждалъ м. Филаретъ, „способствуетъ спасенію. Если бы сіи люди повѣрили благодати и молитвѣ Православной Церкви, то присоединились бы къ ней. Если же не присоединились, то это признакъ, что не имѣли такой вѣры. Безъ вѣры не полезна молитва“. Особенно мало смысла имѣеть, по мнѣнію м. Филарета, молитва за умершихъ лютеранъ и реформатовъ. „Они“, говоритъ святитель, „по догматамъ своихъ вѣроисповѣданій, не вѣрятъ молитвамъ за усопшихъ. Не странно ли было бы навязывать имъ духовную помощь, которой они не требуютъ и которой они и существованія не признаютъ. Какую цѣль могутъ имѣть молитвы о такихъ усопшихъ,—развѣ глумленіе лютеранскихъ реформатскихъ догматиковъ?“ Митр. Филаретъ считалъ возможнымъ только въ исключительныхъ случаяхъ поминовеніе умершихъ лютеранъ на проскомидіи и панихиды по нимъ въ домѣ, признавая неудобнымъ эти исключительные

¹⁾ Тамъ же, т. V.

случаи обращать въ общее правило. Соответственно мнѣнію м. Филарета, св. Синодъ опредѣлилъ — при погребеніи военныхъ чиновъ римско-католическаго, лютеранскаго и реформатскаго исповѣдацій руководиться указомъ 24 авг. 1727 г., подтвердивъ запрещеніе отиѣвать иновѣрцевъ по православному чину, вносить ихъ въ храмъ, а также и совершать по нимъ панихиды на домахъ ¹⁾).

Что касается настоящаго времени, то теперь лишеніе церковнаго погребенія распространяется у насъ на лицъ, отлученныхъ отъ Церкви, окончившихъ жизнь самоубійствомъ (если послѣднее не было результатомъ душевной болѣзни), на преступниковъ, казненныхъ по опредѣленію суда или погибшихъ во время совершенія преступления, на умершихъ отъ опьяненія, на презрителей таинствъ и умершихъ до крещенія дѣтей ²⁾). Какъ извѣстно, на практикѣ постановленія о лишеніи церковнаго погребенія въ настоящее время примѣняются весьма рѣдко. Имѣющаяся въ православномъ чинѣ погребенія разрѣшительная молитва служитъ основаніемъ для снисходительности нашей Церкви въ дѣлѣ примѣненія названныхъ постановленій. Самый же принципъ, полагаемый современною нашею Церковью въ основу запрещенія для нѣкоторыхъ лицъ православно-христіанскаго погребенія, ясно выраженъ въ извѣстномъ письмѣ митр. Антонія къ гр. Толстой. Изъ этого письма видно, что такимъ принципомъ служитъ охраненіе святости таинствъ и обрядовъ. Въ названномъ письмѣ мы читаемъ: „Для членовъ своихъ Церковь благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни, — рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получать ни молитвъ, ни благословеній“. Въ запрещеніи церковнаго погре-

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Допол. т., стр. 183.

²⁾ *Нечаевъ*. Практ. руков. для пастырей. 1884. Стр. 213.

бенія того или иного лица, по словамъ высокопреосвященнаго автора письма, „никому никакой угрозы вѣтъ“; но погребеніе запрещается потому, что совершаемое надъ невѣрующимъ „оно было бы профанаціей священнаго обряда“ и даже насиліемъ надъ личностью умершаго.

Мы представили краткій очеркъ исторіи лишенія церковнаго погребенія. Изъ этого очерка видно, что лишеніе погребенія практиковалось въ христіанствѣ съ древнѣйшихъ временъ и удерживается доселѣ въ той или иной формѣ во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ. Въ настоящее время, однакоже, раздаются возраженія противъ разсматриваемой нами церковной практики. Однимъ—лишеніе погребенія кажется не имѣющимъ смысла, такъ-какъ умершій не можетъ чувствовать ни наказаній, ни угрозъ, а окружающіе его близкіе ихъ не заслуживаютъ. Другіе считаютъ лишеніе церковнаго погребенія не совмѣстимымъ съ той христіанскою любовью, которая должна лежать въ основѣ жизни и дѣятельности Церкви. „Я никогда бы“, говоритъ одинъ протестантскій писатель, „не отклонилъ просьбы скорбящихъ людей, которые предложили бы мнѣ помолиться при гробѣ близкаго имъ и почитать слово Божіе; я не знаю, на какомъ основаніи священникъ можетъ отказаться отъ исполненія такого желанія. Мы не господа вѣры и не судьи живыхъ и умершихъ. И даже, если бы мы должны были опасаться того, что насъ приглашаютъ только, какъ статистовъ, ради одежды, то все-таки мы должны были бы отвергнуться себе и идти. Если мы будемъ исполнять свой долгъ достойнымъ образомъ., то, при благодати Божіей, мы и вызовемъ серьезное настроеніе у насмѣхающихся, и воспламенимъ равнодушныхъ. А если бы этого не произошло, то все же мы исполнили свой долгъ, допустили господство любви, которая всему вѣруетъ, на все надѣется и все терпитъ“.

Что касается перваго изъ указанныхъ возраженій, то отвѣтомъ на него могутъ служить сдѣланныя выше замѣчанія о мотивахъ лишенія церковнаго погребенія. Какъ угроза и

показаніе, лишеніе церковнаго погребенія было бы, дѣйстви-
 тельно, не понятно. Оно было бы прямо безсмысленнымъ, если
 бы практиковалось въ старинной формѣ обезчещенія умер-
 шаго. Но оно имѣетъ полный смыслъ, когда смотрѣть на него,
 какъ на средство огражденія отъ профанаціи церковныхъ об-
 рядовъ; а въ настоящее время и Православная Церковь и
 лютеранство такъ, именно, и смотрять на лишеніе погребенія.
 Съ указанной точки зрѣнія ясенъ отвѣтъ и на другое приве-
 денное выше возраженіе противъ лишенія церковнаго погре-
 бенія. Любовь христіанская, носительницей которой является
 Церковь, дѣйствительно, все терпитъ. Но и христіанской
 любви должны быть положены извѣстныя границы, чтобы она
 не превратилась въ полное безразличіе ко всему. Священникъ,
 по долгу христіанской любви, можетъ пожертвовать собою,
 но не святостью церковныхъ таинствъ и обрядовъ. А когда
 его приглашаютъ въ качествѣ статиста, ради одного облаче-
 нія,—тамъ, именно, отъ него требуется пожертвованіе свя-
 тостью обряда, на каковую жертву онъ не имѣетъ права. Въ
 указанномъ возраженіи только одно справедливо,—что во имя
 любви христіанской иногда возможно отступленіе отъ фор-
 мальныхъ опредѣленій о лишеніи погребенія, во вниманіе къ
 особенностямъ того или иного случая. Но любовь христіан-
 ская не требуетъ устраненія церковной дисциплины и по-
 рядка.

Вл. Р—ій.

Къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви Христовой.

„Возлюбленные! Я почелъ за нужное написать вамъ увѣщаніе — подвизаться за вѣру, *однажды* преданную святымъ“.
(Гуд. 3).

Одинъ изъ западныхъ богослововъ такъ стзывается о нашей Православной Церкви: „Греческая Церковь подчинилась мертвящему принципу преданія. Она есть литургическая

Церковь въ особенномъ смыслѣ, окостенѣвшая въ неподвижныхъ формахъ... Можетъ она хвалиться тѣмъ, что сохранила древнѣйшія традиціи, но не можетъ отрицать того, что чрезъ это низвела христіанство до нѣкотораго рода безжизненной древности, унизила до мертвящаго служенія церемоніямъ. Какъ совсѣмъ иначе это въ католической церкви! Какъ прекрасно сливаются въ ея культѣ древнія учрежденія и новыя формы!“

Современное интеллигентное человѣчество и, особенно, интеллигенція Запада не останавливается ни предъ какими границами въ своей слѣпой погонѣ за прогрессомъ и новизною: новыя открытія и изобрѣтенія, новыя оригинальныя теоріи во всѣхъ областяхъ знанія и касательно всего — вотъ идолъ вѣка. Въ духовной жизни господство одного „изма“ смѣняется другимъ; сегодня топчутъ ногами то, предъ чѣмъ преклонялись вчера, и едва ли кто можетъ быть увѣреннымъ, рабству предъ какой теоріей отдадутся завтра.. „Въ наше время, читаемъ мы въ одномъ французскомъ журналѣ, міръ погруженъ въ хаосъ съ точки зрѣнія умственной и религіозной. Съ этой двоякой точки зрѣнія все представляется колеблющимся, все рушится вокругъ насъ. Разрушеніе глубокое, непреоборимое заявляетъ себя повсюду, увлекаетъ умъ и старается все пересоздать... Наука въ соединеніи съ философіей старается открыть брешь во всѣхъ ученіяхъ, которымъ прежде вѣрили и которыя прежде уважали“.

Жаждутъ и ищутъ новаго и новаго: новизна часто приобрѣтаетъ обаяніе истины, а заклеиваетъ убѣжденіе названіемъ „традиціоннаго, стараго, отжившаго“ значить лишитъ его въ глазахъ образованнаго общества подобающаго уваженія и авторитета. Ничто не защищено отъ анатомическаго ножа критики и скептицизма,—стремятся разрушить самыя дорогія и святыя вѣрованія человѣчества!

Среди этой всеобщей расшатанности убѣжденій, бурнаго стихійнаго колебанія житейскаго океана твердо, какъ скала, какъ корабль, для котораго ничтожны самыя сильныя удары

воли, стоитъ вѣрная завѣтамъ Спасителя и ученію апостоловъ Православная Церковь. И что же? Духъ времени не хочетъ пощадить и ея дѣвственной чистоты: давно на Западѣ и теперь все настойчивѣй у насъ въ Россіи громко раздаются подобныя вышеприведенному нареканія на Православную Церковь за ея традиціонность, за отсутствіе прогресса въ ея ученіи, за ея якобы нежеланіе идти на встрѣчу римской церкви для соединенія, а на эту послѣднюю церковь указываютъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія.

Церковь римская, дѣйствительно, уже давно вступила на путь „историческаго прогресса“ и нововведеній въ своемъ вѣроученіи съ тѣхъ поръ, какъ человекъ признала „вице-Богомъ“, поставила его выше законовъ и дала ему право объявлять новые догматы.

Уже знаменитый Григорій VII прямо проповѣдуетъ тотъ принципъ, что „одинъ только папа властенъ издавать новые догматы, вызываемые нуждами времени“. Всѣ законы, всякое право, утверждаетъ и Бонифацій VIII, имѣютъ свой источникъ въ волѣ намѣстника божественнаго Петра. Въ половинѣ же XII в. канонистъ, болонскій монахъ Граціанъ доказываетъ, что папа есть *dominus et conditor* каноновъ и самъ не связанъ какою либо положительною необходимостью подчиненія имъ. А французскому королю Карлу VII, когда этотъ обратилъ вниманіе на несогласіе папскихъ декретовъ съ законами, отъ имени римской куріи отвѣчаютъ, что даже велѣно указывать папѣ на церковные законы.

Отъ церковныхъ каноновъ легко было для латинскихъ канонистовъ распространить власть папы и на догматы, а съ признаніемъ такой власти, такихъ супра-церковныхъ полномочій папа явился какъ бы живымъ органомъ св. Духа, чрезъ который получаютъ и сообщаются церкви новыя богооткровенныя истины. Въ декретѣ Ватиканскаго собора провозглашается: „Мы (III IX), неуклонно слѣдуя преданію, идущему отъ начала вѣры, *ушимъ и опредѣляемъ*, что таковъ есть богооткровенный догматъ: когда римскій первосвященникъ ех

cathedra... опредѣляетъ обязательное для всей церкви ученіе вѣры и благочестія, то *при божественномъ содѣйствіи*, которое уготовано въ лицѣ блаженнаго Петра, онъ *обладаетъ тою непогрѣшимостью*, какою божественный Искушитель надѣлилъ свою Церковь относительно опредѣленія предметовъ, касающихся вѣры и правовъ“. Здѣсь, очевидно, преданіе церковное признается слугою папы, а онъ боговдохновеннымъ въ своемъ учительствѣ. Такъ предъ свѣтомъ папскаго величія и боговдохновенности меркнетъ величіе апостольскаго авторитета и апостольской боговдохновенности!

Естественно, что, при такомъ взглядѣ на папскій авторитетъ, римская церковь не могла, да и не хотѣла остаться вѣрною апостольскому богооткровенному ученію, открыла широкій доступъ въ свое вѣроученіе человѣческимъ мудрованіямъ и заблужденіямъ и, такимъ образомъ, смѣло пошла по пути прогресса въ развитіи своего догматическаго вѣроученія. Кто, какъ не папа, провозгласилъ догматъ непорочнаго зачатія пресв. Дѣвы Маріи? И кто вѣрилъ ему до этого провозглашенія? Когда явилась попытка при папѣ Григоріѣ XV богословское мнѣніе о непорочномъ зачатіи возвестъ въ догматъ, то папа объявилъ, что *божественная мудрость не открыла еще тайны непорочнаго зачатія Дѣвы Маріи*, а потому и догматомъ это ученіе признаннымъ быть не можетъ. Но вотъ папа Пій IX своей буллою отъ 8 дек. 1854 г. нашель возможнымъ объявить ученіе о непорочномъ зачатіи догматомъ. Вскорѣ затѣмъ былъ провозглашенъ новый догматъ о непогрѣшимости папы. Теперь же, когда церковь, очевидно, признана „рабыней папы“, а самъ папа непогрѣшимымъ, то развѣ этимъ не открыта широко дверь въ церковное вѣроученіе и на будущее время такимъ догматамъ, которыхъ церковь прежде не содержала, но должна будетъ принять, какъ богооткровенную истину, коль скоро папа провозгласить се таковою? И къ такому развитію призываютъ Православную Церковь!

Къ сожалѣнію, и у насъ въ Россіи не такъ давно раздался голосъ (В. Соловьева) въ пользу латинскаго ученія о догматическомъ развитіи Церкви, хотя и встрѣтилъ серьезныя и дружныя опроверженія. И современные намъ искатели „новыхъ путей“ провозглашаютъ, что христіанство— „это храмъ неветшающій и, слѣдовательно, *никогда не достроенный, ибо все, перестающее расти, начинаетъ ветшать*“. Какими бы темными фразами защитники латинскаго ученія ни старались прикрыть понятія этого догматическаго развитія, — сущность его все-таки въ томъ, чтобы допустить возможность привнесенія въ содержаніе церковнаго вѣроученія чего-то новаго, подобнаго тому, что допустила въ свое вѣроученіе церковь римская. Не даромъ же, по мнѣнію Соловьева, Церковь Вселенская на соборахъ, руководясь логикой и св. Духомъ, можетъ превращать богословское мнѣніе или въ ересь или въ богооткровенную догматическую истину.

Итакъ, справедливы ли обвиненія Православной Церкви за ея якобы „застой“, „мертвящую монотонность“, „неподвижность на старинѣ“ и проч., и подлежитъ ли Церковь Христова догматическому развитію?

· I.

Привнесеніе чего-либо новаго всегда вызывается недовольствомъ, несовершенствомъ и вообще недостаточностью стараго, прежняго. Да и самое развитіе, какъ развитіе, напр., человѣческаго сознанія, животной и растительной жизни, всегда предшествуется и условливается опять таки недоразвитостью, а потому и неполнотою предшествующей жизни организма. Совершенное, абсолютное не подлежитъ ни восполненію, ни развитію. Понятіе о восполненіи и развитіи, волишь приложимое къ сознанію духа человѣческаго, совершенно чуждо религіи богооткровенной и абсолютной въ ея окончательномъ и завершительномъ проявленіи. Въ языческихъ религіяхъ и вообще религіяхъ происхожденія человѣческаго или въ тѣхъ, въ которыхъ человѣческой элементъ воспреобладалъ надъ бо-

жественнымъ, мы постоянно замѣчаемъ явленіе неустойчивости даже въ самыхъ основныхъ догматахъ. Отъ реформаторовъ этихъ религій требуется только понять духъ и направленіе жизни соотечественниковъ, сознать современные обстоятельства,—съ этимъ и сообразовать свою реформу и свои нововведенія, которыя въ большинствѣ случаевъ, при благоприятныхъ условіяхъ, и прививаются. Въ такихъ религіяхъ, какъ и вообще во всѣхъ теоріяхъ ума человѣческаго, добавленія, выводы новыхъ догмъ изъ данныхъ основныхъ вполне законны и, даже болѣе, необходимы. Но за то уже признаніе возможности и законности такихъ добавленій, или развитія, усовершенствованія, прямо указываетъ на человѣческое происхожденіе данной религій или теоріи.

Такъ ли должно быть въ христіанской религій? Христіанство—религій присхожденія не человѣческаго, а божественнаго; это свойство христіанства его существенно-отличительная черта по сравненію со всѣми другими религіями. Она имѣетъ краеугольнымъ камнемъ своей вѣры—Христа Бога и Его ученіе, возвѣщенное чрезъ боговдохновенныхъ апостоловъ; вся ея догматика этимъ ученіемъ исчерпывается.

Сообщеніе міру истиннаго ученія о Богѣ входило какъ существенно-важный элементъ въ великую миссію Христа Спасителя, а потомъ—по Его отшествіи изъ міра—было главнѣйшею цѣлью дѣятельности Его ближайшихъ учениковъ-апостоловъ, получившихъ для этой цѣли св. Духа. Поэтому допустить возможность привнесенія въ догматическое христіанское ученіе чего-либо новаго; не сообщеннаго Духомъ св. апостоламъ и ими не возвѣщеннаго міру, значитъ признать, что самимъ апостоламъ не была открыта или ими не сообщена міру вся полнота христіанскаго вѣроученія, т. е. признать, что сами апостолы не обладали высшей степенью христіанскаго просвѣщенія, не были надѣлены полнотою боговдохновенности. Въ противномъ случаѣ, повторемъ, внесеніе въ божественное, а потому и абсолютное ученіе христіанское чего-либо новаго рѣшительно невозможно.

Но, съ другой стороны, невозможно и развитіе догматическаго вѣроученія, понимаемое въ смыслѣ раскрытія, выведенія изъ основныхъ догматовъ новыхъ, самими апостолами ясно не выраженныхъ, — невозможно такое развитіе, если только сами апостолы не сообщали міру ничего неяснаго, загадочнаго. А проповѣдывать міру что-либо подобное апостолы могли бы только тогда, когда бы или а) самъ Христосъ и ниспосланный Имъ на апостоловъ св. Духъ сообщилъ имъ что-либо темное, недостаточно-ясно выраженное, или же в) когда бы апостолы не поняли преподаннаго имъ Духомъ св. откровенія и потому не вполне опредѣленно высказались относительно какихъ-либо догматовъ Церкви. — Достаточно указать эти предположенія, къ какимъ необходимо приводить теорія развитія догматовъ и новыхъ откровеній, чтобы видѣть, сколь они не состоятельны.

Ни въ св. Писаніи, ни въ св. Преданіи нѣтъ никакихъ основаній для подобныхъ предположеній. Наоборотъ, въ источникахъ христіанскаго вѣроученія апостоламъ ясно и положительно приписывается обладаніе совершеннымъ знаніемъ всего богооткровеннаго ученія, а потому и Церкви, въ ея теоретическихъ основаніяхъ, усвоится характеръ полной законченности и свойство постоянства и неизмѣнности.

А) Все христіанское догматическое ученіе имѣетъ своимъ источникомъ только богооткровеніе и открывается міру только чрезъ людей боговдохновенныхъ. И св. Писаніе не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что апостолы обладали даромъ боговдохновенности въ степени совершенно достаточной для сообщенія міру всего христіанскаго вѣроученія. По изображенію Евангелія, они сперва получили обѣтованіе о Духѣ св., а потомъ и самаго Духа св. съ тою цѣлью, чтобы Онъ не только напомнилъ имъ, чему училъ ихъ непосредственно самъ Христосъ, но чтобы открылъ также и тѣ истины, какихъ они при жизни Спасителя не могли воспринять въ свое, тогда еще непросвѣщенное св. Духомъ сознаніе.

Такъ, оставляя міръ, Господь обѣщаетъ послать апостоламъ Утѣшителя и при этомъ говоритъ о Немъ: „Утѣшитель же, Духъ святой, Котораго пошлётъ Отець во имя Мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ *все*, что Я говорилъ вамъ“ (Іоан. 14, 26); „Онъ наставитъ васъ на *всякую истину*“ (16, 13). *Наученіе всему, напоминаніе всего, наставленіе на всякую истину*—вотъ цѣль, съ какою, по обѣтованію Господню, долженъ былъ спойти на апостоловъ св. Духъ. Или коснитъ Господь обѣтованія Свои? Духъ св., какъ лицо божественное, всевѣдущъ, и потому, очевидно, могъ сообщить, а, согласно обѣтованію Спасителя, и дѣйствительно сообщилъ апостоламъ полное вѣдѣніе божественной истины. Вѣдь единеніе апостоловъ съ Духомъ св., по обѣтованію Господню, данному еще раньше (Мѣ. 10, 19), было столь тѣсно, что апостолы учили только глаголами св. Духа.

Озаренный св. Духомъ, каждый изъ апостоловъ былъ потому живымъ, непосредственнымъ орудіемъ св. Духа и органомъ единой божественной истины. При этомъ, конечно, каждый изъ апостоловъ былъ и непогрѣшимъ, обладая полнымъ знаніемъ багооткровеннаго ученія. Если жъ апостолы все-таки собирались вмѣстѣ-для обсужденія нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ, то это не потому, чтобы каждый изъ апостоловъ не обладалъ полнымъ и непогрѣшимымъ знаніемъ истины и опасался погрѣшнить въ своемъ ученіи; эти собранія и совѣщанія апостоловъ истекали изъ желанія возможно-большаго единства даже во внѣшней дѣятельности ко благу Церкви, единства въ самой проповѣди и руководствѣ Церковью.

По причинѣ тѣснаго единенія апостоловъ съ св. Духомъ и Христомъ, служеніе и проповѣдь ихъ были не только продолженіемъ дѣла Христова чрезъ одно распространеніе ученія Его; нѣтъ, ихъ служеніе было служеніемъ міру Самого Господа чрезъ посредство апостоловъ. Духъ св., сказалъ Спаситель апостоламъ, „не отъ Себя говоритъ будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ, и будущее возвѣститъ вамъ. Онъ прославитъ Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣ-

ститъ вамъ. Все, что имѣеть Отець, есть Мое; потому Я сказалъ, что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 13 — 15). „Наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ“, пишетъ ап. Іоаннъ (1 Іоан. 1, 3). Ап. Павель пишетъ: „Кто позналъ умъ Господень, чтобы судить Его? *А мы имѣемъ умъ Христовъ*“ (1 Кор. 2, 16); „мы—посланики отъ имени Христова, и какъ бы самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ“ (2 Кор. 5, 20). Ту же мысль ясно выражаетъ папа Целестинъ въ своемъ посланіи третьему вселенскому собору,—посланіи, одобренномъ этимъ соборомъ: — „никогда не оставлялъ апостоловъ Учитель, о Которомъ повелѣно было имъ проповѣдывать; всегда былъ съ ними Господь и Учитель; и во время учительства своего они никогда не были оставляемы своимъ Учителемъ. Училъ Тотъ, Который послалъ ихъ; училъ Тотъ, Который говорилъ имъ, чему они должны учить; училъ Тотъ, Который утверждаетъ, что Его Самого слушаютъ въ ученикахъ Его“. Справедливо поэтому говоритъ нашъ православный богословъ (еп. Сильвестръ), что „служеніе апостоловъ было одинаково съ служеніемъ Самого Іисуса Христа, родившагося и пришедшаго въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину, или, точнѣе сказать, было Его же служеніемъ въ лицѣ и дѣйствіяхъ Его учениковъ“.

Такъ, устами апостоловъ училъ самъ Господь, и ученіе ихъ безусловно божественно, и потому само по себѣ, независимо отъ какого-либо признанія или непризнанія и утвержденія его соборными постановленіями, имѣеть догматическое значеніе. И, съ другой стороны, божественность и догматичность этого ученія исключаетъ безусловно возможность дополненія его чрезъ новыя богооткровенія. Это ученіе касается истинъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ, а не случайныхъ и перемѣнчивыхъ. И какъ неизмѣнны предметы догматическаго ученія, такъ неизмѣнно и ученіе о нихъ. Какіе перевороты на нашей планетѣ, въ нашей жизни могутъ измѣнить то, что разъ сообщено непогрѣшимымъ Богомъ о Немъ самомъ, о человѣкѣ и о существѣ, о мірѣ и его происхожденіи? „Небо и земля

прейдетъ, слово же Мое пребываетъ во вѣки“, сказалъ Спаситель. Никакія историческія обстоятельства, никакіе міровые перевороты не могутъ вызвать необходимость новыхъ откровеній, какъ дополненій къ тѣмъ, какія уже сообщены и именно сообщены міру Самимъ Богомъ. Или Богъ не знаетъ, или при сообщеніи откровенія чрезъ апостоловъ не зналъ, что теперь во время земной жизни христіанамъ необходимо знать? А вѣдь еслибы явилось новое откровеніе, открыто было ученіе о новомъ догматѣ, то оно могло явиться именно въ силу того, что прежнее откровеніе чего-либо не говорило, или нужно было бы уяснить прежде не ясно высказанное апостолами. Но устами апостоловъ говорилъ св. Духъ, для Котораго не существуетъ ничего неяснаго, для Котораго и будущее и настоящее—одно и то же. Съ другой стороны, и хранителемъ божественнаго откровенія, божественныхъ догматовъ является Церковь—неогрѣшимая, всегда возглавляемая Христомъ, одушевляемая и осѣняемая Духомъ св., предохраняющимъ ея отъ заблужденія и, значитъ, отъ неправильнаго толкованія или пониманія божественныхъ откровеній. Толкованіе же догмата никогда не можетъ привести къ новому догмату, какъ иногда можно изъ разсмотрѣнія одной философской истины вывести другую истину. Догматъ есть откровеніе ума Божественнаго, умомъ же человѣческимъ онъ только принимается, можетъ быть только доказываемъ или уясняемъ. И выравѣ ли умъ человѣческой своей логику приложить къ откровеніямъ ума Божественнаго? Можетъ ли онъ дѣлать какіе бы то ни было выводы изъ того, что никогда не было и не будетъ въ земной жизни полнымъ достояніемъ его ума, что, пока онъ ни землѣ, онъ будетъ видѣть и понимать только „отчасти“, чрезъ сумракъ гаданія? Вѣдь по апостолу: „Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій“ (1 Кор. II, 6—11).

Все потребное „къ животу и благочестію“, по слову апостола, намъ даровано и было бы излишней притязательностью ожидать новыхъ откровеній о новыхъ догматахъ, или, что также, выводить догматы изъ данныхъ.

Ожиданіе новыхъ откровеній было бы еще возможно, если-бы апостолы, и обладая всею полнотою знанія божественной истины, почему либо не сообщили богооткровенной истины во всей ея полнотѣ міру и сами объ этомъ возвѣстили-бы, давъ тѣмъ право и основаніе христіанамъ ожидать новыхъ откровеній. Между тѣмъ апостолы рѣшительно утверждаютъ, что ими сообщена міру вся полнота имъ открытаго ученія. Они прямо свидѣтельствуютъ о своемъ ученіи, какъ такомъ, къ которому никакія дополненія невозможны. Неоднократно и подъ угрозой анафемы они запрещаютъ проповѣдывать что-либо такое, что прежде не было возвѣщено ими—апостолами (2 Тесс. 2, 14; Тим. 1, 3; 4, 16; 6, 20; 2 Тим. 1, 13—14), хотя бы проповѣдникомъ новаго ученія явился самъ ангель съ неба (Гал. 1, 8). Самая Церковь изображается у нихъ зданіемъ уже совершенно законченнымъ, имѣющимъ своимъ краеугольнымъ камнемъ самаго Христа, а своимъ основаніемъ ученіе апостоловъ—этихъ строителей Таинъ Божіихъ, этихъ двѣнадцати неизблемыхъ камней въ фундаментѣ зданія Церкви (Еф. 2, 20. 22; 1 Кор. 4, 1; Ап. 21, 10. 11).

В) Совершенно согласно съ этимъ учили оо. и учителя Церкви: и они только въ ученіи апостоловъ видѣли единственный источникъ догматическаго ученія, не допускали и мысли о возможности его какого-либо измѣненія или дополненія новыми откровеніями. Апостолы все открытое имъ Духомъ святымъ частью записали, частью устно сообщили Церкви. Поэтому оо. и учителя Церкви сокровищницей откровенія называли и признавали не только св. Писаніе, но и св. Преданіе. Во время своей жизни апостолы учили больше живымъ словомъ и дѣйствовали больше чрезъ свои личныя распоряженія; только по необходимости они обращались къ своимъ духовнымъ дѣтямъ письменно и то въ большинствѣ случаевъ для напоминанія и подтвержденія того, что раньше ими было преподаваемо чрезъ устную проповѣдь и личныя наставленія (2 Тесс. 2, 15; 3, 6; 1 Кор. 11, 2. 34; 1 Тим. 6, 20; Тит. 1, 5). Вотъ въ этихъ то двухъ источникахъ христіанскаго вѣро-

ученія совершенно полно, по ученію оо. и учителей Церкви, заключено все открытое Богомъ чрезъ апостоловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительно все, что только можно и должно знать человечеству до второго пришествія Христова. Но и тогда нынѣшнее неполное знаніе истины упразднится не откровеніемъ, а вѣдѣніемъ и созерцаніемъ. Такое ученіе обще всѣмъ оо. и учителямъ Церкви и, что особенно важно, уже съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Свидѣтельства первыхъ временъ христіанства должны имѣть въ этомъ отношеніи для насъ особенную цѣну, какъ свидѣтельства оо. Церкви, особенно близко стоявшихъ къ первоисточнику божественной истины.

Наиболѣе классическія изъ этихъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ мы и приведемъ.

Св. Климентъ Римскій учитъ, что непремѣнная обязанность Церкви — навсегда остаться такой, какою, по волѣ Божіей, она устроена апостолами, а потому и самихъ апостоловъ онъ называетъ „вѣрными и надежнѣйшими столпами Церкви“. Тому же учитъ и Игнатій Богоносецъ, говоря, что Церковь утверждается на ученіи Христовомъ и апостольскомъ. Св. Поликарпъ признаетъ существеннымъ свойствомъ Церкви апостольство, согласно съ которымъ она навсегда должна остаться вѣрной тому, что сама изначала получила отъ Иисуса Христа и апостоловъ. „Истинное знаніе, учитъ св. Приней Лионскій, это — ученіе апостоловъ“. Это знаніе — полно и совершенно, такъ какъ въ немъ апостолами заключено „сполна все, что относится къ истинѣ, чтобы всякій желающій могъ получить питіе жизни“. „Апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполне положили въ Церковь все, что относится къ истинѣ“. Такимъ образомъ Церковь, по волѣ своего Основателя, въ самомъ началѣ — при своемъ устройствѣ — чрезъ апостоловъ получила всю полноту божественной истины, а потому: „И не весьма сильный въ словѣ изъ предстоятелей церковныхъ не скажетъ иного, въ сравненіи съ симъ ученіемъ, — потому что никто не выше

Учителя, — ни слабый въ словѣ не умалить преданія“. Эта же мысль и столь же ясно выражена у Тертуліана. Отвѣчая на возраженіе еретиковъ, что будто бы апостолы не все знали, онъ пишетъ: „Кто изъ здравомыслящихъ можетъ вѣрить, чтобы не знали чего-либо тѣ, коихъ Господь сдѣлалъ наставниками, имѣя ихъ собственно въ соупутничествѣ, въ ученичествѣ, въ сожительствѣ?..“ „Черезъ Духа истины, по обѣтованію Господа, они наслѣдовали всяку истину“. Церкви, и по его ученію, при самомъ ея основаніи и устройствѣ, все необходимое для спасенія людей даровано апостолами, которые происходили отъ Христа, какъ Христосъ отъ Бога, будучи Сыномъ Божиимъ, а потому каждая Церковь настолько есть истинная Церковь, насколько она есть апостольская, т. е. только та Церковь истинная, которая происходитъ по преемству отъ апостоловъ и отъ нихъ, принявъ ученіе, всегда его неизмѣнно хранить въ такомъ видѣ, въ какомъ приняла.

Такъ учили древнѣйшіе оо. и учителя Церкви, тому же учила Церковь и послѣ. Такъ, оо. перваго вселенскаго собора сказали (черезъ Макарія Іерусалимскаго нѣкоему философу) послѣ изложенія своего ученія о Сынѣ Божіемъ: „Вотъ наша вѣра апостольская и неповрежденная, которую Церковь чтитъ, какъ преданную свыше отъ Господа, черезъ апостоловъ и отцевъ сынамъ, содержитъ нынѣ и будетъ всегда содержать“. А папа Римскій Целестинъ пишетъ Несторію: „Всегда и каждаго судъ Церкви не считалъ ли заслуживающимъ отлученія, коль скоро онъ или отнималъ что отъ вѣры, или предлагалъ къ ней? Ибо вѣра, полно и ясно предаваемая намъ апостолами, не допускаетъ ни приложенія, ни уменьшенія. Мы читаемъ въ нашихъ священныхъ книгахъ, что не должно ни прибавлять, ни отнимать; лютая казнь постигаетъ и того, кто прибавляетъ, и того, кто отнимаетъ“ (Апок. 22, 18).

Св. Іоаннъ Златоустъ, подобно св. Василию В., и бл. Августину и другимъ, учитъ провѣрять богословскія мнѣнія писателей Церкви согласіемъ ихъ съ Словомъ Божіимъ и согласное принимать и отвергать разногласящее. Рѣшительный

же голосъ; въ случаѣ неясности ученія о данномъ предметѣ св. Писанія, долженъ уже принадлежать вселенскому голосу Церкви. Много бы можно и еще привести свидѣтельствъ въ пользу доказываемой истины, но для нашей цѣли, полагаемъ, достаточно и приведенныхъ изреченій отцевъ и учителей Церкви.

А. Троцкий.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Съ большимъ интересомъ прочиталъ, что „въ Орлѣ подѣ председательствомъ преосвящ. Ириней, епископа Орловскаго, состоялось въ покояхъ его редакціонное собраніе для обсужденія мѣръ къ улучшенію мѣстнаго епархіальнаго органа печати“ („Церковныя Вѣд“, № 44, стр. 1572). Преосвящ. Ириней, намѣчая намъ обновленіе епархіальныхъ вѣдомостей, высказалъ, между прочимъ, что „цѣль изданія вѣдомостей заключается прежде всего въ томъ, чтобы онѣ были органомъ именно *мѣстной* (жизни) епархіи, *мѣстнаго духовенства*; но это не значитъ однако, что епархіальныя вѣдомости должны быть узкословнымъ органомъ, собирающимъ только разные факты изъ жизни мѣстнаго духовенства. Въ интересахъ самаго дѣла желательно, чтобы онѣ были изданіемъ идейнымъ, съ определеннымъ направленіемъ, а не собраніемъ только мѣстныхъ преданій и новостей.. Всѣ отдѣлы епархіальныхъ вѣдомостей должны разрабатываться *не сами по себѣ, не въ интересахъ только науки, а въ приложеніи къ мѣстной епархіальной жизни*“.

Прекрасное начинаніе, которому нужно отъ души пожелать полнаго успѣха. „Епархіальныя вѣдомости“ и „Церковныя“—это журналы, которые обязательно получаютъ причтами всѣхъ церквей—первыя всей своей епархіи, а вторыя—всей Россіи. Причтамъ бѣдныхъ церквей не на что выписывать другіе журналы, такъ что мѣстныя епархіальныя и „Церковныя“ вѣдомости часто являются единственными журналами,

которые читаются ими. Да и тѣ причты, которыми выписываются другіе журналы, прежде всего прочитывают мѣстныя епархіальныя и „Церковныя“ вѣдомости, какъ ближе всего касающіяся духовенства. Отсюда понятно все важное значеніе этихъ журналовъ для духовенства. Отъ насъ въ послѣднее время слишкомъ много требуется, и епархіальныя вѣдомости очень могутъ пособить духовенству въ исполненіи тѣхъ требованій, которыя предъявляются духовенству. Чѣмъ болѣе такихъ запросовъ, тѣмъ выше должны стать епархіальныя вѣдомости. Однимъ словомъ, насколько важно положеніе духовенства въ государствѣ, обществѣ, приходѣ и вообще въ жизни народа, настолько же должно быть высоко и руководительство духовенствомъ,—а такое руководство лежитъ прежде и ближе всего на епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Вотъ почему желательно, чтобы эти послѣднія были болѣе жизненными. Онѣ обыкновенно издаются людьми науки—преподавателями семинаріи; нужно привлечь къ самому широкому сотрудничеству и сельское духовенство. Желательно также, чтобы и въ самыхъ редакціонныхъ собраніяхъ могли принимать участіе—хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ—и нѣкоторые болѣе интересующіеся дѣломъ и болѣе ревностные сотрудники изъ лицъ сельскаго духовенства.

Не мѣшало бы епархіальнымъ вѣдомостямъ издавать и листки или статьи для чтенія народу. Въдѣ епархіальныя вѣдомости издаются на средства народа,—нужно же что либо дать и ему, особенно теперь, когда въ народѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше пробуждается жажда къ чтенію. Кто же прежде всего и болѣе всего долженъ удовлетворить этой жадѣ чтенія народа, какъ не духовенство?..

Обыкновенно у насъ покойниковъ въ церковь и на кладбище народъ всегда провожаетъ съ непокрытою головою. Но часто бываетъ, что отъ дома до церкви приходится нести покойника версту или и того болѣе, да потомъ столько же изъ церкви на кладбище. Во время непогоды и зимней стужи

многіе провожающіе его простуживаются и заболѣваютъ. *Слѣдовало бы дозволять зимою, а также въ ненастную погоду надѣвать шапки.* Обряды наши заимствованы изъ Греціи, гдѣ тепло, а потому и можно всегда провожать покойниковъ съ открытыми головами. Не то у насъ. *Нужно жалѣть людей: не человекъ для субботы, а суббота для человека; не люди для обрядовъ, а обряды для людей.* Кто виноватъ бываетъ въ простудѣ провожающихъ покойника, какъ не мы—духовные, если не будемъ разрѣшать, какъ и дѣлаютъ уже многіе, покрывать голову? Вѣдь разрѣшено же членамъ причта одѣвать въ такихъ случаяхъ черныя скуфіи; отчего же всѣмъ не разрѣшать покрывать головы, когда того требуетъ настоятельная необходимость... Въ городахъ въ непогоду провожаютъ покойниковъ обыкновенно съ покрытою головою, а потому нѣтъ никакого основанія запрещать дѣлать это и въ деревнѣ.

Не хорошо также, что въ иныхъ приходяхъ выносятъ покойниковъ изъ дома и изъ церкви на кладбища одни только діаконы, особенно, когда плата за погребеніе полностью поступаетъ на весь причтъ. Прежде всего, діаконы не могутъ одни безъ священника отправлять какія-либо требы. Далѣе, не справедливо это и по отношенію къ прихожанамъ: они, вѣдь, обыкновенно платятъ за погребеніе, а потому пужно, чтобы погребеніе совершалось по чину и благообразно всѣмъ причтомъ, а не однимъ лицомъ. Наконецъ, это не справедливо и по отношенію къ діакону: за что онъ единолично несетъ трудъ, за который получаетъ вознагражденіе другой? На діаконовъ и безъ того возложено много,—я разумью преподаваніе въ школѣ.—Не слѣдуетъ допускать этого даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда діакону за выносъ покойниковъ дается прихожанами особое вознагражденіе...

Разъ зашла уже рѣчь объ умершихъ, не могу не сказать здѣсь за-одно и о веденіи записи ихъ.—Въ 3 части метрическихъ книгъ—„Объ умершихъ“ есть графа: „Отъ чего умеръ“, т. е. отъ какой болѣзни? Эта графа весьма часто служитъ камнемъ преткновенія для духовенства. И прежде

всего, при опросѣ, родные умершаго сплошь и рядомъ говорятъ, что не знаютъ, чѣмъ былъ боленъ покойникъ; или же называютъ такія, напр., болѣзни: „отъ младенца“, „отъ порчи“ и т. п. Какъ тутъ быть? Какую указывать болѣзнь?—И вотъ, одни пишутъ: „натурально“; другіе: „отъ слабости“, „отъ старости“, „отъ слаборожденія“, „отъ простуды“, „отъ горячки“, хотя такой болѣзни нѣтъ въ медицинѣ, а есть различныя „воспаленія“ и т. п. Слѣдовало бы дѣло это унорядочить. Жаль, что насъ, духовныхъ, не учатъ медицинѣ: такъ какъ священнику каждаго трудно-больного приходится исповѣдывать и приобщать, то онъ, обладая основными медицинскими знаніями, и могъ бы болѣе или менѣе точно констатировать при этомъ болѣзнь!.. При настоящемъ же положеніи дѣла нужно или измѣнить эту графу, или же означать только заразныя болѣзни, такъ какъ мы ежемѣсячно представляемъ „Карточки“ о заразныхъ болѣзняхъ.—Хорошо было бы, если бы и у насъ, какъ за границей, представлялись отъ врачабнаго персонала—отъ доктора или отъ фельдшера—удостоверенія о болѣзни и дѣйствительности смерти покойника, гдѣ это только можно, т. е. гдѣ есть фельдшеръ или докторъ на мѣстѣ. На Западѣ даже не хоронятъ, если не будетъ представлено медицинское свидѣтельство о дѣйствительности смерти: тогда бы не было такихъ несчастныхъ случаевъ, какъ заживо погребенные, да и духовенство знало бы, какъ писать: „отъ чего умеръ?“ По горе намъ, что у насъ больше такихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ ни фельдшера, ни, тѣмъ болѣе, доктора.

Существовать законъ, по которому разрѣшается выдавать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ на постройку школъ и даже на отопленіе ихъ. Законоположеніе это должно бы имѣть самое широкое примѣненіе, такъ какъ для нашего народа нѣтъ ничего болѣе необходимаго, какъ просвѣщеніе, что признано всѣми комитетами, въ настоящее время образованными для улучшенія сельско-хозяйственной промышленности. Но чтобы распространять просвѣщеніе среди народа, нужны, ко-

нечно, школы. А какъ у насъ много есть мѣстностей, гдѣ или вовсе нѣтъ школъ, или же школы эти крайне плохи, особенно школы грамоты! Между тѣмъ, мы еще богаты казенными лѣсами. Къ сожалѣнію, полученіе лѣса изъ казенныхъ дачъ сопряжено съ большими трудностями, при чемъ бываетъ масса переписки. Одному, напр., священнику пришлось обратиться къ земскому начальнику за совѣтомъ, какъ нужно хлопотать о выдачѣ лѣса. Земскій начальникъ сказалъ, что очень трудно получить лѣсъ на школы и особенно на церковно-приходскія, на которыя многія свѣтскія лица смотрятъ съ большимъ предубѣжденіемъ. Тогда священникъ обратился къ мѣстному наблюдателю. Наблюдатель тоже отвѣтилъ, что очень трудно получить лѣсъ; что предшественникъ его началъ было дѣло о выдачѣ лѣса для одной школы, да такъ и оставилъ: слишкомъ много было переписки и хлопотъ, но до конца дѣло не удалось довести.

Нужно бы обратить на это серьезное вниманіе, упростить дѣло до послѣдней возможности.

Въ настоящее время церковныя школы принято дѣлить на церковно-приходскія и школы грамоты. Церквнымъ предоставлены большія привилегіи, а вторыя—это пасынки. Первымъ выдаются средства на постройку помѣщенія, высылаются учебники и т. п.; а школы грамоты сооружаются мѣстными средствами. Но откуда взять эти мѣстныя средства?

Пора бы уже отмѣнить это дѣленіе, которое установлено было прежде, когда только еще открывались церковно-приходскія школы; чѣмъ же виновато населеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ не возможно устроить зданіе и переименовать школу изъ школы грамоты въ церковно-приходскую?

Теперь церковныя наши школы главнымъ образомъ содержатся на общегосударственныя средства, получаемыя со всего населенія государства; а потому, населеніе *всѣхъ* мѣстъ имѣетъ право на помощь его школамъ.

Можно даже сказать, что школы грамоты теперь нужнѣе, чѣмъ церковно-приходскія. Первыя находятся главнымъ

образомъ въ глухихъ мѣстахъ—въ хуторахъ и небольшихъ поселкахъ, гдѣ пужнѣе просвѣщеніе, чѣмъ въ самыхъ селахъ, въ которыхъ часто есть хорошо обставленныя земскія и министерскія школы.

Нужно, непременно нужно придти на помощь школамъ грамоты; а еще лучше бы было совсѣмъ отмѣнить принятое дѣленіе школъ на разряды.

Мнѣ кажется, что народное просвѣщеніе быстро подвинулось бы впередъ, если бы больше организовано бы недорого стоящихъ школъ по хуторамъ и поселкамъ, а также на окраинахъ сель (церковно-приходскія нынѣшнія школы, а равно земскія и министерскія устраиваются обыкновенно въ центрѣ сель)—и не на одни только мѣстныя средства, какъ теперь. Теперь выходитъ вопіющая несправедливость: дѣти тѣхъ семействъ, которыя живутъ въ центрѣ села, могутъ ходить въ любую школу (земскую, министерскую, церковно-приходскую), а для дѣтей окраинъ нѣтъ никакихъ школъ.

Оградно было прочесть, что уже разрабатывается вопросъ объ объединеніи дѣятельности Духовнаго Вѣдомства и Министерства въ области народнаго просвѣщенія („Ворон. Телеграфъ.“, № 134). Можетъ быть, тогда будетъ обращено должное вниманіе на школы грамоты, и, по всей вѣроятности, существованіе ихъ тогда не будетъ отнесено на одни только *мѣстныя средства*, которыя слишкомъ неопредѣленны и слишкомъ не надежны.

23 ноября—день памяти свят. Митрофана Воронежскаго. Слѣдуетъ всегда, особенно же въ этотъ день, знакомить прихожанъ съ *Духовнымъ Завѣщаніемъ* этого святителя:

„Употреби трудъ, храни мѣрность, —богатъ будеши.

„Воздержно пій, мало яждь, —здравъ будеши.

„Твори благо, бѣгай злаго, —спасенъ будеши.“

Золотыя слова! Очень, очень поучительны они... Это *Завѣщаніе* въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ, научаетъ насъ

жить такъ, чтобы получить то, что дороже всего для насъ, именно: достатокъ, здоровье и спасеніе вѣчное.

Одинъ священникъ, послѣ утрени 23-го ноября, по прочтеніи житія свят. Митрофана, объяснилъ прихожанамъ это *Духовное Завѣщаніе*, нѣсколько разъ повторилъ его, чтобы слушатели запомнили, и совѣтовалъ исполнить то, что завѣщала святитель. На дверяхъ храма, а также и въ караулкѣ были прибиты листы съ написаннымъ на нихъ *Духовнымъ Завѣщаніемъ*. Затѣмъ оно объяснено было въ тотъ же день и *воскресникамъ*, т. е. ученикамъ воскресной школы, записано ими въ тетради и заучено наизусть.

Намъ, духовнымъ лицамъ, нужно обратить вниманіе на *первую* молитву святителю Митрофану, гдѣ испрашивается помощь его въ нашей пастырской дѣятельности, и гдѣ прекрасно—въ краткихъ, но точныхъ словахъ—изложена программа ея.

Но горе намъ, что мы, *отъ нихже первый есмь азъ*, не исполняемъ этой программы...

Будемъ молиться святителю Митрофану, чтобы онъ всѣмъ пастырямъ Церкви помогъ *право править слово истины*. Кстати, въ 1903 г. исполняется 200 лѣтъ со дня смерти свят. Митрофана; а потому, намъ, духовенству, нужно бы особенно почтить этотъ день. Хорошо было бы хотя, напр., издать *Духовное Завѣщаніе* въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, чтобы можно было дать *въ каждый домъ* по экземпляру его. Мы все только *беремъ съ прихожанъ*, надобно и намъ хоть что-либо *дать*.

Свящ. В. Д.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 ноября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *Г. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 46.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, ноября 16-го.

Содержаніе: Къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви Христовой (окончаніе). — Архипастырскія наставленія епархіальному съѣзду духовенства. — Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ (по поводу „Обращенія къ духовенству“ гр. Л. Толстого).

Къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви Христовой ¹⁾.

„Возлюбленные! Я почелъ за нужное написать вамъ увѣщаніе — подвизаться за вѣру, *однажды* преданную святымъ“.
(Іуд. 3).

П.

Съ православной точки зрѣнія, вселенскій соборъ — не только главное судилище и высшій авторитетъ въ догматическихъ вопросахъ, но это судилище и единственное, рѣшеніе котораго исповѣдующіе православную вѣру должны принимать безпрекословно, — судилище, на чье рѣшеніе нѣтъ апелля-

¹⁾ См. № 45 с. г.

ці, какъ на рѣшеніе непогрѣшимое. И если бы какое-либо измѣненіе, добавленіе ли, или развитіе догматическаго ученія въ католическомъ смыслѣ были возможны, то единственно—черезъ посредство вѣроопредѣлений вселенскихъ соборовъ. А такъ какъ одинъ только Богъ властенъ открывать догматическую истину, то признать то—значило бы признать соборныя вѣроопредѣленія боговдохновенными, значило допустить на соборахъ особое присутствіе и откровеніе св. Духа, облакавшаго соборъ властью сообщать новое или измѣнить прежнее догматическое ученіе, каковою властью обладали апостолы. Потому что, какъ въ произведеніи ума человѣческаго возможны всякія измѣненія и исправленія, при посредствѣ того же ума, такъ въ богооткровенномъ вѣроученіи только откровеніе св. Духа могло бы допустить какія-либо измѣненія.

Католики пришли, именно, къ такому ученію, какъ ни стараются они маскировать его. „Сверхъестественное по своей сущности, пишетъ одинъ католическій богословъ, христіанство не можетъ сохраняться инымъ способомъ, какъ аналогичнымъ тому по своей природѣ и цѣли. Продолженіе христіанства будетъ столь же божественно и сверхъестественно, какъ его начало.“ Въ чемъ же долженъ состоять сверхъестественный способъ продолженія христіанства? Конечно, въ боговдохновенности, которая приписывается католиками, смотря по обстоятельствамъ, то папѣ, по собору; впрочемъ, такъ какъ большинство католическихъ богослововъ признаютъ папу выше соборовъ, то эта боговдохновенность чаще приписывается папѣ. „Какъ и эта доктрина писанная (св. Писаніе), и эта доктрина устная (св. Преданіе), восклицаетъ тотъ же богословъ, могли бы, какъ всеобщее вѣрованіе, храниться въ божественной чистотѣ, быть увѣковѣченными, существовать на землѣ, если папа, который есть хранитель и органъ ихъ, не имѣетъ *черезъ совершенно особенное присутствіе Духа св. свойства непогрѣшимости*“.

Впослѣдствіи римская церковь, поставивъ авторитетъ папы выше авторитета вселенскихъ соборовъ и признавъ

только за нимъ право провозглашать новые догматы, прямо или косвенно, чрезъ это признала его живымъ и постояннымъ орудіемъ св. Духа. „Теорія папской непогрѣшимости, говоритъ г. Бѣляевъ, представляетъ папѣ чѣмъ то въ родѣ произвольныхъ рупоровъ св. Духа. Это, такъ сказать, трубы св. Духа; правда, трубы не чистыя, но неизбѣжныя и необходимыя, потому что, кромѣ папъ, нѣтъ другого органа церковной непогрѣшимости“¹⁾.

Согласно съ католическими богословами, и Вл. Соловьевъ, защищая догматическое развитіе Церкви, долженъ былъ возвысить авторитетъ вселенскихъ вѣроопредѣленій до признанія ихъ боговдохновенными, написанными при особомъ содѣйствіи Духа св. отцами соборовъ. Такъ, про опредѣленіе перваго вселенскаго собора онъ говоритъ: „это было опредѣленіе, данное самою вселенскою Церковью *при особомъ содѣйствіи Духа св.*“²⁾, а про отцовъ седьмого вселенскаго собора выражается: „Отцы этого собора являются не только простыми свидѣтелями благочестиваго обичая, но, *при содѣйствіи св. Духа, властными проводниками одного изъ поступленій или восхожденій*“³⁾.

Итакъ, вселенскіе соборы боговдохновенны ли, и потому могли ли и могутъ ли привносить они что-либо новое въ догматическое вѣроученіе?

Православная Церковь рѣшительно и настоятельно отвергаетъ мысль о боговдохновенности какъ цѣлыхъ соборовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ въ послѣ-апостольское время. Это прежде всего потому, что самая мысль о новыхъ откровеніяхъ анафематствована самими апостолами (Гал. 1, 8). „Церкви,

¹⁾ „Теорія непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи“. Казань, 1882 г., стр. 8.

²⁾ „Догматическое развитіе Церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи Церквей“. Прав. Обзор. 1885 г., дек., стр. 446.

³⁾ Ibid. стр. 773.

говорить и преосвящ. Макарій, отнюдь не приписывается дара боговдохновенности, а приписывается только соприсутствіе св. Духа, предохраняющее ее от заблужденія¹⁾. „Восточная Церковь вѣруеть, что св. Духъ продолжаетъ говорить чрезъ Церковь, которую онъ облакаетъ непогрѣшимостью. Но это направленіе Церкви св. Духомъ не есть проявлявшееся въ ветхозавѣтныхъ пророкахъ вдохновеніе, ибо Церковь споспѣшествуется св. Духомъ не въ доставленіи міру новыхъ откровеній, а единственно въ сохраненіи ученія Иисуса Христа въ начальной его чистотѣ. Итакъ, божественное вдохновеніе Церкви есть только непрерывающееся направленіе и содѣйствіе“²⁾.

Этого убѣжденія о невозможности и ненужности новыхъ откровеній Православная Церковь держалась искони. Когда еще въ первые вѣка христіанства явилось монтанистическое лжеученіе, проповѣдывавшее какой то новый вѣкъ, вѣкъ св. Духа и новыхъ откровеній, то оно встрѣтило на Востокѣ самое энергичное опроверженіе, хотя возвышенностью своей морали и подкупало въ свою пользу. Православные отцы всегда смотрѣли на апостольское ученіе, какъ на возвѣстившее міру всю истину въ необходимой для него полнотѣ, а потому и на проповѣдь новыхъ откровеній смотрѣли, какъ на еретическое заблужденіе. Какъ во вселенскомъ преданіи до-никейскаго періода, такъ даже и въ частныхъ мнѣніяхъ позднѣйшихъ отцовъ Церкви нѣтъ ни единого слова о какомъ-либо особенномъ дѣйствіи Духа св. на вселенскихъ соборахъ и о боговдохновенности вѣроопредѣленій ихъ. Отцы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, хотя и утверждаютъ, что они находятся подъ руководствомъ Духа истины, предохраняющаго ихъ отъ заблужденій, однако сознаются при этомъ, „что они не усвоятъ себѣ никакого особеннаго дѣйствія этого Духа“³⁾. Оо.

¹⁾ „Введеніе въ православное Божество“. 1847 г. § 137, 535 — 536.

²⁾ Вл. Гегтѣ. „Изложеніе ученія правосл. католической Церкви и разногласій съ нею другихъ христіанскихъ церквей“, перев. съ фр. Арцибашева, Казань, 1869 г., стр. 38.

³⁾ „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“, Казань, 1856, т. I. стр. 229.

второго вселенскаго собора пишутъ, что они „утверждаютъ вѣру отцовъ; собравшихся въ Никее“ („Дѣянiя вселенскихъ соборовъ“, т. I, стр. 264), и они же въ своемъ посланiи къ римской церкви про эту никейскую вѣру выражаются такъ: „Эта вѣра должна быть принимаема и нами, и н вами, и всѣми, которые не извращаютъ слово истинной вѣры, потому что она древняя и сообразна съ крещенiемъ“ (Тамъ же, стр. 286). И оо. седьмого вселенскаго собора свое догматическое вѣроопредѣленiе начинаютъ такъ: „Хранимъ ненововводно всѣ, писанiемъ, или безъ писанiя установленныя для насъ преданiя“.

Наконецъ, наглядно въ доказуемой мысли насъ должно убѣждать и то, что отцы всеяенскихъ сборовъ не только старались обосновать свои опредѣленiя на словахъ св. Писанiя или свидѣтельствахъ св. Преданiя, но и излагать ихъ старались самыми словами св. Писанiя, избѣгая словъ и выраженiй, касающихся божественныхъ истинъ, не вошедшихъ во всеобщее употребленiе. Этого не отрицаютъ и католики. „Церковь, при опредѣленiи вѣроученiя, только съ не охотой отступала отъ главнаго содержанiя св. Писанiя“ говорятъ они, и этотъ „обычай Церкви въ своихъ рѣшенiяхъ пользоваться, сколько можно шире, св. Писанiемъ, выдаетъ намъ ея осмотрительность чрезъ новыя выраженiя не представить видимость нововведенiя въ ученiи“.

Впрочемъ, принципиально, хотя и въ противорѣчiи съ своими другими вѣрованiями, сами католики въ большинствѣ случаевъ отрицаютъ возможность новыхъ откровенiй. „То убѣжденiе, пишутъ они, что не должно ожидать никакого новаго откровенiя, постоянно господствовало въ Церкви. Пусть отдѣльное лицо можетъ удостоиться особеннаго откровенiя,—такое частное откровенiе не имѣетъ опредѣляющаго значенiя для ученiя и нравовъ Церкви. Оно даже подозрительно, если разнится отъ божественнаго откровенiя въ формальныхъ вещахъ. Отцы постоянно оспаривали тѣхъ, которые, не довольствуясь издревле преданнымъ правиломъ вѣры, со дня на день ищутъ

новаго и новаго, и всегда хотять измѣнить что-либо въ религiи, какъ бы это былъ не небесный догматъ, который нуждается быть открытымъ однажды“. Но за что же тогда обличать въ Православной Церкви традиционность, вѣрность ея завѣтамъ Христа и отцовъ! Чѣмъ же тогда можетъ управляться догматическое развитіе Церкви, если не новыми откровеніями съ. Духа?

Отвергнувъ возможность новыхъ откровеній, хотя и не совсемъ послѣдовательно, нѣкоторые католическіе богословы въ пользу догматическаго развитія Церкви выдвигаютъ иные основанія. Церковь есть органическое цѣлое; уже апостолъ Павелъ называетъ ее живымъ организмомъ, возглавляемымъ Христомъ. А если такъ, то этотъ организмъ долженъ всегда дальше расти—распространяться во внѣ и развиваться внутренно, не дѣлаясь чрезъ то инымъ. Къ тому же говорятъ, если религіозный духъ живой, дѣятельный, то и въ развитіи христіанской истины, питающей религіозный духъ человѣка, можетъ и долженъ происходить прогрессъ безъ вреда для абсолютности. Да и можетъ ли, восклицаютъ защитники догматическаго развитія, всякій прогрессъ отсутствовать въ религiи, когда къ нему стремятся и частью его достигаютъ все науки?

То правда, конечно, что Господь оживляетъ Церковь своею благодатію и есть глава тѣла—Церкви, что и Духъ св. всегда пребываетъ въ Церкви; эти мысли ясно высказалъ ап. Павелъ (Еф. 1, 23; 4, 15—16). Кромѣ того, эта мысль утверждается и на божественномъ обѣтованіи Спасителя ниспослать на землю всесвятаго Духа, который бы пребывалъ въ Церкви во вѣки (Іоан. 14, 16—17). Но вотъ вопросъ, въ томъ ли должно обнаруживаться это присутствіе Самаго Господа и соприсутствіе св. Духа, что Церковь, при воздѣйствіи дарованныхъ ей средствъ, какъ живой организмъ, должна расти внѣшне—въ своихъ членахъ и внутренно—въ своемъ догматическомъ вѣроученіи? Съ православной точки зрѣнія, мы должны отвѣтить: нѣтъ и нѣтъ. Господь живетъ въ Церкви, есть ея глава и безъ Него, какъ тѣло безъ души, Цер-

ковъ не могла бы существовать и самое короткое время, но затѣмъ то онъ и вѣчно пребываетъ въ Церкви, чтобы сообщать ей жизнь и силу. Господь управляетъ Церковью чрезъ пастырей, Духъ св. присутствуетъ въ таинствахъ, Онъ хранитъ Церковь отъ заблужденій и ересей. Организмъ церковный растетъ внѣшне, но внутренняго роста чрезъ увеличеніе своихъ догмъ, чрезъ развитіе своего вѣроученія не можетъ быть въ Церкви, такъ какъ сообщенное Христомъ разъ божественное ученіе достаточно и удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ людей на всѣ времена. Проповѣдь Христова и апостольская есть дѣло непримѣрное и единственное; это—проповѣдь Самаго Бога, заключившая вѣкъ божественныхъ откровеній, это богооткровенное ученіе должно существовать неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока не упразднится вѣра и не наступитъ вѣдѣніе и созерцаніе Божественныхъ Таинъ. Теперь же въ этомъ откровеніи даны всѣ божественныя силы къ жизни церковнаго организма во вѣки и спасенію людей. Животный организмъ всегда нуждается все въ новыхъ и новыхъ силахъ и средствахъ для поддержанія своей жизни и своего развитія, организмъ Церкви въ „водѣ живой“ божественнаго ученія имѣетъ такіе жизненные соки, что онъ въ нихъ всегда будетъ имѣть неисчерпаемый источникъ для усовершенствованія своей жизни (въ членахъ) и своего развитія, и потому никогда не почувствуетъ нужды черпать изъ источника иного. „Церковь христіанская, говоритъ преосвящ. Сильвестръ, всегда живетъ тѣми жизненными началами, которыя Божественнымъ. Основателемъ положены въ ея основу въ самомъ началѣ, при ея образованіи и устройствѣ. И она во все время существованія своего на землѣ не ждетъ другихъ какихъ-либо новыхъ началъ для своей жизни и своего возрастанія“¹⁾.

Духъ религіозный, дѣйствительно, есть живой и дѣятельный, а потому онъ—вѣчно развивающійся, совершенствующійся

¹⁾ „Ученіе о Церкви въ первые три вѣка христіанства“. Арх. Сильвестра. Кіевъ 1872 г., стр. 1.

щійся. Но это еще менѣе, чѣмъ что либо другое, можетъ требовать развитія, прогресса христіанскаго вѣроученія. Въ этомъ отношеніи сравненіе христіанскаго ученія съ другими науками рѣшительно невозможно. Каждая наука, удовлетворяя той или другой области знанія, развивается сама по себѣ, независимо отъ того или другого личнаго сознанія, и это потому, что самое знаніе—предметъ науки не данъ заразъ, оно—предметъ исканій ума человѣческаго. Если и можно, напротивъ, говорить о прогрессѣ въ христіанскомъ вѣроученіи, то вовсе не въ этомъ смыслѣ. Само по себѣ христіанское вѣроученіе не нуждается ни въ прогрессѣ и развитіи, ни тѣмъ болѣе въ добавленіяхъ, въ немъ дано заразъ и сполна все необходимое для спасенія человѣка и вѣры человѣчества. Но зато вполне возможенъ и даже необходимъ прогрессъ, какъ постепенное развитіе сознанія вѣрующаго въ достиженіи христіанскаго вѣроученія и въ этомъ смыслѣ развитію вѣры въ вѣрующихъ душахъ границъ быть не можетъ, такъ какъ содержаніе христіанскаго вѣроученія столь богато и столь глубоко, что можетъ быть названо неисчерпаемымъ. „Источникъ духовной жизни, оживляющей Церковь, говоритъ православный богословъ, по ученію апостоловъ, неистощимъ, и жизненные ея силы настолько богаты и живучи, что ихъ однѣхъ достаточно для обезпеченія ея существованія, но при этомъ необходимы, такъ сказать, вѣшніе и притомъ постоянные проводники, посредствомъ которыхъ духовная, благодатная жизнь Церкви непрерывно могла бы обращаться и разливаться по всему ея организму, чтобы обновлять и поддерживать въ каждомъ ея членѣ, а также распространяться на тѣхъ, которые вновь къ нему прививаются“¹⁾.

Религіозная истина не простирается на различныя отрасли и предметы человѣческаго обыкновеннаго знанія, а потому и независима совершенно отъ состоянія мірскаго ученія въ то или другое время. Но, входя въ сознаніе человѣка, эта

¹⁾ Тамъ же, стр. 58.

истина дѣлается достояніемъ живаго и развивающагося чело-
вѣческаго сознанія, и, по мѣрѣ просвѣтлѣнія сознанія вѣрою,
сама развивается въ немъ и съ нимъ. Вотъ почему апостолы
часто призываютъ вѣрующихъ къ возрастанію въ познаніи
Христа до степени достиженія полнаго, зрѣлаго возраста въ
этомъ познаніи (Еф. 4, 13; Кол. 1, 10; 2 Петр. 3, 18). До-
стиженіе этого идеала въ христіанскомъ субъективномъ раз-
витіи вѣры невозможно въ границахъ настоящей земной жи-
зни,—стремленіе къ достиженію совершеннаго христіанскаго
знаніе должно продолжиться и въ жизни загробной.

III.

Въ чемъ же, если не въ твореніи и провозглашеніи но-
выхъ догматовъ, состоитъ задача вселенскихъ соборовъ? Чтобы
отвѣтить на этотъ, естественно вытекающій изъ предшеству-
ющихъ разсужденій вопросъ, необходимо сказать нѣсколько
словъ о томъ, какимъ образомъ Церковь, какъ общество вѣ-
рующихъ, есть „столпъ и утвержденіе истины“ богооткровен-
наго ученія, какимъ образомъ она является надежнѣйшею со-
кровищицею, въ которой хранится и истинное христіанское
и правильное пониманіе этого ученія. Вселенскіе соборы, какъ
будетъ видно далѣе, служатъ лишь выразителями, голосомъ
этого церковнаго знанія и пониманія; они возглашали за истину
лишь то, что искони признавала таковою Церковь,—то, *что
всегда, что всюду, что всеми впровадилось.*

Вселенское сознаніе Церкви явилось надежнѣйшимъ хра-
нилищемъ богооткровенной истины съ самыхъ первыхъ момен-
товъ существованія въ мірѣ Церкви, какъ религіознаго обще-
ства истинно вѣрующихъ, съ того времени, когда откровенное
ученіе было апостолами сообщено этому обществу вѣрующихъ.
Поэтому догматическое ученіе во всей его чистотѣ и полнотѣ
хранилось и почиталось за таковое Церковью еще задолго до
вселенскихъ соборовъ.

И въ данномъ случаѣ имѣютъ глубокое значеніе слова
пророка Исаи, сказанныя имъ по отношенію къ обществу
израильскому: „сѣмя свято—стояніе его“. И въ Церкви хри-

христіанской святое праведное сѣмя искони было, при содѣйствіи возглавляющаго Церковь Христа и живущаго въ ней св. Духа, оплотомъ—крѣпкимъ, несокрушимымъ—истины апостольской. Пока въ Церкви есть праведники, до тѣхъ поръ непоколебимо существуетъ Церковь, а съ нею и истинное христіанское ученіе.

Истина, возвѣщенная міру апостолами, воспринята сердцами и умами вѣрующихъ. Истинно-вѣрующій человекъ воспринимаетъ христіанскую истину всей душой своей, всѣмъ своимъ существомъ, постигаетъ, насколько это доступно человеку, и какъ бы созерцаетъ ее умомъ, онъ ею всегда управляетъ свою волю. А постоянно и живя по руководству богооткровенной истины и мысля о Богѣ и божественномъ согласно съ ученіемъ откровенія, смотря на міръ и все земное такъ, какъ учить его смотрѣть ученіе апостольское, вѣрующій человекъ постепенно, восходя отъ совершенства къ совершенству, какъ бы усваиваетъ принятую христіанскую истину своему духу, претворяетъ ее въ существо своей духовной природы. Тогда истина, при благодатномъ содѣйствіи Духа св., перестаетъ уже быть вѣшною для вѣрующаго, онъ внутренно сживается съ нею, истина входитъ въ его характеръ, всецѣло плѣняетъ его душу; такимъ образомъ достигается нравственное единеніе вѣрующаго съ богооткровенной истиной.

Такъ, именно, восприняли истину первенствующіе христіане, такъ она впервые вошла, такъ сказать, въ сознаніе Церкви. Послѣ христіанская истина, такъ воспринятая духомъ человека, уже никакъ не можетъ быть исторгнута изъ него: никакія гоненія, никакія страданія—ничто не можетъ заставить вѣрующаго отказаться отъ воспринятаго ученія. Но такъ какъ при этомъ первенствующая Церковь была не велика, а нападенія и гоненія языческаго и іудейскаго міра были необычайно жестоки, то ей, для лучшаго сохраненія и распространенія апостольскаго ученія, были на первыхъ порахъ сообщены чрезвычайныя благодатныя дарованія св. Духа. Но и эти дарованія прекратились при значительномъ распространеніи Церкви Христовой.

То, что сказано объ индивидуальномъ сознаниі вѣрующаго, воспринявшаго въ свое сознаниі сокровище откровенной истины, относится и ко вселенскому сознанию Церкви, но въ высшей и совершенной степени. Каждый христіанинъ — храмъ Духа св.; гдѣ собрались два или три вѣрующихъ, тамъ и Христосъ, а потому и Церковь, постоянно очищаемая, просвѣщаемая и руководствуемая Духомъ св., знаетъ истину и хранить не какъ нѣчто выѣшнее для нея, но какъ присущее ей непосредственному сознанию. А какъ такое знание,—это знание Церковью божественной истины есть знание непрерывное и равное ей возвѣщенному и ею воспринятому учению. „Догматъ непогрѣшимости, продолжимъ слова Бѣляева, въ томъ, именно, и состоитъ, что въ Церкви всегда положительно и жизненно существуетъ правильное сознаниі вѣры“¹⁾. „Непогрѣшимость, говорить и Вл. Геттэ, есть принадлежность вселенскаго и постояннаго сознаниа²⁾... Епископство же, какъ представитель и выразитель голоса и вѣры вселенской Церкви всѣхъ временъ,—есть непогрѣшимый органъ Церкви. Въ этомъ смыслѣ непогрѣшими и вселенскіе соборы“³⁾.

Теперь понятно, въ чемъ задача и на что простирается непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ.

Богооткровенная христіанская истина во всей полнотѣ возвѣщена апостолами и во всей своей чистотѣ и неприкосновенности всегда хранилась во вселенскомъ сознаниі Церкви. Поэтому единственный критерій истинности или ложности того или другаго ученія—происхожденіе даннаго ученія отъ апостоловъ и Христа и храненіе его въ церковномъ сознаниі. Что въ ученіи, выдаваемомъ за откровенное, не восходитъ къ апостоламъ, то и не есть истинное христіанское ученіе. Истина вѣры, говорить преосвящ. Сильвестръ, только та можетъ быть признана несомнѣнной и непререкаемою истиною или догма-

¹⁾ „Теорія папской непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи“. Бѣляевъ. 1882. Казань, стр. 9.

²⁾ „Изложеніе ученія“... перев. съ фр. Арцибашева, стр. 47.

³⁾ Тамъ же, стр. 48.

томъ, которая была преподана самимъ Исусомъ Христомъ и проповѣдана апостолами. Церковь такъ вѣровала искони. Но уже въ самомъ началѣ существованія Церкви стали появляться еретики, которые стремились отвергнуть церковное апостольское ученіе и церковное пониманіе его и взамѣнъ распространяли свое лжеученіе. Вотъ тутъ то явилась настоятельная потребность для Церкви публично, предъ всѣми вѣрующими, заявить, такое ли ученіе, какое проповѣдуютъ еретики, содержитъ Церковь, или совсѣмъ иное и тѣмъ доставить полное торжество истинѣ. Выразителями этой потребности и явились вселенскіе соборы. Имъ не было нужды и возможности провозглашать что-либо новое, такъ какъ ученіе, разсматриваемое на вселенскихъ соборахъ, могло быть признано истиннымъ, если оно хранилось въ церковномъ сознаніи, какъ апостольское; и должно было быть признаннымъ ложнымъ, если раньше Церковь не знала этого ученія. Въмѣстѣ съ тѣмъ Церковь на вселенскихъ соборахъ, въ виду лжеученій и другихъ современныхъ обстоятельствъ, яснѣе выражала и точнѣе формулировала то или другое свое ученіе.

Такъ, именно, опредѣляетъ задачу вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ третье апостольское правило, когда говорить о соборахъ: „да разсуждаютъ они о догматахъ благочестія“. Разсуждать о догматахъ, т. е. при свѣтѣ здраваго разума уяснить сообразно съ потребностями времени тотъ или другой догматъ, хранящійся въ церковномъ сознаніи (или св. Писаніи), раскрывать и опредѣлять его—вотъ задача соборовъ. „Задачею соборовъ, говорить преосвящ. Сильвестръ, было не изысканіе какихъ-либо неизвѣстныхъ въ Церкви догматовъ, а точное рѣшеніе и опредѣленіе наслѣдованныхъ Церковью истинъ отъ Ея Божественнаго Основателя, примѣнительно къ частнымъ случаямъ, указываемымъ потребностями времени“.

Задача эта достигалась чрезъ представительство на вселенскихъ соборахъ всѣхъ помѣстныхъ Церквей своими епископами. Епископъ, избранный своею паствою, какъ наибольше достойный по своей вѣрѣ и благочестію, возведенный на

высшее служеніе іерархіи церковной, понятно, могъ быть наилучшимъ выразителемъ вѣры своей епархіи. А собравшись на соборы со всѣхъ концовъ вселенной, епископы являлись свидѣтелями вѣры всей вселенской Церкви. Способъ, какимъ они заявляли свою вѣру и потомъ дѣлали свои вѣроопредѣленія, не имѣлъ ничего общаго съ боговдохновенностью, а былъ простой способъ „свободнаго и искренняго, безкорыстнаго и безпристрастнаго изслѣдованія и обсужденія истины на готовыхъ, данныхъ ей отъ Господа, началахъ, долженствовавшихъ путемъ внутренняго претворенія въ собственную природу души, перейти въ искреннюю, живую, непоколебимую и спасительную вѣру“ ¹⁾. Еслибы соборныя опредѣленія были дѣломъ Духа св., то епископы были бы просто орудіями Его, а не совершенно самостоятельными выразителями своей вѣры, согласной съ вѣрой ихъ паствы; тогда бы, конечно, не было мѣста на вселенскихъ сборахъ спорамъ и долгимъ разсужденіямъ. А то ли мы видимъ на вселенскихъ соборахъ? Не только сами епископы ведутъ между собою горячія разсужденія, но и другія лица, присутствовавшія на соборахъ, принимаютъ живое участіе въ этихъ разсужденіяхъ. Только послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія вопроса епископы приходили къ окончательному рѣшенію его. Впрочемъ, это не значитъ и того, чтобы епископы какъ-либо логически выводили рѣшеніе догматическаго вопроса; нѣтъ, эти споры и разсужденія показывали только то, что на соборахъ постановляли рѣшенія люди, а люди, по самой ограниченности своей, не могутъ вдругъ и всесторонне охватить умомъ какую либо истину, и, даже будучи согласны между собою, расходятся въ словахъ и выраженіяхъ и спорятъ изъ-за нихъ. Но за то тотъ фактъ, что присутствовавшіе на соборахъ епископы приходили въ концѣ концовъ почти къ единодушному рѣшенію, убѣждаетъ насъ въ томъ, что они были лишь свидѣтелями вѣры, а не творцами ея, были *testes fidei, non auctores*.

¹⁾ „Ученіе о Церкви въ первые три вѣка христіанства“, стр. 317—318.

Св. апостоль Павель пишетъ Коринѳянамъ: „если преходящее славно, то тѣмъ болѣе славно пребывающее“ (2 Кор. 3, 11), и именно христіанское вѣроученіе есть вѣчно пребывающее, всегда неизмѣнно. И потому неизмѣнная вѣрность Православной Церкви завѣтамъ Божественнаго Учителя и ученію апостоловъ не только нисколько не унижаетъ её, а составляетъ блистательнѣйшую славу восточной Церкви и должно возбуждать величайшую благодарность къ Ней со стороны всѣхъ православныхъ и истинныхъ христіанъ, которые хотятъ ясно знать и исповѣдывать одно лишь несомнѣнно Христово, несомнѣнно апостольское и, наконецъ, несомнѣнно вселенское ученіе вѣры.

А. Троицкій.

²⁾ Изъ бесѣды Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Архиастырскія наставленія епархіальному съѣзду духовенства ¹⁾.

„Давно уже существуютъ такъ называемые Епархіальныя Съѣзды духовенства. Цѣль этихъ съѣздовъ и значеніе ихъ уже достаточно опредѣлились. Но созванный мною настоящій съѣздъ, точно такъ же, какъ и съѣзды, которые я устраивалъ во время служенія на раннѣйшихъ своихъ святительскихъ кафедрахъ, имѣеть нѣкоторыя характерныя особенности. Съ того времени, какъ я, по милости Божіей, назначенъ былъ архіереемъ самостоятельнымъ, не прошло ни одного съѣзда, чтобы я не велъ съ духовенствомъ бесѣды, и бесѣды именно такой, которая касается религіозно-церковной жизни епархіи и пастырской дѣятельности. На эти бесѣды я всегда считалъ и считаю необходимымъ приглашать и тѣхъ лицъ моей епархіи, которыя могутъ послѣ принести пользу въ качествѣ проводниковъ и выразителей моихъ идей.

Я отступилъ отъ правила созыва прежнихъ съѣздовъ и пригласилъ на этотъ съѣздъ именно *оо. благочинныхъ*. По-

¹⁾ Изъ бесѣды Высокопреосвященнаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

чему? Мнѣ хотѣлось бы выяснитъ религіозно - нравственное состояніе приходо́въ моей епархіи въ настоящее время, а также и положеніе церковно-приходскихъ шко́лъ, состояніе миссіонерства, монастырей, а равно и другія болѣе настоятельныя нужды епархіи. Но такія свѣдѣнія могутъ дать, конечно, всего лучше именно оо. благочинныя, какъ знакомыя съ состояніемъ не однихъ только своихъ приходо́въ, а и всѣхъ благочиній, между тѣмъ какъ являющіеся на съѣзды выборныя *депутаты* отъ духовенства очень часто, зная религіозно-нравственное состояніе своего прихода, не бывають знакомы съ такимъ состояніемъ въ другихъ приходахъ благочинія. Затѣмъ, депутаты имѣють полномочія только временныя, съ окончаніемъ же съѣзда престижъ ихъ кончается, далеко не всегда они имѣють и должный авторитетъ. Могутъ ли они въ такомъ случаѣ быть хорошими проводниками архиастырскихъ идей?!.. Итакъ, радѣя о благѣ епархіи, я рѣшилъ вести съѣду именно съ вами. Выслушайте внимательно меня и, если что имѣете сказать мнѣ, скажите.

Выскажу вамъ, прежде всего, свой взглядъ на благочинныхъ. Вы сами, изъ данной вамъ инструкціи, знаете, въ чемъ состоитъ благочинническое служеніе. Вамъ предоставляются отъ *вышей* и епархіальной власти большія полномочія.—Вы посредники между духовенствомъ и консисторіей, докладчики печальныхъ и хорошихъ событій, блюстители церковныхъ порядковъ не только въ своей церкви, но и въ церквахъ всего благочинія, вы *око архіерея*. А если око не должно быть тусклымъ, кривымъ, а смотрѣть прямо, искренно, открыто, сердечно, справедливо, то и вы должны проявлять эти же качества въ отношеніи къ епархіальной власти. Вы должны быть чужды карательности, гнѣва и мести. Къ сожалѣнію, мнѣ уже пришлось въ Харьковской епархіи наблюдать противное... Таковъ мой взглядъ на благочинныхъ, таковъ же взглядъ на нихъ и *вышей* власти.

Этотъ взглядъ меня еще болѣе убѣждаетъ, что гораздо полезнѣе съѣздъ оо. благочинныхъ, чѣмъ выборныхъ. Конечно,

духовенство можетъ пожелать имѣть съѣздъ и выборныхъ, я не намѣренъ идти совершенно противъ этого желанія. Но, повторяю, выборные, въ число которыхъ оо. благочинные попадаютъ не всегда, въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть достаточно авторитетны. Мнѣ хорошо извѣстно, что нѣкоторые изъ благочинныхъ даже стараются нарочито не пошастъ въ эти выборные, а подставить кого либо изъ молодыхъ священниковъ. Отсюда получается такое явленіе. Собирается съѣздъ и членами его являются молодые, неопытные іереи, можно сказать, юноши. Въ Рижской епархіи на одномъ изъ съѣздовъ я даже вынужденъ былъ замѣтить такимъ членамъ: „вы еще юноши, вамъ приличнѣе было бы поблагодарить за честь избранія и смиренно отказаться, а если явились, то побольше имѣть сдержанности и слушать тѣхъ, кто постарше“.

Скажу теперь нѣсколько подробнѣе, каковы же должны быть оо. благочинные. Какъ въ отношеніи къ своему епархіальному архіерею, такъ и въ отношеніи къ благочинію они должны быть на высотѣ призванія. Занимая высокое положеніе, они должны быть высоки и по своимъ нравственнымъ качествамъ, по своему авторитету. Ставя выше всего справедливость, стараться въ то же время дѣйствовать обдуманно и осторожно, и, прежде чѣмъ писать докладъ, напр., въ случаѣ какой нибудь бѣды, исправлять замѣченные недостатки собственнымъ воздѣйствіемъ, своими силами. Чѣмъ меньше будетъ недоразумѣній между благочинными и вѣрнымъ ему духовенствомъ и прихожанами и чѣмъ меньше будетъ разныхъ рапортовъ и донесеній, тѣмъ лучше. И такихъ благочинныхъ, старающихся все умиротворить, повѣрьте, всѣ достойно оцѣнять. Я зналъ двухъ благочинныхъ, служившихъ по 35 лѣтъ на своихъ приходахъ. Оба они отличались тѣмъ, что при своихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, старались всячески умиротворять подчиненныхъ, искоренять чисто отеческими мѣрами въ своихъ благочиніяхъ разные пороки, напр., пьянство и что-же? Умеръ одинъ изъ нихъ въ Москвѣ. Привезли хоронить. Станція желѣзной дороги отстоитъ отъ

села на 20 верстѣ. Такъ всѣ эти 20 верстѣ духовенство и крестьяне несли гробъ на своихъ рукахъ и всѣ плакали, какъ объ родномъ отцѣ. Вотъ что значитъ пользоваться авторитетомъ!.. Когда человѣкъ безупреченъ, онъ дышитъ любовію къ подчиненнымъ и его любятъ и боятся оскорбить чѣмъ либо недостойнымъ.

Являясь образцамъ по своей жизни, благочинные должны быть въ то же время и исполнительными въ отношеніи возложенныхъ на нихъ обязанностей. Вотъ у васъ имѣются книжечки о своевременномъ представленіи *срочныхъ дѣлъ*. Чѣмъ вызвана разсылка этихъ книжечекъ? Очевидно, неисполнительностію, несвоевременнымъ представленіемъ разныхъ отчетовъ. Въ свою очередь и оо. благочинные должны слѣдить за аккуратнымъ поступленіемъ къ нимъ разныхъ отчетовъ и донесеній отъ духовенства. Нужно мѣрами кротости, а гдѣ потребуется, то и строгости, искоренять привычку нѣкоторыхъ приходскихъ пастырей оправдываться, въ случаѣ несвоевременной доставки тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, словами— „не успѣлъ во время!“ Нужно непременно слѣдить, чтобы правильно велись и своевременно представлялись: метрическія книги, обыскная книга съ брачными документами, подписные листы для сбора пожертвованій на разныя благотворительныя дѣла, если таковыя были выданы, клировыя вѣдомости, вѣдомость о купленныхъ въ теченіе года каждою церковію свѣчахъ, разные рапорты съ представленіемъ денегъ, книга для записи братскихъ доходовъ и т. д. Вы должны внушать духовенству, что каждая неисправность съ ихъ стороны въ смыслѣ доставки разныхъ документовъ и свѣдѣній влечетъ за собою задержку въ донесеніяхъ благочиннаго и такимъ образомъ приноситъ ущербъ благочинію. Конечно, могутъ быть священники, которые ничего не боятся и которые васъ не слушаютъ. Тогда немедленно же донесите мнѣ При всей своей милости, я подобнаго рода священниковъ принужденъ буду наказать. Но я думаю, что если вы будете пользоваться уваженіемъ со стороны подчиненнаго вамъ духовенства и будете сами испол-

нительны, то слушниковъ вашихъ приказаній будетъ немного... Старайтесь, главное, быть одинаково справедливыми по отношенію ко всему духовенству. Равенство и безпристрастіе къ духовенству пріобрѣтеть и вамъ уваженіе и меня избавить отъ полученія массы анонимныхъ писемъ, которыхъ, какъ вы знаете, я положительно не выношу. Разъ вы будете относиться одинаково ко всѣмъ, повѣрите, духовенство будетъ исправно. Тогда, если вы пожелаете въ какое либо село и на храмовой или другой какой-либо праздникъ, не желательныхъ сценъ не увидите... Наоборотъ, если вы будете оказывать не пужное снисхожденіе *своимъ*: брату, сыну, зятю и т. д., то хорошаго ждаты нельзя.

Между письменными документами, которые вы, оо. благочинные, обязаны доставлять мнѣ, какъ своему архипастырю, особенное вниманіе я обращаю на отчеты — полугодичные и годичные. Какъ составлять эти отчеты, вамъ должно быть извѣстно и изъ инструкціи и разныхъ пособій, напр., прот. Чижевскаго ¹⁾, священника А. Малевинскаго ²⁾ и мн. друг. Годовые отчеты должны имѣть особенное значеніе. Въ нихъ вы должны давать подробныя свѣдѣнія: о числѣ церквей въ благочиніи и ихъ состояніи, о порядкѣ и исправности веденія и храненія церковныхъ книгъ, храненія суммъ, документовъ, утвари, ризницы, библіотеки, архива и прочаго церковнаго имущества, объ общемъ числѣ священно и церковно-служителей въ благочиніи, о состояніи исправности духовенства въ отношеніи къ богослуженію, требосправленіямъ и къ пазиданію паствы, о нравственномъ состояніи духовенства, объ удовлетворительности или неудовлетворительности его отношеній къ паствѣ, между собою вообще и между членами каждаго причта въ частности,—и соображенія по сему, объ от-

¹⁾ Церковное письмоводство. Собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго. Харьковъ, 1898 г.

²⁾ Инструкція благочинному приходскихъ церквей, изъясненная указами Св. Синода, распоряженіями епархіальнаго начальства, сводомъ законовъ и церковной практикой. С.-Петербург. 1889 г.

ношеніи его къ раскольникамъ, сектантамъ и иновѣрцамъ, гдѣ таковыя обрѣтаются, объ увеличеніи или уменьшеніи паствы и причинахъ этого, объ училищахъ при церквахъ и т. д. Главное нужно стараться, чтобы эти отчеты представляли сущую правду и обрисовывали *дѣйствительную* жизнь приходоѡ, а не заботиться только о литературной красотѣ этихъ донесеній. Не забывайте, что на основаніи вашихъ отчетоѡ я составляю свое донесеніе самому Святѣйшему Синоду. Очень часто оо. благочинные, давая свѣдѣнія о духовенствѣ, тутъ же рапортуютъ и о желательности награжденія того или иного лица. Этого дѣлать не слѣдуетъ. Рапорты о награжденіяхъ священно и церковно-служителей должны быть отдѣльными и представляться съ отчетомъ. А то происходитъ, такъ сказать, смѣшеніе предметовъ. Не забывайте, что я во время чтенія вашихъ отчетоѡ принимаю во вниманіе все примѣчательное... Что касается, далѣе, до полугодичныхъ отчетоѡ, то были случаи, что оо. благочинные представляли ихъ въ пять строкъ! Я такіе „отчеты“ не читаю, а прямо сдаю въ консисторію, а лицъ, доставившихъ эти отчеты, принимаю во вниманіе... Конечно, въ полугодичныхъ донесеніяхъ особенной обстоятельности не требуется, тѣмъ не менѣе все что требуется отъ нихъ по инструкціи, должно быть непремѣнно выполняемо. Старайтесь писать кратко и ясно.

Скажу теперь о другихъ должностныхъ лицахъ и прежде всего о духовныхъ слѣдователяхъ, а затѣмъ о духовникахъ духовенства. На должность слѣдователей должны быта избираемы лица достойныя и способныя нести эту должность. Въ противномъ случаѣ явятся злоупотребленія. Я знаю много примѣроѡ, когда слѣдователи держали дѣла по пяти и болѣе мѣсяцевъ, допускали пристрастіе при производствѣ дѣлъ и, наконецъ, позволяли себѣ прямо отказываться отъ многихъ изъ нихъ. Былъ такой случай съ однимъ псаломщикомъ. Назначено было надъ нимъ слѣдствіе. Дѣло лежало у духовнаго слѣдователя съ января до іюля, т. е. полгода. Чѣмъ бы кончилось разслѣдованіе дѣла, еще неизвѣстно, а псаломщикъ,

отрѣшенный отъ мѣста, сидить съ семьей безъ куса хлѣба. Не является ли слѣдователь въ данномъ случаѣ простымъ мучителемъ?! А потомъ ѣду я по епархіи, этотъ псаломщикъ подходитъ ко мнѣ, плачетъ и проситъ ради Бога ускорить надъ нимъ слѣдствіе. „Я, говоритъ онъ, видитъ Бога, не виновать, а принужденъ прямо голодать“. Объясняетъ дѣло... Такъ я и отдалъ ему хлѣбъ, который мнѣ поднесли крестьяне, дѣло велѣлъ прекратить и еще велѣлъ взять 10 р. со слѣдователя въ пользу этого несчастнаго псаломщика. А потомъ я узналъ, что подобнаго рода слѣдователей въ епархіи много... Вы, оо. благочинные, какъ призванные для сохраненія порядка въ Церкви и ея служителяхъ, на пользу христіанъ и во славу Божию, должны содѣйствовать тому, чтобы не было задержки въ производствѣ слѣдствій, должны побуждать слѣдователей, какъ своихъ подчиненныхъ, относиться къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно. Вѣдь къ этому должно побуждать васъ и просто чувство состраданія къ своимъ братьямъ и охрана чести духовенства... Но Боже сохрани васъ защищать тѣхъ изъ подсудимыхъ, проступки которыхъ очевидны. Это будетъ уже грѣхомъ вопіющимъ на небо! А, вспомните, нѣкоторые изъ васъ недавно дѣйствительно защищали одного изъ такихъ лицъ... Но вы, оо. благочинные, старайтесь, чтобы въ вашихъ округахъ было вообще какъ можно менѣе судебныхъ дѣлъ, умиротворяйте и увѣщевайте своихъ подчиненныхъ.

Что касается до духовниковъ, то скажу вамъ одно: на эту должность должно быть избираемо лицо, извѣстное своимъ благочестіемъ. Къ нему, какъ человѣку уважаемому, высоко нравственному, должно идти духовенство съ своими духовными нуждами, предъ нимъ оно должно открывать свою душу и находить въ его словахъ утѣшеніе сердца и умиротвореніе духа. Вотъ каковъ долженъ быть духовникъ! Вы, оо. благочинные, должны слѣдить, чтобы духовники дѣйствительно являлись такими и имѣли особенное вліяніе на духовенство.

Поведу теперь рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта. Начну со священниковъ. Хотѣлось бы, чтобы наши священники, наше духовенство вообще, стояли на должной высотѣ и никто и ни въ чемъ не могъ бы ихъ упрекнуть. Здѣсь, кажется, на внѣшность обращается мало вниманія... А вотъ возьмите петербургское духовенство; какъ оно во всѣхъ отношеніяхъ благоприлично! Да, священникъ долженъ быть какъ можно аккуратнѣе, чтобы и самой внѣшностью служить примѣромъ для своихъ пасомыхъ. Теперь, кажется, выводится обычай принимать благословеніе у священника и цѣловать руку?! Особенно неохотно, кажется, принимаютъ благословеніе такъ называемые интеллигенты. Къ прискорбію, приходится наблюдать, что даже и діаконы не всегда цѣлуютъ руку у священника. Конечно, цѣловать руку священника не могутъ никого заставить, но они не должны забывать, что имъ дано право благословлять и поэтому, если видятъ протянутую руку какого либо знакомаго православнаго лица, то прежде чѣмъ пожать эту руку, должны благословить это лицо. Объ этомъ вопросѣ, о благословеніи и рукоцѣлованіи, я поговорю еще далѣе.

Въ приходсахъ большихъ полагается священнику одинъ или даже нѣсколько помощниковъ. Въ такомъ случаѣ старшій священникъ называется настоятелемъ, а остальные—его помощниками. Нѣкоторые полагаютъ, что между настоятелемъ и помощниками нѣтъ разницы въ правахъ. Это совершенно неправильно. Кто является отвѣтственнымъ лицомъ за цѣлость церковнаго имущества? Настоятель. Онъ же дѣлаетъ распоряженіе, напр., и о томъ, кому изъ его помощниковъ служить раннюю литургію, кому позднюю. Принципіальное распоряженіе вообще всегда должно лежать на настоятелѣ и помощники обязаны его слушать. Конечно, настоятели нерѣдко злоупотребляютъ своими преимуществами. Но вѣдь злоупотребленія вездѣ и всегда возможны.. Вы, оо. благочинные, должны непремѣнно слѣдить, чтобы этихъ злоупотребленій не

было и между настоятелями и помощниками была солидарность въ дѣйствіяхъ, братскія отношенія.

Скажу теперъ о діаконахъ. Я крайне былъ недоволенъ тѣми изъ нихъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть во время поѣздокъ по епархіи. Небрежность замѣчается прежде всего уже во внѣшности: одѣты они въ невозможныя ряски, головы часто не причесаны. Положимъ, каждый одѣвается соразмѣрно получаемому доходу, но, какъ бы ни былъ малъ доходъ, приличіе должно быть соблюдаемо, а тѣмъ болѣе при встрѣчахъ своего Архипастыря... Затѣмъ, служить они почти не умѣютъ: изъ сотни діаконѡвъ трудно указать десятокъ такихъ, которые бы умѣли хорошо кадить, правильно и во время произносить эктениі и другія молитвословія. И это тѣмъ болѣе странно, что многіе изъ подобныхъ діаконѡвъ состояли ранѣе учителями, значить до нѣкоторой степени уже люди образованные и имѣющіе возможность понять, что хорошо и что худо. Слѣдите, братіе, за тѣмъ, чтобы діаконѡвы отвѣчали своему назначенію...

Что касается до діаконѡвъ штатныхъ и діаконѡвъ-псаломщикѡвъ, то, по моему, положеніе этихъ послѣднихъ фальшивое. Діаконѡвы-псаломщикѡвы гдѣ такъ называемые діаконѡвы на псаломщицкѡй вакансіи обязаны во всѣхъ благопотребныхъ случаяхъ нести обязанности діаконѡвъ штатныхъ, между тѣмъ содержаніе имъ идетъ псаломщицкое. Мой личный взглядъ таковъ: діаконѡвы - псаломщикѡвы должны бы пользоваться кружечными доходами въ равной мѣрѣ со штатными, а церковными землями въ долѣ псаломщика.

Обратите еще вниманіе, о.о. благочинные и оо. настоятели на то, что нѣкоторые діаконѡвы позволяютъ себѣ служить литургію *безъ приготовленія*. Это не можетъ быть терпимо. Готовящійся къ священнодѣйствию обязанъ не только „сохранить себѣ и опасно блюсти отъ вещей, заступающихъ достойному литургіисанію и пречистыхъ таинъ причащенію“, но и возбуждать въ себѣ „алчбу и жажду къ божественному брашу и питію“. А пособіемъ для такого

стяжанія „благоговѣнства“ и служить приготовленіе, т. е. службы и молитвословія, положенныя по уставу Церкви и предшествующія Божественной литургіи. Вы и сами это внушайте діаконамъ, іеродіаконамъ и иподіаконамъ, заставляйте и священниковъ дѣлать такія же внушенія.

Перейду теперь къ псаломщикамъ. На большинство псаломщиковъ, присутствовавшихъ при встрѣчахъ меня въ селахъ, ужасно смотрѣть! Нѣкоторыхъ прямо не отличишь отъ деревенскихъ юношей: одѣты въ какихъ то пиджакахъ, галстуховъ не имѣютъ, сапоги грязные, волосы не расчесаны. И это при встрѣчѣ Архипастыря, что же въ обычное-то время?!... Конечно, они народъ не богатый, но вѣдь и мой отецъ, какъ вамъ извѣстно, былъ псаломщикомъ. Однако, я хорошо помню, всегда онъ былъ одѣтъ прилично, за службой ходилъ въ подрясникѣ, а по праздникамъ надѣвалъ стихарь. Завѣщаль себя и похоронить въ стихарѣ... Почему бы и здѣсь псаломщикамъ не носить во время богослуженій подрясниковъ или по крайней мѣрѣ приличныхъ сюртуковъ? Нѣтъ, въ псаломщикахъ Харьковской епархіи, видимо эстетическое чувство развито очень слабо... Затѣмъ, я обратилъ вниманіе, что есть псаломщики, которые, войдя въ церковь, не перекрестятся, идутъ мимо горняго мѣста—тоже. Печальное явленіе! • Вѣдь мы должны требовать; чтобы христіанскій долгъ исполняли и простые мужики, а тутъ церковнослужитель не исполняетъ этихъ требованій... О поведеніи псаломщиковъ много говорить не стану. Прошу васъ только, братіе, вырвите ихъ изъ тины, поднимите и поддержите, чтобы они были дѣйствительно членами причта церковнаго! Нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, говорятъ: „насъ и за людей то не считаютъ, придешь къ батюшкѣ, такъ на кухнѣ настоишься“... Этого не должно быть. Вы должны заботиться, чтобы *поднять* ихъ *личность*. Не нужно допускать равенства отношеній, но непременно заботиться о ихъ нравственномъ возвышеніи и внѣшней облагороженности. Многое тутъ зависитъ и отъ такъ называемой *чреды*. Эта чреда многихъ губить. Допустимъ, въ из-

вѣстной церкви два или три псаломщика, а за службой присутствуетъ одинъ. Что же дѣлаютъ остальные?.. А вѣдь въ нѣкоторыхъ приходяхъ псаломщиковъ бываетъ и по четыре челоуѣка. Такъ, если они будутъ чередоваться хотя бы по двое, то у нихъ половина недѣли будетъ свободною. Но далеко не всякій воспользуется этой свободой должнымъ образомъ... Я вообще не сторонникъ этихъ чередъ. Но во всякомъ случаѣ, о.о. настоятели и о.о. благочинные, примите къ свѣдѣнію, чтобы служащіе или не служащіе священно и церковно-служители старались посѣщать божественныя службы неуклонно. Если священникъ не служащій, то пусть стоитъ и читаетъ синодикъ, діаконъ же и псаломщики — поютъ на клиросѣ. Нельзя же вездѣ и всюду руководиться только предписаніями, пужно быть дѣйствительно пастырями, а не наемниками.

Среди здѣшняго духовенства замѣчается еще одно нежелательное явленіе, это—частые переходы съ одного мѣста на другое. Причина этого явленія кроется, по моему, въ церковныхъ домахъ. Будь не церковные дома, не стали бы такъ часто перебѣгать съ мѣста на мѣсто. Вотъ у меня на родинѣ, въ Смоленской губерніи, домовъ церковныхъ мало, поэтому и духовенство рѣже мѣняетъ мѣста. Если свой домъ у священника или діакона, такъ они не скоро поднимутся съ мѣста... А если церковный, тогда другое дѣло: открылось мѣсто, собирай свой скарбъ и двигайся. Особенно эти передвиженія замѣтны среди низшихъ членовъ причта. Я уже сдѣлалъ, какъ вамъ извѣстно, предписаніе, чтобы не прослужившіе трехъ лѣтъ на извѣстномъ мѣстѣ не перепрашивались на другое. Но и предписаніе мало помогаетъ: продолжаютъ перепрашиваться, особенно діаконъ. Объясняйте пожалуйста духовенству, что эти частые переходы очень нежелательны и вредны для религіозно-церковной жизни паствы и для пастырской дѣятельности.

Братіе, не забывайте, что для бѣдняка и нѣсколько рублей—богатство! Я разумью просфорницъ. Будьте справедливы въ дѣлѣ назначенія просфорницъ. Не секретъ, что нѣко-

торые пастыри позволяют себѣ даже въ церкви заявлять: „не берите у такой-то просфоръ, а покупайте у той-то“. Это грѣхъ, вопіющій на небо! Многіе также предоставляютъ нерѣдко мѣста просфорницъ мірскимъ женщинамъ, а лицъ духовнаго званія, достойныхъ по своимъ качествамъ, обходятъ. Это ненормально. Слѣдите пожалуйста за этимъ“ (Вѣра и Разумъ 1902 г., № 19, стр. 374—385).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

III.

(По поводу „Обращенія къ духовенству“ гр. Л. Толстого).

Въ этотъ разъ нашъ досточтимый о. Алексѣй Семеновичъ былъ положительно не узнаваемъ. Въмѣсто обычнаго спокойствія, уравновѣшенности, онъ проявлялъ и въ словахъ и въ движеніяхъ сильную возбужденность:—по всему видно было, что о. Алексѣй возмущенъ чѣмъ-то до глубины души.

И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего потерять душевное равновѣсіе: на столѣ лежала книжка. „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ (№№ 10 и 11) съ критическою статьею о новомъ твореніи гр. Л. Толстого—„Обращеніе къ духовенству“. О. Алексѣй то нервно бралъ книжку журнала, то вдругъ, положивъ ее на столъ, снова принимался ходить по комнатѣ и никакъ не могъ успокоиться. Пресловутое твореніе графа, въ пространныхъ выдержкахъ приводимое въ статьѣ, своимъ тонкимъ коварствомъ, своей неслыханной ложью и дерзкой клеветой на Церковь не могло не возмутить духа глубоко-вѣрующаго, честнаго служителя алтаря.

— Мало показалось нашему ересіарху сѣять плевелы безбожія среди своихъ поклонниковъ, единомышленниковъ! еще недостаточно изрыгаль онъ хулы на Сына Божія, на св. Таин-

ства, вышучивалъ и топталъ въ грязь самыя священныя вѣрованія сыновъ Церкви Православной безъ всякой пощады!.. Посмотрите, друзья мои, что теперь предпринялъ онъ съ дерзостью и коварствомъ исконнаго врага:—ни больше, ни меньше, какъ отнять у Церкви ея доселѣ вѣрныхъ стражей и слугъ! Онъ обращается къ намъ, къ духовенству!.. Боже мой, Владыко Святый и истинный, доколы не судилиши (Апок. 6, 10)?..

Глубокая обида и крайнее огорченіе звучали въ словахъ о. Алексѣя, когда онъ говорилъ все это. Успокоившись нѣсколько и занявъ среди насъ свое обычное мѣсто, онъ продолжалъ.

— Если когда, такъ именно теперь не слѣдуетъ предаваться намъ самонадѣянности и легко, поверхностно относиться къ нападенію врага. Это вѣдь главный, послѣдній и самый смѣлый его натискъ. Своимъ „Обращеніемъ“ графъ прямо хочетъ сказать намъ: „Потрудился я не мало надъ разрушеніемъ вашихъ христіанскихъ твердынь, и теперь дѣло сдѣлано. Никто уже изъ независимыхъ, критически думающихъ людей не раздѣляетъ вашихъ наивныхъ вѣрованій; ваше старое христіанство съ догматами, съ Церковію отжило свой вѣкъ. Остается вѣрнымъ всему этому еще только народъ, который сознательно, намѣренно удерживаете въ заблужденіяхъ вы—духовенство. И то, что вы дѣлаете, дѣлаете не для пользы людей: одни изъ корыстныхъ цѣлей прिवольнаго житія; другіе—по рабской трусливости и нерѣшительности критически отнестись къ прежнимъ вѣрованіямъ; третьи—по непривычкѣ мыслить самостоятельно подъ давленіемъ церковнаго авторитета. Но такъ поступать преступно, не честно и стыдно. Пора оставить всѣмъ вамъ, кто хочетъ быть искреннимъ, честнымъ, служеніе Церкви, принять мое чистое христіанство и идти за мной. Знаю, что трудно отказаться вамъ, но все-таки лучше, чѣмъ дѣлать дѣло, губительное для души и вредное людямъ... *И помоги вамъ въ этомъ, Богъ Который видитъ сердца ваши*“:— Таково во всей прямолинейности кратко выраженное „Обра-

щеніе къ духовенству“ современнаго ересіарха Русской Земли съ буквальныймъ, чудовищно-кощунственнымъ заключеніемъ!.. Что сдѣлаетъ, какъ отзовется на него наше православное духовенство? Обсуждать несостоятельность мыслей и взглядовъ лжеучителя, которые онъ не впервые высказываетъ здѣсь, и обстоятельно въ сотый разъ подвергать ихъ критикѣ—одного этого въ данномъ случаѣ мало; да собственно не это здѣсь и требуется. „Обращеніе“—не отвлеченный трактатъ, съ которымъ можно покончить легко и скоро одной критикой; это по существу—преступная *прокламація*, призывающая къ измѣнѣ, къ возстанію, къ переходу на сторону врага. Какъ во всякой *прокламаціи*, здѣсь скрытъ тонкій, губительный ядъ оболъщенія; она рассчитана на слабыя, чувствительныя стороны, имѣющіяся въ человѣкѣ. Проразумѣть „козни“ оболъстителя, воспротивиться ему всѣми силами души, оградить себя со всевозможной осмотрительностію отъ растлѣвающаго дѣйствія проникающаго всю эту *прокламацію* яда—вотъ что нужно намъ сдѣлать!..

Поистинѣ, врагъ Церкви Христовой хочетъ „сбѣять насъ, какъ пшеницу“, и наше спасеніе отъ него въ одномъ—чтобы не оскудѣла въ насъ вѣра, чтобы ни на минуту не поколебалась наша преданность вѣковѣчнымъ завѣтамъ православія. Къ счастью нашему, „козни“, сокрытыя въ „Обращеніи“, все же замѣтны и расчетъ оболъстителя—ясенъ. Онъ хочетъ убѣдить насъ самонадѣянно-гордымъ и ложнымъ утвержденіемъ, что „новое христіанство“ принято и исповѣдуется всѣми передовыми, мыслящими людьми, которые покорно идутъ за нимъ; поэтому, и намъ, будто бы, остается только послѣдовать ихъ примѣру, тѣмъ болѣе, что служеніе Церкви всегда приносило вредъ, а не пользу!.. Правда,—отвѣтимъ на коварныя рѣчи,—много теперь на Руси единомышленниковъ графа, раздѣляющихъ его религіозныя измышленія; но поступаютъ и „вѣрують“ они такъ не по критически-выработанному убѣжденію, а слѣпо и стадно, единственно подчиняясь обаянію его художественнаго

таланта. И не намъ подражать такимъ послѣдователямъ. Для всякаго, знакомаго съ исторіей Церкви, „христіанство“ графа— не новость. Оно не болѣе, какъ повтореніе ересей, давно опровергнутыхъ и осужденныхъ Церковію. Не убѣдить насъ и явная клевета на слугъ Церкви Христовой, будто не пользу. а вредъ приносили и приносятъ они людямъ... Употребляетъ графъ въ своемъ „Обращеніи“ къ намъ и другіе лукавые способы поколебать стойкость вѣры: онъ иронизируетъ и смѣется надъ общехристіанскими вѣрованіями и представленіями, какъ „наивными“, противорѣчащими, несомвѣстными съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ пытается убѣдить насъ, будто сами мы, какъ все же люди, не чуждые общаго просвѣщенія, не можемъ больше вѣрить ни въ триничность Лицъ Божества, ни въ сотвореніе міра, ни въ вознесеніе на небеса и второе пришествіе съ неба на землю Сына Божія, а лишь лицемѣрно учимъ этому другихъ... Напрасныя попытки!—сказать намъ слѣдуетъ и на это коварному оболъстителю:—кто уполномочилъ его подозрѣвать насъ въ невѣріи и лицемѣрії?—Нѣтъ,—ни мало *не срамляясь*, твердо держимся мы исповѣданія вѣры Христовой. Это для погибающихъ только, въ родѣ самого оболъстителя, могутъ казаться „юродствомъ“ наши убѣжденія и религіозныя представленія. Для насъ же—истина непреложная ученіе о Пресвятой Троицѣ; вѣримъ мы и въ преславное вознесеніе на небеса Господа съ пречистою плотію и утверждаемъ дерзновенно, что оно такъ именно и было, какъ о немъ повѣствуютъ очевидцы и служители Слова!... Наконецъ, развѣ не условія нашего мышленія, ограниченнаго пространственными представленіями, искони заставляли и будутъ заставлять человѣка „горѣ возносить сердца“ и помѣщать именно тамъ, на небѣ, все святое, чистое, вѣчное, въ противоположность „низу“, безднѣ, преисподней, какъ области мрака, отверженности отъ всего святого, божественнаго? Отрѣшиться отъ подобныхъ представленій едва ли смогъ всецѣло и самъ гор-

дый отрицатель, если не перевернулась, говоря попросту, вверх ногами его способность мышления... Думаемъ нѣтъ въ томъ ничего ни наивнаго, ни заслуживающаго ироніи и насмѣшки, что мы раздѣляемъ общечеловѣческія представленія, обусловленныя пространственной ограниченностью человѣческой природы. Очевидно для всякаго, что не на глубину и основательность доводовъ расчитывалъ графъ, направляя рѣшительный ударъ противъ хранителей ненавистнаго ему православія и церковности. Въ каждой строкѣ его „Обращенія“ слышится самодовлѣющая гордая увѣренность въ правотѣ своего мнѣнія, звучитъ такой авторитетный тонъ, которымъ какъ бы исключается самая возможность возраженія. Въ этой то увѣренности рѣчей графа, который, словно жалѣючи, хочетъ просвѣтить другихъ якобы открытой имъ истиной, и заключается главная опасность невольнаго зараженія и растлѣнія духовнаго. Кто поручится, что кощунственныя мысли новаго лжепророка, выраженные часто поистинѣ съ бѣсовскимъ вдохновеніемъ, не возбуждаютъ въ глубинѣ души слушающаго, совершенно даже противъ его воли, „лукавыхъ и хульныхъ помысловъ“? Если столпы православія, свѣтильники вѣры не чужды были такихъ помысловъ и побуждали ихъ только при благодатной помощи послѣ упорной борьбы, то что сказать про насъ—слабыхъ, грѣшныхъ, колеблющихся?... Не напрасно, друзья мои, заповѣдано „еретика человѣка отрицаться“, всемѣрно чуждаться его; не даромъ и св. ап. Іоаннъ Богословъ предпочелъ, по преданію, выбѣжать изъ бани, не совершивъ тѣлеснаго омовенія, чѣмъ остаться на малое время подъ одной кровлей съ еретикомъ, Керинѳомъ... Это—мудрый урокъ всѣмъ, кто легкомысленно и самонадѣянно, безъ всякой осторожности заглядываетъ въ адскую глубь кощунственно-безбожныхъ идей прежде дѣйствительно великаго писателя, а теперь — страшнаго въ своихъ ослѣпленіяхъ старца-лжесловесника. Бѣжать, бѣжать и спасаться отъ его ядовитыхъ стрѣлъ слѣдуетъ всѣмъ намъ! Въ этомъ наше спасеніе и безопасность.

Такъ долго и вдохновенно говорилъ о. Алексѣй. Порою жестоко было слово огорченного и возмущеннаго старца, но нельзя было не согласиться съ правотой его взгляда, и мы въ глубокомъ молчаніи выслушали его рѣчь до конца.

Св. А. В—ій.

О т ъ Р е д а к ц і и.

За израсходованіємъ всѣхъ экземпляровъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1903 года, подписка на журналъ этого года прекращается и открывается подписка на будущій 1904 г.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Теоносій**

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 ноябрю 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ, Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, ноября 23-го.

Содержаніе: Представители современнаго богословскаго знанія и предстоящія имъ великія задачи.—Архипастырскія наставленія енархіальному съѣзду духовенства (продолженіе).—Къ вопросу о нищенствѣ (Вредъ нищенства и мѣры борьбы съ нимъ).—Объявленіе о продолженіи изданія журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1904-мъ году.

Представители современнаго богословскаго знанія и предстоящія имъ великія задачи.

Въ послѣднее время излюбленной темой для разговоровъ и журнальныхъ статей является вопросъ о союзѣ Церкви съ интеллигенціей, т. е. лучшей и образованнѣйшей частью русскаго общества.

Что можетъ сказать служитель Христовъ по этому поводу?

Прежде всего нужно замѣтить, что выраженіе „союзъ Церкви съ интеллигенціей“ съ христіанской точки не можетъ быть допущено, потому что Церковь ни съ кѣмъ въ союзы не вступаетъ, да и не можетъ вступать,—она есть такого рода бытіе, которое не нуждается въ чемъ-либо постороннемъ для

развитія своей жизни, все необходимое для спасенія ея членовъ у нея есть. Церковь не вступаетъ въ союзъ, но она принимаетъ всякаго желающаго въ единеніе съ собою. Такимъ образомъ, можно говорить только о единеніи съ Церковью интеллигенціи, но было бы вѣрнѣе замѣнить слово Церковь выраженіемъ — представители богословскаго знанія и мысли. По крайней мѣрѣ, разсматривая современное положеніе вещей въ данномъ отношеніи, мы видимъ, что происходитъ обмѣнъ мнѣній не между интеллигенціей и Церковью въ истинномъ смыслѣ этого слова, а только между первой и православными русскими богословами; но, какъ бы то ни было, положеніе дѣла въ высшей степени и серьезное и важное. Привести образованныхъ людей въ лоно Церкви—насущный церковный вопросъ. Онъ имѣетъ свою исторію. Интересъ, который проявляетъ интеллигенція къ Церкви, явился не сразу: онъ воспитанъ цѣлыми десятками лѣтъ и усиліями цѣлаго ряда лучшихъ русскихъ людей. Прослѣдимъ это хотя бы кратко.

Какъ извѣстно, до Петра I русскій народъ не зналъ, что можетъ быть раздѣленіе между Церковью и народомъ, а съ этого времени высшій классъ началъ жить особою жизнью, отдѣльною отъ жизни простаго народа; а такъ какъ послѣдній былъ и есть вѣрный хранитель православія, то интеллигентный классъ сталъ чуждъ его. Мѣсто религіозныхъ интересовъ у него заняли другіе интересы—просвѣщенія, а главнымъ образомъ—матеріальной жизни. Въ такомъ раздѣленіи, не понимая другъ друга, живутъ интеллигенція и народъ до сего времени. Это, конечно, зло, и въ качествѣ такого оно сознается лучшей частью русскаго образованнаго общества уже давно. Она пришла къ тому убѣжденію, что тѣ основы, на которыхъ зиждется жизнь русскаго простаго народа, есть истинныя основы всякой жизни, и, значить, центральный пунктъ ихъ—вѣра. Славянофилы, а за ними В. С. Соловьевъ и Ѳ. М. Достоевскій, общими усиліями уяснили идеальныя черты нашего народа, доказали, что его можно и должно любить,—но не только его, а и Церковь, которая воспитала нашъ народъ,

въ годину бѣдствій поддерживала его и сохранила чистымъ, любящимъ правду и имѣющимъ мужество сознаваться во всякаго рода ошибкахъ. Вотъ гдѣ начало того отраднаго явленія, которое выражается теперь въ живомъ обмѣнѣ мыслей между нашими богословами и интеллигенціей. Последняя основала 1½ года тому назадъ журналъ „Новый Путь“, помѣщающій на своихъ страницахъ отчеты о тѣхъ преніяхъ по богословскимъ вопросамъ, которыя происходятъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ, разрѣшенныхъ въ Петербургѣ подъ предѣдательствомъ преосвященнаго Сергія, ректора Петербургской Академіи.

На этихъ собраніяхъ представителями богословія и свѣтскаго образованія ставятся и разрѣшаются самые разнообразныя религіозно-философскіе вопросы. Къ чему это приведетъ, покажетъ, конечно, только будущее,—пророчествовать мы не беремся.

Одно только несомнѣнно, что историческій моментъ, переживаемый нами, съ христіанской точки зрѣнія, представляетъ большой интересъ: запросы времени таковы, что нѣтъ никакой возможности не обращать на нихъ вниманія, особенно со стороны тѣхъ, которые призваны благовѣствовать истину Христову всѣмъ людямъ. Наши современники не страдаютъ недугомъ равнодушія въ изслѣдованіи и рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые осмысливаютъ человѣческую жизнь,—они много заняты ими, они страстно ищутъ истину; она манитъ ихъ, какъ прекрасный призракъ. Конечно, было бы въ высшей степени странно, если бы на это исканіе истины мы смотрѣли, какъ на исключительный признакъ нашего времени, или если бы мы стали разсматривать его внѣ зависимости отъ прошедшей жизни человѣчества. Эпохи стремленія къ высшему благородству были и прежде, даже и въ исторіи языческаго міра, а наша, какъ таковая, есть результатъ долготѣней работы нѣсколькихъ поколѣній, уже отшедшихъ въ вѣчность.

Мы страстно стремимся къ истинѣ, мы алчемъ и жаждемъ небесной правды, мы увлекаемся мечтами всеобщаго счастья. Въ этомъ согласны и Церковь и лучшая интеллигенція, но бѣда въ томъ, что они идутъ разными путями къ осуществленію своихъ цѣлей; поэтому, единеніе ихъ можетъ произойти только тогда, когда пути исканія истины будутъ общими, но это можетъ быть при томъ единственномъ условіи, если интеллигенція выстрадаетъ церковный путь приближенія къ истинѣ.

Церковь вѣруеть, что истина доступна только добру, вмѣстѣ взятыя добро и истина составляютъ высшее благо чловѣка, его счастье; интеллигенція, напротивъ, думаетъ, что истина дается наукой, ея цивилизующимъ дѣйствіемъ на сердца и умы людей. Вотъ коренное различіе, на которомъ покоится разъединеніе Церкви и образованнаго общества. Понятно, что мы беремъ исключительно идеальную сферу жизни послѣдняго, такъ какъ въ ней есть много и такихъ элементовъ, которые далеки отъ Церкви только потому, что думаютъ единственно о чловѣческомъ, тогда какъ Церковь живетъ Божиимъ. Но мы ихъ совершенно оставимъ. Наша рѣчь только о тѣхъ, въ которыхъ горятъ искра чловѣческаго благородства, которые одушевлены искреннимъ желаніемъ служить благу чловѣчества наукой и развитіемъ началъ европейской культуры. Они стократно стѣдятъ того, чтобы заняться проповѣдью среди нихъ евангельской истины. Но, очевидно, что она должна совершиться постепенно: въ ней нужно переходить отъ легкаго къ болѣе трудному,—сначала нужно приготовить почву, а потомъ уже сѣять на ней. Христова истина для своего принятія требуетъ многого, требуетъ иногда отреченія отъ того, что составляетъ, по нашему мнѣнію, въ данный моментъ смыслъ жизни. Современная интеллигенція свой смыслъ жизни видитъ во всемогуществѣ науки; отъ признанія его она и должна отказаться, чтобы принять евангельскую истину. Отсюда понятно, что первая забота представителей Церкви должна состоять въ томъ,

чтобы выяснить, что наука далеко не такъ всемогуща, какъ это принято думать,—словомъ, въ данномъ случаѣ необходимо установить границы научнаго познанія. Правильная постановка этого вопроса уяснить, что наука сама по себѣ еще не открываетъ смысла жизни и не ведетъ человечества къ истинному счастью. Смыслъ жизни и истинное счастье не возможны безъ точнаго и яснаго знанія начала, конца и цѣли всего существующаго. Пробѣлы въ этомъ знаніи могутъ имѣть роковое значеніе, между тѣмъ наука по этимъ именно вопросамъ и должна сказать: *ignotamus et ignorabimus*. Счастье—добро, но наука сама по себѣ не добра и не худа, а просто есть знаніе, которое можно употребить и въ добро и во зло. Раскрытіе этихъ положеній должно представить начало дѣятельности Церкви въ сближеніи съ интеллигенціей. Но понятно, что въ данномъ случаѣ представители церковной мысли должны явиться во всеоружіи. Самый характеръ необходимыхъ вопросовъ предполагаетъ знаніе философской дисциплины и способность ставить и рѣшать философскія проблемы. Но этого мало. Современная наука сильна не философскимъ построеніемъ своего содержанія, а успѣхами естествознанія. Было бы въ высшей степени печально, если бы представители богословской мысли не обратили на это должнаго вниманія. Между тѣмъ они, если и сильны въ области критики, зато мало знакомы съ естествознаніемъ. Это заставляетъ насъ желать, чтобы въ духовныхъ академіяхъ были открыты кафедры естествознанія, профессора которыхъ слѣдили бы за его успѣхами и по достоинству оцѣнивали ихъ научную состоятельность: намъ думается, что тогда догадки въ области естествознанія не возводили бы на степень аксіомъ, что часто бываетъ теперь. Однажды намъ пришлось прочитать популярную книжку по геологіи, — конечно, изданія Ф. Павленкова,—гдѣ авторъ такъ увѣренно трактуетъ о доисторической жизни нашей планеты, что приходится прямо удивляться его „научнымъ“ познаніямъ,—между тѣмъ какъ вся его наука не идетъ далѣе,—правда, смѣлыхъ, но плохо обосно-

ванныхъ гипотезъ. Нужно знать, какъ дѣйствуютъ подобныя популярныя книжки, чтобы понять весь вредъ, приносимый ими. Въ виду этого, представители богословскаго знанія должны быть хранителями дѣйствительныхъ научныхъ знаній въ области естествознанія.

Въ данномъ случаѣ нашимъ богословамъ не мѣшало бы нѣсколько поучиться рѣшать вопросы естествознанія у представителей богословскаго знанія на Западѣ. Читая ихъ труды въ защиту христіанства противъ невѣрія современныхъ естествовѣдцовъ, не знаешь, чему больше дивиться — изумительной ли эрудиціи, или замѣчательной способности усваивать плоды естествознанія. При этомъ нельзя сказать того, что знанія западныхъ богослововъ въ области естествознанія являются у нихъ лишнимъ балластомъ или тяжелой артиллеріей. Глѣтъ, они пользуются ими замѣчательно легко, свободно и почти всегда кстати, — по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что ихъ труды всегда вызываются вопросами времени, всегда отвѣчаютъ насущнымъ потребностямъ. Между тѣмъ у насъ, въ Россіи, богословы весьма неохотно занимаются вопросами естествознанія. Въ этомъ глубоко печальномъ явленіи, конечно, повинна общая постановка образованія въ нашихъ духовныхъ школахъ, весьма сильно развивающая въ своихъ питомцахъ склонность къ отвлеченному мышленію въ ущербъ стремленію къ конкретному знацію. Воспитанные въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, внѣ связи ихъ съ жизнью и познаніемъ міра, мы и потомъ не можемъ освободиться отъ такого направленія мышленія; все другое насъ уже не интересуетъ, да часто и прямо не понятно намъ. Это своего рода недостатокъ, и съ нимъ нужно бороться, хотя бы въ виду практическихъ цѣлей. Мы видимъ человѣка несчастнаго — въ горѣ или нищетѣ — и считаемъ своимъ долгомъ подать ему руку помощи. Не болѣе ли мы обязаны указать человѣку на заблужденія въ области его убѣжденій? — Современная постановка естествознанія есть своего рода грѣхъ, заблужденіе. Богословы, чтобы быть авторитетными, должны указать дѣйствительныя основанія, почему

то или другое ученіе естествовѣдовъ они считаютъ неправильнымъ. А для этого, очевидно, самимъ имъ нужно заняться естествовѣдніемъ.

Что это дѣло намъ по плечу, объ этомъ говорить примѣръ западныхъ богослововъ; у нихъ намъ нужно поучиться,—разумѣтся, не съ тою цѣлю, чтобы усвоить ихъ взгляды—это было бы рабствомъ,—а съ тѣмъ, чтобы имѣть предъ глазами примѣръ плодотворной работы.

Но, разумѣтся, было бы большой ошибкой думать, что вся задача нашего богословія въ отношеніи къ интеллигенціи исчерпывается изученіемъ философскихъ дисциплинъ и естествознанія. Нѣтъ, это только первая половина работы или, вѣрнѣе сказать, только начало работы истинной, живой и дѣйствительно нужной,—необходимой не только по обстоятельствамъ времени, но и по существу. Эта существенная работа будетъ состоять въ уясненіи собственно христіанскаго нравственно-догматическаго ученія. Представители богословскаго знанія должны показать то неоцѣненное сокровище вѣры и добродѣтели, которымъ владѣетъ Церковь; они должны тотъ свѣтъ, который извѣстенъ имъ, показать всѣмъ, да свѣтитъ всему міру. Совсѣмъ не такъ давно представители интеллигенціи подняли вопросъ объ адогматизмѣ христіанства. Послышались странные голоса, утверждавшіе нелѣпую мысль, будто бы первоначальное христіанство было чуждо догматическихъ основъ, что онѣ представляютъ изъ себя наслоенія времени, что онѣ не пужны, даже болѣе того—вредятъ развитію истинно-христіанской жизни.—Какое заблужденіе! И какъ странно его слышать изъ устъ не какихъ-нибудь юношей, а людей, умудренныхъ жизненнымъ опытомъ! Школа жизни не научила ихъ, что все на свѣтѣ имѣетъ своего рода догматическія основы, что безъ нихъ нельзя сдѣлать и шагу: каждый поступокъ, каждое дѣйствіе наше и даже мысленное утвержденіе имѣетъ въ своей основѣ нѣчто подобное догмату. Если бы не было ихъ, наша жизнь, взятая во всей цѣлости, не была бы опредѣленной формой существованія. Имѣя въ виду это

заблужденіе сторонниковъ ученія объ адогматизмѣ, представители богословія должны будутъ доказать несостоятельность его какъ по существу, что догмать есть необходимое требованіе разума, такъ и исторически, т. е. что въ христіанствѣ догмать существовалъ съ самаго появленія его, и что, слѣдовательно, онъ не есть историческое приобрѣтеніе.

Доказавши это, богословы обязаны потомъ уяснить самый догмать, показать его спеціальное значеніе и нравственную цѣнность. Выясненіе послѣдней стороны имѣетъ особенное значеніе по обстоятельствамъ времени, такъ какъ безъ особаго приспособленія направляется противъ адогматизма. Если каждый догмать въ себѣ самомъ носитъ нравственную цѣнность,—напримѣръ, хотя бы догматы объ искупленіи, грѣхопаденіи, святомъ Духѣ, святой Троицѣ,—то, очевидно, адогматизмъ рушится самъ собою. Но, разумѣется, что внутренняя красота всякаго догматическаго ученія Православной Церкви можетъ быть доказана только въ томъ единственномъ случаѣ, если въ опредѣленіи и уясненіи его мы будемъ пользоваться не католическими или протестантскими богословскими системами, а святыми отцами. Только они истинно повяли догматы вѣры, только они, чистые сердцемъ и умомъ, могли уяснить высоту ихъ. Разсматривая и изучая ихъ богословіе, мы видимъ, что оно чуждо схоластическихъ построеній и полво высшаго созерцанія, до котораго никто другой не поднимался. Это цвѣтъ богословской мысли, она ихъ истинная и единственная сфера жизни; поэтому, она такъ близка имъ и такъ хорошо понятна.

Въ самой тѣсной связи съ догматическимъ ученіемъ находится ученіе о христіанской нравственности. Представители свѣтскаго образованія, даже самые придиричivéе, едва ли что могутъ сказать противъ церковнаго ученія о нравственныхъ основахъ жизни, ибо въ Восточной Церкви не было ни инквизиціи, ни іезуитскихъ орденовъ, которые своимъ существованіемъ отрицають ученіе о добродѣтели. Насиліе плоти не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ,—между тѣмъ оно

нашло для себя выраженіе въ Западной Церкви въ инквизиціи и учрежденіи іезуитскаго ордена. Начала любви и правды— вотъ истинное нравственное ученіе нашей Церкви. Это признають всѣ благоразумные люди; но они не прочь укорить насъ въ томъ, что Восточная Церковь мало вліяла на общественную жизнь. Этотъ укоръ раздѣляется и В. С. Соловьевымъ въ его заграничномъ изданіи — „Россія и Вселенская Церковь“. По его мнѣнію выходитъ, что Восточная Церковь есть представительница созерцательной жизни (примѣръ Аѳона), тогда какъ Западъ своей отличительной чертой имѣетъ стремленіе къ практической дѣятельности. Конечно, то правда, что восточное христіанство высшій идеаль нравственной жизни видитъ въ созерцаніи; но, съ другой стороны, нужно замѣтить, что это все-таки не мѣшало Восточной Церкви вліять на жизнь во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ. Правда, это вліяніе было незамѣтнымъ для внѣшняго наблюденія, потому что оно было тихимъ, мирнымъ, истинно-христіанскимъ. Восточная Церковь не метала грома и молніи на государство и государей; но значить ли это, что она совсѣмъ не вліяла на нихъ?—Конечно, нѣтъ. Но хотя это несомнѣнно, все же на православныхъ богословахъ лежитъ обязанность указать, когда и какъ вліяла Восточная Церковь на государственную, общественную и семейную жизнь.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ, да и у насъ, нѣкоторые молодые писатели начали отрицать единственно истинный принципъ всякой нравственности—любовь и проповѣдывать эгоизмъ и грубую силу, какъ средство жизни. Таковъ модный М. Горькій. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что сочиненія его расходятся въ большомъ количествѣ экземпляровъ и, значить, находятъ спросъ и сбытъ у публики, богословы должны строго слѣдить за текущей литературой и давать ей критическую оцѣнку съ точки зрѣнія христіанской морали и требованій здраваго смысла. Недавно намъ пришлось говорить на тему о современной беллетристикѣ съ однимъ добрымъ христіаниномъ, который выражалъ жела-

ніе, чтобы у насъ былъ заведенъ въ своемъ родѣ католическій index, въ который бы помѣщались всѣ книги, не согласныя съ духомъ христіанства, такъ что малообразованный православный человекъ легко могъ бы разобраться въ томъ, что ему слѣдуетъ читать и чего не слѣдуетъ. Я особенно сильно не возражалъ ему, но доказывалъ, что есть и другое средство, которое заключается въ томъ, чтобы духовенство слѣдило за литературой и писало о ней. Духовные журналы должны открыть свои страницы для такого рода статей. Между тѣмъ, теперь рѣдко когда увидишь статью о литературѣ свѣтской—особенно же о новинкахъ ея.

На ряду съ нравственнымъ христіанскимъ ученіемъ въ послѣднее время поднялся вопросъ объ основахъ христіанскаго права; постановленія его относительно такихъ сторонъ жизни, какъ бракъ, заставили разсуждать вообще о принципѣ и состоятельности каноническихъ постановленій Церкви. Имѣя въ виду то обстоятельство, что всѣ эти разсужденія выходятъ изъ жизни, которая въ наше время характеризуется не всегда осмысленнымъ стремленіемъ къ свободѣ отъ какихъ бы то ни было узъ, напередъ можно было ожидать отрицательнаго отношенія къ канонамъ Церкви. Слѣдовательно, задача богослововъ въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы показать непреложность въ Церкви Божіей принципа приспособленія къ жизни. Что касается свѣтскаго законодательства, то относительно его нужно сказать, что оно всецѣло зависитъ отъ жизни,—она создаетъ законы; совсѣмъ другое въ законодательствѣ церковномъ,—его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы возвысить Церковь, какъ учрежденіе, до Христа и Его закона. Если же мы не хотимъ этого знать, то отсюда слѣдуетъ не то заключеніе, будто бы каноны Церкви отжили свой вѣкъ, а то, что мы не понимаемъ ихъ да и самой жизни.

Изъ каноническихъ постановленій всего больше интересуетъ современное общество вопросъ о разводѣ,—это злоба дня. Ни для кого не тайна, что въ образованномъ классѣ брачныя узы слишкомъ слабы: невѣрность супруговъ явленіе

самое обычное, на которое теперь всё смотрять сквозь пальцы. Читали гдѣ то мы (кажется у Гоборыкина), какъ одинъ наблюдатель общественныхъ правовъ зналъ только одну семью, которая, по его мнѣнію, была идеальной,—между тѣмъ въ дѣйствительности этотъ семейный очагъ былъ самымъ плохимъ. Конечно, это преувеличеніе, но все-таки несомнѣнно, что въ современномъ бракѣ не все обстоитъ благополучно. Изъ этого печальнаго явленія можно выводить всякія заключенія,—можно, какъ это и есть, обвинять въ ненормальностяхъ брака церковное законодательство, которое не дозволяетъ разводовъ, кромѣ какъ по причинѣ прелюбодѣянія; можно даже требовать свободныхъ разводовъ,—это тоже есть. Что скажетъ на это богословъ?—Кромѣ обычныхъ доказательствъ въ пользу церковныхъ законовъ по вопросу о бракѣ, онъ долженъ еще взять примѣры изъ жизни,—а имъ нѣтъ и числа,—показывающіе, что свободные браки вовсе не несуть счастья, какъ это принято думать, ни самимъ брачующимся, ни ихъ потомству и государству. Таковыя доказательства можно найти и въ литературѣ, насколько она вѣрно изображаетъ жизнь,—и замѣчательно, что это выходитъ помимо желанія самихъ писателей; на примѣръ, И. Н. Потапенко въ своей повѣсти: „Семейная исторія“ явно хочетъ защитить свободный бракъ или, вѣрнѣе, сожитіе,—между тѣмъ читатель выноситъ изъ этой повѣсти убѣжденіе, что стремленіе героевъ къ свободной любви пошло и жестоко.

Стремленіе къ свободному сожитію унизило святость брака,—это ясно видно изъ взглядовъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей на добродѣтель цѣломудрія—одну изъ основъ не только иноческой, но и брачной жизни. Бракъ безъ цѣломудрія не есть бракъ, тайна, а простое сожитіе.

Выступить на защиту святости брака и идеаловъ монашества составляетъ одну изъ задачъ такой богословской мысли по отношенію къ современному образованному обществу.

Въ данномъ случаѣ опять необходимо обратиться къ доказательствамъ изъ жизни и литературы. И удивительно: цѣломудріе нашло для себя защитника въ лицѣ Минскаго—

извѣстнаго поэта и философа. Онъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ высказалъ такія мысли: „всѣ новые поэты воспѣвали не только радости любви, но и разочарованіе отъ любви; что пессимизмъ европейской литературы не что иное, какъ отрицаніе любовничества и жажда цѣломудрія. „Любить, но на время—не стоитъ труда, а вѣчно любить не возможно“,— вотъ формула, которой Лермонтовъ опредѣляетъ это новое отношеніе къ любовничеству. Не только поэты, художники минутныхъ настроеній, но и романисты развѣнчиваютъ любовь, жаждутъ дѣйства и цѣломудрія. Весь французскій романъ— сплошной обвинительный актъ противъ любовничества. Мопассанъ вопіетъ о цѣломудрії, Гюисманъ бѣжитъ въ монастырь къ траппистамъ, Аннунціо, подражая имъ, въ первой части своихъ романовъ прославляетъ, а въ послѣдней проклинаетъ плотское житіе. Что же сказать о Достоевскомъ, творцѣ Алеши Карамазова и старца Зосимы? Что сказать о Толстомъ? о Крейцеровой сонатѣ, потрясшей весь міръ, какъ ни одно изъ литературныхъ произведеній, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ книгопечатаніе?“

Подводя все сказанное къ одному общему итогу, мы невольно приходимъ къ той мысли, что религіозныя нужды современнаго намъ образованнаго общества весьма серьезны и требуютъ скорѣйшаго удовлетворенія; медлить нельзя, болѣе того—грѣшно, преступно. Такимъ образомъ, значеніе той работы, которая предъявляется богословамъ, еще болѣе увеличивается. Но готовы ли они къ исполненію этой великой работы?—Конечно, было бы большою самонадѣянностью съ нашей стороны утверждать, что постановка нашей богословской науки идеальна; но, съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что она не такъ уже плоха, какъ это принято думать. Намъ нужны не столько знанія и даже методы ихъ систематизаціи, сколько близкое стояніе къ жизни, наблюденіе и изученіе того, какъ бьется ея пульсъ. Если мы будемъ знать жизнь и ея требованія, тогда наша работа, клонящаяся къ приведенію интеллигенціи въ лоно Церкви, сразу станетъ на твердую почву.

Іеромонахъ *Виссаріонъ*.

Архипастырскія наставленія епархіальному съѣзду духовенства ¹⁾).

„Однимъ изъ жгучихъ вопросовъ въ церковной жизни,—продолжаетъ Владыка,—является вопросъ о церковныхъ старостахъ. Церковный староста, какъ вамъ извѣстно, есть повѣренный прихода, избираемый въ каждой приходской церкви для совмѣстнаго съ причтомъ пріобрѣтенія, храненія и употребленія церковныхъ денегъ и всякаго церковнаго имущества, подъ надзоромъ и руководствомъ благочиннаго и епархіальнаго начальства. Обязанности его опредѣляются особой, *Высочайше* утвержденной инструкціей, указами Святѣйшаго Синода и разъяснительными распоряженіями епархіальнаго начальства. Къ великому прискорбію, встрѣчаются, и нерѣдко, такіе старосты, которые не желаютъ дѣлать высылки изъ кружекъ своевременно, не представляютъ точныхъ отчетовъ по покупкѣ и продажѣ свѣчъ изъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, допускаютъ самовластіе и неисполненіе инструкціи и въ другихъ отношеніяхъ. Есть и такіе старосты, которые считаютъ себя прямо-таки полными хозяевами церкви. Можетъ быть, я и преувеличиваю, но хорошо, если такъ... Слѣдите, оо. благочинные, за тѣмъ, чтобы церковныя свѣчи брались непременно изъ нашего епархіальнаго завода. Помните, что этотъ заводъ вѣдь единственное, можно сказать, средство, единственный источникъ, откуда мы можемъ почерпнуть нужное на улучшеніе содержанія духовно-учебныхъ заведеній, на разныя полезныя для епархіи постройки и вообще на покрытіе всевозможныхъ епархіальныхъ нуждъ. Ухудшится дѣятельность завода, уменьшатся и средства у епархіи. Употребляйте всѣ благовидныя мѣры къ тому, чтобы старосты ни вамъ, ни ввѣренному вамъ духовенству не отводили глаза... Поймите, что если будетъ недоборъ съ завода только въ 50 пудовъ, то и тогда уже епархія теряетъ болѣе тысячи рублей. А сколько

¹⁾ См. № 46 с. г.

потеряетъ епархію, если этотъ недоборъ будетъ не въ 50, а въ пятьсотъ пудовъ?... Тогда вѣдь мы потеряемъ десятки тысячъ!... Если мы имѣемъ право бороться со всякимъ зломъ, то этимъ же правомъ мы должны пользоваться и при недоборахъ старостами свѣчь изъ епархіального завода. Обдумайте сами мѣры борьбы. Я съ готовностію поддержу васъ. Берегите вашъ свѣчной заводъ, какъ зѣницу ока. Увеличится, Богъ дастъ, заводская прибыль, удовлетворимъ тогда и нашимъ насущнымъ потребностямъ, тому, что, какъ говорится, „ѣсть, пить просить“, наприм., построимъ второе епархіальное женское училище (въ Старобѣльскѣ). Вотъ въ С.-Петербургской епархіи свѣчное дѣло поставлено гораздо строже и лучше. А когда я познакомился съ свѣчными операціями нашей епархіи, то увидѣлъ, что мы не походимъ на С.-Петербургскую епархію... Итакъ, поддерживая добрыя отношенія со старостами, не забывайте же, что послѣдніе являются далеко не полноправными хозяевами церкви, и строго слѣдите, чтобы не было свѣчныхъ недоборовъ, несвоевременныхъ кружечныхъ высынокъ и держанія церковныхъ денегъ старостами у себя въ домахъ... Только поступайте какъ можно тактичнѣе.

Другимъ жгучимъ вопросомъ является вопросъ о содержаніи духовенства. Теперь всѣ причты стремятся къ тому, какъ бы исколотать себѣ жалованье отъ казны. Вы, оо. благочинные, должны это имѣть въ виду и въ благопотребныхъ случаяхъ объяснять ввѣренному вамъ духовенству, что оно должно удовлетворяться мѣстными средствами содержанія, т. е. добротными приношеніями прихожанъ, доходами съ церковныхъ оброчныхъ статей, процентами съ капиталовъ, положенныхъ кѣмъ-либо въ пользу причтовъ на вѣчное время, и церковными землями или церковнымъ довольствомъ, производимымъ причтамъ прихожанами вмѣсто отвода земли, и терпѣливо ожидать назначенія казеннаго жалованья, согласно расписанію приходовъ, имѣющемуся въ Хозяйственномъ Управленіи при Святѣйшемъ Синодѣ. При этомъ нужно стараться чтобы не было жалобъ низшихъ членовъ причта на то, что

ихъ притѣсняють при дѣлежѣ доходовъ старшіе члены. Такъ, нѣкоторые псаломщики, наприм., говорятъ, что имъ при трехчленномъ составѣ причта не приходится и ста рублей тогда, когда священникъ имѣеть 800 р. дохода. Они это объясняютъ тѣмъ, что часто священники совершаютъ требы одни и получаемое не опускаютъ въ братскую кружку, а берутъ прямо себѣ. И хотѣлъ бы, оо. благочинные, чтобы подобнаго рода заявленій никогда не было, а это возможно, мнѣ кажется, только въ томъ случаѣ, если все получаемое за исправленіе требъ будетъ опускаться въ общую кружку. Можетъ ли такъ быть?

Если нельзя опускать *всѣ* доходы въ кружку, въ такомъ случаѣ я предлагаю вамъ, оо. благочинные, слѣдить, чтобы тѣ требы, доходъ отъ которыхъ не составляетъ *много* вознагражденія того или иного члена причта, исправлялись полнымъ составомъ причтовъ ввѣренныхъ вамъ церковей, и чтобы этотъ доходъ опускался непременно въ кружку, а затѣмъ прошу васъ вообще принимать мѣры, предотвращающія всякій раздоръ среди духовенства изъ-за дѣлежа причтовыхъ доходовъ.

Скажу теперь вамъ нѣсколько словъ о веденіи церковныхъ документовъ. Не похвально, что въ нашей епархіи почти не существуютъ богослужебные журналы, церковныя лѣтописи и историко-статистическія описанія епархіи. По крайней мѣрѣ, послѣ архіепископа Филарета ¹⁾, насколько мнѣ извѣстно, никто не велъ историко-статистическихъ описаній нашей епархіи! А между тѣмъ, какой богатый матеріалъ для будущаго историка дали бы и историко-статистическія описанія епархіи за времена послѣ въ Бозѣ почившаго архіепископа Филарета и церковныя лѣтописи?! Помните, что лѣтописи, напр., ведутъ свое начало еще отъ времени принятія нашими предками христіанства. И совершенно напрасно вы не поддерживаете эти добрые и полезные обычаи предковъ. Лѣтописи—это положительно драгоценное сокровище: тутъ записываются и церковныя, гражданскія и бытовыя событія... Теперь пріѣзжаешь, допустимъ, въ село, спрашиваешь,

¹⁾ Филаретъ, арх. Черн. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, въ 5 отд. Черниговъ, 1858 г.

что было въ приходѣ за сто лѣтъ?—Не извѣстно, ничего опредѣленнаго никто не скажетъ. Историческія свѣдѣнія о церквахъ, кладбищахъ, часовняхъ, особенно чтимыхъ иконахъ и т. д.—тоже большею частію отсутствуютъ, а между тѣмъ они чрезвычайно важны для историко-статистическихъ описаній епархіи, да интересны и для всѣхъ вообще. Вы, оо. благочинные, старайтесь заводить во ввѣренныхъ вамъ округахъ и церковныя лѣтописи и историко-статистическія описанія. Не могу не вспомнить своего брата о. Якова Дмитріевича, бывшаго протоіереемъ.] Когда онъ умеръ, то оставилъ послѣ себя полный сундукъ съ церковными лѣтописями. Жаль только, нельзя ими воспользоваться, ибо онъ оставилъ завѣщаніе вскрыть сундукъ по истеченіи 100 лѣтъ со дня смерти... Заводите и богослужебные журналы, въ которыхъ бы записывались всѣ службы тотчасъ по ихъ совершеніи.

Слѣдите за тѣмъ, чтобы исправно велись церковныя приходо-расходныя книги и метрики. Вамъ извѣстно, что къ суммамъ, подлежащимъ запискѣ въ приходо-расходныя книги, относятся: суммы, принадлежащія мѣстной церкви, капиталы, предназначенныя въ пользу причта, и сборы и доходы, имѣющіе особыя назначенія и поступающіе въ церковь въ видѣ переходящихъ суммъ (§ 43 вашей инструкціи). Надзирайте же, чтобы всѣ сборы и расходы тщательно заносились въ выданныя отъ консисторіи книги. Необходимо, чтобы принадлежащія церкви суммы хранились въ церкви за замкомъ старосты и церковною печатью, излишнія же, т. е. сверхъ 200 руб., отсылались въ кредитныя учрежденія, а не были бы забираемы старостами для храненія къ себѣ въ домъ. Записи всѣхъ церковныхъ суммъ должны производиться *своевременно*, а не по полугодіямъ, какъ это совершенно незаконно позволяютъ себѣ нѣкоторые. Теперь второе уже полугодіе, а у нихъ не записаны приходы и расходы еще и за первое... Этого не должно быть. Что касается, далѣе, метрическихъ книгъ, а равно и обыскныхъ и исповѣдныхъ росписей, то вы также обязаны слѣдить, чтобы онѣ велись исправно. Метри-

ческ'я книги являются большимъ мѣстомъ нашей епархіи. Для не проходить, чтобы не поступало заявленій о неправильной записи, особенно—о рожденіи и крещеніи младенцевъ.

По моему,—продолжалъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка,—это объясняется просто невниманіемъ священниковъ. Забывал о томъ, что главная отвѣтственность за исправное и вѣрное веденіе метрическихъ книгъ лежитъ именно на нихъ, какъ на настоятеляхъ церквей, они поручаютъ писать эти книги псаломщикамъ и даже послѣ не всегда стараются провѣрять эти записи. Затѣмъ, я знаю, нѣкоторые священники имѣютъ обыкновеніе записывать сначала на лоскуткахъ бумаги, а потомъ уже переписывать въ книги. Все это не похвально, и вы, оо. благочинные, должны стараться, чтобы эти явленія не повторялись. Во избѣжаніе же описокъ, я рекомендовалъ бы имѣть еще черновыя записи, но не на лоскуткахъ, а въ прочной книгѣ, и всѣ неточности удалять немедленно.

Что касается, далѣе, бумагъ, представляемыхъ архіерею, то не знаю, что и дѣлать?!. Умудриются нѣкоторые писать прямо-таки неопостижимо. Читаешь, читаешь—и никакъ не уловишь основную мысль! Небрежность въ почеркѣ доходитъ до того, что приходится прибѣгать и къ помощи увеличительнаго стекла, и просто къ догадкамъ. И это—въ бумагахъ, поступающихъ отъ духовенства! О другихъ же бумагахъ—отъ разныхъ мужичковъ—не стану и говорить: тамъ небрежность, безграмотность и многословность еще въ ббльшихъ размѣрахъ... То, что можно изложить въ двадцати строкахъ, растягиваютъ на два листа и все это наполняютъ ненужными упрощиваніями, умаливаніями и т. п. Пожалуйста, оо. благочинные, и сами пишите и духовенство, вамъ ввѣренное, заставляйте писать какъ можно тщательнѣе, короче и яснѣе. А духовенство, когда случится, пусть объясняетъ эти требованія и пасомымъ. Нельзя же все писать „съ маху“! Не нужно забывать, что мнѣ приходится получать бумагъ приблизительно по 50 ежедневно. Но вѣдь много дѣла и кромѣ бумагъ... Иной разъ,

благодаря чисто внѣшней формѣ, можетъ пострадать и самое существо дѣла. Разобрать рукопись нѣтъ возможности; прибѣгнешь къ догадкѣ, сдѣлаешь распоряженіе,—а послѣ оказывается, что догадка-то была не совсѣмъ точна... Вѣдь простая вѣжливость и уваженіе къ моему положенію должны бы, кажется, служить побужденіемъ подавать бумаги въ приличномъ видѣ?!. Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ концѣ каждой подаваемой мнѣ бумаги было написано кратко ея содержаніе. Примите мѣры, чтобы это распоряженіе непременно исполнялось.

Не рѣдко приходится получать мнѣ письма анонимныя. Я уже неоднократно и печатно заявлялъ и теперь вотъ вамъ заявляю, что *терпѣть не могу этихъ писемъ*. Порядочный человѣкъ не способенъ на анонимное письмо... Напрасно только авторы этихъ писемъ тратятъ бумагу и марки: все равно, *ни одно* изъ такихъ писемъ, въ большинствѣ кляузныхъ, никогда ни достигнетъ своей цѣли... Въ самомъ лучшемъ случаѣ я такія письма, съ подписью: „чтѣй да разумѣй“, отсылаю тому, чья честь въ нихъ задѣвается. Если же получившій письмо послѣ является ко мнѣ съ объясненіями и говоритъ, что знаетъ автора письма, я прямо заявляю: письмо брось, никому про него не говори и не судись.

На случай архіерейской ревизіи, вы, оо. благочинные, обязаны позаботиться, чтобы *все* церковныя документы были въ исправности, и сдѣлать другія приготовленія. Свѣдѣнія объ этихъ приготовленіяхъ вы можете находить, напр., въ книжкѣ діакона Ѡ. Соколова¹⁾. Библіотека церковная должна быть отперта, ризница и архивъ—тоже, антиминсъ раскрытъ, метрическія и др. книги должны лежать на видномъ мѣстѣ, народъ долженъ быть увѣдомленъ о времени прибытія архіепископа. Такъ какъ ревизія объявляется обычно за мѣсяць,

¹⁾ Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ литургіи и для готовящихся къ посвященію, а также на случай освященія храма, встрѣчи архіерея при обозрѣніи имъ церквей и служенія въ его присутствіи литургіи. Владиміръ, 1897 г.

то сдѣлать всѣ эти приготовленія очень не трудно. Вы должны приготовить надлежащій рапортъ, въ которомъ кратко и ясно представить свѣдѣнія о состояніи церкви и прихода. Пріятно и полезно, когда встрѣча архіерея производится не однимъ только духовенствомъ и случайными посѣтителеми храма, а всѣми прихожанами. Этимъ выразится и почтеніе къ своему архипастырю, полезно это будетъ и въ томъ отношеніи, что можно побесѣдовать съ приходомъ, узнать его нужды, проэк-заменить и малолѣтокъ и старшихъ. Вотъ, въ Казани, помню, такъ при обзорѣннн церквей видишь не только массу прихожанъ, но и множество инородцевъ. И притомъ, всѣ одѣнутся по-праздничному,—смотрѣть пріятно. Въ Прибалтійскомъ краѣ тоже встрѣчи своего архипастыря православныя устраиваютъ торжественно. Я помню, когда въ храмы являлось не мало даже и лютеранъ—эстовъ и туземцевъ—латышей... Но здѣсь, въ Харьковской епархіи, *не всегда* приходится видѣть народъ при посѣщеніяхъ церквей въ достаточномъ количествѣ. Одни не могутъ явиться потому, что возять свекловицу, другіе—потому, что дѣлаютъ распашку полей, третьимъ—идти далеко... Поэтому, и получаютъ такія явленія: пріѣзжаетъ высшій представитель Церкви, а его встрѣчаетъ только причтъ и нѣсколько человекъ прихожанъ въ одѣянннхъ, далеко не брачныхъ...

Если время или занятія принудятъ меня оставаться на почлегѣ въ селѣ, если я остаюсь изъ желанія совершить въ посѣщенномъ храмѣ богослуженіе, то рекомендую отводить для меня въ квартирѣ священника не болѣе одной комнатки. Кромѣ опрятности, я ничего не требую. Нѣкоторые причты имѣютъ обыкновение „задавать архіереямъ обѣдъ“. Для меня этого дѣлать не нужно. Радущіе хозяевъ видно и изъ стакана чая... Повторяю, что вы, оо. благочинныя, должны непременно присутствовать при моихъ ревизіяхъ церквей, дѣлать мнѣ доклады и разъясненія и оставаться до моего отъѣзда.

Относительно храмовъ и ихъ содержанія скажу слѣдующее. Нужно, чтобы все находилось на своемъ мѣстѣ и было въ приличномъ видѣ: дарохранительница должна быть защищена отъ пыли, ризы и другія облаченія помѣщаться въ шкафахъ, бібліотека должна быть компактна, и долженъ существовать каталогъ; архивы, гдѣ они есть, должны быть въ исправности. Ключи отъ всѣхъ этихъ шкафовъ должны находиться въ опредѣленномъ мѣстѣ. Не оскорбляйтесь, братіе, если скажу вамъ, что во внутренней Россіи церкви, при меньшихъ доходахъ, содержатся въ лучшемъ видѣ, чѣмъ здѣсь, въ Малороссіи, при большихъ достаткахъ. Пріѣзжаю недавно въ одну церковь; вижу—утварь не въ порядкѣ; спрашиваю: гдѣ ключъ отъ бібліотеки? Отвѣчаютъ: сейчасъ идемъ. Да такъ и не нашли... Что же касается до архивовъ, то ихъ почти нѣтъ при церквяхъ епархіи. На это нужно обратить вниманіе. Имѣйте это, оо. благочинные, въ виду и старайтесь устранить эти недостатки. Слѣдите и за тѣмъ, чтобы не только ключи не терялись отъ церковныхъ бібліотекъ, но и чтобы послѣдніе пополнялись богословскими книгами и духовными журналами. Какъ ни прискорбно, но нужно сознаться, что духовенство нашей епархіи мало слѣдитъ за духовной литературой. Тѣ бібліотеки, которыя мнѣ пришлось видѣть, чрезвычайно малы, и подборъ книгъ оставляетъ желать лучшаго.

Скажу, наконецъ, о кладбищахъ. Проѣзжая на свою дачу,¹⁾—я постоянно вижу одно изъ деревенскихъ кладбищъ и, Боже мой, въ какомъ оно жалкомъ состояніи! Оно даже кругомъ не окопано. Но и другія кладбища, особенно сельскія, которыя мнѣ пришлось видѣть во время поѣздокъ по епархіи, не лучше этого. Почему это такъ?“

Оо. благочинные отвѣтили, что такая запущенность кладбищъ объясняется недостаткомъ средствъ на этотъ предметъ и еще тѣмъ, что гг. земскіе начальники не всегда разрѣшаютъ оканывать эти кладбища.

¹⁾ Дача Его Высокопреосвященства расположена въ 3 верстахъ отъ Харькова, въ мѣстности, называемой „Всѣхсвятское“.

— „А мнѣ кажется,—продолжалъ Владыка,—что это объясняется, главнымъ образомъ, простымъ невниманіемъ членовъ причта къ мѣстамъ упокоенія ихъ пасомыхъ, а равно и холоднымъ отношеніемъ къ этому дѣлу самихъ прихожанъ. Средства особенныхъ тутъ не потребуются, а нужна прежде всего собственная охота. Вотъ въ Рижской епархіи мнѣ пришлось встрѣтить однажды образцовое кладбище (въ м. Гангофъ). Деревья, правильно посаженные, производятъ самое лучшее впечатлѣніе, вездѣ чистота и опрятность. Спрашиваю причтъ: кто все это устроилъ?— „А вотъ,—говорятъ,—могилка-то около церкви: здѣсь похороненъ вишвикъ всѣхъ этихъ посадокъ“. Задаю вопросъ: кто же онъ былъ?—„Да здѣшній псаломщикъ“, говорятъ. Вотъ что значитъ приложить, что называется, руки къ дѣлу! Вы, оо. благочинные, пожалуйста, заботьтесь и духовенству внушайте заботиться о содержаніи кладбищъ въ должномъ порядкѣ“ (Вѣра и Разумъ, 1903 г., № 19, стр. 374—385).

(Окончаніе будетъ).

Къ вопросу о нищенствѣ.

I.

Вредъ нищенства и мѣры борьбы съ нимъ.

О нищенствѣ много писали уже и еще больше будутъ писать. Нищенство въ томъ родѣ и видѣ, какъ оно у насъ существуетъ и *практикуется*, есть большое зло какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, невольно обращающее на себя вниманіе и заставляющее о себѣ говорить. И зло это не только не уменьшается, а все больше и больше увеличивается. Въмѣсто того, чтобы честнымъ трудомъ пріобрѣтать средства къ жизни, нѣкоторые лица — и не мало ихъ — обращаютъ нищенство въ ремесло для наживы и привольной разгульной жизни. Обошедши деревню и собравши Христовымъ именемъ хлѣба, холста, яицъ, пицій продаетъ

все это и идетъ, затѣмъ, въ другую, третью; къ вечеру у него оказывается рубль и болѣе въ карманѣ. Еще хорошо, если эти деньгі онъ откладываетъ, какъ говорится, про черный день, когда слабость старческая лишитъ его возможности ходить за подавнѣемъ, — или на случай смерти своей, изъ нежеланія обременять другихъ расходами по погребенію и молитвенному поминовенію. Къ сожалѣнію, по большей части, собранныя деньгі пропиваются въ первомъ же трактирѣ. Для болѣе веселаго времяпровожденія, не рѣдко нищіе, по предварительному уговору, собираются партіями и устраиваютъ настоящія оргіи... Это ли не зло?!

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, есть цѣлыя общества, которыя, кромѣ нищенства, не знаютъ и не признаютъ никакого другого *ремесла* и занятія. Съ наступленіемъ осени, когда у честныхъ тружениковъ закрома полны зародившимся и убраннымъ хлѣбомъ, эти профессиональные нищіе, зная, что нашъ народъ, по своему добросердечію, очень отзывчивъ къ несчастію другого, обжигаютъ оглобли, иногда и повозки, обряжаютъ лошадку въ самую рваную сбрую изъ пеньки и цѣлыми партіями отправляются *въ поборъ* „на погорѣлое мѣсто“. Приѣзжая въ деревню, они расходятся по разнымъ концамъ ея: одинъ начинаетъ выпрашивать „на погорѣлое“ съ одного конца, другой — съ другого, третій — съ третьяго пункта; собираютъ всемъ, кто что подастъ: и мукою, и зерномъ, и печенымъ хлѣбомъ, и холстомъ, для чего у каждаго за плечами висятъ двѣ - три сумки. И много за осень объѣзжаютъ они селъ и деревень, много насобираютъ подавнѣй. Этими подавнѣями, послѣ обращенія ихъ въ деньгі, уплачиваютъ они подати, ими же ведутъ и домашнее хозяйство въ теченіе всего года. Дѣвушка изъ такихъ обществъ, желающая выйти замужъ, должна предварительно научиться ловкости и умѣнью побольше выпрашивать, иначе ее будутъ обходить все женихи.

Встрѣчаются и такіе нищіе, которые отъ куска хлѣба отказываются, а просятъ подавнѣя *непрѣменно деньгами*, если

же не подадите имъ деньгами, они васъ изругаютъ. Однажды я замѣтилъ, что нищій, вышедши изъ сосѣдняго дома, кинулъ что-то въ траву. Я полюбопытствовалъ, что бы это было, — и отыскалъ въ травѣ порядочный кусокъ хлѣба, очевидно, только-что поданный ему. А бывали и такіе факты, что нищій, изъ-за отказа ему въ подавнн, особенно въ рюмкѣ водки въ храмовой праздникъ, „подпускалъ краснаго пѣтуха“, отъ котораго погибали цѣлыя деревни. Знаетъ это простой народъ, и никогда не отказываетъ нищему ни въ милостынѣ, ни въ водкѣ... Не зло ли это?..

Въ городахъ вы утромъ, обыкновенно, видите нищихъ, переходящихъ отъ одной церкви къ другой, отъ дома къ дому и выпрашивающихъ милостыню „Христа ради“; при чемъ между ними неизбежна брань, доходящая иногда до драки — или изъ-за раздѣла подавнн, или изъ-за стремленія раньше другихъ получить его; днемъ же цѣлая армія нищихъ досаждаютъ вамъ на болѣе людныхъ улицахъ, углахъ и перекресткахъ. Нѣкоторые нищенки, желая сильнѣе и вѣрнѣе подѣйствовать на „милостивцевъ“, берутъ съ собою и дѣтей своихъ малыхъ, научаютъ и заставляютъ ихъ выпрашивать, нисколько не помышляя о томъ злѣ и вредѣ, какой причиняютъ этимъ для нихъ во всей ихъ послѣдующей жизни. Привыкнувши съ дѣтства къ выпрашиванію милостыни и сроднившись съ нищенствомъ, какъ съ легкимъ способомъ наживы, не всякій, пришедши въ возрастъ, станетъ искать честнаго труда; обыкновенно, большинство такъ уже и не расстаётся съ нищенствомъ, а нѣкоторые прибѣгаютъ и къ болѣе преступнымъ средствамъ... Это ли опять не зло?!..

И вотъ, когда мнимые нищіе, получая отъ насъ подавнн, одни наживаются и оставляютъ по смерти своей цѣлыя капиталы, а другіе, безъ всякаго стѣсненія, открыто пропиваютъ собранное именемъ Христовымъ, истинныя нищіе, цѣйствительно нуждающіеся въ нашей помощи, и за помощь которымъ Господь обѣщаетъ царствіе небесное и вѣчное блаженство, часто умираютъ съ голоду въ жалкихъ лачугахъ

своихъ, такъ какъ, вслѣдствіе болѣзни или старческой немощи, а то и „стыда ради“, не протягиваютъ руки на улицѣ. Мы же, подавая милостыню разнымъ попрошайкамъ, назойливо пристающимъ къ намъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ, наивно успокаиваемъ свою совѣсть, въ ложной увѣренности, будто исполняемъ заповѣдь Христову о призрѣніи нищихъ; въ дѣйствительности же только развиваемъ тунейство и даже прямой развратъ, направляемъ молодыя силы на пагубный путь лѣни и воровства. При этомъ мы такъ сроднились съ подобнымъ положеніемъ дѣла, что, слыша или читая, напр., о бѣдственномъ, безвыходномъ положеніи извѣстнаго семейства, за болѣзнію или за смертію его главы-кормильца, о бѣдствіи цѣлаго общества, вслѣдствіе неурожая, градобитія, пожара,—общества, въ которомъ осталось многое множество дѣйствительно алчущихъ, жаждущихъ, нагихъ, больныхъ и другихъ воистину *меньшихъ братій* Христовыхъ, бываемъ глухи къ горькому положенію ихъ и безотрадному воплю по возможности облегчить ихъ участь посильными пожертвованіями. Не принимаемъ почти никакого участія въ существующихъ разныхъ благотворительныхъ обществахъ:—Краснаго Креста, Спасенія на водахъ, Призрѣнія слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, слабоумныхъ дѣтей и другихъ, дѣятельности которыхъ должны бы споспѣшествовать со всѣмъ усердіемъ, зная хорошо, что призрѣваемые этими обществами — дѣйствительно *меньшіе братья* Христовы, за поданную чашу воды которымъ во имя Христова пасъ ждетъ великая мзда на небеси.

Повторяемъ, далеко не всѣ, выпрашивающіе у насъ милостыню Христа ради дѣйствительно нуждаются въ подаваніи. Многіе чуждаются честнаго труда, рассчитывая на простосердечіе и доброту христіанскую, и эксплуатируютъ религіозное чувство вѣрующихъ, прибѣгаютъ къ нищенству, какъ легкому и выгодному *ремеслу* своего рода. Подавая безъ разбора всѣмъ нищимъ, мы развиваемъ тунейство, поощряемъ лѣнь, пьянство и т. п. Поэтому, наша прямая обязанность—заботиться о томъ, чтобы помощію нашею пользовались дѣйствительные

нищіе—алчущіе, жаждущіе, пагіе, больные и друг., а не поощрять вредныхъ паразитовъ, отъ которыхъ обществу приходится такъ много терпѣть. Мы должны заботиться, чтобы и подъ окнами нашими не было выпрашивателей именемъ Христовымъ, и на улицахъ насъ не атаковывали просьбами о помощи; потому что мы не знаемъ, дѣйствительно ли просящій нуждается въ нашей помощи, не можетъ честнымъ трудомъ заработать себѣ пропитаніе и не проплетъ поданнаго въ первомъ же трактирѣ. Болѣе того, нашъ нравственный долгъ — стараться не допускать, чтобы и дѣйствительно нуждающіеся — слѣпые, хромые, увѣчные и иные страдалцы—приходили къ намъ за помощію или сидѣли въ людныхъ мѣстахъ, съ обнаженными изъязвленными руками и ногами, нерѣдко злоумышленно искривленными, зывая къ намъ о помощи Христа ради.

Этого же достигнуть, это сдѣлать можетъ не кто другой, какъ само общество приходское. Ни законы, какъ бы они ни были ясны, ни самое строгое преслѣдованіе не уничтожатъ нищенства, общество же приходское можетъ его уничтожить. Известно, что Швейцарія раздѣлена на кантоны. Каждый кантонъ управляется самъ собою, заботится обо всѣхъ входящихъ въ составъ его жителяхъ, доставляетъ средства къ жизни всѣмъ, не могущимъ почему-либо добывать ихъ своими силами, помогаетъ подвергшимся какому-либо лишеніямъ, несчастіямъ и не дозволяетъ никому изъ своихъ членовъ уходить въ другой кантонъ съ просьбою о помощи. И въ Швейцаріи нищихъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ. Не будетъ нищихъ и у насъ, если каждое приходское общество поставитъ цѣлію—не выпускать изъ своей среды нуждающихся въ пропитаніи, и само будетъ помогать тѣмъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ помощи. Бояться приходскому обществу трудности этого дѣла не должно: стоитъ только сосчитать всѣ тѣ подаянія, какія каждое общество раздаетъ въ теченіе года нищимъ и разнымъ проходимцамъ деньгами, вещами и продуктами,—и всего этого окажется болѣе чѣмъ достаточно для

прокормленія и призрѣнія всѣхъ своихъ приходскихъ нищихъ и нуждающихся. И не объ однихъ только нищихъ и нуждающихся будетъ имѣть оно тогда полную возможность заботиться, а и обо всѣхъ вообще членахъ, составляющихъ приходскую семью, и притомъ—во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ матеріальномъ, такъ въ особенности въ духовномъ. Будетъ заводить, между прочимъ, школы, обучившись въ которыхъ, дѣти начнутъ мало-по-малу отставать отъ суевѣрій, предразсудковъ и разныхъ дурныхъ обычаевъ, сколько пагубныхъ для доброй жизни, столько же и разорительныхъ для состоянія; приучатся къ разумному труду и будутъ избѣгать лѣни, *возрастая*, такимъ образомъ, *Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу*. Будетъ, далѣе, приходское общество все на тѣ же средства устроить для престарѣлыхъ убогихъ, для безродныхъ малютокъ, не имѣющихъ гдѣ и къ кому голову приклонить, приюты съ полнымъ содержаніемъ для призрѣваемыхъ въ нихъ. При этихъ приютахъ будетъ постепенно учреждать отдѣленія для помѣщенія заболѣвающихъ въ обществѣ и для оказанія имъ свесвременной помощи въ болѣзни, чтобы, вслѣдствіе преждевременной ихъ смерти, не остались сироты и несчастныя вдовы, не рѣдко бьющіяся, какъ рыба объ ледъ, для поддержанія своего скуднаго хозяйства и для прокормленія малолѣтнихъ дѣтей. Наконецъ, приходское общество будетъ заботиться и о погибающихъ въ пьянствѣ и распутствѣ, удерживая ихъ разными способами отъ того и другого; будетъ заботиться и объ умершихъ, которыхъ подчасъ не на что бываетъ предать христіанскому погребенію.

И если каждое приходское общество серьезно и сердечно отнесется къ этому святому дѣлу; если разумно и охотно будетъ изыскивать способы къ умноженію средствъ, которыхъ въ каждомъ обществѣ всегда найдется не мало, только они остаются мертвыми и часто расходуются самимъ же обществомъ на дѣла предосудительныя, грѣховныя: тогда жизнь его будетъ обезпечена отъ всякихъ нуждъ и лишеній; всѣ

члены его, какимъ бы несчастіямъ и лишеніямъ ни подвергались, не останутся безпомощными. Явится у такого общества и теплый уголь для немощныхъ, престарѣлыхъ и сирыхъ, и платье для прикрытія ихъ наготы, и хлѣбъ пасущій для поддержанія ихъ жизни. Не останутся у такого общества и дѣти безъ обученія, а тѣмъ болѣе не выпуститъ оно отъ себя ни одного своего члена для скитальничества за милостынею по міру. Тогда только общество можетъ съ спокойною совѣстію сказать, что оно, по завѣту Спасителя, заботится о меньшихъ братіяхъ Его, и можетъ надѣяться услышать въ свое время вождѣнный призывъ нелицепріятнаго Судіи: „пріидите, благословенные Отца Моего, и получите награду за вашу заботу о несчастныхъ братіяхъ своихъ“. Надо только для этого учредить при каждой церкви попечительство,—но не на словахъ и бумагахъ, а живое и дѣйственное.

Заштатный свящ. *И. Мамнинъ.*

(Продолженіе будетъ).

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
 ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
въ 1904 году.

Въ 1904 подписномъ году и 45 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ продолжаетъ, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ печатаются не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и разрѣшаются вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, выясняется отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства, и указываются способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также даются послынные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія своихъ задачъ Редакція обращается ко всемъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, помѣщаются общедоступныя поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни, вѣббогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ, а также обезужденіе мнѣній свѣтской печати по церковнымъ вопросамъ.

Наконецъ, въ 1904 г. „Р. д. с. п.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, 2-й выпускъ предположенаго съ 1903 г. изданія справочныхъ книжекъ по вопросамъ пастырской практики подъ заглавіемъ: „Сборникъ рѣшеній педоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики“.

Выпускъ этотъ будетъ посвященъ вопросамъ, касающимся совершенія чинослѣдованій Требника.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библиотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ рублей** съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1904 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Феодосій.

Отъ Кіев. дух. цевз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 ноября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. І. Корольковъ.

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 48.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, ноября 30-го.

Содержаніе: Изъ дневника священника.—Къ вопросу о нищенствѣ (окончаніе). Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.—Изъ сколькихъ мѣсяцевъ долженъ состоять сельско-хозяйственный годъ полей озимыхъ, яровыхъ и луговъ?—Пьянство, какъ народное зло.—О погребеніи раскольниковъ и уклонившихся въ расколъ.

Изъ дневника священника.

Изъ всѣхъ міровоззрѣній, стоящихъ въ отрицательномъ отношеніи къ религіи, нужно считать наиболѣе безнадежнымъ такъ господствующій въ настоящее время позитивизмъ. Когда сенсуализмъ, пытающійся вывести всю нашу духовную жизнь изъ внѣшняго чувства, отвергаетъ религію, какъ особую отъ внѣшняго опыта область духа,—доводы его могутъ подлежать философской, а иногда и научной провѣркѣ. А пилатовскому вопросу—„что есть истина“, только можетъ быть *противопоставлено* иное міровоззрѣніе. Позитивизмъ философски узаконяетъ сомнѣніе Пилата. Болѣе того. По основному положенію учениковъ Огюста Конта, человѣческое познаніе имѣетъ дѣло *только* съ тѣмъ, что можетъ быть предметомъ чувственного опыта...

Въ минувшую пору *безраздѣльнаго* господства позитивизма у насъ довольно одиноко противъ его основныхъ гносеологическихъ положеній раздвоялся голосъ знаменитаго отечественнаго мыслителя Вл. С. Соловьева. Кромѣ внѣшняго опыта и формально разсудочнаго познанія существуетъ, настойчиво утверждалъ онъ, „опытъ внутренней, непосредственное воспріятіе или что то же—религіозное знаніе“,—по отношенію къ которому первое лишь переходная ступень¹⁾. Наше образованное общество остановилось на полпути съ своимъ раціонализмомъ,—и въ этомъ его, по мнѣнію Владиміра Сергѣевича, основной грѣхъ...

Назадъ къ Вл. Соловьеву—можно охарактеризовать происходящее на нашихъ глазахъ возрожденіе идеализма въ русской философіи. И вѣрно это прежде всего въ отношеніи гносеологической проблемы.

По мнѣнію основателя позитивизма, человѣчество послѣдовательно проходитъ въ своемъ развитіи три стадіи:—низшую религіозную (теологическій періодъ), вторую философскую (метафизическій періодъ) и высшую научную. „Противъ этого закона историческаго развитія, сдѣлавшагося основнымъ философскимъ убѣжденіемъ широкихъ круговъ нашего общества“ и направлены первыя страницы Сборника „Проблемы идеализма“,—разумѣемъ статью С. Н. Булгакова „Основные проблемы теоріи прогресса“.

За міромъ явленій, въ которомъ одномъ заключилъ себя позитивизмъ, существуетъ, читаемъ въ ранней статьѣ Г. Булгакова²⁾, „область истинно сущаго бытія, міръ идеальный, царство абсолютной истины, добра и красоты“. Въ религіозномъ соприкосновеніи этимъ инымъ мірамъ (выраженіе Ө. М. Достоевскаго) и состоитъ жизнь человѣческаго духа.

¹⁾ Собр. сочиненій. Т. III. „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ стр. 10—90, прим. 1. Тою же мыслью все проникнуто сочиненіе его „Кризисъ западной философіи“—т. 1.

²⁾ Вопросы философіи и психологій—1902 годъ. Сент.-декабрь. „Душевная драма Герцена“.—Въ дальнѣйшемъ излагаются мысли ст. „Основные проблемы теоріи прогресса“.

Тотъ путь, которымъ постигаемъ мы данную высшую область бытія, составляетъ вѣра, имѣющая совершенно самостоятельныя права съ разсудочнымъ, „положительнымъ“ знаніемъ.

Какъ средство постиженія истины—съ этой теоретической стороны, мы пока говоримъ о ней—вѣра несравнимо выше рациональнаго знанія, ибо только ей доступна сущность вещей, которая скрыта отъ знанія.

Вѣра или что тоже способъ интуитивнаго знанія, способъ знанія безъ доказательствъ, „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“, съ безспорностью и несомнѣнностью открываетъ намъ область истинно сущаго, составляющаго основу текучаго ряда явленій. „Разсматривая дѣло, говоритъ Г. Булгаковъ, съ формальной стороны, мы должны сказать, что тѣ знанія, которыя даетъ вѣра, богаче и шире тѣхъ, которыя даетъ опытная наука и метафизика: если метафизика разрываетъ границы опытнаго знанія, то вѣра уничтожаетъ границы умопостигаемаго“¹⁾.

Таже приблизительно мысль заключается и въ предисловіи Г. Струве къ книгѣ Г. Бердяева²⁾, одного изъ первыхъ, заговорившихъ у насъ объ идеализмѣ.—Сущность бытія, по его словамъ, скрытая отъ позитивизма, доступна „цѣлостному (душевному) переживанію, гдѣ единство субъекта и объекта“,—проще можно сказать—религіозному познанію, религіозной вѣрѣ...

Въ системѣ новаго идеализма гносеологическая проблема съ своей теоретической стороны имѣетъ мало знанія. Мы видѣли выше, что не иное что, а нравственное сознаніе убѣждаетъ въ полной неудовлетворительности позитивной философіи... Но и съ этой стороны—какъ отрадно видѣть тожество взглядовъ авторовъ „Проблемы идеализма“ и христіанской

¹⁾ Осн. пр. т. пр. стр. 5, 6 и 41—42.

²⁾ „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“
Спб. 1901.

философін!. Еще такъ недавно слышны были лишь голоса трезвыхъ представителей естественно-научнаго міровоззрѣнія, для которыхъ вопросы объ иныхъ мірахъ бытія были одною только вредною мистикой, плодомъ дѣтскаго наивнаго міропониманія. А теперь покойный философъ Соловьевъ не написалъ бы глубоко-грустнаго стихотворенія своей „дорогѣ одинокой“, которой шелъ онъ въ теченіе всей своей жизни „къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ“ — христіанскаго міросознанія... Широкіе круги интеллигенціи обычно заднимъ числомъ переживаютъ взгляды своихъ учителей. Давно ли мы слышали распространенный взглядъ на вѣру, какъ спутницу невѣжества, отголоски котораго повторяются и теперь многими, т. н. образованными людьми? А теперь слова Соловьева о томъ, что вѣра, утверждая невидимое, какъ видимое, доступна только людямъ *сильнымъ* духомъ, далеко не представляются какимъ-то страннымъ парадоксомъ... „Въ нашъ атеистическій вѣкъ, пишетъ Г. Булгаковъ, наибольшія недоразумѣнія возбуждаетъ утвержденіе о томъ, что религія отвѣчаетъ столь же полной потребности человѣческаго духа, какъ наука и метафизика“... И „труденъ горный путь“ ¹⁾ религіознаго сознанія болѣе всего „евклидовскому“ земному уму современнаго интеллигента... Вотъ почему нельзя не радоваться хотя бы еще и неувѣреннымъ шагамъ по пути вѣры авторовъ „Проблемы идеализма“, идущихъ впереди другихъ ученыхъ мыслителей и въ отношеніи общаго научнаго своего образованія.

Свящ. К. Алексѣевъ.

¹⁾ Изъ стихотв. Вл. С. Соловьева —

„Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами

„Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ“.

Къ вопросу о нищенствѣ¹⁾.

II.

Объ учрежденіи при церквахъ попечительствъ, въ связи съ вопросомъ объ уничтоженіи нищенства.

Почти 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предписано заводить при церквахъ попечительства, эти благодѣтельныѣшія учрежденія; тогда же составлены и Высочайшею властію утверждены и Правила для нихъ. Къ сожалѣнію, при многихъ церквахъ попечительствъ нѣтъ и до настоящаго времени а если есть они, то далеко не приносятъ той пользы, какую должны и могли бы приносить. Чѣмъ же объясняется этотъ послѣдній прискорбный фактъ?—Безъ сомнѣнія, тѣмъ, что открытіе попечительствъ возложено исключительно на однихъ только священниковъ.

Ни для кого уже не тайна, что въ наше время, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся различныхъ обстоятельствъ, изсякло въ прихожанахъ то неограниченное довѣріе къ своимъ пастырямъ—отцамъ духовнымъ, которое отличало нашихъ предковъ, и по которому всякое предложеніе его принималось съ полною готовностію и безъ всякаго почти разсужденія и обсужденія осуществлялось въ жизни. Теперь священникъ иногда никакъ не добьется, чтобы собрать на сходъ народъ и потолковать съ нимъ разумно и обстоятельно о какомъ-либо добромъ дѣлѣ. И вотъ, встрѣтивъ, послѣ многихъ попытокъ, неудачу, махнетъ онъ рукою и рѣшаетъ: „пусть же, въ такомъ случаѣ, попечительство, открытія котораго настойчиво требуетъ епархіальная власть подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности,—пусть будетъ оно существовать только на бумагѣ—благо, провѣрять, контролировать его дѣятельность некому“. И дѣйствительно, многія попечительства у насъ, какъ мертворожденныя, только на бумагѣ и существуютъ, хотя о нихъ рапортуется, кому слѣдуетъ, для годичнаго отчета, какъ о живыхъ и дѣйственныхъ.

¹⁾ См. № 47 с. г.

Не слѣдуетъ забывать и того, что нашъ народъ искони навывкъ думать и заботиться только о себѣ,—въ положеніе же другого, *безъ сторонняго-побужденія*, не вдумывается серьезно. Онъ привыкъ дѣлать только то, что ему предпишутъ, прикажутъ. Онъ со вниманіемъ слушаетъ внушеніе священника, исполнѣ соглашается съ его доводами, сочувствуетъ предлагаемому доброму дѣлу; но къ осуществленію самого дѣла приступить только тогда, когда ему сдѣлано будетъ внушеніе объ этомъ свыше—властію. Вотъ почему, и попечительства давнымъ-бы давно были при всѣхъ церквахъ, если бы къ открытію ихъ приложили стараніе земство, земскіе начальники и стали бы учреждать ихъ при участіи и содѣйствіи приходскихъ священниковъ. Положительно можно утверждать, что успѣхъ открытія попечительствъ при церквахъ, ихъ прочность и устойчивость, благотворность и громаднѣйшая польза ихъ дѣятельности будутъ исполнѣ обезпечены только въ томъ случаѣ, когда они будутъ плодомъ совмѣстнаго старанія, совмѣстной дѣятельности земства, земскихъ начальниковъ и приходскихъ священниковъ. Священникъ разъяснить обществу цѣль и пользу попечительства. Земскій начальникъ подтвердить это и объявить народу, что открытія попечительства желаетъ самъ Государь, и тѣмъ окажетъ содѣйствіе къ открытію его. Онъ же обратитъ въ пользу попечительства арендныя статьи и штрафныя деньги и тѣмъ не даетъ имъ погибнуть непроизводительно, какъ онѣ по большей части погибають теперь—на общественныя попойки; внушить обществу дѣлать отдѣльныя запашки и носѣвы въ пользу попечительства, или же, взаимнѣ этого дѣлать осенью по раскладкѣ сборъ зернового хлѣба. И многое другое можетъ онъ сдѣлать къ приумноженію средствъ попечительскихъ, напр.: поможетъ священнику прекратить въ приходѣ не только бесполезную, а и убыточную, грѣховную и притомъ не малую трату денегъ на праздничныя и свадебныя попойки, и настоятъ на томъ, чтобы хотя часть этихъ денегъ жертвовалась, на пользу ближняго и во спасеніе души, тоже на попечительство. Земства же, въ слу-

чаѣ нужды и недостатка суммъ попечительства, помогутъ въ осуществленіи предпріятій его ко благу народному, тѣмъ болѣе, что это—въ его же интересахъ, такъ какъ оно обязано заботиться о нуждахъ и продовольствіи народномъ. Безъ сомнѣнія, явятся и частные благотворители. Нашъ народъ вѣдь сочувствуетъ доброму дѣлу и отзывчивъ на добро: если онъ теперь и отказывается отъ жертвы или же мало жертвуетъ, то это лишь потому, что, вслѣдствіе слишкомъ уже вялой дѣятельности попечительствъ, никакъ не можетъ уяснить себѣ пользы ихъ. Когда же для него ясна будетъ эта польза, тогда онъ не откажетъ своими посильными пожертвованіями содѣйствовать благой и спасительной дѣятельности попечительствъ. Дѣла попечительствъ тогда пойдутъ успѣшно; попечительства будутъ живымъ и дѣйственнымъ органомъ Церкви, цвѣтущимъ и многоплоднымъ сѣменемъ ея, вѣтвистымъ и широколиственнымъ деревомъ, подъ живительною тѣнію котораго утомленный или обездоленный жизнію путникъ найдетъ и пріятную, освѣжающую прохладу, и укрѣпленіе и ободреніе, и покой и отдохновеніе.

Какъ учредить попечительство, каковъ долженъ быть его первоначальный составъ, какъ вести дѣла попечительскія, на какія средства, и откуда ихъ добывать,—объ этомъ была помѣщена довольно обстоятельная статья въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ за 1880-й годъ, къ которой и отсылаемъ всѣхъ интересующихся дѣломъ.

Но чтобы открывшіяся попечительства приносили дѣйствительную пользу приходу и не только не ослабѣвали, а все болѣе и болѣе крѣпили и расширяли свою благотворную дѣятельность, изыскивая для этого необходимыя средства и постепенно приумножая ихъ; чтобы не было неправильности какой-либо въ дѣлахъ попечительства и нежелательныхъ уклоненій, необходимъ самый бдительный и строгій контроль надъ ними и частыя ревизіи, потому что человѣку присуще съ теченіемъ времени ослабѣвать въ первоначальномъ рвеніи. Кому же поручить контроль?

III.

О контролѣ надъ дѣятельностію приходскихъ попечительствъ.

Въ виду того, что земскіе начальники будутъ принимать самое большое и дѣятельное участіе въ открытіи попечительствъ, содѣйствовать пріумноженію средствъ попечительскихъ, справедливо было бы предложить какъ наблюденіе надъ ними, такъ и ревизію дѣлъ попечительскихъ земскимъ начальникамъ: они облечены извѣстною властію и къ тому же обязаны заботиться о нравственности и продовольствіи народномъ. И это нисколько не должно быть обидно ни для кого и не противно, въ виду послѣдняго Высочайшаго манифеста, прежде Высочайше утвержденнымъ Правиламъ о попечительствахъ. Но у земскихъ начальниковъ и помимо этого такъ много дѣлъ, составляющихъ прямую ихъ обязанность, что они едва ли сами согласятся взять на себя контролъ надъ попечительствами и ревизію дѣлъ ихъ.

Безполезно возлагать эту обязанность и на благочинныхъ, которые—можно съ увѣренностію сказать—будутъ относиться къ этому дѣлу такъ же формально, какъ относятся теперь: пріѣдутъ *два* раза въ годъ, спросятъ о попечительствѣ, получатъ о немъ рапортъ или отчетъ—и уѣдутъ, не провѣривъ этого послѣдняго, а тѣмъ болѣе—нисколько не вникнувъ въ сущность дѣятельности попечительства. Желательно, поэтому, имѣть отдѣльныхъ наблюдателей за дѣятельностію попечительствъ. Но на это нужны средства—и не малыя, а ихъ ни у церкви, ни у причтовъ, разумѣется, нѣтъ. По необходимости, приходится возложить наблюденіе надъ попечительствами на благочинныхъ, но только *безприходныхъ*.

Вникнуть хорошо въ дѣло, поставить и направить его, наблюдать за нимъ и содѣйствовать ей развитію можно только тогда, когда ничто другое не мѣшаетъ этому; когда нѣтъ никакой думы и заботы о дѣлѣ другомъ; когда отъ устройства одного, не придвигается урона, опущенія въ другомъ, болѣе важ-

номъ и на нашей же отвѣтственности лежащемъ; когда, наконецъ, за опущенія намъ предстоитъ дать отвѣтъ не только предъ Богомъ и своею совѣстію, но и предъ закономъ. Отсюда понятно, почему въ настоящее время благочинные только два раза, а нѣкоторые даже лишь одинъ разъ въ годъ ревизуютъ церкви своего округа, да и то обыкновенно спѣшно, не побывавши часто въ самой церкви, не вызвавши къ себѣ наличныхъ членовъ причта. Все вниманіе ихъ, вся забота при ревизіи, сводятся исключительно къ тому, чтобы полностью и по всѣмъ статьямъ, *имже итъ числа*, собрать деньги съ причтовъ и церковей. Но своевременно ли вносятся записи, въ книги, и полностью ли поступаютъ въ церковь пожертвованія, деньги отъ продажи свѣчей и по прочимъ статьямъ; увеличивается ли доходъ церковный, или уменьшается, и отъ чего то или другое зависитъ; каково нравственно-религіозное состояніе прихода; какія мѣры принимаются священникомъ къ поднятію въ народѣ духа церковности; какъ относится причтъ къ исполненію своихъ обязанностей, и въ какихъ онъ отношеніяхъ къ прихожанамъ и между собою; есть ли расколъ или сектанты въ приходѣ, и какія причины того или другого, а равно—прилагаются ли мѣры къ ихъ ослабленію,—обо всемъ этомъ рѣдкій благочинный входитъ въ обсужденіе съ приходскимъ священникомъ, рѣдкій изыскиваетъ средства во благо Церкви и прихода, хотя это—его прямая обязанность. Да ему, даже при самомъ искреннемъ желаніи, нѣтъ ни времени, ни физической возможности вникнуть во всё это; у него—нѣсколько школъ, приходъ, часто очень многолюдный, въ которомъ онъ нуженъ постоянно, и долгое отсутствіе изъ котораго можетъ породить—и порождаетъ—недовольство среди прихожанъ, вслѣдствіе чего онъ всегда спѣшитъ. Взыскавъ деньги и получивъ отъ священника рапорты и отчеты, онъ торопится въ другое, третье село, чтобы поскорѣе вернуться домой, и уже дома выбираетъ изъ рапортовъ необходимое для своего отчета епархіальному начальству. И винить благочинныхъ при настоящемъ положеніи дѣла нельзя, хотя и пользы

отъ такой ихъ ревизіи мало. Приходо-расходныя книги какъ писались въ нѣкоторыхъ церквахъ по-полугодно, „въ одинъ присѣсть“ за всѣ шесть мѣсяцевъ, такъ пишутся и теперь; приходъ денегъ въ нихъ обозначается не соотвѣтственно дѣйствительному поступленію суммъ въ церковь, а съ небольшимъ измѣненіемъ списывается съ прошлаго года,—и такъ дѣлается изъ года въ годъ. При такомъ веденіи приходо-расходныхъ книгъ дѣйствительное поступленіе денегъ въ церковь не всегда можетъ быть доподлинно установлено; нельзя съ увѣренностію сказать, чтобы суммы, поступающія въ церковь, полностью и оставались въ *хорванъ* церковной и не переходили, хотя частію, въ карманъ церковнаго старосты (по крайней мѣрѣ, не рѣдкость, что староста свободно ими распоряжается для своихъ коммерческихъ цѣлей); слабые и невоздержные члены причтовъ свободно предаются пьянству, къ пріѣзду же благочиннаго „подтягиваются“, такъ что благочинному приходится аттестовать ихъ, какъ исправныхъ и рачительныхъ, потому что священникъ заявлять объ ихъ упущеніяхъ не всегда находитъ удобнымъ. Еще меньше пользы получаютъ отъ такой ревизіи попечительства и, будучи мертворожденными, такими и продолжаютъ оставаться, почти ничѣмъ особеннымъ не заявляя о своемъ существованіи. Не производя подлежащей ревизіи, нынѣшній благочинный не поспѣшитъ въ то село, въ которомъ появился пропагандирующій раскольникъ или сектантъ, въ которомъ враждуетъ причтъ, или предался нетрезвой жизни какой-либо членъ его, чтобы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ самомъ началѣ, насколько возможно, воздѣйствовать благоразумными внушеніями и мѣрами, и—если не пресѣчь зла, то не дать ему развиться. Онъ поѣдетъ тогда, когда получить о томъ указъ изъ консисторіи, и когда уже зло будетъ такъ велико, что исправить его бываетъ трудно, а то и совсѣмъ не возможно. Не то было бы, если бы благочинные были *безприходные*, исключительная и единственная обязанность которыхъ состояла бы только въ томъ, чтобы неуклонно наблюдать надъ цер-

квами и ихъ хозяйствомъ, за причтами и ихъ дѣятельностію и поведеніемъ, за прихожанами и ихъ религіозно-правственными состояніемъ, за разными благотворительными у нихъ учрежденіями—попечительствами и братствами. Такой благочинный, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый и не задерживаемый, во всякое время года могъ бы объѣзжать села своего округа для ревизіи—и не разъ, не два, а инныя села по нѣскольку разъ въ году, смотря по обстоятельствамъ и надобности, причемъ пріѣзжать безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія, внимательно входитъ въ положеніе хозяйства церковнаго, въ жизнь и служеніе причтовъ, въ дѣятельность существующихъ при церкви учрежденій, знакомиться со всѣмъ не по рапортамъ, а лично входитъ въ сущность дѣла и вникаетъ въ него;—устранять замѣченныя неправильности и уклоненія и направлять все и вся на путь вѣрный, разумный и благоуспѣшный. Нечего и говорить, что тогда причты вели бы книги своевременно и по возможности правильно; церковныя суммы не употреблялись бы старостою на личныя коммерческія предпріятія; самый нетрезвый членъ причта повоздержался бы, зная, что благочинный можетъ прибыть въ село во всякое время и уличить его въ нетрезвости; попечительства имѣли бы въ немъ не столько контролера своей дѣятельности, сколько хорошаго совѣтника, помощника и руководителя; въ случаѣ нужды, онъ былъ бы и ходатаемъ по дѣламъ попечительскимъ передъ земствомъ и земскими начальниками, сносясь официально съ тѣми и другими. Впечатлѣніями отъ наблюденія при ревизіи церквей, причтовъ и попечительствъ благочинный дѣлался бы съ членами благочинническаго совѣта и съ ними вмѣстѣ изыскивалъ бы средства къ устраненію недоразумѣній, къ исправленію неисправныхъ и тѣмъ содѣйствовалъ бы устроенію, гдѣ окажется, неустроеннаго и упроченію уже существующаго; благочинническіе совѣты, въ этихъ видахъ, могли бы быть собираемы имъ же мѣсячно, а состоявшіяся на нихъ постановленія отсылаемы къ епархіальному архіерею, который, вслѣдствіе этого, былъ бы вполне освѣдо-

млень о всѣхъ сторонахъ жизни своей епархіи. Такой благочинный былъ бы поистинѣ *окомъ епархіальнаго архіерея*.

Зная хорошо и близко всѣхъ служащихъ при церквахъ своего округа, ихъ стараніе, ревность и энергію въ служеніи, онъ свидѣтельствовалъ бы объ этомъ по чистой совѣсти предъ епархіальнымъ начальствомъ,—и тогда награды получали бы не за выслугу лѣтъ, а за службу, достойную награды, и не было бы „выскачекъ“ въ досажденіе и обиду другимъ. За сборомъ денегъ благочинному совѣмъ нѣтъ надобности ѣздить, что и не безопасно въ настоящее время постоянного обмана, хищничества и грабежа, соединяемаго не рѣдко съ убійствомъ. Пусть каждый причтъ доставитъ деньги или переводомъ, или чрезъ церковнаго старосту, вмѣстѣ съ рапортами, которые тогда были бы согласны болѣе съ дѣйствительностію и не заключали бы въ себѣ того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ благочинному изъ личныхъ его ревизіонныхъ наблюденій обстоятельно извѣстно положеніе того или другого учрежденія въ томъ или другомъ селѣ...

Но что такіе благочинные будутъ стоить духовенству и церквамъ?...

IV.

О вознагражденіи безприходныхъ благочинныхъ.

Если оставить безприходныхъ благочинныхъ въ такомъ же количествѣ, сколько ихъ теперь въ каждой епархіи, тогда потребуется громадная сумма на ихъ содержаніе. Каждому *безприходному* благочинному надо положить не менѣе *полторы тысячи* рублей: *тысячу* на содержаніе и *пятьсотъ* рублей на разъѣзды. Въ известной епархіи, напр., въ настоящее время *двадцать шесть* благочинныхъ и одинъ—надъ самими благочинными. Если оставить всѣхъ ихъ, то потребуется свыше *сорока тысячъ* руб., какой суммы не изыскать, конечно, изъ мѣстныхъ средствъ. Но есть ли нужда въ такомъ количествѣ благочинныхъ?—Нѣтъ никакой. Если настоящимъ благочиннымъ вручается отъ 20 до 30 селъ, не больше, то

единственно лишь потому, что у нихъ самихъ есть приходъ, по отношенію къ которому ихъ священническія обязанности несравненно важнѣе и многочисленнѣе обязанностей благотворительныхъ. Заботясь объ исполненіи обязанностей благотворительныхъ, они еще больше должны заботиться объ исполненіи обязанностей своихъ пастырскихъ. А по народной поговоркѣ: „за двумя зайцами погонишься, и одного не поймашь“, что и оправдывается на большей части современныхъ благотворительныхъ: они и къ благотворительнымъ и къ пастырскимъ своимъ обязанностямъ относятся формально, не принося существенной пользы ни тому, ни другому дѣлу. Когда же *безприходнымъ* благотворительнымъ будетъ для наблюденія поручено до 100 церквей каждому, то справедливо будетъ отъ нихъ требовать не формальнаго отношенія къ поручаемому имъ дѣлу, а исполнѣе серьезнаго и добросовѣстнаго, въ твердой увѣренности, что они, свободные отъ всякихъ другихъ дѣлъ и обязанностей, такъ именно и отнесутся къ своей обязанности и будутъ проходить служеніе свое съ должною пользою для Церкви Божіей. Опасаться врученія надзору благотворительнаго до 100 церквей не слѣдуетъ. Усиливаетъ же, находитъ же силы, время и возможность внимательно слѣдить за направлениемъ, ходомъ дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ *одинъ* наблюдатель, на весь уѣздъ, а по Министерству Народнаго Просвѣщенія—даже у *двухъ* уѣздовъ *одинъ* инспекторъ? А у наблюдателя, обязаннаго ежемѣсячно быть въ уѣздномъ городѣ, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ разъ—на засѣданіи Отдѣленія, едва ли меньше дѣлъ, нежели сколько будетъ у благотворительнаго *стона начальника*. Если же такъ, тогда на вознагражденіе *безприходныхъ* благотворительныхъ совершенно достаточно будетъ той суммы, какая теперь идетъ на вознагражденіе благотворительныхъ *десятона начальникамъ*. Въ епархіи, напр., благотворительныхъ, какъ мы выше говорили, 26 и одинъ благотворительный надъ церквами самихъ благотворительныхъ; каждый благотворительный получаетъ по 300 руб. и благотворительный надъ благотворительными—400 руб.; и того, на благотворительныхъ расходуется: 8200 руб. Благотворительныхъ

въ той же епархіи, надзору которыхъ будетъ вручено до 100 церквей, должно быть *шесть*, на жалованье имъ приходится 9,000 руб. Недостають 800 руб. Откуда взять ихъ, не обременяя ни причтовъ, ни церквей?

Извѣстно, что благочинные, взыскивая деньги съ церквей, считаютъ *законнымъ* при этомъ взыскать по *одному проценту съ рубля* на пересылку, куда слѣдуетъ, собранныхъ денегъ. Мы не знаемъ точно, какая именно сумма всѣми благочинными въ теченіе года собирается и доставляется въ разныя учрежденія; безъ преувеличенія полагаемъ, что ни въ какомъ случаѣ *не меньше* 50,000 руб. Продолжая взыскать съ этой суммы по одному проценту, къ 8200 р. придется придавать еще 500 руб.; всего—8700 руб.; недостающіе 300 руб. если не пополнятся изъ того же однопроцентнаго сбора, то безъ всякаго отягощенія могутъ быть взысканы или съ причтовъ и церквей, или же изъ штрафныхъ суммъ и иныхъ подобныхъ статей. Взымаемая въ жалованье *безприходнымъ* благочиннымъ деньги должны быть отсылаемы вмѣстѣ съ другими суммами въ консисторію, такъ какъ жалованье благочинные должны получать изъ консисторіи, какъ и всѣ вообще служащіе въ ней. А чтобы благочинные не расходовались напрасно каждый мѣсяць поѣздкою за жалованьемъ, можно установить такъ, что консисторія будетъ высылать имъ жалованье переводомъ въ тотъ городъ, въ которомъ они будутъ жить. Благочинный не долженъ быть лишаемъ и наградныхъ къ праздникамъ Рождества и Пасхи. Могутъ быть у него и побочные *безрѣшные* доходы, когда, напр., какая-нибудь церковь пригласитъ его для соборнаго служенія въ храмовой праздникъ, или же кто-либо пригласитъ для погребенія умершаго и т. д.

Созданіе такимъ безприходныхъ благочинныхъ желательно и въ томъ отношеніи, что служенію на этой должности могутъ посвятить себя лучшія силы изъ среды духовенства... Въ настоящее время въ составѣ благочинныхъ бывають такіе священники, которые, кромѣ сбора денегъ съ церквей,—что

можетъ сдѣлать самый заурядный священникъ, — ничѣмъ особеннымъ не проявляютъ себя. Вся дѣятельность *сѣзда* у такихъ благочинныхъ ограничивается выслушаніемъ списка призрѣваемыхъ попечительствомъ. Не слышитъ отъ нихъ духовенство какого-либо серьезнаго предложенія для обсужденія; не поднимаютъ они никакихъ вопросовъ, порождаемыхъ жизнію и служеніемъ духовенства; не въ состояніи они ни направить, ни указать, ни вразумить, ни разрѣшить какія-либо недоразумѣнія и т. п. ¹⁾

Въ настоящее время окончившіе курсъ въ академіи чуждаются рясы, главнымъ образомъ, потому, что съ нею соединяется приходъ, по которому они должны *ходить* и *пріобрѣтать* — съ однимъ крестомъ въ рукѣ, съ другимъ въ сердцѣ — средства къ жизни. Находя такой способъ обезпеченія ненормальнымъ и унижительнымъ, они и бѣгутъ изъ духовнаго званія и ищутъ занятій другихъ. А когда у благочиннаго прихода не будетъ, и онъ свободенъ будетъ отъ этихъ хожденій; когда занятія его будутъ заключаться въ наблюденія за церквами, за религіозно-нравственнымъ состояніемъ прихожанъ и причтовъ, въ созданіи при церквахъ попечительствъ, братствъ, направленіи и возможно лучшей постановкѣ ихъ дѣятельности; когда онъ за свое служеніе будетъ получать вѣрное, не унижительное и приличное обезпеченіе: тогда, думается, многіе изъ окончившихъ курсъ въ академіи рѣшатся посвятить себя этому благому и святому дѣлу. А такой благочинный весьма желателенъ! Исполняя порученное ему дѣло, онъ не формально только будетъ относиться къ нему, разумно, внимательно вникая въ сущность дѣла, тщательно наблюдая за

¹⁾ И за то только, что подобныя лица состоятъ благочинными, они аккуратно *черезъ каждые три года* получаютъ награды вплоть до ордена на широкой красной лентѣ; тогда какъ простой священникъ, какую бы пользу своимъ служеніемъ ни приносилъ, получаетъ награды *черезъ десятки лѣтъ* зѣтъ и послѣ многихъ плодотворныхъ лѣтъ служенія умираетъ нерѣдко только со скуфьей. Ничего особенно полезнаго не сдѣлавшій благочинный сравнительно въ короткое время получаетъ санъ протоіерея.

благолѣшиемъ и чистотою храмовъ, охраняя ихъ имущество и древности, строго провѣряя приходъ и расходъ церковныхъ денегъ, не дозволяя распорядиться ими никому своевольно, требуя законнаго отчета церковнаго старосты и своевременнаго веденія книгъ. Такой благочинный будетъ безпристрастно и строго наблюдать за жизнію, служеніемъ и поведеніемъ причтовъ; поддерживать и вразумлять немощныхъ и мощно сдерживать горделивыхъ и „продерзостныхъ“; давать причтамъ разумные совѣты, когда будетъ нужно; разрѣшать недоумѣнія, какія могутъ встрѣтиться въ жизни и служеніи причта и его отношенія къ прихожанамъ; сердечно заботиться о прихожанахъ и освѣдомляться объ ихъ религіозно-нравственномъ состояніи; будетъ направлять дѣятельность причтовъ къ просвѣщенію своихъ прихожанъ, къ поднятію въ нихъ духа церковности, требуя для этого отъ нихъ самихъ уставнаго, неспѣшнаго, вразумительнаго и благоговѣйнаго совершенія богослуженія. Заботясь обо всемъ этомъ, онъ тѣмъ болѣе будетъ заботиться о *меньшихъ братіяхъ Христовыхъ* въ приходѣхъ своего округа; будетъ истиннымъ отцомъ попечительствъ, внося въ нихъ духъ любви и сердечнаго попеченія о *сущихъ въ скорби*; вникая въ нужды попечительствъ, будетъ самымъ вѣрнымъ помощникомъ и руководителемъ въ изысканіи ими средствъ и должномъ направленіи и расширеніи ихъ благотворной дѣятельности. Наконецъ, какъ лицо, авторитетное по образованію, онъ будетъ таковымъ и предъ епархіальнымъ преосвященнымъ и никогда никого изъ своихъ подвѣдомыхъ не дастъ въ обиду, какую нерѣдко въ настоящее время приходится терпѣть духовенству вслѣдствіе мести, наговоровъ, интригъ и вмѣшательства не въ свое дѣло людей злонамѣренныхъ, имѣющихъ почему-либо доступъ къ епархіальной власти,—благо, духовенство не имѣетъ защитниковъ, а само лишено возможности отстаивать свои права, особенно если взять еще во вниманіе обычное недоувѣріе къ нему начальства. Благочинный, авторитетный всегда, гдѣ нужно, отстаивать

и, предъ кѣмъ слѣдуетъ, защитить, а интригана и мстителя, какъ говорится, вывести на позорище людское къ посрамленію...

Желателенъ, повторимъ, такой благочинный!...

Заштатный свящ. *И. Малининъ.*

Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.

Свящ. о. П. Н. просить разрѣшить на страницахъ журнала такіе педоумѣнные вопросы:

1. О помазаніи крещаемого елеемъ въ Требникѣ, между прочимъ, сказано: „священникъ вземлетъ отъ елеа .. и творитъ креста образъ на челѣ и персѣхъ и *на междораміи*, глаголя: помазуется рабъ Божій“... Далѣе сказано: „и назнаменуеть его перси, и *междорамія*“... Въ первомъ случаѣ сказано „*на междораміи*“ (единств. число), а во второмъ— „*междорамія*“ (множ. число). Какъ это понимать, и что вообще слѣдуетъ разумѣть подъ „междораміемъ“?

Существуетъ двойное пониманіе слова „междораміе“: одни изъ священниковъ понимаютъ это слово въ смыслѣ находящихся спереди предплечій и, согласно съ такимъ пониманіемъ, помазываютъ освященнымъ елеемъ части тѣла, находящіяся подлѣ плечъ, немного ниже ключицы; а другіе подъ словомъ „междораміе“ разумѣютъ верхнюю часть спины между лопатками. Какое изъ этихъ двухъ пониманій, правильнѣе?— Сообразнѣе съ словами, произносимыми священникомъ при помазаніи елеемъ, понимать слово „междораміе“ *въ смыслъ именно предплечій*, а не верхней части спины. Здѣсь, въ междораміи, мѣсто нахождения мышцъ, посредствомъ которыхъ проявляется физическая сила, и потому на языкѣ Свящ. Писанія мышца не рѣдко употребляется въ значеніи силы

крѣпости, здоровья. Грѣхъ внесъ разстройство и въ физическую природу человѣка, не только заразивъ ее болѣзнями, но и возбудивъ преобладаніе чувственности и перевѣсъ порочныхъ наклонностей и влеченій тѣла надъ духовными стремленіями. На это-то утраченное нормальное состояніе и указываетъ словами: „во исцѣленіе... и тѣла“, при чемъ помазываются, между прочимъ, части тѣла (междорамія), служащія символомъ крѣпости силъ, здоровья. Въ оправданіе другого пониманія слова „междораміе“ нельзя указать никакихъ основаній. Говорятъ, впрочемъ, что еслибы словомъ „междораміе“ имѣлось въ виду обозначить предилечія, то оно было бы поставлено во множественномъ числѣ. Но вѣдь въ самомъ уже словѣ „междораміе“ содержится указаніе на двойственность входящихъ въ составъ его предметовъ; вотъ почему въ церк.-славянск. языкѣ оно и употребляется безразлично и въ томъ и въ другомъ числѣ (какъ и въ данномъ мѣстѣ Треника).

2. Кѣмъ должны производиться справки, или выписки изъ метрическихъ книгъ о времени рожденія призываемыхъ членовъ семействъ—приходскими священниками, или же волостными старшинами и писарями въ присутствіи кого либо изъ членовъ причта?

Метрическія выписи о *лицахъ призывнаго возраста* (т. е. тѣхъ, которымъ къ 1 января извѣстнаго года минуло 20 лѣтъ отъ роду) обязаны ежегодно составлять и отправлять въ подлежащія учрежденія приходскіе священники (Уст. о воинск. повинн. ст. 106, п. 1 въ IV т. Св. Зак. по изд. 1886 г.). Составленіе же метрическихъ выписей о многихъ лицахъ для иныхъ цѣлей,—наприм., по требованію управъ и волостныхъ правленій для составленія посемейныхъ списковъ и т. п.,—не возложено на обязанность церковнаго причта. Ежегодная провѣрка по метрическимъ книгамъ посемейныхъ списковъ (по § 5 Правиль для составленія означенныхъ списковъ, изд. 1874 г.) возложена на учрежденія, ведущія эти списки, а потому и

справки, или выписки изъ метрическихъ книгъ о времени рожденія членовъ семействъ призываемыхъ должны производиться въ селахъ волостными старшинами и писарями въ приличномъ мѣстѣ и въ присутствіи кого-либо изъ членовъ причта (Опред. Св. Синод. 28 февр.—20 марта 1885 г. за № 411; Церк. Вѣстн., 1885 г., № 16).

3. Какъ должна быть преподаваема „общая чаша“ жениху и невѣстѣ при совершеніи вѣчанія?

Въ Требникѣ сказано: „... возьмъ священникъ въ руки общую чашу, преподаетъ имъ трижды, первѣе мужу и потомъ женѣ“. Обыкновенно это дѣлается такимъ образомъ, что въ каждый изъ трехъ разъ общая чаша подается сперва мужу, а потомъ женѣ. Никакихъ словъ для произнеенія при этомъ въ Требникѣ не указано.

Изъ сколькихъ мѣсяцевъ долженъ состоять сельско-хозяйственный годъ полей озимыхъ, яровыхъ и луговъ?

Въ Калужской епархіи, по обнародованіи, въ 1873 году, Высочайше утвержденныхъ Правилъ о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ духовенства, въ силу § 21 ихъ, состоялось тогда же опредѣленіе епархіального начальства, напечатанное въ № 22 мѣстныхъ епарх. вѣдомостей за тотъ же годъ, что сельско-хозяйственный годъ всѣхъ *трехъ* полей состоитъ изъ *двѣнадцати* мѣсяцевъ. Черезъ годъ по тому же вопросу состоялось *другое* опредѣленіе, напечатанное въ № 2-мъ епарх. вѣдомостей за 1875 годъ, по которому сельско-хозяйственный годъ только озимаго поля состоитъ изъ *двѣнадцати* мѣсяцевъ, ярового же—изъ *трехъ съ половиною* (съ 1 мая по 15-е августа), сѣнокоснаго—изъ *трехъ* мѣсяцевъ. Какое изъ двухъ указанныхъ опредѣленій согласнѣе съ Высочайше утвержденными правилами и потому вѣрнѣе?—Въ виду двухъ разнорѣчи-

выхъ опредѣленій консисторіи, при расчетѣ преемника съ предмѣстникомъ неизбежны споры, которые рѣшать, конечно, приходится консисторіи же—и каждый разъ не безъ обиды для той или другой стороны. Одни обосновываютъ и доказываютъ свои права, ссылаясь на *первое* опредѣленіе, какъ, по ихъ мнѣнію, ясно вытекающее изъ Правилъ и совершенно согласное съ ними; другіе же ссылаются на *второе* опредѣленіе, какъ отмѣняющее собою *первое*. По нашему понятію, *первое* опредѣленіе болѣе соответствуетъ Правиламъ, чѣмъ *второе*. До 1873 года между преемникомъ и предмѣстникомъ дѣлились *произведенія* земли, а не *стоимость* ея, что неизбежно порождало споры. Преемникъ не довѣрялъ показанію предмѣстника о количествѣ разсѣяннаго имъ зерна и полученнаго урожая, не довѣрялъ оцѣнкѣ труда для обработки земли и уборки хлѣба,—и епархіальному начальству не легко было разбираться въ этихъ спорахъ. Законъ 1873 г. измѣнилъ способъ расчета между преемникомъ и предмѣстникомъ, указавъ имъ дѣлить не произведенія земли, а ея стоимость. Есть въ запискѣ *пять* десятинъ, сдается десятица въ аренду, по мѣстнымъ условіямъ, по *десяти* рубл.,—50 руб. и дѣлятся между преемникомъ и предмѣстникомъ, по времени служенія каждаго въ сельско-хозяйственномъ году. Стоять луга 60 руб.,—они и дѣлятся по тому же расчету, при чемъ, по Правиламъ, озимымъ хлѣбомъ пользуется засѣявшій поле предмѣстникъ, вознаграждая преемника деньгами, яровымъ же и лугомъ пользуется преемникъ, вознаграждая деньгами предмѣстника. При такомъ ясномъ и опредѣленномъ указаніи спора между ними не должно быть, тѣмъ болѣе, что и самый составъ года всѣхъ *трехъ* полей ясно обозначенъ Правилами. Въ § 21 прямо сказано: „расчетъ между преемникомъ и предмѣстникомъ во всѣхъ выгодахъ отъ полевыхъ церковныхъ земель производится за *цѣлый сельско-хозяйственный годъ*; полагая *началомъ* такого года (но не состава) для разнаго рода земель, т. е. озимыхъ, яровыхъ и сѣнокосныхъ, *окончаніе* уборки съ полей *озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и сѣна*“. Слѣдовательно, послѣ 31 іюля, конечнаго дня уборки луговъ, съ 1 августа начинается

новый сѣнокосный годъ, состоящій изъ двѣнадцати мѣсяцевъ. То же должно сказать и о яровомъ полѣ. Иначе и быть не можетъ. Луговая земля, какъ и яровое поле, даютъ выгоды хозяину не въ три только и не на три мѣсяца, а во весь годъ и на весь годъ. И въ сентябрѣ и въ октябрѣ можно снять *отаву*, отдать луга *подъ нагулъ* скота, который пасется на яровомъ полѣ и весною, и лѣтомъ, и до глубокой осени; зимою на лугахъ можно рыть камень, песокъ; вотъ почему сѣнокосный годъ и названъ не просто *луговымъ*, а *сельско-хозяйственнымъ*. Указаніе въ томъ же § на то, что епархіальное начальство имѣетъ опредѣлить по своей епархіи начало сельско-хозяйственного года, относится опять *не къ составу* года, а къ его началу, такъ какъ не во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи одновременно начинается произрастаніе травъ и подъемъ земли подъ посѣвъ. Когда въ мѣстностяхъ сѣверныхъ земля бываетъ покрыта сплошною массою снѣга, въ южныхъ уже начинается произрастаніе травъ и посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ; когда на сѣверѣ только еще начинаютъ подымать землю подъ яровой посѣвъ, на югѣ яровыя уже колосятся; поэтому, и начало сельско-хозяйственного года не могло быть обозначено Правилами опредѣленно для всѣхъ мѣстностей, и опредѣлить таковое предоставлено епархіальнымъ начальствамъ *по мѣстнымъ условіямъ*, но на изложенномъ въ § 21 основаніи,—полагая началомъ года *окончаніе уборки* съ полей хлѣба и съ луговъ сѣна.

Зант. свящ. П. Малининъ.

Пьянство, какъ народное зло.

Есть мнѣніе, что умѣренное употребленіе вина полезно. Докторъ Крецмеръ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Еже-мѣсячныхъ Сочиненій“ сообщаетъ новѣйшія данныя науки по этому важному вопросу. Тщательныя изслѣдованія профессоръ Ноордена и Кассовица окончательно установили, что

алкоголь ядъ — и только ядъ. Прежде думали, что спиртъ хотя и ядъ, однако въ то же время питательное вещество. Это оказалось грубымъ заблужденіемъ. Спиртъ—не болѣе, какъ ядъ. Какъ всѣ остальные яды, онъ въ большихъ дозахъ дѣйствуетъ смертельно, въ меньшихъ же — сообразно степени отравленія — раздражаетъ ткани. Доктора Трибули и Матъе въ послѣднемъ спеціальному сочиненіи по этому вопросу признаютъ спиртъ во всѣхъ случаяхъ ядомъ, не имѣющимъ никакихъ укрѣпляющихъ, питательныхъ и вообще полезныхъ свойствъ. Спиртъ увеличиваетъ жиръ въ крови, разлагаетъ красныя кровяныя тѣльца и образуетъ кровяные отбросы, ядовитое дѣйствіе которыхъ производитъ хмель. У пьяницъ повреждено все: желудокъ, печень, почки, сердце, — самые важные и самые тонкіе органы изнурены этой отравой. Уже $\frac{1}{4}$ чарки спирта заставляеть сердце работать какъ бы лишній часъ въ сутки, $\frac{1}{2}$ чарки заставляеть его работать какъ бы четыре лишнихъ часа. Этотъ бичъ сердца служитъ частою причиною его гипертрофіи и ожирѣнія. Еще пагубнѣе вліяніе спирта на нервы. Проф. Крепелинъ, д-ра Ашаффенбергъ и Смитъ дѣлали опыты надъ людьми, занимающимися умственной работой. Уже отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ чарки спирта (бутылка мольвейпа, $2\frac{1}{2}$ бутылки пива) тотчасъ понижаютъ умственныя способности. Чтеніе вслухъ, умственный счетъ, влучиваніе наизусть, рѣшеніе задачъ—все это сразу дѣлалось труднымъ. Какъ настоящее орудіе діавола, спиртъ тѣмъ опасенъ, что онъ обманываетъ сознаніе. Пьянѣющему человѣку кажется, что онъ дѣлается свѣжѣе, что усталость исчезаетъ, что силы растутъ,—между тѣмъ какъ въ дѣйствительности все идетъ наоборотъ, силы падаютъ до окончательнаго одурѣнія. Трудно представить себѣ, — говорить въ журналѣ „Дѣятель“ авторъ статьи: „Пьянство, какъ народное зло“, которую мы приводимъ здѣсь въ извлеченіи,—до какой степени дорого въ данномъ случаѣ обходится и фізіологическая иллюзія.

Не только въ личной судьбѣ множества милліоновъ людей, но и въ ихъ потомствѣ спиртъ вліяеть опустошительно.

Половина всѣхъ идіотовъ, глухонѣмыхъ, падучныхъ и т. п. происходитъ отъ пьяницъ. Одно увеличеніе арміи этихъ калѣкъ могло бы показать трезвой части общества, что долше ждать нельзя, что нужны какія-нибудь рѣшительныя мѣры. Кромѣ алкоголиковъ, медленно погибающихъ, за ними тянется потомство, состоящее изъ идіотовъ, эпилептиковъ, психопатовъ, самоубійць и еще обшириѣе и неопредѣленнѣе потомство людей какъ будто совсѣмъ здоровыхъ, но съ пониженною жизнеспособностью. Припомните, — говоритъ далѣе авторъ, — геіоевъ Тургенева и Чехова, нашихъ русскихъ рефлексиковъ, гамлетиковъ, нытиковъ, слабняковъ. Критики тридцать лѣтъ подъ рядъ все разгадываютъ эти родныя типы, а въ сущности это вовсе не типы, а клинически-вѣрно срисованные люди алкогольнаго вырожденія. Всѣ эти бездѣятельные, угнетенные, хилые, вздорные герои — потомки армейскихъ капитановъ, подъячихъ, „кутейниковъ“, мѣщанъ, потомки поколѣній, сильно пившихъ. Говорю это безъ тѣни осужденія или злорадства. Отъ сниртной отравы погибають не только пьяницы. Сколько талантливыхъ трезвыхъ людей хирѣеть, Богъ вѣсть отъ какой причины, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, точно на нихъ лежитъ какое-то тайное проклятіе!.. Кромѣ всѣхъ другихъ невзгодъ, нашимъ народомъ ставится ежегодно восемьдесятъ милліоновъ ведеръ водки. Ихъ нужно вышить, эти 80 милліоновъ!..

Если, дѣйствительно, алкоголь ядъ — и только ядъ, во всѣхъ дозахъ вредный; если, дѣйствительно, онъ вноситъ тяжкія разстройства и въ тѣло и въ душу людей; если онъ ведетъ къ вырожденію и помѣшательству; если онъ понижаетъ хотя бы только на сорокъ процентовъ работоспособность націи: то это — врагъ опаснѣе всѣхъ иноплеменниковъ, взятыхъ вмѣстѣ (Гоб. еп. вѣд., 1903 г., № 13).

О погребеніи раскольниковъ и уклонившихся въ расколъ.

Опредѣленіемъ Костромскаго епархіальнаго начальства отъ 9--23 іюня 1903 г. за № 2759 постановлено:

Объявить духовенству Костромской епархіи, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: 1) что какъ раскольники *отъ рожденія*, такъ и уклонившіеся въ расколъ *послѣ* крещенія и брака въ Православной Церкви, затѣмъ въ продолженіе 10 лѣтъ и болѣе, *до самой смерти, не исполнявшіе* долга исповѣди и св. причастія въ Церкви Православной и *не обращавшіеся* къ церковному причту *ни за какими* требами, по смерти своей должны быть погребаемы *безъ участія* православныхъ священниковъ, и погребеніе ихъ должно быть передаваемо на обязанность полицейскихъ управленій; 2) относительно *мѣста погребенія* раскольниковъ дать знать, что, на основаніи 49 ст. т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступл. Свод. зак. изд. 1899 г., для погребенія умершихъ раскольниковъ должны быть отводимы особыя *мѣста при общихъ* кладбищахъ, и при погребеніи ихъ дозволяется: а) предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и б) твореніе молитвы, по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія (Костр. епарх. вѣд., 1903 г., № 16).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 25 ноября 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

УЧЕКОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ № 49.
рублей серебромъ.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, декабря 7-го.

Содержаніе: Живая и книжная проповѣдь сельскаго пастыря.—Православ-
ныя школы Востока.—Архипастырскія наставленія епархіальному
сѣзду духовенства (окончаніе).—Можетъ ли причтъ продать въ
свою пользу церковно-ручный лѣсъ?—Отъ Редакціи.

Живая и книжная проповѣдь сельскаго пастыря

Въ современной духовной періодической литературѣ весьма живо обсуждался—и нынѣ обсуждается—чрезвычайно важный для пастыря церкви вопросъ о проповѣди. Мы желали бы, съ одной стороны, подѣлиться съ читателями журнала результатами этого обсужденія, а съ другой стороны, высказать нѣсколько и своихъ посильныхъ соображеній по тому же вопросу, основанныхъ на собственномъ опытѣ и личныхъ наблюденіяхъ надъ другими.

Несомнѣнно одно, въ чемъ совершенно согласны между собою всѣ, говорившіе и полемизировавшіе между собою по вопросу о проповѣди, — именно то, что *церковная проповѣдь въ настоящее время должна быть возможно болѣе усилена.*

При настоящихъ условіяхъ жизни нашего общества, нашей паствы, — какъ городской, такъ и сельской, — проповѣдь должна быть не только обязательнымъ долгомъ каждаго пастыря Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательною привадежностью каждаго общественнаго богослуженія. Пастырь Церкви долженъ теперь проповѣдывать всегда, на каждомъ богослуженіи, къ которому собирается болѣе или менѣе достаточное количество молящихся, не только во время литургіи, а также и во время утрени, вечерни, молебна, погребенія и т. п. Именно въ настоящее время, говорятъ, каждый пастырь долженъ живо помнить слова св. ап. Павла, обращенныя имъ къ ученику своему Тимохею: *„проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщывай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ. Ибо будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстимъ бы слуху; и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ. Но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняя служеніе твое“* (2 Тим. IV, 2—5).

Нельзя не согласиться съ такимъ выводомъ, къ которому пришли единогласно всѣ, принимавшіе и принимающіе живое участіе въ обсужденіи проповѣдническаго вопроса. Дѣйствительно, въ наше время проповѣдь должна быть обязательно безусловно для всякаго пастыря Церкви не по одному только сознанію имъ своего пастырскаго долга, не по одному только тому, что проповѣдывать его обязываютъ извѣстныя всякому пастырю каноническія правила. Нѣтъ, — *теперь отъ пастыря Церкви желаютъ, ищутъ и требуютъ проповѣднаго слова и сама паства.*

Среди русскаго народа въ настоящее время замѣчается особенное пробужденіе любознательности. Нашъ русскій народъ, даже простой народъ, былъ всегда любознателенъ. Но теперь онъ сталъ особенно интересоваться всѣмъ. Мало того, что теперь нашъ народъ желаетъ знать все, касающееся вѣры, нравственной жизни и всего вообще окружающаго его міра;

онъ желаетъ также знать и то, почему что-либо происходит такъ, а не иначе, почему онъ долженъ дѣлать такъ именно, а не иначе, даже почему онъ долженъ вѣровать такъ, а не иначе. Теперь нашъ простой народъ не только любитъ читать Слово Божіе, Евангеліе, что онъ и всегда любилъ дѣлать, но онъ желаетъ послушать и разъясненіе евангельскаго ученія Сына Божія. Народъ нашъ всегда съ уваженіемъ и любовію относился къ своимъ духовнымъ пастырямъ: каждое слово пастыря принималось имъ съ безусловнымъ довѣріемъ, всякое наставленіе, „запрещеніе“, „обличеніе“ пастыря имѣло для народа безусловный авторитетъ. Но теперь всякій вообще авторитетъ въ глазахъ народа, даже простого, не имѣетъ уже того безусловнаго значенія, какое онъ имѣлъ прежде. Теперь народъ нашъ желаетъ, чтобы пастырь Церкви не только научилъ его, какъ онъ долженъ дѣлать и поступать въ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснилъ, почему именно такъ, а не иначе онъ долженъ дѣлать и поступать.

Вотъ почему современная паства, даже самымъ лучшимъ образомъ настроенная въ отношеніи къ вѣрѣ и Церкви, вполне преданная пастырю, сама требуетъ и ищетъ у пастыря слова назиданія, вразумленія, разъясненія и утѣшенія. Пастыри Церкви должны бытъ возможно болѣе внимательными къ подобнымъ запросамъ времени, къ настроенію своей паствы. Они должны всегда помнить, что народъ нашъ теперь особенно пробудился отъ своего многовѣковаго умственнаго сна и ищетъ, усиленно ищетъ выхода на правильный путь. Наше время во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ шестидесятые годы минувшаго столѣтія, время особеннаго умственнаго народнаго пробужденія, бывшаго результатомъ освободительныхъ реформъ императора Александра II, съ тѣмъ только различіемъ, что съ того времени недаромъ, разумѣется, прошли для нашего народа и для его умственнаго развитія 40 лѣтъ.

Это одна только сторона дѣла. Но есть еще и другая, болѣе важная, болѣе серьезная, требующая еще большаго вниманія со стороны пастыря, еще большаго напряженія его

учительской, въ частности—проповѣднической дѣятельности. Именно въ наши дни наступило для русскаго народа „время“, когда многіе „здраваго ученія не принимаютъ, но по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ учителей, которые льстили бы слуху“ (2 Тим. IV, 3). Сколько теперь у нашего народа учителей! Кто только теперь не желалъ бы, не стремился бы учить нашъ народъ! И сколько, поэтому, теперь всякихъ „ученій“ обращается и усиленно распространяется среди нашего народа!

Такимъ образомъ, современное религіозно-правственное, умственное и соціально-бытовое состояніе нашего народа—съ положительной и отрицательной стороны—обязываетъ нашего настыря—между прочимъ, и сельскаго—постоянно и всегда „проповѣдывать слово, во время и не во-время“. Проповѣдническое молчаніе настыря въ настоящее время является просто преступнымъ. Минувшимъ лѣтомъ намъ приходилось не одинъ разъ въ воскресные и праздничные дни присутствовать при богослуженіи въ одной сельской церкви. Проповѣдь здѣсь *совершенно* отсутствовала, за однимъ только на протяженіи всего лѣтняго времени (около 3 мѣсяцевъ) исключеніемъ, о чемъ будетъ замѣчено ниже. Намъ казалось, что народъ выходилъ изъ храма всегда не вполне удовлетвореннымъ. Чувствовалось, что богослуженіе какъ будто не полно, какъ будто чего-то въ немъ недоставало. „Какъ можно молчать, не проповѣдывать въ наше время?“—этотъ вопросъ всегда являлся въ нашемъ умѣ, когда мы, по окончаніи богослуженія, выходили изъ церкви. Читается, напр., Евангеліе на литургіи объ исцѣленіи Спасителемъ Гадаринскаго бѣсноватаго. Какъ не сказать настырю Церкви въ этотъ день хотя нѣсколькихъ словъ, допустимъ, на тему о томъ, что Богъ—милосердъ; что Онъ безконечно любитъ человѣка, ради спасенія котораго послалъ на землю Своего Единороднаго Сына; что, слѣдовательно, если и бывають съ нами какія-либо несчастія, напр., болѣзни, пожаръ, градобитіе и т. п., то Богъ посылаетъ ихъ намъ или въ наказаніе за наши грѣхи, или же для на-

шего вразумленія, или же для испытанія нашей вѣры и надежды на Бога; что всѣ такія несчастія, или лишенія, недостатки, напр., бѣдность и т. п., мы должны переносить терпѣливо, принимать ихъ, какъ крестъ, возлагаемый на насъ Самимъ милосерднымъ и всеблагимъ Богомъ, а не роптать на Бога, не завидовать другимъ, не желать себѣ чужого богатства и т. д. Народъ нашъ простой терпитъ много недостатковъ и нужды во всемъ; поэтому, выслушать отъ своего пастыря слово утѣшенія ему будетъ очень пріятно и полезно. Или по поводу просьбы гадаринскихъ жителей о томъ, чтобы Спаситель оставилъ ихъ страну, какъ не сказать хотя нѣсколько самыхъ простыхъ словъ о томъ, что и мы часто удаляемъ отъ себя Спасителя своими грѣхами, своимъ пристрастіемъ ко всему земному, матеріальному, тлѣнному; изъ за этой привязанности мы часто забываемъ Бога, враждуемъ между собою, обманываемъ другъ друга, бываемъ недовольны своимъ положеніемъ и т. д. и т. д. И въ недѣлю шестую читается умилительный рассказъ объ исцѣленіи Спасителемъ расслабленнаго жилами. По поводу этого евангельскаго разсказа, кромѣ вышеупомянутой темы о терпѣливомъ перенесеніи страданій, пастырь Церкви могъ бы побесѣдовать съ своими прихожанами, въ виду усиливающейся въ нашихъ селахъ распущенности молодежи, которая предается разврату, пьянству и т. п. порокамъ, о грѣхѣ, какъ главной причинѣ нашихъ болѣзней, о необходимости съ молодыхъ лѣтъ беречь свою душу и тѣло отъ грѣховной заразы. Въ недѣлю седьмую читается евангеліе объ исцѣленіи Спасителемъ двухъ слѣпцовъ:—какой прекрасный поводъ поговорить о духовной слѣпотѣ, происходящей отъ нашей неграмотности, о необходимости ученія для дѣтей—и притомъ ученія подъ покровомъ Церкви, о церковно-приходской школѣ, ея значеніи и пользѣ для народа и т. д. и т. д.!

Однимъ словомъ, каждое евангельское чтеніе воскреснаго и праздничнаго дня даетъ цѣлый рядъ самыхъ естественныхъ, какъ бы невольно напрашивающихся темъ для бесѣды па-

стыря съ своими прихожанами. Не говоримъ уже о томъ, какой богатый, естественный, простой и весьма поучительный матеріалъ для проповѣди сельскаго пастыря заключается въ событіяхъ праздниковъ или въ житіяхъ святыхъ угодниковъ.. Да, необходимо согласиться съ тѣмъ, что молчаніе пастыря, непроповѣданіе его въ наши дни есть просто преступленіе.

Но какова должна быть проповѣдь пастыря, въ частности, по способу ея произношенія?—Должно замѣтить, что въ живомъ, доселѣ неумолкнувшемъ обсужденіи нашею періодическою печатью вопроса о проповѣди и необходимости ея усиленія въ наше время, этотъ послѣдній вопросъ—о способѣ произношенія проповѣди занималъ и занимаетъ самое важное мѣсто.

Одни говорили за необходимость и превосходство живой, или устно-произносимой проповѣди. Раздавались голоса, хотя и очень слабые, въ пользу и мертвой, т. е. по книгѣ или тетради произносимой проповѣди.

На первый взглядъ можетъ показаться даже страннымъ вопросъ: что собственно можно сказать противъ живой, устной проповѣди? Превосходство ея предъ мертвой проповѣдью, повидимому, очевидно и несомнѣнно. Живая проповѣдь съ бѣльшимъ интересомъ выслушивается, сильнѣе дѣйствуетъ на слушателей, болѣе понятна для нихъ, такъ какъ излагается обыкновенно простою разговорною рѣчью. Проповѣдь же, читаемая по книгѣ или тетради, отличается какъ разъ противоположными качествами. Живо помнится намъ рассказъ одного лица, касающійся вышеупомянутаго нами сельскаго храма, гдѣ всегда почти отсутствуетъ церковная проповѣдь. Наступилъ рѣдкій и незабвенный день великаго торжества Русской Церкви и всего русскаго православнаго народа,—день прославленія новоявленнаго угодника Божія, молитвенника за русскій народъ, пресподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца. Не только образованные, но даже и самые простые прихожане того храма съ нетерпѣніемъ, съ великою жаждою ожидали отъ пастыря какого-либо слова въ честь и славу

великаго чудотворца и праведника. Пастырь, дѣйствительно, отверзъ свои уста,—но только затѣмъ, чтобы по печатному листку прочитать житіе преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, и притомъ прочитать такъ невнятно и такъ быстро, точно выученный урокъ, что рѣшительно ни одного слова нельзя было разобрать.—Вотъ вамъ дѣйствіе и плоды мертвой проповѣди!

Итакъ, съ теоретической стороны, по нашему мнѣнію, нельзя ничего сказать противъ живой, устной проповѣди. Но могутъ указать практическія причины невозможности этого способа произношенія проповѣди. Могутъ сказать, какъ и дѣйствительно говорили и говорятъ, что нѣкоторые пастыри въ самомъ дѣлѣ не могутъ устно произносить проповѣдей—Это возраженіе намъ кажется равносильнымъ тому, какъ если бы кто-либо сталъ доказывать, что пастыри Церкви не могутъ говорить безъ книги. Въ самомъ дѣлѣ, можно говорить не о неспособности, не о невозможности, но о неумѣньѣ произносить устно церковныя проповѣди. Но всякому умѣнью должно учиться. Должны учиться умѣнью произносить устно, живую рѣчью свои проповѣди и наши пастыри Церкви.

Въ пользу того, что пастыри Русской Церкви могутъ произносить свои проповѣди живою, устною рѣчью, говорить и слѣдующій реальный примѣръ. Въ нашихъ русскихъ католическихъ костелахъ и протестантскихъ кирхахъ ксендзы и пасторы говорятъ свои проповѣди всегда устно, живую рѣчью. За границею не только въ католическихъ костелахъ и протестантскихъ кирхахъ, но даже и въ русскихъ униатскихъ храмахъ (въ Галиціи) можно слышать только живую, устную проповѣдь.—Но что вы—скажутъ—указываете намъ на католическихъ ксендзовъ, или протестантскихъ пастырей, или на униатскихъ священниковъ? Они намъ—не урокъ.—Но въ такомъ случаѣ обратимся на православный греческій Востокъ, гдѣ въ храмахъ также раздается всегда и вездѣ только живое, устное проповѣдническое слово.

Слѣдовательно, если въ другихъ странахъ возможно всегда и всѣмъ проповѣдникамъ говорить проповѣдь живою, устною рѣчью, то возможно достигнуть этого и у насъ. Способность импровизировать, дѣйствительно, не можетъ быть удѣломъ всякаго пастыря. Но произносить устно хорошо обдуманную и даже приготовленную проповѣдь можетъ, по нашему убѣжденію, всякій пастырь. Разумѣется, что это можетъ ему не сразу даваться. Но онъ долженъ напередъ запастись терпѣніемъ и энергіей, при помощи которыхъ онъ можетъ преодолѣть всѣ затрудненія. Пусть каждый пастырь дастъ себѣ слово съ первыхъ дней своего священства произносить устно всѣ проповѣди. На первыхъ порахъ могутъ быть неудачи—и иногда даже горькія. Да не смущается пастырь этими неудачами, вспомнивъ, что ихъ не избѣжалъ, по собственному его признанію, даже такой замѣчательный импровизаторъ, какъ покойный Харьковскій архіепископъ Амвросій. На первыхъ порахъ придется даже хорошо заучивать свои проповѣди, отъ чего онѣ, разумѣется, много будутъ терять. Но послѣ нѣсколькихъ опытовъ, которые дадутъ пастырю способность и умѣнье самообладанія на церковной каедрѣ, во время произношенія проповѣди, это заучиваніе окажется само собою ненужнымъ и совершенно излишнимъ. Останется тогда необходимость тщательнаго приготовленія проповѣди, которая должна быть произнесена устно. Для этого полезно за нѣсколько дней или же, въ крайнемъ случаѣ, въ вечеръ подъ день произнесенія проповѣди прочитать и вдуматься въ рядовое евангельское и апостольское чтеніе и выбрать себѣ опредѣленную тему для проповѣди. Должно замѣтить, что въ нашей гомилетической литературѣ существуетъ достаточно пособій для того, чтобы тщательно проанализировать содержаніе рядовыхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній и выбрать тему для проповѣди. Для примѣра можно указать на „Собеслѣдовательное Богословіе“ протоіерея Толмачева. Выбравъ опредѣленную тему, необходимо хорошенько обдумать ее и составить на нее проповѣдь или просто въ умѣ, или даже на

первыхъ порахъ записать ее или вполнѣ, или же въ видѣ конспекта.

Пособій для приготовленія проповѣди у насъ теперь имѣется достаточно. Вѣроятно, у каждаго пастыря найдутся сочиненія и изданія извѣстнаго протоіерея Дьяченка.

Могутъ сказать: „да, вѣдь, при такомъ способѣ приготовленія проповѣди, эта послѣдняя будетъ все-таки мертвою, книжною—только не по способу произношенія, а по содержанию своему, по тѣмъ мыслямъ, какія будутъ развиваться въ проповѣди! „Совершенно согласны съ этимъ. Но дѣло въ томъ, что рекомендуемый нами способъ приготовленія проповѣди необходимъ только для начинающаго проповѣдника, обучающагося именно умѣнію произносить свою проповѣдь устно живою рѣчью. Для опытнаго же, умѣлаго проповѣдника открыто обширнѣйшее поле и для выбора самыхъ живыхъ темъ, и для самаго приготовленія проповѣдей въ видѣ святоотеческой литературы, наблюденій надъ жизнью современнаго общества и вообще пастырской практики.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. По нашему мнѣнію, всѣ катихизическія поученія, въ которыхъ излагается церковное ученіе о вѣрѣ, и въ которыхъ каждое слово должно быть обдуманно и точно выражено, должны быть произносимы только или по книгѣ, или же по тетради.

Свящ. *Θ. Титовъ.*

Православныя школы Востока.

Образовательныя средства православнаго Востока, естественно, представляютъ для насъ немаловажный и самый живой интересъ. Интересъ этотъ тѣмъ болѣе возрастаетъ, когда свѣдѣнія по данному вопросу происходятъ изъ устъ компетентнаго и авторитетнаго источника, притомъ—на основаніи непосредственнаго знакомства съ предметомъ. Такія именно

драгоценныя свѣдѣнія о православныхъ школахъ Востока имѣются въ недавно вышедшей книгѣ: „Въ странѣ священныхъ воспоминаній“, представляющей описаніе путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 г. преосвященнымъ Арсеніемъ, ректоромъ Московской духовной академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ. Эта единственная по своему составу академическая группа паломниковъ посѣтила, между прочимъ, и находившіяся по пути ея слѣдованія православныя школы и ознакомилась съ ихъ прошлымъ и современнымъ состояніемъ; результаты этого знакомства и изложены въ выше упомянутой книгѣ, изданной подъ редакціей руководителя паломнической поѣздки преосвящ. Арсенія, еписк. Волоколамскаго.

Высшимъ богословскимъ училищемъ Греческой Церкви является Халкинская школа. Основанная въ 1844 г. вселенскимъ патріархомъ Германомъ, она въ теченіе свыше полу-вѣковаго своего существованія пережила много тяжелыхъ испытаний. Уже въ 1850 году, вслѣдствіе затруднительнаго положенія своего и придирокъ турецкаго правительства, она не сдѣлала выпуска своихъ питомцевъ. Не было также выпусковъ въ 1865 и 1870 г. г., вслѣдствіе возникшихъ въ школѣ беспорядковъ. Не было выпуска и въ 1883 году, по распоряженію Константинопольскаго Синода, такъ какъ въ этомъ году была измѣнена программа школы, и курсъ былъ назначенъ восьмилѣтній; но въ 1885 году оставленъ прежній семилѣтній курсъ. Въ 1894 году Халкинская школа была разрушена землетрясеніемъ, вслѣдствіе чего въ 1895 году въ школѣ совсѣмъ не было занятій, которыя открылись только въ 1896 году, когда для школы было построено новое зданіе Павломъ Стефановикомъ, при содѣйствіи и русскаго Синода, пожертвовавшаго на это 3,000 рублей. Отъ основанія своего до настоящаго времени она сдѣлала почти 50 выпусковъ своихъ питомцевъ, въ количествѣ около 400, которые съ честію подвизались и подвизаются на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія православнаго греческаго Вос-

тока, а главнымъ образомъ—въ санѣ іерарховъ греческой Церкви. Въ этой школѣ, между прочимъ, обучались: нынѣшній вселенскій патріархъ Константинъ V Валиадисъ, бывшіе Константинопольскіе патріархи: Неофитъ Икосифинисіотисъ, Анѳимъ Цацосъ и Іоакимъ Коккодисъ. Кромѣ того, большая часть митрополичьихъ кафедръ во всѣхъ патріархатахъ заняты въ настоящее время бывшими питомцами Халкинскаго училища. Патріархъ Анѳимъ VII, при освященіи въ 1896 г. новаго зданія для школы, построеннаго Стефановикомъ, въ рѣчи своей, между прочимъ, назвалъ Халкинское училище „живоноснымъ источникомъ, изъ котораго обильно текли на весь православный народъ струи ученія божественной и безупречной нашей вѣры, и изъ котораго такая достойная соревнованія вереница левитовъ шла и въ свою очередь поила жаждущихъ божественными ученіями священнаго благоговѣствованія“.

Съ минувшаго года Халкинская школа нѣсколько преобразована; она получила новую программу, по которой преимущественное значеніе въ дѣлѣ преподаванія отдано наукамъ богословскимъ. Къ бывшимъ прежде семи классамъ по новой программѣ прибавленъ восьмой, спеціально-богословскій. Внутренняя жизнь школы устроена на началахъ религіозности и развитія въ ученикахъ церковности. Многіе изъ учениковъ состоятъ рясофорными монахами, а въ послѣднемъ классѣ всѣ воспитанники обязаны принимать монашество, въ противномъ случаѣ не получаютъ диплома объ окончаніи курса въ училищѣ, такъ какъ по уставу школы дипломы объ окончаніи курса выдаются лишь имѣющимъ священное или монашеское званіе, а остальные получаютъ тогда, когда примутъ то или иное посвященіе. Въ составѣ преподавателей имѣются лица свѣтскія и духовныя, при чемъ послѣдніе живутъ въ зданіи училища, а первыя, если желаютъ, поселяются на вольныхъ квартирахъ. Дисциплина въ школѣ очень строгая. Каждый день начинается утреною въ школьной церкви, на которой присутствуетъ самъ ректоръ и профессора школы; заканчива-

ется день—вечернею. За ворота школы воспитанникамъ выходить не позволяется, купаться разрѣшается только съ благословенія ректора и т. п. Зданіе школы двухъэтажное. Вездѣ чистота и опрятность, особенно на верхнемъ этажѣ. Здѣсь, кромѣ квартиры ректора, находится изящно отдѣланный актовый залъ, въ которомъ пріисходятъ годичныя испытанія въ присутствіи вселенскаго патріарха, членовъ Синода и многихъ почетныхъ лицъ. Тутъ же рядомъ—библіотека, снабженная достаточнымъ количествомъ книгъ. Есть и русскія книги и періодическія изданія, преимущественно духовныя, но не видно, чтобы онѣ были въ частомъ употребленіи. Особенно здѣсь богато рукописное собраніе, чѣмъ и славится библіотека. На верхнемъ же этажѣ, съ сѣверной стороны, находятся и квартиры нѣкоторыхъ преподавателей, а на южной сторонѣ—спальни старшихъ воспитанниковъ. Въ 1-мъ этажѣ на сѣверной сторонѣ—классы, а на южной—занятныя и спальни. Классы—просторныя, свѣтлыя, такъ же какъ и занятныя комнаты воспитанниковъ. Воспитанники одѣты въ подрясники и носятъ длинные волосы; по-русски изъ нихъ почти никто не говоритъ. Преподаваніе въ школѣ—урочное, и, судя по массѣ предметовъ, которые должны одолѣть воспитанники, имъ приходится работать немало. Учебниками и учебными пособіями служатъ большею частью рукописныя записки, а по нѣкоторымъ предметамъ—русскіе переводные учебники, напр., по догматическому богословію—учебникъ преосв. Макарія.

Другимъ разсадникомъ духовнаго образованія на Востокѣ является греческая духовная семинарія въ Іерусалимѣ, единственная во всей Палестинѣ. Будучи основана въ 1853 г. патріархомъ Кирилломъ Вторымъ, она то закрывалась, то открывалась, въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія Іерусалимской патріархіи, отъ имени которой матеріально-экономическимъ бытомъ школы завѣдуетъ скевофилаксъ Св. Гроба архим. Евѡимій. Ректоромъ школы съ 1900 г. состоитъ грекъ—іеродиаконъ Хрисостомъ Цопадопуло, окончившій курсъ въ Петербургской духовной академіи, попечителемъ же школы,

или почетнымъ сколархомъ—архієпископъ Іорданскій Епифаній. Въ 1899—1900 учебномъ году въ школѣ обучалось 58 воспитанниковъ. Окончило курсъ 11 человекъ (8 изъ нихъ въ санѣ діакона). Курсъ школы—7-ми-лѣтній. Программы предметовъ очень обширны и разнообразны. Задача школы, какъ видно, состоитъ въ томъ, чтобы готовить разносторонне образованныхъ кандидатовъ священства, почему, на ряду съ богословскими науками, очень много удѣляется мѣста и свѣтскимъ. Успѣху учебно-воспитательнаго дѣла школы много содѣйствуетъ новая программа преподаванія въ ней наукъ. Съ цѣлью расширенія умственнаго развитія учащихся, этою программой введено изученіе исторіи философіи и метафизики, а также ученикамъ даются письменныя работы философскаго характера, и при ихъ участіи устраиваются философскія бесѣды, по методѣ сократической. Выпускные, кромѣ того, представляютъ нѣчто въ родѣ кандидатскихъ работъ. Вотъ темы нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій, писанныхъ воспитанниками послѣдняго времени: „Ученіе христіанства о началѣ зла“, „О возможности и необходимости молитвы“, „Вѣчность мученій“, „Вопросъ о трехчастномъ составѣ іерархіи“, „Недѣйствительность Флорентійской уніи“, „Обличеніе ученія о главенствѣ папы“, „Ученіе о Божествѣ Іисуса Христа“, „Правильныя отношенія между Церковью и государствомъ“. Программы богословскихъ наукъ стоятъ на ряду съ программами по тѣмъ же предметамъ Халкинскаго богословскаго училища и богословскаго факультета университета въ Аѣнахъ. Преподавателями школы состоятъ по преимуществу воспитанники-греки, обучавшіеся въ русскихъ академіяхъ.

Воспитаніе въ семинаріи ведется въ духѣ православія и церковности. И необходимо сказать, что руководители семинаріи принимаютъ всѣ мѣры къ развитію этого духа среди питомцевъ ея. Въ вышеупомянутой книгѣ—„Въ странѣ священныхъ воспоминаній“—находимъ чрезвычайно интересный въ данномъ отношеніи рассказъ о посѣщеніи паломниками торжественнаго акта по случаю окупанія выпускныхъ экзамен-

новъ въ семинаріи. Преосвященный ректоръ Московской академіи епископъ Арсеній со своими спутниками получилъ приглашеніе на этотъ актъ отъ Іерусалимскаго патріарха. Актъ отпразднованъ былъ весьма торжественно. Въ день акта совершена была литургія самимъ патріархомъ при участіи многочисленнаго духовенства и восьми діаконовъ, питомцевъ школы. Затѣмъ начался актъ молебномъ, который отслуженъ былъ также патріархомъ. По прочтеніи секретаремъ отчета, почетный схолярхъ школы—архіепископъ Епифаній обратился къ окончившимъ воспитанникамъ съ привѣтною рѣчью. Затѣмъ началась раздача воспитанникамъ дипломовъ. Въ порядкѣ разряда, по вызову ректора, подходили они къ архіеп. Епифанію, который, вручая каждому дипломъ, произносилъ слѣдующее: „Богословская школа выдаетъ тебѣ чрезъ меня это свидѣтельство, какъ награду за твое трудолюбіе и доброе поведеніе во все время ученія; ты же постарайся показать себя достойнымъ служителемъ Церкви и вѣрно сохраняй то, что здѣсь воспринялъ и чему научился“. Каждый изъ воспитанниковъ, получая дипломъ, произносилъ слѣдующую присягу, подписывая ее потомъ на особомъ листѣ: „Такъ какъ священная для меня богословская школа удостоила меня избрать въ разрядъ дидаскаловъ православнаго христіанскаго богословія, то я, считая себя обязаннымъ блаженнѣйшему отцу Даміану и остальному почтенному Святогробскому братству, предъ тобою, честный отецъ, и предъ всѣми обучавшими меня преподавателями и предъ лицомъ Бога исповѣдую публично во всю жизнь хранить вѣру чистую и неповрежденную, какъ я получилъ и наученъ ей, и вѣрно служить Церкви, и мнѣ, во исполненіе этого обѣщанія, пусть будетъ въ жизни помощникомъ Богъ“. Чтеніе этой присяги производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, такъ какъ многіе изъ учениковъ читали ее сквозь душившія ихъ слезы, а нѣкоторые просто плакали навзрыдъ при мысли о важности обѣтовъ, даваемыхъ ими, отвѣтственности и трудности предстоящаго имъ служенія и при мысли о разлукѣ со школою. Получивъ

свидѣтельство, каждый лобызалъ десницу блаженнѣйшаго патріарха, почетнаго схоларха, всего честнаго собора и покровителя школы архим. Евѳимія. Послѣ выдачи свидѣтельствъ обратился къ окончившимъ курсъ съ рѣчью патріархъ Доміанъ, выразившій свою радость по поводу ихъ успѣха въ наукахъ и окончанія ими курса и преподавшій имъ рядъ отеческихъ наставленій. Послѣ него произнесъ длинную рѣчь ректоръ школы іеродіаконъ Хрисостомъ Понадопуло, говорившій о характерѣ и трудности служенія Сіонской Церкви со стороны новыхъ ея дѣятелей, питомцевъ Іерусалимской школы. Рѣчь эта, прекрасная по содержанію и произнесенная съ ораторскимъ искусствомъ, выслушана была всѣми съ большимъ интересомъ, а у многихъ учениковъ вызвала обильныя слезы. Въ заключеніе торжества одинъ изъ окончившихъ ученіе воспитанниковъ произнесъ сквозь слезы благодарственное слово патріарху и всему Святогробскому братству.

Какъ бы хорошо ни была поставлена учебно-воспитательная сторона въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Востока, все же очевидно, что, во-первыхъ, заведеній этихъ вообще мало, и, во-вторыхъ, существующія заведенія—средняго типа. Последнее обстоятельство особенно сильно даетъ себя чувствовать. Для православнаго Востока, гдѣ съ такимъ успѣхомъ дѣйствуютъ высокообразованные представители инославныхъ исповѣданій, учрежденіе высшаго духовно-учебнаго заведенія по типу нашихъ духовныхъ академій—дѣло настоятельной необходимости. Необходимость эта глубоко сознается православными Востока. Когда, послѣ акта въ Іерусалимской семинаріи, одинъ изъ паломниковъ—проф. академіи Н. Ѳ. Каптеревъ высказалъ пожеланіе, чтобы каждый изъ бывшихъ воспитанниковъ школы никогда не упустилъ изъ виду той мысли, что на немъ лежитъ нравственный долгъ всячески стараться объ устояствѣ высшей православной богословской школы—греческой духовной академіи, которая служила бы прочною опорой православія на Востокѣ, расадникомъ высшихъ богословскихъ знаній для всѣхъ его православныхъ народностей,—

то одинъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ школы сказалъ на это приблизительно слѣдующее: „вы, профессоръ, подслушали наши собственные мысли, выразили наши собственные горячія желанія, такъ какъ устройство высшей богословской греческой школы составляетъ нашу всегдашнюю завѣтную мечту, на осуществленіе которой мы готовы употребить всѣ свои силы и старанія; а потому, съ особенною сердечною благодарностію мы принимаемъ, профессоръ, вашъ прекрасный завѣтъ намъ“.

Слѣдуетъ надѣяться, что, несмотря на всѣ препятствія, когда-нибудь исполнится это завѣтное желаніе православныхъ людей Востока.

Бейрутское богословское училище является уже духовною школой низшаго типа. Основано оно въ 1883 г. митрополитомъ Бейрутскимъ Гавріиломъ на его собственные средства съ цѣлью приготовленія клириковъ для Антіохійской Церкви. Это дѣтище его всегда было предметомъ особой любви владыки, который подробно вникаетъ во всѣ нужды училища и непосредственно слѣдитъ за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла. Лучшихъ учениковъ онъ посылалъ въ Халкинское богословское училище или въ русскія учебныя заведенія. Многіе ученики его занимали и занимаютъ нынѣ высшія іерархическія должности въ Антіохійской патріархіи, каковы: блаженнѣйшій Мелетій, нынѣшній патріархъ Антіохійскій, Григорій, Триполійскій митрополитъ, извѣстный Герасимъ Яредъ, бывший Селевкійскій и др.

Кромѣ духовно-учебныхъ заведеній, паломнической группой, во главѣ съ преосвящ. Арсеніемъ, посѣщены были на Востокѣ и нѣкоторыя православныя общеобразовательныя школы. Содержащіяся въ описаніи паломническаго путешествія свѣдѣнія объ этихъ школахъ также весьма интересны.

Одна изъ такихъ школъ—Русская школа въ Константинополѣ—помѣщается при русскомъ госпиталѣ. Возникла она въ 1892 году по инициативѣ тогдашняго русскаго посла въ Кон-

стантинополѣ А. И. Нелидова на средства, собранныя путемъ добровольныхъ пожертвованій среди русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи. Въ первоначальной своей организаціи школа страдала нѣкоторыми недостатками, которыя преосвященный Арсеній такъ опредѣлилъ своимъ спутникамъ. Въ общемъ ходѣ преподаванія замѣтно отсутствіе единства, опредѣленной системы,—что, впрочемъ, объясняется неопредѣленностію типа этой школы. Такъ и не удалось выяснить, къ какому типу отнести эту школу—къ типу ли церковно-приходской, или городской, профессиональной. Курсъ школы 6-ти-лѣтній и по программѣ своеобразной; къ программѣ городскихъ начальныхъ училищъ (по положенію 31 мая 1872 г.: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, географія, исторія) присоединяются здѣсь: бухгалтерія, греческій и французскій языки. Съ внѣшней стороны школа обставлена, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, плохо. Она помѣщается въ небольшомъ и мало приспособленномъ для школы зданіи, учителя получаютъ небольшое вознагражденіе. Учениковъ въ школѣ около 100, по возрасту—отъ 7 до 15 лѣтъ, по національности—преимущественно греки, меньшинство—сербы, болгары, есть и русскихъ нѣсколько.

Конечно, и въ такомъ видѣ школа принесла свою долю пользы, и глубокой благодарности заслуживаютъ инициаторъ устройства школы А. И. Нелидовъ и первый устроитель ея В. М. Маниковъ. Тѣмъ не менѣе, настала необходимость въ болѣе цѣлесообразной постановкѣ ученія въ ней и присвоенія ей опредѣленнаго типа, въ связи съ улучшеніемъ внѣшней обстановки ея. На это и обратилъ свое просвѣщенное вниманіе нынѣшней посолъ И. А. Зиновьевъ, изыскавшій и необходимыя для этого средства. Благодаря ему, подъ помѣщеніе школы пріисканъ и приспособленъ трехэтажный каменный домъ вблизи главной и центральной Перской улицы. При домѣ имѣется садъ для дѣтскихъ игръ, а на случай непогоды въ саду же устроенъ крытый рекреационный

заль, соединенный съ садомъ крытымъ коридоромъ. Ежегодный бюджетъ школы увеличенъ до 8,000 р., вмѣсто прежнихъ 4,000 р. По программѣ школа будетъ имѣть типъ коммерческихъ училищъ съ изученіемъ языковъ: русскаго—главнаго языка, на которомъ будетъ вестись преподаваніе, греческаго, турецкаго и французскаго. Учительскій персоналъ увеличенъ новыми учителями съ высшимъ образованіемъ. Въ такомъ обновленномъ видѣ школа была открыта 1-го декабря 1901 года. Открытіе Русской школы въ Константинополѣ должно быть привѣтствуемо отъ всей души. „Современный Константинополь,—говорить по этому поводу одинъ изъ учителей школы о. С. Орловъ,—совсѣмъ не богатъ (православными) учебными учрежденіями. Лучшія школы въ Константинополѣ принадлежатъ иностранцамъ—американцамъ, нѣмцамъ, французамъ и—больше всего—монашескимъ католическимъ орденамъ. Иностранцы упрочиваютъ чрезъ нихъ свое господство на древнемъ Востокѣ, а католичество чрезъ свои школы ведетъ смѣлую и вѣрную пропаганду. Можно надѣяться, что благоустроенная Русская школа пріобрѣтетъ симпатію, по крайней мѣрѣ, православнаго греческаго населенія, страдающаго много отъ виѣшнихъ и внутреннихъ неудобствъ и непорядковъ жизни“ (Ц. Вѣд., 1900 г., № 51).

Школа Православнаго Палестинскаго Общества въ Бейрутѣ имѣетъ характеръ дѣтскаго сада, гдѣ дѣти съ самаго малаго возраста (чуть ли не съ трехъ лѣтъ) пріучаются къ новой обстановкѣ и ограждаются отъ опасности пошастъ въ школы инославныя. Помѣщеніе школы произвело на паломниковъ отрадное впечатлѣніе. Классы—довольно просторныя. Изъ отвѣтовъ на вопросы, какіе преосвященнымъ предлагались ученицамъ разныхъ классовъ и по разнымъ предметамъ, можно вывести заключеніе, что постановка ученія въ школѣ правильная, и дѣло ведется успѣшно. На пѣніе, какъ видно, въ школѣ обращается особенное вниманіе. Въ нѣкоторыхъ классахъ, по предложенію преосвященнаго, правильно сѣбли ученицы свѣжими, звонкими, нѣсколько рѣзкими голосами молитвы на

славянскомъ языкѣ, арабскія пѣсни и свой національный гимнъ, а въ заключеніе—русскій гимнъ.

Посѣщены были паломниками и православныя школы Назарета—учительскій назаретскій пансіонъ, школы для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ школѣ для мальчиковъ нѣсколько отдѣленій, сообразно возрасту и познаніямъ учащихся, и вездѣ, при взглядѣ на ихъ занятія, впечатлѣніе получалось благоприятное. Само училищное помѣщеніе вполне удобно—въ немъ много свѣта и воздуха. Результаты обученія въ женской школѣ не менѣе благоприятны. Различныя руководѣльныя работы—шитье, вязанія, вышиваніе—чередуются съ ученіемъ грамотѣ и, не обременяя умственныхъ и физическихъ силъ дѣтей, даютъ въ общемъ хорошіе результаты.

Скромны и даже скудны образовательныя средства православнаго Востока; но всѣ православныя школы здѣсь проникнуты живымъ духомъ религіозно-просвѣтительнаго сознанія,—а это является вѣрнымъ залогомъ ихъ дальнѣйшаго преуспѣянія.

А. Л.

¹⁾ См. № 48 с. г.

²⁾ Журналь „Вѣра и Разумъ“, № 15 за текущ. годъ.

Архипастырскія наставленія епархіальному съѣзду духовенства ¹⁾.

„Поведу теперь рѣчь,—сказалъ владыка,—о самомъ важномъ предметѣ нашей церковной жизни—о богослуженіи. Скажу прежде всего о благовѣстѣ. Разнообразіе во времени начала благовѣста и его окончанія доходитъ иногда прямо до безобразія. Я даже принужденъ былъ, какъ вамъ извѣстно, издать особое распоряженіе о времени начала благовѣста къ тому или иному богослуженію ²⁾. А то одни начинаютъ литургію въ 5 час. утра, другіе въ 6 час.; всенощную точно также одни начинаютъ въ 7 час. вечера, другіе въ 5 час.

¹⁾ См. № 48 с. г.

²⁾ Журналь „Вѣра и Разумъ“, № 15 за текущ. годъ.

Несвоевременно производятъ звонъ къ началу и другихъ службъ. Особенно противъ устава совершается благовѣсть во время великопостное. Чѣмъ же это разнообразіе оправдываютъ? Одинъ пастырь говоритъ мнѣ, что его прихожане привыкли, чтобы онъ служилъ, наприм., всенощную за полтора часа до захода солнца. Теперь спрашивается: когда же нужно служить всенощную, допустимъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ? Если солнце у насъ въ этомъ мѣсяцѣ заходитъ въ 4 часа, значить—ко всенощной нужно благовѣститъ въ два часа дня. Наоборотъ, лѣтомъ—въ восьмомъ часу. Совсѣмъ несообразно Другіе пастыри заявляли, что они вынуждены начинать литургію въ 5 час. утра, иначе прихожане не пойдутъ въ храмъ, такъ какъ въ 6 час. начинается уже базарь... Наконецъ, я знаю священниковъ, которые въ храмовые праздники идутъ послѣ утрени по приходу, и поэтому литургію начинаютъ поздно, чѣмъ слѣдуетъ.

Можно еще допустить хожденіе до обѣдни по домамъ духовенства, такъ какъ оно не займетъ особенно много времени, но хожденіе по приходу вообще до окончанія литургіи не должно быть допускаемо. Иначе прихожане, принявъ духовенство, начнутъ вкушать пищу и поздравлять другъ друга съ праздникомъ, не побывавъ еще за обѣдней. Да и пойдутъ ли тогда—это вопросъ... А съ другой стороны, хожденіе по приходу послѣ утрени можетъ вызвать у пастырей такія физическія явленія, которыя могутъ попрепятствовать приступить къ совершенію Божественной литургіи. Имѣйте въ виду и то, что чѣмъ же виноваты прихожане, которые желали бы побывать за ранней литургіей, если ихъ священникъ будетъ до 11 час. ходить по приходу? Пождутъ, пождутъ они у наперти, да и такъ пойдутъ по домамъ! Несвоевременное начало богослуженія скажется и смыслъ устава Православной Церкви. Въ Великую субботу, наприм., здѣсь въ епархіи утрени начинается въ 7 час. утра или же, когда великосубботняя утрени совершается съ вечера, накануне, то обѣдня въ Великую субботу начинается въ 8 или 9 час. утра. Находятся и

такіе пастыри, которые говорятъ: мы должны начинатьъ обѣдню поздно потому, что этого требуютъ наиболѣе почетные прихожане, особенно помѣщики. Но я, повторяю, совершенно иначе смотрю на дѣло. Соберутся прихожане въ 6 час. утра—самое время молитвы—и должны ждать, когда пріѣдутъ или придутъ помѣщики. Развѣ это допустимо?! Что касается, да-дѣе, продолжительности благовѣста, то тоже замѣчается несогласіе. Въ однихъ приходяхъ звонятъ тридцать минутъ, въ другихъ менѣе или болѣе.

Относительно облаченій долженъ сказать, что мнѣ не мало пришлось видѣть хорошихъ. Но ризницы здѣсь содержатся недостаточно тщательно. Обратите вниманіе и на это, оо. благочин., и старайтесь о поддержаніи порядка въ приходскихъ ризницахъ вашихъ благочиній и объ увеличеніи этихъ ризницъ. Затѣмъ, нужно наблюдать, чтобы было употребляемо облаченіе соотвѣтственно извѣстному празднику или какому-нибудь церковному событію. Въ Троицынъ день, напр., нужно употреблять зеленыя облаченія, въ Рождество и Крещенье—бѣлыя, во время св. Пасхи—красныя или бѣлыя. Что касается до Великаго поста, то можно употреблять черныя, хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ первую и послѣднюю недѣли служатъ въ черныхъ облаченіяхъ, а со второй и до седьмой недѣли служатъ въ темныхъ. При погребеніи можно употреблять и черныя и бѣлыя облаченія. Но нужно, оо. благочинные и оо. настоятели, строжайше слѣдить, чтобы священнослужители совершали службы по уставу, т. е., гдѣ положено, въ полномъ облаченіи. Мнѣ пришлось здѣсь самому видѣть, какъ нѣкоторые совершали проскомидію безъ фелони... Этого ни въ какомъ случаѣ допускать нельзя.

Обращаю ваше вниманіе также на кажденіе. Сколько я ни наблюдалъ за нашими оо. діаконами, почти всѣ они не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, кадить и не знаютъ порядка кажденія. Это непростительно! Вамъ извѣстно, что въ Типиконѣ есть даже особая глава (22), гдѣ указанъ порядокъ кажденія. Нужно непременно обращать вниманіе діаконовъ на эту

главу... А затѣмъ ихъ нужно *учить*, какъ держать кадило и производить кажденіе. „Возьми книжку подъ правую руку и кади такъ, чтобы книжка не вывалилась, и чтобы твой поклопъ совпадалъ со вторымъ размахомъ“,—такъ учили меня кадить; вотъ такъ и вы учите и заставляйте священниковъ пріучать своихъ діаконовъ къ кажденію. Положимъ, теперь на ставленниковъ обращено особое вниманіе, и стараются выучить ихъ кадить, какъ слѣдуетъ; а во время послѣдней ихъ службы здѣсь, каковую они должны непременно совершать въ крестовой церкви, я самъ смотрю, насколько умѣло они кадятъ и вообще служатъ; но вѣдь вы знаете, что срокъ пребыванія ставленниковъ у насъ короткій, и затѣмъ—въ одну службу не всегда можно разсмотрѣть ихъ умѣніе должнымъ образомъ.

О благословеніи и рукоцѣлованіи я уже говорилъ вамъ. Пастыри имѣютъ священное право преподавать единолично благословеніе и должны пользоваться этимъ правомъ. Конечно, они не могутъ заставить цѣловать ихъ руку, но преподавать благословеніе они обязаны. И если они видятъ протинутую руку какого-либо знакомаго православнаго человѣка, то обязаны, прежде пожатія руки, благословить этого человѣка. Но я увѣренъ—если пастырь пользуется уваженіемъ среди пасомыхъ, если онъ авторитетенъ, то всякій пасомый и благословеніе приметъ, и руку поцѣлуетъ. Діаконы же и псаломщики обязательно должны цѣловать руку настоятеля послѣ благословенія; этого требуетъ уже простое уваженіе къ священному сану. Преподавая благословеніе частное, іереи должны преподавать въ благопотребныхъ случаяхъ и общее благословеніе, напр., при возглашеніи словъ: „миръ-всѣмъ“ и др. Кстати, я замѣчалъ, что не всѣ іереи умѣютъ правильно воздѣвать руки: одни это дѣлаютъ ладонями отъ себя, другіе такъ, что получается прямой уголъ между рукой и бокомъ. Я совѣтовалъ бы дѣлать воздѣваніе рукъ ладонями внутрь.

О служеніи вообще—скажу, что оно должно совершаться какъ можно благоговѣйнѣе и внимательнѣе. Съ благоговѣ-

ніемъ долженъ священникъ вступить въ храмъ, не сіѣша облачиться, возгласы дѣлать внятно, слѣдить, чтобы величіе богослуженія ничѣмъ не было нарушено. Такія явленія, какъ чтеніе псаломщикомъ часовъ и одновременно съ этимъ носеніе просфоръ въ алтарь, разговоры, отнюдь не должны быть допускаемы. Имѣйте въ виду, что недостаточно внимательное отношеніе духовенства нашей епархіи къ совершенію святѣйшаго таинства евхаристіи было уже причиною нѣсколькихъ дѣлъ о *пролитіи св. Крови*... Внужайте непременно духовенству и за собой слѣдите, чтобы чтеніе было звучнымъ, несіѣшнымъ, внятнымъ. Не забывайте, что нашъ народъ хорошо понимаетъ, наприм., содержаніе Евангелія, и если вы будете читать его не благоговѣнно, слишкомъ посиѣшно, то онъ васъ невольно осудитъ. Всѣ богослуженія должны совершаться непременно по уставу. Вотъ я знаю, что нѣкоторые изъ священниковъ совершали крещеніе не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе. Какъ архипастырь, блюститель закона, я не могу одобрить этого обычая.

Я уже говорилъ вамъ, что видѣнные мною оо. діаконы не всегда соотвѣтствуютъ своему положенію по наружному виду и по умѣнію совершать богослуженія. Особенно это неуѣннѣ обнаруживается, когда они произносятъ ектеніи или читаютъ Евангеліе. Большинство изъ нихъ сидится говорить и пѣть не природнымъ голосомъ, а непременно басомъ. Странно, какъ они сами не могутъ понять, что ихъ голосовые потуги не только не могутъ придать богослуженію или пѣнію благолѣпія, но совершенно наоборотъ—только вредятъ послѣднему?! Затѣмъ, они забываютъ, что нельзя произносить слова ектеній въ то время, когда пѣвчіе поютъ „Господи, помилуй“ или „Подай, Господи“. При такихъ манерахъ произнесенія теряется вся выразительность ектеній, вся ихъ содержательность.

Церковное чтеніе также должно быть осмысленнымъ и выразительнымъ. Псаломщики большею частію читаютъ такъ, что можно слышать только окончанія словъ, и самовольно со-

кращають чтеніе псалмовъ и другихъ молитвословіи. Этого не должно быть.

Оносительно пѣнія не могу не сказать, что оно въ настоящее время отличается большой вычурностью. Наши регенты положительно мучаютъ пѣвчихъ, особенно малолѣтокъ, чтобы только разучить какой-нибудь концертъ, между тѣмъ старинныхъ русскихъ напѣвовъ сторонятся. Но я никакъ не могу рекомендовать этого вычурнаго пѣнія. Стройно исполненное, наше простое обиходное пѣніе гораздо трогательнѣе и несравненно лучше располагаетъ душу присутствующихъ въ храмѣ къ молитвѣ, болѣе умиляетъ ихъ, чѣмъ пѣніе партесное, съ несоотвѣтствующими характеру православнаго богослуженія молитвами. И нужно все мѣры принимать къ тому, чтобы развивалось у насъ пѣніе именно *обиходное*. Много значитъ: умѣть дать направленіе и характеръ пѣнію регентъ, или пѣтъ? Умѣлыми регентами нужно дорожить, неумѣлыхъ-же сдерживать и ставить имъ на видъ недостатки ихъ управленія. Нѣкоторые полагаютъ, что партесное пѣніе легче обиходнаго; но это совершенно неправильно. Простое, располагающее къ молитвѣ, питающее религіозное чувство обиходное пѣніе гораздо легче партеснаго, большею частію услаждающаго только слухъ разными *solo* и выкрикиваніями... Обращайте вниманіе и на то, чтобы пѣвчіе стояли въ церкви, какъ слѣдуетъ, т. е., не поворачиваясь спиною къ иконамъ, а въ крайнемъ случаѣ—хотя бокомъ. Многіе регенты имѣютъ плохую привычку размахивать руками на весь клиросъ и при задаваніи тона пускать громкія рулады на всю церковь. Эти провинціальныя привычки нужно искоренять... Теперь среди пѣвчихъ—даже и малолѣтнихъ—замѣчается, какъ вамъ известно, нерѣдко „погоня за рублемъ“. . . Что-же дѣлать?! Это духъ времени... Конечно, достойныхъ и малолѣтнихъ можно награждать, а тѣмъ болѣе взрослыхъ или такъ называемые „большіе голоса“. Но я увѣренъ, что при болѣшемъ развитіи религіознаго чувства и при заботахъ о введеніи общаго храмоваго пѣнія, этихъ наградныхъ рублей много не потре-

буется... Старайтесь о развитіи общаго церковнаго п'бнія. При современной прекрасной постановкѣ церковно-приходскихъ школъ, общаго п'бнія достигнуть не трудно, и можно быть увѣреннымъ, что сбудутся слова одного почившаго іерарха, что благодаря этимъ школамъ, „*всѣ запоютъ*“ во славу Божию...

Съ неменьшею заботливостію и вы и ввѣренное вамъ духовенство должны относиться и къ проповѣдыванію слова Божія. Церковная учительность вообще должна составлять одну изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ пастырскихъ обязанностей. Пастырь Церкви долженъ проповѣдывать слово Божіе и „*благовременнѣ и безвременнѣ*“ (2 Тим. 4, 3): и за богослуженіемъ, и при совершеніи требъ, и при всякомъ другомъ подходящемъ случаѣ. Къ этому должна побуждать его и простая любовь къ своему приходу. Гдѣ же ищущему спасенія и поучиться, какъ не у своего пастыря?! Вы должны удерживать пасомыхъ на стезяхъ православія, вразумлять заблуждающихся, раскрывать глубину православныхъ догматовъ и таинствъ, важность православныхъ обрядовъ,— должны усердно сѣять сѣмена христіанскаго благочестія... Теперь существуетъ множество хорошихъ печатныхъ проповѣдей и пособій къ проповѣдничеству, напр., прот. Г. Дьяченко. Можно прочитать, а затѣмъ рассказать слушателямъ на память. Нужно, братіе, стараться о развитіи именно *живой* проповѣди. Только такая проповѣдь жизненна, писанная же мертва. Не думайте, что трудно привыкнуть владѣть *живымъ* словомъ! При усердіи можно сдѣлать хорошіе успѣхи въ этомъ отношеніи и въ одинъ, два мѣсяца. Старайтесь главное, чтобы проповѣдь была сказана именно отъ души, съ подъемомъ религіознаго чувства. Простота, безыскусственность и искренность живой рѣчи всегда принесутъ желанный плодъ...

Едва ли нужно много говорить о томъ, что уставъ церковный долженъ соблюдаться. Особенно это должно сказать о монастыряхъ. Здѣсь церковная служба должна выполняться *непрерывно* во всемъ согласно съ уставомъ. Истовое богослу-

женіе, совершаемое во всемъ согласно составленному „святыми, богоносными и красодѣтельными“ нашими свв. отцами уставу, всегда привлекало и будетъ привлекать всѣхъ богомольцевъ. Слава о такихъ монастыряхъ всегда будетъ далеко разноситься по всей Россіи!.. Очень печально, поэтому, видѣть, что нѣкоторые монастыри позволяютъ себѣ уклоненія отъ устава свв. отецъ. Вы, оо. настоятели, строго слѣдите, чтобы уставъ исполнялся во ввѣренныхъ вамъ монастыряхъ во всей его неприкосновенности. Это вашъ непремѣнный долгъ. Не желательны отступленія отъ устава и въ приходскихъ церквахъ. Между тѣмъ, не рѣдко псаломщики осмѣливаются уклоняться отъ выполнения устава. А священники вѣремя не вразумляютъ подобнаго рода лицъ, не учатъ, — ихъ и получается служба, такъ сказать, скомканная. Но этого быть не должно! Если, по слабости человѣческой, пастырь и можетъ позволить при совершеніи богослуженій нѣкоторое сокращеніе устава, то псаломщики самовольно этого дѣлать никогда не должны. Но во дни, особенно дорогіе для православныхъ христіанъ по религіознымъ воспоминаніямъ, наприм., въ святую Четыредесятницу и дни Страстной седмицы, никакихъ уклоненій отъ устава не можетъ быть допускаемо. Вообще же, всѣ отступленія отъ устава, допускаемыя священниками, должны быть, ради однообразія, съ вашего вѣдома и согласія...

Скажу теперь нѣсколько словъ о требохъ и вознагражденіяхъ за нихъ. Вопросъ очень щекотливый, но обойти его не возможно. Довольно часто приходится слышать и даже получать бумаги о вымогательствѣ. Особенно много говорятъ о вымогательствѣ за такъ называемыя предбрачныя свидѣтельства. Нѣкоторые священники требуютъ за выдачу этихъ свидѣтельствъ отъ 5 рублей и болѣе. При этомъ они говорятъ, что „вѣдь эти давнія—единственный, можно сказать, доходъ у насъ“. Печальное явленіе! А подумали ли эти священники, что нѣкоторыя лица совершенно не въ состояніи заплатить, допустимъ, 10 или 15 р. за предбрачное свидѣтельство?! Я не говорю, что священники обязаны всѣхъ требы и выдачу

всѣхъ документовъ совершать совершенно безвозмездно. Конечно, всякій трудъ вознаграждается. Но, съ другой стороны, они не должны забывать, что даянія за исполненіе требъ и проч. должны быть именно *доброхотными*, а не принудительными... Съ великою скорбію скажу вамъ, что именно принудительная плата за совершеніе разныхъ требъ была одною изъ главныхъ причинъ появленія у насъ штунды...—Пастырь не желаетъ совершить какую-либо потребу за вознагражденіе доброхотное, пасомый покидаетъ его домъ, а разные *непризванные дѣлатели*, старающіеся во что бы то ни стало разрушать *единеніе вѣры и духа* (Ефос. 4, 3—5), только и ждутъ такого случая... Они начинаютъ издѣваться надъ священнослужителями, а затѣмъ надъ таинствами, православными обрядами, постами,—и въ результатѣ—отъ смертоноснаго дыханія подобнаго рода лжеучителей Церковь лишается одного изъ своихъ чадъ.

Между духовенствомъ и прихожанами вообще должны существовать самыя лучшія отношенія. А такія отношенія могутъ существовать только въ томъ случаѣ, если духовенство будетъ пользоваться авторитетомъ въ глазахъ пасомыхъ,—если будетъ стоять на высотѣ своего призванія. Пастырю нужно быть проникнутымъ апостольскою ревностію, быть чуткимъ въ угадываніи желаній народа, *знать своихъ* (Іоан. 10, 14) и умѣть повліять на нихъ и своею жизнію, и проповѣдью, и богослуженіемъ. Необходимо, чтобы и въ храмѣ, и въ домѣ его, и въ домахъ прихожанъ, когда приходится посѣщать—или по усердію къ благу паствы, или по долгу службы—пастырь являлъ живой образецъ добродѣтели. „Священническое житіе, состоящее въ добродѣтели,—говорится въ книгѣ „О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“¹⁾),—должно быть какъ бы другою рукою первой, т. е. ученію способствующею къ созиданію прихожанъ своихъ; чего для всѣхъ, о іерее, внимай себѣ и подвизайся имѣть хриstopодобное житіе, чтобы могли съ Павломъ говорить: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу*“. Только такой пастырь будетъ пользоваться авторитетомъ среди

¹⁾ § 48, по изд. 1861 г., стр. 71.

насомыхъ, и только тогда проповѣдь его будетъ имѣть усѣхъ. „Есть ли же,—говорится въ той же книгѣ „Одолжностяхъ пресвитеровъ“,—житіе твое Евангельской проповѣди не будетъ сообразно, то поученія твоя, хотя бы народу и полезныя были, по тебѣ въ тяжкое осужденіе имѣютъ быть“. Являясь общимъ для всѣхъ своихъ насомыхъ наставниковъ въ вѣрѣ и благочестіи, пастырѣ долженъ быть учителемъ не только на церковной кафедрѣ, но и виѣ церковныхъ службъ и храма. Предъ нимъ должны быть раскрыты сердца всѣхъ его насомыхъ, къ нему должны идти послѣдніе и съ своими горестями и радостями... Какъ духовникъ, онъ долженъ быть опытенъ въ жизни духовной и наблюдать, чтобы всѣ его прихожане ежегодно были у исповѣди; выяснять имъ, въ чемъ стоитъ истинное говѣніе и истинное покаянiе. Строго слѣдить, чтобы выполнялись вечернее правило для говѣющихъ и правило утромъ предъ причащеніемъ. При чемъ послѣднее должно прочитываться не въ концѣ обѣдни, а предъ литургіею: предъ часами или послѣ часовъ. Въ случаѣ какихъ-либо затрудненій при *разрѣшеніи* кающагося, обязанъ доносить своему архипастырю и просить у него разрѣшенія своего недоразумѣнія, не указывая, впрочемъ, самаго лица согрѣшившаго, и вообще дѣйствовать „со всякимъ смиренномудріемъ и тихостію“.

Правственной чистотой жизни и ревностной дѣятельностію во благо св. Церкви должны точно также отличаться и діаконы и псаломщики. Имъ также подобаетъ *свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. 3, 7). Держа себя степенно и съ достоинствомъ, они должны быть внимательными въ исполненіи своихъ обязанностей и не вызывать осужденія къ служителямъ Православной Церкви. Въ частности, діаконы должны всегда съ почтеніемъ относиться къ пресвитерамъ, принимать отъ нихъ благословеніе и цѣловать руку. Они должны помнить 20 правило Лаодикійскаго собора, гдѣ говорится, что „діакону не подобаетъ сидѣти въ присутствіи пресвитера, но съ повелѣніемъ пресвитера сѣсти“... Совершая благоговѣнно, какъ помощники священника, богослуже-

нія, они должны заниматься обученіемъ дѣтей прихожанъ, проповѣдывать въ благопотребныхъ случаяхъ и съ вѣдома священниковъ слово Божіе и избѣгать какихъ бы то ни было недоразумѣній между ними и остальными членами причта. Что касается до псаломщиковъ, то они обязаны не только присутствовать при богослуженіяхъ въ качествѣ примѣрныхъ чтецовъ и пѣвцовъ, но и быть воспитателями дѣтей прихожанъ и учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. Они должны со всѣмъ усердіемъ заниматься церковнымъ пѣніемъ и образовывать церковные хоры. Многіе изъ псаломщиковъ теперь, особенно изъ получившихъ семинарское образованіе, позволяютъ себѣ непочтительно относиться къ священникамъ и діаконамъ. Это не можетъ быть терпимо. Они не должны забывать, что священники—ихъ ближайшіе начальники, и помнить 56 правило Апостольское: „аще кто изъ причта досадитъ пресвитеру или діакону, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго“...

Примите и сами вы, оо. благочинные, настоящія слова мои къ сердцу, старайтесь, чтобы и ввѣренное вамъ духовенство, какъ можно ближе подходило къ начертаннымъ мною образцамъ причта. Повторяю, что только въ этомъ случаѣ, т. е. если духовенство будетъ стоять на высотѣ своего призванія, оно можетъ заслужить любовь прихожанъ. Къ такому духовенству насомые будутъ питать искреннюю любовь. И не только къ нему, но даже и къ его семьямъ. Тогда будетъ положена прочная преграда и къ распространенію настоящей духовной заразы—штунды“... (Вѣра и Разумъ, 1903 г., № 19).

Может ли причтъ продать въ свою пользу церковно-ружнѣй лѣсъ?

Черниговская духовная консисторія изъ своего дѣлопроизводства усмотрѣла, что одинъ изъ священниковъ епархіи, имѣя въ пользованіи своемъ, со времени поступленія своего

на приходъ, участокъ ружной сѣнокосной земли, съ лѣсною на ней зарослью, охранялъ ее отъ порубокъ и расхищеній и въ настоящее время, когда эта заросль превратилась въ дровяной лѣсъ, онъ, считая его своею собственностью, продалъ на срубъ и вырученныя деньги обратилъ въ свою пользу. Консисторія, во исполненіе архипастырской резолюціи преосвященнаго, въ видахъ предупрежденія на будущее время выруб-ки церковно-ружныхъ лѣсовъ, объявила духовенству епархіи, что, по силѣ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, ружныя земли, состоя въ пользованіи приходскихъ причтовъ, составляютъ неприкосновенную собственность церквей, и что посе-му растущій на церковно-ружныхъ земляхъ лѣсъ никоимъ образомъ личной собственности членовъ причта не составляетъ (Черн. епарх. вѣд., № 22 за текущ. г.).

О т ь Р е д а к ц и и.

„Сборникъ рѣшеній недоумѣяныхъ вопросовъ изъ пастырской практики“ (безплатное приложение къ журналу за текущей годъ), по независимымъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, будетъ разосланъ подписчикамъ только лишь *при № 52-мъ журнала.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 1 декабря 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, декабря 14-го.

Содержаніе: Необходимое дополненіе къ церковной проповѣди.—Изъ днев-
ника священника.—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.—
Изъ области пастырской практики.

Необходимое дополненіе къ церковной проповѣди.

Въ настоящее время, благодаря происходившему оживлен-
ному обмѣну мыслей между представителями гомилетической
науки и пастырями-проповѣдниками, можетъ считаться совер-
шенно выяснившимся вопросъ о необходимости усиленія и
оживленія церковной проповѣди. Исходя изъ этого положенія,
какъ не подлежащаго никакому сомнѣнію, мы позволяемъ себѣ
высказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ, что въ наши
дни необходимо еще—и притомъ безусловно необходимо—допол-
неніе къ церковной проповѣди въ видѣ составленія, печата-
нія и распространенія въ нашемъ народѣ, особенно въ средь
низшаго городскаго и сельскаго населенія, особыхъ спеціальныхъ
листокъ, въ которыхъ бы въ самой простой, понятной и до-

ступной для простаго челоѣка формъ излагалось и изъяснялось положительное православное ученіе объ основныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинахъ вѣры, равно какъ и вообще православно-христіанское міросозерцаніе по главнымъ вопросамъ челоѣческой жизни и дѣятельности.

Несомнѣнно, что проповѣдное слово можетъ и должно служить для пастыря могущественнымъ средствомъ къ тому, чтобы наставлять взрослое населеніе своего прихода въ вѣрѣ христіанской и руководить его въ дѣлѣ нравственнаго усовершенія своего безсмертнаго духа. Проповѣдью можетъ пользоваться пастырь Церкви также и для того, чтобы руководить свою паству въ дѣлѣ составленія ею себѣ правильнаго, истиннаго православно-христіанскаго взгляда на свои отношенія къ другимъ людямъ, представителямъ власти, къ чужой собственности, къ окружающему міру и т. д. и т. д.

Но каждый пастырь, мы думаемъ, согласится съ тѣмъ, что во 1) въ церковной проповѣди, при всемъ усердномъ отношеніи проповѣдника къ своему дѣлу, нельзя—или, по крайней мѣрѣ, трудно—обнять и выяснитъ весь кругъ вопросовъ, какіе могутъ возникать въ умѣ пасомыхъ; а во 2) если даже и допустить, что пастырь Церкви, внимательно слѣдящій за религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы и чутко прислушивающійся ко всѣмъ запросамъ ея, можетъ въ своихъ проповѣдяхъ разъяснять всѣ пункты религіозно-нравственнаго ученія и отвѣчать на всѣ запросы, возникающіе въ умѣ его пасомыхъ, то все-таки и тогда мы должны сказать, что въ наше время необходимо требуется вышеуказанное нами дополненіе къ церковной проповѣди.

Проповѣдь усерднаго пастыря можетъ быть сильною, убѣдительною и производить то дѣйствіе, на какое она рассчитана. Но, прежде всего, дѣйствіе проповѣди можетъ продолжаться только болѣе или менѣе короткое время. Въ самыхъ исключительныхъ только случаяхъ дѣйствіе проповѣди можетъ сохранять свою силу и живость въ теченіе долгаго времени. Съ другой стороны, дѣйствіе проповѣди церковной

не можетъ простираться на всѣхъ членовъ паствы, ибо всегда и во всякомъ приходѣ обязательно найдутся такіе члены, которые, по дѣйствительному ли недостатку времени, или же просто по лѣности и другимъ причинамъ, не могутъ присутствовать при богослуженіи даже въ воскресные и праздничные дни и слушать проповѣди пастыря; а найдутся, кромѣ того, и такіе прихожане, которые почти совсѣмъ не бываютъ при богослуженіи въ храмахъ.

Наконецъ, въ наши дни во многихъ приходахъ имѣются или колеблющіеся, или же совратившіеся въ раскольническіе и сектантскіе толки члены паствы, которыхъ заботливый пастырь также не можетъ оставлять безъ вниманія; онъ даже и не долженъ выпускать ихъ изъ вида уже по одному тому, что обязанъ заботиться, чтобы они не могли вредно повліять на православныхъ членовъ прихода.

Такимъ образомъ, какъ въ проповѣднической дѣятельности самого пастыря, такъ и въ жизни пасомыхъ оказываются такія обстоятельства и такія условія, которыя дѣлаютъ церковную проповѣдь недостаточною для той высокой цѣли, для которой она существуетъ и употребляется въ нашей Церкви. При помощи одной только церковной проповѣди пастырь не можетъ, по нашему мнѣнію, достигнуть того, чтобы не только сообщить, провести въ сознаніе пасомыхъ, но и укрѣпить въ нихъ истинное православно-христіанское ученіе о главнѣйшихъ истинахъ вѣры, объ основныхъ требованіяхъ христіанской нравственности и о правильномъ истинно-христіанскомъ отношеніи къ другимъ людямъ и окружающей дѣйствительности, равно какъ предостеречь и предохранить ихъ „отъ увлеченій наученіями странцами и различными“ (Евр. 13, 9).

Чѣмъ же восполнить этотъ пробѣлъ въ пастырской, въ частности—проповѣднической дѣятельности священника и особенно сельскаго?

Намъ кажется, что этотъ пробѣлъ могли бы восполнить печатные листки, въ которыхъ бы излагались въ общепонятной и общедоступной формѣ основныя истины православно-

христіанскаго ученія о вѣрѣ, нравственности, жизни человѣка и объ отношеніи его къ другимъ людямъ и къ окружающему міру.

Въ настоящее время усиленно насаждается и распространяется въ нашемъ отечествѣ грамотность. Высказывались и высказываются многіе и сильные голоса въ пользу обязательнаго всеобщаго обученія русскаго народа грамотѣ. Всеобщая грамотность!... Вѣдь, это—просто сказать; но страшно становится, когда подумаешь, что будетъ дальше, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести осуществленіе идеала о всеобщемъ обязательномъ обученіи русскаго народа грамотности! Намъ кажется, что дать народу всеобщую грамотность — это можетъ сравниться только съ тѣмъ, какъ если бы слѣпому человѣку возвратить зрѣніе. Всеобщая грамотность есть духовное прозрѣніе русскаго народа. Намъ кажется, что, если брать во вниманіе важность и величіе тѣхъ послѣдствій, къ какимъ можетъ повести всеобщая грамотность народа, то съ этимъ историческимъ событіемъ не могутъ быть сравниваемы даже такія великія событія въ исторіи русскаго народа, какъ реформа императора Петра I и реформа императора Александра II.

Петръ I „прорубилъ окно“ въ Европу. Ворвавшійся чрезъ это „окно“ къ намъ, въ Россію, вѣтеръ европейскаго просвѣщенія коснулся, какъ извѣстно, только верхнихъ слоевъ русскаго народа, верхняго меньшинства, интеллигенціи русской; низшее же большинство, простой нашъ народъ почти совершенно остался въ сторонѣ отъ новаго направленія, какое приняла русская жизнь со времени Петра I.

Императоръ Александръ II освободилъ миллионы русскаго народа отъ крѣпостной зависимости. Но, во-1-хъ, это было освобожденіе только отъ тѣлеснаго, матеріальнаго рабства, а во-2-хъ, эта реформа распространялась только именно на „крѣпостныхъ“ крестьянъ и совершенно не касалась другихъ разрядовъ нашего крестьянства и вообще низшаго класса нашего народа.

А между тѣмъ, проектируемое теперь и весьма желательное введеніе всеобщаго обученія грамотѣ должно будетъ 1) коснуться всей массы русскаго народа, безъ всякихъ исключеній, и во 2) должно будетъ освободить нашъ русскій народъ отъ духовнаго рабства, отъ духовнаго мрака, въ какомъ онъ въ громадномъ своемъ большинствѣ находится доселѣ. Со введеніемъ у насъ всеобщаго обученія грамотѣ нашъ народъ получитъ возможность все читать, все знать, всему учиться—и притомъ самостоятельно, безъ всякихъ пособій и указаній со стороны другихъ.

Жизнь и дѣятельность русскаго народа, со времени введенія у русскаго народа всеобщаго обученія грамотѣ, будетъ всецѣло зависѣть отъ того, что нашъ народъ будетъ читать. Многія и учрежденія и лица поняли, кажется, какой важный моментъ долженъ наступить въ жизни нашего народа, когда ему будетъ дана всеобщая грамотность,—поняли, и дѣятельно готовятся къ этому моменту. Извѣстно, что теперь у насъ—и въ столицахъ и въ большихъ губернскихъ городахъ—существуютъ многія общества подъ разными названіями, преимущественно подъ именемъ „обществъ грамотности“, которыя занимаются составленіемъ, изданіемъ и распространеніемъ среди народа разныхъ книгъ и книжекъ для чтенія. Теперь во многихъ мѣстахъ существуютъ народныя передвижныя бібліотеки. Имѣются теперь въ достаточномъ количествѣ и всевозможныя изданія листовъ, распространяемыхъ въ народъ и читаемыхъ имъ.

Разумѣется, нельзя ничего сказать противъ распространенія въ нашемъ народѣ всѣхъ этихъ изданій. Но необходимо замѣтить, что содержаніе ихъ—одностороннее, почти исключительно свѣтское. Изданія и книжки чисто церковнаго, духовнаго содержанія въ существующихъ у насъ народныхъ бібліотекахъ встрѣчаются только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Если дѣло съ народными изданіями будетъ такъ обстоять и впредь, то изъ этого можетъ выйти важное слѣдствіе. Народъ нашъ, сдѣлавшись грамотнымъ и читая книги и книжки

только свѣтскаго содержанія, можетъ пойти по тому же направленію, по какому пошла вся русская интеллигенція послѣ реформы Петра I-го, т. е. въ сторону отъ Церкви, отъ православія, отъ самобытнаго русскаго міросозерданія.

Мы, пастыри, должны заранѣе принять мѣры къ тому, чтобы не случилось этого съ нашимъ русскимъ народомъ. Для этого мы должны заботиться о распространеніи въ средѣ нашего народа книгъ и листовъ духовнаго, религіозно-нравственнаго содержанія. У насъ уже и есть подобныя опыты. Разумѣемъ „Троицкіе Листки“, издаваемые архимандритомъ Никономъ, казначеемъ Троице-Сергіевой Лавры, „Почаевскіе Листки“, издаваемые Почаевскою Лаврою, „Листки Воскреснаго Чтенія“, издаваемые редакціею журнала „Воскресное Чтеніе“ и мн. др. Въ послѣднее время начали издаваться листки духовно-нравственнаго содержанія при Кіево-Печерской Лаврѣ.

Пастыри Церкви, въ томъ числѣ особенно сельскіе священники, должны пріобрѣтать для своихъ церквей подобныя изданія, всегда имѣть ихъ въ запасъ и раздавать народу въ храмахъ при богослуженіи, во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и при посѣщеніи домовъ своихъ прихожанъ.

Чтеніе этихъ листовъ могло бы во многомъ и съ великою пользою восполнить отмѣченный нами выше пробѣлъ въ церковной проповѣди, который не можетъ быть восполненъ никакимъ инымъ способомъ.

Листки духовно-нравственнаго содержанія могутъ читаться народомъ въ домахъ, совершенно свободно, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи. Чтеніе листовъ могутъ слушать даже и тѣ члены прихода, которые почему-либо не могли быть въ храмѣ. Прочитанное здѣсь же можетъ обсуждаться и разъясниться болѣе развитыми и знающими людьми для другихъ. Посему, содержаніе прочитаннаго листа можетъ лучше усвоиться и тверже запечатлѣваться въ памяти и сознаніи прихожанъ, чѣмъ содержаніе проповѣдей, произносимыхъ въ церкви. Если бы случилось такъ, что въ какомъ-

либо листкѣ встрѣтилось что-либо непонятное, то прихожане могли бы обратиться съ своими недоумѣніями къ батюшкѣ, который и могъ бы разъяснить имъ недоумѣніе ихъ нарочито, или въ проповѣди, или во время виѣбогослужебныхъ соборствованій.

Мы сказали, что у насъ уже есть готовыя изданія книжекъ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія, которыми можетъ каждый пастырь пользоваться для раздачи народу, какъ то и дѣлають уже многіе городскіе и сельскіе священники. Но пользованіе существующими уже у насъ изданіями книжекъ и листовъ духовно-нравственнаго содержанія сопряжено со многими затрудненіями и неудобствами: во-1-хъ, трудно пріобрѣтать эти изданія, особенно сельскимъ священникамъ; во-2-хъ, пріобрѣтеніе ихъ, при всей видимой дешевизнѣ изданій, требуетъ значительныхъ расходовъ и въ-3-хъ—что особенно важно—существующія изданія не имѣють строгой и правильной системы, и потому не обнимають всего круга предметовъ и вопросовъ, изложеніе и разъясненіе которыхъ желательно было бы видѣть въ подобныхъ изданіяхъ, назначенныхъ для народа.

Устранить всѣ эти неудобства и затрудненія можно было бы такимъ образомъ. Желательно, чтобы въ каждой епархіи были образованы спеціальныя комитеты изъ опытныхъ и способныхъ на то лицъ—духовныхъ и свѣтскихъ—съ спеціальною цѣлію выработки программы и составленія книжекъ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ такомъ случаѣ могла бы быть достигнута система и полнота въ составленіи народныхъ религіозно-нравственныхъ изданій. Епархіальныя издательскіе комитеты могли бы, при составленіи программы изданія и самыхъ книжекъ и листовъ, принять во вниманіе мѣстныя нужды. Напр., въ епархіяхъ, гдѣ распространены расколь и сектантство, могъ бы быть усиленъ миссіонерскій элементъ; или книжки и листки могли бы быть приспособлены къ характеру мѣстныхъ суевѣрій, дурныхъ привычекъ населенія и т. п.

Желательно, чтобы изданіе этихъ листковъ было удешевлено до возможной степени, такъ что ими могъ бы быть снабжаемъ всякій пастырь. А еще лучше было бы, если бы была у насъ повсемѣстно усилена и расширена бесплатная раздача народу книжекъ и листковъ религіозно-нравственнаго содержанія.

Наши желанія основываются не на однихъ только теоретическихъ соображеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ уже сдѣланы опыты подобнаго изданія и распространенія книжекъ и листковъ религіозно-нравственнаго содержанія, давшіе, какъ и слѣдовало ожидать, самые добрые плоды.

Свящ. *Θ. Титовъ.*

Изъ дневника священника.

„Современный поворотъ въ философіи не есть плодъ одной теоретической любознательности: не одни отвлеченные интересы мысли, а прежде всего—сложные вопросы жизни, глубокія потребности нравственнаго сознанія выдвигаютъ проблему о должномъ, о нравственномъ идеалѣ“, говоритъ предисловіе сборника— „Проблемы идеализма“. Не столько въ гносеологін, какъ говорили мы въ предыдущемъ дневникѣ, корень новѣйшаго идеализма, сколько въ области нашего нравственнаго самосознанія...

Сущность позитивистическаго,—или что то же—атеистическаго, катехизиса въ отношеніи нравственности такова.

Жизнь человѣка ограничивается этою землей. „Никто другой, а сами мы заинтересованы въ лучшемъ устройствѣ ея. Тѣмъ свѣточемъ, который долженъ регулировать всѣ наши дѣйствія въ настоящемъ, служить прогрессъ человѣчества. Путемъ дружныхъ усилій всѣхъ отдѣльныхъ работниковъ послѣднее въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вступить въ то царство равенства, братства и любви, которое поэтами всѣхъ временъ зовется вѣкомъ золотымъ. По мнѣнію однихъ

соціологовъ, этотъ прогрессъ наступитъ естественнымъ образомъ, т. е. безъ особыхъ потрясающихъ событій“,—по мнѣнію другихъ, „роды его“ будутъ и должны сопровождаться тяжелыми нарушеніями наличныхъ условій общественной жизни (Марксъ).

Представители новѣйшаго идеализма, точнѣе—многіе изъ нихъ, по словамъ автора статьи сборника: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, были адептами только-что изложеннаго нами міросозерцанія. Естественно, что ихъ позднѣйшіе взгляды развивались и устанавливались въ оппозиціи къ нему.

Естественной теоріей прогресса—независимо отъ истинности ея по существу—утверждается прежде всего взглядъ на человѣка, какъ на средство для чего-то посторонняго для него: каждый изъ насъ долженъ быть созидателемъ *будущаго* счастливаго царства. Но можетъ ли согласиться человѣкъ—и во имя чего,—по выраженію Ивана Θεодоровича Карамазова,—унаваживать будущую гармонію человѣчества?—Не покидая почвы позитивизма, на этотъ вопросъ необходимо отвѣтить отрицательно. Это первый недостатокъ разбираемой морали.

Самая идея прогресса человѣчества въ пониманіи позитивизма не выдерживаетъ критики.

„Эвдемонистическій идеаль прогресса, не говоря о томъ, что не даетъ никакихъ оправданій жертвамъ прошедшаго, страданіямъ минувшихъ поколѣній, какъ нѣчто устойчивое, немислимъ въ исторіи человѣчества: пусть наступитъ минута равенства людей въ желательныхъ съ точки зрѣнія позитивизма отношеніяхъ,—слѣдующая за ней внесетъ коренное различіе...

„Идеаль прогресса, какъ всеобщее усовершенствованіе—сначала виѣшняго положенія людей, а затѣмъ и внутренней природы ихъ“ (Контъ), какъ не трудно понять, непремѣнно требуетъ предварительнаго признанія идеала совершенства, каковой, понятно, не дается опытомъ, а, какъ абсолют-

ный, свой источникъ можетъ имѣть исключительно въ совершенно иной области...

Наконецъ, основою прогресса человѣчества, какъ извѣстнаго порядка общественныхъ отношеній, служить идея равенства людей. Позитивизмъ разныхъ видовъ спокойно оперируетъ этой идеей, совершенно забывая свое въ данномъ случаѣ,—по частому хорошему выраженію г. Булгакова,—позамышленіе у метафизики, точнѣе скажемъ—у религіи. Почему люди равны? Ихъ различіе во всѣхъ совершенно областяхъ — фактъ настолько очевидный, что о немъ нѣтъ нужды говорить. Откуда же выплываетъ данная идея чисто механическаго управленія людей?!

Мы изложили въ общихъ чертахъ несокрушимую критику атеистической морали со стороны представителей современнаго идеализма. Ея силу не могутъ не признать и крайніе сторонники позитивизма, какъ нынѣ „Міръ Божій“. На развалинахъ разбираемаго міросозерцанія построена новая система, полная глубокаго религіознаго смысла.

Какая польза человеку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ?—такими словами Спаситель указалъ на ничѣмъ незамѣнимое самостоятельное значеніе человѣческаго духа въ дѣлѣ нравственной жизни. Съ точки зрѣнія христіанской, большинство нравоученій грѣшатъ затѣненіемъ обязанностей христіанина по отношенію къ самому себѣ. Совершенно несправедливо смѣшивая послѣднія съ эгоизмомъ, понимаемымъ въ обычномъ смыслѣ слова, современные нравоучители съ легкой руки теоріи общественнаго блага говорятъ только о томъ, чѣмъ мы обязаны по отношенію къ нашимъ ближнимъ... Именно такимъ характеромъ отличается т. н. позитивная нравственность, которая цѣнится не со стороны своей внутренней сущности, а исключительно со стороны внѣшнихъ альтруистическихъ проявленій. Забота о духѣ самомъ

по себѣ объявляется мыслителями даннаго толка „аскетическимъ недугомъ“¹⁾..

Къ органическому объединенію нашихъ обязанностей по отношенію къ себѣ и по отношенію къ ближнимъ зоветъ новѣйшій идеализмъ.

Человѣческая личность цѣнна сама по себѣ, независимо отъ ея служенія общественному благу—вотъ господствующая идея двухъ статей сборника: „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“ г. Бердяева и „Фр. Ницше и этика „любви къ дальнему“ С. Л. Франка.

Центральная идея,—такъ формулируетъ свой взглядъ первый,—которую христіанство внесло въ развитіе нравственнаго самосознанія человѣчества, есть идея абсолютной цѣнности человѣка, какъ образа и подобія Божія, и нравственной равноцѣнности людей предъ Богомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство поняло нравственную проблему, какъ проблему *внутреннюю*, проблему отношенія человѣческаго духа къ Богу. Уваженіе къ достоинству человѣка и его внутренней свободѣ составляетъ неуваждаемую нравственную сущность христіанства. Христіанская проповѣдь внутренней доброты и мягкости во имя идеальнаго совершенства человѣка, приближающагося къ Богу, не понятна общественнымъ утилитаристамъ съ ихъ грубыми внѣшними критеріями добра и зла²⁾.

¹⁾ Какъ нѣкогда выявилъ на страницахъ „Русской Мысли“ извѣстный публицистъ Скабичевскій въ своей статьѣ—„Аскетическіе недуги нашей современной интеллигенціи“.

²⁾ Та же мысль и въ статьѣ Д. Е. Жуковскаго—„Къ вопросу о моральномъ творествѣ“.—Мы видѣли выше, что въ христіанскомъ міросозерцаніи идея нравственной цѣнности человѣка самого по себѣ есть идея его религіознаго значенія. Любить самого себя значитъ—„искать царствія Божія“, которое есть „правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“; любить самого себя значитъ, по другимъ словамъ Спасителя, быть евангельской Маріей, которая, слушая ученіе Спасителя и усвоивая его, избрала себѣ благую часть, единое на потребу своей души... Было бы несправедливымъ приписывать это воззрѣніе съ нашей точки зрѣнія—служащее логическимъ развитіемъ трактуемаго нравственнаго принципа, всѣмъ авторамъ сборника „П. И.“... Но нѣкоторые изъ нихъ смѣло высказываютъ и эти мысли.—Таково окончаніе цитированной статьи г. Жуковскаго.

Нравственный индивидуализм необходимо заключаетъ въ себѣ и заповѣдь о любви къ ближнему. Цѣня въ себѣ, какъ человѣкъ, образъ и подобіе Божества, я буду цѣнить столь же высоко и въ каждомъ своемъ братѣ проявленіе Его: разрывъ обоихъ моментовъ въ жизни человѣка, невысказанный логически невысказанный и съ психологической стороны,—такъ понимаемъ мы попытку Г. Бердяева въ цитированной статьѣ уничтожить обычное противоположеніе я и ты...

„Совершенно искренно сознаемъ, что своими бѣглыми отрывками мы далеко не исчерпали круга идей современнаго намъ возрождающагося идеализма. Скорѣе мы хотѣли лишь подойти къ тѣмъ вопросамъ, которые ставятся, а иногда и разрѣшаются, вышеупомянутыми авторами, и если послѣ всего сказаннаго нами будутъ понятны приводимыя ниже слова г. Булгакова, то считаемъ написанное не бесполезнымъ.

„Новый источникъ нравственнаго энтузіазма слѣдуетъ видѣть въ возвышающей философіи идеализма, вѣчномъ сіяніи Абсолюта, религіозномъ проникновеніи Его величіями. Лишь эта философія возвратитъ человѣчеству утраченнаго имъ живого Бога, о Которомъ тоскуетъ и мятется современная душа, и лишь она поможетъ ему излѣчиться отъ практическаго безбожія, служенія плоти, а не правдѣ Божіей, которое, подобно раку, все болѣе поражаетъ и омертвляетъ современное европейское общество... Человѣчество возвратитъ тогда утраченную гармонію различныхъ сферъ дѣятельности духа, и религія займетъ подобающее ей центральное мѣсто, станетъ основой мысли и дѣятельности людей. Когда Учителя любви спросили, въ чемъ состоитъ главное содержаніе закона, онъ выразилъ его въ двухъ заповѣдяхъ, при чемъ первая заповѣдь была о любви къ Богу, а вторая, производная, о любви къ ближнему. Онъ указалъ этимъ правильное, нормальное соотношеніе между религіознымъ и общественнымъ интересомъ

и, не умаляя въ его значеніи послѣдняго, отвелъ ему однако второе мѣсто...“

Буди! буди! — вотъ то слово, которое только прибавить можемъ мы къ этимъ пожеланіямъ большинства авторовъ статей сборника — „Проблемы идеализма“.

Свящ. К. Алексъ.

Наблюдения и замѣтки сельскаго священника.

Нужно было перемѣнить антиминсѣ въ моей церкви. Антиминсѣ этотъ хотя и не былъ еще особенно ветхимъ, но протерся на сгибахъ; я спилъ его, не зная, что нельзя чинить такихъ предметовъ, и получилъ за это заслуженный выговоръ отъ начальства — Никогда не нужно доводить дотого, чтобы антиминсы приходили въ ветхость, и не нужно чинить ихъ. Я очень жалѣю, что не представилъ антиминса для перемѣны въ свое время. Оплошность можетъ быть со всякимъ изъ насъ, а потому и пишу эти строки въ предупрежденіе, чтобы съ кѣмъ-либо не случилось того же, что было со мною.

Но вотъ съ однимъ священникомъ случилось еще большее несчастіе при полученіи антиминса, чѣмъ со мною. Дѣло было зимою. Священникъ этотъ, получивши новый антиминсѣ, возвращался домой. Было очень холодно, и онъ всталъ съ саней и пошелъ пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Антиминсѣ былъ у него на груди, подъ подрясникомъ. Согрѣвшись нѣсколько, священникъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Вдругъ оказывается — антиминса нѣтъ на груди, утерянъ! .. Священникъ быстро выскакиваетъ съ саней и отправляется пѣшкомъ назадъ по дорогѣ въ надеждѣ найти потерянный антиминсѣ. Прошелъ онъ болѣе 10 верстъ, но антиминса не нашелъ. Явился къ благочинному „съ повинною“. Благочинный, какъ и слѣдовало, строго отнесся къ его небрежности... Можно представить себѣ, что переиспыталъ священникъ этотъ!... Къ счастью его, по той же дорогѣ, ока-

залось, вслѣдъ за нимъ ѿхаль другой священникъ и нашель антиминсъ, который и представиль по начальству.

Вотъ какіе могутъ быть случаи, отъ чего да сохранить насъ всѣхъ Господь Богъ!...

При перемѣнѣ антиминсовъ нужно имѣть въ виду, что антиминсы бываютъ: а) бумажные лощеные, — они скоро на сгибахъ протираются, что и было съ антиминсомъ въ моей церкви, и б) шелковые: послѣдніе дороже первыхъ, но они несравненно прочнѣе. Я этого не зналъ и получилъ вновь бумажный антиминсъ; про шелковые же антиминсы узналъ только послѣ перемѣны, случайно. — „Вѣкъ живи—вѣкъ учись“.

Также я не зналъ, что св. миро можно получать въ сосудахъ разной вмѣстимости. Приходилось нѣсколько разъ покупать флаконы для св. мира все одного и того же размѣра и вмѣстимости,—я и думаль, что для полученія св. мира разъ навсегда установлены для всѣхъ извѣстные сосуды. Оказалось, что этого нѣтъ. Если же такъ, то лучше получать больше св. мира, чтобы его хватало на болѣе продолжительное время, и чтобы рѣже приходилось утруждать начальство, да и намъ самимъ хлопотать о полученіи; также лучше больше въ одинъ разъ сдѣлать пожертвованія въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, какъ это принято, чѣмъ часто получать св. миро и вносить при этомъ пожертвованія незначительныя. Хорошо было бы, если бы въ большіе приходы выдавалось больше св. мира, а въ маленькіе, гдѣ меньше его выходитъ, меньше. Теперь же оно выдается въ одинаковомъ количествѣ какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ приходовъ.

Пришлось купить новый служебникъ. Когда я сталъ отправлять литургію по новому служебнику, то, по обыкновению, хотѣлъ было предварительно облобызать изображеніе св. Іоанна Златоустаго. Но оказалось, что въ новомъ служебникѣ нѣтъ изображеній святителей Іоанна Златоустаго, Василия

Великаго и Григорія Двоеслова. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Когда облобызаешь ликъ святителя предъ началомъ литургіи, невольно отъ всей души просишь его помощи въ предстоящемъ важномъ дѣлѣ, чтобы онъ помогъ совершить богослуженіе по возможности такъ, какъ онъ самъ совершалъ его, и въ настроеніи, въ какомъ должны быть достойные совершители литургіи.—Слѣдовало бы лобызать лики этихъ святителей не только предъ началомъ литургіи, но и по совершеніи ея, въ благодарность за то, что они помогли намъ совершить св. таинство принесенія безкровной жертвы. А этого нельзя сдѣлать, когда нѣтъ подъ руками служебника съ изображеніемъ ихъ... Да, не лишнее приимать мѣры къ тому, чтобы насъ, священноцерковнослужителей настраивать на истовое, благоговѣйное совершеніе богослуженія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ прекрасный обычай, въ служебникѣ, впрочемъ, не указанный, но прочтеніи „входныхъ молитвъ“ обращаться къ народу съ словами: *благословите меня, отцы и братія, и простите меня грѣшного!* То же самое говорится и предъ принятіемъ св. Таинъ священнослужителями. Такія слова произносятся больнымъ, надъ которымъ совершено было таинство елеосвященія.

Обычай произносить эти слова, какъ я сказалъ, существуетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и многіе даже совершенно не знаютъ о немъ; а между тѣмъ, обычай этотъ очень много имѣетъ за себя. И прежде всего, Спаситель прямо говорилъ: *аще принесеши даръ твой ко алтарю..., шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѣ. 5, 23—24). Главное же—при произнесеніи этихъ словъ невольно является сознаніе своей грѣховности, своего недостоинства предъ Богомъ и людьми,—а это именно и нужно намъ.

Заговоривши о средствахъ къ возбужденію благоговѣнія во время священнослуженія, невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего это молодые священнослужители (не въ обиду имъ

будь сказано) не всегда и не всё священнодѣйствуютъ съ должнымъ благоговѣніемъ?—Такое печальное явленіе среди насъ, старыхъ священниковъ, было бы еще хотя сколько-нибудь понятно: частое въ теченіе многихъ лѣтъ служеніе (т. е. чтеніе) одного и того же можетъ не такъ дѣйствовать на насъ, какъ бы слѣдовало, уже по одному тому, что языкъ „перебивается“, а тутъ и житейскія дѣла больше отвлекаютъ и т. д. Но вотъ поступаетъ на приходъ молодой священникъ. Благодать Св. Духа, принятая имъ при рукоположеніи, такъ сказать, еще не успѣла остыть (а она, конечно, остываетъ не сама по себѣ, а единственно по нашей только винѣ); еще не остыло стремленіе послужить Богу и людямъ, которое дается семинаріею; служба еще не могла прискучить, языкъ не перебитъ. Но молодые священники вѣчно какъ будто куда-то спѣшатъ при совершеніи богослуженія... И это печальное явленіе замѣчается не только среди священниковъ и діаконовъ, но и среди псаломщиковъ „новой формациі“.

Прежніе старые священно—церковнослужители хотя и имѣли недостатки—и часто большіе, но зато отличались набожностью, глубокимъ религіознымъ настроеніемъ при богослуженіи; и это настроеніе невольно передавалось и предстоящимъ.

Мы, старики, просимъ васъ, молодыхъ сослуживцевъ, поддерживать насъ въ молитвенномъ настроеніи во время службы, какъ когда-то поддерживали Моисея Ааронъ и Оръ, когда онъ ослабѣвалъ во время молитвы. А лучше всего—будемъ поддерживать другъ друга *въ несеніи тяготы пастырской, да тако исполнимъ законъ Христовъ.* (Гал. 6, 2).

Обязанность настоятелей и вообще старшихъ—*разумно* поддерживать благоговѣніе въ низшихъ членахъ причта; желательно также, чтобы эти члены и насъ останавливали, когда мы, напр., заспѣшимъ и т. п.,—но, конечно, чтобы дѣлали это *разумно*. Обижаться тутъ нечѣмъ.

Я сказалъ, что *разумно* нужно внушать причту, чтобы онъ не терялъ должнаго благоговѣнія при богослуженіи. При-

шлось мнѣ слышать отъ одного діакона, что онъ служилъ *шесть* лѣтъ въ приходѣ при шестичленномъ составѣ причта, и за эти шесть лѣтъ не было никакихъ разногласій. „Теперь же служу—говорилъ діаконъ—съ однимъ священникомъ,—и рѣдкая служба пройдетъ, чтобы у насъ не было недоразумѣній и даже брани. И прискорбнѣе всего, что священникъ дѣлаетъ выговоры часто во время службы, при всемъ народѣ; понятно, обидно становится, самъ не вытерпишь и скажешь обидное слово священнику“.

При размышленіи о благоговѣйномъ совершеніи нами богослуженія, невольно вспомнилъ статью „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ, помѣщенную въ № 23-мъ: „Увѣщаніе старца-іерея къ чтецамъ и пѣвцамъ церковнымъ.“ Прекрасная статья! На нее нужно обратить особое вниманіе не однимъ только чтецамъ и пѣвцамъ, но и всѣмъ намъ—духовнымъ... Въмѣсто того, чтобы выговаривать низшимъ членамъ причта во время совершенія богослуженія и даже браниться, лучше всего собраться всему причту или причтамъ, гдѣ ихъ два и болѣе, и прочесть совмѣстно названную статью или другую подобную. Такое чтеніе и совмѣстное обсужденіе столь важнаго дѣла, какъ благоговѣіе во время совершенія богослуженія принесетъ свои плоды; а окрики на чтецовъ, да еще во время самаго богослуженія, кромѣ вреда, ничего не могутъ принести какъ кричащему, такъ и чтецамъ-пѣвцамъ, особенно же народу, который намъ нужно учить кротости и миролюбію.

Я знаю одного священника, который такъ именно и дѣлаетъ: онъ не кричитъ на низшихъ членовъ причта, но если встрѣтитъ что-либо въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ въ родѣ статьи: „Увѣщаніе старца-іерея“, собираетъ ихъ и читаетъ. И этотъ священникъ на личномъ опытѣ убѣдился, что такое веденіе дѣла очень полезно; онъ и всѣмъ собратамъ совѣтуетъ такъ поступать.

Касательно статьи: „Увѣщаніе старца-іерея“ нужно сказать, что ее слѣдовало бы отпечатать въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и разослать всѣмъ причтамъ, какъ руко-

водство. Великое спасибо автору! Дай Богъ, чтобы почаще появлялись подобныя статьи! Дай Богъ также, чтобы на нихъ обращалось должное вниманіе тѣми, кого эти статьи касаются! А этого послѣдняго можно достигнуть именно совмѣстнымъ чтеніемъ такихъ статей всѣми членами причта, еще лучше—нѣсколькихъ причтовъ. У насъ почему-то, къ сожалѣнію, не принято собираться членамъ причта для подобныхъ чтеній и вообще для взаимнаго обмѣна мыслями по разнымъ вопросамъ пастырской дѣятельности. А такихъ дѣлъ у насъ очень много, и эти собранія могли бы принести большую пользу.—Обыкновенно мы когда собираемся?—Или когда совершаемъ требы,—тамъ некогда говорить; или же въ гости,—здѣсь опять не удобно бесѣдовать, да, грѣшнымъ дѣломъ, и не до того...

Мнѣ кажется, что если бы чаще практиковались собранія причта для взаимнаго обмѣна мыслями, не было бы той вражды въ нашемъ быту, которая, къ стыду нашему, вошла даже въ пословицу. Я знаю одного священника, который дѣлалъ опытъ въ этомъ родѣ. Среди членовъ причта произошло недоразумѣніе, и начались было непріятныя отношенія. Священникъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ въ палисадникъ (дѣло было лѣтомъ), и здѣсь прочитана была статья изъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, въ которой трактовалось о томъ, что члены причта должны жить въ мирѣ между собой. По прочтеніи статьи разсмотрѣны были сообща пункты разногласія,—и миръ былъ восстановленъ, дѣло пошло хорошо, но прежнему: вражда была прекращена.

Нѣкоторые учителя и учительницы музыки бьютъ учащихся по рукамъ во время уроковъ. Въ оправданіе такихъ учителей-музыкантовъ говорятъ, что всѣ музыканты—люди нервные. Но это, конечно, не оправданіе. Никогда не слѣдуетъ забывать, что исправлять нужно *духомъ кротости*. Пишущему эти строки пришлось однажды видѣть, что регентъ

въ церкви, во время пѣнія „*Милость мира*“, билъ дѣтей-пѣвчихъ. Тяжело было видѣть такіа безобразія... Доведено было до свѣдѣнія о. настоятеля. Тотъ сказалъ, что „*регентъ недавно мишился жены, и вообще онъ—человѣкъ нервный*“. Если и въ самомъ дѣлѣ регентъ такой *нервный*, что даже въ церкви во время богослуженія бьетъ дѣтей-пѣвчихъ, то не лучше ли удалить его?...

Да, намъ, настоятелямъ церквей, нужно обратить вниманіе на регентовъ: часто они слишкомъ уже злоупотребляютъ своею „музыкальною нервностью.“

Свящ. *Василій Дроздовъ.*

Изъ области пастырской практики.

а) *Могутъ ли—и съ чьего позволенія—входить въ св. алтарь рясофорныя монахини и послушницы монастыря?*

Отвѣтомъ на данный вопросъ должно служить 60-ое правило Номоканона при Большомъ Треникѣ: „миретѣи во святыи алтарь да не входятъ, ни мужіе, ни жены, но 69 правилу, еже въ Труллѣ. Инокіи же входятъ, и пометаеть, по пятнадцатому правилу святаго Никифора Цареградскаго“ ...

По поводу этого правила и въ поясненіе его приводимъ небольшую каноническую справку. Церковными правилами съ глубокой древности алтарь предназначается только для лицъ „освященныхъ“ и закрывается для мірянъ. 19 правило собора Лаодикійскаго (около 363—364 г.) говоритъ: „единымъ токмо освященнымъ позволено входить въ алтарь, и тамо пріобщаться“. Подъ „освященными“, какъ видно изъ пр. 24 того же собора, разумѣются только епископы, пресвитеры и діаконы. Въ 44 правилѣ Лаодикійскаго же собора сказано: „не подобаетъ женѣ въ алтарь входить“. Трулльскій соборъ (692 г.) правиломъ 69 опредѣляетъ: „никому изъ всѣхъ, при надлежащихъ къ разряду мірянъ, да не будетъ позволено вхо

дйти внутрь священнаго алтаря“.. Этимъ, между прочимъ, порядки Греко-восточной Церкви отличались отъ порядковъ Церкви западной. Вальсамонъ въ толкованіи на приведенное правило Трулльскаго собора замѣчаетъ: „а о латинянахъ знаю, что не только міряне мужчины, но и женщины входятъ во св. алтарь, и сидятъ даже часто и тогда, когда стоятъ священнодѣйствующіе“ (см. Правила св. соборовъ, изд. Моск. общ. люб. дух. проsv., 1877 г.). Русская—и церковная и государственная—власть неоднократно настаивала на соблюденіи каноническаго требованія о недопущеніи мірянъ въ алтарь (см., напр., многочисленныя указы, цитованныя подъ нижеприводимой 4 ст. XIV т. Св. Зак.); на основаніи многихъ отдѣльныхъ указовъ, въ XIV томъ дѣйствующаго Свода Законовъ включена 4 ст. Устава о предупр. и пресѣч. прест. изд. 1890 г.: „быть въ алтарь во время службы никому изъ мірянъ не дозволяется“. Кто не выйдетъ изъ алтаря послѣ сдѣланнаго ему о томъ напоминанія отъ священника, подвергается наказанію по 35 ст. У. о нак., пал. Мир. Суд.

Запрещеніе входить въ алтарь лицамъ непосвященнымъ возникло не изъ догматическихъ или таинственныхъ соображеній, но изъ чувства глубокаго благоговѣнія христіанъ къ величайшей церковной святынѣ и стоитъ въ связи съ нѣкоторыми особенностями православно-богослужебнаго чина: такія священнодѣйствія, какъ открытіе и закрытіе царскихъ вратъ, завѣшиванье катапетасмой и т. п. утратили бы свой смыслъ, если бы алтарь былъ доступенъ для всѣхъ и во всякое время. Въ католическихъ костелахъ, гдѣ даже и женщины имѣютъ доступъ къ алтарю, нѣтъ ни иконостаса, ни царскихъ вратъ.

Внутреннимъ смысломъ разсматриваемаго закона, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ основывается не на догматѣ или существенномъ началѣ церковнаго строя, а является лишь огражденіемъ чувства благоговѣнія и мѣрою дисциплинарно-воспитательнаго воздѣйствія Церкви, объясняются нѣкоторыя особенности въ его примѣненіи. 1) Хотя Церковь всегда стре-

милась ввести устанавливаемый закономъ порядокъ, но она не предпринимала строгихъ карательныхъ мѣръ противъ незаконнѣренныхъ нарушителей этого порядка,—а такихъ нарушителей всегда было не мало. Самые каноны, запрещающіе входъ непосвященнымъ въ алтарь, высказаны безъ *санкціи*, т. е. въ нихъ не указана кара, какая угрожаетъ за нарушение ихъ. Вальсамонъ въ упомянутомъ толкованіи на 69 пр. Трулльскаго собора говоритъ: „а какимъ образомъ въ божественное святилище преславнаго храма Господа нашего Іисуса Христа на островѣ Халкѣ безпрепятственно входитъ всякій желающій, я не знаю“. „Замѣть настоящее правило и никакъ не дозволяй на основаніи онаго мірянамъ входить во св. алтарь. Я, впрочемъ, много употребилъ старанія, чтобы воспрепятствовать мірянамъ входить во св. алтарь храма Пресвятыя Госпожи моея и Богородицы Одигитріи; но не могъ достигнуть успѣха: говорятъ, что это древній обычай, и не должно возбранять“. М. Филаретъ Московскій много заботился объ искорененіи обычая входить мірянамъ въ алтарь; но самъ же онъ, по его собственнымъ словамъ, не только не изгонялъ изъ алтаря, а даже иногда приглашалъ туда извѣстнаго любителя церковности А. Н. Муравьева (см. „Церк. Вѣд“, 1893 г., №№ 26 и 5 приб.).

2) И въ своемъ положительномъ законодательствѣ, и въ своей законнѣрной практикѣ Церковь установила не мало исключеній изъ этого закона,—разумѣется, исключеній такихъ, которыя вызывались потребностями церковной жизни, не оскорбляли уваженія къ святынѣ и не нарушали церковнаго благочинія. Такъ, Трулльскій соборъ тѣмъ же 69 пр. санкціонировалъ преимущество „власти и достоинства царскаго“ входить во св. алтарь, „когда восхоцетъ принести дары Творцу“ (ср. указъ Св. Сии. 8 дек. 1803 г.). У насъ пономари не только не являются лицами „освященными“, но въ настоящее время даже не принадлежатъ и къ клиру, а являются простыми мірянами,—между тѣмъ, они не только имѣютъ право, а и обязаны входить во св. алтарь, чтобы поддержи-

вать въ немъ чистоту и чтобы подавать во время богослуженія кадило и пр. Только нельзя пономарю, какъ и вообще мірянину, проходить между престоломъ и царскими вратами и касаться священныхъ предметовъ.

Въ частности, относительно женщинъ, скажемъ словами канониста XIV в. Властара: „44 пр. собора Лаодикійскаго считаетъ неумѣстнымъ, чтобы для женщинъ былъ доступенъ св. алтарь, хотя прежде было допущено и имъ“. „Что въ древности и женщинамъ былъ доступъ въ св. алтарь, это можно видѣть изъ многихъ свидѣтельствъ и особенно изъ надгробнаго слова, которое сочинилъ на смерть сестры своей великій Григорій Богословъ“ (Синтагма Властара, перев. Ильинскаго, 1892 г., стр. 140 и 119). Діакониссы, напр., въ древности не только имѣли право входить въ алтарь, но даже хиротонію получали въ алтарѣ, у св. престола (см. чинъ въ Εὐχολ. А. А. Дмитріевскаго). Для монахинь разрѣшеніе входить въ алтарь установлено 15 пр. св. Никифора Исповѣдника, бывшаго патріархомъ Константинопольскимъ въ IX вѣкѣ. Исключеніе это изъ общаго правила сдѣлано для монахинь св. Никифоромъ, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы при церквахъ женскихъ монастырей, кромѣ „незасорныхъ“ священнослужителей, не было другихъ лицъ мужскаго пола. Правило св. Никифора Исповѣдника перешло въ нашъ Номоканонъ при Требникѣ и въ Кормчую. Но „въ Велицѣй Россіи“ въ Кормчей, по ошибкѣ, правилу св. Никифора данъ совершенно противоположный, запретительный смыслъ: „не подобаетъ инокинямъ! входить во св. алтарь, ни вжигати свѣщу и кадило и украшати и пометати“ (Кормчая, гл. 57, пр. 11). Такимъ образомъ, въ источникахъ нашего права, Номоканонъ и Кормчей, одинъ и тотъ же вопросъ рѣшается въ диаметральнопротивоположномъ смыслѣ. Исторически правильнымъ является, несомнѣнно, чтеніе Номоканона (см. объ этомъ у Павлова: „Номоканонъ при Больш. Требникѣ“, изд. 1897 г., с. 188); оно же является и юридически-обязательнымъ, такъ какъ и „въ Велицѣй Россіи“ оно было принято уже послѣ из-

данія Кормчей, какъ болѣе правильное, патр. Никономъ при изданіи Номоканона 1658 г. Приведенное въ началѣ замѣтки правило это и является нынѣ дѣйствующимъ въ Русской Церкви закономъ. Подлинный текстъ этого правила св. Никифора въ древне-славянскомъ переводѣ читается такъ: „подобаетъ инокинямъ входить во святыи жертвенникъ и възжизати свѣща и кандила, и украшати ѿ, и пометати“ (см. у Павлова). Въ кievскихъ изданіяхъ Номоканона (напр., Петра Могилы) къ словамъ: „инокиня же входить“ сдѣлана совершенно резонная прибавка: „въ монастырѣ женскомъ“, т. е. въ *своемъ* монастырѣ. Подобныя ограничительныя прибавки сдѣланы и въ дѣйствующихъ нынѣ въ Греческой Церкви изданіяхъ правилъ. „Само собою понятно“, добавляетъ проф. Павловъ, „что, по правилу Тимофея Александрійскаго, монахиня не можетъ входить не только въ алтарь, но и вообще въ церковь, когда имѣетъ на себѣ „обычная женская“. Послушницамъ, *помиаемъ*, не слѣдуетъ входить въ алтарь: въ правилѣ сказано— „инокиня“ (*μοναζουσα*). Между прочимъ, о діаконалисахъ Властарь говоритъ, что „въ древнихъ книгахъ“ отъ нихъ требовалась полная монашеская одежда (Синтагма, стр. 119). Благословеніе на входъ въ алтарь, полагаемъ, требуется отъ настоятеля церкви, а назначеніе къ сему—отъ монастырской власти.

б) *Обязанъ ли монастырскій священникъ принимать на исповѣдь всѣхъ приходящихъ богомольцевъ, если эти послѣдніе являются прихожанами окрестныхъ приходоу, и если приходскіе священники ропщутъ на это?*

Указомъ Св. Синода 4 февраля 1737 г. разрѣшается, въ случаѣ нужды, лицамъ, и не находящимся въ отлучкѣ изъ прихода, исповѣдываться въ другихъ приходахъ, но съ тѣмъ, чтобы своему приходскому причту было представлено свидѣтельство о бытіи у исповѣди. Посему, не принять на испо-

вѣдь приходящихъ монастырскій священникъ, особенно при большой распространенности въ русскомъ народѣ обычая говѣть при посѣщеніи св. мѣстъ и монастырей, не имѣемъ права. Но въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, издаваемой отъ лица Св. Синода и имѣющей руководственное значеніе, въ пунктѣ 99 говорится: „оберегитися долженъ пресвитеръ принимать къ тайнѣ сей чужихъ прихожанъ, коя бѣгаютъ своего пастыря стыда ради, что отъ заобыклаго грѣха не отстали, и по многихъ увѣщаніяхъ неисправны пребываютъ. Чего для естли правильной причины къ принятію ихъ на исповѣдь не окажется, то къ собственному ихъ духовному отцу, по довольномъ увѣщаніи, да отошлетъ“. На основаніи этого указанія (ср. Москов. соб. 1667 г., гл. 6), монастырскій священникъ имѣетъ право, а если сосѣдніе священники ропщутъ, то и обязанъ *увѣщать* исповѣдующихся у него ходить на исповѣдь (по крайней мѣрѣ разъ въ году) и къ своимъ приходскимъ священникамъ. Окрестные же священники, если прихожане у нихъ ни разу въ году не говѣютъ, должны требовать отъ нихъ свидѣтельства о бытіи у исповѣди и св. причастія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. *Θ. М—ко.*

За редактора помощникъ редактора Г. О. Булашевъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 декабря 1903 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *Л. Корольковъ.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, декабря 21-го.

Содержаніе: Зло нашихъ дней.—Совмѣстно ли страхованіе жизни съ до-
стоинствомъ и положеніемъ пастыря среди своихъ пасомыхъ?—По
поводу предстоящей реформы села.—Новый путь и его искатели.

Зло нашихъ дней.

„Въ томъ бѣда, говорилъ въ свое время И. С. Акса-
ковъ, — что образованіе наше не серьезно, что все оно, вся наука
наша зиждется на незнаніи, непониманіи, даже прямо на отрица-
ніи нашей народной личности, народной духовной полноправно-
сти, и въ духѣ этого невѣжества и отрицательнаго отношенія къ
своей исторіи и своему народу воспитывается наше юношество“¹⁾.

Безспорная и жуткая правда этихъ словъ особенно бо-
лѣзненно чувствуется въ наши дни идейной смуты и фило-
софской неурядливости. Просмотрите бѣгло руководящія статьи
большинства нашихъ газетъ и внутреннія обозрѣнія толстыхъ
журналовъ. На каждомъ почти шагу вы натолкнетесь на

¹⁾ Собр. соч., II, 446.

самую открытую проповѣдь національнаго обезличенія и космополитизма. Въ разныхъ варіаціяхъ дидактически внушается мысль о губительномъ „ядѣ“ патріотизма и національнаго самоуваженія... Переступая границы всякаго правдоподобія, считаютъ возможнымъ увѣренно говорить, напр., такія вещи, будто „нашъ отечественный націонализмъ до такой степени не пользуется симпатіями образованнаго общества, что публично назвать человѣка націоналистомъ значитъ то же, что нанести ему тяжкое оскорбленіе“ („Образованіе“, 1903, I, 116).

Что для извѣстной части нашего образованнаго общества эта характеристика берется цѣликомъ изъ жизни, прекраснымъ свидѣтельствомъ тому можетъ служить памятная, вѣроятно, всѣмъ безъ нужды пылкая исповѣдь одного русскаго по имени и рожденію общественнаго дѣятеля на окраинѣ (Новикова), буквально выраженная такъ: „думаю, что меня выбрали городскимъ головою (въ Баку) потому, что я всей своей предыдущей дѣятельностью показалъ, что я антинационалистъ. Въ націонализмъ меня никто не можетъ упрекнуть. И тотъ, кто говоритъ это, лжетъ самымъ наглýmъ образомъ“. Т. е., русскій человѣкъ, какъ видите, возмущается до потери душевнаго равновѣсія одною мыслию, что его могутъ заподозрить въ симпатіи къ родинѣ! Откуда такое грустное явленіе? — Вопросъ сложный. Не входя въ подробное обслѣдованіе его, хотѣлось бы указать на одинъ, какъ намъ думается, вѣрный и широкій путь воспитанія русскаго „бездомовничества“, которымъ идутъ навѣрняка къ своей цѣли недоброжелатели Россіи. Такимъ путемъ мы считаемъ, между прочимъ, популяризацію космополитизма въ современной литературѣ легучихъ брошюръ и маленькихъ книжечекъ.

Предъ нами сейчасъ небольшая книжечка проф. Карѣва: „Идеалы общаго образованія“. Это — характерный образецъ подобнаго рода литературы.

Проф. Карѣвъ съ давнихъ поръ принялъ на себя роль литературнаго миссіонера для нашей „большой“ интеллигент-

ной публики, въ частности—для учащейся молодежи. Строгий позитивистъ по убѣжденіямъ; онъ съ большимъ усердіемъ старается свои вѣрованія накрѣпко внѣдрить въ сознаніе немалочисленныхъ (судя по успѣху его изданій) читателей своихъ, и для этого избралъ довольно удачный и завлекающій способъ воздѣйствія на аудиторію. Онъ пишетъ „письма къ учащейся молодежи о самообразованіи“, „о выработкѣ міросозерцанія“ и т. д., т. е. пишетъ на такія темы, которыми наиболѣе живо интересуется наша молодежь, идущая въ жизнь безъ надлежащей разумной заправки, и образованное общество, живущее готовыми послѣдней кройки мыслями. Не надо имѣть много проницательности и пророческаго чутья, чтобы предсказать и названной книжечкѣ его большой успѣхъ. Два распространенные педагогическіе журнала („Русская школа“ и „Вѣстникъ воспитанія“) уже привѣтствовали ее сочувственно. И это понятно. Кому любезно дѣло растворенія русской идеи въ туманѣ космополитическаго безразличія, тотъ долженъ прочитать книжечку проф. Карѣева съ чувствомъ полного удовлетворенія, потому что она посвящена, между прочимъ, обстоятельному, завитому въ тонкія стилистическія нити, разъясненію и сильному доказательству мысли, почему въ русскомъ юношѣ предосудительно воспитывать любовь къ своему народу. Это, кажется, первый опытъ свода всѣхъ аргументовъ, направленныхъ на защиту денационализаціи русской школы.

Остановимся по возможности кратко на этомъ любопытномъ документѣ.

Проф. Карѣевъ, очевидно, очень встревоженъ новымъ направленіемъ, даннымъ въ послѣднее время учебно-воспитательному дѣлу въ средней школѣ, и довольно опредѣленно выраженными въ наши дни симптомами національнаго возрожденія русскаго самосознанія. Возражая страстно, иногда запальчиво противъ перваго, онъ думаетъ прочно укрѣпить свою антинаціональную позицію противъ послѣдняго движенія. Если освободить основную мысль книжечки отъ ненужныхъ и затемняющихъ суть дѣла подробностей, то въ существенномъ

она даетъ рядъ слѣдующихъ положеній. Школа дожна быть школою, а „не-подготовительнымъ классомъ людей предписанной вѣроисповѣдной или политической окраски... Тогда не просто хотять развивать умъ челоуѣка, а навязывать ему извѣстныя традиціи и сдѣлать его голову недоступной для идей, считаемихъ превратными, то въ основу всей системы общественнаго образованія кладутся догматизмъ, фанатизмъ и деспотизмъ, стремящіеся прежде всего (убить въ воспитанникѣ всѣ проявленія его я... (Туть) педагогическая цѣль замѣняется политической, чтобы не было идей, или чтобы идеи были лишь извѣстнаго сорта... (Тогда) школа перестаетъ служить интересамъ личнаго развитія, принося его, а вмѣстѣ съ нимъ истину и справедливость, въ жертву нѣкоторому отвлеченному божеству—національности“... Школа не должна навязывать ученикамъ политической программы, иначе это будетъ не преподаваніе, а политическая пропаганда.—Въ концѣ концовъ извилистая линія мыслей книжечки упирается на такой тезисъ: „выборъ извѣстнаго политическаго міровоззрѣнія“ надо предоставить свободѣ „взростаго и самостоятельнаго челоуѣка въ согласіи съ его убѣжденіемъ, являющимся результатомъ жизненнаго опыта и пониманія общественныхъ вопросовъ, вынесеннаго изъ общенія съ людьми, изъ чтенія книгъ, и потому преждевременное навязываніе подростоающимъ поколѣніямъ программнаго политическаго міросозерцанія не можетъ быть одобрено ни съ педагогической, ни съ здравой политической точки зрѣнія... Молодые люди, достигшіе извѣстной умственной зрѣлости, вооруженные научными знаніями и умѣющие логически мыслить, сами увидятъ“, гдѣ истина ..

Дѣло, стало быть, представляется такъ. Школа защищаетъ интересъ опредѣленной національной „партіи“. Рядомъ съ нею существуютъ партіи, не раздѣляющія программы школы. Предосудительно вести учениковъ непремѣнно по школьной программѣ и лишать ихъ тѣмъ права свободно разобраться въ достоинствѣ воззрѣній партій противоположныхъ..

Говоря снисходительно, тутъ—что ни слово, то недоумѣніе. Странень, прежде всего, взглядъ на смыслъ школьной программы и на методъ воспитанія вообще; не менѣе странно опредѣленіе свободы отношенія ученика къ образовательному матеріалу:

Школѣ дѣлается упрекъ, будто она превращаетъ преподаваніе въ чисто политическую программу.—Большая неправда. Школа не есть политическая „партія“. Она есть учрежденіе *всесторонне* образовательное. Совокупностью учебнаго матеріала, цѣлою системою педагогическихъ приѣмовъ она имѣетъ въ виду организованіе именно духовной личности учащагося, начиная съ чисто формальнаго развитія логическаго строя его мышленія и кончая ознакомленіемъ его съ міромъ идей, направляющихъ ходомъ исторіи и установкой общественныхъ отношеній. Въ этой сферѣ дѣятельности погрѣшаетъ ли школа недоброкачественною тенденціозностью? Ея педагогическое воздѣйствіе на личность учащихся есть ли предосудительная пропаганда, или попросту, какъ хочетъ думать проф. Карѣевъ, покушеніе съ негодными средствами на свободу мысли ученика?—Несомнѣнно, школа живетъ опредѣленною программой, учебный матеріалъ ея объединяется и освѣщается ясно поставленнымъ принципомъ. Но грѣхъ ли это?—Кто желаетъ сдѣлать серьезное возраженіе противъ школьной организаціи въ данномъ пунктѣ, тотъ долженъ ставить лишь вопросъ: группировка учебнаго матеріала подъ угломъ зрѣнія принципа школы приемлема или не нормальна? Если принимается послѣднее, тогда надо безъ лицепріятнаго лукавства полными словами и говорить: школа ведетъ умы учащихся по ложному пути, этого не должно быть, это надо устранить; нормальный путь школьнаго воспитанія долженъ быть вотъ какой... Но школа безъ программы, безъ руководящаго принципа, безъ умной фізіономіи—все, что угодно, но не школа; она перестаетъ быть школою, разъ изъ ея работы вынута до извѣстной степени предопредѣляющее ея жизнь начало. Тутъ, какъ всякому не трудно понять, частный во-

рость о „навязываніи“ національныхъ убѣжденій есть вопросъ воспитанія вообще. Послѣднее по существу можетъ быть или систематическимъ, или случайнымъ. Если оно должно идти дорогою правильной системы, тогда психологически неизбѣжно извѣстное, если угодно—даже принудительное, начало въ томъ видѣ и формѣ, безъ какихъ не мыслимо вообще педагогическое вліяніе одной личности на другую, примѣняется ли оно къ области умственного воспитанія, или къ выработкѣ прочныхъ волевыхъ нравственныхъ нормъ поведенія. И если принципы школьной системы здоровы и нормальны, тогда логически не возможно оспариваніе цѣлесообразности веденія въ ихъ духѣ всего школьнаго дѣла, и это отнюдь не будетъ противогуманное посягательство на свободу организующагося ума, такъ же какъ не есть преступленіе противъ свободы личности въ строгой системѣ предлагаемое въ школѣ религіозно-нравственное міровоззрѣніе. Вѣдь школа по существу не претендуетъ,—да, строго говоря, и не можетъ претендовать—просто потому, что это не въ ея силахъ,—на то, чтобы *подстригать* индивидуальность всѣхъ учениковъ по одному шаблону. Ей приходится имѣть дѣло съ живыми умами, не пассивно отвѣчающими на ея вліяніе, а въ извѣстномъ возрастѣ склонными по природѣ къ критическому анализу. Слагающемуся уму, не урегулированной въ своихъ проявленіяхъ волѣ, колеблющемуся нравственному настроенію она лишь начертываетъ нормальный и, по ѣя продуманному взгляду, совершенный путь развитія. Это ея задача, въ этомъ ея заслуга,—т. е. ея заслуга въ томъ, что она, при помощи научныхъ знаній, раскрывая предъ сознаніемъ учащихся всѣ пути мысли и человѣческой жизни, помогаетъ имъ разобраться въ сложныхъ жизненныхъ проблемахъ и отпускаетъ въ жизнь съ твердою болѣе или менѣе подготовкою къ жизненной борьбѣ въ области ли умственной дѣятельности, или въ сферѣ общественныхъ отношеній. Такова общая идея и программа школы. Можно, конечно, сомнѣваться въ совершенствѣ практическаго осуществленія этой идеи, но возражать принци-

пiально противъ ея цѣлесообразности и достоинства весьма затруднительно. Въ практической жизни мы очень часто именно и не наблюдаемъ осязательныхъ слѣдовъ гуманизирующаго влiянiя школы. А это въ сильнѣйшей степени подчеркиваетъ неосновательность страховъ проф. Карѣева о томъ, будто свобода личности погашается школьнымъ влiянiемъ.

Существеннымъ ингредиентомъ въ общее понятiе школьнаго образованiя личности входитъ воспитанiе нацiональнаго чувства. Тутъ методъ и программа школы тѣ же, что и въ дѣлѣ воспитанiя личности вообще. Школа насильственно не навязываетъ политическаго мировоззрѣнiя учащимся, а лишь будитъ въ нихъ и укрѣпляетъ здоровое чувство нацiональнаго уваженiя къ мощной силѣ русскаго народнаго генiя, которому въ историческихъ перспективахъ будущаго, такъ сказать, провиденциально предназначено осуществлять высокую миссию устроения человѣческой жизни по началамъ божественной правды. Подвинуть сознанiе учащихся въ эту сторону не значитъ—вселять въ нихъ мечтательную нацiональную гордость и культивировать нацiональной эгоизмъ; напротивъ, значитъ—вдохнуть въ нихъ углубленно обоснованную потребность въ личной жизни, выявляя лучшiя стороны своего нацiональнаго духа, подготовлять твердую почву для торжества на землѣ правды небесной. А гдѣ, какъ не въ моментахъ осуществленiя такой потребности, раскрывается истинно-человѣческая личность?

Тутъ опять можно съ большимъ или меньшимъ основанiемъ сомнѣваться относительно вѣрныхъ и во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ очевидныхъ результатахъ нацiональнаго воспитанiя. Но подозревать, что школа такимъ путемъ воспитываетъ человѣконенавистническiя чувства и разрушаетъ свободу убѣжденiя, можно только съ большимъ рискомъ. Школа и здѣсь даетъ лишь руководящiя указанiя для выработки правильнаго взгляда на смыслъ и значенiе исторически сложившихся формъ культурной жизни русскаго народа, предостерегая отъ увлеченiя бесплодными мечтами о возможности го-

лыми руками хвататься за колеса исторіи съ намѣреніемъ поворачивать ихъ въ разныя стороны по произволу. Проще говоря: школа желаетъ предотвратить для учащихся неизбѣжность той душевной трагедіи или плохого фарса, которая на нашихъ глазахъ разыгрываетъ подчасъ молодежь по программѣ свободного политическаго воспитанія.

„Создаваться извѣстное міровоззрѣніе должно свободнымъ выборомъ *зрѣлаго* человѣка“.— Это легко сказать. Практически же подобное желаніе чревато сложными и тяжелыми послѣдствіями. *Зрѣлость*—понятіе эластичное. Его можно уложить въ какую угодно форму. Часто именемъ *зрѣлости* называютъ лишь внѣшнюю освѣдомленность въ модныхъ вопросахъ дня или историческаго періода, не отмѣченную печатью серьезной обдуманности. И такого рода *зрѣлость* облекать безусловною свободою самостоятельно опредѣлять свои симпатіи къ той или иной политической программѣ значитъ—обрекать личность на опасныя случайности и толкать ее на безпомощное скитаніе отъ одного берега къ другому, безъ надежды добиться твердаго стоянія у надежной пристани здороваго и горячаго убѣжденія. Намъ вѣдома такая зрѣлость и слишкомъ грустные плоды ея самодѣтельной оцѣнки хорошаго и дурного въ явленіяхъ общественной жизни. Давно ли доносился до нашего слуха съ улицъ большихъ городовъ шумъ безсвязныхъ голосовъ, выкрикивавшихъ нелѣпныя слова вздорнаго своеволія?.. Можно ли начертать болѣе правдивый и болѣе суровый, чѣмъ эти голоса, приговоръ фантастическимъ дезидератамъ кабинетнаго теоретика?..

Зрѣлость убѣжденія „есть результатъ жизненнаго опыта и пониманія общественныхъ вопросовъ, вынесеннаго изъ общенія съ людьми, изъ ученія, изъ чтенія книгъ“. Словомъ, жизненный опытъ—сначала, потомъ—„политическое убѣжденіе“. Это похоже на ту наивную педагогикку, въ первомъ правилѣ которой рекомендуется для уясненія опасности ножа и огня предоставить ребенку свободу отрѣзать себѣ пару—другую пальцевъ и спалить голову... Затѣмъ,—чтеніе книгъ,

общеніе съ людьми... Тутъ даже отчетливо чувствуется нѣкоторая (скажемъ такъ) игривость мысли, если... не преднамѣренный умыселъ. Кто же не знаетъ, какъ много на бѣломъ свѣтѣ всякихъ людей, всякихъ умовъ, всякихъ книгъ? И совѣтовать безъ руля переплывать это безбрежное море мнѣній, мыслей и настроеній для разысканія въ немъ жизненнаго маршрута не значить ли—серьезную тему срывать сомнительною шуткою? Если же дѣло *въ такой* формѣ становится дѣйствительно серьезно, тогда нельзя быть двухъ мнѣній относительно его результатовъ. Въ хаосѣ умовъ, голосовъ, книгъ зрѣлость, конечно, выльется въ полное подобіе особенно страстнаго ума, особенно шумнаго голоса, особенно громкой книги. Но это ли желательная форма для свободной и строгой зрѣлости?—Какъ и на торговомъ рынкѣ, на базарѣ житейской суеты далеко не всегда правда тамъ, гдѣ кричатъ громче; чаще бываетъ какъ разъ наоборотъ. Съ другой стороны, прежде чѣмъ жизнь поставитъ въ необходимость окуцаться въ это море, насъ предупредительно знакомятъ со всѣми мелями и опасными теченіями. Что же лучше: свободно ли погибнуть въ океанѣ противорѣчій на службѣ измѣнчивому, непостоянному общественному настроенію, или терпѣливо заблаговременно продумать совѣты историческаго опыта и спокойнаго благоразумія, чтобы потомъ свободно критически ориентироваться во всякомъ затрудненіи?

И потомъ,—съ методологической стороны, есть ли существенная разница между усвоеніемъ школою предлагаемаго міровоззрѣнія „политическаго“ или иного и выработкою такого за дверью школы, въ жизни?—Школа, говорятъ, догматически навязываетъ свою политическую программу учащимся. А книги, расходящіяся съ принципами школы,—а люди общественнаго мнѣнія, т. е. представители „антинаціональнаго“ взгляда, поступаютъ развѣ иначе?—Ужъ если говорить о догматизмѣ и навязываніи, то пріемамъ внушенія внѣшкольнаго мы съ полнымъ основаніемъ въ этомъ отношеніи должны отдать всестороннее преимущество. Мы всѣ прекрасно знаемъ,

что значать въ настоящее время въ „передней“, или прогрессивной литературѣ такія явленія, какъ литературная обструкция каждой несогласной съ либеральнымъ шаблономъ мысли, всевозможные интердикты включительно по недостойное застращиваніе слабой совѣсти всякими пугающими кличками. Между школою и внѣшкольнымъ воспитаніемъ разница только въ томъ, что догматизмъ школьный въ концѣ коноцѣвъ не связываетъ свободы, догматизмъ же внѣшкольный крѣпко одобренъ солидною дозой самой деспотической подчасъ нетерпимости... О чемъ же тогда разговоръ?..

Дѣло само по себѣ, конечно, просто. За всею этою странною аргументаціей пользы внѣшкольнаго политическаго воспитанія лежитъ плохо скрытое опасеніе вреда школы, какъ проводника именно воспитанія *національнаго*.—На это говоримъ съ твердостью: что такое воспитаніе существуетъ—это безспорно; что оно должно существовать—это аксіома общественной психологіи. А гдѣ вредъ отъ такого воспитанія—не ясно видно. „Народность есть положительная сила, и всякій народъ имѣетъ право на свободное развитіе своихъ національныхъ особенностей. Развитіе національнаго самосознанія есть великій успѣхъ въ исторіи человѣчества“ (Вл. Соловьевъ). Если это положеніе—внѣ спора, то, очевидно, вычеркнуть изъ національной школы программу воспитанія національнаго самоуваженія значитъ—подрѣзать въ корнѣ дѣйствительную силу общественно-народной жизни. Во-2-хъ, если самъ Карѣевъ дѣйствительно вѣритъ, что наука не имѣетъ отечества нигдѣ, и ея родина—весь человѣческій міръ (97 стр.), тогда апеллировать къ наукѣ въ данномъ случаѣ значитъ—неосторожно сбивать самого себя съ позиціи и признавать безнадежность утвержденія, будто „гуманитарное образованіе въ духѣ научныхъ и этическихъ (?) требованій“ одно сильно дать личности полное *всечеловѣческое* настроеніе. Для полноты индивидуальной жизни съ той ея стороны, которая касается раскрытія и реального осуществленія личной потребности въ сознательной общественно-національной дѣятельно-

сти, вынудительно необходимо—именно ради выработки впоследствии всемирно-гражданского настроения—пройти предварительную ступень осмысленного, плодотворного и глубокого проникновения в основы национального духа. На эту ступень и ставится личность учащагося, когда для нея в школь уроками прошлаго русской исторіи и жизни подчеркиваются всѣ выдающіеся моменты, характеризующіе русскую народность, какъ самобытную историческую силу. Повидимому, проф. Карѣва тревожитъ то обстоятельство, что въ объяснительныхъ запискахъ къ учебнымъ планамъ М. Н. П. прямо (будто бы) „предписывается внушать ученикамъ тѣ или другія опредѣленныя мысли съ характеромъ политическихъ оцѣнокъ по поводу разныхъ историческихъ дѣятелей и событій“ (111 стр.). Вредно ли это?—Проф. Карѣвъ отвѣчаетъ утвердительно и, защищая голый принципъ свободы, настойчиво требуетъ полной независимости преподавателя средней школы въ сужденіяхъ и оцѣнкахъ политической исторіи Россіи. Но, во-1-хъ, тутъ проф. Карѣвъ еще разъ сходитъ съ своей линіи, въ противорѣчіе съ собою разрѣшая уже руководителямъ школы слѣдовать опредѣленной программѣ преподаванія, лишь бы только она была независима отъ объяснительныхъ записокъ М. Н. П., и, такимъ образомъ, дозволяетъ въ школь „политическую пропаганду“. Во-2-хъ, какимъ ходомъ мыслей можно дойти до такого смѣлаго и рискованнаго утвержденія, будто истинное разумѣніе смысла историческихъ фактовъ есть привиллегія ума только преподавателя школы?—Какъ угодно, но тутъ все подозрительно-неясно... Что же касается объяснительныхъ записокъ М. Н. Просвѣщенія, то тамъ вѣдь дѣло не въ предписаніи, а лишь въ точномъ опредѣленіи историко-философскаго смысла русской жизни въ прошлыхъ судьбахъ и ея значенія въ общемировой жизни будущаго, т. е. тутъ дается просто правильное освѣщеніе фактамъ русской исторіи, ея дѣятелямъ и событіямъ и такимъ путемъ предотвращается, съ одной стороны, бесполезный для дѣла механически-индифферентный методъ преподаванія полной глубокого

смысла національно-русской исторіи; съ другой— совѣтъ вредный методъ сознательнаго извращенія русской исторіи въ духѣ „Очерковъ по русской культурѣ“ Милюкова, и... только.

Съ грустью оканчиваемъ эти краткія строки... Грустно, а надо сознаться, что въ странно осложнившейся за послѣднее время жизни русскаго общества говорятъ дѣйствительно (какъ замѣчаетъ проф. Карѣевъ) „на двухъ азбукахъ“, и многое въ нашей общественности складывается такимъ образомъ, что неподдѣльные азбучныя истины становятся „забытыми словами“, а многое, что нора бы выкинуть изъ духовнаго обихода, господствуетъ еще въ умахъ. Особенно печально то, что въ этомъ косноязычьи общественнаго говора доминирующій тонъ желаютъ взять лукавые голоса, настойчиво призывающіе великій русскій народъ въ лицѣ его молодыхъ надеждъ къ какому-то политическому смиренію и самоуничиженію и тѣмъ мало-по-малу подтачивающіе наши національно-творческія силы и лишаютъ народное чувство его вѣковой устойчивости и инстинктивной политической мудрости.

Свящ. *Е. Капраловъ.*

Совмѣстимо ли страхованіе жизни съ достоинствомъ и положеніемъ пастыря среди своихъ насомыхъ?

Въ дополненіе къ напечатанной въ № 37-мъ нашего журнала за текущій годъ статьѣ свящ. С. Брояковскаго: „Объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ православнаго духовенства“ считаемъ необходимымъ привести извлеченіе изъ замѣтки *А. С—ина*, помѣщенной въ № 26-мъ Орловскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за текущій годъ по вопросу о томъ, „совмѣстимо ли страхованіе жизни съ достоинствомъ и положеніемъ пастыря среди своихъ насомыхъ“?

Въ наше время наблюдается усиленное стремленіе оградить челоуѣка отъ различныхъ печальныхъ жизненныхъ слу-

чайностей, начиная съ простыхъ кражъ и пожаровъ и кончая болѣзнями и смертью. Эту задачу принимаютъ на себя разнообразныя общества, въ которыхъ на мѣсто единичныхъ слабыхъ силъ человѣка становится коллективная сила и работоспособность всѣхъ членовъ. Таковы, напр., всѣ общества страхованія отъ пожара, отъ кражъ, отъ градобитій, отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ и даже—на случай смерти. Во всѣхъ этихъ обществахъ наряду съ чисто коммерческими цѣлями главную роль играетъ принципъ взаимопомощи. Многочисленные агенты по страхованію разъѣзжаютъ по всей Россіи и всюду предлагаютъ свои услуги, наглядно выясняя выгоды и преимущества своихъ учрежденій. Насколько полезны всѣ подобныя предпріятія, ясно показываютъ повсемѣстно распространенныя разные виды страхованія,— и только сравнительно туго прививается въ обществѣ, и особенно среди духовенства, страхованіе жизни. Застраховать домъ, имущество, поле считается вполне естественнымъ и даже необходимымъ; но застраховать свою жизнь и работоспособность—это весьма часто вызываетъ недовѣрчивое отношеніе и даже порицаніе. Въ обществѣ приходится слышать довольно странныя сужденія по этому вопросу. „Теперь страхованіе жизни распространяется даже среди духовенства,— таково обаяніе новинки нашего практическаго вѣка“, обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ съ нескрываемою насмѣшкой. Конечно, какъ дѣло сравнительно новое, оно, естественно, могло вызывать—и доселѣ еще вызываетъ—недовѣріе; но прежде чѣмъ высказывать тѣ или другія сужденія, нужно ближе познакомиться съ нимъ.—Если мы считаемъ необходимымъ страховать свое имущество, то почему же предосудительно обезпечить свое семейство на случай смерти его работника и кормильца?—Очевидно, простого предубѣжденія здѣсь далеко не достаточно, а должны быть вѣскія данныя для возраженій противъ цѣлесообразности страхованія себя на случай смерти. По отношенію къ духовенству такое предубѣжденіе, повидимому, можетъ имѣть нѣкоторое основаніе,

такъ какъ для него важную роль играетъ здѣсь принципиальная сторона дѣла: совмѣстимо ли вообще страхование жизни съ достоинствомъ и положеніемъ пастыря среди своихъ пасомыхъ? Не будетъ ли это ронять его въ глазахъ паствы, какъ преемника апостольскаго служенія, которому Самъ Христосъ въ лицѣ Своихъ учениковъ заповѣдалъ не брать съ собою „ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ“ (Мѡ. 10, 9)?— Чтобы разрѣшить такое недоумѣніе, необходимо уяснить, что званіе пастыря не исключаетъ въ немъ заботы о матеріальномъ обеспеченіи себя и своей семьи, и что страхование жизни, какъ одно изъ средствъ обезпеченія, не стоитъ въ противорѣчій съ этимъ званіемъ.

Безъ сомнѣнія, каждая свободная личность, какое бы положеніе она ни занимала, нуждается въ земномъ обладаніи и собственности, въ извѣстной суммѣ внѣшнихъ условій для земного существованія, въ средствахъ для удовлетворенія не только естественныхъ потребностей, но и высшихъ—духовныхъ,—во всѣхъ такихъ условіяхъ и средствахъ, которыя имѣютъ свое общепризнанное представительство въ деньгахъ. Не нужно только помогаться большому обладанія. Поэтому, хотя Иисусъ Христосъ и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь, чтобы они не брали съ собою „ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ“, но этимъ Онъ отнюдь не запретилъ имъ заботиться о своемъ пропитаніи. Единственнымъ намѣреніемъ Его при подобномъ наставленіи было предохранить апостоловъ отъ рабства міру и его благамъ. И если бы апостолы буквально послѣдовали словамъ Спасителя, то они не могли бы достигнуть указаннаго Имъ идеала и стали бы въ положеніе, какъ разъ обратное свободному состоянію отъ міра, будучи обязаны ему въ силу простой необходимости. И мы видимъ въ послѣдствіи, что ап. Павель не только не считалъ для себя предосудительнымъ добывать пропитаніе дѣланіемъ палатокъ, но даже, въ противорѣчій съ буквою Господня повелѣнія—не имѣть двухъ одеждъ, имѣеть таковыя, такъ какъ просить прислать ему

оставленную въ Тродѣ одежду (2 Тим. 4, 9). Очевидно, рѣчь Господа въ наставленіи апостоламъ клонилась лишь къ тому, что ученики Его въ своей апостольской дѣятельности должны ограничивать свои потребности и особенно не имѣть такихъ, которыя могли бы мѣшать имъ при исполненіи своего призванія. Слѣдовательно, какъ для апостоловъ, такъ и для всѣхъ преемниковъ ихъ служенія любовь къ себѣ и удовлетвореніе насущныхъ потребностей не только не исключаются, но должны занимать вполне законное мѣсто среди необходимыхъ проявленій человѣческой природы. Само Св. Писаніе ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ, когда говоритъ, что „никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питасть и грѣеть ю“. А такъ какъ христіанство, по общепринятому убѣжденію, есть религія, наиболѣе полно отвѣчающая всѣмъ законнымъ стремленіямъ и запросамъ человѣческаго духа, то ясно, что она даже не можетъ отрицать и погашать первую и наиболѣе важную изъ нихъ—потребность поддержанія и охраненія жизни. Поэтому, хотя заповѣдь о любви къ себѣ и нигдѣ не выражена прямо въ Св. Писаніи, какъ понятная и близкая человѣку сама по себѣ, но въ сущности она вездѣ предполагается, какъ необходимая и основная предпосылка. Такъ, давая „новую заповѣдь“ о любви къ ближнимъ, Самъ Іисусъ Христосъ мѣрою этой любви поставляетъ не что иное, какъ любовь къ самому себѣ: „возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе“ (Мѡ. 22, 39). Точно также и въ преподанной Имъ молитвѣ всѣмъ людямъ заповѣдуется: „сице убо молитесь: Отче нашъ... хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ“ (Мѡ. 6, 11).—Любовь къ себѣ и забота о себѣ, не говоря уже объ ихъ естественности и законности, даже нравственно необходимы. Такъ, кто желаетъ дѣйствовать и трудиться единственно для царства Божія внѣ себя самого, но забываетъ при этомъ трудиться надъ индивидуальною разработкою собственной личности, тотъ не будетъ настолько способенъ, чтобы воистину дѣйствовать и быть чѣмъ-либо для другихъ, ибо только твердая и самостоятельная индивидуальность умѣетъ любить и всею

душею предаваться дѣлу. Наконецъ, эта необходимость любви къ себѣ и заботы объ обезпеченіи своей жизни еще болѣе усиливаются у каждаго, а въ томъ числѣ и у пастырей Церкви, тѣсно связанною съ его личною жизнью судьбою его семьи. Семья не можетъ ни основаться, ни быть поддерживаема безъ собственности, безъ нѣкотораго матеріальнаго запаса, которымъ бы могла располагать человѣческая свобода,—такого запаса земныхъ благъ, какой необходимъ для существованія, совмѣстимаго съ достоинствомъ человѣческой свободы. Если каждый изъ насъ обязанъ любить своихъ ближнихъ и ничего не щадить для нихъ, то тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто по отношенію къ нашимъ приснымъ—семейнымъ, которые являются для насъ ближними вдвойнѣ: и какъ дѣти одного Отца Небеснаго, и какъ наша плоть и кровь. Относительно себя мы еще можемъ до нѣкоторой степени не прилагать особенныхъ заботъ, такъ какъ „одна голова“, по словицѣ, „не бѣдна, а если и бѣдна, то все-таки одна“, но по отношенію къ семейству не простительно, если жена и дѣти терять нужду въ одеждѣ и пищѣ. Само Св. Писаніе говоритъ, что „аще кто о своихъ, паче же о присныхъ (домашнихъ) не помышляетъ, вѣры отвергся и невѣрнаго горпій есть“ (I Тим. 5, 8); а по отношенію къ пастырю даже запрещаетъ поставлять въ епископскій санъ того, „кто не умѣетъ домъ свой добрѣ правити“ (I Т. 3, 4). Отсюда ясно, какава важная обязанность лежитъ на пастырѣ по отношенію къ себѣ, а наипаче къ своимъ близкимъ въ видѣ необходимости обезпеченія жизни изысканіемъ наиболѣе пригодныхъ средствъ для этого. Конечно, пока человѣкъ живъ и вполне здоровъ, эта обязанность не вызываетъ особенныхъ заботъ, такъ какъ проходима имъ должность всегда доставляетъ ему и его семейству средства для существованія. Но вѣдь никто не можетъ быть увѣренъ, что его завтра или даже сегодня не постигнетъ болѣзнь или смерть, а потому и вопросъ объ обезпеченіи себя и своей семьи получаетъ особенное значеніе. Правда, для духовенства вопросъ этотъ, съ введеніемъ

нового пенсіоннаго устава 1902 г., до извѣстной степени утратилъ свою остроту; однако и теперь положеніе его, и особенно вдовъ и сиротъ, оставляетъ еще желать много лучшаго и далеко не исключаетъ необходимости искать иныхъ путей и другихъ способовъ болѣе прочнаго и надежнаго матеріальнаго обезпеченія. Въ этомъ отношеніи страхованіе жизни, по нашему мнѣнію, должно быть поставлено на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, хотя чуткую совѣсть, какъ мы уже говорили, можетъ отчасти смущать такой способъ обезпеченія, или даже не столько самъ онъ, сколько его названіе, самый терминъ „страхованіе жизни“. При одномъ произнесеніи его въ нашемъ умѣ неволью возникаетъ мысль, что, страхуя жизнь свою, мы этимъ какъ бы унижаемъ ея высокое значеніе и обращаемъ ее въ предметъ простой спекуляціи. Но стоитъ только познакомиться съ однимъ изъ уставовъ страхового общества, чтобы убѣдиться, что въ сущности терминъ *страхованіе жизни* далеко не точенъ и не выражаетъ собою истиннаго характера обозначаемаго имъ понятія. Страхуя себя въ томъ или другомъ обществѣ, мы собственно не жизнь свою страхуемъ, этотъ великій даръ Божій, а страхуемъ основной источникъ семейныхъ средствъ къ жизни—свою работоспособность. Всѣмъ окружающимъ насъ печальнымъ случаямъ—въ видѣ болѣзни, увѣчья и смерти, при которыхъ наши ближніе останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію, мы противопоставляемъ, въ формѣ страхованія жизни, твердо обезпеченныя средства, далеко не требующія отъ насъ непосильныхъ жертвъ. Не жизнь свою продаемъ мы, не боремся противъ назначеннаго Богомъ удѣла хотимъ, а только имѣемъ въ виду оградить себя и особенно своихъ присныхъ отъ угрожающихъ имъ бѣдности и безпомощности. При этомъ смерть далеко не играетъ здѣсь главной роли, а преимущественно имѣется въ виду выживаніе назначеннаго при страхованіи срока, по истеченіи котораго затраченный на уплату премій капиталъ обыкновенно возвращается кліенту. Такимъ образомъ, страхованіе жизни въ сущности сводится

лишь къ возможности путемъ небольшихъ ежегодныхъ взносов составить извѣстный капиталъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ обычнаго способа сбереженій въ кассахъ, что здѣсь возможность сбереженій ограждена отъ печальныхъ случайностей. Благодаря развитію дѣятельности обществъ, нѣкоторыя изъ нихъ, на-ряду съ первоначальною цѣлью—возмѣстить хотя отчасти матеріальный ущербъ, причиняемый семьѣ преждевременною смертію ея главы, преслѣдуютъ также и другую, не менѣе важную цѣль—обезпеченіе страхователя и его семьи на тотъ случай, если онъ лишится способности къ труду. „Если болѣзнь застраховавшагося“, говорится въ уставѣ одного изъ такихъ обществъ („Урбэнъ“), „продолжается свыше двухъ мѣсяцевъ, то онъ освобождается отъ уплаты премій на все время болѣзни; при этомъ страховой полисъ остается въ полной силѣ, а неуплаченные въ періодъ болѣзни преміи впоследствии не взыскиваются. Если же результатомъ болѣзни или несчастнаго случая является полная неспособность къ труду, то платежъ преміи прекращается вовсе, и общество выплачиваетъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ застрахованной суммы, остальную же четверть—по наступленіи срока полиса, или послѣ смерти застрахованнаго лица“. Очевидно, при такомъ характерѣ и назначеніи страхованіе жизни не только не заключаетъ въ себѣ чего-либо предосудительнаго, а, наоборотъ, въ высшей степени цѣлесообразно и вполне согласно какъ съ христіанствомъ и его заповѣдью о любви къ себѣ и приснымъ (Мѡ. 22, 39; I Тим. 5, 8), такъ и съ здравымъ смысломъ, предохраняющимъ насъ отъ безпечности и совѣтующимъ „на Бога надѣяться, но и самому не плошать“. *А С—инъ.*

¹⁾ См. № 30 с. г.

По поводу предстоящей реформы села ¹⁾.

Есть еще одинъ вопросъ, на который слѣдовало бы обратить самое серьезное вниманіе всѣмъ органамъ сельскаго

¹⁾ См. № 30 с. г.

управленія, въ особенности же пастырямъ, наканунѣ реформы села. Вопросъ этотъ заключается въ *организаціи мелкаго кредита*.

Какъ извѣстно, большинство сельскаго населенія живетъ главнымъ образомъ земледѣліемъ. Но не вездѣ земледѣліе исполнѣе обезпечиваетъ деревенскій людъ—частію по причинѣ слишкомъ замѣтно увеличивающагося населенія, частію же по причинѣ малоземелья. Это разъ. Второе: обычными спутниками сельскаго хозяйства являются недороды вслѣдствіе засухъ, нападенія вредныхъ насѣкомыхъ, эпизоотій, градобитій, пожаровъ и т. п. Все это, взитое вмѣстѣ, побуждаетъ крестьянина-земледѣльца, для поддержанія своего существованія, искать заработковъ на мѣстѣ или же обращаться къ отхожимъ промысламъ. Но вѣдъ заработки главнымъ образомъ бывають въ лѣтнее время, въ зимнее же время въ большинствѣ селъ и деревень царитъ полнѣйшая безработица, а между тѣмъ существовать чѣмъ-нибудь нужно. Это при обыкновенномъ теченіи жизни. Но бывають случаи особые, такъ называемые экстраординарные, когда требованія въ средствахъ значительно усиливаются: напр., случится у кого-либо пожаръ, похороны, свадьба, падеть рабочая скотина—главный кормилецъ всей семьи и т. п. Гдѣ добыть средствъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ деревенскому крестьянскому люду, трудящемуся изъ-за куска насущнаго хлѣба?

Выходъ изъ такого положенія одинъ: обратиться къ какому-нибудь деревенскому „благодѣтелю“ за кредитомъ. Подъ влияніемъ частой—и притомъ неотложной—нужды въ ссудахъ и развилось весьма нежелательное, въ деревенской жизни заурядное явленіе, извѣстное надъ именемъ *кулачества* или *ростовщичества*. И тотъ и другой способъ обирающагося люда вноситъ весьма много разлагающихъ началъ въ деревенскую жизнь, способствуя обѣднѣнію большинства и обогащенію кулаковъ, міроѣдовъ и ростовщиковъ. Какъ острое проявленіе общаго недовольства противъ такого ненормальнаго порядка вещей, являються все чаще и чаще повторяю-

щієся въ послѣднее время случаи различнаго рода стачекъ забастовокъ, погромовъ и т. п. Чтобы предупредить всѣ подобнаго рода бурныя вспышки народнаго недовольства, необходима цѣлесообразная организація мелкаго кредита.

Въ настоящее время комиссія, въ которой подводятся итоги совѣщаніямъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, пришла тоже къ заключенію о крайней необходимости организаціи мелкаго кредита. Съ этою цѣлію рѣшено войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи суммъ изъ Государственнаго Казначейства на учрежденіе по деревнямъ и селамъ подобнаго рода кредитныхъ учрежденій. Они будутъ находиться въ вѣдѣніи Государственныхъ сберегательныхъ кассъ, и изъ нихъ будутъ выдаваться, съ соблюденіемъ извѣстной гарантіи, небольшія ссуды всѣмъ нуждающимся въ нихъ. Завѣдываніе этими кредитными учрежденіями и веденіе въ нихъ операцій будетъ сосредоточено въ рукахъ особой комиссіи изъ лицъ, близко стоящихъ къ крестьянскому сословію, каковы: земскіе начальники, волостныя правленія, полиція и т. п.

На основаніи этихъ предварительныхъ данныхъ и свѣдѣній, организація мелкаго кредита, имѣющая свою цѣлію выдавать подъ небольшіе проценты мелкія ссуды нуждающемуся сельскому населенію, будетъ имѣть болѣе или менѣе *оффиціальныи* характеръ. Съ другой стороны, нѣкоторыя ограничительныя мѣры, въ родѣ общественной поруки или справки о платежной способности кредитора, должны будутъ послужить не маловажнымъ тормазомъ къ быстрому и желательному развитію подобнаго рода благодѣтельныхъ по идеѣ своей учрежденій. Гораздо проще и цѣлесообразнѣе было бы, если бы проектируемыя кредитныя учрежденія составляли неотъемлемую принадлежность каждаго прихода. Пусть приходъ съ своими представителями и настоятелемъ во главѣ будетъ главнымъ распорядителемъ кассы мелкаго кредита, а земскіе начальники съ подвѣдомственными имъ лицами и учрежденіями пусть оказываютъ необходимую имъ помощь, если бы

она почему-либо и въ чемъ-либо потребовалась;—и дѣло организаціи мелкаго кредита по деревнямъ и селамъ возымѣло бы самый желательный ходъ и значеніе. Приходъ въ лицѣ своихъ представителей лучше всего знаетъ нужды и платежныя способности своихъ односельцевъ; поэтому, тому же приходу слѣдовало бы поручить и открытіе и веденіе дѣлъ по организаціи мелкаго кредита въ деревнѣ.

Но для того, чтобы открыть дѣйствія „мелкаго кредита“, необходимы средства; а гдѣ ихъ взять въ деревнѣ?—Такъ какъ „мелкій кредитъ“ есть учрежденіе въ высшей степени симпатичное и, можно даже сказать, *благотворительное*¹⁾, то и средства на первоначальную организацію этого дѣла должны быть изысканы прежде всего путемъ добротныхъ пожертвованій.

Для образованія необходимаго фонда и дальнѣйшаго поддержанія его могутъ служить членскіе взносы. Столь высокая и симпатичная цѣль, какъ оказаніе поддержки нуждающемуся „въ минуту жизни трудную“, непременно должна встрѣтить полное сочувствіе среди членовъ каждой приходской общины. На это сочувствіе всегда можно рассчитывать, принимая во вниманіе, что „грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ“, и всякій можетъ раньше или позже почувствовать нужду въ ссудѣ, которую и позаимствуетъ въ своемъ же приходскомъ кредитномъ учрежденіи. Поэтому, при умѣлой постановкѣ дѣла, недостатка въ членахъ не будетъ; а чѣмъ больше будетъ членовъ, тѣмъ болѣе широкую помощь можетъ оказывать касса.

Принимая во вниманіе лежащую въ основѣ открытія названныхъ кредитныхъ учрежденій благотворительную цѣль, слѣдуетъ также привлечь къ увеличенію капитала приходскія церкви и попечительства. Ни одна церковь не обѣднѣетъ,

¹⁾ Иначе его и нельзя назвать, такъ какъ главная цѣль организаціи „мелкаго кредита“ заключается въ выдачѣ ссудъ подъ небольшіе проценты бѣдному нуждающемуся люду.

если въ пользу своей приходской благотворительной кассы будетъ отчислять извѣстный процентъ, принимая во вниманіе, что и суммы церковныя составляются главнымъ образомъ изъ пожертвованій тѣхъ же прихожанъ. Почему же храмъ, съ амвона котораго такъ часто раздаются слова милосердія и братской взаимопомощи, долженъ быть безучастенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣлѣ требуется такая помощь и поддержка? Не только онъ не долженъ быть безучастенъ, а, напротивъ, обязательно долженъ принимать самое активное участіе въ оказаніи дѣлъ христіанскаго милосердія всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ, мѣлости и помощи требующимъ“. А о приходскомъ попечительствѣ и говорить нечего. Дѣло это должно быть самымъ близкимъ ему, и приходское попечительство должно всемѣрно заботиться объ увеличеніи капиталовъ кассы путемъ сбора пожертвованій и привлеченія къ нимъ тѣхъ лицъ, которымъ дароваль Богъ имущественный достатокъ и „изобиліе плодовъ земныхъ“. Всѣ остаточныя суммы, которыя могутъ образоваться послѣ удовлетворенія нуждъ попечительства, слѣдовало бы также ассигновать на усиленіе средствъ кассы.

Можно бы еще, наконецъ, рассчитывать и на пособіе отъ казны; но въ данномъ случаѣ надежнѣе опираться на свои домашнія, такъ сказать, средства, чѣмъ на какія-либо стороннія. Лучше не разбрасываться слишкомъ широко, а, ограничиваясь кругомъ своего прихода, и всѣ сборы и пожертвованія на нужды кассы мелкаго кредита черпать въ районѣ его одного... Подобнаго рода кассы функціонируютъ уже въ нѣкоторыхъ приходахъ. Начались онѣ съ самой незначительной суммы; 50—100 рублей, которые легли въ основаніе дѣла, разрослись затѣмъ, съ теченіемъ времени, въ тысячи; все дѣло зависитъ онѣ инициаторовъ и лицъ, сочувствующихъ дѣлу.

Въ добрый часъ! Дай Богъ побольше кассъ „мелкаго кредита“: онѣ въ высшей степени необходимы и для поддержанія нуждающагося люда, и для отвлеченія симпатій его отъ рас-

колосектантства. Эти уклоненія изъ лона Православной Церкви главнымъ образомъ основываются на той поддержкѣ, которую стараются привлечь на свою сторону враги православія. А если православныя общины стануть „другъ друга тяготы носить“ и спѣшить съ братскою помощію къ удрученному горемъ и нуждой, тогда навѣрное далеко меньше будетъ совращеній въ ереси и секты, чѣмъ сколько было ихъ доселѣ.

Резюмируя все сказанное нами относительно желательной реформы села, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Должно: 1) по возможности сократить, а еще лучше—совершенно прекратить торговлю по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, чѣмъ поднимется значеніе праздничнаго времени для религіозно-нравственной жизни сельскаго населенія; 2) закрыть продажу питей въ тѣ же дни; 3) позаботиться о всеобщемъ обученіи и всеобщей грамотности для нашего народа и вообще возможно большаго распространенія среди него просвѣщенія; 4) обязательно сосредоточить народныя школы въ однихъ рукахъ, въ одномъ вѣдомствѣ; 5) дать дѣлу народнаго образованія исключительно религіозно-нравственное и строго-церковное направленіе, чего можно достигнуть только при помощи надлежащей постановки въ этихъ школахъ Закона Божія и вспомогательныхъ ему предметовъ—церковно-славянскаго языка и пѣнія церковнаго; 6) вручить дѣло народнаго образованія главнымъ образомъ духовному вѣдомству; 7) духовенству обращать побольше вниманія на питомцевъ школы и по выходѣ изъ нея, поддерживая съ ними самую живую и непосредственную связь при помощи бесѣдъ въ школѣ, воспятавшей ихъ, объ истинахъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, а также о предметахъ, необходимыхъ въ житейскомъ быту ихъ; 8) тѣ же истины развивать и укрѣплять въ нихъ посредствомъ открытія приходскихъ бесплатныхъ бібліотекъ-читаленъ; 9) приучать школьниковъ къ церковному пѣнію такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ могли составиться руководители и главные

участники при заведеніи въ храмахъ общаго пѣнія; 10) обратить самое серьезное вниманіе на улучшеніе церковнаго чтенія; 11) тщательно пересмотрѣть и проредактировать правила о церковно-приходскихъ попечительствахъ.

Свящ. С. Брояковскій.

¹⁾ Редакція дастъ мѣсто настоящей горячей замѣткѣ священ. П. Третьякова, считая ее выраженіемъ, — вѣсколько крайняго, безъ сомнѣнія, — взгляда многихъ пастырей на интересующее теперь и общество и духовенство направленіе религіозно-философской мысли, проповѣдникомъ котораго ожидается журналъ „Новый путь“. *Ред.*

участники при заведеніи въ храмахъ общаго пѣнія; 10) обратить самое серьезное вниманіе на улучшеніе церковнаго чтенія; 11) тщательно пересмотрѣть и проредактировать правила о церковно-приходскихъ попечительствахъ.

Свящ. С. Брояковскій.

¹⁾ Редакція дастъ мѣсто настоящей горячей замѣткѣ священ. П. Третьякова, считая ее выраженіемъ, — вѣсколько крайняго, безъ сомнѣнія, — взгляда многихъ пастырей на интересующее теперь и общество и духовенство направленіе религіозно-философской мысли, проповѣдникомъ котораго ожидается журналъ „Новый путь“. *Ред.*

пропитана грязнымъ цинизмомъ, иногда въ самыхъ уродливыхъ проявленіяхъ. Для примѣра укажемъ хотя бы слѣдующія беллетристическія произведенія и статьи: „Россети“—очеркъ Рихарда Мутера, „На этапѣ“—А Ремезова, „Кентавръ“—Анри-де-Ренье, „Тайная правда“—Меньшова, „Таракавій па-стухъ“—Никиты Вечерь. Даже Гоголь, этотъ дѣвственникъ и, по отзыву самихъ враговъ его, „истинный мученикъ христіанства“—и тотъ обвиняется—не болѣе, не менѣе, какъ въ „жуткомъ демоническомъ сладострастіи“ („Судьба Гоголя“—Мережковского). Какъ на образецъ болѣзненного сумбура символизма, можно указать на рассказъ Гобеленца—„Картина Джемса Аббота“ и на рецензію Алек: Блока (Апр., „Андрей Бѣлый“, симфонія 2-я драматическая. Книгоиздательство „Скорпионъ“, Москва, 1902 г.). Вообще, изданія „сверхъ-разсудныхъ“ писателей пользуются симпатіями журнала. Понятно, какъ не пріятно должно быть для такихъ поклонниковъ плоти чистое, неповрежденное Христово ученіе съ его возвышенными требованіями нравственности и подчиненіемъ плоти руководству духа. Этимъ и объясняется довольно откровенная тенденція журнала—унизить, опошлить христіанство, замѣнивъ Божественное евангельское ученіе обычною религіозно-философскою системою, покладистою и снисходительною до оправданія и даже ослѣщенія порока. „Христіанство должно *освятить*, (замѣтьте—*освятить*, а не *одухотворить*) плоть (Апр., 205 стр.) со всѣми ея потребностями, даже непотребными“. Только въ такомъ случаѣ получаетъ оно право на существованіе, иначе война ему, война безошадная, непримиримая. Замѣчательнъ въ этомъ смыслѣ напечатанный въ февральской книжкѣ журнала проектъ *протоіеря У-скаго*, по которому, „если мужъ и жена не желаютъ долѣе сожителъствовать между собою, то они приходятъ къ своему священнику, заявляютъ ему о семъ и тотчасъ же получаютъ отъ него разводъ“. Какъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ цинично! И насколько выше, по въ сущности исполнимѣе, христіанская мораль съ ея девизомъ: „еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ“ и запрещеніемъ развода „развѣ словесе прелюбодѣйна“!

Въ началѣ изданія журнала нѣкоторые духовные писатели привѣтствовали его съ искреннею радостію и выразили ему не мало добрыхъ, сердечныхъ пожеланій. Да и какъ было не радоваться, читая заявленіе редакціи, будто она, отвергнувъ старый путь позитивизма, намѣрена идти новымъ путемъ „подчиненія себя и другихъ Единому Отцу и правды человѣческой высшей правдѣ Божіей?“ Вѣдь это означало поворотъ известной части общества—довольно вліятельной интеллигенціи—отъ невѣрія къ вѣрѣ, отъ міра къ Церкви, отъ діавола ко Христу. Это былъ призывъ отъ нравственной распущенности или, по крайней мѣрѣ, безразличности, къ нравственному совершенствованію, отъ эгоизма къ дѣятельной любви христіанской. Но послѣдствія показали, что радость была преждевременна: теперь уже выяснилось, что передъ нами не друзья, а враги Христа и Его св. Церкви, враги ожесточенные и непримиримые. Ихъ Богъ—не нашъ Богъ, ихъ Христосъ—не нашъ Христосъ, ихъ вѣра — не наша вѣра. Насколько возвышенна религія Христова, настолько низко и пошло это *новое ученіе* съ его боготвореніемъ плоти (см. ст. Розанова въ іюньской книжкѣ: „Въ своемъ углу“, гдѣ онъ требуетъ *освящать молитвою начало и конецъ главныхъ физиологическихъ процессовъ!*) Все великое и Божественное въ нашей религіи преслѣдуется, а проповѣдуется полное господство разпущданной, безудержной плоти. Заявленіе журнала оказалось лживымъ: не къ Богу онъ ведетъ, какъ обѣщаль, а къ плоти и закону плотяному, а потому не слѣдуетъ и увлекаться имъ. У насъ есть Христосъ—„путь, истина и животъ“, есть св. Церковь, „въ которой путь и дорога, какъ устремить все въ чловѣкѣ одинъ согласный гимнь“ Богу (Гоголь). *Видемъ узкими вратами: яко пространная врата и широкій путь вводя въ паубу . . . , а узкая врата и тѣсный путь вводя въ животъ* (Мат. 7, 13. 14). Священникъ П. Третьяковъ.

За Редактора, пом. Редактора Г. О. Булашевъ.

Отъ Кіев дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 декабря 1903 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, декабря 28-го.

Содержаніе: Предъ разсвѣтомъ.—У Виелемской пещеры.—Условія плодотворнаго участія сельскаго приходскаго духовенства въ общественной жизни своей паствы. — Къ статьѣ: „О всесословной волости и возрожденіи прихода“.—Изъ жизни сельскаго священника.

Предъ разсвѣтомъ.

Глубокая тьма облегла міръ предъ пришествіемъ Христа, Солнца правды, *Свѣта языковъ*. Безпросвѣтная ночь спустилась надъ міромъ; среди мрака ночи то тамъ, то здѣсь вспыхивали и зажигались свѣточки, но они только усиливали мракъ: они гасли, а мракъ сгущался, и ночь становилась темнѣй. Религіозная и нравственная тьма объяла умы и сердца людей. Человѣчество стремилось, искало смысла жизни, жаждало высшихъ идеаловъ: оно искало истины. Въ философскихъ системахъ, особенно въ возвышенной философіи Платона и Аристотеля, геній человѣческой, казалось, уже предугадывалъ истину, соприкасался съ ней, но, измучившись въ безплодныхъ поискахъ, усталъ и, отчаявшись въ самой возможности най-

ти истину, пришелъ къ сомнѣнію. Грандіозная, по своей фило-софской конценціи, система Платона и Аристотеля смѣнилась скептицизмомъ, признаніемъ полного безсилія философской мы-сли въ рѣшеніи вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго духа. Скен-тицизмъ былъ послѣднимъ словомъ философіи древняго міра. „Что есть истина?“—этимъ скептически-ироническимъ вопро-сомъ Пилата, явившагося выразителемъ сознанія всего обра-зованнаго человѣчества того времени, закончилась философія языческаго міра.

Въ области нравственной и соціальной жизни положеніе было еще безотраднѣе. Скептицизмъ неизбежно велъ къ нрав-ственному индиферентизму, апатіи стоицизма или же къ пол-ной нравственной безпринципности эпикуреизма.

Въ области соціально-экономической жизни рѣзко бро-сается въ глаза *два* органически связанныхъ явленія жизни: чрезмѣрное богатство и роскошь однихъ и поражающая бѣд-ность и угнетеніе другихъ. По свидѣтельству Плинія, состоя-ніе Цецилія Клавдія, потерявшаго уже часть своего имуще-ства въ междоусобныхъ войнахъ, простиралось наличной мо-нетой до 4 милліоновъ рублей на наши деньги; кромѣ того, у него было 4,116 рабовъ, 300 паръ быковъ и 257,000 головъ другого скота... У Красса было земель на 11 милліоновъ руб., не считая наличной монеты, рабовъ и домашняго имущества. У Сенеки было 16, а у Лентула 25 милліоновъ рублей ¹⁾. Нѣкоторые римскіе богачи имѣли до 10,000 рабовъ. Островъ Делось, служившій главнымъ рабовладѣльческимъ рынкомъ, отпраивлялъ для продажи ежедневно до 10,000 человѣкъ ²⁾. Рабы, конечно, не считались за людей, а трактовались, какъ строптивыя и опасныя животныя; но и бѣдность презиралась и считалась позорной. „Бѣдность,—говоритъ недавно умершій знаменитый историкъ,—считалась не только единственнымъ, но и худшимъ позоромъ и преступленіемъ; за деньги государ-

¹⁾ Кольбъ Ф. Исторія человѣческой культуры, стр. 454.

²⁾ Ibid., стр. 453.

ственный человекъ продавалъ государство, гражданинъ продавалъ свою свободу; должности офицера, какъ и шаръ присяжнаго, были продажны; за деньги же отдавалась знатная дама, какъ и уличная куртизанка; поддѣлка документовъ и клятвopреступленія были такъ распространены, что одинъ изъ народныхъ поэтовъ того времени называетъ клятву *почвой для домовъ*. Честность была забыта: тотъ, кто отказывался отъ подкупа, „считался не честнымъ человекoмъ, а личнымъ врагомъ“.

Всё святое и дорогое пошралось и приносилось въ жертву деньгамъ; жажда денегъ толкала на преступленія, отъ которыхъ стонала земля. „Священные обряды религіи,—говорить Тацитъ,—нарушались, развратъ царствовалъ безъ удержки, прилегающіе острова наполнены были изгнанниками: скалы и пустынные мѣста запятнаны тайными убійствами, самый Римъ былъ театромъ ужасовъ, гдѣ добродѣтель была преступленіемъ, которое вело къ вѣрной гибели; гдѣ виновность доносчиковъ и жалованье за ихъ низости были одинаково отвратительны; гдѣ эта гнусная природа захватывала, какъ свою законную добычу, и жреческое сословіе, и консульское достоинство, и управление провинціями, и даже совѣтъ государя; гдѣ не было ничего святого, ничего безопаснаго отъ рукъ хищниковъ; гдѣ рабы возбуждались противъ господъ или подкупомъ, или собственной ненавистью; гдѣ свободные люди измѣняли своимъ патронамъ, и человекъ, прожившій безъ враговъ, умиралъ отъ предательства друга“¹⁾. Сенека приходитъ въ ужасъ и отчаяніе отъ преступленій и разврата, царившаго повсюду явно и открыто.

Подъ вліяніемъ этой глубокой деморализаціи появляется пессимизмъ, который съ теченіемъ времени становится все мрачнѣе. Лучшіе люди, какъ Плиній, Софокль, Эврипидъ, Цицеронъ, громко выражаютъ свое недовольство жизнью, отчаяніе. Стоическая философія исповѣдывала презрѣніе къ жизни и самоубійство, какъ лучшій исходъ.

¹⁾ Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, стр. 218.

Всѣ философы, начиная съ Платона и Аристотеля, своими философскими системами, а ученые своими теоріями о происхожденіи міровъ (Теренцій Варронъ и Эвгемеръ) систематически подрывали вѣру въ боговъ. Образованные люди (Страбонъ, Плиніи, Сенека) считали вѣру въ боговъ суевѣріемъ въ религіи и не видѣли средства воздѣйствія на грубыя массы народа. Правители (Августъ) подвергали статуи боговъ всенародному поруганію. „Міръ вѣры сталъ пустъ, и боги перешли изъ души человѣка въ римскій пантеонъ; и здѣсь уже не встрѣчаетъ ихъ живая вѣра, а только любопытство ищетъ себѣ пищи въ этихъ окаменѣвшихъ свидѣльствахъ человѣческаго суевѣрія“¹⁾.

Философія, разрушившая народную вѣру, хотѣла замѣнить собою религію, разрѣшить всѣ вопросы и сомнѣнія,—но сама пришла къ сомнѣнію: разрушивъ все, она не создала ничего. Отказавшись отъ рѣшенія (Пилатовскаго) вопроса объ истинѣ, умъ человѣческой не могъ отрѣшиться отъ самаго вопроса, который все такъ же неотступно стоялъ предъ сознаніемъ и такъ же настойчиво требовалъ разрѣшенія. Подорвавъ народную вѣру, философія не могла, конечно, искоренить потребности вѣры, всегда живой и сильной въ человѣческомъ духѣ: „пустъ жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ“. И этотъ огонь не угасалъ въ душѣ человѣческой. Съ крушеніемъ традиціонныхъ формъ религіи, религіозное чувство проявилось въ ненормальныхъ формахъ духовной жизни—мистицизмъ и суевѣріяхъ, которыми были заражены лучшіе люди своего времени, въ которыхъ они — сознательно или бессознательно — искали удовлетворенія религіозной потребности. Съ усиленіемъ скенцизма и невѣрія усиливалась потребность вѣры, выростала жажда небснаго, божественнаго, вѣчнаго. Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе одно характерное явленіе духовной жизни того времени—это особая напряженная чуткость ко всему, что каса-

¹⁾ Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи, т. 1, стр. 55.

лось міра высшаго. Въ органической связи съ этимъ находится другое характерное явленіе—ожиданіе великаго переворота въ области духовно-нравственной жизни чело­вѣчества, который въ корнѣ измѣнить весь строй и направленіе чело­вѣческой жизни. Ожидалось, именно, откровеніе съ небесъ, явленіе на землѣ небесной, божественной жизни, которую принесетъ Божественное Существо, Избавитель и Спаситель міра. Это ожиданіе было всеобщимъ. Оно было распространено въ Греціи и Римѣ—по свидѣтельству Светонія и Тацита ¹⁾, въ Индіи и далекомъ Китаѣ. Философія рисуеътъ высокій идеаль праведника, страдающаго и гонимаго за правду (въ „Республикѣ“ Платона), и ожидаетъ Божественнаго Учителя, Который научить людей всѣмъ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу и людямъ („Алкивиадъ“—апологія Сократа). Ученые (волхвы) ищутъ звѣзду на востокѣ, предвѣстницу новой жизни. Таинственныя книги Сивиллъ пророчествуютъ о наступленіи золотого вѣка на землѣ.

Это ожиданіе было столько же напряженнымъ и страстнымъ, сколько тревожнымъ и радостнымъ. Человѣчество, измучившееся сомнѣніемъ, невѣріемъ, пустотою жизни, всѣми фибрами существа жаждало грядущаго избавленія, инстинктивно чувствовало его наступленіе, близость новаго откровенія жизни; оно тревожилось и трепетало отъ радости: „смотрите,—говоритъ Сивилла, — какъ все трепещетъ отъ радости въ предчувствіи приближающагося времени“ ²⁾.

И эта радость исполнилась. Звѣзда, появившаяся на востокѣ, была предвѣстницею разсвѣта, зари новой жизни. *Егда приде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего, раждаема отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя испунить.* Въ Вифсѣмѣ родился Христосъ. Сонмъ небожителей дивною пѣснью возвѣстиялъ міру великую радость о рожденіи Спаси-

¹⁾ Sueton. Vita vespasiani, c. 4 Tacit Histor. V, c. 13.

²⁾ Глаголевъ С., проф. Сверхъестественное откровеніе и естественное богопознаніе внѣ истиной Церкви, стр. 214.

теля міра: *Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, во чело-
вѣчествѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 10, 14). Эта пѣснь проне-
слась по всей землѣ и изъ года въ годъ съ тѣхъ поръ по-
ется во всѣхъ концахъ вселенной. Явился Христосъ, Свѣтъ
истинный, просвѣщающій всякаго челоѣвка, и открылъ людямъ
истину. Явился Христосъ—Божественная любовь—и испол-
нилъ сердца людей божественною любовью, далъ миръ душамъ
ихъ, примирилъ ихъ съ своею совѣстію и Богомъ. Явился
Христосъ, Источникъ жизни, и даровалъ міру новую—боже-
ственную жизнь. Во Христѣ, Сынѣ Божіемъ, явилась жизнь,
которая была у Отца (I Иоан. 1, 2; Иоан. 14, 6),—это духов-
ная—божественная и вѣчная жизнь: *вѣмы, яко Сынъ Божій
прииде и далъ есть намъ свѣтъ и разумъ: да познаемъ Бога
истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Иисусѣ
Христѣ: Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный.*
(I Иоанн., 5, 20). Христосъ—Свѣтъ, Путь, Истина и Жизнь.
(Иоанн. 12, 46; 14, 6). Вся міровая и челоѣвческая исторія имѣетъ
свой смыслъ только во Христѣ, Который осуществилъ цѣль мі-
ровой и челоѣвческой жизни. Чтобы жизнь челоѣчества имѣла
смыслъ, она должна приобщиться жизни Христовой, усвоить
ее¹⁾. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе, говоритъ Христосъ: иже
будетъ во Мнѣ. и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многа:
яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Иоанн. 15, 5).
Христосъ долженъ изобразиться въ сердцахъ людей и обитать
въ нихъ; жизнь людей должна быть отображеніемъ жизни
Христа. *Да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и
Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Иоан. 17, 21)—
вотъ идеаль челоѣвческой и міровой жизни.

Деятнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ надъ
землей занялась заря новой жизни. Но, всматриваясь въ даль
минувшихъ вѣковъ, сопоставляя настоящее съ давнопрошед-
шимъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя сходныя черты между этими

¹⁾ Гарбевъ М. М., проф. Цѣль и смыслъ жизни. Москва. 1902 г.,
стр. 86—87.

двумя, раздѣленными 19-ти-вѣковымъ промежуткомъ, историческими эпохами. Въ области философіи, послѣ богатаго расцвѣта ея, послѣ широкаго размаха философской мысли, наступила реакція, застой мысли, скептицизмъ. Грандіозныя философскія системы (Канта, Гегеля), гениальныя построенія творческаго духа (Лейбницъ, Шеллингъ и др.) смѣнились позитивизмомъ и агностицизмомъ, такъ называемой „научной философіей“, которая въ сущности является отрицаніемъ всякой философіи, крушеніемъ ея. Эмпиріо-критицизмъ (Маха и Авенариуса), это послѣднее слово и послѣдовательный выводъ позитивизма, является въ сущности отказомъ отъ философіи, самоотрицаніемъ научно-философской мысли. „Я знаю, что ничего не знаю“, говорилъ древній мудрецъ; но изъ этого положенія развилось философское міровоззрѣніе, дававшее отвѣтъ на запросы человѣческаго ума: сомнѣніе было стимуломъ развитія философіи. „Ignoramus: мы ничего не знаемъ“, говорятъ относительно вѣчныхъ запросовъ человѣческаго ума и основныхъ вопросовъ философіи современные агностики. „Ignoramus et ignorabimus!“ Древняя философія поставила вопросъ: „что есть истина?“—но не въ силахъ была рѣшить его. Современная философская мысль отказалась не только отъ рѣшенія этого вопроса, а и отъ самаго вопроса: она зачеркнула его. Вѣчное ignoramus и вѣчное ignorabimus—вотъ credo современнаго скептицизма.

Это ignorabimus, послѣ 19-вѣковаго развитія философской мысли звучитъ глубокимъ отчаяніемъ и ведетъ къ мрачному пессимизму.

Картина моральной и соціальной жизни настоящаго времени едва ли отраднѣе... Въ области соціально-экономическихъ отношеній нашего времени, какъ и въ древности, царятъ эгоизмъ и жестокая классовая борьба: *bellum omnium contra omnes*. Всѣ другъ другу враги; успѣхъ однихъ есть неудача другихъ; погибель однихъ очищаетъ мѣсто тысячамъ другихъ. Сильный выжимаетъ послѣдніе соки изъ слабаго и безсердечно давить его; слабый крадетъ, обманываетъ, предаетъ сильнаго;

древнее грубое рабство смѣнилось болѣе культурною формою рабства экономическаго, которое для повысившагося самосознанія едва ли лучше древняго.

Во имя чего же ведется эта безпощадная социальнo-экономическая борьба общественныхъ группъ? Во имя какого идеала жизни?—Деньги—вотъ идеаль жизни и кумиръ времени. Теперь, когда производственный процессъ сдѣлался мировымъ и всечеловѣческимъ, жажда денегъ разрослась до чего-то безмѣрнаго и неограниченнаго по своимъ размѣрамъ, до миллиардовъ Ротшильда или Вандербильда. Въ безумной погонѣ за ними забываются долгъ, честь и совѣсть—все святое, дорогое и завѣтное, приносимое на алтарь этого всепожирающаго молоха. Все, встрѣчающееся на пути и мѣшающее, сокрушается и сметается. Гибнуть люди, льется людская кровь. Тамъ интеллигенты съ высшимъ образованіемъ убиваютъ богатаго помѣщика новымъ средствомъ, которое является послѣднимъ словомъ науки,—убиваютъ съ дѣвольскою хитростію и адскимъ хладнокровіемъ, по заранѣ составленному плану, съ цѣлію грабежа. Здѣсь интеллигентныя дамы вмѣстѣ со своими мужьями небольшими дозами сильно дѣйствующаго средства искусно отправляютъ *ad patres* воспитавшую ихъ благодѣтельница съ цѣлію воспользоваться ея состояніемъ. Изъ-за денегъ дѣти возстаютъ противъ родителей и убиваютъ ихъ, родители продаютъ дѣтей, бросая ихъ въ бездну разврата. Хищничество и обманъ съ цѣлію наживы составляютъ типичное явленіе времени. Синдикаты, биржевая игра съ искусственнымъ повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ и разныхъ цѣнностей, пускающая по міру множество несчастныхъ, не представляютъ ли правильно организованнаго обмана и хищничества? Злостныя банкротства, крахи банкирскихъ конторъ, возрастающіе въ ужасающей прогрессіи, расхищеніе кассъ, бѣгство кассировъ, артельщиковъ, довѣренныхъ стали обычнымъ явленіемъ. Оправдывается мрачное предсказаніе Гартмана: „Уже наступаетъ время, когда ловкій воръ предоставляетъ глупому и пошлomu простонародію кражу и противо-

законное мошенничество, а самъ умѣетъ овладѣть чужою собственностію, нисколько не нарушая буквы закона“¹⁾).

Не безосновательно, хотя нѣсколько и преувеличенно, сомнѣніе Гартмана и г. Энгельгардта въ нравственномъ прогрессѣ челоѣчества: „политика желѣза и крови, антисемитизмъ, скандальное поведеніе европейцевъ въ Африкѣ, Австраліи, Индіи, вообще дикихъ странахъ, гдѣ съ европейца точно слѣзаетъ навязанная ему XIX вѣковъ гуманность, и развертывается истинная натура конквистадора, изумлявшаго своимъ коварствомъ и звѣрствомъ даже свирѣпыхъ мексиканскихъ жрецовъ; ожесточенная таможенная война—правда, безъ пушекъ и штыковъ, но съ міриадами жертвъ въ видѣ голодающихъ, безработныхъ и т. п.,—все это не признаки ли возврата на случайно и временно оставленный путь“, т. е. путь озвѣренія и жестокости?²⁾

Эти пессимистическіе выводы, какъ и вообще пессимизмъ, являются характерною чертою времени. Распространеніе философіи Шопенгауэра и Гартмана, а также необуддизма—характерныя явленія въ духовной жизни современнаго челоѣчества, сближающія послѣднюю съ эпохой предхристіанскою. Матеріалистическая культура съ ея мѣщанскими идеалами, скептицизмъ и крушеніе философіи, распатанность нравственныхъ устоевъ жизни и нравственная анархія произвели странное опустошеніе въ душѣ современнаго челоѣка. Отсюда—усталость, переутомленіе, какая-то растерянность. На сцену появляются „лишніе люди“, „нищіе духомъ“, всѣ эти „сумеречные“ герои, блуждающіе „въ потемкахъ души“.

Но какъ ни безнадеженъ пессимизмъ „одинокихъ людей“ и нѣвца ихъ, однако и въ наступающихъ сумеркахъ жизни уже замѣтенъ просвѣтъ, зажигаются огоньки вѣры и

¹⁾ Гартманъ Э. Философія безсознательнаго. Перев. проф. Козлова, II, 349.

²⁾ Энгельгардтъ М. А. Прогрессъ, какъ эволюц. жестокости. Сиб., 1899 г., стр. 33. См. Чехова А. П. „Въ оврагѣ“.

надежды. Религіозная жажда, эта тоска души о небесномъ, божественномъ, это *исканіе Бога* усиливаются. Общество, доселѣ скептическое и индифферентное, теперь интересуется религіозными вопросами: о нихъ говорятъ въ гостиныхъ, въ частныхъ кружкахъ, въ печати. Общество замѣтно охладѣло къ наукѣ, взявшейся разрѣшить всѣ вопросы человѣческаго ума, разгадать всѣ тайны бытія и жестоко обманувшей человека; его неудержимо тинетъ къ метафизикѣ и религіи. Мысль человѣческая сознательно стремится къ религіи, безъ которой „весь міръ бездыханенъ и пустъ“. Душа человѣческая безсознательно, инстинктивно ищетъ Бога и стремится къ Нему. Развѣ не религіозное исканіе проявляется во всѣхъ этихъ странныхъ *новыхъ* религіяхъ, въ родѣ культа Изиды, магіи Целладана, возрожденнаго буддизма? Не религіозная ли жажда души проявляется въ мистическихъ вѣяніяхъ новой литературы? Даже въ декадентствѣ и символизмѣ (Верленъ) нѣкоторые не безъ основанія усматриваютъ проявленіе—только болѣзненное и ненормальное — той же религіозной жажды, ищущей удовлетворенія. Даже въ философіи Нитцше, этого декадента мысли, видятъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, исканіе Бога. „Борьба съ Богомъ есть величайшая трагедія исторіи человѣчества. Она неизмѣнно сопряжена съ исканіемъ Бога. Нитцше всю свою жизнь горѣлъ на огнѣ отрицанія, всю свою жизнь думалъ о Богѣ,—и его отрицаніе, конечно, ближе къ настоящему утвержденію, чѣмъ утвержденіе многихъ“... Но несомнѣнно, что мистическія вѣянія въ нашей литературѣ, увлеченіе нитцшеанствомъ, возрожденіе идеализма—все это связано съ религіознымъ исканіемъ. „Тоска нелсная о чемъ-то неземномъ, куда-то смутныя стремленія“ составляютъ основной мотивъ (*leitmotiv*) нашей поэзіи; но въ послѣднее время эта тоска является характерною чертою времени. „Опустѣвшая душа“ ищетъ Бога тоскуетъ о Богѣ: она ищетъ вѣры и страстно жаждетъ ея, потому что въ ней только можетъ найти спасеніе. По всѣмъ признакамъ, въ душевномъ настроеніи и жизни человѣчества близится какой-

то переломъ, занимается заря новой жизни... Можетъ быть, мѣръ накаунѣ возрожденія вѣры, всецѣлаго обращенія ко Христу, безраздѣльной преданности Ему и сляпя съ Его жизнью

„Христось...

Гдѣ Ты, Христось, исполненный лучами

Безсмерной истины, любви и красоты?—

Приди!..“

*Христось рождается: славите! Христось съ небесъ: сря-
щите! Христось на земли: возноситея!*

*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли мѣръ, во чловѣцѣхъ
благоволеніе!*

Пр. А. М—ъ.

У Виолеемской пещеры.

Ночь, темная южная ночь, давно уже опустилась надъ Виолеемомъ, славнымъ городомъ Давидовымъ. Всѣ спятъ. Тихо въ городѣ, тихо и въ окрестностяхъ, окутанныхъ мракомъ. Только неяснымъ пятномъ выдѣляется въ темнотѣ ночи пригородная пастушеская пещера; изъ ея незакрытаго входа слабо льется свѣтъ. Тамъ нѣтъ мѣста сну...

Въ безвѣстной скалистой пещерѣ только-что совершилась *вслія благочестія тайна: Богъ явился во плоти*. Безболѣзненно Препоблагословенная Дѣва родила Сына-первенца, Сама повила Его и положила въ каменные ясли на душистое сѣно. Небесной красотой и радостію сіяетъ кроткій ликъ Дѣвы, съ любовію склонившейся надъ чуднымъ Младенцемъ. Тутъ же, опираясь на посохъ, стоитъ благолѣпный старецъ Іосифъ; съ трепетомъ и вѣрой смотритъ онъ на Лежащаго въ яслихъ, и мысли одна возвышеннѣе, святѣе другой проходятъ въ умѣ

старца. Простой, убогий свѣтильникъ озаряетъ внутренность и темные своды пещеры... Но нуженъ ли онъ?—Чудный, неземной свѣтъ окружаетъ ясли Младенца, изобильно изливаясь отъ всего существа Его и наполняя собою вертепъ!...

Дальше отъ Виолеема, въ низкой долинь, совсѣмъ утопнувшей въ ночной тьмѣ, также не спятъ одни бѣдные, смиренные люди: это—виолеемскіе пастухи, *стрегуще стражу* *нощную о стадѣ своемъ* (Лук. 2, 8). Сидя въ полумракѣ потухающаго костра, мирно бесѣдуютъ они и въ то же время чутко прислушиваются, чтѣ происходитъ въ ихъ стадѣ готовые тотчасъ же бѣжать на защиту его при перво йтревогѣ отъ приближенія ночныхъ хищниковъ.

О чемъ ихъ бесѣда?—О томъ, чѣмъ полна ихъ не сложная жизнь—о стадѣ своемъ. На стадѣ сосредоточены всѣ мысли, думы, попеченія и привязанности этихъ простыхъ душъ. Невольно вспоминаются имъ случаи, какъ удалось вырвать овцу у ночного хищника, отыскать другую, затерявшуюся. Заходитъ рѣчь о пастбищахъ: гдѣ лучше прокормить стадо, какъ удобнѣе уберечь отъ бурь и вѣтровъ, куда вести его на завтрашній день. А въ это время, словно чувствуя надъ собой надежную охрану, спокойно отдыхаетъ ихъ стадо, погруженное въ чуткую дрему; только немногія овцы переходятъ съ мѣста на мѣсто, лѣпиво пощипывая росистую зелень..

Слышатся и другія рѣчи въ кружкѣ пастуховъ, — рѣчи, полныя простой, смиренной вѣры въ Бога, преданности Ему. Бесѣдуютъ они о своемъ положеніи, о своей безрадостной долѣ... Да, бѣдна, неприглядна и трудна ихъ доля пастушеская! Однако—на то воля Божія: Самъ Господь назначилъ имъ въ жизни такой смиренный удѣлъ. Пусть унижены, отвержены они,—зато Богъ любитъ ихъ; Онъ—защитникъ всѣхъ смиренныхъ и бѣдныхъ. И не всегда же такъ будетъ: пошлетъ, наконецъ, Господь Избавителя на грѣшную, неправедную землю, Который принесетъ съ Собою правду, миръ и благоволеніе. Счастливое то будетъ время!.. И въ этомъ со-

миѣваться нельзя: они сами слышали въ синагогѣ отъ мудрыхъ равви, какъ тѣ читали и толковали пророковъ. А пророки давно-давно предсказали уже о желанномъ Христв—Спасителѣ: будетъ Онъ, вотъ такъ же, какъ они, *пастыремъ*,—но только великимъ и чуднымъ,—и станетъ, кротко, любовно пасти не стадо овецъ, а цѣлыя народы... Что, если бы Господь привелъ имъ увидѣть этого великаго Пастыря, послужить, поклониться Ему!...

Такъ проводили стражу ночную виолеемскіе пастухи, отгоняли мирной бесѣдой докучливый сонъ. Время тянется медленно, до разсвѣта еще далеко. Но... что это?—Внезапно озаряетъ ихъ чудный свѣтъ, ярче солнечнаго! Изумленіе сковало уста, на полусловъ прекратилась бесѣда. Съ испугомъ смотрять пастухи: предъ ними нисходитъ съ темнаго, глубокаго неба свѣтлый, подобный молніи, ангелъ!...

— „Не бойтись!—слышать они, приходя въ себя, слова небеснаго вѣстника:—я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христовъ Господь. И вотъ вамъ знакъ: вы найдете Младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ“ (Лук. 2, 10—12). Не успѣли еще смолкнуть послѣднія слова благовѣстія, какъ въ выси небесной явилось множество воинства небеснаго. *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во челоуцнцхъ благоволеніе!*—радостно пѣли вѣрные слуги Божіи (ст. 14).

Видѣніе скоро кончилось, ангелы скрылись отъ взоровъ пастуховъ, и опять окружала ихъ тьма. Но свѣтло было на душѣ у нихъ отъ чуднаго свѣточа вѣры, возженнаго небесною вѣстію. Пастухи спѣшатъ къ пещерѣ. Предъ ними—старецъ Іосифъ, Дѣва Марія и Младенецъ повитый, лежащій въ ясляхъ. Сомнѣнія нѣтъ: это и есть возвѣщенный ангеломъ и ожидаемый ими Христовъ Господь!... Радостно, въ простотѣ сердца, поклонились они первые Богомладенцу-Христу и передали Маріи съ Іосифомъ чудныя слова ангеловъ. Не было

границъ восторгу смиренныхъ пастуховъ, возвращавшихся къ стаду своему, славя и хваля Бога! Поистинѣ, не чудно ли исполнились воочію затаенныя, робкія надежды ихъ—увидѣть обѣтованнаго Спаса міра, кроткаго и великаго Пастыря! Теперь, когда они знаютъ, что Спаситель уже на землѣ, легче будетъ нести имъ свою смиренную, тяжелую долю. Новыя силы и бодрость почерпнули пастухи, поклонившись Христу, обрадованные, утѣшенные, съ любовію и безропотно покорились своей невеселой долѣ...

Много вѣковъ протекло съ той поры, но и по-днесъ въ эту единственную, святую и чудную ночь совершается также поклоненіе пастырей Богомладенцу-Христу,—совершается и у насъ, въ далекой отъ Виѳлеема, холодной по климату, но теплой по вѣрѣ, родной, православной Руси... Не тѣ это пастыри, иныя и овцы ихъ стада; но какъ много общаго у нихъ съ блаженными пастухами града Давидова! И цѣль смиренно, скромно положеніе въ мірѣ истинныхъ пастырей словеснаго стада; также жизнь ихъ проходитъ въ заботѣ о стадѣ своемъ: одна у нихъ цѣль, одно попеченіе—части словесныхъ овецъ, избирая здоровыл, тучныя нажити. Каждый истинный пастырь любитъ стадо свое, радуется его радостями и печалится его печальми. Та же и надежда непостыдная у современнаго пастыря, которая вдохновляла его смиренныхъ виѳлеемскихъ собратій,—надежда на Спаса міра, Христа. И вотъ, въ великую, чудную ночь, на исходѣ ея, спѣшитъ онъ со стадомъ своимъ поклониться Новорожденному,—спѣшитъ не къ пещерѣ, а въ храмъ, гдѣ ждетъ ихъ та же вѣчная радость и свѣтъ, которые наполняли Виѳлеемскій вертепъ. *Слава въ вышнихъ Богу!*... прославляютъ пастыри и словесныя овцы ихъ вмѣстѣ съ ангелами рождество Спасителя и приносятъ Ему поклоненіе... Великую, животворную силу и значеніе имѣетъ эта ночь для пастырей словеснаго стада, ободряя ихъ на новыя труды, укрѣпляя вѣру въ близкую, благодатную помощь великаго Пастыря—Господа! Съ обновленной душой,

славяще и хваляще Бога, опять могутъ они отдаться своему скромному и смиренному, но великому и святому въ очахъ Божіихъ, служенію.

Свящ. *А. Веселюкій.*

Условія плодотворнаго участія сельскаго приходскаго духовенства въ общественной жизни своей паствы.

Въ настоящее время въ періодической печати—духовной и свѣтской—продолжается обсуждаться вопросъ о возможномъ привлеченіи приходскаго духовенства къ участию въ общественной жизни русскаго народа. Поводомъ къ тому послужилъ, какъ извѣстно, Высочайшій манифестъ, въ которомъ Государю Императору было благоугодно выразить съ высоты Царскаго Престола пожеланіе объ усиленіи пастырскаго вліянія приходскаго духовенства на общественную жизнь сельскаго населенія. Съ того времени вопросъ объ условіяхъ плодотворнаго участія приходскаго духовенства въ общественной жизни народа, преимущественно сельскаго населенія, можно сказать, не сходитъ со столбцовъ періодической печати. Не мало уже высказано серьезныхъ соображеній по данному вопросу. Наибольшее вниманіе обращали и обращаютъ на расширеніе правъ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Это расширеніе правъ участія мірянъ въ дѣлахъ своего храма и прихода разсматривается; какъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ оживленію всей вообще церковно-приходской жизни. А это оживленіе церковно-приходской жизни должно благотѣльно отразиться, прежде всего, на пастырской дѣятельности приходскаго духовенства.

Какъ на средство къ оживленію у насъ церковно-приходской жизни, указывали, между прочимъ, на возстановленіе выборнаго начала въ духовенствѣ и вообще на возможно болѣе широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ всей приходской жизни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, разумѣется, въ томъ, что привлеченіе мірянъ къ участию въ дѣлахъ приходской жизни мо-

жетъ повести, прежде всего, къ общему оживленію этой послѣдней и затѣмъ, въ частности, къ оживленію пастырской дѣятельности приходскаго духовенства. Но это, по нашему мнѣнію, только одна сторона дѣла. Между тѣмъ, есть еще и другая сторона того же самаго дѣла. Если желаютъ усилить благотворное участіе приходскаго духовенства въ общественной жизни народа, то, параллельно съ расширеніемъ правъ участія прихожанъ въ дѣлахъ своего храма и прихода, необходимо расширить также и права приходскаго духовенства на участіе въ общественной жизни приходоѡ.

Никто не будетъ, вѣроятно, отрицать того, что въ настоящее время приходское духовенство не принимаетъ почти никакого участія въ общественной жизни народа. Еще не такъ давно приходское духовенство,—по крайней мѣрѣ, земскихъ губерній,—участвовало въ земскихъ собраніяхъ и въ лицѣ своихъ представителей могло оказывать такое или иное вліяніе на рѣшеніе земскихъ вопросовъ, касающихся церковно-приходской жизни и вообще жизни сельскаго населенія своихъ прихожанъ. Въ послѣднее время выборное начало замѣнено здѣсь другимъ началомъ—по назначенію духовнаго начальства. Теперь вездѣ, во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ только полагается представитель отъ духовенства, такіе представители назначаются высшимъ духовнымъ начальствомъ. Разумѣется, и это хорошо. Но прежніе порядки предоставляли духовенству больше правъ и болѣе возможности оказывать дѣятельное вліяніе на жизнь общества. Само это общество, имѣвшее дѣло непосредственно съ духовенствомъ, ближе знакомилось съ нимъ, съ его нуждами и желаніями, болѣе ощутительно нуждалось въ немъ и потому съ большимъ вниманіемъ прислушивалось къ голосу выборныхъ представителей духовенства, между тѣмъ какъ теперь официальные представители духовнаго вѣдомства болѣею частію и въ большинствѣ общественныхъ учрежденій ограничиваются молчаливымъ присутствіемъ при обсужденіи самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ цер-

ковно-приходской и общественно-церковной жизни; а если иногда такіе представители и поднимають голосъ въ защиту интересовъ церковно-приходской жизни, то на нихъ въ большинствѣ случаевъ обращаютъ мало вниманія. Вотъ почему теперь сплошь и рядомъ наблюдается такое явленіе, что въ возбужденіи, обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ церковно-общественной жизни и къ религіозно-нравственному состоянію нашего общества, духовенство приходское не принимаетъ почти никакого дѣятельнаго участія. Такъ это было съ Попечительствомъ о народной трезвости, такъ же происходитъ теперь съ благотворительными учрежденіями. Повидимому, кто бы, какъ не приходское духовенство, долженъ принимать самое дѣятельное участіе въ такомъ добромъ, истинно христіанскомъ, высокогуманномъ дѣлѣ, какъ отрезвленіе народа на почвѣ преимущественно духовнаго просвѣщенія его? А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, духовенство принимаетъ слишкомъ слабое и во всякомъ случаѣ, совершенно второстепенное участіе въ учрежденіяхъ Попечительства о народной трезвости. Даже высшее и главное руководство въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ представителямъ свѣтскаго общества, а духовенство имѣетъ отношеніе къ нему единственно только чрезъ своихъ депутатовъ. Правда, духовенству открыто, повидимому, право самаго широкаго и свободнаго дѣятельнаго участія въ качествѣ работниковъ по отрезвленію народа... Это вѣрно, но однакоже были уже примѣры жалобъ со стороны духовныхъ лицъ на то, что ихъ подъ разными предлогами отстраняли отъ дѣятельнаго участія въ учрежденіяхъ Попечительства о народной трезвости. Жалобы эти встрѣчались на страницахъ не только духовной, но даже и свѣтской періодической печати.—Съ другой стороны, кому бы, какъ не приходскому духовенству, принимать ближайшее участіе въ дѣлахъ благотворительности народной? Приходскій священникъ лучше всякаго другого общественнаго дѣятеля можетъ знать и матеріальное, и нравственное, и семейное положеніе своихъ прихожанъ. Поэтому, ему бы, ка-

залось, и необходимо было если не стоять во главѣ приходскихъ благотворительныхъ учреждений, то, по крайней мѣрѣ, принимать самое непосредственное и дѣятельное участіе въ нихъ, съ возможностью притомъ оказывать вліяніе на дѣятельность благотворительныхъ обществъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ далеко не то. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (правда, не въ селахъ, а въ городахъ) учреждены благотворительныя общества, которыя пользуются даже правомъ производить кружечные сборы въ свою пользу въ приходскихъ церквахъ. И въ то же самое время, приходскіе священники иногда совершенно не участвуютъ въ подобныхъ благотворительныхъ обществахъ, а бываетъ даже и такъ, что на ходатайство приходскаго священника въ пользу бѣдныхъ его прихода обращается мало вниманія.

Нормальны ли подобныя порядки?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ привести небольшую историческую справку, противъ которой, разумѣется, никто не станетъ возражать, тогда какъ противъ всякихъ теоретическихъ соображеній возражать всегда можно. Русскіе публицисты, обсеуждавшіе и обсеуждающіе, во главѣ съ извѣстнымъ г. Панковымъ, вопросъ о расширеніи права мірянъ на участіе въ дѣлахъ церковно-приходской жизни, имѣютъ обыкновеніе въ подтвержденіе своихъ словъ сослаться на примѣръ древне-русскаго прихода. Говорятъ, что въ древне-русскомъ приходѣ мірскіе члены его принимали самое широкое участіе въ жизни своей церковно-приходской общины. Они не только распорядились церковнымъ имуществомъ и деньгами, всѣмъ вообще церковнымъ хозяйствомъ, но имѣли право ходатайства предъ высшею властію о всѣхъ нуждахъ своего храма и прихода, участвовали въ устройствѣ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений и слѣдили за ихъ дѣятельностію, паблюдали за религіозно-нравственнымъ состояніемъ своихъ сочленовъ и иногда даже судили провинившихся въ чемъ-либо членовъ своей общины. Само собою разумѣется, говорятъ, при такихъ условіяхъ жизнь въ цер-

ковно-приходской общинѣ била ключомъ. — Все это—совершенно вѣрно. Но прискорбно то, что въ приведенной исторической справкѣ замалчивается,—или, по крайней мѣрѣ, ступшевывается—одно весьма важное обстоятельство.

Дѣло въ томъ, что въ древне-русскомъ приходѣ духовенству приходскому всегда предоставлялось во всѣхъ дѣлахъ общины если не преобладающее, то, во всякомъ случаѣ, руководящее значеніе. Всегда и вездѣ, когда и гдѣ только собиралась приходская община, являлось и приходское духовенство и принимало самое живое и непосредственное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи церковно-приходскихъ вопросовъ.

Въ нѣкоторыхъ же отрасляхъ церковно-приходской жизни и дѣятельности приходское духовенство, даже въ лицѣ своихъ низшихъ членовъ, принимало исключительное, безусловно преобладающее участіе: такъ, напр., древне-русскіе дьячки были, такъ сказать, профессиональными учителями въ приходскихъ школахъ и составителями всѣхъ челобитныхъ, подававшихся приходскою общиною высшему правительству по поводу различныхъ своихъ нуждъ.

Такое—несомнѣнно, плодотворное и благодѣтельное—вліяніе древне-русскаго приходскаго духовенства на церковно-общественную жизнь своей паствы отнюдь нельзя объяснять исключительно правомъ широкаго участія тоговременнаго общества въ дѣлахъ храма и прихода, какъ это склонны думать и утверждать нѣкоторые наши публицисты. Нельзя объяснять этого и тѣмъ, что, будто бы, древне-русское духовенство имѣло гораздо бѣльшее нравственное вліяніе и воздѣйствіе на паству, чѣмъ нынѣшнее наше приходское духовенство. При всемъ глубокомъ уваженіи къ историческимъ заслугамъ древне-русскаго духовенства, мы, однакоже, должны сознаться, что оно, безъ сомнѣнія, уступало нынѣшнему нашему духовенству и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

Но чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, объяснить тотъ фактъ, что древне-русское духовенство оказывало гораздо бѣльшее

вліяніе и воздѣйствіе на жизнь общества, нежели духовенство современное?—Намъ кажется, что это въ значительной степени зависѣло именно оттого, что древне-русское приходское духовенство имѣло гораздо больше чисто юридическихъ правъ на участіе въ общественной жизни приходской общины. Всѣ члены древне-русскаго приходскаго духовенства были вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительными членами приходской общины. Правда, что такое юридическое положеніе древне-русскаго приходскаго духовенства не во всемъ было выгодно собственно для него, такъ какъ необходимымъ слѣдствіемъ его было, между прочимъ, то, что приходское духовенство должно было платить и отбывать натурою нѣкоторыя земскія повинности. Но зато въ другомъ отношеніи,—какъ, напр., въ дѣлѣ вліянія и воздѣйствія на общественную жизнь древне-русской приходской общины,—„тяглое“ положеніе духовенства было весьма благопріятно и полезно. Приходская община на своего священника смотрѣла, какъ на дѣйствительнаго своего члена. Поэтому, она не только не устраняла его, но, наоборотъ, всячески старалась привлекать къ участію во всѣхъ дѣлахъ. Собирались ли, наприм., „мірской сходъ“ для обсужденія общественныхъ дѣлъ прихода,—священникъ являлся необходимымъ и непремѣннымъ членомъ его. Составлялся ли общественный приговоръ по какому-либо важному дѣлу, — члены приходскаго причта принимали дѣятельное участіе въ его обсужденіи и даже большею частью переписывали его и подписывали за другихъ членовъ общины. Понятно, что, при такомъ порядкѣ, древне-русское приходское духовенство всегда не только прекрасно знало всѣ нужды и всѣ выдающіяся событія въ общественной хроникѣ своей приходской общины, но и оказывало сильнѣйшее вліяніе на весь ходъ церковно-общественной жизни.

Замѣчательно, что и въ настоящее время въ сосѣдней съ нами Русской Галиціи русское (уніатское) духовенство принимаетъ гораздо большее участіе и оказываетъ несравненно болѣе сильное вліяніе на общественную жизнь своей паствы, чѣмъ наше православное духовенство. По нашимъ личнымъ

наблюденіямъ, это зависитъ именно оттого, что русское духовенство въ Галиціи пользуется юридическими правами, обеспечивающими ему дѣятельное участіе въ общественной жизни его паствы...

На основаніи всего сказаннаго выше, мы полагаемъ, что, если бы пожелали дѣйствительно усилить плодотворное участіе приходскаго духовенства въ жизни нашего народа, то для этого необходимо, параллельно съ расширеніемъ правъ мірянъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ, предоставить и приходскому духовенству юридическое право участія въ общественной жизни прихожанъ. Особенно желательно это видѣть въ нашихъ сельскихъ приходахъ.

Свищ. *Ө. Титовъ.*

Къ статьѣ: „О всесословной волости и возрожденіи прихода“.

Въ № 38-мъ журнала говорилось, что газеты напрасно успокаиваютъ духовенство, заявляя, будто введеніе положеній о возрожденномъ приходѣ не клонится къ уменьшенію авторитета священника (стр. 62). Въ С.-Петербургскомъ губернскомъ земствѣ проектъ всесословной волости, или мелкой земской единицы, о которомъ такъ много писалось, наконецъ, разработанъ (см. „С.-Петербургскій земскій Вѣстникъ“, Сент., стр. 36). Сущность его заключается въ слѣдующемъ.

А. Территорія мелкой земской единицы приравнивается по размѣрамъ своимъ къ нынѣшнимъ волостямъ, а не къ площади православнаго прихода, такъ какъ, во-1-хъ, населеніе С.-Петербургской губерніи въ значительномъ числѣ иновѣрческое; во-2-хъ, православныя церкви расположены нерѣдко въ мѣстахъ, не имѣющихъ экономическаго значенія; въ-3-хъ, границы приходовъ не совпадаютъ не только съ границами волостей и уѣздовъ, а даже губерній, и, наконецъ,

въ-4-хъ, приходы такъ малы, что экономически совершенно безсильны.

Б. Въ составъ мелкой земской единицы, называемой, въ отличіе отъ уѣзднаго, *волостнымъ земствомъ*, входятъ всѣ сельскія общины и землевладѣльцы, а также вообще всѣ живущіе на территоріи не менѣе двухъ лѣтъ и платящіе земскій волостной сборъ. Привлеченіе въ волостное земство къ участию въ дѣлахъ его лицъ интеллигентныхъ, но не имѣющихъ земельной собственности, напр.: врачей, фельдшеровъ, учителей (о священникахъ нѣтъ и помина въ проектѣ), является крайне желательнымъ, но для этого требуется, чтобы означенныя лица прожили на территоріи *волостного земства* опредѣленный срокъ, а затѣмъ—несли бы какіе-либо труды на пользу земства. Впрочемъ, избирательными правами пользуются только плательщики волостного сбора.

В. Волостное земство управляется головою, избираемымъ на *три* года изъ среды представителей отъ плательщиковъ волостного сбора.

Г. Вѣдѣнію волостного земства предоставляются всѣ тѣ хозяйственныя дѣла, которыя нынѣ составляютъ компетенцію волостного схода, и установленіе продѣльнаго процента волостного земскаго сбора къ уѣздному.

Вотъ въ общихъ чертахъ вся сущность проекта, изъ котораго видно, что наши приходы и особенно попечительства, на которыя столько возлагалось надеждъ и упованій, въ виду ихъ экономического безсилія, оставлены въ сторонѣ, а духовенство въ новомъ земствѣ не имѣетъ никакого значенія, и ему нѣтъ мѣста въ собраніяхъ земства. Власть,—гораздо бѣльшая, чѣмъ въ настоящее время,—будетъ дана старшинѣ, который и явится единственнымъ управителемъ дѣлъ волости, тогда какъ теперь его ограничиваетъ волостной сходъ, въ составѣ котораго нерѣдко попадаютъ люди, трезво смотрящіе на вещи и не допускающіе старшину до самоуправства и самодурства. Такимъ образомъ. въ новомъ земствѣ возвышается власть

старшины, т. е. того же мужика, который, подъ руководствомъ „просвѣщенной интеллигенціи“, и будетъ стараться унизить авторитетъ священника.

Свящ. *М. Чижевскій.*

Изъ жизни сельскаго священника.

Всякій служащій имѣеть опредѣленные часы занятій, за исключеніемъ врачей, акушерокъ и священниковъ. Священникъ благовременно и безвременно долженъ быть готовъ на зовъ.—Глухая осень. Ночь, на дворѣ—выюга, не видно ни зги. Стукъ въ окно.—„Батюшка дома“?—„Дома; ну, что?“—„Пріѣхалъ за тобой изъ М. (село отстоитъ въ 20 верстахъ); отецъ недужится, сильно хвораетъ, поскорѣе бы“.—„Да нельзя ли до утра отложить?“—„Нѣтъ, сильно его схватило, може до утра и не доживетъ“. Надо ѣхать, „иди—куда зовутъ“. Ёду. Конь—заморышъ едва двигается, телѣга тряская, дорога отвратительная: кочки, выбоины, пши, ухабы, темно, холодный вѣтеръ съ снѣгомъ пронизываетъ тебя насквозь. Къ свѣту пріѣхали, слава Богу; съ трудомъ вылѣзаешь изъ телѣги, ноги отерпли, знобитъ. Входишь въ избу; у самаго порога—лохань съ разными отбросами и помоями издаетъ ужасно отвратительный запахъ; въ закуткѣ мычитъ теленокъ, кудахтаютъ куры; на полу раскинувшись спятъ дѣти; по лавкамъ и стульямъ разбросано разное дѣтское и взрослыхъ грязное бѣлье и рванье, висятъ шубы и шапки въ передней; вся грязная обстановка производитъ удручающее впечатлѣніе; вонь, нечистый, спертый воздухъ бьетъ по носу, вентиляціи никакой, тошнитъ. Попросишь поскорѣе открыть печную трубу или отворить дверь. Въ переднемъ углу, на скамьѣ, лежитъ больной и стонетъ; на столѣ ползаетъ масса таракановъ. Затеплили у иконы свѣчку. Хозяйка начинаетъ рассказывать про болѣзнь мужа.—„Вотъ, батюшка, хозяйинъ-то мой захворалъ недѣли съ двѣ, животъ болитъ,—видно, сорвалъ пупъ; ставили и горшокъ на пупъ,—нѣтъ легче, стало приступать къ сердцу; давали пить настойку на *сердечной травѣ*, — не

помогаетъ. Боюсь, какъ бы не захватило и не умеръ безъ причастья; надо бы поставить бапки, да некому. Опомедни ходилъ коноваль съ банками и ставилъ нѣкоторымъ; мужъ-то мой тогда былъ здоровъ“. Посовѣтуешь обратиться къ врачу и скажешь, что напрасно ставили горшокъ, а крови не пужно пускать, хуже будетъ.—Больной исповѣданъ и приобщенъ. Слава Богу! А то бываетъ такъ: привезутъ къ больному, а больной лежитъ безъ сознанія, мечется, приходятъ послѣднія минуты жизни. Что дѣлать? Какъ быть?—Домашніе просятъ дать больному „глухую исповѣдь“; скажешь: этого нельзя; вмѣсто „глухой исповѣди“ читаешь отходную,—и на глазахъ умираетъ больной.—Пріѣдешь домой весь разбитый отъ тряской телѣги и ухабистой, скверной дороги. И вспомнишь невольно стихи Некрасова:

Дороги наши трудныя,
 Приходъ у насъ большой.
 Болящій, умирающій,
 Раждающійся въ міръ
 Не избираютъ времени:
 Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
 Въ глухую ночь осеннюю,
 Зимой, въ морозы лютые
 И въ половодье вешнее,
 Иди—куда зовутъ!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одни,
 Нѣтъ! всякій разъ намается,
 Переболить душа (Ирк. еп. в., 1903 г., № 22).

За редактора помощникъ редактора Г. О. Булишевъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 декабря 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.